РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
261

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИА РАН

МОСКВА 2020

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 261. 2020

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская, д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович, к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции), чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина, д-р. Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.261

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2020
© Авторы статей, 2020

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЗНАКИ И ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ КАМЕННОГО ВЕКА»

Хлопачев Г. А. Геометрические изображения верхнего палеолита Восточной Европы: хронологические и региональные особенности 7
Дудин А. Е., Ахметгалеева Н. Б. Знаки и геометрические изображения на предметах обработанной кости из третьего жилого объекта стоянки Костенки 11, Ia слой: контекст, техника и стилистика 18
Лозовская О. В. Мотив зигзага в костяном инвентаре стоянки Замостье 2 (поздний мезолит – ранний неолит): техники и контекст 33
Понкратова И. Ю., Губар Ю. С., Волков П. В., Лбова Л. В. Окрашенные артефакты стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) 50
Свойский Ю. М., Романенко Е. В., Григорьев Н. Н., Леванова Е. С. Опыт документирования пещеры Шульган-Таш (Каповой) и окружающего ландшафта современными методами 67
Миклашевич Е. А. О сходстве древнейших наскальных изображений Южной Сибири и Центральной Азии и проблеме их атрибуции 82
Леванова Е. С., Романенко Е. В., Свойский Ю. М., Конакова Е. С. Пополнение и уточнение бестиария памятников Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства 99
Пахунов А. С. Использование данных социальных сетей для мониторинга памятника наскального искусства Сикачи-Алян (Хабаровский край, Россия) 109

ОТ КАМНЯ К БРОНЗЕ

Тумской В. Е., Куренкова Е. И., Хлопачев Г. А., Таратунина Н. А., Викулова Н. О., Курбанов Р. Н. Возраст рыхлых отложений на стоянке Елисеевичи 1 по результатам их датирования методом оптико-стимулированной люминесценции 121
Кореневский С. Н., Юдин А. И. Предметы вооружения из металла, камня и кости поселения Чекон 133
Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В., Шевченко А. А. О керамическом сосуде редкой формы эпохи поздней бронзы на Среднем Дону 151

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И АНТИЧНОСТЬ

Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В. Мужские погребения предскифского времени с керамическими наборами на могильнике Заюково-3 166
Маслов В. Е., Андреева М. В., Гей А. Н. Курган келермесского времени могильника Дыш IV (Республика Адыгея) 182

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Румянцева О. С., Трифонов А. А., Ханин Д. А., Червяковская М. В. Шлифованный кубок изумрудно-зеленого стекла с черняховского поселения Комаров на Среднем Днестре: химический состав, характер сырья и вопросы происхождения 203
Кренке Н. А., Ганичев К. А., Чаукин С. Н. Рельеф Дьякова городища по данным старинных и современных планов и фотографий. 221

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ И СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Федорина А. Н., Морозов А. С., Угулава Н. Д. Находки предметов I тыс. н. э. на селище Суворотское 8: состав коллекции и исторический контекст 231
Яганов А. В., Рузаева Е. И., Энговатова А. В. К характеристике ярославской плинфы начала XIII в. и строительства из нее (предварительные наблюдения) 252
Смирнов А. Н., Коваль В. Ю., Глазунова О. Н., Панченко К. И. Красные печные изразцы из раскопок в Большом сквере Московского Кремля 269
Курмановский В. С. Редкие надгробные плиты из некрополя Чудова монастыря 282
Рузаева Е. И., Энговатова А. В., Яганов А. В. Белокаменная резьба в декоре фасадов храмов Ярославля начала XIII в. (наблюдения и предварительные выводы). . . . 294
Вяземский А. В., Малыгин П. Д. К вопросу о ювелирном деле Торжка в период XII – нач. XIII в. 305
Кызласов И. Л. Особенности археологического изучения южносибирского Средневековья . . . 313

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ

Волкова Е. В. К методике выделения посуды одного мастера 328
Цетлин Ю. Б. Относительная периодизация погребений и керамики могильника Отвержичи зарубинецкой культуры 343
Суханов Е. В., Свиридов А. Н., Язиков С. В. Лепная керамика могильника римского времени Фронтовое 3 (о технологии изготовления) 366

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Спасская Н. Н., Канторович А. Р., Маслов В. Е. Что нам известно о скифских лошадях Северного Причерноморья: обзор опубликованных археозоологических данных. 379
Яворская Л. В., Недашковский Л. Ф. Археозоологические материалы Багаевского селища. . . 393
Успенский П. С., Антипина Е. Е., Албегова (*Царикаева*) *З. Х.* Находки рогов серн в раннесредневековых катакомбах Даргавского могильника в Северной Осетии (раскопки 2019 года) 403

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО АРХИВА ИА РАН

Кудрявцев А. А., Володин С. А., Кочкаров У. Ю., Селезнева С. В. Обзор личного фонда А. Л. Монгайта в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН 413

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ. 426
ОТ РЕДАКЦИИ. 428

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

CONTENTS

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE
«SIGNS AND IMAGES IN THE STONE AGE ART»
(MOSCOW, 2019, NOVEMBER, 27–29)

Khlopachev G. A. Geometric Images in the Art of the Upper Paleolithic of Eastern Europe: Chronological and Regional Features 7
Dudin A. E., Akhmetgaleyeva N. B. Signs and Geometric Images on Worked Bone Items from the Third Dwelling Object at Kostenki 11, Layer 1A: Context, Technique, Stylistics. . . . 18
Lozovskaya O. V. Zigzag Motif on the Bone Artifacts at Zamostje 2 (Late Mesolithic – Early Neolithic): Techniques and Context 33
Ponkratova I.Yu., Gubar Yu. S., Volkov P. V., Lbova L.V. Painted Artifacts from Ushki V (Kamchatka Peninsula) 50
Svoyskiy Yu. M., Romanenko E. V., Grigoryev N. N., Levanova E. S. Experience in Documenting Shul'gan-Tash (Kapova) Cave and the Surrounding Landscape with Modern Methods 67
Miklashevich E. A. Similarity of the Earliest Rock Art in South Siberia and Central Asia and the Issue of Their Attribution 82
Levanova E. S., Romanenko E. V., Svoyskiy Yu. M., Konakova E. S. The Enlargement and Clarification of the Bestiary of the Amur-Ussuri Province of Rock Art. 99
Pakhunov A. S. Use of Social Network Data for Monitoring the Rock Art Site of Sikachi-Alyan (Khabarovsk Region, Russia) 109

FROM STONE TO BRONZE

Tumskoy V. E., Kurenkova E. I., Khlopachev G. A., Taratunina N. A., Vikulova N. O., Kurbanov R. N. The Age of Loose Sediments at the Eliseyevichi 1 Site Based on Dating by the Optically Stimulated Luminescence Method 121
Korenevskiy S. N., Yudin A. I. Weapons Made from Metal, Stone and Bone from the Chekon Settlement 133
Lunkov V. Yu., Lunkova Yu. V., Shevchenko A. A. A Ceramic Vessel of a Rare Shape from the Late Bronze Age in the Middle Don Region 151

IRON AGE AND CLASSICAL ANTIQUITY

Kadieva A. A., Valchak S. B., Demidenko S. V. Pre-Scythian Male Graves with Ceramic Sets at the Zayukovo-3 Cemetery 166
Maslov V. E., Andreeva M. V., Gey A. N. A Kurgan of the Kelermes Period at the Dysh IV Cemetery (Republic of Adygea) 182
Rumyantseva O. S., Trifonov A. A., Khanin D. A., Chervyakovskaya M. V. An Exceptional Cut Beaker of Emerald-green Glass from the Chernyakhov Culture Settlement of Komarov on the Middle Dniester: Glass Composition, Raw Materials and Origin 203

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Krenke N. A., Ganichev K. A., Chaukin S. N. The D'yakovo Hillfort Relief Based on the Data from Old and Modern Plans and Photographs 221

MEDIEVAL AND SLAVIC-RUSSIAN ANTIQUITIES

Fedorina A. N., Morozov A. S., Ugulava N. D. Finds of the Items Dating to I mill. AD at the Suvorotskoye 8 Settlement: the Collection Structure and the Historical Context. 231
Yaganov A. V., Ruzayeva E. I., Engovatova A. V. Characteristics of the Yaroslavl Plinth of the 13th Century and Plinth-based Construction: Preliminary Observations 252
Smirnov A. N., Koval V. Yu., Glazunova O. N., Panchenko K. I. Red-clay Stove Tiles from the Excavations in the Bolshoy Garden Square of the Moscow Kremlin 269
Kurmanovskiy V. S. Rare Tombstones from the Chudov Monastery Necropolis 282
Ruzayeva E. I., Engovatova A. V., Yaganov A. V. White-stone Carving in the Façade Decoration of the Yaroslavl Churches in the Early 13th Century: Observations and Preliminary Conclusions. 294
Vyazemskiy A. V., Malygin P. D. The Issue of Torzhok Jewelry Making in the 12th – Early 13th Centuries Revisited 305
Kyzlasov I. L. The Middle Ages in Southern Siberia: Distinctive Features of Archaeological Studies 313

RESEARCH OF CERAMIC PRODUCTION

Volkova E. V. The Methodology for Singling out Vessels Made by One Craftsman 328
Tsetlin Yu. B. Relative Periodization of the Burials and Ceramics at the Otverzhichi Cemetery of the Zarubintsy Culture 343
Sukhanov E. V., Sviridov A. N., Yazikov S. V. Hand-made Ceramics from the Frontovoye 3 Cemetery of the Roman Period: Production Technology. 366

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

Spasskaya N. N., Kantorovich A. R., Maslov V. E. What Do We Know about Scythian Horses of the North Pontic Region: Overview of Published Archaeozoological Data 379
Yavorskaya L. V., Nedashkovskiy L. F. Archaeozoological Remains from the Bagaevka Settlement 393
Uspenskiy P. S., Antipina E. E., Albegova (Tsarikaeva) Z. Kh. Finds of Chamois Horns in the Early Medieval Catacombs in the Dargavs Cemetery, North Ossetia (2019 Excavatonns). 403

MATERIALS FROM THE SCIENTIFIC ARCHIVE
OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS

Kudryavtsev A. A., Volodin S. A., Kochkarov U. Yu., Selezneva S. V. Overview of A. L. Mongayt's Papers in the Scientific Archives of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences 413

ABBREVIATIONS. 426
SUBMISION GUIDE 428

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Г. А. Хлопачев

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ[1]

Резюме. Исследуются абстрактные, геометрические изображения знакового искусства малых форм Восточной Европы. Данный вид изобразительной деятельности появляется в раннюю пору верхнего палеолита, одновременно с фигуративным искусством. На Русской равнине развитие знакового искусства прослеживается на протяжении всей верхнепалеолитической эпохи. Оно широко распространилось в период средней (25–21 тыс. л. н.) и поздней (20–12 тыс. л. н.) поры верхнего палеолита. Геометрическое искусство существовало бок о бок с традицией реалистичных изображений в граветтийское время и полностью вытесняет ее после максимума валдайского оледенения. В статье систематизируются данные об этом виде искусства в центре Русской равнины, рассматриваются его региональные и хронологические особенности. Исходя из данных технико-морфологического анализа, предложено два критерия для различения геометрического искусства малых форм граветтийского и эпиграветтийского времени. Для эпиграветтийских памятников характерны отсутствие реалистических элементов и нанесение изображения на всю поверхность сложной геометрической формы, с обязательной предварительной ее разметкой и использованием одной или нескольких базовых линий. Для граветтийских – наличие фигуративных элементов и нанесение орнаментальных элементов на поделки со сложным объемом в разное, не соответствующее одному технологическому циклу, время или без предварительной общей разметки.

Ключевые слова: верхний палеолит, Восточная Европа, геометрические изображения, искусство малых форм, граветт, эпиграветт.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40043 Древности «Геометрические изображения в искусстве верхнего палеолита и мезолита Восточной Европы: приемы построения, техники исполнения, хронологические и региональные особенности».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.7-17

Одним из сюжетов палеолитического искусства являются геометрические, абстрактные изображения, не поддающиеся прямой расшифровке, за которыми в научной литературе закрепился термин «знаки». Данный вид изобразительной деятельности появляется уже в раннюю пору верхнего палеолита, одновременно с фигуративным искусством, главные сюжеты которого – животные и человек, переданные узнаваемо, как правило, очень натуралистично. Знаковое геометрическое искусство существовало бок о бок с фигуративным и, подобно ему, было представлено наскальными изображениями и предметами малых форм. При этом находки последнего имеют более широкую географию распространения и характеризуются большим разнообразием геометрических, орнаментальных изображений. Ярким подтверждением тому служат материалы из раскопок верхнепалеолитических памятников Восточной Европы. На Русской равнине развитие знакового искусства может быть прослежено на протяжении всей верхнепалеолитической эпохи. Самые древние предметы с нанесенными на них геометрическими изображениями в этом регионе найдены на стоянках ранней поры верхнего палеолита (40–26 тыс. л. н.), имеющих ориньякскую и городцовскую культурную атрибуцию. В период средней поры верхнего палеолита (25–21 тыс. л. н.) на восточно-граветтийских стоянках геометрические изображения усложняются, возрастает количество случаев нанесения их на самые разные предметы. В граветтийское время знаковое искусство сосуществует с традицией создания реалистичных женских статуэток и фигурок животных (*Хлопачев*, 2019). Изучение орнаментальных изображений на костяных изделиях костенковско-авдеевской культуры на Русской равнине показало, что они способны выступать в роли очень тонких культурных маркеров (*Гвоздовер*, 1985). В период поздней поры верхнего палеолита (20–12 тыс. л. н.), на стоянках Русской равнины, напротив, отмечается почти полное исчезновение фигуративного искусства, в то время как знаковое, орнаментальное искусство сохраняется и получает дальнейшее развитие. На памятниках Подесенья мадленского времени широкое распространение получает традиция нанесения на предметы геометрического, сложного зонального орнамента в виде ромбов, сот, шевронов, зигзагов и др. (*Шовкопляс*, 1965. С. 299, 300; *Величко и др.*, 1977. С. 106, 107; 1997. С. 137, 146, 149; *Абрамова, Григорьева*, 1997. С. 115–128, 137; *Бибиков*, 2008; *Яковлева*, 2013. С. 63–74; *Хлопачев*, 2016. С. 62–65). Это стало одним из основных аргументов для их выделения в отдельную локально-территориальную группу (*Грехова*, 1969. С. 93; *Абрамова, Григорьева*, 1997. С. 128).

Однако в целом наши знания о геометрических изображениях в искусстве малых форм верхнего палеолита Восточной Европы все еще остаются недостаточными (см.: *Яблан*, 2006). И если искусство малых форм Восточной Европы, выраженное в скульптуре и гравюре, благодаря серии фундаментальных работ З. А. Абрамовой (*Абрамова*, 1962; 2005; 2010) было в значительной степени выведено из «…тени великолепных красочных росписей и полных жизненных сил гравюр монументального искусства Франции и Испании» (*Абрамова*, 2005. С. 5), то геометрическое искусство малых форм до настоящего времени продолжает оставаться на втором плане проводимых исследований.

Современные представления о знаковом искусстве палеолита сформировались в ходе изучения наскального искусства франко-кантабрийского региона

в Западной Европе (*Breuil*, 1952; *Laming-Emperaire*, 1962; *Leroi-Gourhan*, 1965; 2009; *Marshack*, 1972; *Sauvet G., Sauvet S.*, 1979; и др.). Внимание исследователей традиционно концентрировалось на знаковых изображениях именно этого региона, предлагались различные варианты их объяснения и дешифровки.

В наскальном палеолитическом искусстве выявлен целый ряд знаков – «клавиформы» (тип Нио-Пиндаль), «скобка» (Плакар-Куньяк, Пешь-Мерль), «лестница» (Альтамира, Кастильо), «крышеобразные» (Фон-де-Гом, Бернифаль, Руфиньяк), «круг» (Игнатьевская) и др.

Во времена А. Брёйля знаки, открытые в наскальном искусстве Франции, интерпретировали как изображения реальных вещей – оружия, жилищ, ловушек для зверей и т. п. (*Breuil*, 1952). В рамках структуралистского подхода М. Рафаэля, А. Леруа-Гурана, А. Лямин-Эмперэр знаки рассматривались с точки зрения символического, объясняющего значения (*Laming-Emperaire*, 1962; *Leroi-Gourhan*, 1965; 2009). Леруа-Гуран видел в них сексуальную символику и делил на «мужские» и «женские» (*Leroi-Gourhan*, 1965; 2009). Позднее Ж. Клот и Д. Л. Уильямс предложили объяснение существования знаков как результата шаманских практик (*Clottes, Lewis-Williams*, 1996).

На стенах пещер знаки, как и изображения животных, часто образуют самостоятельные группы и локализуются в определенных местах. Такая ситуация, например, зафиксирована в пещере Куньяк на юге Франции, в целом ряде пещер Испании (Пасьега, Пиндаль и др.), в Каповой пещере на Урале в России. В ряде случаев геометрические знаки наносились на скальную поверхность с натуралистичными изображениями и, вероятно, могут рассматриваться как часть единой информационной композиции. Существование подобной связи допускалось, например, между изображением травоядных животных и знаками в виде квадратов, разделенных на части и раскрашенных в разные цвета в наскальной живописи Ляско (*Aujoulat*, 2004. P. 174–176). В Каповой пещере некоторые изображения животных сопровождают знаки, напоминающие трапеции, у которых более длинная верхняя горизонтальная линия имеет по бокам небольшие выступы («ушки»), а внутренняя поверхность расчленена вертикальными линиями (*Бозинский*, 1999. С. 148).

На культурно-хронологическое значение знаков в наскальном искусстве палеолита первым обратил внимание известный немецкий исследователь палеолита Г. Бозинский. Он установил, что ряд знаков четко локализуются в определенных географических регионах. Эта географическая особенность была использована им в качестве контраргумента против трактовки знаков как в качестве изображения конкретных вещей, так и результата отражения различных стадий транса у шамана. С точки зрения Бозинского, ансамбли изображений животных от Пиренеев до Урала сравнимы между собой, знаки же – различаются, что позволяет выделять локальные региональные группы (Там же. С. 147).

В настоящее время на территории Восточной Европы число найденных предметов с геометрическими изображениями превышает количество открытых знаков в наскальном искусстве. Абстрактные графические изображения обнаружены на многих разновременных стоянках открытого типа, а сами они многообразны, притом что представляют «ограниченный набор семантически родственных мотивов, которые наносились периодически, повторно на один

и тот же предмет» (*Marshack*, 1979). Знаки и орнаменты геометрического характера обнаружены как на бивнях мамонта, костях этого и иных животных, так и на законченных изделиях – предметах искусства, оружии, поделках бытового и утилитарного назначения. Для их нанесения, как правило, применялись разные техники: резания, процарапывание, пиление (*Хлопачев*, 2016. С. 234, 235, 246, 247, 253, 291), вдавливания лезвия каменного орудия в размягченную наружную поверхность кости (рис. 1: *1а, б*), но известны случаи, когда это делалось с помощью красок (*Шовкопляс*, 1965. С. 243–245).

Все вышесказанное с очевидностью указывает на то, что геометрические изображения наравне с реалистичными фигурами могут быть использованы для выявления региональных и хронологических особенностей палеолитического искусства малых форм Восточной Европы. Уже самый общий технико-морфологический анализ геометрического искусства центра Русской равнины позволяет выявить некоторые из них.

Представляется возможным наметить два существенных отличия изображений геометрического характера граветтийского и постграветтийского времени на территории Восточной Европы.

Во-первых, в знаковом искусстве граветтийского времени, в отличии от более позднего – эпиграветтийского, можно встретить отдельный сюжет или целую композицию, представленную на одном художественном полотне, где органично сочетаются геометрические и фигуративные элементы. Наиболее показательными композициями, демонстрирующими подобное сплетение абстрактного и реалистичного, являются гравировки на бивне с Кирилловской стоянки (территория г. Киев, Украина) (*Яковлева*, 2013. С. 242, 243), получившей в настоящее время достаточно убедительную позднеграветтийскую атрибуцию (*Шидловський, Прядко*, 2011. С. 72), на бивне с эпиориньякской стоянки Оболонь (Черниговская область, Украина) (*Ступак, Хлопачев и др.*, 2015; *Хлопачев*, 2016. С. 57). Яркий пример внедрения таких отдельных реалистичных элементов в сложные зональные геометрические изображения орнаментального характера представлены на недавно найденной бивневой поделке со стоянки Дорошивцы III, слой 6 (22 300 ± 100 BP; GrA) (Восточное Прикарпатье, Украина) (рис. 2: *1б*), культурная принадлежность которой определяется как «вариант позднего граветта с наконечниками с боковой выемкой, отличный от граветта костенковско-виллендорфско-павловского единства» (*Кулаковская и др.*, 2018). Поделка выполнена из дистального кончика бивня мамонта почти полностью покрыта геометризованными изображениями в виде фигур, которые условно названы «лабиринтами». Всего сохранилось 16 подобных изображений-«лабиринтов». Каждый из «лабиринтов» представляет собой прямоугольник или высокую трапецию (рис. 2: *1а*), внутрь которых вписаны несколько, иногда соединенных одной линией, иногда последовательно вписанных друг в друга, изображений из скобкообразных фигур с выступом в средней части, прямоугольников, простых двойных, одинарных или двойных с угловым выступом «скобок», продольной линии с насечками по одной стороне, ритмических коротких параллельных нарезок и знаков, напоминающих простейший меандр (рис. 2: *1а, в*). В пяти случаях при создании подобного изображения использовался знак в виде стилизованного изображения головы оленя с двумя выступами сверху, которые,

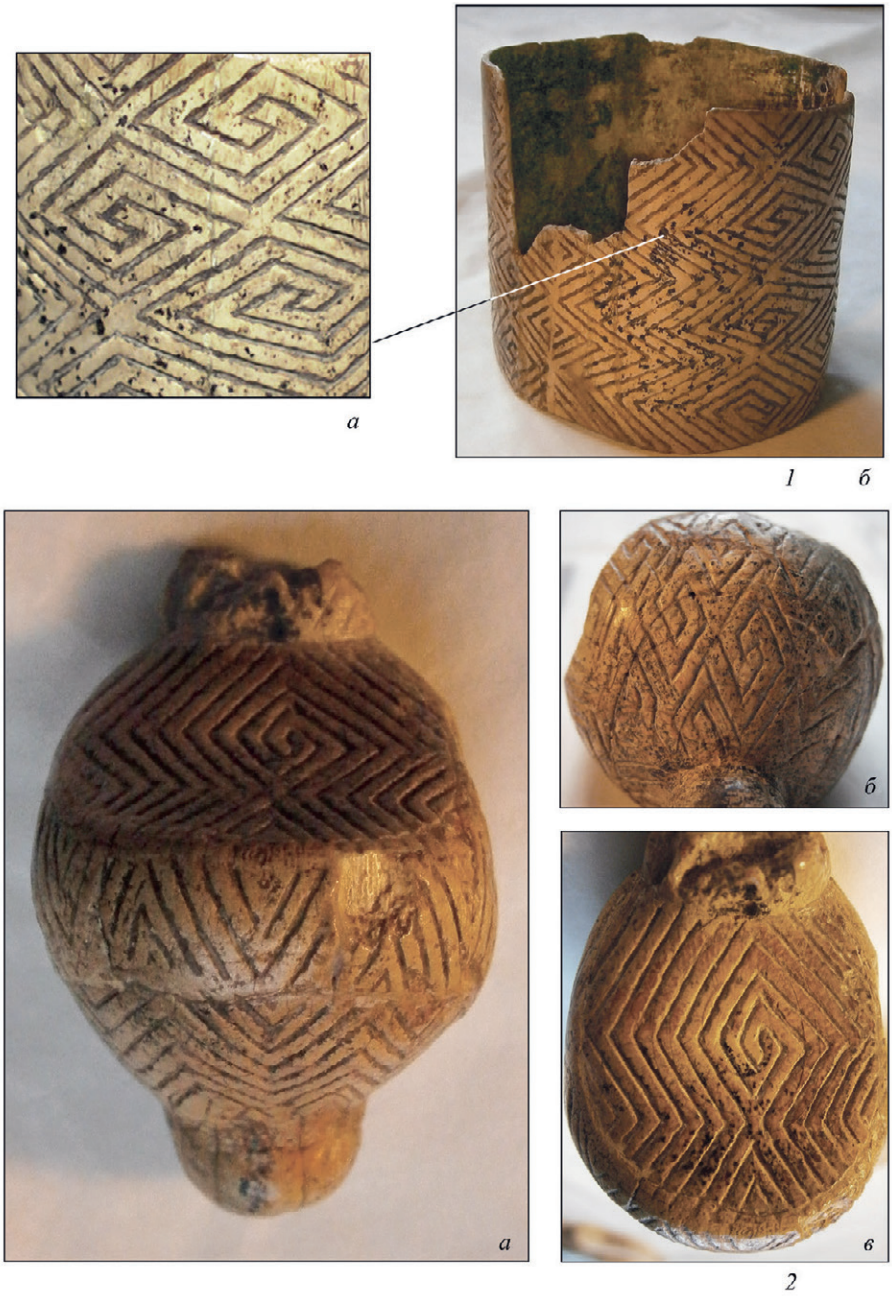


Рис. 1. Стоянка Мезин. Поделки из бивня мамонта с зональным меандрическим орнаментом (15 тыс. л. н.)

1 – браслет (диаметр – 6,0 см): *а* – фрагмент поверхности с выдавленным орнаментом; *б* – общий вид; *2* – женская стилизованная статуэтка (6,0 × 4,0 × 3,9 см): *а* – вид спереди; *б* – снизу; *в* – сверху

вероятно, передают уши/рога животного (рис. 2: *1г*). При этом головка оленя может как органично продолжать линии, образующие «лабиринт», так и выступать самостоятельным знаком (рис. 2: *1а*).

Во-вторых, знаковое искусство граветтиийского и эпиграветтийского времени отличалось по способам и техникам нанесения зонального орнамента. Зональным называют орнамент, покрывающий значительную или всю поверхность предмета. Такая поверхность могла быть плоской (диадема, поверхность лопатки мамонта и др.), двухмерной или состоящей сразу из нескольких сложных объемов (женские стилизованные статуэтки, роговые молотки, «фибулы», наконечники конусообразной или веретенообразной формы и др.). Традиция зонального покрытия в равной мере представлена и на граветтийских, и восточно-эпиграветтийских стоянках. Нанесение зонального орнамента, как правило, требовало создания базовой, стартовой линии, от которой осуществлялось последовательное построение и наращение базовых элементов. Последняя, кстати, не использовалась при графическом изображении человека и животных. Выдающимся образцом плоского зонального орнамента является диадема из второго жилого комплекса восточно-граветтийской стоянки Костенки 1 (см.: *Хлопачев*, 2016. С. 184–187), верхний слой и диадема из эпиграветтийской стоянки Юдиново (см.: Там же. С. 188).

Однако в случае зонального орнамента, нанесенного на предметы со сложным объемом, с «круговой основой» малого диаметра (наконечники, тонкие стержни и т. п.), различия в распределении орнаментальных элементов по поверхности на граветтийских и эпиграветтийских памятниках очевидны (рис. 3: *1, 2*). Например, представленные на восточно-граветтийской стоянке Хотылево 2 (Брянская обл., Россия) наконечники сплошь покрытых поясками из зигзагов демонстрируют, несомненно, нарушенную симметрию одних орнаментальных элементов по отношению к другим (рис. 3: *1а, б*). Та же ситуация фиксируется во взаимном расположении «лабиринтов» на поделке со стоянки Дорошивцы III, слой 6 (рис. 2: *1б*). Это может указывать на то, что орнаментальные элементы наносились на поверхность в разное, не соответствующее одному технологическому циклу, время или без предварительной общей разметки. Нанесение зональной орнаментации на круговые поверхности предметов постгрветтийского времени выполнялось единовременно и с обязательной общей разметкой по всей поверхности, с использованием одной или нескольких базовых линий (рис. 2: *2а–в*; 3: *2а–в*). Именно это позволяло древнему художнику точно замкнуть зональный орнамент на обратную сторону базовой стартовой линии на поделках с округлым сечением малого диаметра (рис. 2: *2б, в*; 3: *2а, в*), обеспечить точное распределение разных геометрических орнаментальных элементов по всей сложнопрофилированной поверхности женской стилизованной статуэтки (рис. 1: *2а–в*). Поэтому признаком выделения локально-географической деснинской группы памятников более точным будет считать не сам факт наличия сложного зонального орнамента, а способ и технику его нанесения на поделки со сложным объемом.

Таким образом, представляется очевидным, что геометрические изображения в искусстве малых форм являются важным и требующим дальнейшей разработки археологическим источником для изучения верхнего палеолита Восточной Европы.

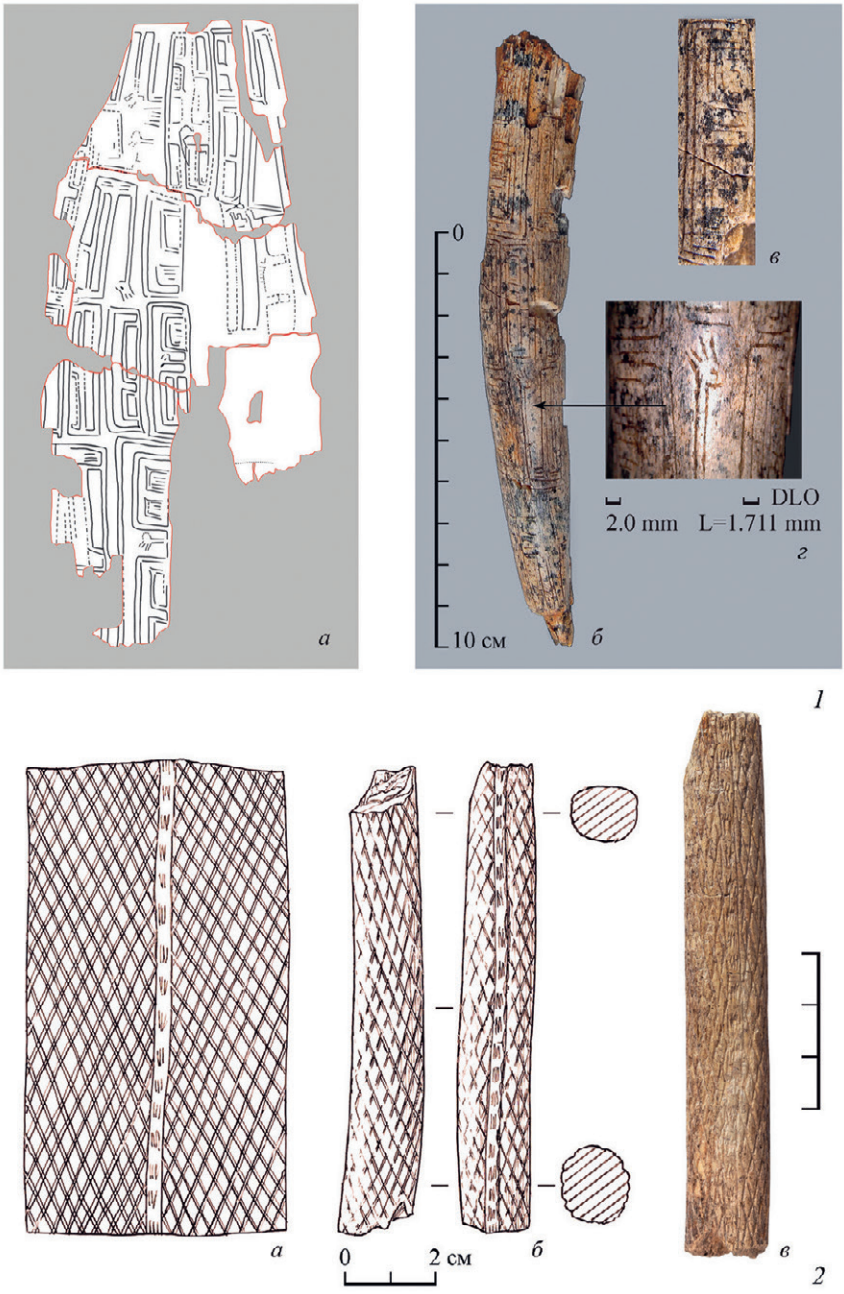


Рис. 2. Геометрические изображения на поделках из бивня мамонта со стоянок Дорошивцы III, слой 6 (22 тыс. л. н.) (*1*) средней и Юдиново (15–13,5 тыс. л. н.) (*2*) поздней поры верхнего палеолита Русской равнины

1 – композиция из знаков в виде «лабиринтов» и реалистичных головок оленей (по: *Кулаковская и др.*, 2018): *а* – прорисовка полной развертки изображения; *б* – общий вид, фото; *в* – изображение-«лабиринт»; *г* – головка оленя; *2* – ромбический зональный орнамент фрагмента массивного стержня: *а, б* – прорисовки полной развертки изображения и общего вида; *в* – общий вид, фото

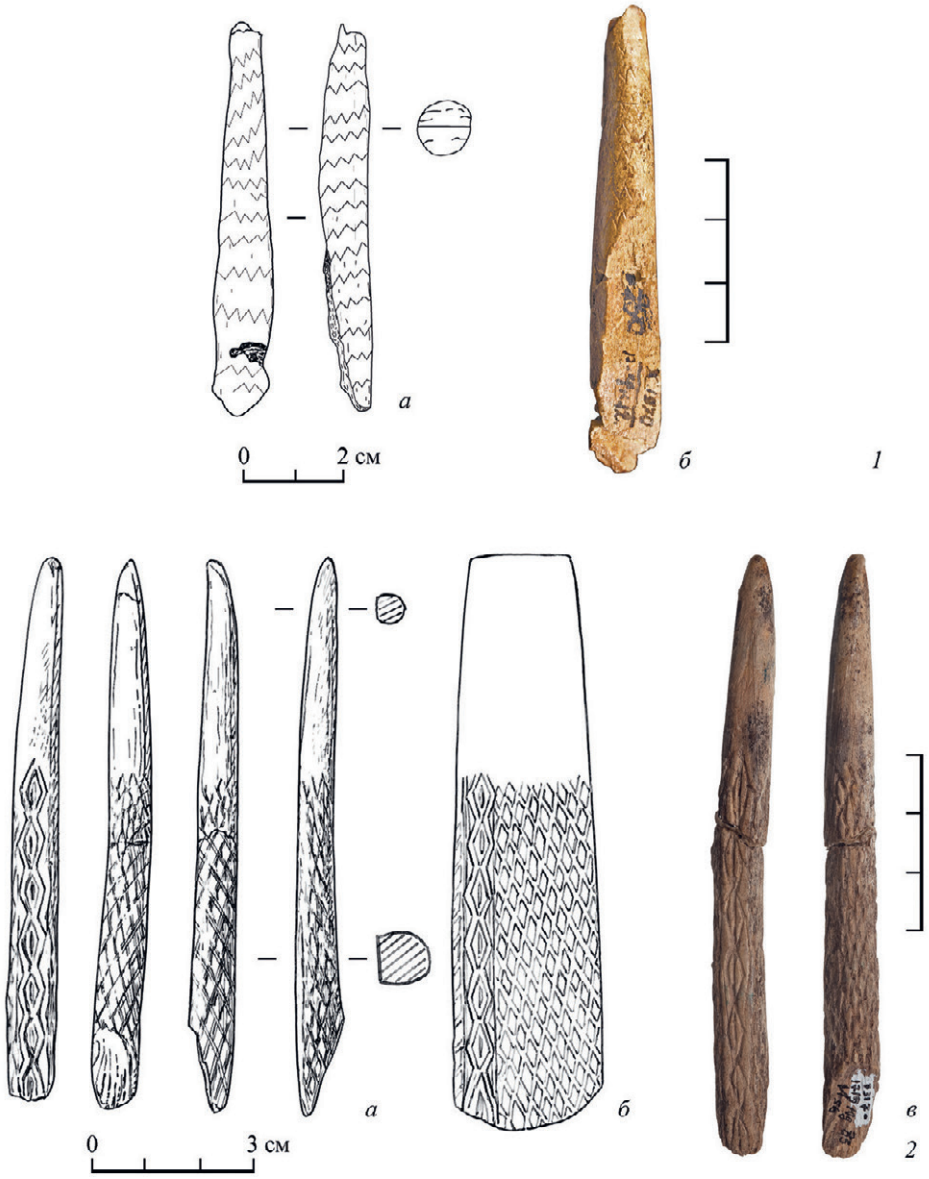


Рис. 3. Зональный геометрический орнамент на бивневых наконечниках с округлым сечением со стоянок средней (*1*) и поздней (*2*) поры верхнего палеолита Русской равнины

1 – Хотылево 2 (24–21 тыс. л. н.): *а* – прорисовка; *б* – фото; *2* – Юдиново (15–13,5 тыс. л. н.): *а, б* – прорисовки общего вида и полной развертки изображения; *в* – общий вид, фото

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З. А., 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: АН СССР. 86 с. (САИ; вып. А4-03.)

Абрамова З. А., 2005. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб.: Европейский дом. 352 с. (Труды ИИМК РАН; т. XV.)

Абрамова З. А., 2010. Древнейший образ человека: Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб.: Петербургское Востоковедение. 304 с.

Абрамова З. А., Григорьева Г. В., 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб.: ИИМК РАН. 149 с.

Бибиков С. Н., 2008. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта: Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев: ИА НАНУ. 128 с.

Бозинский Г., 1999. Региональные различия в символических знаках палеолитического наскального искусства // Локальные различия в каменном веке: тез. докл. на Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. С. Н. Замятнина / Отв. ред.: Т. А. Попова, Н. Д. Праслов. СПб.: МАЭ РАН. С. 143–148.

Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., 1997. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.: Ин-т географии РАН: ГИМ. 192 с.

Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П., 1977. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М.: Наука. 142 с.

Гвоздовер М. Д., 1985. Орнамент на поделках костенковской культуры // СА. № 1. С. 9–22.

Грехова Л. В., 1969. Поздний палеолит средней Десны // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР / Отв. ред.: А. А. Величко, М. Д. Гвоздовер, В. М. Муратов. М.: Наука. С. 88–97.

Кулаковская Л. В., Хлопачев Г. А., Усик В. И., 2018. Орнаментированный предмет со стоянки Дорошивцы III: культурно-хронологический контекст и художественные особенности // ПИФК. № 2. С. 116–135.

Ступак Д. В., Хлопачев Г. А., Грибченко Ю. Н., Комар М. С., 2015. Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння // Епіграветські пам'ятки Середнього Подніпров'я / Ред.: Д. В. Ступак, Г. А. Хлопачев. Київ: Олег Філюк. С. 9–30. (Археологічний альманах; № 31.)

Хлопачев Г. А., 2016. Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб.: Экстрапринт. 384 с.

Хлопачев Г. А., 2019. Фигуративное искусство верхнего палеолита центра Русской равнины: проблема соотношения зооморфного и антропоморфного сюжетов // ПИФК. № 2. С. 215–227.

Шидловський П. С., Прядко Д. Ю., 2011. Пізній палеоліт київського правобережжя // Археологія і давня історія України: збірник наукових праць. Вип. 6. Київ: ІА НАНУ. С. 68–85.

Шовкопляс И. Г., 1965. Мезинская стоянка. Киев: Наукова думка. 328 с.

Яблан С. В., 2006. Симметрия, орнаменты и модулярность. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Институт компьютерных исследований. 378 с.

Яковлева Л., 2013. Найдавніше мистецтво України. Київ: Стародавній Світ. 288 с.

Aujoulat N., 2004. Lascaux. Le geste, l'espace et le temps. Paris: Seuil. 274 p.

Breuil H., 1952. Quatre cents siècles d'art pariétal. Montignnac: Centre d'Etudes et de Documentation préhistoriques. 415 p.

Clottes J., Lewis-Williams D., 1996. Les chamanes de la hrehistoire. Paris: Seuil. 119 p.

Laming-Emperaire A., 1962. La signification de l'Art rupestre paléolithique. Paris: Picard. 424 p.

Leroi-Gourhan A., 1965. Préhistoire de l'Art Occidental. Paris: Éditions Mazenod. 482 p.

Leroi-Gourhan A., 2009. L'art pariétal. Langage de la préhistoire. Grenoble: Éditions Jérôme Millon. 420 p.

Marshack A., 1972. The Roots of Civilization. The cognitive beginnings of man's first art, symbol and notation. New York; St. Louis; San Francisco; Toronto; Mexico; Dusseldorf: McGraw-Hill. 413 p.

Marshack A., 1979. Upper Palaeolithic Symbol Systems of the Russian Plain: Cognitive and Comparative Analysis // Current Antrhropology. Vol. 20. No. 2. P. 271–311.

Sauvet G., Sauvet S., 1979. Fonction sémiologique de l'art parietal animalier franco-cantabrique // Bulletin de la Société Préhistorique française. T. 76. No. 10–12. P. 340–354.

Сведения об авторе

Хлопачев Геннадий Адольфович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: gakmae@yandex.ru

G. A. Khlopachev

GEOMETRIC IMAGES IN THE ART OF THE UPPER PALEOLITHIC OF EASTERN EUROPE: CHRONOLOGICAL AND REGIONAL FEATURES

Abstract. The paper explores abstract and geometric images of non-figurative (symbolic) portable art in eastern Europe. This type of visual art emerged in the early period of the Upper Paleolithic at the same time with figurative art. Development of non-figurative art in the Russian plain has been traced throughout the Paleolithic Age. It was widespread during the middle stage (25,000–21,000 years ago) and the late stage (20,000–12,000 years ago) of the Upper Paleolithic. Geometric art existed side by side with the tradition of realistic images during the Gravettian period replacing it completely after the last Valdai glacial maximum. The paper systemizes data on this type of art in the center of the Russian plain, and reviews its regional and chronological features. Using the data on the technical and morphological analysis, the author proposes two criteria for differentiating geometric portable art of the Gravettian period and the Epigravettian period. The Epigravettian sites are characterized by absence of realistic elements and presence of images all over the surface of a sophisticated geometrical shape as well as preliminary pattern outlining and use of one or several base lines. The Gravettian images are characterized by presence of figurative elements and placement of decorative elements on items of sophisticated shape in different time periods that do not correspond to the same technological cycle or without preliminary outlining of the overall pattern.

Keywords: Upper Paleolithic, Eastern Europe, geometric images, portable art, Gravettian period, Epigravettian period.

REFERENCES

Abramova Z. A., 1962. Paleoliticheskoye iskusstvo na territorii SSSR [Paleolithic art in the territory of the USSR]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 86 p. (SAI.)

Abramova Z. A., 2005. Zhivotnoye i chelovek v paleoliticheskom iskusstve Evropy [Animal and man in Paleolithic art of Europe]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. 352 p. (Trudy IIMK RAN, XV.)

Abramova Z. A., 2010. Drevneyshiy obraz cheloveka: katalog po materialam paleoliticheskogo iskusstva Evropy [Earliest image of man: catalogue of materials of Europe Paleolithic art]. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. 304 p.

Abramova Z. A., Grigor'yeva G. V., 1997. Verkhnepaleoliticheskoye poseleniye Yudinovo [Upper Paleolithic site of Yudinovo], 3. St. Petersburg: IIMK RAN. 149 p.

Bibikov S. N., 2008. Drevneyshiy muzykal'nyy kompleks iz kostey mamonta: Ocherk material'noy i dukhovnoy kul'tury paleoliticheskogo cheloveka [The earliest musical complex made of mammoth bones: an essay on material and spiritual culture of Paleolithic man]. Kiev: IA NANU. 128 p.

Bozinskiy G., 1999. Regional'nyye razlichiya v simvolicheskikh znakakh paleoliticheskogo naskal'nogo iskusstva [Regional differences in symbolic signs of Paleolithic rock art]. *Lokal'nyye razlichiya*

v kamennom veke [Local differences in Stone Age]. T. A. Popova, N. D. Praslov, eds. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 143–148.

Grekhova L. V., 1969. Pozdniy paleolit sredney Desny [Late Paleolithic of Middle Desna]. *Priroda i razvitiye pervobytnogo obshchestva na territorii Evropeyskoy chasti SSSR [Nature and development of preehistoric society in European part of the USSR]*. A. A. Velichko, M. D. Gvozdover, V. M. Muratov, eds. Moscow: Nauka, pp. 88–97.

Gvozdover M. D., 1985. Ornament na podelkakh kostenkovskoy kul'tury [Ornament of arifacts of Kostenki culture]. *SA*, 1, pp. 9–22.

Khlopachev G. A., 2016. Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN [Upper Paleolithic: images, symbols, signs. Catalogue of portable art objects and unique finds from Upper Paleolithic archaeological collection of MAE RAN]. St. Petersburg: Ekstraprint. 384 p.

Khlopachev G. A., 2019. Figurativnoye iskusstvo verkhnego paleolita tsentra Russkoy ravniny: problema sootnosheniya zoomorfnogo i antropomorfnogo syuzhetov [Figurative art of Upper Paleolithic of the center of Russian plain: the issue of correlation between zoomorphic and anthropomorphic subjects]. *PIFK*, 2, pp. 215–227.

Kulakovskaya L. V., Khlopachev G. A., Usik V. I., 2018. Ornamentirovannyy predmet so stoyanki Doroshivtsy III: kul'turno-khronologicheskiy kontekst i khudozhestvennyye osobennosti [Ornamented artifact from the Doroshivtsy III Parking lot: cultural and chronological context and artistic features]. *PIFK*, 2, pp. 116–135.

Shidlovs'kiy P. S., Pryadko D. Yu., 2011. Pizniy paleolit kyïvs'kogo pravoberezhzhya [Late Paleolithic of Kiev right bank region]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïny: Zbirnik naukovykh prats' [Archaeology and early history of Ukraine: Collected scientific works]*, 6. Kiev: IA NANU, pp. 68–85.

Shovkoplyas I. G., 1965. Mezinskaya stoyanka [Mezin site]. Kiev: Naukova dumka. 328 p.

Stupak D. V., Khlopachev G. A., Gribchenko Yu. N., Komar M. S., 2015. Nova verkhn'opaleolitychna stoyanka Obolonnya [New Upper Paleolithic site Obolonnya]. *Epigravets'ki pam'yatky Seredn'ogo Podniprov'ya [Epigravettian sites of Middle Dnieper region]*, D. Stupak, G. Khlopachev, eds. Kiev: Oleg Filyuk, pp. 9–30. (Arkheologichnyy al'manakh, 31.)

Velichko A. A., Grekhova L. V., Gribchenko Yu. N., Kurenkova E. I., 1997. Pervobytnyy chelovek v ekstremal'nykh usloviyakh sredy. Stoyanka Eliseyevichi [Prehistoric man in extreme environmental conditions. Eliseevichi site]. Moscow: Institut geografii RAN: GIM. 192 p.

Velichko A. A., Grekhova L. V., Gubonina Z. P., 1977. Sreda obitaniya pervobytnogo cheloveka Timonovskikh stoyanok [The habitat of prehistoric man from Timonovska sites]. Moscow: Nauka. 142 p.

Yablan S. V., 2006. Simmetriya, ornamenty i modulyarnost' [Symmetry, ornaments and modules]. Moscow; Izhevsk: NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», Institut komp'yuternykh issledovaniy. 378 p.

Yakovleva L., 2013. Naydavnishe mystetstvo Ukraïny [Earliest art in Ukraine]. Kiev: Starodavniy Svit. 288 p.

About the author

Khlopachev Gennadiy A., Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034; Russian Federation; e-mail: gakmae@yandex.ru

А. Е. Дудин, Н. Б. Ахметгалеева

ЗНАКИ И ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПРЕДМЕТАХ ОБРАБОТАННОЙ КОСТИ ИЗ ТРЕТЬЕГО ЖИЛОГО ОБЪЕКТА СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 11, Ia СЛОЙ: КОНТЕКСТ, ТЕХНИКА И СТИЛИСТИКА

Резюме. В работе представлены результаты анализа контекста, технологии изготовления и особенностей различных знаков и символов на предметах искусства из раскопок 2014–2018 гг. верхнепалеолитической стоянки Костенки 11, Ia культурный слой. Два предмета с декоративными рисунками выполнены из бивня мамонта – это изделия с двусторонне скошенным концом (мотыги). Два других декорированных предмета представляют собой фрагменты ребер мамонта. Во всех случаях наблюдаются полосы, состоящие из гравированных линий. Используемые технологические приемы для основных деталей рисунков на изделиях едины. Но форма, сочетание с другими элементами рисунка и отдельными знаками различаются. Мы полагаем, что разнообразие технологических приемов, возникающее при декорировании изделий, непосредственно связано с их семантикой. И это сильно отличает такие предметы от других изделий данной коллекции обработанной кости.

Ключевые слова: верхний палеолит Русской равнины, Костенки 11, предметы искусства из бивня и кости мамонта.

Введение

В результате полевых исследований новой костно-земляной конструкции, найденной в 2014 г. в Костенковско-Борщевском районе на стоянке Костенки 11, слой Ia, была собрана коллекция обработанной кости с самобытными чертами, которые отличают ее от других известных костяных верхнепалеолитических индустрий Русской равнины (*Ахметгалеева и др.*, 2017; *Ахметгалеева, Дудин*, 2017). Выделены произведения искусства из бивня и кости мамонта, покрытые разными знаками и символами. Их технологическое исполнение характеризуется появлением ряда приемов, не фиксирующихся при анализе утилитарных

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.18-32

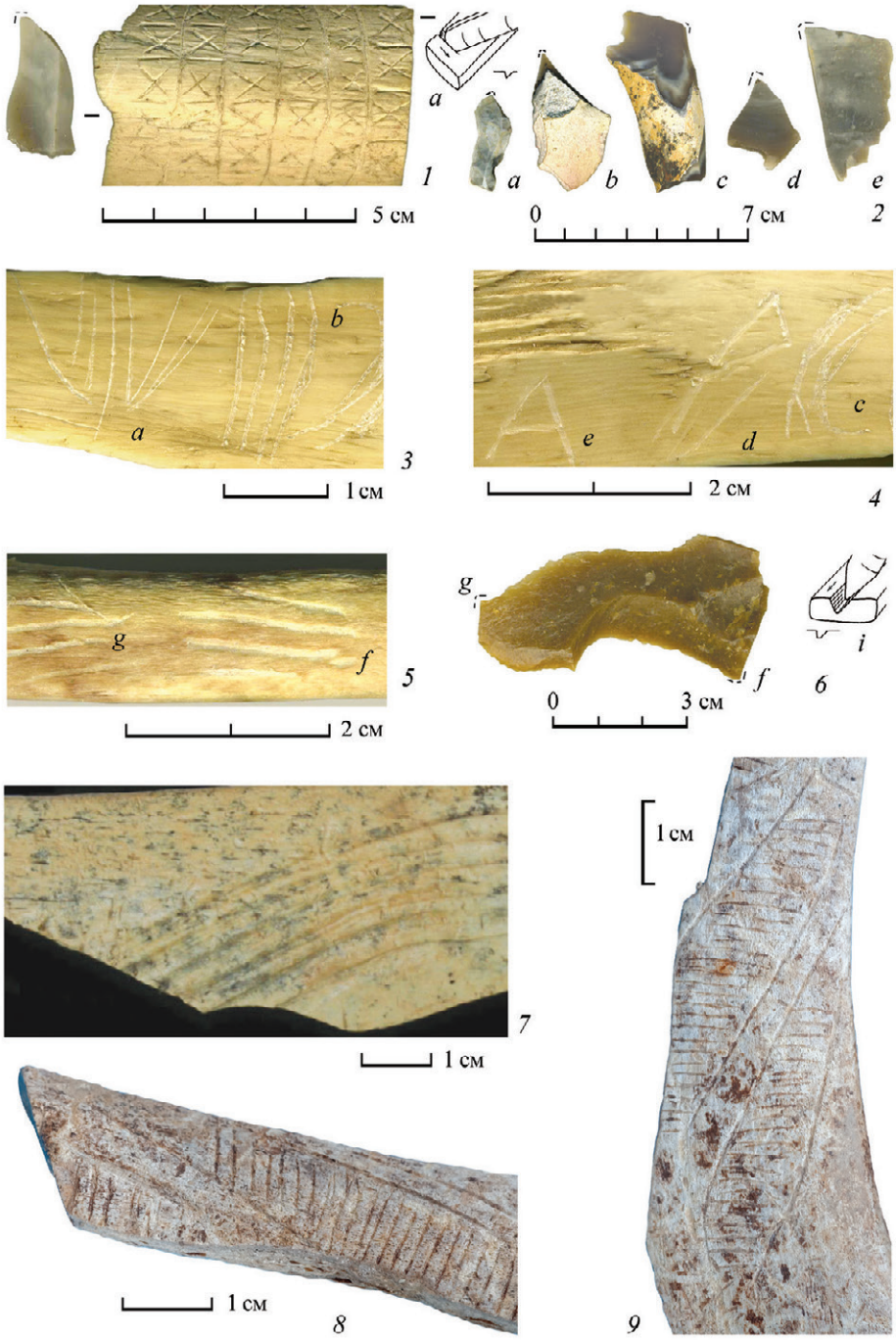
изделий. Целью данного исследования являлось изучение контекста находок, особенностей технологического исполнения и стилистики разных знаков и изображений на выявленных предметах искусства.

Методика

В работе широко применялись методики микро- и макроанализа древних изделий, разработанные Экспериментально-трасологической лабораторией ИИМК РАН (*Семенов*, 1957; *Филиппов*, 1983; и др.). Большим вкладом в изучение технологии декорирования изделий из бивня мамонта являются работы последних лет Л. В. Лбовой и П. В. Волкова (*Лбова, Волков*, 2015; *Лбова и др.*, 2017; и т. д.). Ими были не только предложены новые методики исследования технологических следов на предметах из бивня, но и подробно рассмотрены инструменты, которыми могло быть произведено то или иное действие, при этом их наименования носили функциональный характер. Этот, безусловно, важный опыт был нами учтен.

В процессе данного исследования Н. Б. Ахметгалеевой были произведены собственные эксперименты, необходимые для уточнения предварительных выводов (*Ахметгалеева, Дудин*, 2017) и предположений об особенностях выполнения различных знаков на орнаментированных изделиях из данной коллекции. Эксперименты включали орнаментирование разных поверхностей изделий из бивня мамонта и свежего ребра свиньи кремневыми инструментами с разной режущей кромкой. Археологические и экспериментальные образцы исследовались с помощью увеличения до ×24 и фиксировались макрофотосъемкой. В результате мы смогли описать характер рабочей кромки каменного инструмента, использованного при декорировании конкретных изделий. В работе также были учтены результаты экспериментов Д. С. Толстых (*Толстых*, 2019), проводившей опыты по выполнению орнаментальных линий на фрагментах бивня мамонта и подготовившей в том числе экспериментальные образцы работы морфологически выраженными резцами и боковыми углами пластин. Особенность наших экспериментов заключалась в широком использовании углов отщепов и иных заготовок, которые также могли иметь резцевидные кромки (рис. 1: *1, 2, 6*).

При описании возможного инструмента работы мы предлагаем тип орудия или сразу нескольких орудий, у которых есть необходимые рабочие зоны. В то же время кремневые орудия могут являться полифункциональными и выступать по необходимости в разных функциях при производстве одного изображения, все может зависеть от положения инструмента в руке мастера и его наклона относительно поверхности обрабатываемого изделия. Наиболее удачными для гравировки могут быть трехгранные выступы отщепов и иных орудийных форм, углов на сломе пластин/пластинок (рис. 1: *1, 2a–d*) или разновидности двугранных угловых резцов (рис. 1: *2e*). Обратим внимание на то, что гравировка может производиться несколькими способами. В *позиции 1*, когда резцовую кромку наклоняют и работа производится ее трехгранным углом, угол треугольного сечения при этом располагается внизу, сечение полученного паза v-образное (рис. 1: *1, 2b, 3b, 6g*). При использовании в этой же позиции более тупого угла


a
1
5 см
a
b
c
d
e
0
7 см
2
b
a
3
1 см
c
e
d
2 см
4
g
f
5
2 см
g
f
0
3 см
i
6
1 см
7
1 см
1 см
8
9

морфологически выраженного резца и последующей выкрошенности рабочего угла любого орудия сечение паза становится трапециевидным с пологими краями или корытообразным, ширина при этом зависит от ширины острия (рис. 1: *2е, 4е*). В *позиции 2*, когда работа производится широкой кромкой четырехгранного в сечении лезвия, или треугольным в сечении лезвием, но в положении, когда основание треугольного сечения расположено снизу, сечение паза трапециевидное или п-образное (рис. 1: *2а–d, 4е, d, 6f, i*). Как видно из экспериментов, аналогичные рабочие кромки могут иметь отщепы, пластины/пластинки, и резцы. Так как мы видим иногда наложенные друг на друга негативы сразу нескольких движений, расширяющих паз, то наиболее правильным представляется изучение окончаний пазов, где можно «поймать» отдельно взятый след, в сочетании с характером проведенных линий (Там же). Что касается закругленного двугранного угла боковой кромки пластины или пластинки, то им можно производить относительно длинные, тонкие и прямые линии, а вот делать резкие повороты затруднительно (рис. 1: *4с*). Это отмечалось и предыдущими исследователями (Там же). Для аккуратной разметки, требующей резких поворотов, также необходим трехгранный выступ или угол, но более узкий (рис. 1: *1, 2а, 3а*). Только в этом случае острие можно расположить под углом почти 45° относительно поверхности обрабатываемого предмета, что предоставляет возможность создавать сложные повороты в орнаментальном изображении, регулировать длину линии. Поэтому от идеи, что часть орнаментальных волнистых линий могла быть произведена закругленным двугранным углом боковой кромки пластины, а не выступающим узким трехгранным углом какого-либо орудия, мы отказались.

Знаки и геометрические изображения на изделиях из бивня и кости мамонта, Костенки 11, Iа слой

Технологически по-разному выполненные рисунки и знаки присутствуют на двух изделиях из бивня мамонта с двусторонне скошенным концом (мотыги) и на фрагментах двух ребер мамонта (рис. 2). Во всех случаях наблюдаются орнаментальные полосы-поля, состоящие из гравированных линий. Используемые технологические приемы для основных деталей орнаментальных полей на изделиях едины. Фиксируется работа преимущественно трехгранным резцевидным углом кремневого орудия, вероятно, выступом отщепа / пластины / пластинки /

Рис. 1 (с. 20). Костенки 11, культурный слой Iа. Фотоматериалы результатов экспериментов

1 – гравировка углом отщепа в *позиции 1* отслоившейся пластины бивня мамонта; *2* – экспериментальные орудия по орнаментации лопаточки из бивня мамонта; *3, 4* – эксперимент по произведению линий на лопаточке из бивня мамонта. Нумерация следов соответствует нумерации кремневых орудий (№ 2); *5* – экспериментальные линии на ребре свиньи; *6* – кремневое экспериментальное орудие по гравировке ребра (№ 5); *7* – макрофотография изобразительных полос на фрагменте ребра мамонта № 2; *8* – участок с первым и вторым овалами на ребре мамонта № 1; *9* – участок с третьим и четвертым овалами на ребре мамонта № 1

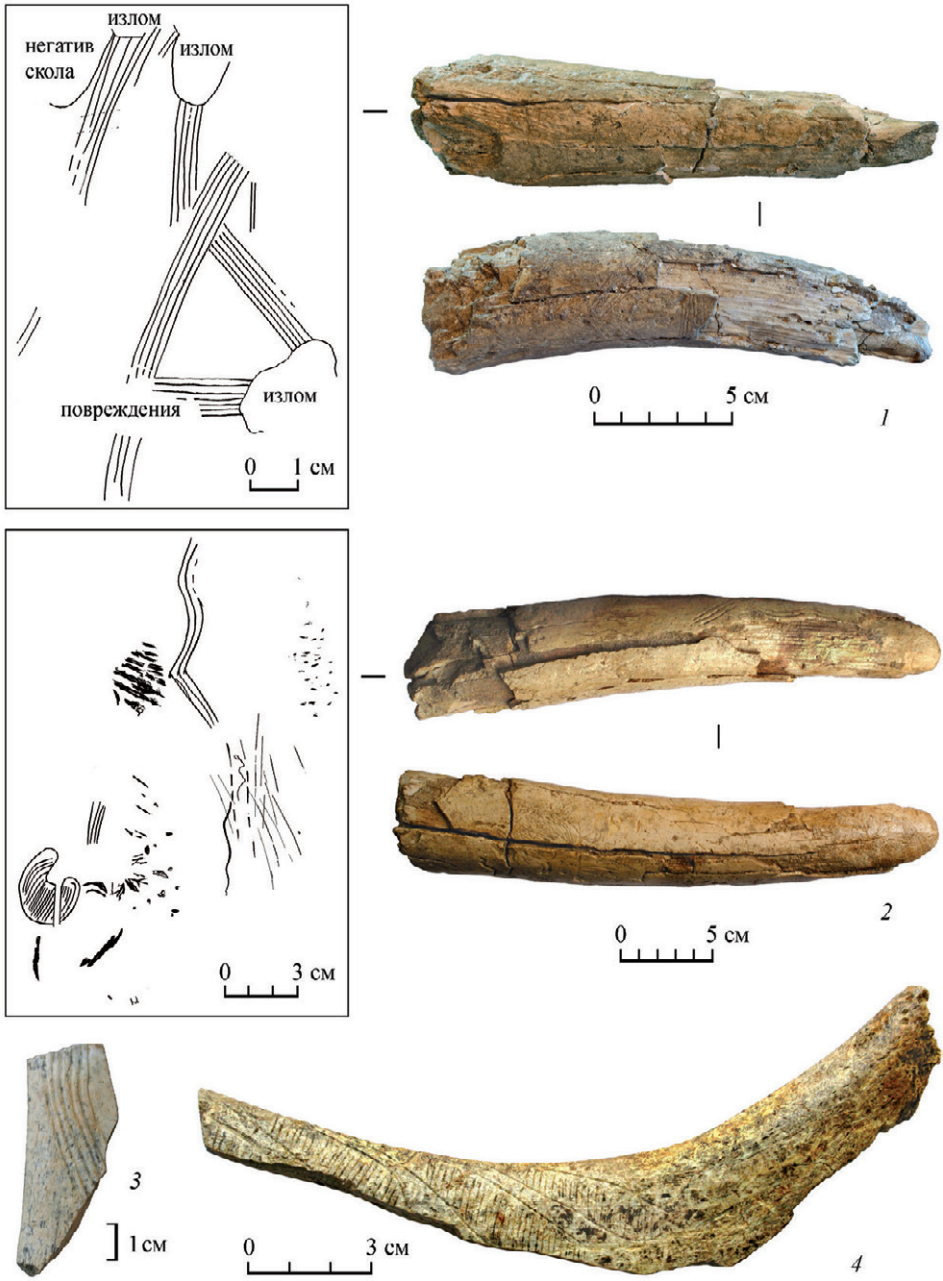


Рис. 2. Костенки 11, культурный слой Iа. Изображения на костяных предметах

1 – мотыга из бивня мамонта № 1 с прорисовкой декора; *2* – мотыга из бивня мамонта № 2 с прорисовкой декора; *3* – фрагмент ребра мамонта № 2 с декорированным рисунком; *4* – фрагмент ребра мамонта № 1 с декорированным рисунком

резца. Функционально это орудие определяется как *резец,* которым производится частичная выемка материала в виде стружки (*Лбова, Волков*, 2015). Им проводится линия по предварительно выполненной более тонким углом (*резчиком* – по: Там же) разметке. В некоторых случаях отмечен постепенный переход от одной позиции одного и того же инструмента в руках мастера к другой. Толщина произведенных линий указывает на то, что использование морфологически выраженных резцов было маловероятно или редко. Чаще всего мы наблюдали (рис. 1: *1, 6g*) прорезание *в позиции 1*, когда острая вершина треугольного среза острия инструмента располагалась внизу, а паз имел преимущественно v-образное сечение. Рабочее лезвие, как правило, было слегка наклонено в руке мастера, поэтому и борта паза чаще всего не симметричны (рис. 1: *1a*). При этом наблюдалась разная ширина пазов и, соответственно, используемых рабочих углов.

Форма, стилистика и сочетание изобразительных элементов изделий стоянки Костенки 11, слой Ia, как друг с другом, так и с отдельными знаками, выполненными разными инструментами и разными техническими приемами, различаются. Это и создает особый образ в каждом конкретном случае.

Декорированные рисунки на изделиях из бивня мамонта

Мотыга № 1 (рис. 2: *1*). Поверхность мотыги[1] из дистального кончика бивня мамонта длиной 18,7 см покрыта орнаментом из серий прямых линий, создающих геометрические фигуры. Не весь декор сохранился ввиду сильной поврежденности предмета. Но однозначно мы наблюдаем какое-то изображение, имеющее определенный смысл.

Основная фигура – это треугольник (рис. 2: *1*; 3: *2*), состоящий из полос выгравированных линий, каждая полоса имеет разное количество линий. Левая боковая полоса шириной 0,5 см состоит из 5 линий. Она выходит вверх за пределы верхнего угла треугольника еще примерно на 1 см. Правая полоса шириной 0,6 см (катет треугольника) состоит из 6 линий. Правый угол поврежден. В верхней части полоса не доходит на 1 мм до пересечения с левым катетом. Последним было выполнено основание треугольника. Его длина около 3 см, ширина орнаментальной полосы – 0,65 см, состоит она из 7 линий. Высота полученного треугольника – 4,4 см.

Линии выгравированы несколькими повторяющимися движениями на необработанной поверхности бивня тонкими трехгранными углами кремневых орудий в *позиции 1* (рис. 1: *1*; 3: *1–3*). Разница связана с разным наклоном орудия, когда с трехгранного сечения рабочее лезвие в некоторых случаях переходит на прилегающий двугранный в сечении участок (рис. 3: *4*). Вероятно, один и тот же инструмент используется под различным наклоном. При небольшом увеличении и дополнительном освещении наблюдаются участки, на которых заметно, что линии процарапывались иногда по нескольку раз в одном месте (рис. 3: *1, 3*). Кромка режущего острия располагалась под небольшим наклоном

[1] Использовано типологическое определение подобных изделий из бивня мамонта с двусторонне скошенным концом.

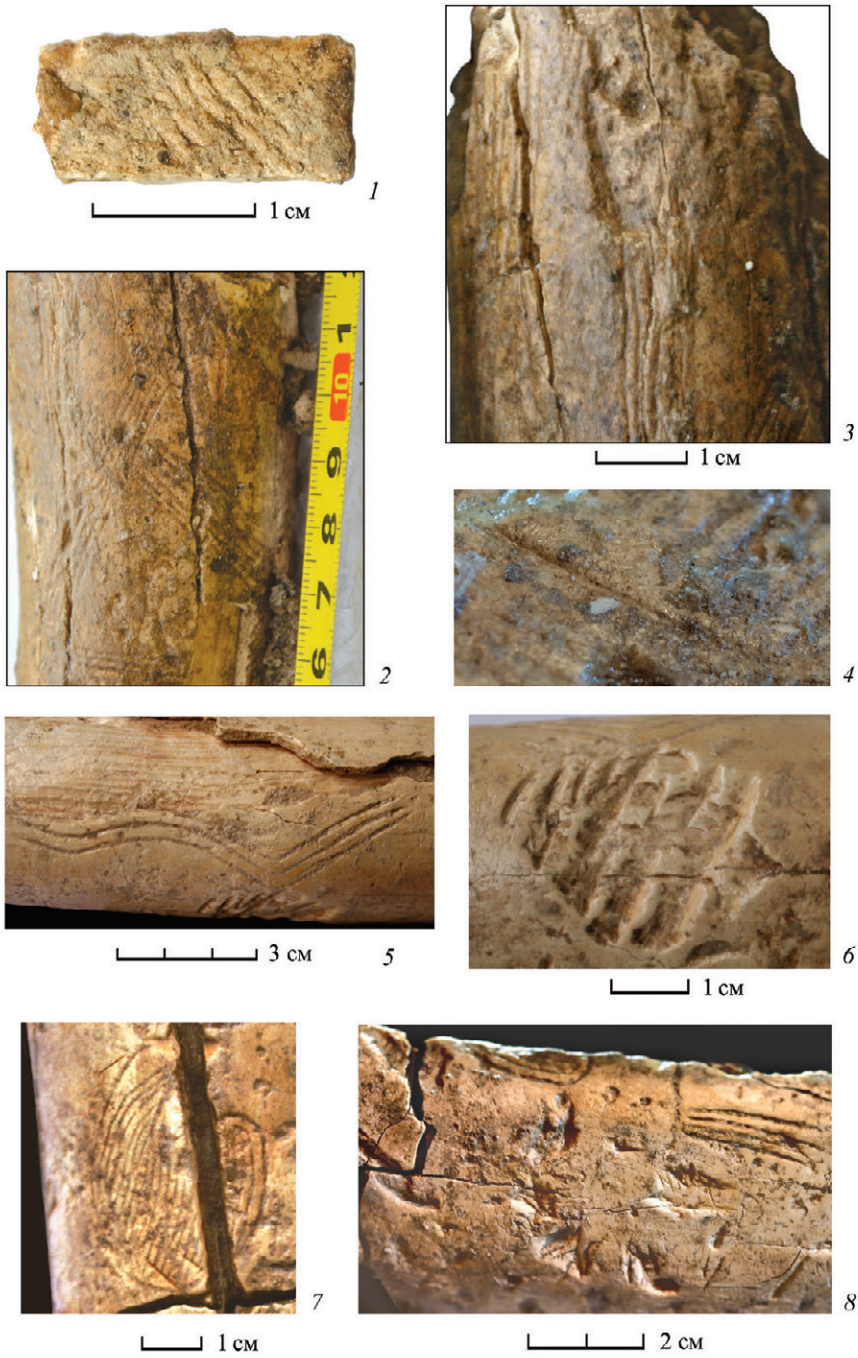


Рис. 3. Костенки 11, культурный слой Iа. Изображения на костяных предметах

1–4 – участки с декорированным рисунком на мотыге из бивня мамонта № 1; *5–8* – участки с декорированным рисунком на мотыге из бивня мамонта № 2

к поверхности, что, как отмечалось, связано с его наклоном в руке мастера. Здесь наиболее вероятно использование угла на сломе пластины/пластинки или удачного узкого острия отщепа (рис. 1: *1*).

Вокруг треугольника также присутствуют отдельные выгравированные линии. Выделяется полоса из 6 линий, которая начинается рядом с изломом основания бивня и проходит слева от треугольника (рис. 3: *3*). Между ними есть еще полоса из 5 линий, она начинается также в районе излома основания и доходит до основания левого катета, прерывается, а далее снова появляется ниже треугольника (рис. 2: *1*). Линии в данных полосах отличаются более изогнутым профилем. Не всегда выдержано расстояние между ними. На разном расстоянии расположены и их окончания. Из-за повреждения не все они читаемы. Визуально не видны побочные следы, но при увеличении ×24 становится заметно, что каждая линия прорезана несколькими движениями, повторяющимися и пересекающимися.

Мотыга № 2. На второй мотыге (рис. 2: *2*) из дистального кончика бивня мамонта длиной 28 см выгравирован рисунок из трех волнистых линий, ниже проходит еще одна волнистая линия с двумя изгибами. Зона нанесения «волны» слегка выскоблена и заглажена, есть опосредованные микроцарапины, видимые под увеличением ×20. Общая длина силуэта – 7,5 см, ширина – 0,4–0,65 см (рис. 3: *5*). Каждая линия выполнена отдельно, имеет начало и конец, кроме третьей, у которой начало не сохранилось. Линии выполнялись по направлению от кончика бивня к основанию. При этом производились они сначала несколькими короткими движениями резцевидной кромки кремневого орудия, а далее, почти не прерываясь, «резец» шел до крупного поворота. На повороте угла сохранились по 1–2 остаточных следа, выходящих за пределы основной линии. Затем линия вновь начиналась, но уже под другим углом, и ее также периодически подправляли. В итоге получилось дополнительное ответвление на крайней левой линии. Кончики линий изогнуты. Сечение паза относительно широкое (0,6–0,9 мм), п-образное и неглубокое, соответственно, орудие обладало более широким в сечении углом, чем, например, в случае с орнаментом на первой мотыге. В конце нижней части линий пазы становятся v-образными, на перегибе видны тонкие побочные следы в виде царапин, имеющих парный характер из-за неровностей лезвия каменного орудия. Глубина пазов не более 0,5 мм. В данном случае более вероятно использование угла отщепа или, как вариант, резца в *позиции 2* (рис 1: *6i*).

Ниже на расстоянии 3 см от конца этого рисунка проходит еще одна волнистая линия с двумя изгибами, но, к сожалению, повреждено ее начало. Выполнена она аналогично. Первый изгиб этой волны наиболее резкий. Ее гравировали, в отличие от верхнего рисунка, снизу вверх, проводя линию единым движением резцевидного орудия. Общая длина – 2,5 см. Но ниже сохранилась тонкая разметка пунктиром, выполненная двугранным углом – выступом тонкой боковой кромки пластинки/пластины. Она идет волнообразно ниже до длины 3,6 см. При увеличении видно, что основная и, соответственно, более толстая линия идет по разметке. Данную волну пересекают 8 длинных косых преднамеренных тонких нарезок, выполненных уже позже углом узкой боковой кромки пластинки. Их, в свою очередь, пересекает еще 3–4 продольных нарезки длиной около 5–5,5 см. Сделаны единым режущим движением каждая. Они распространяются вправо.

Напротив «волны» расположен рисунок «овала» размером 2,9 × 2,3 см. Он создан серией преднамеренных ударов (рис. 3: *6*). Длинной поверхностью крупной пластины или долотовидным орудием делались зарубки (в данном случае нет экспериментальных данных). Негативы ударов широкие, в сечении v-образные с пологими краями. Они идут параллельно друг другу. Вверху и внизу овала располагаются самые короткие зарубки, в центре – линии из двух зарубок. Короткие зарубки 0,7 см в длину, длинные – 2,2 см. Так как зарубок много, они создают вогнутую поверхность внутри овала. Полагаем, что были какие-то еще поперечные зарубки / нарезки от тесания, выполненные предварительно. Это в итоге создало вогнутую ребристую поверхность изображения.

На противоположной стороне мотыги, на расстоянии 5 см от кромки излома основания бивня мамонта нанесен рисунок подковообразной формы размером 3,5 × 2,5 см (рис. 3: *7*). Подобные изображения обычно относят к семантике «вульвы» – женского знака (см., например: *Столяр*, 1985. С. 246). Интересно, что данные изображения в большей степени встречены на ориньякских памятниках. Например, по Леруа-Гурану (*Филиппов*, 2004. С. 140–143), это стиль I (период 32–25 некалиброванных тыс. л. н.) и, в меньшей степени, стиль II (25–20 тыс. л. н. некалиброванных). Контур «вульвы» прорисован гравирующими линиями, сходными с линиями «волны». Внутри поле заполнено параллельными линиями, повторяющими очертания от периферии к центру. Их 18. Сначала прорезались боковые, затем центральные линии. Изготовление внешнего контура и внутренних линий отличается. Контур выполнен трехгранной резцевидной кромкой кремневого орудия, паз v-образный, ширина его меняется на разных участках от небольшого вращения орудия в руке мастера (*позиция 1*). Пазы внутренних линий п-образны, но очень узкие. Они созданы повторяющимися движениями. Работать мог узкий, с переходом на двугранный, ограниченный участок какого-либо орудия (рис. 1: *2b*). В большинстве случаев видно начало и окончание линий. Все они расположены внутри контура, не касаясь его.

Справа и выше этого изображения, на расстоянии 1,5 см, расположена группа из четырех продольных линий длиной 1,7–1,9 см (рис. 3: *8*). Каждая выполнена единым гравирующим движением трехгранной резцевидной кромки каменного орудия. В сечении паз v-образный (*позиция 1*). Общая ширина этого рисунка – 0,4 см снизу и 0,5 см вверху, т. е. линии немного расходятся веером. Их преднамеренный характер не вызывает сомнения.

В районе нижней части группы из 4 линий расположены зоны коротких врезок, выполненных более узким в сечении углом каменного орудия (рис. 2: *2*; 3: *8*). Еще выше присутствуют серии множественных коротких нарезок, выполненные двугранными кромками орудий. А далее, выше группы из 4 линий, есть косые прямые нарезки длиной 0,8 см и 1,15 см, выполненные трехгранным углом орудия в *позиции 1*.

На расстоянии 0,3 см справа от «вульвы» расположены еще три прилегающих друг к другу зоны с повреждениями из врезок и врубок преднамеренного характера. Они занимают площадь около 2,3 кв. см и производят впечатление каких-то знаков (рис. 2: *2*; 3: *8*). Среди них присутствуют изогнутые поперечные нарезки длиной 0,8 см, сделанные несколькими движениями широкой трехгранной резцевидной кромки кремневого орудия в *позиции 1*. Все это не пилящие,

а режущие движения, т. е. работает более ограниченный участок орудия и под более тупым углом, чем при пилении. В случае с этими знаками режущие движения не только повторяются, лезвие орудия срезает выступы и углубляет сам знак. Подобным образом выполнены и продольные нарезки длиной 0,5 см, три линии меньшей длины и «знак» длиной 0,85 см, который расположен чуть выше и наискосок по отношению к оси изделия. Там же присутствует след от зарубки длиной 0,6 см. Правее и ниже «вульвы» расположена косая зарубка длиною 1,8 см, она дополнена выгравированной нарезкой.

Таким образом, анализ элементов декора показал использование при их производстве разных инструментов. Мы полагаем, что элементы изображений разновременны и, судя по разному художественному стилю их выполнения, могли быть произведены разными мастерами. Это усиливает смысловую нагрузку данного предмета и ставит вопрос о разнообразии манипуляций с ним, что подтверждается присутствием вариаций следов износа в качестве лощила, ретушера и колотушки (*Ахметгалеева, Дудин*, 2017). Обращает на себя внимание присутствие на поверхности мотыги множества различных вмятин. Их происхождение не во всех случаях ясно. Это могут быть как естественные повреждения, так и следы от преднамеренных точечных ударов.

Ребро мамонта № 1 (рис. 2: *4*). На верхней поверхности фрагмента проксимальной части ребра мамонта длиной 17,5 см, шириной 3–1,6 см, расколотого по центральной оси, сохранилась гравировка площадью 12,4 × 3 см. Она состоит из четырех выполненных наискосок по отношению к оси предмета, вытянутых, приостренных овальных полей, вписанных в плоскость ребра. Каждое создано двумя изогнутыми линиями с расходящимися концами. Внутри также есть линии. Они поперечны по отношению к оси изделия, но расположены наискосок по отношению к контурам «овалов».

Первый «овал», расположенный у границ излома ребра, фрагментирован и представляет собой только небольшой сегмент длиной 2 см (рис. 1: *8*). Остальная его часть обломана в современности. Сохранились его центральная часть с тремя четкими линиями и кончики, предположительно, еще четырех линий. Расстояние между ними примерно от 0,14 до 0,18 см.

Второй «овал» находится в 0,35–0,5 см от первого. Сохранилось не менее 80 % его площади. Длина овала составляет 6 см, максимальная ширина в центральной части 1 см. Кончики создающих его линий расположены на расстоянии 2 см наискосок по отношению друг к другу. По высоте между ними всего 0,7 см. Противоположный край поврежден. Контур «овала» заполнен 23 линиями, расстояние между которыми варьируется от 0,1 до 0,2 см.

Третий «овал» самый крупный, длиной 7 см (рис. 1: *9*), максимальной шириной 1,2 см. Линии, как и в предыдущем случае, берут начало у латеральной грани ребра, одна длиннее другой на 2,5 см, разрыв между ними 0,7 см. Внутри контура 28 линий, которые начинаются от верхнего края. До центральной части они сохранились полностью, далее отсутствуют их нижние окончания. Расстояние между линиями варьируется от 0,13 до 0,18 см.

Четвертый «овал», единственный сохранившийся полностью, имеет длину 4,8 см. Расстояние между началом контурообразующих линий – 0,8 см, высота –

0,4 см. Максимальная ширина овала – 0,9 см. Между окончаниями контурообразующих линий – разрыв в 0,6 см. Поле заполнено серией из 23 линий. Расстояние между линиями – 0,1–0,2 см. Линии имеют отступ от границ контуров в 0,15–0,2 см.

Все линии выполнялись трехгранными в сечении остриями (углами) кремневых инструментов. При выполнении контурных линий фиксируются разрывы движений руки, что облегчало выполнение изгибов. Само ребро вращалось по мере необходимости. Ряд линий идут сверху вниз, ряд – в обратном направлении. В случае с первым «овалом» угол орудия при выполнении контурной линии был шире, чем в остальных случаях. Вероятно, рабочий край был расположен в вентральной позиции. Это мог быть и морфологически выраженный резец в *позиции 2* (рис. 1: *5f, 6f*). Сечение паза контурной линии – как широкое корытце. В остальных случаях это стандартные трапециевидные и чашевидные сечения, характерные для резцевидного прорезания в *позиции 1* в более рыхлой и влажной структуре костной ткани ребра, в сравнении с бивнем мамонта или трубчатой костью (рис. 1: *2d, e, 5g, 6g*). Иногда одна боковая грань в сечении оказывалась более пологой, что связано с позицией орудия в руке. Для проверки был произведен эксперимент на поверхности свежего ребра, который дал аналогичные следы. Работы выполнялись отщепом с разными резцевидными выступами. Мы получили аналогичные следы (рис. 1: *5, 6*), при этом наибольшую ширину пазов вызывала работа, при которой с контактным материалом соприкасается сначала основание более широкого угла режущего орудия (*позиция 2*), более узкие чашеобразные в сечении пазы следовали при работе острия в *позиции 1*.

Внутренние линии выполнены также трехгранными остриями орудий. Они выполнялись несколькими движениями, имеются множественные побочные технологические следы, в пазах фиксируются следы от многоразовых движений. При этом менялся угол наклона орудия, возможно, происходила и его смена, т. к. фиксируется разница в ширине пазов. В целом угол резцевидной кромки при выполнении внутренних линий был у́же, чем при выполнении контурных. Сечение внутренних линий более узкое и более v-образное, т. е. использовался преимущественно угол на сломе орудия или узкий выступ отщепа в *позиции 1*. В своем большинстве внутренние линии изогнуты, что хорошо видно при увеличении ×25. Часто имеют раздвоенные нитевидные изогнутые окончания в противовес более широкому и тупому началу паза. В первом овале линии более грубые, чем в остальных, что было отмечено и для контурной линии. В четвертом овале первые и последние линии имеют плоское п-образное сечение (*позиция 2*). В некоторых случаях фиксировались возвратно-поступательные движения не угла, а боковой двугранной режущей кромки бокового лезвия около угла. Возможно, это изменение наклона одного и того же орудия, но характер линий не исключает использование угла бокового лезвия пластины/пластинки, тем более что наблюдаются более ровные линии с тонким нитевидным окончанием с обеих сторон, когда невозможно определить начало и конец движения. Их сечение еще более узкое, чем стандартный v-образный вариант. Подобные линии преобладают во втором «овале».

Ближе к излому на поверхности ребра в районе третьего и четвертого овала фиксируются следы выскабливания ребра при снятии надкостницы. С обратной

стороны мы также видим следы выскабливания, они дополнены пятнами люстража (заполировки, образовавшейся во время трения о твердую поверхность во влажной среде). Можно сказать, что заглажена вся нижняя поверхность. Есть пятна ржавчины (охровые?) около проксимального конца, отличающиеся от бурых пятен окислов марганца. Около излома с этой стороны поверхность более заглажена, под увеличением хорошо видны концы нарезок и царапин технологического характера. Возможно, на несохранившейся стороне предмета также были какие-то изображения. Обращает на себя внимание разновременность древних изломов. Излом напротив рисунка сглажен более сильно, чем соседние участки. Сглажена на обратной стороне и кромка изломов проксимальной части ребра. Торцевой излом со стороны рисунка – это излом свежей кости, образовавшийся в результате ее раскола. Следы снятия надкостницы и характер этого излома указывают на то, что во время изготовления рисунка данная кость была свежей. На это указывает и характер пазов.

Ребро № 2 (рис. 2: *3*). Еще на одном маленьком фрагменте ребра из нового комплекса наблюдается небольшой участок, повторяющий уже знакомые полосы из слегка изогнутых линий. Длина фрагмента – 5 см, ширина – 2 см, толщина – 1 см. Сохранилась только левая грань ребра. Гравировали на целом в диаметре ребре. С широкого конца присутствует древний излом кости в мерзлом состоянии. С узкого конца вторичный древний излом. Первично с этого края ребро сломали в свежем состоянии.

Гравировка представляет изогнутую полосу из 6 линий. Линии пытались произвести на одинаковом друг от друга расстоянии. Но строгой четкости не получилось, т. к. выполнялись они без разметки. Пазы в сечении достаточно пологие и широкие, с негативами повторяющихся движений (рис. 1: *7*). Расстояние между линиями – 0,1 см; пазы шириной 0,08 см, глубиной 0,02–0,01 см. На основании проведенных экспериментов можем предположить, что их могли выполнять широким трехгранным острием в *позиции 1* и иногда поворачивать орудие в *позицию 2*.

Контекст находок

Различается и археологический контекст находок. Три предмета (рис. 2: *1, 2, 3*) происходят из костно-земляной конструкции – «жилища» – и связаны с заполнениями ее внутреннего пояса (между поясом обкладки и срединной площадью). Структурно зоны находок предметов с орнаментом – разные. Предмет 1 залегал в производственной зоне (почти *in situ*), предмет 2 – в небольшой лакуне среди плотной группировки костей (*in situ*), третий предмет был найден в переотложенном состоянии на относительно свободной от крупных костей мамонта площади. Четвертый предмет (рис. 2: *4*) был обнаружен за пределами «жилища» в верхней части крупной хозяйственной ямы. Для всех четырех экземпляров характерна привязка к разноструктурированным участкам с плотным и насыщенным культурным слоем. Не исключено, что предмет 2 (орнаментированный бивень) был целенаправленно «спрятан».

Заключение

Декорированные изделия стоянки Костенки 11, слой Ia, являются свидетельством существования целого комплекса сложных духовных представлений.

Можно сказать, что рисунок из полос линий является основным типом декора для изделий на стоянке Костенки 11, Ia. Но сами полосы идут в разном сочетании и дополняются по необходимости дополнительными знаками. О семантическом назначении отдельных знаков пока говорить рано, т. к. не выявлено системы их использования. При этом и треугольник, и «вульва» символизируют женские знаки (*Филиппов*, 2004. С. 184, 185), но на данных изделиях они сочетаются и с другими знаками, полосами, чертами. В изготовлении орнамента также есть небольшие различия. При преобладающей орнаментации трехгранным углом (выступом) орудия в *позиции 1* наблюдается разнообразие ширины используемых рабочих кромок и даже смена орудий при орнаментации одного и того же изделия. Также на примере мотыги № 2 фиксируется широкое разнообразие используемых технологических приемов, необходимых для усиления семантического значения и придания выразительности знакам и изображениям.

Если учесть, что распространение сложных геометрических композиций, сопоставимых с декорированным рисунком на мотыге из бивня мамонта № 1, можно отнести к концу максимума последнего оледенения и последующему времени, а изображение «вульвы» на второй мотыге – к периоду до 20 тыс. л. н., возможный возраст этих находок может соответствовать периоду конца максимума последнего оледенения. Поля, заполненные параллельными поперечными линиями, как на фрагменте ребра мамонта, встречаются в качестве изобразительных мотивов на изделиях с других стоянок периода максимума последнего оледенения. Но выполнены они на бивнях мамонта. Самый ближайший аналог – это поля с линиями на бивне мамонта со стоянки Кирилловская на Украине (*Iakovleva*, 2015). Но отличается не только выбранное для нанесения декора сырье, имеются различия в форме и сочетании полей. И полагаем, это также может быть объяснено их различной смысловой нагрузкой.

Незначительное количество предметов с нанесенными на их поверхности композициями из разных знаков и символов, открытых к настоящему времени в пределах нового костно-земляного комплекса, ограничивает возможности их систематизации в контекстно-археологической составляющей. В то же время сам факт разного археологического контекста находок достаточно показателен. Очевидно, что только дальнейшие исследования памятника могут способствовать выявлению какой-либо системы в использовании предметов неутилитарного назначения.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметгалеева Н. Б., Дудин А. Е., 2017. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костенки 11, Ia культурный слой: технологический анализ и предварительные трасологические наблюдения // Археология евразийских степей. № 2. Казань: Казанская недвижимость. С. 31–54.

Ахметгалеева Н. Б., Дудин А. Е., Федюнин И. В., Петрова Е. А., 2017. Предварительные данные об особенностях обработки кости на стоянке Костенки 11, Ia культурный слой // Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж. С. 108–123.

Лбова Л. В., Волков П. В., 2015. Микроскопический анализ Мальтинской антропоморфной скульптуры (Технология формообразования, детализации, декорирования) // SP. № 1. С. 161–168.
Лбова Л. В., Волков П. В., Бочарова Е. И., Ковалев В. С., Хайкунова Н. А., 2017. Основные приемы моделирования и декорирования палеолитической антропоморфной скульптуры с памятника Мальта (Восточная Сибирь) // АЭАЕ. Т. 45. № 3. С. 48–55.
Семенов С. А., 1957. Первобытная техника: Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы. М.; Л.: АН СССР. 240 с. (МИА; № 54.)
Столяр А. Д., 1985. Происхождение искусства. М.: Искусство. 298 с.
Толстых Д. С., 2019. Гравировка на изделиях из бивня мамонта по материалам стоянки Костенки 11: трасология и экспериментальные данные // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных: материалы V Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 48–51.
Филиппов А. К., 1983. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производств в эпоху палеолита. Л.: Наука. С. 9–71.
Филиппов А. К., 2004. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.: Сохранение природы и культурного наследия. 224 с.

Iakovleva L., 2015. L'ornementation géométrique et la géométrisation des formes dans l'art du Paléolithique supérieur européen [Электронный ресурс] // Actes du IV° colloque franco-ukrainien d'archéologie «L'art géométrique de la préhistoire à nos jours». Kiev, avril 2015 / Eds.: L. Iakovleva, F. Djindjian. Kiev: Institut Français d'Ukraine. URL: http://institutfrancais-ukraine.com/programmation/colloque-archeologie.

Сведения об авторах

Дудин Александр Евгеньевич, Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», ул. Кирова, 6А, село Костенки, 396815, Хохольский район, Воронежская обл., Россия; e-mail: goodudin @ gmail.com;

Ахметгалеева Наталия Борисовна, Курчатовский государственный краеведческий музей, ул. Молодежная, 12, Курчатов, 307251, Курская обл., Россия; e-mail: achmetga@mail.ru

A. E. Dudin, N. B. Akhmetgaleyeva

SIGNS AND GEOMETRIC IMAGES ON WORKED BONE ITEMS FROM THE THIRD DWELLING OBJECT AT KOSTENKI 11, LAYER 1A: CONTEXT, TECHNIQUE, STYLISTICS

Abstract. The paper presents the results of analysis of the context, technological methods of manufacturing and features of the ornamentation on pieces of art from excavations at the Kostenki 11 Upper Palaeolithic site (occupation layer 1a) during 2014–2018. Two items were made from mammoth tusk, these are ornamented hoes with two-sided beveled ends. The other two items are fragments of ornamented mammoth ribs. All items exhibit ornamentation bands made of engraved lines. The same production techniques were used to make main elements of the ornament and the pattern on all objects of art. However, forms, combination of bands with other decorative elements and semantic signs are different. We believe that diversity of technological methods applied to manufacture ornamented items, is directly linked to their semantic nature. This factor makes these items look very different from other artifacts from this collection of worked bone.

Keywords: Upper Palaeolithic of the Russian plain, Kostenki 11, ornamented items made from mammoth tusk and bone.

REFERENCES

Akhmetgaleyeva N. B., Dudin A. E., 2017. Novyye proizvedeniya iskusstva s verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Kostenki 11, Ia kul'turnyy sloy: tekhnologicheskiy analiz i predvaritel'nyye trasologicheskiye nablyudeniya [New pieces of art from Upper Paleolithic site Kostenki 11, cultural deposit 1A: technological analysis and preliminary tracewear observations]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of Eurasian steppes]*, 2. Kazan': Kazanskaya nedvizhimost', pp. 31–54.

Akhmetgaleyeva N. B., Dudin A. E., Fedyunin I. V., Petrova E. A., 2017. Predvaritel'nyye dannyye ob osobennostyakh obrabotki kosti na stoyanke Kostenki 11, 1A kul'turnyy sloy [Preliminary data on features of bone working at site Kostenki 11, cultural deposit Ia]. *Estestvennonauchnyye metody v izuchenii i sokhranenii pamyatnikov Kostenkovsko-Borshchevskogo arkheologicheskogo rayona [Methods of natural science in study and preservation of sites of Kostenki-Borshchevo archaeological region]*. Voronezh, pp. 108–123.

Filippov A. K., 1983. Problemy tekhnicheskogo formoobrazovaniya orudiy truda v paleolite [Issues of tools technical shape formation in Paleolithic]. *Tekhnologiya proizvodstv v epokhu paleolita [Production technologies in Paleolithic epoch]*. Leningrad: Nauka, pp. 9–71.

Filippov A. K., 2004. Khaos i garmoniya v iskusstve paleolita [Chaos and harmony in Paleolithic art of the]. St. Petersburg: Sokhraneniye prirody i kul'turnogo naslediya. 224 p.

Lbova L. V., Volkov P. V., 2015. Mikroskopicheskiy analiz Mal'tinskoy antropomorfnoy skul'ptury (Tekhnologiya formoobrazovaniya, detalizatsii, dekorirovaniya) [Microscopic analysis of Mal'ta anthropomorphic sculpture (Technology of shaping, detailing, decoration)]. *SP*, 1, pp. 161–168.

Lbova L. V., Volkov P. V., Bocharova E. I., Kovalev V. S., Khaykunova N. A., 2017. Osnovnyye priyemy modelirovaniya i dekorirovaniya paleoliticheskoy antropomorfnoy skul'ptury s pamyatnika Mal'ta (Vostochnaya Sibir') [Basic techniques for modeling and decorating Paleolithic anthropomorphic sculpture from Mal'ta site (Eastern Siberia)]. *AEAE*, vol. 45, no. 3, pp. 48–55.

Semenov S. A., 1957. Pervobytnaya tekhnika: Opyt izucheniya drevneyshikh orudiy i izdeliy po sledam raboty [Prehistoric technique: Experience in study of earliest tools and artifacts by traces of working]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 240 p. (MIA, 54.)

Stolyar A. D., 1985. Proiskhozhdeniye iskusstva [Origins of art]. Moscow: Iskusstvo. 298 p.

Tolstykh D. S., 2019. Gravirovka na izdeliyakh iz bivnya mamonta po materialam stoyanki Kostenki 11: trasologiya i eksperimental'nyye dannyye [Engravings on items made of mammoth tusk based on materials of Kostenki 11 site: tracewear analysis and experimental data]. *Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh [New materials and methods of archaeological research: from critical analysis of source to generalization and data interpretation]*. Moscow: IA RAN, pp. 48–51.

About the authors

Dudin Alexander E., State archaeological Museum-reserve «Kostenki», ul. Kirova, 6A, Kostenki, 396815, Khokholsky district, Voronezh region, Russian Federation; e-mail: goodudin@gmail.com;

Akhmetgaleeva Natalia B., Kurchatov state museum of the Local Lore, ul. Molodezhnaya 12, Kurchatov 307251, Kursk district, Russian Federation; e-mail: achmetga@mail.ru

О. В. Лозовская

МОТИВ ЗИГЗАГА В КОСТЯНОМ ИНВЕНТАРЕ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2 (ПОЗДНИЙ МЕЗОЛИТ – РАННИЙ НЕОЛИТ): ТЕХНИКИ И КОНТЕКСТ[1]

Резюме. Период позднего мезолита в Верхнем Поволжье характеризуется многочисленными свидетельствами изобразительной деятельности. По материалам многослойной стоянки Замостье 2 (Московская область) наибольший расцвет орнаментации костяного (рогового) инвентаря прослеживается во второй половине VII тыс. до н. э. (cal BC), а в раннем неолите резко идет на спад. Среди разных типов орнамента мотив зигзага является превалирующим. В статье предпринимается попытка определить его значение для местного населения на основе анализа контекста, т. е. связи с определенными типами орудий, типологии изображений и техник его нанесения. Зигзаг встречается на разных типах орудий, но наиболее четко проявляется его связь с остро-колющими предметами. В ряде случаев он является единственным элементом декора на изделии и выражен простой (сплошной или прерывистой) или сдвоенной линией; иногда зигзагообразный орнамент образован пучком параллельных царапин; реже он входит в сложные композиции. Как типы зигзага, так и способы нанесения (тонкая гравировка, скобление, объемная резьба и др.) не были регламентированы и очевидно выполняли разные функции в зависимости от композиционных характеристик и материала изготовления.

Ключевые слова: поздний мезолит, ранний неолит, Волго-Окское междуречье, торфяниковая стоянка Замостье 2, костяной инвентарь, орнаментация, мотив зигзага, техники изготовления.

[1] Исследования выполнены благодаря финансовой поддержке программы ФНИ ГАН № 0184-2019-0008.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.33-49

1. Введение

Для периода позднего мезолита Верхнего Поволжья имеется много свидетельств изобразительной деятельности, которая проявлялась в декорировании предметов вооружения и домашнего обихода, создании объемных зооморфных изображений, производстве серий орнаментированных каменных галек и т. д.

По материалам многослойного озерного поселения Замостье 2 (Волго-Окское междуречье) можно заметить, что наибольший расцвет орнаментации костяного (рогового) инвентаря наблюдается во втор. пол. VII тыс. до н. э., а в раннем неолите идет на спад. Среди разнообразных типов орнамента, которые включали комбинации из штриховок, сеток, геометрических фигур, простых и усложненных линий, мотив зигзага кажется превалирующим.

Целью статьи является оценка роли зигзага в орнаментации изделий из кости/рога с учетом контекста его использования, вариантов изображения и применявшихся для этого техник нанесения.

2. Материалы для исследования. Замостье 2

Торфяниковая стоянка Замостье 2 является одним из наиболее информативных памятников для периода втор. пол. VII – перв. пол. VI тыс. до н. э. в Волго-Окском междуречье. Последовательность отложений включает слои позднего мезолита (нижний и верхний) в рамках ок. 6600–5900 cal BC, слой финального мезолита без керамики (ок. 5900–5750 cal BC), раннего неолита с керамикой (5700–5300 cal BC) и среднего неолита, что позволяет ставить вопросы о культурных и технологических изменениях в период перехода от мезолита к неолиту.

Стоянка раскапывалась В. М. Лозовским в 1989–2000 гг. с перерывами и автором в 2010–2013 гг. (Замостье 2..., 2013. P. 6–17). Слои, залегающие в анаэробных условиях ниже уровня воды реки Дубна, характеризуются великолепной сохранностью органических материалов – не только кости/рога, но и дерева. Материалы стоянки в настоящий момент насчитывают в общей сложности более 100 тысяч артефактов, в т. ч. изделий из кости и рога – более 5 тыс. Из них более 300 изделий с орнаментом и резьбой (без учета подвесок из зубов). Материал сильно фрагментирован; ремонтаж при этом крайне редок. Отдельные категории декорированных артефактов и типы орнамента рассматривались ранее в ряде публикаций (*Лозовский*, 1997; 2009; *Лозовская*, 2018; *Lozovskaya*, 2020). Данное исследование сфокусировано на контексте использования и роли зигзага в изобразительной деятельности населения стоянки.

3. Методы и понятия

Имеющиеся в настоящее время определения понятия «зигзаг» не являются универсальными и всеобъемлющими, но отражают, на мой взгляд, два основных понимания. Первое – это очередность коротких линий, следующих друг за другом под одинаковыми углами (что указывает на **прерывистость и составной**

характер зигзага) и в которой каждая вторая линия является параллельной. Второе – это ломаная линия из чередующихся зубцов (т. е. **непрерывная**), которая образует попеременно выступающие и впалые повторяющиеся углы.

Важно, что оба варианта находят отражение в орнаментах эпохи мезолита.

В костяной индустрии Замостье 2 в данный момент выявлено 80 изделий и фрагментов с зигзагом. Большинство предметов происходит из верхнего слоя позднего мезолита (ВМ) (52), три изделия – из нижнего, наиболее раннего, слоя (НМ). Двенадцать предметов относятся к финальному мезолиту (ФМ) и пять – к раннему неолиту (РН), представленному верхневолжской культурой. Один найден в слое среднего неолита. Семь не имеют точной хронологической привязки.

Для анализа использовались сравнительно-типологический метод исследования, а также технологический метод для реконструкции способов обработки поверхности изделий. Макрофотографии выполнены автором с использованием программы Helicon-Focus.

4. Результаты исследования

4.1. Типы зигзага

Характерной особенностью декорирования костяного/рогового инвентаря на стоянке является применение различных типов зигзага как с точки зрения формы, так и техники нанесения. В настоящий момент выделяется шесть основных типов. Разделение основано на количестве линий, формирующих каждое звено зигзага, и их прерывистости.

Простой зигзаг (рис. 1: *А*). Составлен из коротких разнонаправленных более или менее регулярных отрезков или углов, вершинки которых совпадают или немного смещены относительно друг друга. Каждый отрезок представлен одиночной линией. Это самый распространенный тип, который присутствует на 40 изделиях с зигзагом (в 8 случаях в сочетании с другими типами) и во всех культурных слоях.

Сдвоенный зигзаг (рис. 1: *Б*). Составлен из коротких более или менее регулярных разнонаправленных парных линий. На углах отрезки иногда пересекаются, иногда немного отстоят друг от друга, иногда их вершинки совпадают. Встречены на 22 предметах (в 5 случаях в сочетании с другими типами). В том числе всегда, когда зигзаг расположен поперек изделий (см., например: рис. 5: *2, 4*). В одном случае (рис. 5: *10а*) сдвоенными являются короткие зигзагообразные линии. Характерен для слоев ВМ и ФМ, два изделия относятся к раннему неолиту.

Зигзаг из трех и более линий (рис. 2: *В, Г*). Составлен из регулярных разнонаправленных отрезков, при этом каждая сторона состоит из трех и более параллельных между собой линий. Строенные линии наблюдались в трех случаях, четыре линии – в одном случае. Особый случай – пучки параллельных царапин, составляющих крупный зигзаг, выявленный на трех предметах (см., например, рис. 5: *14, 15*). Найдены в трех слоях мезолита.

Зигзагообразные линии (рис. 2: *А*). Представляют собой непрерывные протяженные линии с более или менее выраженными зубцами, чаще всего нерегулярными.

Рис. 1. Замостье 2. Типы зигзага на костяных/роговых орудиях
А – простой зигзаг; *Б* – сдвоенный зигзаг

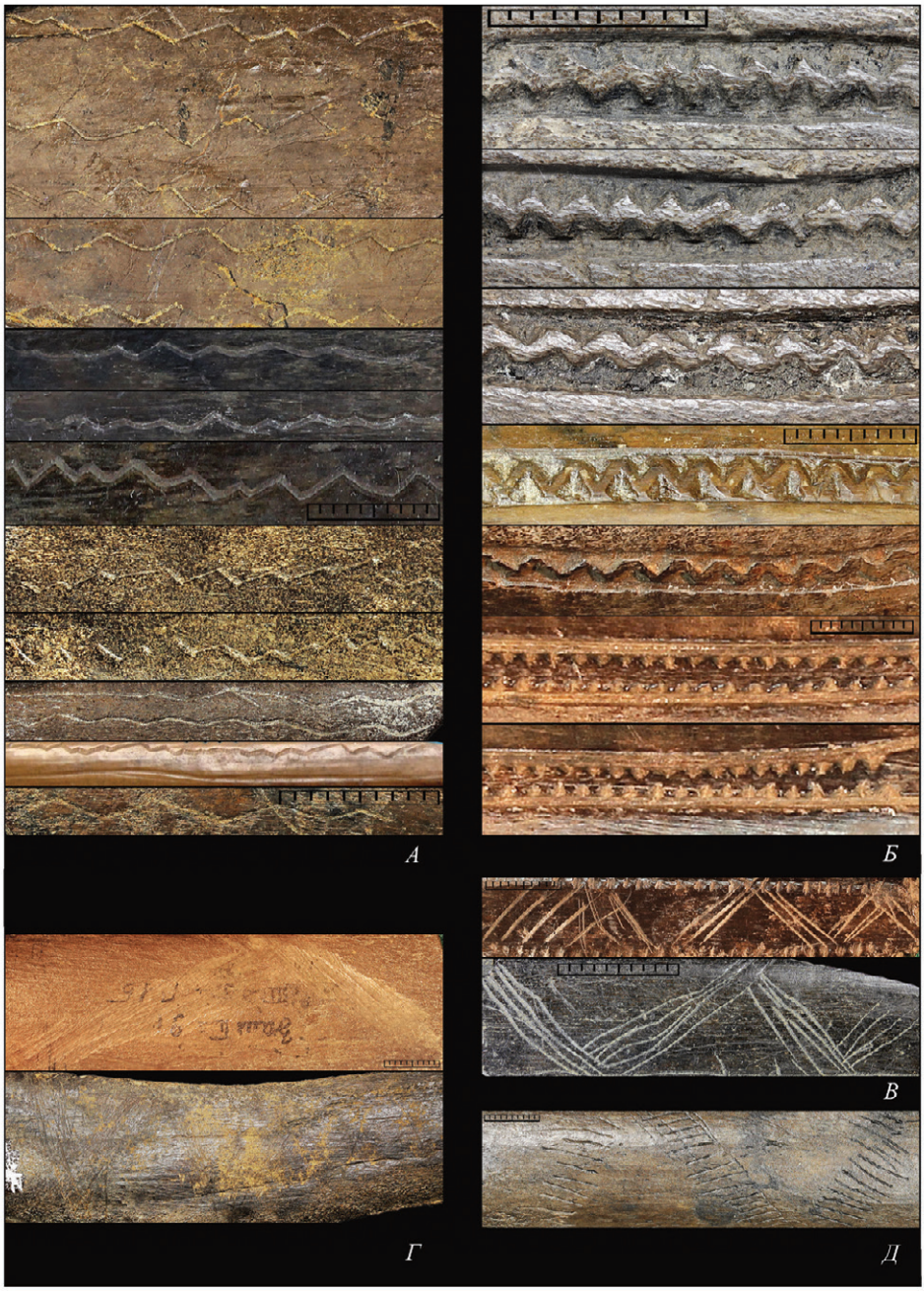


Рис. 2. Замостье 2. Типы зигзага на костяных/роговых орудиях

А – зигзагообразная линия; *Б* – рельефный зигзаг в углубленной канавке; *В, Г* – зигзаг из трех и более линий; *Д* – зигзаг из других элементов

На некоторых участках могут приобретать черты волнистости. Расположенные параллельно, иногда они заполняют широкие стороны предметов (см., например, рис. 5: *3, 4*). Всего 13 изделий, все, кроме двух (ФМ), найдены в верхнем позднемезолитическом слое.

Рельефный зигзаг в углубленной канавке (рис. 2: *Б*). Очень специфический тип орнамента, на который неоднократно указывал В. М. Лозовский (*Лозовский*, 1997. С. 41, 42 и др.). Представляет собой непрерывную зигзагообразную (местами волнообразную) выпуклую линию за счет понижения окружающего рельефа, оформленного в виде ровной узкой канавки.

Зигзаг из других элементов (рис. 2: *Д*). На двух предметах зигзаг составлен из поперечных черточек (рис. 6: *4*) или из лесенок (рис. 5: *8*), оба из слоя ВМ.

В эти типы не вошли еще два изделия, на которых простой зигзаг включен в сложный орнамент из заштрихованных треугольников и, по всей видимости, неотделим от него (рис. 4: *1*). Он близок мотивам k и l (линейные шевроны) (рис. 4: *6*), разработанным Д. Г. Кларком для искусства культуры маглемозе Северной Европы (*Clark*, 1936. P. 169). Оба предмета датируются поздним мезолитом. Начало заполнения штриховкой хорошо видно также на изделии на рис. 5: *5*.

4.2. Техники нанесения

Типы зигзага и способы его нанесения на поверхность костяных/роговых изделий не всегда коррелируются между собой. Всего было выделено три основных технических приема.

Гравировка является универсальным способом декорирования предметов из органических материалов. В Замостье 2 представлены тонкие гравированные линии с разным нажимом (глубиной) и точностью нанесения: как аккуратно прописанные стороны зигзага, так и небрежные царапины зигзагообразного силуэта (рис. 3: *А*). Гравированные линии могут быть короткими и разнонаправленными, и каждая может соответствовать одному отрезку зигзага или представлять собой непрерывную ломаную линию с зигзагообразным контуром. Представлены также смешанные варианты. Таким образом, гравировка – это распространенная техника, которая обеспечивает нанесение простого, двойного зигзага, части изделий третьего типа и зигзагообразных линий. Инструментом могла служить любая кремневая заготовка (пластина, отщеп) с острым краем в виде выступа или угол слома. Сечение гравированных линий преимущественно V-образное или треугольное с разным наклоном, в редких случаях скругленное.

Второй способ нанесения орнамента очень специфический (рис. 3: *В*). Это поверхностное скобление широким протяженным лезвием кремневого инструмента, скорее всего, без вторичной обработки. Зигзаги получаются крупные, грубые, из пучков линий (тип 3); рельеф неглубокий. «Отрезки» зигзага имеют толщину до 1 см. Этот способ нанесения встречен на трех ножах из ребер лося из НМ и ВМ слоев (рис. 5: *14–16*). При этом у одного инструмента вторая сторона с простым зигзагом обработана гравировкой.

Объемная резьба (рис. 3: *Б*). Вырезание орнамента в виде зигзага или волны с глубоким рельефом на широкой слабовыпуклой поверхности представляло

Рис. 3. Замостье 2. Техники нанесения зигзага на костяных/роговых орудиях. Фото автора, рисунок В. Лозовского

А – гравировка; *Б* – объемная резьба; *В* – скобление; *Г* – другое

Рис. 4. Замостье 2. Костяные изделия с зигзагом позднего (*1, 3, 7–9, 11–12, 14–16, 18*) и финального (*7, 10, 13, 17*) мезолита, раннего неолита (*2*) и из смешанных слоев (*4–5*). Фото и рисунки автора (*1–5, 6–18*) и А. Кравцова (*5а*).

1–5 – зигзаг в составе композиций, ножи; *6* – мотивы *h–m* искусства культуры маглемозе (по: *Clark*, 1936. P. 169); *7–13, 18* – вкладышевые наконечники стрел и шипы; *14–17* – заколки

Рис. 5. Замостье 2. Костяные изделия с зигзагом позднего (*2–6, 8–11, 13–17*) и финального (*12*) мезолита, раннего неолита (*1, 7*). Фото автора, рисунки В. Лозовского

1, 2 – наконечники копий; *3–7, 14–16* – ножи из ребер лося; *8, 9* – ножи из лопаток лося; *10–13* – наконечники стрел; *17* – фрагмент

Рис. 6. Замостье 2. Изделия с зигзагом.
Фото автора, рисунки В. Лозовского (*1–2, 10–11, 14*) и Д. Черевко (*4*)

1–2, 5 – серповидные орудия с пазом; *3* – ложка, *4* – рукоять; *6* – вкладышевый кинжал; *7* – навершие в виде головы лося; *8–12* – гравированные гальки; *13* – фигурка змеи; *14* – нож; *15, 16* – заколки

1–2, 5, 7 – рог; *3–4, 6, 14–16* – кость; *8–12* – камень; *13* – дерево

собой четкую технологическую цепочку операций. Она хорошо прослеживается на нескольких незавершенных орудиях (см., например, рис. 6: *2*). Сперва инструментом с широкой поперечной кромкой (типа резца или угла слома) выскабливались две параллельные глубокие борозды по всей длине будущего орнамента. Затем в шахматном порядке навстречу друг другу вырезались подтреугольные углубления, которые формировали регулярную зигзагообразную линию. Эта технология связана только с данным типом орнамента (тип 5); среди стоянок конца каменного века Верхневолжского региона они известны только в Замостье 2. Еще один предмет (топор) с подобным орнаментом найден на стоянке Ивановское II, но без четкой привязки к слою; авторы относят его к бронзовому веку (*Костылева, Уткин*, 2010. С. 54, 55).

Два фрагмента с зигзагом (рис. 3: *D*) в настоящий момент не позволяют однозначно определить инструмент и способ нанесения орнамента и требуют дополнительных экспериментов.

4.3. Контекст использования

4.3.1. Сочетания с другими элементами

В большинстве случаев (44) зигзаг является единственным орнаментальным мотивом на изделии, внутри некоторых категорий достигая почти 100 % (рис. 4: *7–18*). Это указывает на определенную устоявшуюся семантическую нагрузку этого знака.

В сочетании с другими элементами он встречается реже (24). Среди них простые прямые линии вдоль краев изделий или хаотичные царапины, намеренность которых не всегда очевидна (всего 9). В паре с зигзагом встречаются также линии с ресничками или точками, единичные ромбы, «лесенка», косая штриховка и нарезки (всего 15).

Кроме того, в уже описанных выше случаях зигзаг выступает как системообразующий элемент – основа для заполнения образовавшихся треугольников косой штриховкой (рис. 4: *1*).

Наконец, последний контекст использования зигзага – как вспомогательного элемента в составе более сложных композиций (9). В эту группу входят, например, изделия со сдвоенным зигзагом, расположенным поперек продольной оси орудий и играющим разграничительную роль для отдельных декорированных зон (рис. 4: *2*; 5: *2, 4*). В других случаях короткие полосы зигзага или отрезки зигзагообразных линий вписаны в структуру из разных геометрических элементов (см., например, рис. 4: *4, 5*). Сюжеты при этом не повторяются, проявляя высокую степень индивидуальности.

4.3.2. Сочетания с типами изделий и локализация

В целом, зигзаг встречается почти на всех типах орудий, подвергавшихся декорированию.

Для Замостье 2 наиболее характерно использование зигзага на вкладышевых наконечниках с шипом, что можно видеть как на фрагментах острий (3), так и отдельно найденных длинных шипах (4) (рис. 4: *7–13, 18*). Линии простого зигзага идут по краям изделий и вдоль всего шипа с обеих сторон. Отдельные шипы в двух случаях показывают сдвоенный зигзаг. Единственный найденный черешок демонстрирует протяженность орнамента вплоть до зоны предполагаемого крепления (рис. 4: *18*). Во всех случаях использовалась тонкая гравировка. Два других наконечника этого же типа показывают один – расходящиеся «лесенки», другой – отсутствие какого-либо орнамента. Таким образом, зигзаг связан с 4 из 6 изделий (67 %).

Среди 14 отломанных шипов зигзаг отмечен только на четырех**:** три имеют двусторонний зигзаг, один покрыт зигзагом с одной стороны.

Зигзаг присутствует на 10 заколках из 42 отнесенных к этому типу находок (т. е. 26 %) – миниатюрных изделиях с острием и часто с обушком, оформленным в виде зооморфного навершия, традиционно называемого утиной головкой (подробнее см.: *Lozovskaya*, 2020). Края обычно с насечками, что придает им волнистость, а обе стороны украшены зигзагом (рис. 4: *14–17*). Зигзаг простой или зигзагообразные линии (что дополнительно указывает, что это одно и то же). Одна заколка имеет также штриховку образовавшихся углов зигзага. Другие девять предметов декорированы простыми вдоль краев или наклонными одиночными линиями, иных типов орнамента на них не встречено.

Ножи из ребер лося (рис. 4: *1–5*; 5: *3–7*, *14–16*) – это очень многочисленная категория орудий широкого функционального назначения (*Клементе Конте, Гиря*, 2003). Для них характерны орнаментация поверхности, зооморфные навершия на обушке (*Lozovskaya*, 2020) и иногда насечки по краям, создающие волнистость.

Зигзаг на широких сторонах здесь никак не регламентирован – это и грубый зигзаг в виде небрежных царапин (рис. 4: *5*), и проскобленные полосы под углом друг к другу (рис. 5: *14–16*), и серии зигзагообразных линий, иногда плавно переходящих в волну, полностью покрывающие обе поверхности (рис. 5: *3, 4*), и тщательно выгравированные композиции (рис. 4: *1–4*). Таким образом, на ножах представлены первые четыре типа зигзага и две основные техники его нанесения – гравировка и скобление.

Полосы зигзага располагаются преимущественно вдоль продольной оси ножа (20), в очень редких случаях (4) в поперечном направлении – в составе композиций (рис. 4: *2*; 5: *4*). Поперечный зигзаг всегда сдвоенный, иногда с разрывами на вершинах. Это справедливо и для других категорий орудий, в т. ч. наконечника остроги (рис. 5: *2*) и одного серповидного предмета.

Встречается зигзаг также на наконечниках – это игловидные наконечники стрел позднего (4) и финального (1) мезолита (рис. 5: *10–13*). На длинном тонком экземпляре короткие змейки из двойного зигзага расположены по всей длине (рис. 5: *10, 10а*); в трех местах они разделены пояском коротких насечек. В других случаях он расположен в зоне острия или вдоль оси изделий. На экземпляре из слоя ФМ линии зигзага выполнены очень небрежно, с многократным пересечением отрезков на углах. На, возможно, переоформленном наконечнике (рис. 5: *13*) все вершинки зигзага украшены с внешней стороны

точечками. В целом процент орнаментации наконечников стрел небольшой – 5 % (*Лозовская*, 2018. С. 219), среди позднемезолитических экземпляров (ВМ и ФМ) – 11%. Другие, в частности – игловидные, наконечники украшались точками, «лесенками», «линиями с ресничками».

На наконечниках копий/острог зигзаг встречается редко (3). На изделии из слоя РН (рис. 5: *1*) две линии низкого зигзага, местами сдвоенного, с точечками на вершинах, идут по краям выпуклой стороны; оконтуренные им зубцы заштрихованы. Прием «украшения» зигзага точками близок наблюдавшемуся на наконечнике стрелы из ВМ слоя (рис. 5: *13*). Фрагмент мезолитического наконечника (рис. 5: *2*) демонстрирует поперечный двусторонний тройной зигзаг, начинающийся на острие зубца, после первого отрезка, с обеих сторон симметрично украшенного ромбом; простой зигзаг расположен продольно по центру у слома. В третьем случае возле массивного острия выгравированы зигзагообразные линии. Основной «мотив» остальных украшенных наконечников острог – поперечные нарезки на краях и зубцах.

Зигзаг на двух фрагментах ножей из лопаток выглядит нестандартным – это зигзагообразно расположенные «лесенки» (полосы с поперечной штриховкой) (рис. 5: *8*) и крупный двойной зигзаг по краям второго изделия, с противоположной стороны аналогичные сдвоенные линии пересекаются крест-накрест (рис. 5: *9*).

Серповидные орудия с глубоким широким пазом на вогнутом крае связаны почти исключительно с рельефным зигзагом в углубленной канавке. Всего таких орудий насчитывается три целых, один обломок (рис. 6: *1–2, 5*) и одна заготовка, на которой вырезаны соответствующие канавки, а зигзаг еще нет (в подсчеты не вошла). Отличается лишь один миниатюрный серповидный предмет: двойной поперечный зигзаг на краю поврежденного сломом обушка, а доминирующим орнаментальным мотивом является линия с точками.

Единственный предмет с полосой рельефного зигзага, не относящийся к серповидным, – фрагмент кинжала со вкладышами (рис. 6: *6*): зигзаг дополнен тремя рельефными линиями с ресничками/капельками.

Эксклюзивных вещей с зигзагом три: орнаментированная по периметру плоскими срезами голова лося с зигзагами по боковым сторонам (по щекам), с одной стороны три одиночных, с другой – три двойных зигзага (рис. 6: *7*). На единственной украшенной ложечке – двойной разорванный зигзаг по краю (рис. 6: *3*). Третий предмет – рукоять с втулкой на конце из ребра лося, обе стороны покрыты рядами плотно расположенных поперечных черточек, образующих зигзаги (рис. 6: *4*).

В то же время на некоторых типах изделий зигзаг никогда не встречается: например, на орудиях из челюстей бобра и на кинжалах.

4.3.3. Зигзаг на камне и дереве

Кроме костяной индустрии с орнаментацией, на стоянке Замостье 2 имеется обширная серия камней с гравировками – 94 экз. (*Лозовский*, 1997; *Лозовская*, 2018. С. 210–213). Однако на них мотив зигзага очень редок (5), и он явно

не имеет самостоятельного значения (рис. 6: *8–12*). На двух гальках – раннего неолита (рис. 6: *10*), второй без контекста (рис. 6: *9*) – он вписан в регистры наравне с перпендикулярными и наклонными параллельными линиями. Экземпляр из ВМ слоя (рис. 6: *8*) демонстрирует зигзаг в составе сложной композиции из заштрихованных треугольников, которая в известной мере перекликается с описанным выше ножом из того же слоя. Второй из слоя ВМ показывает сюжет из «лесенок» и зигзага (рис. 6: *11*). Обломок шлифованного тесла (?) орнаментирован по всему периметру: на одной из сторон процарапан короткий зигзаг (рис. 6: *12*).

Отдельно следует упомянуть про деревянные предметы: весловидная пластина украшена двусторонним двойным крупным зигзагом (*Lozovskaya, Lozovski*, 2016. P. 66. Fig. 5: *1*), образованным мелкими треугольными вырезами. Фигурка змеи сама вытесана из куска дерева в форме зигзага (рис. 6: *13*) (*Lozovskaya*, 2020; и др.).

5. Дискуссия

При наблюдении многочисленных примеров использования мотива зигзага в костяном инвентаре стоянки Замостье 2 в период смены эпох (мезолит/неолит) и археологических культур (культура позднемезолитического населения / верхневолжская ранненеолитическая культура) кажется очевидным, что его значение не было единообразным и одноплановым. Исходя из типологического и технологического разнообразия, которое не показывает прямой корреляции с формами или категориями орудий, можно заключить, что зигзаг как орнаментальный элемент мог быть наполнен различным содержанием в зависимости от контекста применения.

На этом фоне вырисовываются определенные закономерности. Например, особые формы изображения зигзага в камне – регистры или близкие композиции – могут указывать на иное смысловое наполнение. Хотя, возможно, они отражают более поздние ранненеолитические влияния.

Наиболее ярким локальным явлением можно считать бытование серповидных пазовых орудий с рельефным зигзагом в канавке и только с ним связанной технологией. Проблема хронологической интерпретации этого, по всей видимости, кратковременного явления, к сожалению, пока не решена в силу неблагоприятных условий появления этих находок (подъемный материал из реки, переотложенные слои/выброс из реки, слой ВМ, а также две находки, включая одну незавершенную заготовку, из слоя ФМ), но наиболее вероятным кажется самый финал мезолита. Этот тип орудий является абсолютно обособленным в материалах стоянки, как мезолитических, так и неолитических, функциональное назначение неясно, и роль зигзага в этом контексте остается загадкой.

Если обратиться к случаям доминирующего присутствия зигзага на предметах, то можно предположить его более или менее устойчивую связь с колющими инструментами – наконечниками, особенно пазовыми, заколками и ножами. Разительное сходство силуэтов деревянной фигурки змеи (рис. 6: *13*) с подчеркнутым зигзагообразным контуром и целой серии заколок и ножей с навершием

в виде утиной (или змеиной?) головки (рис. 6: *14–16*) дополнительно усиливается нанесенным на широких поверхностях зигзагом и волнистым (благодаря регулярным насечкам) краем. Это сходство вряд ли может быть случайным. Комплекс сравнений относится к широким рамкам позднего мезолита (ВМ и ФМ, фигурка змеи, слой НМ).

Что касается стилистических или технологических отличий комплекса РН, то пока можно отметить только отсутствие зигзагообразных линий, тройного (и более) зигзага и скобления, а также преобладание композиций (4 из 5). Но значительно важнее факт резкого уменьшения числа орнаментированных предметов, в том числе с изображением зигзага.

Наконец, если говорить об аналогиях изображениям зигзага среди синхронных стоянок Волго-Окского междуречья и ближайших территорий, то их очень немного. Прежде всего, это однокрылый наконечник стоянки Озерки 5, нижний слой (*Жилин*, 2016. С. 164; Рис. 11: *34*), который декорирован пятью зигзагообразными линиями в средней части и пояском поперечного зигзага перед насадом. Более далекие аналогии прослеживаются в материалах поселения Веретье 1: два кинжала из лопаток показывают геометрический орнамент из зигзага, заполненного заштрихованными треугольниками, близкий ножу из Замостья 2 (*Ошибкина*, 2017. С. 62, 63), но там этот орнамент имеет близкие формы из штриховок, собранных в треугольники. Еще один предмет из ребра показывает простой зигзаг вдоль края (Там же. Рис. 29: *7*).

6. Выводы

Население озерных поселений позднего мезолита – раннего неолита активно использовало для декорирования костяного инвентаря разные типы орнаментов. На стоянке Замостье 2 одним из основных орнаментальных мотивов являлся зигзаг. Формы и способы нанесения зигзага не были регламентированы. Выделяется шесть основных типов зигзага – простой, сдвоенный, из трех и более линий, зигзагообразные линии, рельефный в углубленной канавке и составленный их других элементов. Большинство орнаментов выполнены в технике гравировки. Но выделяются еще два специфических технических приема – скобление широким лезвием и объемная резьба на плоской поверхности. Последняя была связана исключительно с типом рельефного зигзага на серповидных пазовых орудиях. Расположение зигзага на поверхности предметов и его сочетания с другими элементами декора, в том числе в составе композиций, очевидно, несли различную смысловую нагрузку.

Наиболее четкая корреляция прослеживается между зигзагом с самостоятельным семантическим значением и миниатюрными заколками, зигзагом и вкладышевыми наконечниками стрел с шипом, а также некоторыми другими колющими/проникающими инструментами – игловидными наконечниками стрел и частью ножей из ребер лося. В последнем случае типы зигзага и способы его нанесения имеют наибольшее разнообразие, что, впрочем, могло быть связано с функциональной универсальностью этого типа инструментов.

Исходя из контекста использования зигзага в мезолитическом комплексе стоянки Замостье 2, можно выделить три основных смысловых пласта. Первый – зигзаг как самостоятельная смысловая единица – на колющих инструментах; сходство с деревянной фигуркой змеи указывает на возможную связь. Второй – пока неизвестный – отражает концепцию использования серповидных орудий в их обособленном статусе. Третий, очевидно, подчиненный какой-то общей идее, – зигзаг в составе различных композиций.

В орнаментации каменных галек зигзаг встречается крайне редко и никогда не является единственным элементом.

Абсолютное большинство костяных/роговых изделий с зигзагообразным декором датируются поздним или финальным мезолитом. В раннем неолите в VI тыс. до н. э. число орнаментированных предметов заметно снижается, а мотив зигзага, кажется, в значительной степени размывается в ином изобразительном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Жилин М. Г., 2016. Наконечники стрел бутовской мезолитической культуры // SP. № 1. С. 137–167.

Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита–неолита в бассейне Верхней Волги / Отв. ред.: В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, И. Клементе-Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 240 с.

Клементе Конте И., Гиря Е. Ю., 2002. Анализ орудий из ребер лося со стоянки Замостье 2 (7 слой, раскопки 1996–97 гг.) // АВ. № 10. СПб. С. 47–59.

Костылева Е. Л., Уткин А. В., 2010. Неолитическая стоянка Ивановское II // Вестник Ивановского гос. университета. Вып. 4. С. 32–61.

Лозовская О. В., 2018. Основные формы изобразительной деятельности в позднем мезолите и раннем неолите Волго-Окского междуречья по материалам стоянки Замостье 2 // ПИФК. № 2 (60). С. 208–226.

Лозовский В. М., 1997. Искусство мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье-2) // Древности Залесского края: материалы к междунар. конф. «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» 1–5 июля 1997. Сергиев Посад: Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. С. 33–51.

Лозовский В. М., 2009. Искусство стоянки Замостье 2 в контексте искусства Европы эпохи мезолита // Древности земли Радонежской: тез. докл. науч. конф. Сергиев Посад. С. 16–21.

Ошибкина С. В., 2017. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры Веретье). М.: ИА РАН. 140 с.

Clark J. G. D., 1936. The Mesolithic Settlement of Northern Europe. Cambridge: Cambridge University Press. 284 p.

Lozovskaya O., 2020. Stylized animal images in the Bone inventory of Mesolithic Hunters-Fishers at Zamostje 2 (Volga-Oka region) // Quaternary International. (In press.)

Lozovskaya O., Lozovski V., 2016. The Use of Wood at the Zamostje 2 Site // New Sites, New Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium, Helsinki, 19–21 November, 2014 / Eds.: P. Uino, K. Nordqvist. Helsinki. P. 59–74. (Iskos; vol. 21.)

Сведения об авторе

Лозовская Ольга Владимировна, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: olozamostje@gmail.com

O. V. Lozovskaya

ZIGZAG MOTIF ON THE BONE ARTIFACTS AT ZAMOSTJE 2 (LATE MESOLITHIC – EARLY NEOLITHIC): TECHNIQUES AND CONTEXT

Abstract. The period of the Late Mesolithic in the Upper Volga region is characterized by numerous evidence of decorative art. According to the materials of the multi-layer lake settlement Zamostje 2 (Moscow region), the greatest flowering of ornamentation of bone (antler) tools can be traced in the second half of the VII mihe only decorative element on items and is expressed by a simple (solid or intermittent) or double line. Sometimes a zigzag ornament is formed by a bunch of parallel scratches; less often it is included in complex compositions. Both types of zigzag and manufacturing techniques (fine engraving, scraping, three-dimensional carving, etc.) were not regulated and obviously performed different functions depending on the compositional characteristics and type of raw material.

Keywords: Late Mesolithic – Early Neolithic, Volga-Oka region, wetland site Zamostje 2, bone tools, ornamentation, zigzag motif, techniques.

REFERENCES

Clemente-Conte I., Girya E. Yu., 2002. Analiz orudiy iz reber losya so stoyanki Zamostje 2 (7 sloy, raskopki 1996–97 gg.) [Analysis of tools from elk ribs from Zamostje 2 site (layer 7, 1996–97 excavations]. *AV*, 10. St. Petersburg, pp. 47–59.

Kostyleva E. L., Utkin A. V., 2010. Neoliticheskaya stoyanka Ivanovskoye II [Neolithic site Ivanovskoye II]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Ivanovo state university]*, 4, pp. 32–61.

Lozovskaya O. V., 2018. Osnovnyye formy izobrazitel'noy deyatel'nosti v pozdnem mezolite i rannem neolite Volgo-Okskogo mezhdurech'ya po materialam stoyanki Zamostje 2 [The main forms of visual activity in the late Mesolithic and early Neolithic in Volga-Oka interfluve based on the materials of Zamostje 2 site]. *PIFK*, 2 (60), pp. 208–226.

Lozovski V. M., 1997. Iskusstvo mezolita – rannego neolita Volgo-Okskogo mezhdurech'ya (po materialam stoyanki Zamostje-2) [Mesolithic – early Neolithic art of Volga-Oka interfluve (based on materials from Zamostje-2 site)]. *Drevnosti Zalesskogo kraya [Antiquities of Zalesskiy land]*. Sergiyev Posad: Sergievo-Posadskiy gosudarstvennyy istoriko-khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 33–51.

Lozovski V. M., 2009. Iskusstvo stoyanki Zamost'je 2 v kontekste iskusstva Evropy epokhi mezolita [Art of Zamostje 2 in context of Mesolithic European art]. *Drevnosti zemli Radonezhskoy [Antiquities of Radonezh land]*. Sergiyev Posad, pp. 16–21.

Oshibkina S. V., 2017. Iskusstvo epokhi mezolita (po materialam kul'tury Veret'ye) [Art of Mesolithic period (based on materials of Veret'ye culture)]. Moscow: IA RAN. 140 p.

Zamost'je 2. *Zamostje 2. Lake Settlement of the Mesolithic and Neolithic Fisherman in Upper Volga Region*. V. M. Lozovski, O. V. Lozovskaya, I. Clemente-Conte, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, 2013. 240 p.

Zhilin M. G., 2016. Nakonechniki strel butovskoy mezoliticheskoy kul'tury [Arrowheads of Butovo Mesolithic culture]. *SP*, 1, pp. 137–167.

About the author

Lozovskaya Olga V., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: olozamostje@gmail.com

И. Ю. Понкратова, Ю. С. Губар, П. В. Волков, Л. В. Лбова

ОКРАШЕННЫЕ АРТЕФАКТЫ СТОЯНКИ УШКИ V (ПОЛУОСТРОВ КАМЧАТКА)[1]

Резюме. Новый этап изучения материалов стоянки Ушки V (п-ов Камчатка) в рамках проблемы идентификации форм знакового поведения выявил специфику археологических материалов, связанных с палеоискусством в территориальном и хронологическом контексте. В связи с этим, детальный микроскопический анализ комплексов артефактов представляется актуальным. Комплекс является наиболее древним в составе памятника и датируется около 13–12 тыс. кал. л. н. При исследовании использованы методы формально-морфологического и технологического анализов; выборка предметов исследована с помощью трасологии. В случаях обнаружения краски на предметах определялся состав пигмента методом SEM-EDX. На основании этнографических материалов и спектрального состава красок высказано предположение о характере добавок, имеющих органическое происхождение. Совокупность серийных изделий, свидетельства их искусственного окрашивания, присутствие резчиков как возможных инструментов для нанесения татуировок составляют знаковые системы однотипных следов, знаков, обладающих внутренними связями. Такие системы служат для осуществления индивидуальных и коллективных коммуникативных и трансляционных процессов, свидетельствуют о сложной структуре ископаемой культуры финального плейстоцена на Камчатке.

Ключевые слова: мобильное искусство, украшения, пигменты, технология, трасология, знаковые системы, Ушки V, Северо-Восточная Евразия.

[1] Исследование выполнялось в рамках научной программы «ФГБОУ ВО СВГУ» «Археологические исследования на п-ове Камчатка», ГРНТИ 03.41.00 / УДК 902 (И. Ю. Понкратова). Работы Губар Ю. С. (методы исследования, результаты спектрального анализа и их обсуждение) выполнены при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10079 «Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.50-66

Введение

Символическая коммуникация считается базовым компонентом человеческой психики, которая выделяет человека из животного мира. Для эффективности и успешности коммуникации требуется система совместных смыслов – знаков. Известно, что на ранних этапах развития человечества люди пытались передать информацию с помощью различных форм знакового поведения (*Лбова*, 2016).

Группу предметов персональной орнаментации (личных украшений) можно определить как форму древнейшей символической коммуникации, как способ передачи информации, наделенной качественными характеристиками личной и культурной идентификации и выраженной через предметно-образный ряд. Украшения, системы украшений, их ритм, материал, окрашивание предметов являются наиболее яркой и выразительной формой знакового или символического поведения (*Vanhaeren*, 2014). С этих позиций комплекс материалов, полученных при раскопках стоянки Ушки V (культурный слой VII), представляет особый интерес.

С 2004 г. многослойная стоянка Ушки V изучается под руководством И. Ю. Понкратовой. Стоянка находится в Усть-Камчатском районе (п-ов Камчатка) на южном берегу Большого Ушковского озера (рис. 1: *а*). В результате ее изучения выделены четыре периода заселения в конце плейстоцена – раннем голоцене (рис. 1: *б*) (*Понкратова*, 2020).

В позднеплейстоценовых отложениях – коричневато-розоватом суглинке с мелкозернистым песком, угольками и перемешанным беловатым мелкозернистым песком – на глубине 2,7–2,8 м обнаружен культурный слой VII. Его мощность – 5–18 см. Слой датирован по ^{14}C угля – 11 330 ± 50–10 350 ± 50 л. н. / 13 320–12 022 кал. л. н. (рис. 1: *3*). На современном этапе исследований это наиболее древнее свидетельство заселения человеком Камчатки.

В слое исследована часть жилища с очагом, входной зоной и рабочим местом. Каменная индустрия включает аморфные нуклеусы и продукты расщепления; орудия (бифасиальные наконечники стрел и дротиков с черешком, скребки и скребла, проколки, тесловидные изделия, ножи строгальные и ножи, используемые, вероятно, для разделки мяса, рыбы, обработки дерева, резчики), остатки ихтиофауны, гастролитов и др. В зоне очага находилось место мастера, который занимался изготовлением украшений. Здесь обнаружены подвески, бусины, их фрагменты и заготовки (149 шт.), а также инструменты для их изготовления (фрагменты и целые экземпляры шлифовальных плиток из песчаника, обломки сырья) (Там же).

В статье представлены результаты исследования коллекции украшений и каменных орудий, предварительно определенных как орудия для выполнения татуажа, на которых отмечены следы красок. Последние выявлены при микроскопическом анализе и последующем исследовании спектра пигмента с помощью SEM-EDX.

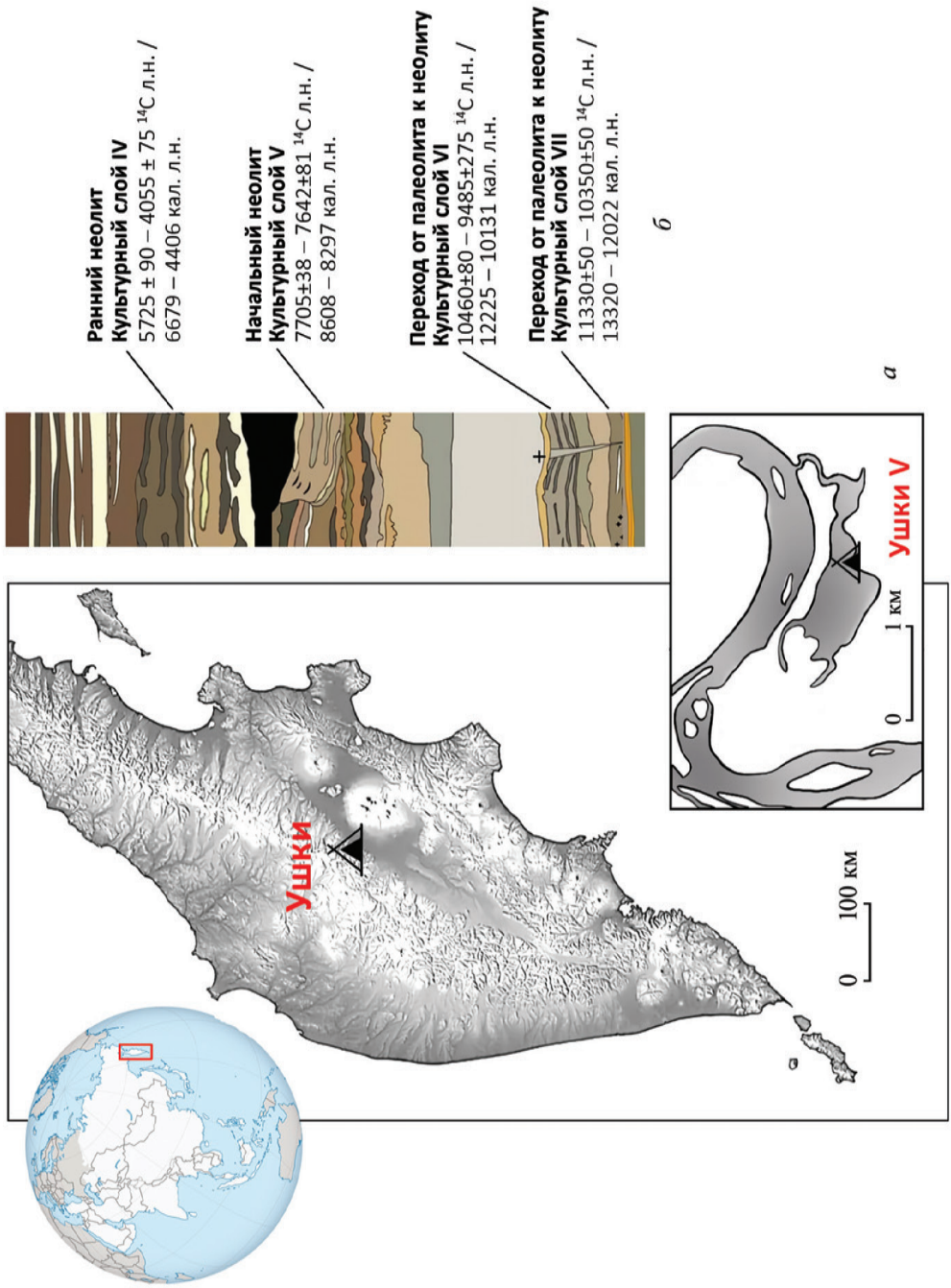


Рис. 1. Многослойная стоянка Ушки V (п-ов Камчатка)
а – местоположение; *б* – хроностратиграфия

Методы исследований

Предварительное микроскопическое обследование поверхностей артефактов коллекции показало их достаточно хорошую сохранность и доступность для трасологического анализа выявленных на них следов износа. Функциональные исследования каменных артефактов коллекции базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой (*Семенов*, 1957; *Korobkowa*, 1999), методике анализа микрозаполировок износа каменных орудий Л. Кили (*Keeley*, 1980). Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной и Центральной Азии (*Волков*, 2013). При общем трасологическом обследовании материалов применялся бинокуляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. В качестве основного исследовательского инструмента применялся специально адаптированный для микротрасологии микроскоп Olympus BHT-M с бестеневым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат.

Микроскопическое изучение изделий со следами краски на поверхности, гематита и образцов культурного слоя произведено с использованием микроскопа, программного обеспечения и цифровой камеры ALTAMI. Предварительный анализ показал высокую вероятность присутствия как фонового, так и красящего вещества, представленного относительно равномерной взвешенной однородной средой. Для определения химического состава пигментов, обнаруженных на предметах, использовалась сканирующая электронная микроскопия и энергодисперсионная рентгеновская спектроскопия (SEM-EDX), как недеструктивный метод, что позволяет исследовать микроструктуру тел, качественный и количественный состав образца без его разрушения (*Popelka-Filcoff et al.*, 2008). SEM-EDX уже был успешно апробирован для палеолитических коллекций Северной Евразии (*Губар, Лбова*, 2019; *Волков и др.*, 2018; *Понкратова и др.*, 2019).

Анализы выполнены на электронном микроскопе Bruker Nano GmbH Quantax 70 (Germany) (ЦКП «Геохронология кайнозоя», ИАЭТ СО РАН). Аппаратура позволяет работать в широком и плавно перестраиваемом диапазоне увеличений до 30 000 крат. При помощи метода SEM-EDX получены фотографии области сканирования и ее элементный состав в процентах (табл.) без учета кислорода и углерода во избежание погрешности при анализе легких элементов, а также график спектра, демонстрирующий набор основных химических элементов.

Материалы и основные результаты исследования

Бусинки и подвески. Коллекция изделий, отнесенных к украшениям и их заготовкам, составляет 149 ед. Заготовки представлены уплощенными округлыми фрагментами сырья различного размера, иногда с точкой кернения в центре (рис. 2: *9–10, 17–21*). Бусы и их фрагменты представлены как серийными, типичными, так и уникальными предметами, плоскими и объемными, симметричными

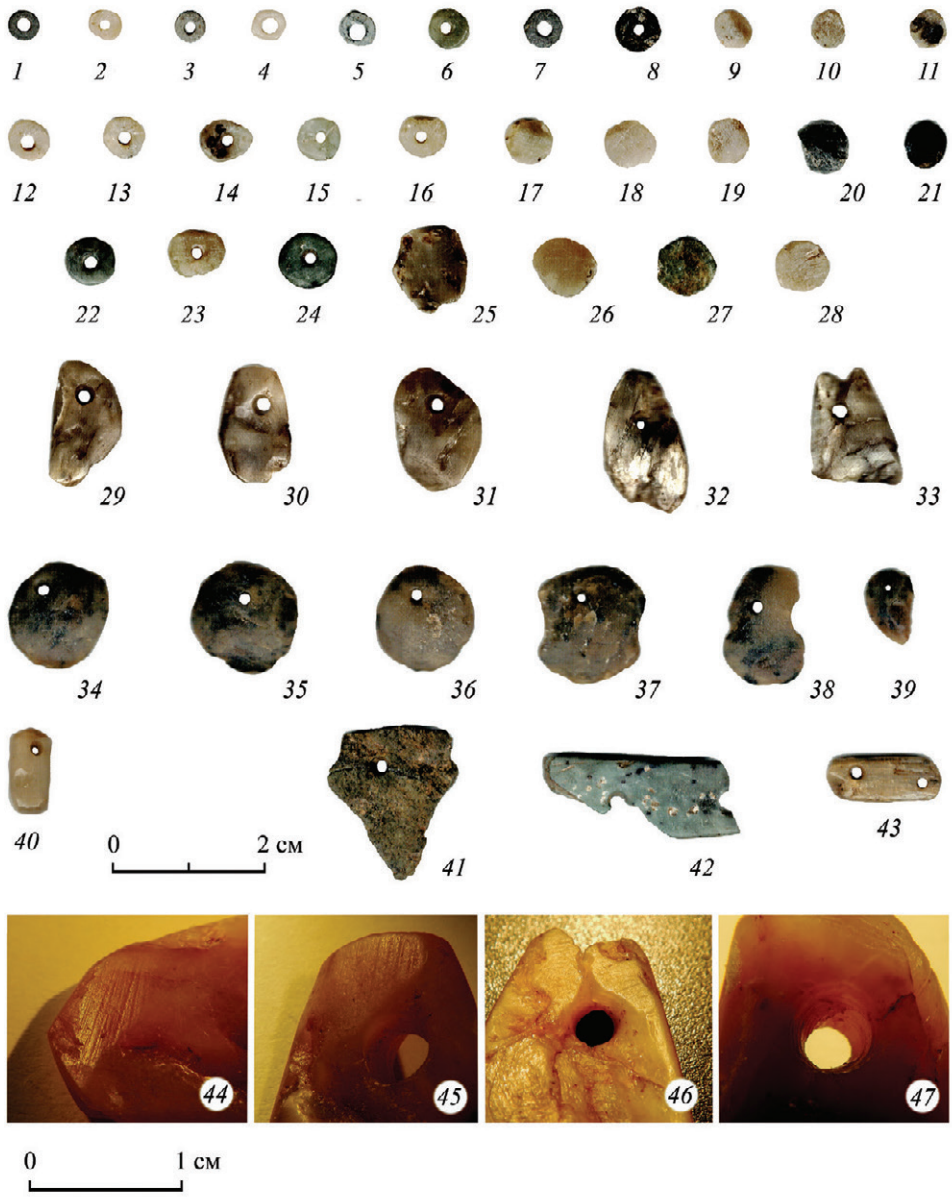


Рис. 2. Коллекция изделий, отнесенных к украшениям и их заготовкам

1–8, 12–16, 22–24 – бусины; *9–11, 17–21, 25–28* – их заготовки; *29–43* – подвески различных типов и следы их производства: *44, 45* – в виде шлифовки; *46* – полировки; *47* – сверления

и асимметричными, круглой подпрямоугольной, подтреугольной формы (рис. 2: *1–8, 12–16, 22–24*). Преобладают изделия округлой формы, плоские в профиле, с одним отверстием в центре (бисер); выполнены в основном из мягких пород камня (пирофиллит, агальматолит). Размеры бусин: 3–7 мм в диаметре, толщина – 1–3 мм. Подвески различаются по форме – овальной и округлой в профиле с одним отверстием в центре или у края, или с двумя – по краям изделия (рис. 2: *29–43*). Размеры подвесок: 12–15 мм в длину, 10–11 мм в ширину, толщина – 4 мм. Зафиксированы следы производства изделий в виде шлифовки (рис. 2: *44, 45*), полировки (рис. 2: *46*) и сверления (рис. 2: *47*).

Орудия. Выборка орудий составила 25 экз. Из них на 19 обнаружены следы эпизодического и долговременного использования. На серии артефактов выявлены идентифицируемые следы износа, позволяющие определить функцию данных орудий. Наиболее отчетливые следы в виде характерных мировыкрошенности и микрозаполировки прослеживаются на 11 инструментах (рис. 3: *1–7*; рис. 4: *1–4*). Данные по локализации следов износа и ориентации линейных следов в совокупности со спецификой структуры поверхности микрозаполировок (*Волков*, 2013. С. 121–126) позволили предположить функцию изученных орудий как резчиков по эластичному органическому материалу. Сравнительный анализ с экспериментальными образцами дал основание определить время утилизации изучаемых орудий в процессе производства как относительно непродолжительное и характерное для разово используемых инструментов.

Выделены две категории орудий – с относительно сильной и более слабой изношенностью. Вместе с этим морфологически они не различимы и визуально выглядят как аморфные отщепы со следами утилизации. Возможно, что орудия с сильной изношенностью использовались для обработки шкур/кожи животных, рыбы более продолжительное время. Орудия со слабой изношенностью рабочего края могли использоваться для разовых, непродолжительных работ по мягкому эластичному материалу (кожа животного или человека).

Предполагаемые орудия по форме как перфораторы или проколки – со специальным рабочим краем и колющими функциями – не выделены в исследуемой выборке артефактов.

Работа резчика специфична и заметно отличается от близкой по своей кинематике работы ножа (рис. 4: *11, 12*) (Там же. С. 106, 107). К числу особенностей работы изученных инструментов следует отнести и относительное неглубокое проникновение режущих участков орудий вглубь от поверхности обрабатываемого материала.

Пигменты. Для определения элементного состава пигментов было отобрано 36 образцов. Из них 17 экз. были исследованы авторами ранее и включали пигменты на предметах (14 экз.), один образец грунта и два образца гематита из культурного слоя (*Понкратова и др*., 2019). Выборка была дополнена пробами красящих веществ с поверхности каменных орудий (табл.). Определены три группы пигментосодержащих материалов, классификация которых основана на данных спектра.

Группа 1 включает пробы гематита и грунта из культурного слоя (3 экз.). В составе гематитов превалирует железо (54 и 82 %), однако по ряду показателей составы значительно различаются (например, разница в содержании серы и титана).

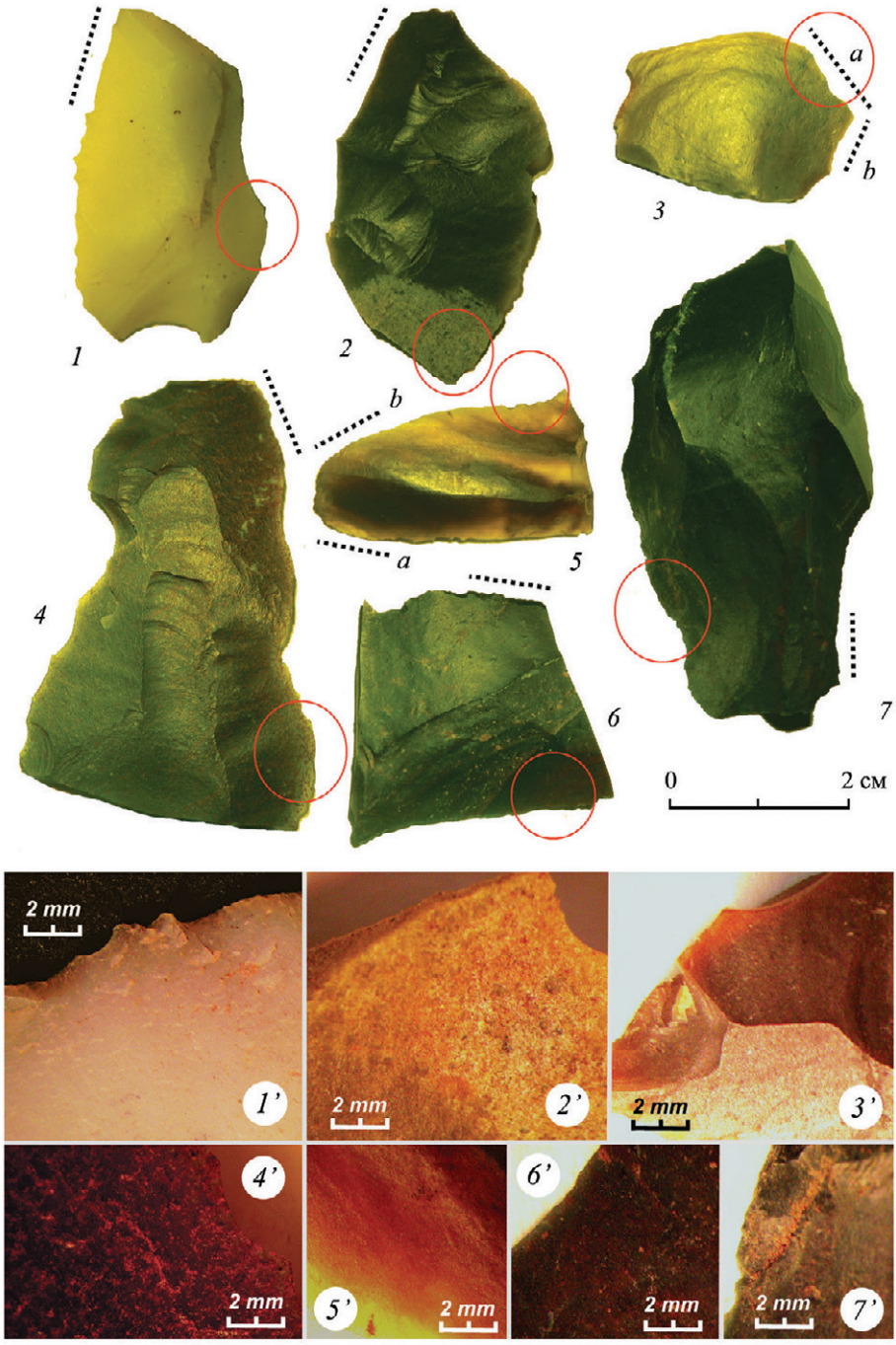


Рис. 3. Резчики

а – местоположение основных рабочих краев; *b* – вспомогательных рабочих краев

1–7 – зоны окраски искусственного происхождения; *1'–7'* – следы красителей на поверхности орудий

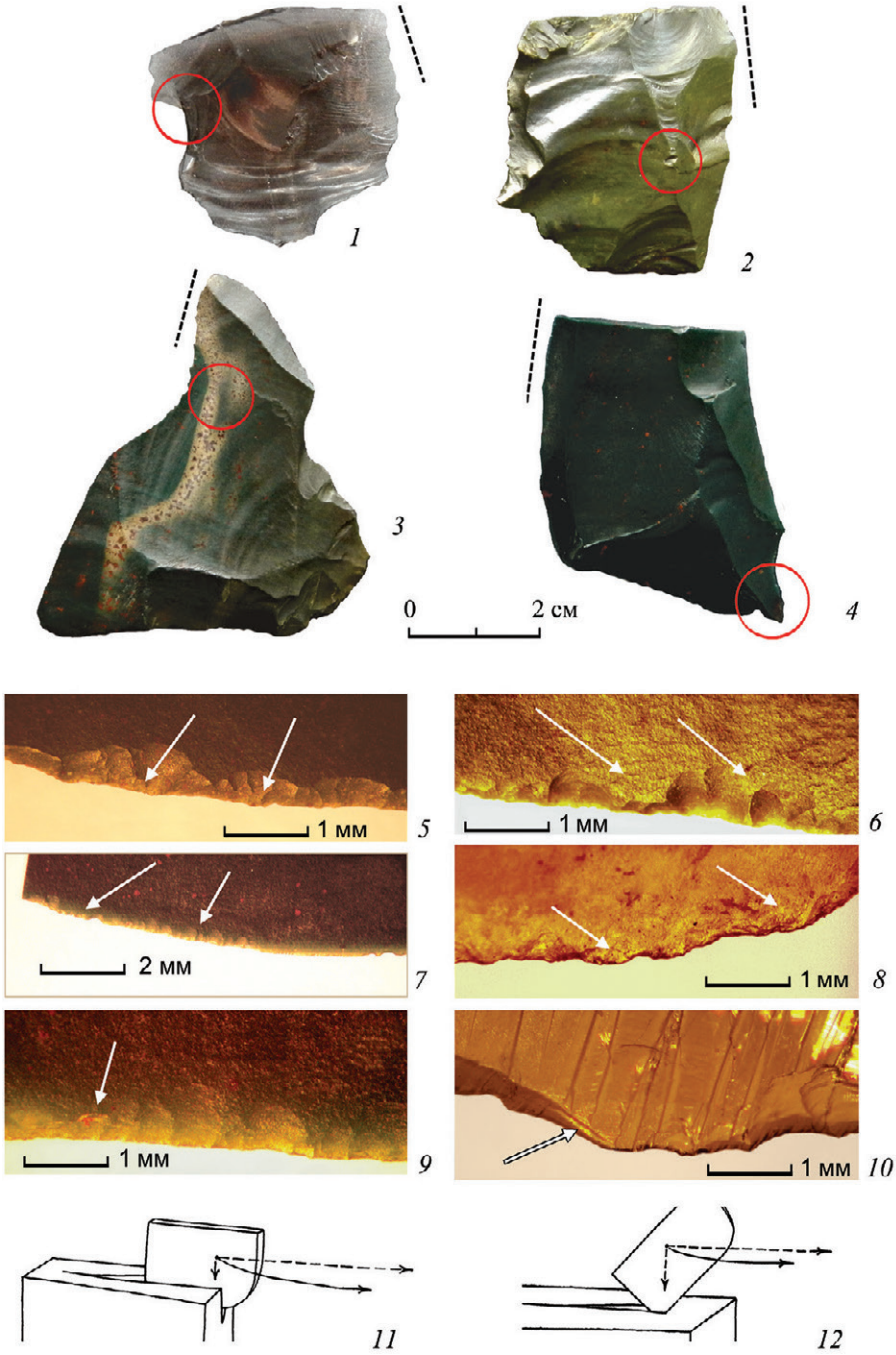


Рис. 4. Резчики

1–4 – местоположение основных рабочих краев и зон окраски разного происхождения; *5, 7* – следы износа орудий в виде микровыкрошенности; *5, 8, 10* – следы микрозаполировки, схемы различий в работе ножа (*11*) и резчика (*12*)

Сюда же следует отнести зерна гематита, обнаруженные в структуре поверхности каменных орудий (табл. № 4–14). В большинстве природных пигментов (9 образцов) содержание железа варьируется в пределах 44–61 %, кремния – 1–4 %, алюминий отсутствует в образцах № 10 и № 12, или его содержание незначительно. Кальций, магний, калий, натрий, хлор, титан, германий встречаются в незначительном количестве.

Два образца (№ 13 и 14) имеют особенность: содержание железа в них меньше (30 %), а кремния больше (13,33 и 16,84 %), появляются элементы, не входящие в состав большинства природных пигментов (натрий, германий, хлор) (табл.). На основании этих данных они могут быть отнесены и к группе искусственных пигментов на орудиях, однако похожий набор элементов мы наблюдаем в одной из проб гематита (табл. 1, № 3).

Подтверждается высказанная ранее мысль о том, что образцы гематита происходят от различных конкреций либо были доставлены из разных мест. Один из вероятных источников гематита находится у подножия действующего вулкана Толбачик, в 40 км от стоянки (*Pekov et al*., 2018. P. 877).

Группа 2 объединяет бусины, подвески, заготовки (14 экз.) (табл. 1). Подтверждено наличие пигмента искусственного происхождения, на композитный состав которого указывали низкие показатели железа (3–6 %) и присутствие различных добавок в составе краски: алюмосиликаты, мышьяк, калий, кальций и натрий (*Понкратова и др.*, 2019. С. 68). На отдельных образцах в точке сканирования отмечены составы, идентичные образцу № 1 (культурный слой).

В группе 3 представлены пигменты с искусственным составом на каменных орудиях (8 экз.) (табл. 1, № 29–36). Характеризуется содержанием железа в пределах от 2 до 17 %, показатели кремния возрастают до 11–33 %, алюминия – 0,6–5 %, кальция – 0,22–1,71 %, магний присутствует во всех образцах группы (0,3–0,7 %), кроме № 32 и № 36. Натрий отсутствует в № 35 и № 36, в других образцах его содержание в пределах от 0,19 до 2 %. Содержание калия расположено ниже порога значимости (0,33–0,74 %). Хлор представлен в двух экземплярах (№ 30 и № 32), марганец присутствует только в № 34 (1,37 %). Показатели титана совпадают с показателями по образцу 1 (грунт) (0,11–1,16 %).

В группе 3 выделяются два образца: № 35 и 36. Они характеризуются низкими показателями железа, что явилось основанием отнесения их к группе искусственных, но в них незначительное присутствие примесей, высок процент углерода и магния, что можно объяснить неравномерным распределением в алюмосиликатной добавке. В других образцах группы 3 фиксируется большой разброс содержания таких элементов, что подтверждает наши предположения. Ключевым критерием для определения пигментов на каменных орудиях как искусственных красок является доминирование в составе алюмосиликатов, углерода и вариативный набор элементов.

Таким образом, образцы пигментов со стоянки Ушки V представлены тремя группами, классификация которых основана на анализе элементного состава, что позволяет представить наиболее полную картину использования красок в культурной традиции древнего населения стоянки. Выявлена значительная разница в составах пигментов. Для природных пигментов, представленных в группе 1, в качестве основы использовался гематит, отличающийся по составу

Таблица 1. Элементный состав пигментов и пигментсодержащих материалов/образцов

№ образца	Наименование	Полевой шифр	Химические элементы (%)*															
			Fe	Si	Al	Ca	Mg	K	Na	Cl	Ti	Ge	Mn	As	S	Cr	Zn	P
Группа 1																		
Природные материалы из культурного слоя																		
1	**Проба грунта**	**У-V-07/514**	16,13	40,33	16,59	17,33	2,46	3,72	2,27	-	1,18	-	-	-	-	-	-	-
2	**Гематит**	**У-V-07/224**	82,46	7,30	4,75	2,99	1,27	0,15	1,09	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	**Гематит**	**У-V-07/427**	54,25	18,59	19,68	1,11	-	0,39	1,15	-	3,56	-	-	-	1,27	-	-	-
Природные пигменты на каменных орудиях																		
4	**Резчик**	**У-V-08/7**	47,81	1,23	0,35	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	**Нож**	**У-V-06/206**	53,30	2,13	0,33	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	**Резчик**	**У-V-06/239**	52,29	1,51	0,38	-	0,25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	**Резчик**	**У-V-07/351**	49,08	1,57	0,57	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8	**Резчик**	**У-V-08/431**	52,49	2,05	0,23	0,15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9	**Отщеп (без следов работы)**	**У-V-07/440**	61,12	3,41	0,21	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	**Отщеп (без следов работы)**	**У-V-07/458**	44,26	2,19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	**Тесло**	**У-V-07/524**	48,57	1,54	0,38	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	**Резчик**	**У-V-07/525**	59,71	4,63	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	**Резчик**	**У-V-07/456**	30,93	13,33	0,90	-	-	0,31	-	-	-	0,50	-	-	-	-	-	-
14	**Резчик**	**У-V-06/634**	30,09	16,84	0,61	-	-	0,74	2,01	0,66	-	-	-	-	-	-	-	-

Окончание таблицы 1

Группа 2																		
15	**Бусина**	**У-V-07/517**	5,76	58,43	3,58	1,50	23,58	0,34	0,17	0,27	0,45	-	-	5,93	-	-	-	-
16	**Заготовка бусины**	**У-V-07/487**	4,70	60,12	-	0,96	25,86	0,35	-	0,44	0,59	-	1,03	5,98	-	-	-	-
17	**Бусина**	**У-V-07/605**	4,16	59,32	0,72	1,38	22,96	-	-	5,24	-	-	-	6,22	-	-	-	-
18	**Бусина**	**У-V-07/486**	3,82	59,99	1,62	0,89	25,60	-	-	1,57	-	-	-	6,51	-	-	-	-
19	**Бусина**	**У-V-07/509**	3,78	61,55	2,57	-	25,37	-	-	-	-	-	-	6,72	-	-	-	-
20	**Бусина**	**У-V-07/643**	4,17	44,43	32,35	-	-	16,65	0,86	-	0,59	-	-	0,95	-	-	-	-
21	**Бусина**	**У-V-06/1221**	12,96	42,47	11,92	6,01	18,09	0,81	0,38	6,48	0,89	-	-	-	-	-	-	-
22	**Подвеска**	**У-V-07/386**	10,94	36,85	17,66	1,75	31,61	0,23	-	0,24	0,42	-	-	-	-	0,29	-	-
23	**Бусина**	**У-V-07/630**	4,71	60,92	3,22	1,04	24,02	0,30	-	-	-	-	-	5,80	-	-	-	-
24	**Бусина**	**У-V-07/517**	12,35	34,32	15,49	7,65	15,38	2,80	-	1,47	0,85	-	5,97	-	-	-	1,09	2,62
25	**Бусина**	**У-V-07/526**	9,01	51,23	22,89	1,11	2,97	9,28	1,80	-	1,71	-	-	-	-	-	-	-
26	**Бусина**	**У-V-07/585**	6,75	60,26	1,04	0,64	24,83	0,28	-	0,25	-	-	-	5,96	-	-	-	-
27	**Заготовка бусины**	**У-V-07/522**	11,45	43,30	13,57	3,15	28,34	-	-	0,19	-	-	-	-	-	-	-	-
28	**Бусина**	**У-V-07/460**	3,84	59,99	-	0,68	24,56	0,51	0,13	4,83	0,72	-	-	5,76	-	-	-	-
Группа 3																		
29	**Резчик**	**У-V-07/432**	3,64	33,28	1,14	0,48	0,37	0,61	0,19	-	0,20	-	-	-	-	-	-	-
30	**Резчик**	**У-V-07/441**	2,17	32,68	0,96	0,22	0,41	0,58	0,35	0,14	0,11	-	-	-	-	-	-	-
31	**Резчик**	**У-V-07/470**	7,57	15,70	5,93	1,56	0,60	0,34	1,12	-	0,58	-	-	-	-	-	-	-
32	**Резчик**	**У-V-06/665**	17,18	16,84	0,61	-	-	0,74	2,01	0,66	-	-	-	-	-	-	-	-
33	**Резчик**	**У-V-06/1324/1/с**	11,85	11,81	3,88	2,07	0,70	-	0,63	-	1,16	-	-	-	-	-	-	-
34	**Резчик**	**У-V-06/1324/2/г**	12,38	8,64	3,53	1,71	0,69	0,35	1,10	-	0,31	-	1,37	-	-	-	-	-
35	**Резчик**	**У-V-07/416**	10,86	20,08	2,28	-	0,55	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
36	**Резчик**	**У-V-06/208**	13	26,57	-	-	-	0,33	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

* без учета О и С

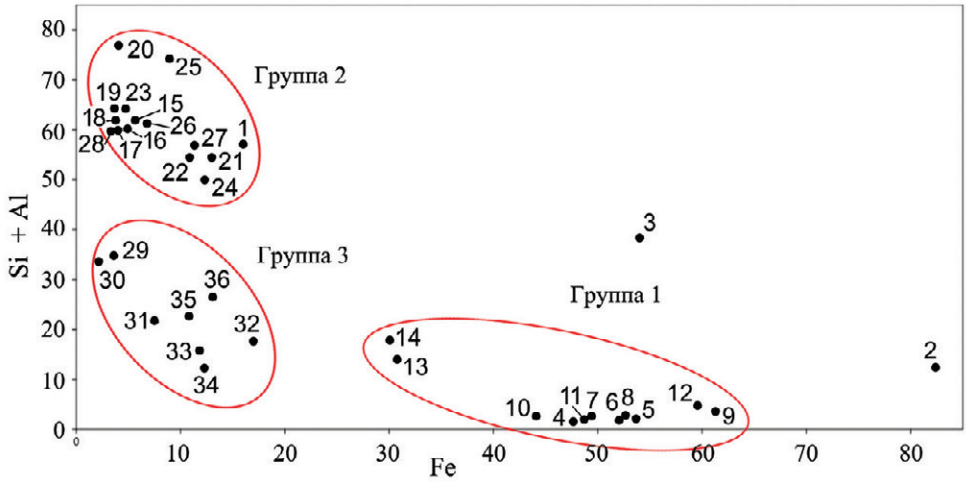


Рис. 5. Корреляционный график содержания основных элементов в составе пигментов (Fe, Si, Al)

от гематита и окислов железа из местного грунта (*Понкратова и др.*, 2019). При этом отмечается, что по базовым элементам образец грунта ближе к составам, обнаруженным на бусинах и подвесках (рис. 5). Краски на бусинах, подвесках и каменных орудиях отличаются количественными показателями добавок – кремния, алюминия, магния, калия, хлора. В искусственных составах пигментов на поверхности резчиков и других каменных орудий отсутствует мышьяк. Это может свидетельствовать о различных добавках органического и неорганического происхождения, разных способах изготовления красок для разных целей (татуажа (?), окрашивания украшений, кожи, одежды).

Обсуждение

Бусины и подвески, несомненно, являлись частью более сложных изобразительных систем (ожерелий, расшитой одежды, украшениями посуды особого назначения или других изделий престижного характера). На территории Севера Дальнего Востока России и Якутии находки украшений в виде каменных бус сравнительно редки. Древнейшими считаются палеолитические украшения, изготовленные из бивня и кости, найденные на Янской стоянке (рис. 6: *1*) (*Питулько и др.*, 2014). Наиболее схожие по форме, но отличающиеся по времени, материалу (раковины), технике изготовления бусины обнаружены в погребальных неолитических комплексах бассейна реки Колымы – Каменка-2 (рис. 6: *2, 5*), Помазкино 3 (рис. 6: *4, 8*) (*Кашин*, 2013; *Кашин, Калинина*, 1997), погребение Родинкское, стоянка Родинка (рис. 6: *6*), на стоянках Бурулгино (рис. 6: *3*) (Музей арктической археологии им. С. А. Федосеевой Арктического научно-исследовательского центра Академии наук Республики Якутия), Нил-Устье и Хурен-

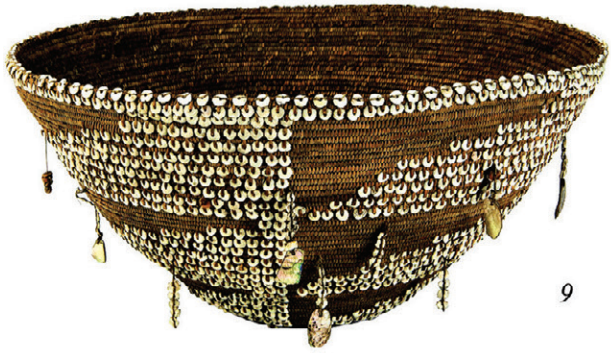


Рис. 6. Украшения из археологических и этнографических коллекций памятников Северо-Восточной Азии

1 – Янская стоянка; *2, 5* – Каменка-2; *3* – Бурулгино; *4, 8* – Помазкино; *6* – Родинкское погребение; *7* – стоянки Нил-Устье и Хуренджа V; *9* – Северо-Западное побережье Америки

джа V (рис. 6: *7*) (*Слободин*, 1999). Схожими по форме подвесками и бусинами из раковин индейцы Калифорнии украшали корзины, пояса, серьги, свистульки, собирали из них ожерелья (рис. 6: 9). Процесс изготовления бусин, подобных ушковским, зафиксирован в этнографических описаниях народа кашая (Индейцы.., 2018).

Ительмены для окрашивания кож, идущих на пошив одежды, использовали минеральные красители. Описана процедура покраски кож в красный цвет. Красили соком шикши или брусники; шкуры дубили при помощи «гнилого дерева», рыбьей икры, настоя ольховой коры (*Стеллер*, 1999; и др.).

Традиции нанесения несмываемых рисунков прослежены практически у всех народов мира, в том числе в Тихоокеанском регионе у коряков, эвенов, чукчей, эскимосов, айнов, где татуировка выполняла социальную, эстетическую и религиозную функции (*Богораз*, 1991; *Nelson*, 1990; и др.). Исследование следов износа орудий из обсидиана и кварца из материалов археологических памятников Меланезии эпохи среднего и позднего голоцена показало, что наиболее древним способом нанесения татуировки являлась резка кожи; техника перфорации (прокалывания) появилась позднее (*Kononenko*, 2012). Изучение орудий культурного слоя VII стоянки Ушки V – резчиков со следами слабого износа, используемых в разовых, непродолжительных операциях, позволяет предположить, что это могли быть инструменты для нанесения неглубоких насечек на коже, в которые в дальнейшем вносились красящие элементы.

Заключение

Исследования коллекции украшений и выборки орудий из культурного слоя VII стоянки Ушки V позволяют предложить реконструкцию видов символического поведения древнего населения. Комплекс является наиболее древним в составе памятника, в хронологическом контексте представляет культуру финального плейстоцена и датируется около 13–12 тыс. кал. л. н.

Совокупность серийных изделий, свидетельства их искусственного окрашивания, присутствие резчиков как вероятных тату-орудий или предметов, использующихся при декорировании кожи (?), составляют знаковые системы однотипных следов, знаков, обладающих внутренними связями. Такие системы служат для осуществления индивидуальных и коллективных коммуникативных и трансляционных процессов, что свидетельствует о сложной структуре ископаемой культуры финального плейстоцена на Камчатке.

Благодарности

Благодарим сотрудников Музея арктической археологии им. С. А. Федосеевой Арктического научно-исследовательского центра Академии наук Республики Якутия (г. Якутск) Ю. А. Шипицина, Н. С. Кирьянова, Е. Н. Соловьеву за помощь в ознакомлении с коллекциями археологических памятников Якутии.

ЛИТЕРАТУРА

Богораз В. Г., 1991. Материальная культура чукчей. М.: Наука. 224 с.
Волков П. В., 2013. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История. 416 с.
Волков П. В., Лбова Л. В., Губар Ю. С., Швец О. Л., 2018. Усть-Ковинский мамонт: результаты микроскопического исследования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Т. 17. № 7: Археология и этнография. С. 56–66.
Губар Ю. С., Лбова Л. В., 2019. Использование пигментов в эпоху верхнего палеолита на территории Северной Евразии // Социальные трансформации. Вып. 30. С. 54–58.
Индейцы Калифорнии. Каталог коллекций Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 344 с.
Кашин В. А., 2013. Неолит Средней Колымы. Новосибирск: Наука. 224 с.
Кашин В. А., Калинина В. В., 1997. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск: Северовед. 112 с.
Лбова Л. В., 2016. Предметы персональной орнаментации в контексте знаковых систем палеолита Сибири // Universum Humanitarium. № 1 (2). С. 37–49.
Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В., 2014. Искусство верхнего палеолита Арктической Сибири // Уральский исторический вестник. № 2 (43). С. 6–17.
Понкратова И. Ю., 2020. Этапы заселения территории вокруг Большого Ушковского озера на Камчатке в конце плейстоцена – голоцене // АЭАЕ. Т. 48. № 1. С. 41–51.
Понкратова И. Ю., Губар Ю. С., Лбова Л. В., 2019. Спектральный анализ окрашенных артефактов слоя VII стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Universum Humanitarium. № 1. С. 56–71.
Семенов С. А., 1957. Первобытная техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 241 с. (МИА; № 54.)
Слободин С. Б., 1999. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН. 233 с.
Стеллер Г. В., 1999. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор. 288 с.

Keeley L. H., 1980. Experimental determination of stone tool uses. A microwear analysis. Chicago; London: University of Chicago Press. 212 p.
Kononenko N. A., 2012. Middle and late Holocene skin-working tools in Melanesia: Tattooing and scarification? // Archaeology in Oceania. Vol. 47. Iss. 1. P. 14–28.
Korobkowa G. F., 1999. Narzędzia w pradziejach: podstawy badania funkcji metodą traseologiczną. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 168 p.
Nelson E. W., 1900. The Eskimo about Bering Strait. Washington: Government Printing Office. 518 p.
Pekov I. V., Zubkova N. V., Agakhanov A. A., Yapaskurt V. O., Chukanov N. V., Belakovskiy D. I., Sidorov E. G., Pushcharovsky D. Yu., 2018. New arsenate minerals from the Arsenatnaya fumarole, Tolbachik volcano, Kamchatka, Russia. VIII. Arsenowagnerite, Mg2(AsO4)F // Mineralogical Magazine. Vol. 82. Iss. 4. P. 877–888.
Popelka-Filcoff R. S., Miksac E. J., Robertson J. D., Glascock M. D., Wallace H., 2008. Elemental analysis and characterization of ochre sources from Southern Arizona // Journal of Archaeological Science. Vol. 35. Iss. 3. P. 752–762.
Vanhaeren M., 2014. The Beauty of Beads: From Prehistory to Present Day // Art as Behavior (An Ethnological Approach to Visual and Verbal Art, Music and Architecture). Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität. P. 273–290. (Hanse Studies; vol. 10.)

Сведения об авторах

Понкратова Ирина Юрьевна, Северо-Восточный государственный университет, ул. Портовая, 13, Магадан, 685000, Россия; e-mail: ponkratova1@yandex.ru;

Губар Юлия Сергеевна, Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: julfoxzzz@gmail.com;

Волков Павел Владимирович, Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: volkov100@yandex.ru;

Лбова Людмила Валентиновна, Высшая школа международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, Гражданский проспект, 28, Санкт-Петербург, 194021, Россия; e-mail: lbovapnr5@gmail.com

I. Yu. Ponkratova, Yu. S. Gubar, P. V. Volkov, L. V. Lbova

PAINTED ARTIFACTS FROM USHKI V (KAMCHATKA PENINSULA)

Abstract. It is quite relevant to launch a new stage in examination of the artifacts retrieved from the Ushki V site (Kamchatka Peninsula) as part of the exercise to describe forms of sign behavior identified by distinctive features of archaeological materials associated with paleoart in the spatial and chronological contexts and a possibility to perform in-depth microscopic analysis of artifact assemblages. The assemblage in question is the earliest at the site, it dates to 13,000–12,000 years ago. The study applied methods of formal-morphological and technological analyses; sampling was drawn with the help of tracewear analysis. When pigment was identified on the artifacts, its composition was determined by the SEM-EDX method. Ethnographic materials and the spectral composition of pigments suggested the nature of additives that were of organic origin. A set of series artifacts, evidence of their artificial dyeing, presence of chisels as likely tools for making tattoos are elements of the sign systems of one-type traces and signs that are interconnected. Such systems serve to support individual and collective communication and information dissemination processes, being an evidence of a sophisticated organizational structure of this archaeological culture in the final stage of Pleistocene in Kamchatka.

Keywords: portable art, jewelry, pigments, technology, tracewear analysis, sign systems, Ushki V, northeastern Eurasia.

REFERENCES

Bogoraz V. G., 1991. Material'naya kul'tura chukchey [Material culture of the Chukchi]. Moscow: Nauka. 224 p.

Gubar Yu. S., Lbova L. V., 2019. Ispol'zovaniye pigmentov v epokhu verkhnego paleolita na territorii Severnoy Evrazii [Use of pigments in Upper Paleolithic period in Northern Eurasia]. *Sotsial'nyye transformatsii [Social transformations]*, 30, pp. 54–58.

Indeytsy Kalifornii. Katalog kollektsiy Kunstkamery [Indians of California. Catalogue of Kunstkamera collections]. St. Petersburg: MAE RAN, 2018. 344 p.

Kashin V. A., 2013. Neolit Sredney Kolymy [Neolithic of Middle Kolyma]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.

Kashin V. A., Kalinina V. V., 1997. Pomazkinskiy arkheologicheskiy kompleks kak chast' tsirkumpolyarnoy kul'tury [Pomazkino archaeological complex as part of the circumpolar culture]. Yakutsk: Severoved. 112 p.

Lbova L. V., 2016. Predmety personal'noy ornamentatsii v kontekste znakovykh sistem paleolita Sibiri [Objects of personal ornamentation in context of sign systems of Siberia Paleolithic]. *Universum Humanitarium*, 1 (2), pp. 37–49.

Pitul'ko V. V., Pavlova E. Yu., Ivanova V. V., 2014. Iskusstvo verkhnego paleolita Arkticheskoy Sibiri [The art of Arctic Siberia in Upper Paleolithic]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [The Ural historical bulletin]*, 2 (43), pp. 6–17.

Ponkratova I. Yu., 2020. Etapy zaseleniya territorii vokrug Bol'shogo Ushkovskogo ozera na Kamchatke v kontse pleystotsena – golotsene [Stages of settlement of the territory around Bol'shoye Ushkovskoye lake in Kamchatka at the end of the Pleistocene-Holocene]. *AEAE*, vol. 48, № 1, pp. 41–51.

Ponkratova I. Yu., Gubar Yu. S., Lbova L. V., 2019. Spektral'nyy analiz okrashennykh artefaktov sloya VII stoyanki Ushki V (poluostrov Kamchatka) [Spectral analysis of colored artifacts from layer VII of Ushki V site (Kamchatka Peninsula)]. *Universum Humanitarium*, 1, pp. 56–71.

Semenov S. A., 1957. Pervobytnaya tekhnika [Prehistoric technique]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 241 p. (MIA, 54.)

Slobodin S. B., 1999. Arkheologiya Kolymy i kontinental'nogo Priokhot'ya v pozdnem pleystotsene i rannem golotsene [Archaeology of Kolyma and continental Okhotsk region in late Pleistocene and early Holocene]. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. 233 p.

Steller G. V., 1999. Opisaniye zemli Kamchatki [Description of Kamchatka land]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatskiy pechatnyy dvor. 288 p.

Volkov P. V., 2013. Opyt eksperimenta v arkheologii [Experience of experiment in archaeology]. St.Petersburg: Nestor-Istoriya. 416 p.

Volkov P. V., Lbova L. V., Gubar Yu. S., Shvets O. L., 2018. Ust'-Kovinskiy mamont: rezul'taty mikroskopicheskogo issledovaniya [Ust-Kova mammoth: results of microscopic examination]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History. Philology]*, vol. 17, no. 7, pp. 56–66.

About the authors

Ponkratova Irina Yu., North-Eastern state university, ul. Portovaya, 13, Magadan, 685000, Russian Federation; e-mail: ponkratova1@yandex.ru;

Gubar Yulia S., Novosibirsk state university, ul. Pirogova, 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: julfoxzzz@gmail.com;

Volkov Pavel V., Novosibirsk state university, ul. Pirogova, 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: volkov100@yandex.ru;

Lbova Lyudmila V., Higher School of International Relations, Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Grazhdanskiy prospekt, St. Petersburg, 194021, Russia; e-mail: lbovapnr5@gmail.com

Ю. М. Свойский, Е. В. Романенко, Н. Н. Григорьев, Е. С. Леванова

ОПЫТ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ ШУЛЬГАН-ТАШ (КАПОВОЙ) И ОКРУЖАЮЩЕГО ЛАНДШАФТА СОВРЕМЕННЫМИ МЕТОДАМИ[1]

Резюме. Капова пещера (Шульган-Таш) располагается в Бурзянском районе Республики Башкортостан. Это одна из крупнейших карстовых пещер на западном склоне Южного Урала, памятник природы, истории и культуры. До недавнего времени исследователи использовали карты и топопланы пещеры, сделанные в 1970-х гг., отличающиеся большой погрешностью и неточностью. Комплексное документирование карстовой полости системы пещеры в 2017 г. было предпринято с целью создания набора взаимосвязанных пространственных данных, описывающих собственно карстовую полость, ее ландшафтный и геологический контексты и палеолитические рисунки. Изучение отечественного и мирового опыта картирования пещер показывает, что в общем случае эта задача исследователями не решена. Наскальные рисунки в пещерах часто документируются без определения их точного пространственного положения. Однако эта информация представляется критически важной для консервации рисунков, так как грунтовые минерализованные воды, поступающие по трещинам, угрожают их сохранности. Проведенные работы предполагают в перспективе создание цифрового образа пещерного памятника палеолитической живописи. Для дальнейшего исследования и сохранения Каповой пещеры как уникального памятника природы и культурного наследия необходимо суммировать сведения о характере натечных образований на стенах, расположении археологических раскопов прошлых лет, мест находок и взятых проб, инженерных сооружений, датчиков системы мониторинга, интегрировав все эти данные в цифровую информационную модель пещеры. Такая информационная модель, обеспечивая работу с разными уровнями детальности – от горного массива в целом, до отдельной поверхности с рисунками, несомненно, позволит лучше исследовать взаимосвязи между карстовой полостью и поверхностью, поставить новые

[1] Исследование проведено в рамках государственного задания (тема АААА-А18-118011790090-1).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.67-81

исследовательские вопросы, предложить аналитические или методологические протоколы, использующие возможности трехмерного моделирования и геоинформационных технологий.

Ключевые слова: палеолитическое искусство пещер, документирование, трехмерное моделирование, лазерное сканирование, фотограмметрия, Капова пещера, Шульган-Таш, Южный Урал.

Пещера Шульган-Таш (Капова, или Каповая)[2] располагается в Бурзянском районе Республики Башкортостан. Это одна из крупнейших карстовых пещер на западном склоне Южного Урала, памятник природы, истории и культуры. Пещера является самым крупным и лучше других сохранившимся пещерным памятником с наскальными изображениями эпохи верхнего палеолита, датированным возрастом от 17 до 14 тыс. л. н. в некалиброванных значениях (*Дублянский и др.*, 2016). Это единственная пещера с наскальными рисунками в Северной Евразии, которая имеет надежные даты рисунков плейстоценового возраста. Археологический контекст также показывает связь археологических находок эпохи верхнего палеолита и наскальных изображений: в культурном слое найдены палитры, куски охры, камни с охрой и фрагментами рисунков, например фрагментом красочного изображения из культурного слоя в зале Знаков (*Житенев*, 2018. С. 72).

До недавнего времени исследователи использовали карты и топопланы пещеры, сделанные в 1970-х гг., отличающиеся большой погрешностью и неточностью.

Первые научные изыскания, связанные с пещерой Шульган-Таш, относятся к концу XVIII в. Согласно административно-территориальному делению, в XVIII в. пещера находилась в составе Бурзянской волости Ногайской дороги Оренбургской губернии, на землях башкирских вотчинников. Первым ближайшим к пещере стационарным поселением, по-видимому, следует считать рабочий поселок Вознесенского медеплавильного завода, основанный в 1753 г.

В 1741 г. известный географ и краевед П. И. Рычков возглавил Географический департамент, созданный в Оренбургской губернии. В 1752 г. по инициативе П. И. Рычкова группа геодезистов во главе с Иваном Красильниковым приступает к составлению новой генеральной карты Оренбургской губернии. В январе 1760 г. Рычков по служебной необходимости находился на Вознесенском медеплавильном заводе, где от местных жителей узнал о находящейся в 12 верстах крупной пещере, и в сопровождении местных башкир и служащих завода посетил Шульган-Таш и ознакомился с первым этажом пещеры. Публикация об обследовании пещеры вышла в марте того же года в академическом журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» (*Рычков*, 1760). Спустя два года рассказ о пещере был опубликован в труде «Топография оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии» (*Рычков*, 1762),

[2] Авторы считают в равной степени правомочным использование как башкирского названия «Шульган-Таш», так и русского «Капова/Каповая».

который причисляется к произведениям классической мировой географической литературы. Статья П. И. Рычкова о пещере Шульган-Таш считается первой научной работой по карсту России (*Мильков*, 1953. С. 32).

В 2003 г. в РГАДА был обнаружен «План пещеры при реке Белой», состоящий из трех частей («План пещеры», «Профиль пещеры», «Вид горы, в которую продолжается пещера. Вход в оную под № 1»), составленный И. Красильниковым. Предполагается, что эти рисунки подготовлены в Оренбурге с описания П. И. Рычкова. На сегодняшний день это первые известные наброски плана и профиля пещеры Шульган-Таш (*Курлаев*, 2007).

Публикации П. И. Рычкова сделали пещеру Шульган-Таш известной достопримечательностью в России и Европе. Спустя 11 лет осмотреть удивительную пещеру приехал другой известный путешественник И. И. Лепехин. В этот период, воплощая в жизнь давние планы М. В. Ломоносова, Петербургская академия наук приступила к организации экспедиций по разным регионам Российской империи для астрономических и метеорологических наблюдений, описания природных, хозяйственных и культурных особенностей областей, обследования разного рода достопримечательностей и др. В мае 1770 г. Лепехин посетил Вознесенский медеплавильный завод и пещеру Шульган-Таш. Экспедиция обследовала первый этаж пещеры и «скважины», замеченные П. И. Рычковым. Исследователи также сумели подняться на второй этаж и пройти его вплоть до Бриллиантового зала.

Последующие обследования пещеры, проводимые в XIX в., имели эпизодический характер. Среди дореволюционных исследователей, посещавших Шульган-Таш, необходимо упомянуть краеведов В. С. Лосиевского, М. В. Лосиевского, А. Игнатовича, геологов Н. Г. Меглицкого и А. И. Антипова, путешественника С. Меча. Все эти исследователи посещали пещеру в ознакомительных целях, а содержание их работ имеет описательный, краеведческий характер и не содержит графических материалов.

В 1896 г. лесник казенного бора Федор Гусев обнаружил в пещере человеческий череп. Это была уже вторая находка антропологического материала в пещере. В связи с этим членами Оренбургского отделения Императорского географического общества лесничими Ф. Симоном, Д. Соколовым, а также землевладельцем И. Заневским в марте 1896 г. была составлена инструментальная топографическая съемка первого этажа пещеры (*Соколов и др.*, 1897). После выхода публикации об этом обследовании пещеры, ввиду ошибочных умозаключений, возник миф о существовании т. н. «Лепехинского хода», соединяющего первый и второй этажи пещеры через зал Хаоса.

В 1923 и 1931 гг. пещеру посещал геолог Г. В. Вахрушев. Ученый описал геологические и гидрологические особенности пещеры, составил полуинструментальный план, выделив четыре яруса спелеосистемы. Вахрушев отмечал, что изучение пещеры Шульган-Таш в будущем приобретет большое значение для археологии и геологии (*Вахрушев*, 1925).

После открытия в 1959 г. в пещере палеолитической живописи геологом А. В. Рюминым картирование пещеры было продолжено работами И. К. Кудряшова, О. Н. Бадера, Е. Д. Богдановича, В. Э. Киселева, А. Шумейко, Ю. С. Ляхницкого.

В 1959–1965 гг. А. В. Рюминым составлены схематические рисунки плана и профиля карстовой системы. В этом же году при геологическом факультете Башкирского государственного университета появляется первое официальное объединение спелеотуристов – Секция спелеологов БГУ, организованная И. К. Кудряшовым и Е. Д. Богдановичем. В 1960 г. секция была преобразована в комплексную карстово-спелеологическую экспедицию, которая присоединилась к исследованиям А. В. Рюмина. Участники экспедиции проводили в Шульган-Таш комплексные исследования. В 1960 г. были проведены первые полноценные геодезические работы, составлен подробный топографический инструментальный план всего старого отдела пещеры и пещерного массива, начаты систематические наблюдения за микроклиматом пещеры, продолжено изучение ее геологического строения. В 1961 г. спелеологи вместе с А. В. Рюминым прошли узкий лаз «Шкуродер» (Ход Рюмина) и обследовали новый район. Теодолитные ходы, проложенные по пещере, многократно перепроверялись в рамках студенческих практик до 1977 г.

С 1982 г. геодезические работы в пещере и в ее окрестностях продолжила исследовательская группа Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского под руководством Ю. С. Ляхницкого. К 2015 г. протяженность обследованных ходов спелеосистемы составила 3323 м. Спелеологи выполнили уточнение съемок экспедиции Е. Д. Богдановича и И. К. Кудряшова, а также составили детальные планы всех залов пещеры, пещерного массива и каньона.

Таким образом, к настоящему времени трудами нескольких исследовательских коллективов был составлен ряд карт и планов пещеры. Как правило, эти работы были выполнены на должном техническом уровне – в пределах возможностей измерительных технологий XX в., имевшихся в распоряжении исследователей. Для всех этих материалов характерны недостаточная детальность, отсутствие единства системы координат общих планов и планов отдельных залов, а также данных о потолке и стенах карстовой полости.

В 2012 г. правительство Республики Башкортостан предложило включить древние наскальные изображения пещеры в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В рамках реализации этого проекта был выполнен анализ накопленных картографических материалов, который показал, что работами Е. Д. Богдановича, И. К. Кудряшова и Ю. С. Ляхницкого возможности традиционных методов картирования исчерпаны и без применения новых технологий документирования невозможно добиться существенного прогресса в уточнении геометрии карстовой полости, качества и детальности картографических материалов. Поэтому в 2017 г. Научно-производственным центром по охране недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан при содействии Центра палеоискусства Института археологии РАН были инициированы работы по документированию пещеры современными техническими средствами и методами[3].

[3] Документирование карстовой полости и окружающего ландшафта выполнялось коллективом Лаборатории RSSDA (Remote Sensing and Spatial Data Analysis Laboratory) под руководством Ю. М. Свойского, Е. В. Романенко и Н. Н. Григорьева. В сборе и обработке пространственных данных приняли участие: Д. Анисимова, Р. Ахмедьянов, Ю. Базанов,

Комплексное документирование карстовой полости системы Каповой пещеры было предпринято с целью создания набора взаимосвязанных пространственных данных, описывающих собственно карстовую полость, ее ландшафтный и геологический контексты и палеолитические рисунки.

Задачи проекта включали получение сведений о геометрии пещерной полости, определение взаимного расположения пещеры и наземных форм рельефа (в том числе однозначное решение вопроса об относительном пространственном расположении зала Хаоса и каньона), документирование системы трещин и выявление ее связей с карстовыми формами на поверхности. Для каталогизации наскальных изображений было необходимо точно определить расположение панно и документировать геометрию участков стен с рисунками. Кроме того, планом работ предусматривалось картирование инженерных сооружений, размещенных в пещере, элементов системы мониторинга, археологических раскопов прошлых лет.

Анализ мирового опыта в области документирования карстовых полостей с наскальными рисунками показывает, что большая часть новаторских работ по применению метода трехмерного моделирования в пещерах связана с французскими памятниками. Метод физического трехмерного копирования поверхностей (или контурных морфологических карт) археолога А. Лемози, изобретенный в 1920-х гг., заключался в покрытии частей декорированного потолка нитями, перекрещенными для образования небольших ромбов (*Lemozi*, 1929). Методику физического копирования рельефа поверхности использовал известный французский исследователь пещерного искусства А. Брейль. Однако вскоре эти методы устаревают, поскольку достижения в области фотографии, лазерных технологий и обработки данных дали толчок первым фотограмметрическим опытам в документировании (1960-е гг.) и лазерному сканированию в пещерах (1990-е гг.).

В 1970-е гг. к фотограмметрии при изучении пещерных рисунков в Перш-Мерль обратился французский исследователь Л. Лорбланше (*Lorblanchet*, 1982; 2010). Хотя результаты позволили ему проанализировать морфологию стен и обнаружить взаимосвязь между рисунками и особенностями рельефа скальных поверхностей, Лорбланше не был убежден в целесообразности проведения столь технически сложной процедуры. Вероятно, именно по этой причине фотограмметрия мало использовалась в исследованиях наскального искусства вплоть до конца XX в.

Первое в истории подземное исследование пещерного памятника при помощи лидара было проведено исследователем Национального центра предыстории Н. Ожула (N. Aujoulat) и инженером Ж. Тибо (G. Thibault). В рамках научно-технической программы, направленной на создание новых трехмерных инструментов для изучения объектов культурного наследия, в 1994 г. они протестировали сканер в небольшой пещере Вьельмули в Дордони (*Aujoulat et al.*, 2005), а также в пещере Коске (*Thibault*, 2001). Главной целью этих работ была точная топографическая привязка рисунков и гравировок в пещере. Уже с 1997 г. фотограмметрия

Р. Барков, А. Бляблин, В. Васнев, Р. Габдулин, А. Клейменов, Е. Конакова, Р. Насретдинов, А. Ножкин, А. Павлов, А. Пешков, С. Пешков, Д. Сарычев, А. Сидоров, М. Свойский, Е. Титкова. Иллюстрации к настоящей статье подготовлены к публикации А. А. Зиганшиной.

используется при документировании пещеры Шове, а с 1999 г. – в пещере Рок-де-Сер (*Bourdier et al.*, 2008). Наиболее полно историография проблемы применения цифровых методов документирования, фотограмметрии и различных методов обработки цифровых снимков и моделей представлена в обзорных исследованиях французских коллег (*Jaillet et al.*, 2017; *Robert et al.*, 2016).

В последние годы исследователи отмечают прямую связь между применением методов бесконтактного документирования и обращением к междисциплинарным исследованиям (*Jaillet et al.*, 2017). Получая новый массив данных о памятнике, приходится искать новые пути использования и интерпретации, тем самым повышая качество исследований. Трехмерное моделирование вызывает новые исследовательские вопросы и может предложить новые аналитические или методологические решения. (*Delannoy et al.*, 2017; *Jaillet et al.*, 2017). Само принятие трехмерной перспективы значительно расширило горизонты многих областей исследований наскального искусства. Действительно, лазерное сканирование, моделирование и визуализация на основе цифровых моделей уже более 10 лет успешно применяются при исследовании пещерных памятников Западной Европы. Методы трехмерного моделирования использовались в том числе для создания факсимильных копий для музеев (пещер Шове и Ляско), где применение этих методов гарантировало, что морфология стен пещер и положение рисунков будут точно воспроизведены относительно друг друга (*Delannoy et al.*, 2014; 2017).

За пределами Франции трехмерное документирование карстовых полостей, в том числе пещер с рисунками, выполнялось в Италии (Гротта деи-Черви), в Испании (Парпальо, Альтамира, Лас-Кальдас, Пенья-де-Кандамо), Южной Африке (Вондерверк) (*Lerma et al.*, 2010; *Donelan*, 2002; *González-Aguilera et al.*, 2009; *Rüther et al.*, 2009).

В России к моменту начала разработки проекта по документированию пещеры Шульган-Таш современные методы картирования были применены лишь на одном объекте – в Денисовой пещере, где в 2012 г. было выполнено лазерное сканирование пещерной полости и построена трехмерная модель пещеры (*Леонов и др.*, 2016).

История применения вышеперечисленных методик за рубежом показывает, что, как правило, подземные полости документируются для решения лишь одной или реже нескольких частных задач и только одним методом. Почти всегда детально картируется только подземная полость, а окружающий пещеру ландшафт не документируется и не анализируется современными методами. Однако эта информация представляется критически важной для консервации рисунков, так как грунтовые минерализованные воды, поступающие по трещинам, угрожают их сохранности.

Для решения задач проекта сотрудниками Лаборатории RSSDA был разработан и практически применен комбинированный подход к документированию пещеры и окружающего ландшафта различными методами трехмерного моделирования. Этот подход предполагал документирование элементов памятника разнородными техническими средствами с последующей их взаимной увязкой на основе общей опорной геодезической сети. Опорная сеть создавалась методами спутниковой геодезии (создание наземного базиса в районе входа в пещеру) и тахеометрии (непосредственно в пещере) и в дальнейшем использовалась для привязки всех собираемых данных. Комплекс методов документирования

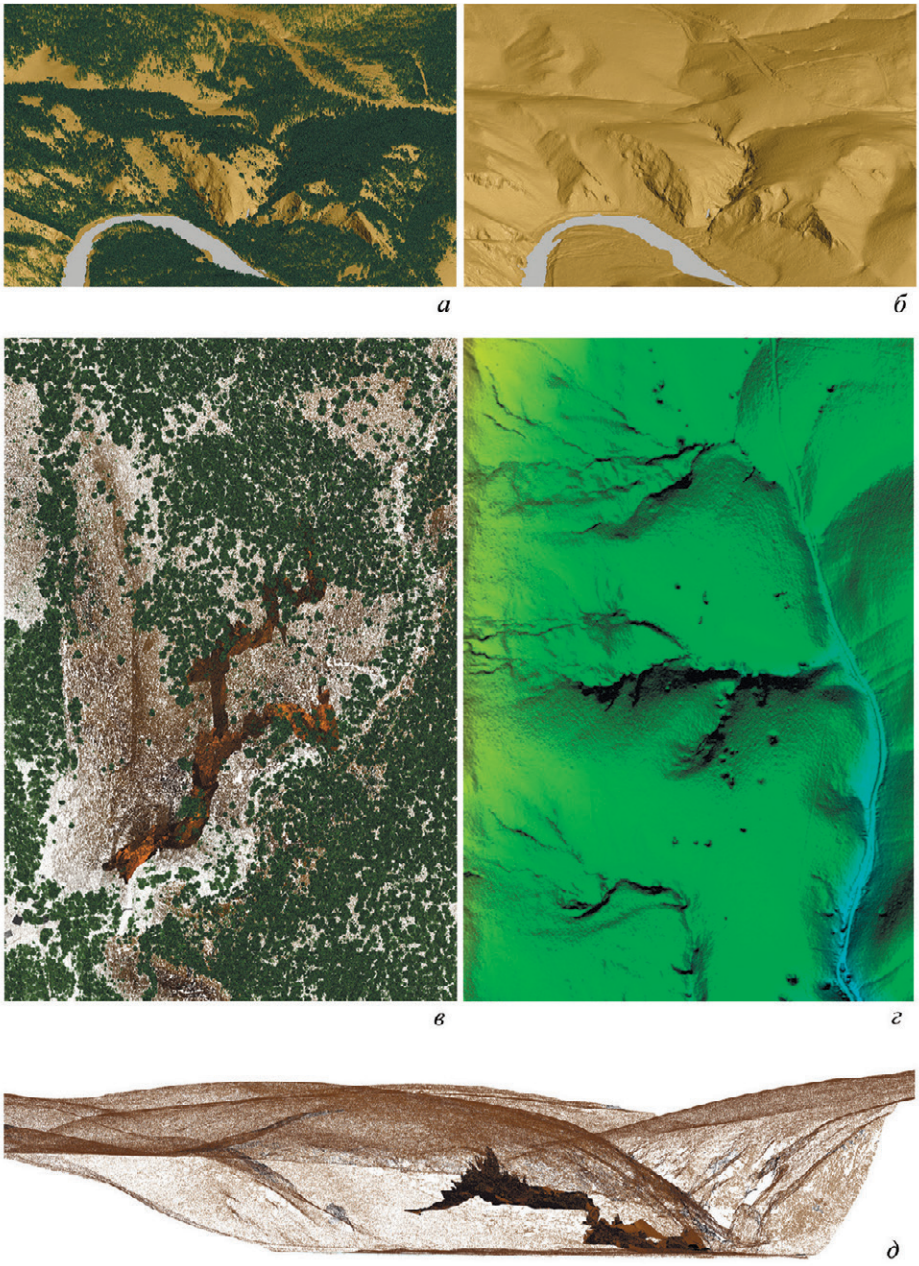


Рис. 1. Комбинирование результатов воздушного и подземного лазерного сканирования в единой (мировой) системе координат

а–б – классифицированное облако точек воздушного лазерного сканирования (*а* – классы «земля» и «растительность»; *б* – класс «земля»); *в* – положение карстовой полости относительно рельефа, подключены классы точек лазерных отражений «земля», «растительность», «пещера»; *г* – цифровая модель рельефа с наблюдаемыми карстовыми формами – цепочками западин (поноров), связывающих поверхность с подземными полостями; *д* – облако точек лазерных отражений, иллюстрирующее положение отдельных элементов карстовой полости относительно поверхности

элементов карстовой полости и окружающего ландшафта включал воздушное лазерное сканирование, подземное лазерное сканирование, плановую аэрофотосъемку, перспективную фотосъемку с БПЛА, подземную фотосъемку.

Воздушное лазерное сканирование с одновременной аэрофотосъемкой использовалось для картирования ландшафта окрестностей пещеры (рис. 1). Параметры полета и настройки оборудования выбирались таким образом, чтобы получить данные высокой детальности, точно воспроизводящие ландшафт и пригодные для выявления элементов геологического строения, в первую очередь – карстовые и структурные формы рельефа (рис. 1: *г*). Аэросъемкой была покрыта территория в 25 кв. км, охватывавшая район пещеры и соседние горные массивы. Минимально допустимая плотность облака точек лазерных отражений составляла 15 точек на кв. м, однако непосредственно в районе пещеры на площади около 1 кв. км она была доведена до 100 точек на кв. м. На основе собранных данных были сформированы ортофотопланы с разрешением 7 см/пиксель и модели рельефа разрешением 25, 50 см и 1 м. Эти данные, помимо решения собственно картировочных задач, позволяют выявить взаимосвязи между рельефом поверхности и полостью пещеры (рис. 1: *д*).

Для документирования зоны вертикальных поверхностей на входе в грот Портал была применена перспективная аэрофотосъемка с БПЛА. Эта съемка позволила обеспечить связь между данными воздушного и наземного лазерного сканирования.

Подземным лазерным сканированием была документирована полость пещеры от грота Портал до зала Хаоса (1-й этаж) и зала Бриллиантового (2-й этаж) включительно (рис. 2). Лазерное сканирование было выполнено в 336 пунктах, собрано 16,4 млн точек лазерных отражений. Плотность облака точек лазерного сканирования составила 25 точек на кв. см поверхности; на основе этих данных были сформированы трехмерные полигональные модели (рис. 2: *в*; 4), с высокой точностью воспроизводящие геометрию полости и достаточные для формирования частных специализированных карт, поперечных и продольных профилей, анализа системы трещин. Построена карта горизонтальной проекции пещеры, выявившая ряд ошибок предыдущих съемок. Сопоставление модели пещеры с моделью рельефа поверхности позволяет выявить ряд закономерностей, важных для анализа поведения грунтовых вод, оказывающих воздействие на наскальные изображения (рис. 4).

Для документирования наскальных изображений была использована фотосъемка с последующей фотограмметрической и пост-фотограмметрической обработкой. При документировании было сделано 16 380 фотографий, позволивших сформировать трехмерные полигональные модели стен с детальностью 1000 полигонов на кв. см. Такая детальность надежно воспроизводит геометрию поверхностей и позволяет производить мониторинг развития кальцитовых кор на участках с рисунками (рис. 4). Фотограмметрические модели фрагментов пещеры формировались с опорой на данные лазерного сканирования, чем была обеспечена их взаимосвязь с общей моделью пещеры (рис. 3).

Таким образом, в результате съемки был создан массив взаимно увязанных пространственных данных, вполне отображающих топографию местности, геометрию полости пещеры, а также палеолитические наскальные рисунки.

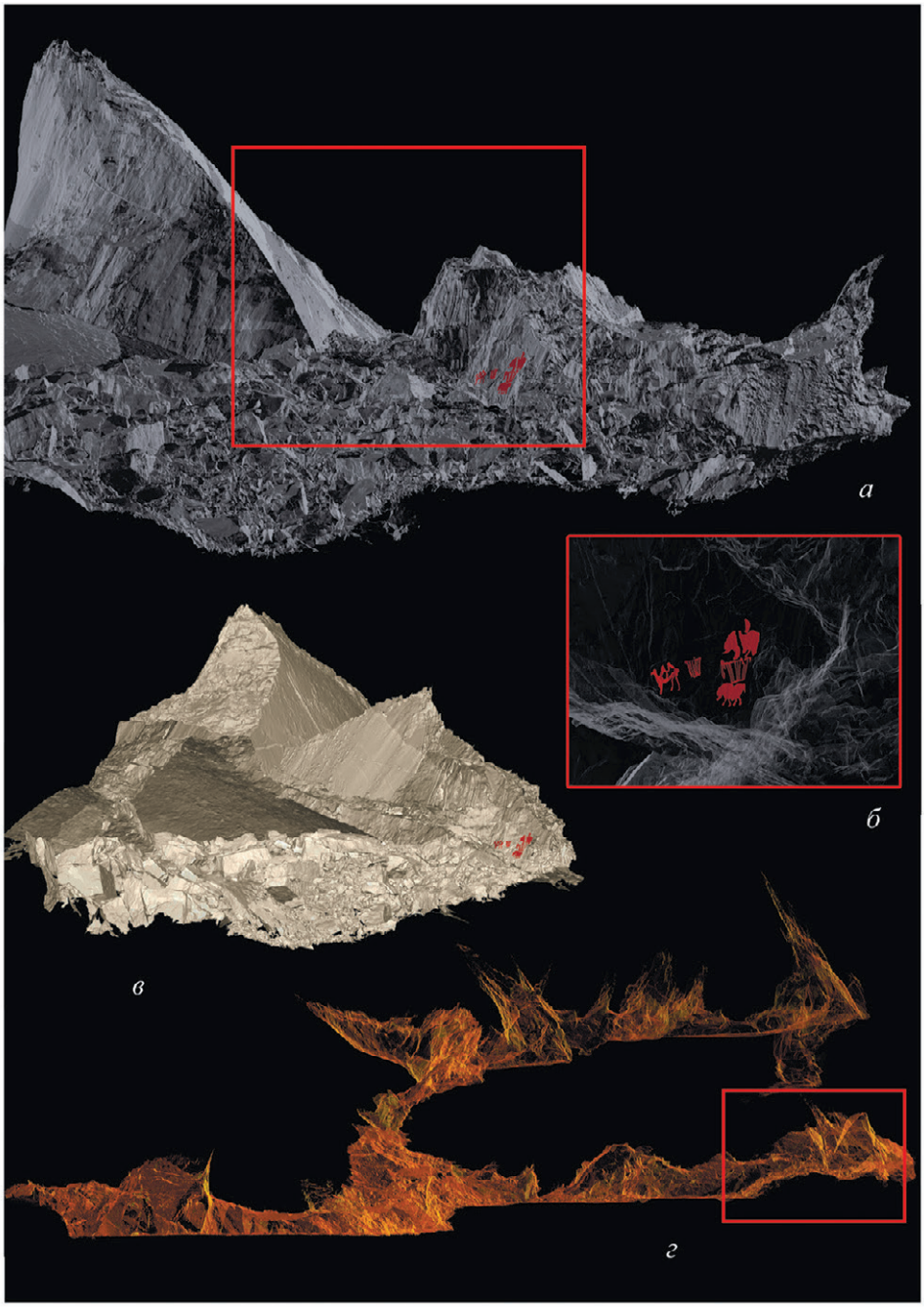


Рис. 2. Воспроизведение карстовой полости и положения наскальных изображений. Южная часть зала Хаоса. Красным показана схематическая прорисовка рисунков панно «Лошади и знаки» с изображением верблюда

а – облако точек лазерных отражений, общий вид; *б* – участок облака точек с рисунками; *в* – трехмерная полигональная модель южной части зала Хаоса; *г* – облако точек подземного лазерного сканирования, красной рамкой показано положение зала Хаоса

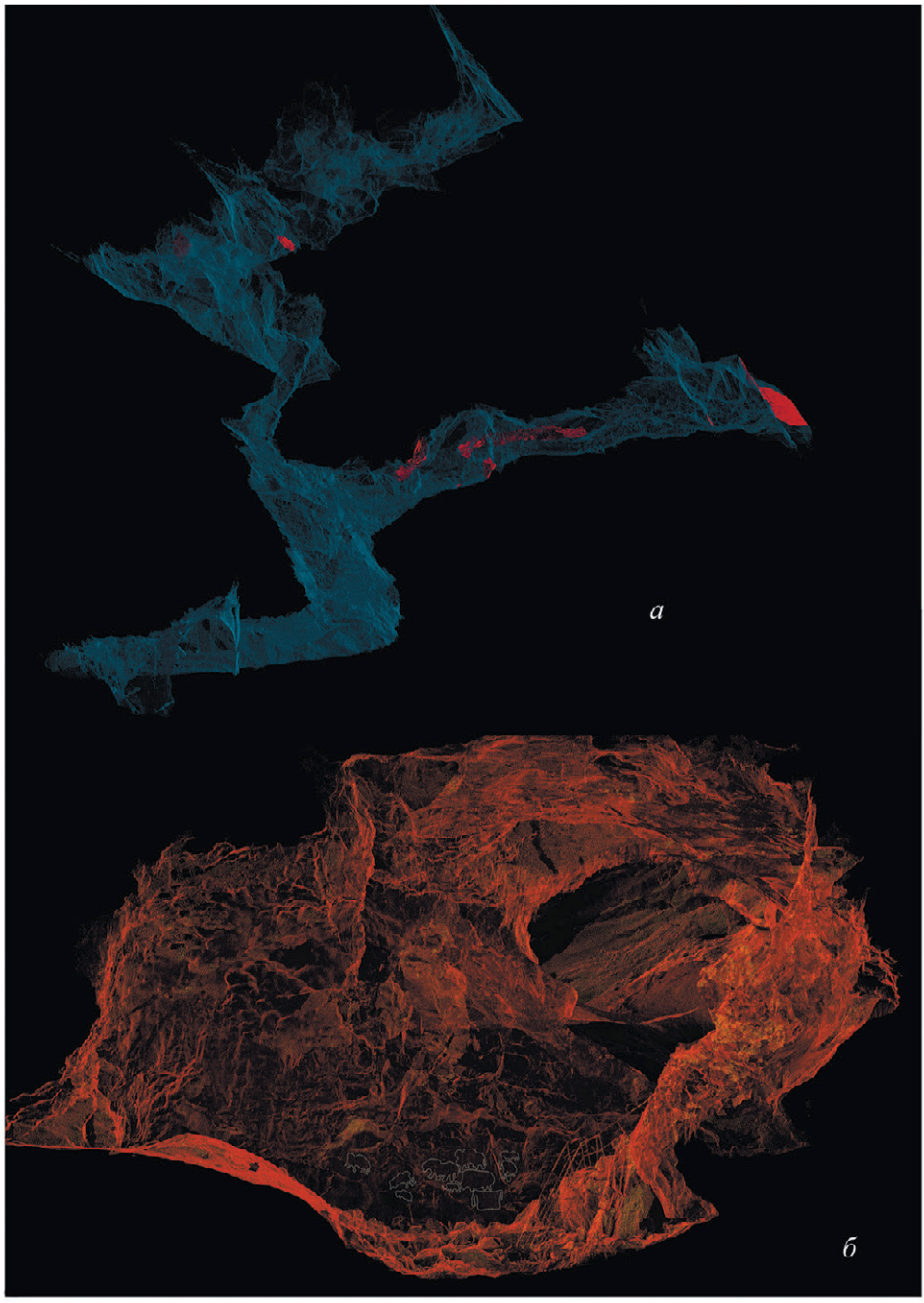
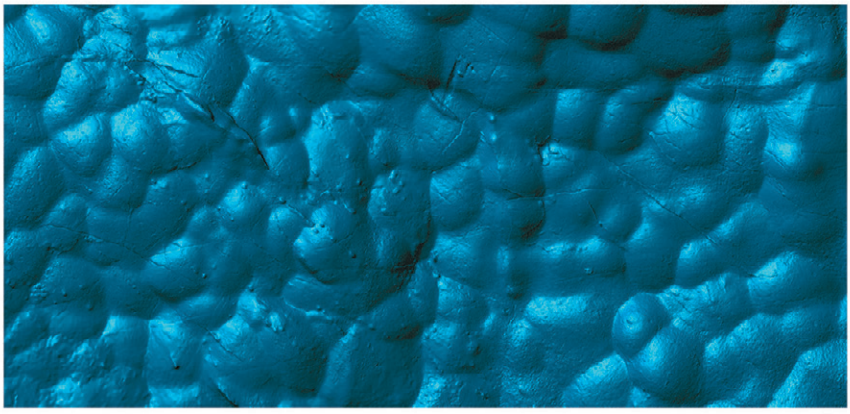


Рис. 3. Комбинирование данных лазерного сканирования и моделирования фотограмметрическим способом

а – облако точек лазерного сканирования пещеры (синий цвет) с подгруженными участками детализации, моделированными фотограмметрическим способом (красный цвет); *б* – западное панно зала Рисунков. Фрагмент облака точек лазерного сканирования с наложенными векторными прорисовками контуров рисунков, выполненных по данным фотограмметрического моделирования

а

б



в

Рис. 4. Трехмерная полигональная текстурированная модель Восточного панно зала Рисунков

а – общий вид; *б* – фрагмент с изображением тура и мамонтов; *в* – этот же фрагмент с отключенной фотографической текстурой

Предварительные результаты работ представлены в буклете «Шульган-Таш» (Шульган-Таш, 2018) и на сайте Лаборатории RSSDA[4].

Проведенные работы предполагают в перспективе создание цифрового образа пещерного памятника палеолитической живописи. Для дальнейшего исследования и сохранения Каповой пещеры как уникального памятника природы и культурного наследия необходимо суммировать сведения о характере натечных образований на стенах, расположении археологических раскопов прошлых лет, местах находок и взятых пробах, инженерных сооружениях, датчиках системы мониторинга, интегрировав все эти данные в цифровую информационную модель пещеры. Такая информационная модель, обеспечивая работу с разными уровнями детальности, от горного массива в целом до отдельной поверхности с рисунками, несомненно, позволит лучше исследовать взаимосвязи между карстовой полостью и поверхностью, поставить новые исследовательские вопросы, предложить аналитические или методологические протоколы, использующие возможности трехмерного моделирования и геоинформационных технологий.

Выполненные к настоящему времени работы по комплексному документированию пещеры Шульган-Таш по своему масштабу, разнообразию привлеченной техники и методов, точности и детальности полученных результатов превосходят известные авторам аналогичные проекты по картированию пещер, выполненные в России и мире. Основной задачей дальнейшего использования сформированного в результате работ массива пространственных данных является организация доступа к нему работающих на памятнике исследователей и пополнение его новыми материалами.

ЛИТЕРАТУРА

Вахрушев Г. В., 1925. Большая Каповая пещера (Шульган) и ее подземные водоемы в Южном Урале // Труды Первого всероссийского гидрологического съезда в Ленинграде 7–14 мая 1924 г. Л. С. 250–251.

Дублянский Ю. В., Мосли Д., Шпётль К., Ляхницкий Ю. С., Житенев В. С, Эдвардс Р. Л., 2016. Уран-ториевое датирование палеолитических рисунков пещеры Шульган-Таш (Капова) // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места Земля Урал-Батыра: материалы Международного научного симпозиума. Уфа: НПЦ МК РБ. С. 52–54, 57–58.

Житенев В. С., 2018. Капова пещера – палеолитическое подземное святилище. М.: Индрик. 296 с. (Труды исторического факультета МГУ; вып. 127. Сер. II. Исторические исследования; 73.)

Курлаев Е. А., 2007. Первый чертеж пещеры Шульган-Таш // Уфимский археологический вестник. № 6–7. С. 202.

Леонов А. В., Аникушкин М. Н., Бобков А. Е., Рысь И. В., Козликин М. Б., Шуньков М. В., Деревянко А. П., Батурин Ю. М., 2016. Создание виртуальной 3D-модели Денисовой пещеры // АЭАЕ. Т. 59. № 3. С. 14–20.

Мильков Ф. Н., 1953. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М.: Гос. изд-во географической литературы. 144 с.: ил., карт.

Рычков П. И., 1760. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Март. С. 195–220.

[4] Доступен по ссылке https://rssda.su/projects/shulgan-tash/

Рычков П. И., 1762. Топография оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. 1. СПб.: При Имп. акад. наук. 331 с.

Соколов Д., Заневский И., Симон Ф., 1897. Протокол об осмотре и измерении Каповой пещеры на р. Белой в Орском уезде Оренбургской губернии, близ деревни Шульгановой (Адильгиреевой) 3-й Бурзянской волости // Известия Оренбургского отделения Императорского русского географического общества. Вып. 10. С. 75–79.

Шульган-Таш / Сост.: Ю. М. Свойский, Е. В. Романенко, Н. Н. Григорьев. М.: Тип. «Московский печатный двор», 2018. 80 с.

Aujoulat N., Perazio G., Faverge D., Peral F., 2005. Contribution de la saisie tridimensionnelle à l'étude de l'art pariétal et de son contexte physique // Recherches pluridisciplinaires dans la grotte Chauvet: Journées SPF, Lyon, 11–12 octobre 2003 / Ed. G.-M. Geneste. Paris: Société préhistorique française. P. 189–197. (Travaux de la Société Préhistorique Française; 6. Karstologia memoires; 11.)

Bourdier C., Fuentes O., Hamon G.. Pinçon G., 2008. Technologies 3D appliquées à la sculpture pariétale magdalénienne // Images et relevés archéologiques, de la preuve à la demonstration: 132e Congrès national des sociétés historiques et scientifiques, Arles, 2007 / Dir. O. Bouchsenchutz. Paris: Editions du CTHS. P. 123–142.

Delannoy J.-J., David B., Geneste J.-M., Katherine M., Sadier B., Gunn R., 2017. Engineers of the Arnhem Land plateau: Evidence for the origins and transformation of sheltered spaces at Nawarla Gabarnmang // The archaeology of rock art in Western Arnhem Land, Northern Australia / Eds.: B. David, P. S. C. Taçon, J.-J. Delannoy, J.-M. Geneste. Canberra: ANU Press. P. 197–243. (Terra Australis; 48.)

Delannoy J.-J., Sadier B., Valke S., Peral J., Perazio G., Jaillet S., Tosello G., Geneste G.-M., Clottes J., 2014. La modélisation 3-D, outil de transfert des connaissances. Exemple de la réplique de la grotte Chauvet: La Caverne du Pont d'Arc (Ardèche France) // Karstologia. № 64. P. 41–57.

Donelan J., 2002. Making Prehistory // Computer Graphics World. Vol. 25. No. 3. P. 32–33.

González-Aguilera D., Muñoz-Nieto A., Gómez-Lahoz J., Herrero-Pascual J., Gutierrez-Alonso G., 2009. 3D Digital Surveying and Modelling of Cave Geometry: Application to Paleolithic Rock Art // Sensors. No. 9. P. 1108–1127.

Jaillet S., Delannoy J.-J., Monney J., Sadier B., 2017. 3-D modelling in rock art research: Terrestrial laser scanning, photogrammetry and the time factor [Electronic resource] // The Oxford Handbook of the Archaeology and Anthropology of Rock Art. Oxford: Oxford University Press. URL: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190607357.013.45 (дата обращения: 23.10.2020).

Lemozi A., 1929. La Grotte-Temple du Pech-Merle. Un nouveau sanctuaire préhistorique. Paris: A. Picard. 184 p.

Lerma J., Navarro S., Cabrelles M., Villaverde V., 2010. Terrestrial laser scanning and close range photogrammetry for 3D archaeological documentation: the Upper Palaeolithic Cave of Parpalló as a case study // Journal of Archaeological Science. Vol. 37. No. 3. P. 499–507.

Lorblanchet M., 1982. Les dessins noirs du Pech-Merle // Congrès préhistorique de France, XXI session, Montauban-Cahors. T. 1. Paris: Société Préhistorique Française. P. 178–207.

Lorblanchet M., 2010. Art Pariétal, grottes ornées du Quercy. Paris: Editions Rouergue. 448 p.

Robert E., Petrognani S., Lesvignes E., 2016. Applications of digital photography in the study of Paleolithic cave art // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 10. P. 847–858.

Rüther H., Chazan M., Schroeder R., Neeser R., Held C., Walker S. J., Matmon A., Horwitz L. K., 2009. Laser scanning for conservation and research of African cultural heritage sites: the case study of Wonderwerk Cave, South Africa // Journal of Archaeological Science. Vol. 36. No. 9. P. 1847–1856.

Thibault G., 2001. Modélisation 3-D de la grotte Cosquer par relevé laser // International Newsletter on Rock Art. № 28. P. 25–29.

Сведения об авторах

Свойский Юрий Михайлович, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., 21/4, стр. 3, Москва, 105066, Россия; e-mail: rutil28@gmail.com;

Романенко Екатерина Васильевна, Лаборатория RSSDA, пр. Русанова, 9, Москва, 129323, Россия; e-mail: eromanenko@yandex.ru;

Григорьев Николай Николаевич, ГБУ Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан, ул. Чернышевского, д. 47, Уфа, 450052, Республика Башкортостан, Россия; e-mail: org.com.npz@gmail.com;

Леванова Елена Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maraveriza@gmail.com

Yu. M. Svoyskiy, E. V. Romanenko, N. N. Grigoryev, E. S. Levanova

EXPERIENCE IN DOCUMENTING SHUL'GAN-TASH (KAPOVA) CAVE AND THE SURROUNDING LANDSCAPE WITH MODERN METHODS

Abstract. Kapova (Shul'gan-Tash) Cave (Burzyanskiy district, Republic of Bashkortostan) is one of the largest karst caves on the western slopes of the Southern Urals and a natural, historical and cultural site. Until recently, maps and topographic plans of the cave made in the 1970s were used, these maps and plans were not accurate and contained a lot of errors. Comprehensive documenting of the cave karst cavern was undertaken in 2017 to create a set of interconnected spatial data describing the karst cavern, its landscape, geological context and Palaeolithic drawings. National and world experience in mapping caves shows that rock drawings in caves are often documented without determining their precise spatial position. However, this information is critically important for preservation of drawings. This exercise is intended to create a digital model of this cave site of Palaeolithic art. To conduct follow-up studies and preserve Kapova Cave, it is necessary to summarize information on the nature of dripstone deposits on its walls, areas excavated by earlier archaeological expeditions, location of finds and selected samples, engineering constructions, monitoring system sensors by integrating these data into a digital information model of the cave. This model will support research at different levels of details and will help to study links between the karst cavern and the top surface proposing analytical or methodological protocols with the use of 3D modeling and geoinformation technologies.

Keywords: Paleolithic art of caves, documenting, 3D modeling, laser scanning, photogrammetry; Kapova Cave, Shul'gan-Tash, Southern Urals.

REFERENCES

Dublyanskiy Yu. V., Mosly D., Schpetl K., Lyakhnitskiy Yu. S., Zhitenev V. S., Edwards R. L., 2016. Urantoriyevoye datirovaniye paleoliticheskikh risunkov peshchery Shul'gan-Tash (Kapova) [Uranium-thorium dating of Palaeolithic drawings of Shul'gan-Tash cave (Kapova)]. *Problemy sokhraneniya, konservatsii paleoliticheskoy zhivopisi peshchery Shul'gan-Tash i razvitiye turisticheskoy infrastruktury dostoprimechatel'nogo mesta Zemlya Ural-Batyra [Problems of preservation and conservation of Palaeolithic paintings of Shul'gan-Tash cave and development of tourist infrastructure of the Ural-Batyr Land site]*. Ufa: Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu nedvizhimykh ob"yektov kul'turnogo naslediya Respubliki Bashkortostan, pp. 52–54, 57–58.

Kurlayev E. A., 2007. Pervyy chertezh peshchery Shul'gan-Tash [The first drawing of Shul'gan-Tash cave]. Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik, 6–7, p. 202.

Leonov A. V., Anikushkin M. N., Bobkov A. E., Rys' I. V., Kozlikin M. B., Shun'kov M. V., Derevyanko A. P., Baturin Yu. M., 2016. Sozdaniye virtual'noy 3D-modeli Denisovoy peshchery [Creating a virtual 3D model of Denisova cave]. *AEAE*, vol. 59, no. 3, pp. 14–20.

Mil'kov F. N., 1953. P. I. Rychkov. Zhizn' i geograficheskiye trudy [P. I. Rychkov. Life and geographical works]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo geograficheskoy literatury. 144 p., ill., kart.

Rychkov P. I., 1760. Opisaniye peshchery, nakhodyashcheysya v Orenburgskoy gubernii pri reke Beloy, kotoraya iz vsekh peshcher, v Bashkirii nakhodyashchikhsya, za slavnuyu i naibol'shchyu pochitayetsya [Description of the cave, located in Orenburg province on Belaya river, which of all caves in Bashkiria located, the most famous and biggest is considered]. Sochineniya i perevody, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiye. Mart, pp. 195–220.

Rychkov P. I., 1762. Topografiya orenburgskaya, to est' obstoyatel'noye opisaniye Orenburgskoy gubernii [Orenburg topography, that is, a detailed description of Orenburg province], 1. St.Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk. 331 p.

Shul'gan-Tash [Shul'gan-Tash]. Yu. M. Svoyskiy, E. V. Romanenko, N. N. Grigor'yev, eds. Moscow: Tipografiya «Moskovskiy pechatnyy dvor», 2018. 80 p.

Sokolov D., Zanevskiy I., Simon F., 1897. Protokol ob osmotre i izmerenii Kapovoy peshchery na r. Beloy v Orskom uyezde Orenburgskoy gubernii, bliz derevni Shul'ganovoy (Adilgireyevoy) 3-y Burzyanskoy volosti [Protocol on inspection and measurement of Kapova cave on Belaya river, in Orsk district, Orenburg province, near village Shul'ganova (Adilgireeva), 3rd Burzyansk uyezd]. *Izvestiya Orenburgskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Bulletin of Orenburg branch of Imperial Russian Geographic Society]*, 10, pp. 75–79.

Vakhrushev G. V., 1925. Bol'shaya Kapovaya peshchera (Shul'gan) i eye podzemnyye vodoyemy v Yuzhnom Urale [Bolshaya Kapovaya cave (Shul'gan) and its underground reservoirs in Southern Urals]. *Trudy Pervogo Vserossiyskogo gidrologicheskogo s"yezda v Leningrade 7–14 maya 1924 g. [Proceedings of First all-Russian hydrological congress in Leningrad, May 7–14, 1924]*. Leningrad, pp. 250–251.

Zhitenev V. S., 2018. Kapova peshchera – paleoliticheskoye podzemnoye svyatilishche [Kapova cave – a Palaeolithic underground sanctuary]. Moscow: Indrik. 296 p. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU, 127. Ser. II. Istoricheskiye issledovaniya, 73.)

About the authors

Svoyskiy Yurij M., The HSE Institute for Oriental and Classical Studies, Higher school of Economics, ul. Staraya Basmannaya, 21/4, bld. 3., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: rutil28@gmail.com;

Romanenko Ekaterina V., RSSDA labratory, prosp. Rusanova, 9, Moscow, 129323, Russian Federation; e-mail: eromanenko@yandex.ru;

Grigoryev Nikolaj N., State research and production center for the protection and use of immovable objects of cultural heritage of Republic of Bashkortostan, ul. Chernyshevskogo, 47, Ufa, 450052, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; e-mail: org.com.npz@gmail.com;

Levanova Elena S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maraveriza@gmail.com

Е. А. Миклашевич

О СХОДСТВЕ ДРЕВНЕЙШИХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ПРОБЛЕМЕ ИХ АТРИБУЦИИ[1]

Резюме. Статья посвящена проблеме хронологической атрибуции самых ранних наскальных изображений нескольких сопредельных регионов Южной Сибири и Центральной Азии: Минусинской котловины, Горного Алтая, Северо-Западной Монголии, Западного Саяна и Южной Тувы (рис. 1–4). Рассматривается общность стиля, иконографии и репертуара основных анималистических образов; обсуждаются характер и причины этого сходства. Составлена карта распространения наскальных изображений древнейшего пласта (рис. 5). Актуальность проблемы их датирования заключается в том, что они не имеют археологических «привязок», поскольку до сих пор не обнаружено изобразительных материалов подобного стиля в закрытых комплексах. Можно лишь утверждать, что они древнее изображений окуневско-каракольской традиции. Исследователями предлагались разные датировки – от верхнего палеолита до эпохи ранней бронзы; предлагалась атрибуция афанасьевской культуре, но пока ни одна из версий не выглядит достаточно обоснованной. По мнению автора, вероятность принадлежности этого изобразительного пласта к эпохе камня довольно высока, однако для более узкого определения еще недостаточно данных. Пути решения проблемы требуют пополнения корпуса источников, более точного документирования памятников, применения междисциплинарных исследований, в том числе методов прямого датирования (например, уран-ториевое датирование перекрывающего наскальные рисунки кальцита и др.).

Ключевые слова: наскальное искусство, древнейший пласт, минусинский стиль, Южная Сибирь, Центральная Азия.

Проблема начального этапа наскального искусства в Северной и Центральной Азии и, соответственно, выделения и культурно-хронологической атрибуции древнейших изображений занимает внимание исследователей уже несколько

[1] Исследование осуществлено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00691.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.82-98

десятилетий. В трудах А. П. Окладникова и его последователей палеолитический возраст декларировался для некоторых наскальных изображений Восточной Сибири, Томи и Монголии задолго до того, как было достоверно установлено, что в Европе плейстоценовое искусство есть не только в пещерах и гротах, но и на открытых скалах. Открытия 1980–1990-х гг. в Испании (Доминго Гарсия, Сьега Верде, Пьедрас Бланкас), Франции (Верхний Форнол) и особенно Португалии (памятники долины Коа) показали, что петроглифы на скалах под открытым небом вполне могли сохраняться тысячелетиями и что пещерное искусство, до этого считавшееся едва ли не синонимом искусства палеолитического, на самом деле лишь одна из разновидностей последнего, возможно и не самая главная (*Бан*, 2016). Эти открытия дали новый импульс поискам палеолита и на скалах Азии, как бы предоставив исследователям дополнительный аргумент в пользу обоснования столь ранних датировок. Так, в книге В. И. Молодина и Д. В. Черемисина (1999) палеолитический возраст древнейших петроглифов памятника Калгутинский рудник на плато Укок (Горный Алтай) обосновывался в числе прочего и сравнением их с наскальными изображениями Европы.

Палеолитические датировки А. П. Окладниковым отдельных наскальных изображений Азии хотя и были некоторыми исследователями приняты как установленный факт, позволивший им, в свою очередь, отнести к палеолиту целый ряд других памятников, тем не менее подвергались справедливой критике. А. А. Формозов посвятил проблеме древнейших наскальных изображений Сибири отдельную главу книги (*Формозов*, 1969. С. 82–117). Он заметил, что «его (Окладникова. – *Е. М.*) хронологическая схема основана почти всегда на косвенных соображениях, а нередко и на одной интуиции» (Там же. С. 83), и путем аргументированного анализа пришел к выводу, что «палеолитических или мезолитических петроглифов на Лене и Ангаре нет» (Там же. С. 110). Такое же заключение сделал и Р. Беднарик: «There is no known Pleistocene rock art at all in Siberia at the present time» (*Bednarik*, 1994. P. 363). А. А. Формозов в данном случае имел в виду не тот ареал, которому посвящена наша статья, но, рассматривая эту проблематику на широком фоне, затронул и вопросы датировки древнейших петроглифов Минусинской котловины («лоси и быки с отсеченными поперечной чертой головами») (*Формозов*, 1969. С. 110). Включив их в более обширный ареал сибирских памятников и сопоставив его с ареалом находок каменных скульптур рыб, он предположил, что объединяющий писаницы стиль «выработался именно в неолитическое время, не ранее серовского этапа» (Там же. С. 113).

Тема сходства и различий архаических наскальных рисунков на Енисее и Ангаре в связи с определением их возраста привлекла и внимание участников работ по исследованию писаниц на береговых скалах Енисея перед их затоплением водохранилищем Красноярской ГЭС. Н. Л. Подольский рассмотрел этот вопрос в статье о книге А. А. Формозова и поднятых в ней проблемах хронологии сибирских наскальных рисунков (*Подольский*, 1973). Я. А. Шер посвятил древнейшим петроглифам Енисея раздел монографии (*Шер*, 1980. С. 186–194). Исследователи выделили среди них две группы: «минусинский стиль» (или «минусинская традиция» – по Н. Л. Подольскому) и «ангарский стиль» («ангарская традиция»). Первая группа была признана более ранней и встречающейся

только в Минусинской котловине (отсюда и название). Вторая же группа имела близкие аналогии на Ангаре, на Томи и в некоторых других местах Сибири, и что самое важное, наскальным изображениям лосей в ангарском стиле имелись аналогии в мелкой пластике эпохи неолита и ранней бронзы. Что касается времени существования изображений минусинского стиля, Н. Л. Подольский считал, что это определенно энеолит, но не исключал возможности появления традиции в позднем неолите и продолжения ее бытования в эпоху бронзы и даже раннего железного века (*Подольский*, 1973. С. 271, 275); Я. А. Шер же предположил, что они относятся к «доафанасьевскому времени» (*Шер*, 1980. С. 187), «не исключая и их верхнепалеолитического возраста» (Там же. С. 193).

Я. А. Шер подчеркивал, что «рисунки минусинского стиля не имеют близких аналогий ни на Ангаре, ни в Туве, ни в западных районах» (Там же. С. 190). Н. Л. Подольский также отметил, что на Томи и Ангаре изображений минусинской традиции нет, но вот на Шишкинской писанице на р. Лена бык (*Окладников, Запорожская*, 1959. № 531), отнесенный А. П. Окладниковым к палеолиту, «попадает в минусинскую группу» (*Подольский*, 1973. С. 271). На самом деле, и среди петроглифов Ангары есть (хотя и единичные) изображения, которые можно сравнить с «минусинской традицией» (см.: *Окладников*, 1966. Рис. 13; 14 (крупные контурные фигуры)), причем и здесь, как и на Енисее, они перекрываются выполненными в «ангарском» стиле. Продолжая линию аналогий из Восточной Сибири, отметим некоторое сходство с минусинским стилем самой ранней группы изображений Шишкинской писаницы, отнесенной выделившими ее авторами к позднему неолиту (*Николаев, Мельникова*, 2002), и подобных им гравировок памятника Улан-Байтог (*Миклашевич*, 2013). Количество отмеченных фигур невелико, и пока у нас нет достаточных оснований для сравнительного анализа; сходство это носит самый общий характер и скорее всего – стадиальное.

Совсем иначе обстоит дело с линией южных и юго-западных аналогий древнейшим изображениям Минусинской котловины. На памятниках Российского и Монгольского Алтая выявлены очень представительные группы наскальных рисунков, объединенных между собой общностью стиля и репертуара образов и обнаруживающих весьма заметное сходство с минусинскими по этим характеристикам (рис. 1–3). Сходство это отмечали и исследователи наскального искусства Алтая (*Kubarev, Jacobson*, 1996; *Черемисин*, 2000; *Маточкин*, 2011; и др.). И. В. Ковтун, сопоставивший енисейские и алтайские изображения рассматриваемого стиля, даже высказал предположение, что «тезис об исключительно среднеенисейской локализации петроглифов “минусинской” традиции утратил свою актуальность» (*Ковтун*, 2001. С. 90. Табл. 93–95). Сейчас, когда выявлено и опубликовано еще большее количество памятников, это уже не вызывает сомнений. Точно так же, как и для Минусинской котловины, эти изображения для Алтая признаны самыми ранними, и датировка их так же неясна, а предположения по этому поводу варьируют в диапазоне от верхнего палеолита до афанасьевской культуры или «энеолита – ранней бронзы» (*Кубарев*, 2000; 2004а; 2004б; 2009; *Кубарев и др.*, 2005; *Маточкин*, 2011; *Молодин*, 1996; *Молодин, Черемисин*, 1999; *Молодин и др.*, 2019; *Окладникова*, 1984; *Цэвээндорж и др.*, 2005; *Черемисин и др.*, 2018; *Jacobson-Tepfer*, 2013; *Kubarev, Jacobson*, 1996; и др.).

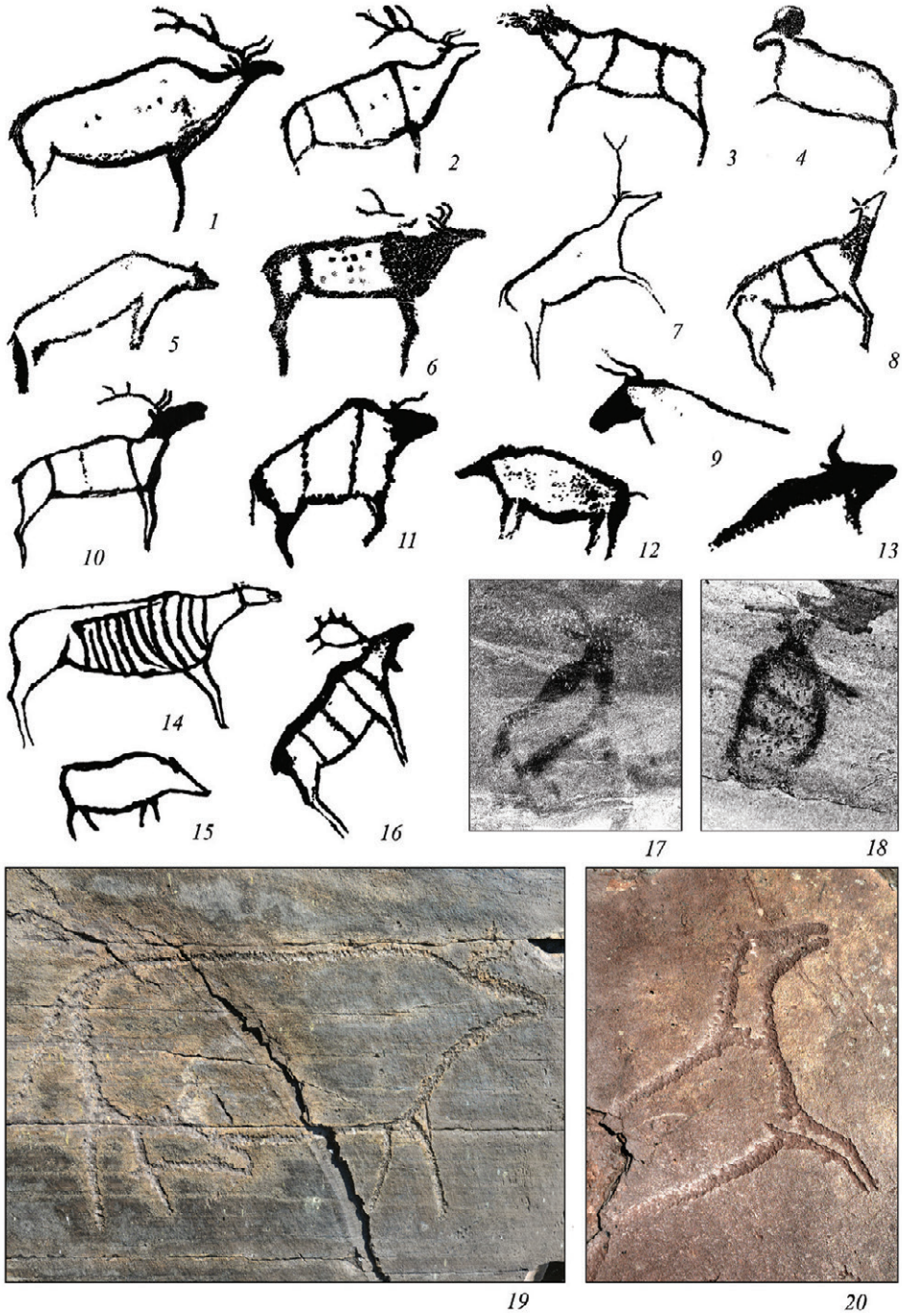


Рис. 1. Изображения минусинского стиля в Минусинской котловине

1–5, 17–20 – Оглахты; *6* – Моисеиха (Потрошиловская писаница); *7, 8* – Суханиха; *9* – Куня; *10, 11* – Тепсей; *12* – Усть-Туба; *13–16* – Шалаболино

1–9, 12 – прорисовки автора; *10, 11* – по: *Blednova et al.*, 1995; *13–16* – по: *Пяткин, Мартынов*, 1985; *17, 18* – рисунки краской, пигментные карты, фото автора; *19, 20* – фото Л. Л. Бове

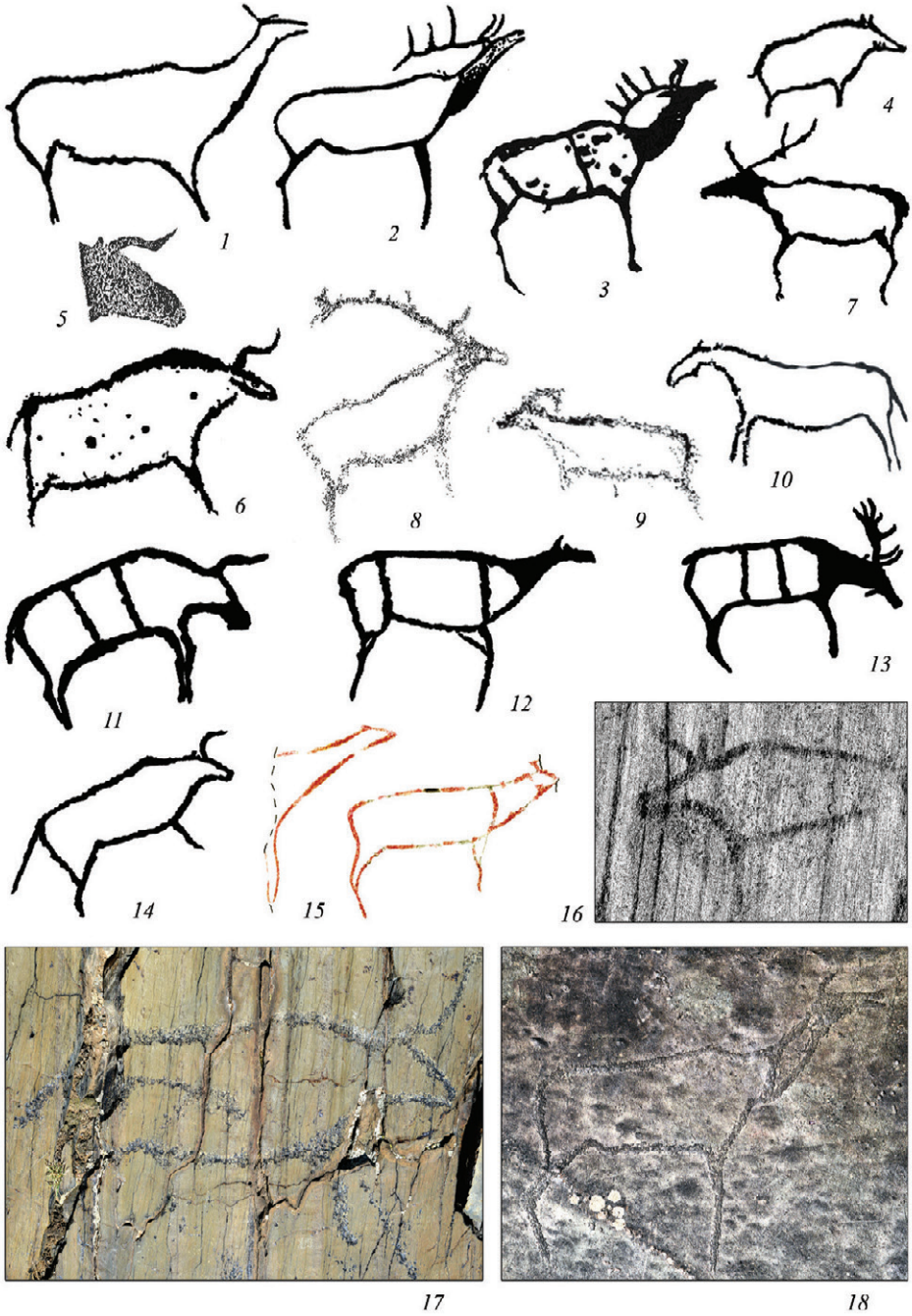


Рис. 2. Древнейшие изображения Горного Алтая

1–6, 18 – Калбак-Таш; *7* – Куйлю; *8–10* – Калгутинский Рудник; *11–14* – Узунгур; *15* – Сатакулар; *16, 17* – Курмантау

1–6 – по: *Kubarev, Jacobson*, 1996; *7* – по: *Молодин*, 1996; *8–10* – по: *Молодин и др.*, 2019; *11–14* – по: *Черемисин*, 2000; *15* – по: *Маточкин*, 2011; *16* – рисунок краской, пигментная карта, по: *Миклашевич, Бове*, 2020; *17* – фото Л. Л. Бове; *18* – фото автора

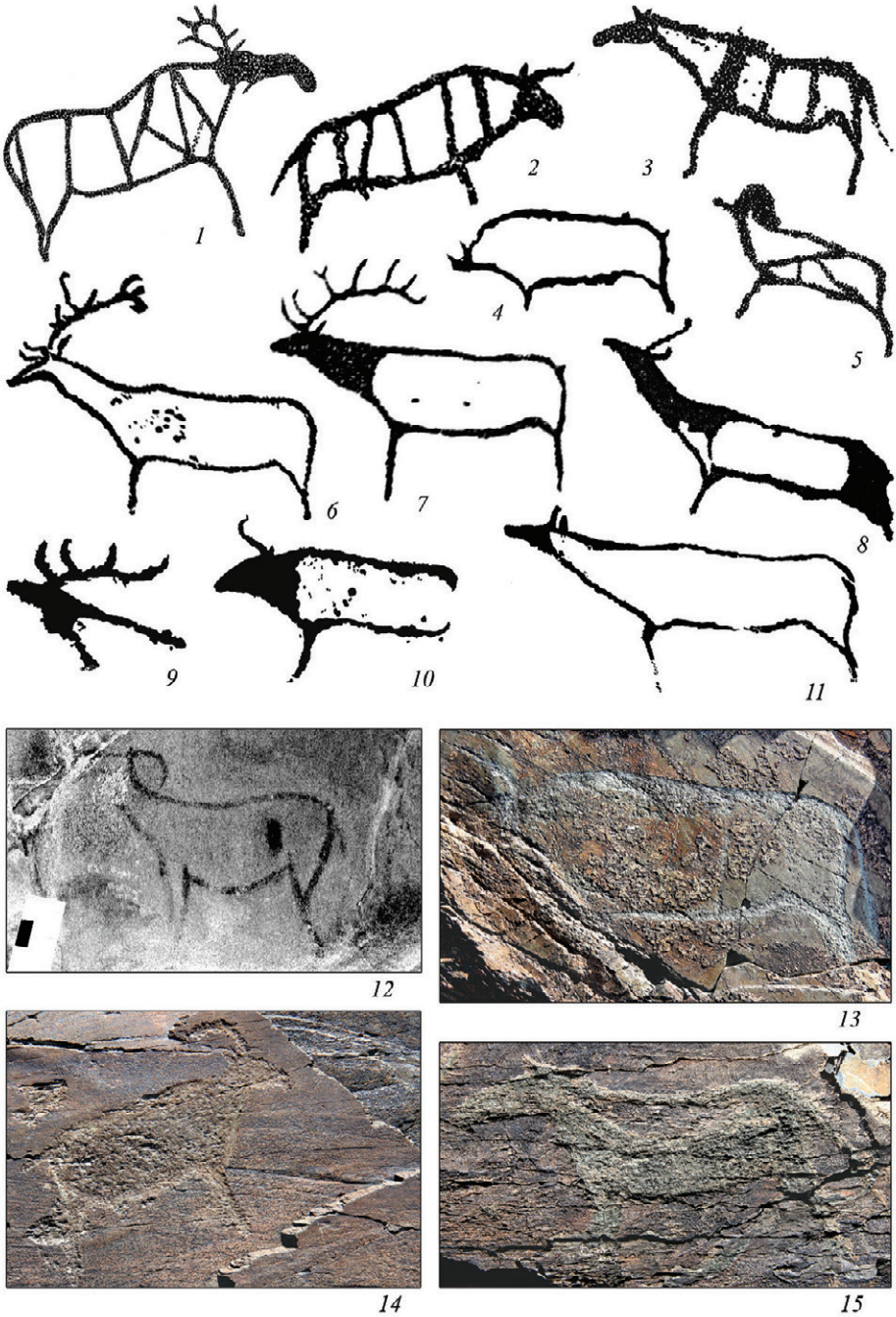


Рис. 3. Древнейшие изображения Северо-Западной Монголии

1–7 – Арал-Толгой; *8* – Чандмань хар узуур; *9* – Хаар-Салаа II; *10, 11* – Бага-Ойгор II; *12* – пещера Хойт Цэнкер агуй; *13–15* – Ишгэн-Толгой

1–7 – по: *Цэвээндорж и др.*, 2005; *8* – по: *Кубарев*, 2004б; *9* – по: *Кубарев*, 2009; *10, 11* – по: *Кубарев и др.*, 2005; *12* – рисунок краской, пигментная карта, фото А. Солодейникова; *13–15* – фото автора

Проблеме культурно-хронологической атрибуции ранних изображений и Минусинской котловины, и Горного Алтая, и Северо-Западной Монголии посвящена обширная литература. В рамках статьи невозможно даже кратко рассмотреть основные аргументы исследователей в пользу той или иной датировки и привести соображения (наши или других коллег), почему эти аргументы представляются недостаточно убедительными или вызывают возражения. Основная трудность связана с тем, что наскальные изображения древнейшего пласта не имеют никаких «привязок» в археологических материалах, с ними не работает основной метод датирования наскальных изображений – поиск стилистических и иконографических аналогий в изобразительных материалах других видов (мелкая пластика, декоративно-прикладное искусство, рисунки на предметах, изображения на плитах и т. п.) из датированных закрытых комплексов. Отсутствие каких-либо изображений «минусинского» (в широком смысле) стиля среди известных изобразительных источников разнообразных культур рассматриваемых регионов дает нам возможность быть уверенными лишь в том, что наскальные рисунки этого стиля древнее изображений окуневско-каракольской традиции. А вот насколько древнее – это так же неясно сейчас, как было и полвека назад, когда этот стиль был выделен в наскальном искусстве Енисея. Несмотря на то что за прошедшее время многократно пополнился корпус источников, в том числе и за счет распространения этого стиля за пределы Минусинской котловины, приходится признать, что пока мы все также далеки от решения этого вопроса.

Высказанные предположения[2] о принадлежности этого пласта палеолиту (*Молодин, Черемисин*, 1999; *Молодин и др.*, 2019; *Цэвээндорж и др.*, 2005; *Черемисин и др.*, 2018), равно как и афанасьевской культуре (*Молодин*, 1996; *Русакова*, 2005; *Есин*, 2010), остаются лишь предположениями до тех пор, пока не будут найдены сопоставимые изобразительные материалы в соответствующих археологических памятниках[3]. Хорошо известно, что при всей многочисленности изученных в Южной Сибири и Северо-Западной Монголии памятников, как верхнего палеолита, так и афанасьевской культуры, предметов изобразительного искусства в них не найдено. Пока мы просто не знаем, каков был художественный стиль палеолита Южной Сибири и Северо-Западной Монголии[4]

[2] Это уже не всегда лишь предположения, появляются и уверенные датировки: «можно полагать, что изображения древнейшего пласта памятников наскального искусства Монголии следует определять возрастом никак не моложе 12 тыс. лет, т. е. финалом плейстоцена» (*Черемисин и др.*, 2018. С. 73).

[3] Нельзя не отметить аргументированное и убедительное выделение афанасьевского пласта в наскальном искусстве Центральной Монголии путем сравнения с орнаментацией керамики афанасьевской культуры (*Есин и др.*, 2012). Однако гравированные изображения памятника Хуроогийн узуур вряд ли имеют отношение к датировке древнейших изображений Минусинской котловины. Ни на одном из последних нет такого орнамента, как на афанасьевских сосудах из этого же региона, привлеченных в качестве аналогий для атрибуции петроглифов Центральной Монголии.

[4] Весьма заманчивым выглядит сопоставление древнейших петроглифов рассматриваемых регионов с наскальным искусством европейского палеолита (*Молодин, Черемисин*, 1999; *Молодин и др.*, 2019). Несомненно, есть впечатляющие стилистические аналогии некоторым изображениям Алтая и Минусинской котловины среди достоверно

и какое фигуративное искусство было у афанасьевцев. Что касается неолита, принадлежность к которому рассматриваемого пласта представляется многим исследователям (в том числе и автору) наиболее вероятной, то тут аргументов еще меньше, поскольку не найдены не то что предметы искусства в неолите обозначенных территорий, но и о самой эпохе сведения крайне скудны и фрагментарны. Известно неолитическое искусство в памятниках более восточных ареалов, но и с ним рассматриваемые изображения не соотносятся.

Таким образом, на данном этапе исследований отнесение древнейших изображений обозначенного ареала и к афанасьевской культуре, и к неолиту, и даже к палеолиту – по-прежнему равновероятно. Тем не менее за прошедшие годы многое сделано на пути решения этой проблемы: собран внушительный корпус источников, открыты новые памятники; постоянно совершенствуются методы документирования, позволяющие существенно уточнить известные и выявить новые значимые стилистические и иконографические детали; осуществляется трасологический анализ следов инструмента и палимпсестов (*Зоткина*, 2019; *Зоткина, Миклашевич*, 2016; и др.); анализируется видовой состав изображенных животных и соотносится с данными палеоклиматологии и палеозоологии (*Jacobson-Tepfer*, 2013) и т. д. Ранее мы обозначили перспективы и задачи исследований изображений древнейшего пласта Минусинской котловины (*Миклашевич*, 2015); их можно распространить и на другие ареалы. Междисциплинарный подход и развитие методов прямого датирования наскальных рисунков (например, уран-ториевое датирование перекрывающего их кальцита) дают надежду, что проблема датировки рассматриваемых изображений когда-нибудь будет решена.

Важными направлениями исследований являются картографирование местонахождений наскальных рисунков рассматриваемого стиля и установление степени сходства изображений различных регионов, а тем самым – определение ареала этого изобразительного пласта. Становится очевидным, что проблемы хронологической атрибуции древнейшего наскального искусства отдельных регионов продуктивнее решать в их взаимосвязи.

Прежде чем перейти к вопросам степени и характера сходства, добавим к минусинским и алтайским наскальные рисунки еще двух регионов (рис. 4), которые ранее в контексте данной проблемы не рассматривались. Датировка их еще более проблематична, источники малочисленны, а техника исполнения (росписи) и степень сохранности затрудняют выявление стилистических особенностей. Включение их в один изобразительный пласт с древнейшим наскальным искусством Минусинской котловины и Алтая небесспорно, и все же мы видим здесь повторение многих характерных стилистических признаков и тот же репертуар образов.

Наскальное искусство Западного Саяна, труднодоступного горно-таежного региона, известно пока по очень небольшому числу памятников (если не считать, конечно, богатейшего ареала петроглифов Саянского каньона Енисея (*Дэвлет*, 1976; и др.) в его южной части). Один из них находится на правом берегу

палеолитических изображений в пещерах и на скалах Франции, Испании, Португалии. Смущает лишь одно: почему палеолитические петроглифы Сибири должны быть похожи на палеолитические изображения Европы? Разве похожи женские палеолитические статуэтки Восточной Сибири на палеолитических «венер» Европы?

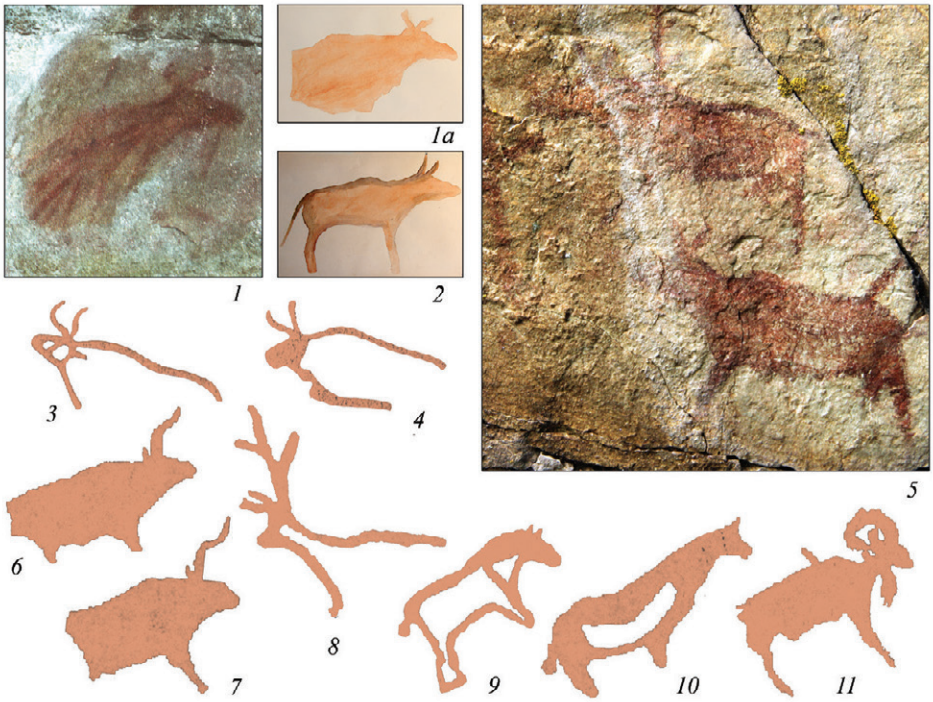


Рис. 4. Древнейшие изображения Западного Саяна (*1–5*) и Южной Тувы (*6–11*)

1, 2 – Сосновка Джойская; *3, 4* – Кантегир; *5* – Нистафоровка; *6–11* – Ямалык

1 – по: *Шер*, 1980; *1а, 2* – по: *Липский*, 1962; *3, 4* – по: *Леонтьев*, 1985; *5* – фото автора; *6–11* – по: *Килуновская*, 2012

Енисея у места впадения р. Сосновка Джойская. Это скала с изображениями быков, лосей, лошади, антропоморфных фигур и лодки (*Липский*, 1962; *Шер*, 1980. С. 132, 133) (рис. 4: *1, 1а, 2*). Исследователи отнесли их к неолиту (*Липский*, 1962. С. 3) или энеолиту (*Шер*, 1980. С. 133). Я. А. Шер отметил, что на одной из граней изображена голова и передняя часть туловища быка, перекрывающая голову лося с шеей, и что подобные неполные рисунки во множестве встречаются на Среднем Енисее; кроме того, он описал особенности росписи: «фигуры окрашены темно-бурой охрой, внутри контура заполнение неравномерное и значительно бледнее, чем сама линия контура» (Там же. С. 132, 133. Цв. вкл.). А. Н. Липский головы лося внутри контура «быка» (у него это – лосиха) не заметил (ср. рис. 4: *1* и *1а*), однако аналогичные особенности росписи переданы у него на зарисовке другой фигуры (рис. 4: *2*).

Второй памятник, на левом берегу Енисея, ниже устья р. Кантегир, содержит фрагментарно сохранившиеся контурные фигуры быков (*Леонтьев*, 1985), сопоставимые по стилю с изображениями рассматриваемого пласта (рис. 4: *3, 4*). Однако хронологическая атрибуция их не вполне ясна. Исследователь зафиксировал наличие здесь двух групп рисунков, различающихся как по стилю, так

и по оттенку и интенсивности краски: изображения быков выполнены охрой насыщенного малинового цвета, как и фигура коня, перекрывающая едва заметное изображение хищника окуневской культуры эпохи бронзы, краска которого имеет бледно-розовый цвет (*Леонтьев*, 1985. С. 172, 173). Н. В. Леонтьев пишет, что «вопрос о времени создания рисунков второго пласта решить однозначно трудно, из-за неполноты фигур. Не исключено, что они принадлежат более поздней поре той же окуневской культуры» (Там же. С. 173).

К сожалению, оба памятника затоплены Саяно-Шушенским водохранилищем и, вероятно, утрачены, что не позволяет провести их документирование современными методами, чтобы попытаться выявить дополнительную информацию для уточнения стилистических и содержательных деталей, последовательности перекрывания и т. д.

Сравнительно недавно Н. А. Боковенко были обнаружены рисунки на скалах правого берега р. Ус, к западу от устья р. Нистафоровка, предположительно датированные эпохой ранней бронзы – III–II тыс. до н. э. (*Соловьева и др.*, 2015. С. 74, 75). На одной из плоскостей изображены две фигуры безрогих лосей (рис. 4: *5*), по стилю близкие рассматриваемым изображениям, прорисованные по контуру коричневато-красной темной краской, а внутри него – более светлой красной. В то же время там присутствуют детали, не характерные для древнейшего пласта: у лосей обозначены признаки пола; оба зверя поражены в спину каким-то оружием. Другие изображения этой плоскости и других плоскостей памятника Нистафоровка ассоциируются скорее с более поздними эпохами.

Интересно, что среди огромного количества изученных и опубликованных М. А. Дэвлет петроглифов на памятниках Верхнего Енисея в южной части Западного Саяна нет ни одного, который можно было бы сопоставить и с вышеописанными рисунками, и с классическими изображениями минусинского стиля.

На юге Тувы на хребте Ямалык в 1986 г. были обнаружены два единственных в Туве местонахождения рисунков, выполненных краской (*Килуновская*, 2012. С. 149–151). Среди них прослежены два слоя, различающихся по цвету краски и стилю, при этом один из них, содержащий изображения быков, оленей, лошадей и козерога (рис. 4: *6–11*), также можно сопоставить с изображениями рассматриваемого пласта. Очертания фигур, с размытой краской и покрытых кальцитовым натеком, точно проследить не удалось, однако видовые признаки и стилистические особенности угадываются. М. Е. Килуновская отнесла рисунки Ямалыка «к эпохе раннего металла или бронзы (XII–VIII вв. до н. э.)» (Там же. С. 150). На наш взгляд, они более ранние. Отметим, что в непосредственной близости от скалы Ямалык 1 были произведены раскопки, в результате которых обнаружены артефакты различных исторических эпох, в том числе раннего неолита (Там же).

Как видим, все известные изображения данного стиля Западного Саяна и Тувы выполнены краской, а не выбивкой. Это не должно смущать. Мы неоднократно писали о том, что все основные техники нанесения наскальных рисунков (роспись, выбивка, гравировка, прошлифовка) были известны и применялись художниками разных эпох и культур начиная с палеолита, а кажущиеся предпочтения в выборе техники связаны либо со степенью изученности или сохранности, либо с особенностями скального субстрата. Лишний раз убеждает

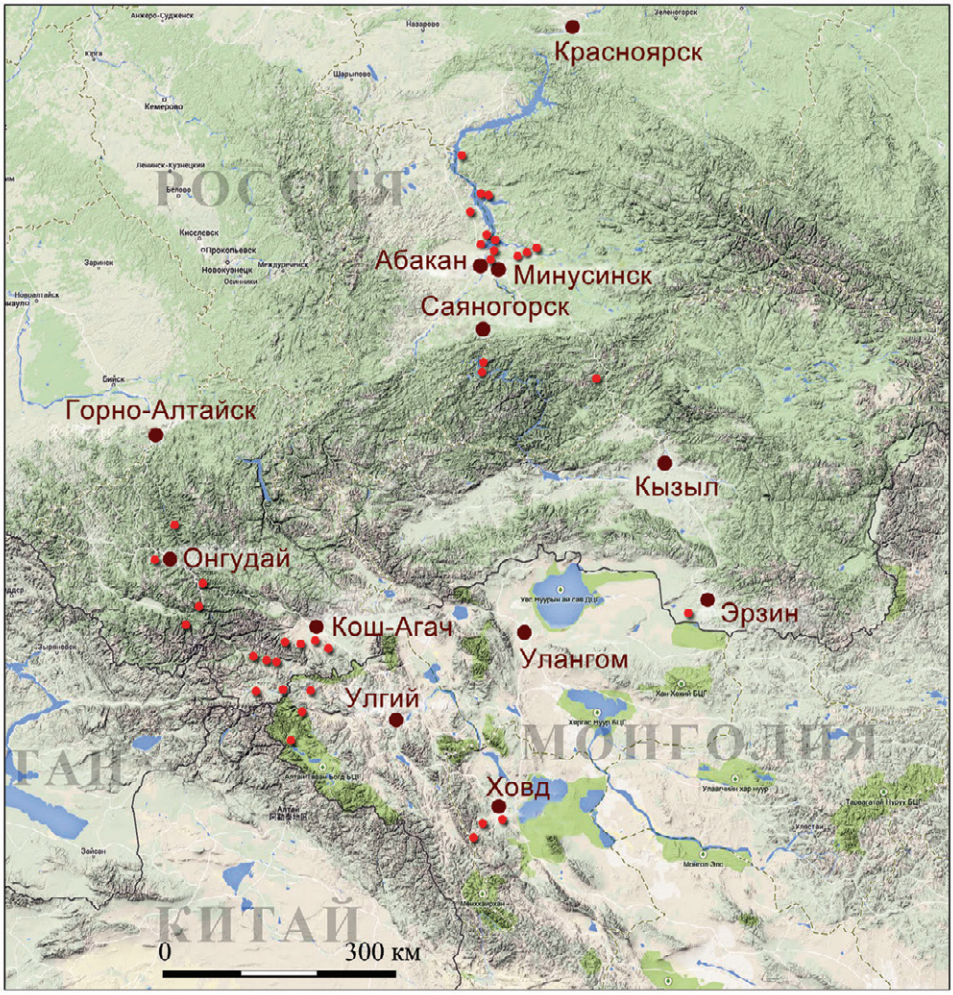


Рис. 5. Карта распространения памятников с наскальными рисунками древнейшего пласта в регионах Южной Сибири и Центральной Азии

в этом тот факт, что на фоне огромного количества выполненных выбивкой изображений минусинского стиля, все больше выявляется совершенно таких же, но рисованных краской, как в Минусинской котловине (*Советова и др.*, 2012. Цв. вкл. Рис. 1; *Миклашевич*, 2015. Рис. 7; и др.), так и на Алтае (*Кубарев*, 2003; *Маточкин*, 2011).

Распределение по таблицам (рис. 1–4), конечно, носит условный характер, определяясь современными представлениями о границах. Карта распространения основных местонахождений (рис. 5) отображает более реальную картину. Выделяются следующие обособленные скопления памятников: Минусинская котловина; Центральный Алтай (имеется в виду Горный Алтай); Южный Алтай

(Горный) и северо-запад Монголии; Западная Монголия в районе Ховда; Западный Саян (возможно, что здесь два отдельных субрегиона); Южная Тува. Дает ли какие-то дополнительные возможности для атрибуции определение этого ареала и отдельных регионов внутри него? Пожалуй, что пока нет. Но эту карту можно совмещать с ареалами каких-либо археологических культур или памятников определенных периодов.

Правомерно ли включать все эти изображения в единый пласт? И этот вопрос дискуссионен. Стиль этот не настолько каноничен, чтобы можно было выделить какой-то абсолютно повторяющийся набор признаков, он достаточно вариабелен в пределах каждого региона и даже каждого памятника. Нельзя, например, сказать, что все древнейшие минусинские изображения похожи на все древнейшие алтайские. Каждый из регионов имеет свою специфику и особенности, в каждом можно найти такие проявления стиля, которые не встречаются в другом. Однако он узнаваем, есть немало изображений из разных регионов, удивляющих поразительным стилистическим сходством, которое к тому же усиливается сходством иконографическим, в том числе манерой передачи видовых особенностей, так как в большинстве случаев изображались одни и те же виды диких животных – олень, бык-тур, дикая лошадь, лось, архар, кабан, медведь[5]. В приводимых рисунках намеренно подобраны изображения, показывающие это сходство. Объясняется ли оно общей культурной основой, вызвано ли миграциями населения или другими путями передачи стиля, конвергентное (стадиальное) ли оно – пока ответов на эти вопросы нет. Но мы уверены, что дальнейшее изучение этого корпуса интереснейших источников, в первую очередь связанное с более точным документированием памятников и применением междисциплинарного подхода, когда-нибудь позволит решить одну из наиболее волнующих проблем археологии Южной Сибири и Центральной Азии, проблему времени появления наскального искусства в этом регионе.

В заключение отметим, что самыми ранними (древнейшими) рассмотренные изображения представляются на современном этапе изученности всех этих регионов. Не исключена возможность того, что в каком-то из них могут быть обнаружены или идентифицированы изображения еще более древние, чем те, которым посвящена наша статья.

ЛИТЕРАТУРА

Бан П. Г., 2016. Палеолитическое наскальное искусство: история открытия и признания феномена // Уральский исторический вестник. № 4 (53). С. 6–14.

Дэвлет М. А., 1976. Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука. 120 с.

Есин Ю. Н., 2010. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука. С. 53–73.

[5] Мы не рассматриваем в данной статье относящиеся к исследуемому изобразительному пласту антропоморфные фигуры (так как это сложная отдельная тема, требующая к тому же дополнительного изучения) и изображения лодок (поскольку это практически универсальный по иконографии мотив, почти не представляющий возможности для стилистических сопоставлений).

Есин Ю. Н., Магай Ж., Еруул-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж., 2012. К проблеме выделения наскального искусства афанасьевской культуры Монголии: новые материалы и подходы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН. С. 205–211.

Зоткина Л. В., 2019. К вопросу о методике изучения палимпсестов (на примере композиции Шалаболинской писаницы, Красноярский край) // АЭАЕ. № 2 (47). С. 93–102.

Зоткина Л. В., Миклашевич Е. А., 2016. Трасологический анализ петроглифов минусинского стиля на памятнике Оглахты VI (Хакасия) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Т. 15. Вып. 5. С. 31–43.

Килуновская М. Е., 2012. Мониторинг археологических памятников Республики Тыва // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). СПб.: Инфо Ол. С. 102–175.

Ковтун И. В., 2001. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов Северо-Западного Саяно-Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 184 с.

Кубарев В. Д., 2000. Петроглифы Курман-Тау // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии. № 5. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ун-т. С. 15–21.

Кубарев В. Д., 2004а. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации // Проблемы первобытной археологии Евразии: Сб. ст. к 75-летию А. А. Формозова / Ред. и сост.: В. И. Гуляев, С. В. Кузьминых. М.: ИА РАН. С. 228–242.

Кубарев В. Д., 2004б. О петроглифах скалы Чандмань хар узуур (Ховдоский аймак, Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 10. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 296–300.

Кубарев В. Д. 2009. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 420 с.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. 2005. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 640 с.

Кубарев Г. В., 2003. Исследования в Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 9. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 384–388.

Леонтьев Н. В., 1985. Писаницы устья р. Кантегир // Рериховские чтения-1984 г. Новосибирск. С. 168–179.

Липский А. Н., 1962. Наскальные рисунки, выполненные охрой, в Саянах на Енисее. Отчет // Архив ИА РАН. Р-1. № 2553.

Маточкин Е. П., 2011. Красные маралы Сатакулара (Горный Алтай) // АЭАЕ. № 4 (48). С. 107–112.

Миклашевич Е. А., 2013. К методике документирования наскальных рисунков, выполненных в технике гравировки (на примере композиции памятника Улан-Байтог) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. № 2. С. 166–175.

Миклашевич Е. А., 2015. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». № 2. Кемерово. С. 66–78.

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л., 2020. Новые материалы по древнейшим наскальным изображениям горы Курмантау (Юго-Восточный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 101–107.

Молодин В. И., 1996. Наскальные изображения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1996 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 178–181.

Молодин В. И., Женест Ж.-М., Зоткина Л. В., Черемисин Д. В., Кретэн К., 2019. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии // АЭАЕ. № 3 (47). С. 12–26.

Молодин В. И., Черемисин Д. В., 1999. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 160 с.

Николаев В. С., Мельникова Л. В., 2002. Периодизация петроглифов Верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана, использование. Вып. 2. Иркутск: Ин-т географии СО РАН. С. 127–142.

Окладников А. П., 1966. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука. 322 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1959. Ленские писаницы. М.; Л.: АН СССР. 200 с.

Окладникова Е. А., 1984. Петроглифы средней Катуни. Новосибирск: Наука. 111 с.
Подольский Н. Л., 1973. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // СА. № 3. С. 265–275.
Пяткин Б. Н., Мартынов А. И., 1985. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т. 192 с.
Русакова И. Д., 2005. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства / Ред. Е. Г. Дэвлет. М.: ИА РАН. С. 214–218.
Советова О. С., Мухарева А. Н., Аболонкова И. В., 2012. Местонахождение Тепсей I: история изучения и современное состояние // Археология Южной Сибири. Вып. 26. Сборник науч. трудов, посвящ. 80-летию А. И. Мартынова / Ред.: О. С. Советова, Л. Ю. Китова. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 77–90.
Соловьева Н. Ф., Александров С. В., Боковенко Н. А., Горлов К. В., Городилов А. Ю., Килуновская М. Е., Курганов Н. С., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А., Смирнов Н. Ю., Шапиро С. Б., 2015. «Дорога длиной в тысячелетия…». СПб.: Любавич. 196 с.
Формозов А. А., 1969. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука. 254 с. (МИА; № 165).
Цэвээндорж Д., Кубарев В. Д., Якобсон Э., 2005. Петроглифы Арал Толгой (Монголия). Улаанбаатор: Монгол улс. 204 с.
Черемисин Д. В., 2000. Петроглифы Узунгура (Горный Алтай) // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 52–56.
Черемисин Д. В., *Молодин В. И.*, *Зоткина Л. В.*, *Цэвээндорж Д.*, *Кретэн К.*, 2018. Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Т. 17. № 3: Археология и этнография. С. 57–77.
Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.

Bednarik R. G., 1994. The Pleistocene art of Asia // Journal of World Prehistory. December. P. 351–375.
Blednova, N., Francfort, H.-P., Legtchilo, N., Martin, L., Sacchi, D., Sher, J., Smirnov, D., Soleilhavoup, F., Vidal, P., 1995. Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris: De Boccard. 246 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 2.)
Jacobson-Tepfer E., 2013. Late Pleistocene and Early Holocene Rock Art from the Mongolian Altai: The Material and its Cultural Implications [Электронный ресурс] // Arts. 2. P. 151–181. URL: https://www.mdpi.com/2076-0752/2/3/151
Kubarev V. D., Jacobson E. , 1996. Sibérie du Sud 3: KalbakTash I (République de l'Altaï). Paris: De Boccard. 68 p., 662 fig., 15 pl. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 3.)

Сведения об авторе

Миклашевич Елена Александровна, Институт археологии РАН ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292; Музей-заповедник «Томская Писаница», ул. Томская, 5а, Кемерово, 650099; Россия; e-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

E. A. Miklashevich

SIMILARITY OF THE EARLIEST ROCK ART IN SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA AND THE ISSUE OF THEIR ATTRIBUTION

Abstract. The paper deals with the issue of chronological attribution of the earliest rock art in several adjacent regions of South Siberia and Central Asia such as the Minusinsk Depression, the Altai Republic, northwestern Mongolia, Western Sayan Mountains and

southern Tuva (Fig. 1–4). It reviews shared stylistical traits, iconography and repertoire of main animalistic images discussing the nature and causes of this similarity. It also provides a map showing distribution of the rock images from the earliest layer (Fig. 5). Relevance of the issue of their dating is explained by the fact that they do not have any archaeological «links» as no figurative materials of this style have been discovered in closed assemblages. We can only argue that they are older than the images attributed to the Okunevo-Karakol traditions. Scholars have proposed various dates ranging from the Upper Paleolithic to the Early Bronze Age; the attribution to the Afanasyevo culture has been proposed; however, so far, none of the versions seems well justified. In the author's opinion, probability of this figurative layer dating to the Stone Age is quite high, though there are no sufficient data to narrow down the time interval. To address this issue, it is necessary to expand the corps of sources, make more accurate records of the sites and conduct interdisciplinary studies including use of direct dating methods (such as uranium–thorium dating of the calcite over the rock images, etc.).

Keywords: rock art, earliest imagery, Minusinsk style, South Siberia, Central Asia.

REFERENCES

Bahn P. G., 2016. Paleoliticheskoye naskal'noye iskusstvo: istoriya otkrytiya i priznaniya fenomena [Paleolithic rock art: history of discovery and acceptance of the phenomenon]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical bulletin]*, 4 (53), pp. 6–14.

Cheremisin D. V., 2000. Petroglify Uzungura (Gornyy Altay) [Uzungur petroglyphs (The High Altai)]. *Obozreniye rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovaniy arkheologov i etnografov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1994–1996 godakh [Review of results of field and laboratory research by archaeologists and ethnographers of Siberia and the Far East in 1994–1996]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 52–56.

Cheremisin D. V., Molodin V. I., Zotkina L. V., Tseveendorzh D., Cretin C., 2018. Novyye issledovaniya rannego plasta naskal'nogo iskusstva Mongol'skogo Altaya [New investigations of early rock art layer in the Mongolian Altai]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History. Philology]*, vol. 17, no. 3, pp. 57–77.

Devlet M. A., 1976. Petroglify Ulug-Khema [Ulug-Khem petroglyphs]. Moscow: Nauka. 120 p.

Esin Yu. N., 2010. Problemy vydeleniya izobrazheniy afanas'yevskoy kul'tury v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny [Issues of singling out images of Afanas'yevo culture in rock art of Minusinsk depression]. *Afanas'yevskiy sbornik [Afanas'yevo annual]*. Barnaul: Azbuka, pp. 53–73.

Esin Yu. N., Magay Zh., Eruul-Erdene Ch., Gantulga Zh., 2012. K probleme vydeleniya naskal'nogo iskusstva afanas'yevskoy kul'tury Mongolii: novyye materialy i podkhody [On the problem of identifying rock art of Afanas'yevo culture in Mongolia: new materials and approaches]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystviye s drevnimi tsivilizatsiyami [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations]*. Kn. 1. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 205–211.

Formozov A. A., 1969. Ocherki po pervobytnomu iskusstvu. Naskal'nyye izobrazheniya i kamennyye izvayaniya epokhi kamnya i bronzy na territorii SSSR [Essays on primitive art. Rock images and stone sculptures of Stone and Bronze Ages in territory of the USSR]. Moscow: Nauka. 254 p. (MIA, 165.)

Kilunovskaya M. E., 2012. Monitoring arkheologicheskikh pamyatnikov Respubliki Tyva [Monitoring of archaeological sites of the Republic of Tyva]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Rossii: okhrana i monitoring. Gruppa arkheologicheskogo monitoringa IIMK RAN (2001–2010) [Russia archaeological sites: protection and monitoring. A group for archaeological monitoring of IIMK RAN (2001–2010)]*. St. Petersburg: Info Ol, pp. 102–175.

Kovtun I. V., 2001. Izobrazitel'nyye traditsii epokhi bronzy Tsentral'noy i Severo-Zapadnoy Azii. (Problemy genezisa i khronologii ikonograficheskikh kompleksov severo-zapadnogo Sayano-Altaya) [Pictorial traditions of Bronze Age in Central and Northwestern Asia (Issues of origins

and chronology of iconographic complexes of Northwestern Sayan-Altai)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 184 p.

Kubarev G. V., 2003. Issledovaniya v Chuyskoy stepi (Yugo-Vostochnyy Altay) [Investigations in Chui steppe (South-Eastern Altai)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Issues of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, 9. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 384–388.

Kubarev V. D., 2000. Petroglify Kurman-Tau [Kurman-Tau petroglyphs]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya Laboratorii arkheologii [Altai antiquities. News of the laboratory of archeology]*, 5. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy universitet, pp. 15–21.

Kubarev V. D., 2004a. Drevneyshiye izobrazitel'nyye pamyatniki Mongolii i Altaya: problemy khronologii i interpretatsii [The earliest pictorial monuments of Mongolia and Altai: issues of chronology and interpretation]. *Problemy pervobytnoy arkheologii Evrazii [Problems of prehistoric archeology of Eurasia]*. V. I. Gulyayev, S. V. Kuz'minykh, ed., comp. Moscow: IA RAN, pp. 228–242.

Kubarev V. D., 2004b. O petroglifakh skaly Chandman' khar uzuur (Khovdoskiy aymak, Mongoliya) [On petroglyphs of the rock Chandman' khar usuur (Khovdoskiy aymak, Mongolia)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Issues of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, 10. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 296–300.

Kubarev V. D., 2009. Petroglify Shiveet-Khayrkhana (Mongol'skiy Altay) [Petroglyphs of Shiveet-Khayrkhana (Mongolian Altai)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 420 p.

Kubarev V. D., Tseveendorzh D., Yakobson E., 2005. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongol'skiy Altay) [Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur petroglyphs (Mongol Altai)]. Novosibirsk; Ulan-Bator; Yudzhin: IAET SO RAN. 640 p.

Leont'yev N. V., 1985. Pisanitsy ust'ya r. Kantegir [Pisanitsy in estuary of Kantegir river]. *Rerikhovskiye chteniya 1984 [Roerich readings 1984]*. Novosibirsk, pp. 168–179.

Lipskiy A. N., 1962. Naskal'nyye risunki, vypolnennyye okhroy, v Sayanakh na Eniseye. Otchet. [Rock paintings made in ochre in Sayan mountains on Yenisei. Report. 1962]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Matochkin E. P., 2011. Krasnyye maraly Satakulara (Gornyy Altay) [Red deer of Satakular (High Altai)]. *AEAE*, 4 (48), pp. 107–112.

Miklashevich E. A., 2013. K metodike dokumentirovaniya naskal'nykh risunkov, vypolnennykh v tekhnike gravirovki (na primere kompozitsii pamyatnika Ulan-Baytog) [On documenting method of rock images made in engraving technique (on the example of composition of the Ulan-Baytog site)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of Irkutsk state university. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]*, 2, pp. 166–175.

Miklashevich E. A., 2015. Drevneyshiye naskal'nyye izobrazheniya Minusinskoy kotloviny: problemy i perspektivy issledovaniya [Earliest rock art of Minusinsk depression: problems and perspectives of research]. *Uchenyye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» [Scientific notes of museum-reserve «Tomskaya pisanitsa»]*, 2. Kemerovo, pp. 66–78.

Miklashevich E. A., Bove L. L., 2020. Novyye materialy po drevneyshim naskal'nym izobrazheniyam gory Kurmantau (yugo-vostochnyy Altay) [New materials on earliest rock art of mount Kurmantau (Southeastern Altai)]. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya [Preservation and study of cultural heritage of the Altai Krai]*, XXVI. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 101–107.

Molodin V. I., 1996. Naskal'nyye izobrazheniya afanas'yevskoy kul'tury (k postanovke problemy) [Rock images of Afanas'yevo culture (raising the problem)]. *Noveyshiye arkheologicheskiye i etnograficheskiye otkrytiya v Sibiri: materialy IV Godovoy itogovoy sessii IAET SO RAN. Dekabr' 1996 g. [Newest archaeological and ethnographic discoveries in Siberia: proceedings of IV Annual final session of* IAET SO RAN. *December of 1996]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 178–181.

Molodin V. I., Cheremisin D. V., 1999. Drevneyshiye naskal'nyye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok [Earliest rock art of Ukok plateau]. Novosibirsk: Nauka. 160 p.

Molodin V. I., Zhenest Zh.-M., Zotkina L. V., Cheremisin D. V., Cretin C., 2019. «Kalgutinskiy» stil' v naskal'nom iskusstve Tsentral'noy Azii [«Kalgutin» style in rock art of Central Asia]. *AEAE*, 3 (47), pp. 12–26.

Nikolayev V. S., Mel'nikova L. V., 2002. Periodizatsiya petroglifov Verkhney Leny [Periodization of Upper Lena petroglyphs]. *Arkheologicheskoye naslediye Baykal'skoy Sibiri: izucheniye, okhrana, ispol'zovaniye [Archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and usage]*, 2. Irkutsk: Institut geografii SO RAN, pp. 127–142.

Okladnikov A. P., 1966. Petroglify Angary [The Angara petroglyphs]. Moscow; Leningrad: Nauka. 322 p.

Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D., 1959. Lenskiye pisanitsy [The Lena Pisanitses]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 200 p.

Okladnikova E. A., 1984. Petroglify sredney Katuni [The Middle Katun' petroglyphs]. Novosibirsk: Nauka. 111 p.

Podol'skiy N. L., 1973. O printsipakh datirovki naskal'nykh izobrazheniy. Po povodu knigi A. A. Formozova «Ocherki po pervobytnomu iskusstvu» [On principles of dating rock art. About the book by A. A. Formozov «Essays on primitive art»]. *SA*, 3, pp. 265–275.

Pyatkin B. N., Martynov A. I., 1985. Shalabolinskiye petroglify [Shalabolino petroglyphs]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 192 p.

Rusakova I. D., 2005. K voprosu o khronologii drevneyshikh petroglifov Minusinskoy kotloviny [On issue of chronology of earliest petroglyphs in Minusinsk depression]. *Mir naskal'nogo iskusstva [World of rock art]*. E. G. Devlet, ed. Moscow: IA RAN, pp. 214–218.

Sher Ya. A., 1980. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka. 328 p.

Solov'yeva N. F., Aleksandrov S. V., Bokovenko N. A., Gorlov K. V., Gorodilov A. Yu., Kilunovskaya M. E., Kurganov N. S., Lazaretov I. P., Polyakov A. V., Sadykov T. R., Semenov Vl. A., Smirnov N. Yu., Shapiro S. B., 2015. «Doroga dlinoy v tysyacheletiya…» [«The millennia-long road…»]. St. Petersburg: Lyubavich. 196 p.

Sovetova O. S., Mukhareva A. N., Abolonkova I. V., 2012. Mestonakhozhdeniye Tepsey I: istoriya izucheniya i sovremennoye sostoyaniye [Locality of Tepsei I: history of investigation and present state]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of South Siberia]*, 26. O. S. Sovetova, L. Yu. Kitova, eds. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 77–90.

Tseveendorzh D., Kubarev V. D., Jakobson E., 2005. Petroglify Aral Tolgoy (Mongoliya) [Petroglyphs Aral Tolgoy (Mongolia)]. Ulaanbaator: Mongol uls. 204 c.

Zotkina L. V., 2019. K voprosu o metodike izucheniya palimpsestov (na primere kompozitsii Shalabolinskoy pisanitsy, Krasnoyarskiy kray) [On the issue of method of studying palimpsests (on the example of the composition of the Shalabolino Pisanitsa, Krasnoyarsk Krai)]. *AEAE*, 2 (47), pp. 93–102.

Zotkina L. V., Miklashevich E. A., 2016. Trasologicheskiy analiz petroglifov minusinskogo stilya na pamyatnike Oglakhty VI (Khakasiya) [Traceological analysis of Minusinsk-style petroglyphs on the Oglakhty VI site (Khakassia)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History. Philology]*, vol. 15, iss. 5, pp. 31–43.

About the author

Miklashevich Elena A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292; Museum-reserve «Tomskaya Pisanitsa», ul. Tomskaya, 5a, Kemerovo, 650099; Russian Federation; e-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Е. С. Леванова, Е. В. Романенко, Ю. М. Свойский, Е. С. Конакова

ПОПОЛНЕНИЕ И УТОЧНЕНИЕ БЕСТИАРИЯ ПАМЯТНИКОВ АМУРО-УССУРИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА[1]

Резюме. В статье представлены результаты работ по редокументированию памятников Нижнего Амура и Уссури (Хабаровский край). Целью работ 2017–2019 гг. было документирование камней и плоскостей с петроглифами современными техническими средствами, а также выявление ранее неизвестных наскальных изображений и поиск утраченных. Для документирования применялась фотосъемка с фотограмметрической обработкой цифровых фотоснимков и формированием текстурированных полигональных моделей камней и поверхностей с петроглифами. В результате камеральной обработки моделей было выявлено 29 неизвестных ранее петроглифов и существенно уточнены контуры 17 изображений. В статье представлены новые данные о зооморфных изображениях в пределах пункта 2 памятника Сикачи-Алян.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, Дальний Восток, зооморфные фигуры, животные.

Амуро-Уссурийская провинция наскального искусства объединяет группу памятников наскального искусства в низовьях Амура и Уссури (Хабаровский край). Это памятники Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия, Калиновка и Медвежьи Щеки, а также стойбище Май. Петроглифы Нижнего Амура и Уссури на основании сопоставления особенностей изображений с материалами археологических культур региона условно датируются от эпохи дальневосточного неолита (XIII–X тыс. до н. э.) до раннего Средневековья (IV–XIII вв. н. э.). Наиболее полно эти памятники описаны и опубликованы в трудах А. П. Окладникова по результатам его экспедиций 1935–1960-х гг., в работах А. Р. Ласкина и Е. Г. Дэвлет (*Окладников*, 1971; *Ласкин*, 2007; 2014; *Дэвлет, Ласкин*, 2017).

[1] Исследование осуществлено при поддержке РФФИ, проект № 17-29-04389 (документирование), проект № 18-09-00691 (аналитическая часть).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.99-108

Полевые исследования памятников Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства, проводившиеся Центром палеоискусства Института археологии РАН совместно с Лабораторией дистанционного зондирования и анализа пространственных данных (RSSDA – Remote Sensing and Spatial Data Analysis Laboratory) и Хабаровским краевым центром по охране памятников в 2017–2019 гг., позволили существенно уточнить корпус уже известных изображений и выявить новые (*Ласкин и др.*, 2019а; 2019б). Исследования выполнялись на трех памятниках: Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия.

Сикачи-Алян – это крупнейшее дальневосточное скопление петроглифов, которые выполнены на базальтовых валунах и скальных выходах, расположенных на правом берегу р. Амур в 60 км ниже Хабаровска. Известно более 120 массивных базальтовых глыб, на которые нанесено более 200 выбитых изображений и групп, локализующихся в шести пунктах (на протяжении 6 км береговой линии). Валуны постоянно перемещаются под действием льдов и в результате сильных паводков. Многие изображения, документированные в годы экспедиций А. П. Окладникова, либо безвозвратно утеряны, либо находятся под водой или слоем аллювия. В 2014 г. при аномально низком уровне воды на Сикачи-Аляне в пункте 1 зафиксировано пять неизвестных ранее камней с петроглифами, поиски новых камней продолжаются и в настоящее время.

Шереметьевские петроглифы расположены на правом берегу р. Уссури – на границе с КНР – в 140 км от Хабаровска. Известно три местонахождения петроглифов на скальных поверхностях (пункты 1–3), пункты Шереметьево 4–8 – это пять отдельно лежащих валунов, обнаруженных после 2001 г. В 2019 г. открыт уже шестой валун с петроглифами близ пункта 3.

Памятник Кия находится в 7 км к востоку от с. Переяславка, на правом берегу р. Кия выше урочища Чёртово Плёсо. Петроглифы расположены на вертикальном скальном выходе коренных базальтовых пород протяженностью до 170 м и высотой до 6 м.

Целью проекта документирования памятников Нижнего Амура и Уссури было создание точных и детальных карт расположения петроглифов, документирование камней и плоскостей с петроглифами современными техническими средствами, а также выявление ранее неизвестных наскальных изображений и поиск утраченных.

Для документирования применялась фотосъемка с фотограмметрической обработкой цифровых фотоснимков и формированием текстурированных полигональных моделей камней и поверхностей с петроглифами. В результате камеральной обработки моделей было выявлено 29 неизвестных ранее петроглифов и существенно уточнены контуры 17 изображений. Значительно пополнился бестиарий памятников Сикачи-Алян (пункт 2), Шереметьево (пункт 3), выявлены новые изображения (личины) на памятнике Кия.

По данным статистической обработки мотивов петроглифов Сикачи-Аляна, самым распространенным сюжетом являются антропоморфные маски-личины и зооморфные фигуры. Считается, что среди образов животных преобладают изображения лосей и лошадей (*Ласкин, Дэвлет*, 2017. С. 118). Почти все изображения лосей сосредоточены на втором пункте Сикачи-Аляна, за исключением фигур на камнях 1, 8 и 16 (пункт 1). Изображения лосей отмечены А. П. Окладниковым

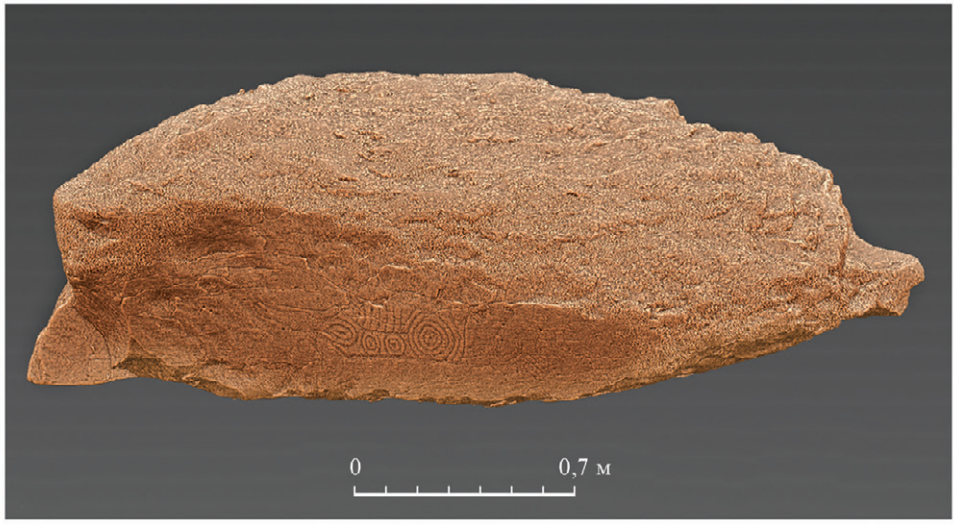
на 10 камнях, еще одна фигура плывущего лося выявлена на камне 05 в 2003 г. (пункт 2), новое изображение лосихи на неизвестном ранее камне обнаружено в 2018 г. также на втором пункте. Всего на Сикачи-Аляне на настоящее время зафиксировано 15 камней с изображениями фигур лосей, в петроглифах Шереметьево их три, а среди киинских – 1.

В наскальном искусстве региона часто встречаются изображения лошадей, относящихся как к древнейшему пласту в петроглифах Нижнего Амура и Уссури, так и к средневековому. Они выполнены пикетажем и гравировкой (лоси – только пикетажем). За весь период изучения зафиксировано 30 изображений лошадей на отдельных камнях и скальных плоскостях Сикачи-Аляна, в Шереметьево – 2, а в петроглифах у бывшего стойбища Май они, бесспорно, доминируют и составляют 32 изображения эпохи Средневековья, включая лошадей с всадниками (*Ласкин, Дэвлет*, 2017. С. 118).

Однако точный подсчет зооморфных изображений затруднен тем, что не все они легко идентифицируются из-за плохой сохранности, схематичности или фрагментарности. Среди крупных парнокопытных в изображениях архаического пласта исследователи выделяли лосей, диких лошадей, быков или бизонов, горалов, оленей и даже изюбра (*Лапшина*, 2013. С. 129). Однако часто определение вида более чем условно, и сам А. П. Окладников не брался за точную идентификацию плохо сохранившихся и «нечитаемых» изображений.

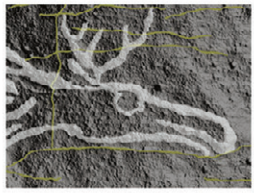
Одним из примеров сложно идентифицируемого объекта является центральное изображение на камне 65 второго пункта Сикачи-Аляна. Это один из самых известных и выразительных образов памятника: зооморфное изображение крупного копытного с декорированным туловищем в рентгеновском стиле на боковой (перевернутой) плоскости камня. В публикации А. П. Окладникова описано следующее: «На ровной боковой плоскости выбит рисунок – изображение оленя (лося?), перевернутое вверх ногами. <…> Над головой видны рога в виде двух стержней» (*Окладников*, 1971. С. 37, 38). На прорисовке, опубликованной в 1971 г., обозначены только небольшие ушки животного. В ходе редокументации памятника камень был переснят и сделана новая прорисовка. Применение методики анализа геометрии поверхности трехмерной модели камня с использованием алгоритмов математической визуализации позволило существенно уточнить контуры изображения лося и личины и скорректировать их прорисовку (рис. 1: *1, 2*). Методика позволила, в частности, выявить и визуализировать анатомическую точность изображения на камне головы лося, особенно рогов (рис. 1: *3*), свидетельствующих о принадлежности животного к амурскому подвиду (именуемому также лосем уссурийским – *Alces alces cameloides*) (рис. 1: *4*). Уссурийский лось обитает на Дальнем Востоке России и в северо-восточной части Китая. Отличается от других подвидов лосей тем, что размер рогов у него намного меньше.

Кроме уточнения прорисовок уже известных изображений целью документирования был поиск новых. В мае 2018 г. был отработан новый валун с петроглифами, находящийся в начале второго пункта Сикачи-Аляна около камня 51, в зоне сезонного затопления Амура. Это прямоугольная глыба базальта, на западной стороне которой выбито изображение лося или лосихи (рис. 2: *1*). Учитывая, что второй пункт обследовался неоднократно, в том числе при экстремально низком уровне Амура, возможно, речь идет не о новом камне, а об учтенном



1

2



3

4

Рис. 1. Сикачи-Алян, пункт 2, камень 65

1 – 3D-модель камня; *2* – прорисовка изображения по модели поверхности камня; *3* – прорисовка головы лося; *4* – уссурийский или амурский лось (*Alces alces cameloides*)

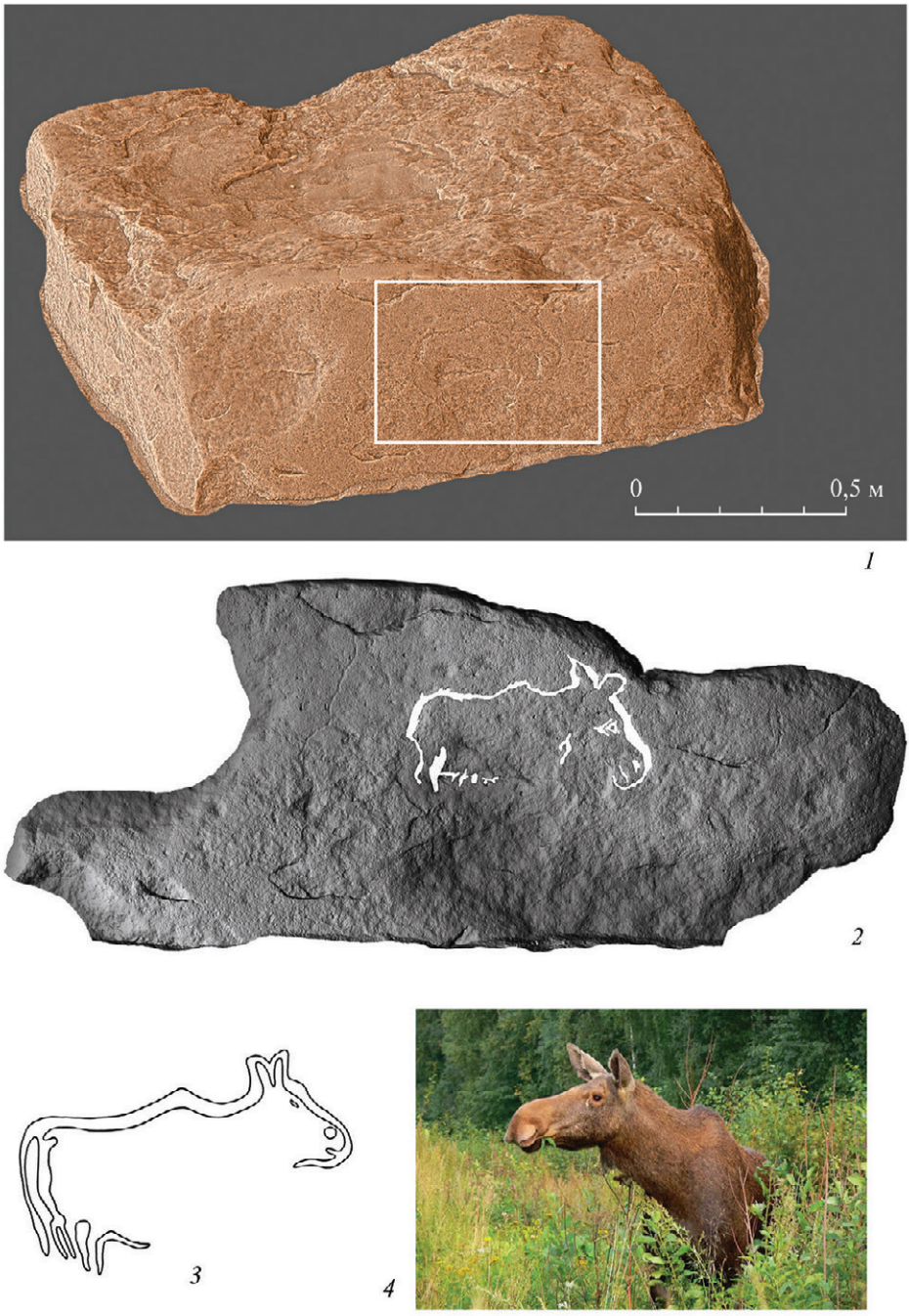


Рис. 2. Сикачи-Алян, пункт 2, новое изображение

1 – 3D-модель камня; *2* – прорисовка изображения по модели поверхности камня; *3* – (по: *Окладников*, 1971, табл. 29: *1*); *4* – лосиха (*Alces alces cameloides*)

в ходе экспедиций А. П. Окладникова и не обнаруженном после. К примеру, на настоящий момент не наблюдается камень 21, по схеме, опубликованной в 1971 г., находившийся в самом начале пункта. Окладников описывал это изображение как быка (рис. 2: *3*), но в точности воспроизводя описание фигуры на новом камне (рис. 2: *2*): «Нижняя часть туловища и передние ноги не показаны – на их месте пустое пространство. Голова приподнята и вытянута вверх. Она детализирована: показан рот, кружком обозначена ноздря, маленьким миндалевидным знаком обозначен глаз. На голове торчат развилкой два уха. На спине острый горб. Сзади свисает “до пола” длинный, узкий хвост с утолщением на конце. Ноги, как сказано, только задние, короткие, показаны четырьмя параллельными полосками. Возможно, это не что иное, как незамкнутые внизу контуры двух ног. Судя по длинному хвосту, этот рисунок можно считать скорее всего изображением быка» (*Окладников*, 1971. С. 24, 25. Табл. 29: *1, 2*). У найденной фигуры лося или лосихи не прослеживается линия хвоста, а морда определенно говорит о видовой принадлежности (рис. 2: *4*). Изображение либо не завершено художником, либо нижняя часть туловища и ноги животного повреждены сколом. Но создается впечатление, что художник использовал особенности поверхности камня для воспроизведения контура тела животного (низ туловища и морда) и по какой-то причине не завершил работу. Назвать быком это животное вряд ли возможно, а кроме того, положение камня 21 по схеме Окладникова не увязывается с нынешним местонахождением камня с лосихой, хотя со времен его экспедиций многие камни существенно изменили свое положение. Учитывая постоянные перемещения валунов под воздействием ледохода, данный камень мог до недавнего времени быть перевернут таким образом, что сторона с выбивкой была недоступна, и мы действительно говорим о ранее неизвестном петроглифе.

Есть же примеры и других новых изображений животных, которые могут быть известными ранее, но утерянными в силу неточности документирования, ошибок копирования и путаницы в номерах камней при ручной зарисовке памятника в 1960-е гг.

В ходе камеральной обработки полигональной модели камня 37 (второй пункт Сикачи-Аляна) было обнаружено изображение кабана размером 15 × 10 см (рис. 3: *1*). В публикации 1971 г. на этом большом валуне сложной формы зарисовано на разных его плоскостях 4 личины, голова оленя (?) и две фигуры лосей (Там же. Табл. 45: *4*). При осмотре камня в 2014 г. зафиксировано, что после прохождения ледохода половина плоскости с рисунками с восточной стороны оказалась приваленной другим валуном, что полностью перекрыло возможность осмотра и доступ к трем изображениям. Модель камня сделана не полностью, так как и сейчас для съемки недоступны некоторые поверхности, перекрытые другими глыбами. Новое изображение находится в нижней части восточной плоскости под другим валуном, перекрывающим часть камня.

Часть рисунков на камне 37 выполнена неглубокими желобками, порой стертыми, однако детали изображения кабана хорошо прослеживаются. Прорисовка изображения (рис. 3: *4*) выполнена по карте высот поверхности полигональной модели камня (рис. 3: *2*). Первоначально изображение идентифицировали как крысу или хомяка, однако морда с пятачком, уши и длинные ноги скорее говорят о том, что был изображен детеныш кабана. Вероятно, это детеныш уссурийского

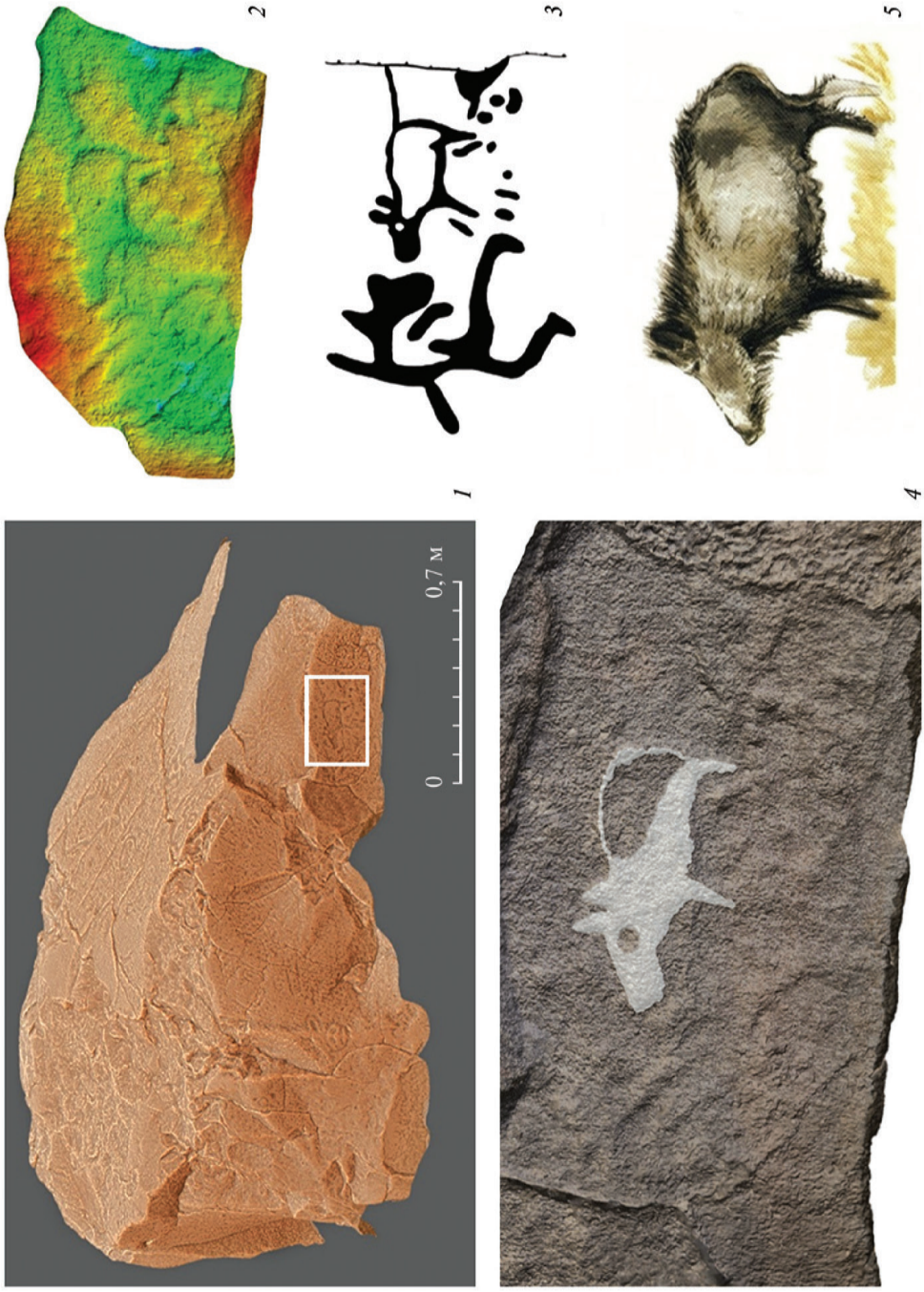


Рис. 3. Сикачи-Алян, пункт 2, камень 37

1 – 3D-модель камня; *2* – карта высот фрагмента поверхности камня; *3* – прорисовка изображения по модели поверхности камня; *4* – (по: *Окладников*, 1971. Табл. 80: 2); *5* – уссурийский кабан (*Sus scrofa ussuricus*)

кабана (*Sus scrofa ussuricus*), распространенного в восточном Китае, на берегах Уссурийского и Амурского заливов (рис. 3: *5*).

У Окладникова упоминается одно похожее зооморфное изображение на втором пункте Сикачи-Аляна (камень 72): это «небольшая сравнительно фигура животного, с первого взгляда похожая на крысу. Такое впечатление производят его небольшая мордочка, расширенное в задней части туловище и особенно длинный, горизонтально вытянутый хвост. Ног показано только две. На голове торчат короткие уши. Но сходство с крысой, может быть, и обманчиво (лось?)» (*Окладников*, 1971. С. 39). Данный камень после 1970-х гг. не наблюдался. Прорисовка в монографии 1971 г. (рис. 3: *3*) близка публикуемой прорисовке по модели камня 37 (рис. 3: *4*), линия хвоста сильно сглажена, а антропоморфная фигура рядом с «крысой» практически не опознаваема. Вероятно, могла произойти путаница в процессе документирования, когда часть изображения с камня 37 стала отдельным камнем 72 (по схеме (Там же. С. 25) они были расположены на расстоянии около 40 м напротив друг друга, камень 72 находился вне зоны затопления под террасой). Если же это предположение неверно, то имеют место почти идентичные изображения на разных камнях.

По публикациям А. П. Окладникова на Сикачи-Аляне и Шереметьево известны единичные изображения кабанов. Всего в его монографии упоминается три изображения кабана (камень 48, Сикачи-Алян, пункт 2; пункт 3 Шереметьево). Волки и собаки также единичны и названы так условно, потому как определение видовой принадлежности по опубликованным ранее прорисовкам кажется спорным, а результаты редокументирования заставляют пересмотреть некоторые выводы о репертуаре этих памятников. Единственная фигура «*волка»*, выбитая на камне 69 второго пункта комплекса сикачи-алянских петроглифов, вероятно, должна быть отнесена к кабанам. В 2018 г. опубликованы новые петроглифы на третьем пункте памятника Шереметьево с двумя изображениями кабанов или волка и кабана (*Ласкин и др*., 2019а. С. 130, 131).

По результатам редокументирования выявляются множественные слабо различимые изображения на уже известных камнях первого и второго пунктов Сикачи-Аляна, которые можно отнести к семейству свинообразных или грызунам. Это небольшие по площади изображения, практически стертые и не наблюдаемые глазом, обнаружить которые возможно только при тщательном изучении поверхностей полигональных моделей камней с применением методики анализа геометрии этой поверхности с использованием алгоритмов математической визуализации (*Дэвлет и др*., 2018). Может быть, в результате обнаружения новых изображений не столько поменяется облик памятников Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства, сколько изменятся наши представления о репертуаре этих памятников и особенностях использования поверхностей валунов и скальных выходов для выбивки небольших по площади петроглифов.

ЛИТЕРАТУРА

Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р., 2017. Петроглифы на р. Кия в Хабаровском крае // КСИА. Вып. 249. Ч. 1. С. 167–172.

Дэвлет Е. Г., Свойский Ю. М., Романенко Е. В., Ласкин А. Р., Пахунов А. С., 2018. Применение алгоритмов визуализации поверхности при изучении изображений на скалах // Музеефикация

историко-культурного наследия: теория и практика. Материалы III Международного научного симпозиума (Бурзянский район Республики Башкортостан, 8–9 июня 2017 г.). Уфа: Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан. С. 43–52.

Лапшина З. С., 2013. Архаический стиль анималистических рисунков петроглифов Сикачи-Аляна (нижнее Приамурье) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10, ч. 1. С. 125–129.

Ласкин А. Р., 2007. Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // АЭАЕ. № 2 (30). С. 136–142.

Ласкин А. Р., 2014. О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево // КСИА. Вып. 236. С. 82–86.

Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., 2017. Петроглифы Амуро-Уссурийского региона: новые открытия и статистические данные // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Т. III / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 116–121.

Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., Свойский Ю. М., Романенко Е. В., 2019а. Новые петроглифы комплекса Шереметьево на р. Уссури // РА. № 4. С. 127–133.

Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Свойский Ю. М., Романенко Е. В., Леванова Е. С., 2019б. Новые петроглифы Сикачи-Аляна // РА. № 3. С. 121–130.

Леванова Е. С., Романенко Е. В., Конакова Е. С., 2019. Пополнение и уточнение бестиария памятников Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства [Электронный ресурс] // Международная конференция «Знаки и образы в искусстве каменного века» (27–29 ноября 2019): тез. докл. М.: ИА РАН. С. 74–75. URL: https://www.archaeolog.ru/media/books_2019 / Znaki-i-obrazy.pdf

Окладников А. П., 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 329 с.

Сведения об авторах

Леванова Елена Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maraveriza@gmail.com;

Романенко Екатерина Васильевна, Лаборатория дистанционного зондирования и анализа пространственных данных (RSSDA), Русанова проезд, 9, Москва, 129323, Россия; e-mail: eromanenko @yandex.ru;

Свойский Юрий Михайлович, Институт классического Востока и античности ВШЭ, Старая Басманная ул., 21/4, Москва, 105066, Россия; e-mail: rutil28@gmail.com;

Конакова Екатерина Сергеевна, Лаборатория дистанционного зондирования и анализа пространственных данных (RSSDA), Русанова проезд, 9, Москва, 129323, Россия; e-mail: ekonakova@ gmail.com

E. S. Levanova, E. V. Romanenko, Yu. M. Svoyskiy, E. S. Konakova

THE ENLARGEMENT AND CLARIFICATION OF THE BESTIARY OF THE AMUR-USSURI PROVINCE OF ROCK ART

Abstract. The paper presents results of the work on re-documenting sites in the Lower Amur and the Ussuri region (Khabarovsk region). The aim of the activities carried out in 2017–2019 was to document boulders and surfaces carrying petroglyphs with the use of modern technical means and identify rock drawings unknown before, as well as search for lost drawings. Documenting was based on photographing with photogrammetric processing of digital photos and development of textured polygonal models of boulders and surfaces with petroglyphs. The desk processing of the boulder models revealed 29 earlier

unknown petroglyphs and clarified outlines of 17 drawings. The paper provides new data on zoomorphic images within location 2 at Sikachi-Alyan.

Keywords: rock art, petroglyphs, Far East, zoomorphic images, animals.

REFERENCES

Devlet E. G., Laskin A. R., 2017. Petroglify na r. Kiya v Khabarovskom kraye [Petroglyphs on the Kiya River in the Khabarovsk Krai]. *KSIA*, iss. 249, part 1, pp. 167–172.

Devlet E. G., Svoyskiy Yu. M., Romanenko E. V., Laskin A. R., Pakhunov A. S., 2018. Primeneniye algoritmov vizualizatsii poverkhnosti pri izuchenii izobrazheniy na skalakh [Application of surface visualization algorithms for studying images on rocks]. *Muzeyefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya: teoriya i praktika [Museumification of historical and cultural heritage: theory and practice]*. Ufa: Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu nedvizhimykh ob"yektov kul'turnogo naslediya Respubliki Bashkortostan, pp. 43–52.

Lapshina Z. S., 2013. Arkhaicheskiy stil' animalisticheskikh risunkov petroglifov Sikachi-Alyana (nizhneye Priamur'ye) [Archaic style of animalistic drawings of Sikachi-Alyan petroglyphs (Lower Amur region)]. *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]*, 10, 1, pp. 125–129.

Laskin A. R., 2007. Perspektivy dal'neyshego izucheniya i sokhraneniya petroglifov Sikachi-Alyana [Perspectives for further study and preservation of Sikachi-Alyan petroglyphs]. *AEAE*, 2 (30), pp. 136–142.

Laskin A. R., 2014. O rezul'tatakh obsledovaniya petroglifov Sikachi-Alyana i Sheremet'yevo [On the results of surveys at rock-art sites of Sikachi-Alyan and Sheremetyevo in 2014]. *KSIA*, 236, pp. 82–86.

Laskin A. R., Devlet E. G., 2017. Petroglify Amuro-Ussuriyskogo regiona: novyye otkrytiya i statisticheskiye dannyye [Petroglyphs of Amur-Ussuri region: new discoveries and statistical data]. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Barnaule – Belokurikhe [Transactions of V (XXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul – Belokurikha]*, III. A. P. Derevyanko, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 116–121.

Laskin A. R., Devlet E. G., Devlet M. A., Svoyskiy Yu. M., Romanenko E. V., 2019. Novyye petroglify kompleksa Sheremet'yevo na r. Ussuri [New petroglyphs of Sheremetyevo complex on Ussuri river]. *RA*, 4, pp. 127–133.

Laskin A. R., Devlet E. G., Svoyskiy Yu. M., Romanenko E. V., Levanova E. S., 2019. Novyye petroglify Sikachi-Alyana [New petroglyphs of Sikachi-Alayan]. *RA*, 3, pp. 121–130.

Levanova E. S., Romanenko E. V., Konakova E. S., 2019. Popolneniye i utochneniye bestiariya pamyatnikov Amuro-Ussuriyskoy provintsii naskal'nogo iskusstva (Elektronnyy resurs) [Completion and refinement of the bestiary of sites of the Amur-Ussuri rock art province (Electronic resource)]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Znaki i obrazy v iskusstve kamennogo veka» (27–29 noyabrya 2019): tezisy dokladov [International conference « Signs and Images in the Stone Age Art» (Moscow, 2019, November, 27–29): Abstracts]*. Moscow: IA RAN, pp. 74–75. URL: https://www.archaeolog.ru/media/books_2019/Znaki-i-obrazy.pdf

Okladnikov A. P., 1971. Petroglify Nizhnego Amura [Petroglyphs of Lower Amur]. Leningrad: Nauka. 329 p.

About the authors

Levanova Elena S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maraveriza@gmail.com;

Romanenko Ekaterina V., Remote Sensing and Spatial Data Analysis Laboratory (RSSDA), Rusanova pr., 9, Moscow, 129323, Russian Federation; e-mail: eromanenko@yandex.ru;

Svoyskiy Yuriy M., Institute of classical East and Antiquity of the Higher School of Economics, ul. Staraya Basmannaya, 21/4, Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: rutil28@gmail.com;

Konakova Ekaterina S., Remote Sensing and Spatial Data Analysis Laboratory (RSSDA), Rusanova pr., 9, Moscow, 129323, Russian Federation; e-mail: ekonakova@gmail.com

А. С. Пахунов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ МОНИТОРИНГА ПАМЯТНИКА НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА СИКАЧИ-АЛЯН (ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ, РОССИЯ)[1]

Резюме. Многие памятники наскального искусства под открытым небом доступны для свободного посещения туристами не только в России, но и во всем мире. Это увеличивает вероятность повреждения петроглифов и росписей в результате актов вандализма и, как следствие, вызывает необходимость постоянного наблюдения за их состоянием сохранности. В статье описывается новый подход к мониторингу памятника и анализу посетительской активности с использованием пользовательского контента социальной сети «Инстаграм» на примере памятника наскального искусства «Петроглифы Сикачи-Аляна». Собранная база данных содержит 1500 изображений, сгруппированных по дате и номеру камня и охватывающих интервал с 2016 по 2020 г. На основе полученной информации был построен график посещений памятника по дням, выделены основные маршруты передвижения по пунктам 1 и 2, прослежена динамика изменения уровня воды в р. Амуре, выполнены наблюдения о состоянии сохранности отдельных камней с привлечением климатологических данных. Было показано, что на памятнике имеется несколько «точек притяжения», наиболее часто появляющихся на фотографиях, – это не только камни с самыми эффектными и легко обнаружимыми изображениями, но и информационные щиты и стелы, всегда доступные в течение года. Памятник посещается в течение всего года с некоторым снижением во время паводков, когда многие камни скрываются под водой и доступ на пункт 2 затруднен. Предложенный подход к мониторингу возможно реализовать на любом открытом памятнике со значительным числом посетителей. Это позволит исследователям отслеживать информацию о состоянии сохранности и посещениях памятника и на основе полученной информации принимать решения о необходимых охранных и консервационных мероприятиях.

[1] Исследование проведено в рамках государственного задания (тема АААА-А18-118011790090-1).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.109-120

Ключевые слова: наскальное искусство, Дальний Восток, Сикачи-Алян, мониторинг, социальные сети, публичная археология.

Памятники наскального искусства под открытым небом находятся под влиянием различных факторов природного и антропогенного характера. К настоящему времени в России известны лишь немногие примеры эффективного и безопасного управления, минимизирующего пагубное природное воздействие (постройка павильонов). В то же время реализованный менеджмент-план по управлению памятником позволяет редуцировать влияние антропогенных факторов. Вне зависимости от статуса памятника на нем необходимо проводить мониторинг состояния сохранности и анализ туристических потоков в течение продолжительного времени. Эта информация впоследствии используется для принятия решений об организационных или консервационных мероприятиях на памятнике. Получить такого рода данные возможно несколькими путями, которые будут зависеть от статуса памятника и доступных ресурсов. Наиболее традиционный способ – посещение объекта специалистами и проведение фиксации объектов охраны. Также возможно использование туристов-волонтеров, подготавливающих отчеты о состоянии сохранности объектов при их посещении в специально разработанном приложении (*Turner et al.*, 2018). Однако данный подход связан с установкой на телефон или планшет приложения и заполнением специальной формы, причем каждый этап неизбежно снижает количество завершенных отчетов. Организовать постоянное наблюдение и охрану возможно лишь на тех немногих памятниках, которые находятся на территориях музеев-заповедников. Для памятников с нерегулируемым посещением и возрастающей антропогенной нагрузкой, связанной с увеличением потока туристов, особенно актуальной задачей является постоянный мониторинг состояния сохранности, осуществляемый в том числе дистанционно, а также необходимость поиска постоянно пополняемого источника данных.

В последние годы социальные сети глубоко проникли в жизнь людей, не только частную, но и профессиональную. В основном они используются в целях персональной репрезентации на личных страницах специалистов или в качестве источников информации о деятельности организаций для широкой аудитории. Однако социальные сети возможно использовать и в обратном направлении – собирая информацию пользователей о памятниках в исследовательских целях. Это важно не только для понимания особенностей восприятия памятников посетителями, которые зачастую публикуют фотографии с кратким описанием, но и в качестве источника информации об их поведении на памятнике и состоянии его сохранности. Большое число пользователей социальных сетей, желающих поделиться яркими моментами необычного путешествия, каким является посещение памятника археологии, обеспечивает значительный объем постоянно пополняемых данных. Использование дополнительных данных из Интернета увеличивает временное разрешение мониторинга. Если специалисты посещают отдаленные памятники несколько раз в год, то с привлечением данных пользователей появляется возможность увеличить частоту фиксации вплоть до одного дня.

Согласно исследованию туристической области на Дальнем Востоке, с 2015 по 2018 г. туристический поток вырос на 71,5 %. Большая его часть приходится

Рис. 1. Местоположение 1 и 2 пункта памятника «Петроглифы Сикачи-Аляна»

на региональный туризм, причем наиболее привлекают людей культурно-исторические достопримечательности (Развитие туризма на Дальнем Востоке…, 2018). Возможно предположить, что в первую очередь люди посещают наиболее доступные памятники, в том числе и археологические, на территории и вокруг крупных городов. Одним из таких объектов является Сикачи-Алян – памятник наскального искусства, расположенный в 75 км от Хабаровска на берегу реки Амур. Камни с петроглифами расположены непосредственно на берегу реки, причем наблюдать многие из них возможно только при очень низком уровне воды (рис. 1).

Наиболее ранние петроглифы относятся ко времени неолита, а самые поздние – к эпохе Средневековья (*Окладников*, 1968). Памятник расположен на территории национального нанайского села с менее чем 300 жителей. Значимость памятника отмечена включением в предварительный список ЮНЕСКО в 2003 г. Кроме того, он стал первым памятником археологии Дальнего Востока, признанным особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации.

Первые публикации петроглифов относятся к концу XIX в. (*Laufer*, 1899), в 1930-е гг. петроглифы копировались А. П. Окладниковым с применением техники эстампажа (*Миклашевич*, 2015), первое же подробное описание всех местонахождений памятника было опубликовано А. П. Окладниковым в 1971 г.

(*Окладников*, 1971). Текущие работы на памятнике с применением современных методов фиксации позволили выявить новые изображения и задокументировать камни в их природном ландшафте (*Ласкин и др.*, 2019). Также были зафиксированы многочисленные примеры природного и антропогенного воздействия на памятник, такие как перемещение и переворачивание камней с появлением новых петроглифов (*Ласкин*, 2007; *Дэвлет, Ласкин*, 2015). Все это повышает актуальность мониторинга с максимально возможной частотой.

Памятник «Петроглифы Сикачи-Аляна» является знаковым для региона, однако ввиду отдаленности от центральной части России (расстояние от Москвы до Хабаровска 6 000 км) и связанных с этим транспортных издержек, посещают памятник в основном жители Дальнего Востока и Сибири. Региональную специфику туризма хорошо иллюстрирует статистика поисковых запросов в поисковой системе Яндекс за апрель 2020 г. по России по ключевому слову «Сикачи-Алян». Наибольший интерес к местоположению проявляют в Хабаровском крае, меньше – в расположенных рядом Приморском крае, Амурской области и Еврейской автономной области. Интересно отметить, что активно ищут информацию о Сикачи-Аляне и в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске. Ввиду карантинных мер и фактического отсутствия туризма это, вероятно, связано с расположением в упомянутых городах крупных археологических институтов, сотрудники которых собирают информацию о памятнике (косвенно об этом свидетельствует превалирование запросов со стационарных компьютеров), но также может быть связано и с общим числом жителей, часть из которых интересуется культурным наследием, ведь данные города занимают первые три места по населению. В предыдущие месяцы распределение поисковых запросов было принципиально схожим.

В качестве источника для создания базы данных пользовательских фотографий памятника Сикачи-Алян была выбрана социальная сеть «Инстаграм», поскольку в ней всегда публикуются фотографии. Количество публикаций после посещения памятника растет год от года, поскольку, с одной стороны, увеличивается туристический поток, а с другой – растет число пользователей социальной сети. Полученные данные характеризуются большим объемом фотографий и достаточно равномерным распределением посещений в течение года, что позволяет оперативно отслеживать изменения на памятнике (рис. 2).

Открытые публикации пользователей обрабатываются исключительно с исследовательскими целями, проект направлен на сбор и обработку данных для мониторинга состояния сохранности памятника, выявления паттернов поведения и подготовки рекомендаций по взаимодействию с посетителями. На первом этапе пользовательский контент фильтровался по геолокации и хештегам, после чего отбирались изображения с петроглифами. Затем проводилась сортировка фотографий по датам и номерам камней. Хотя обычно публикации выполняются непосредственно на месте, плохая связь на данном памятнике не позволяет этого сделать. Таким образом, большинство публикаций являются отложенными. Тем не менее возможные неточности в один-два дня в датах размещения отдельных фотографий не влияют существенно на анализ общей динамики посещения памятника.

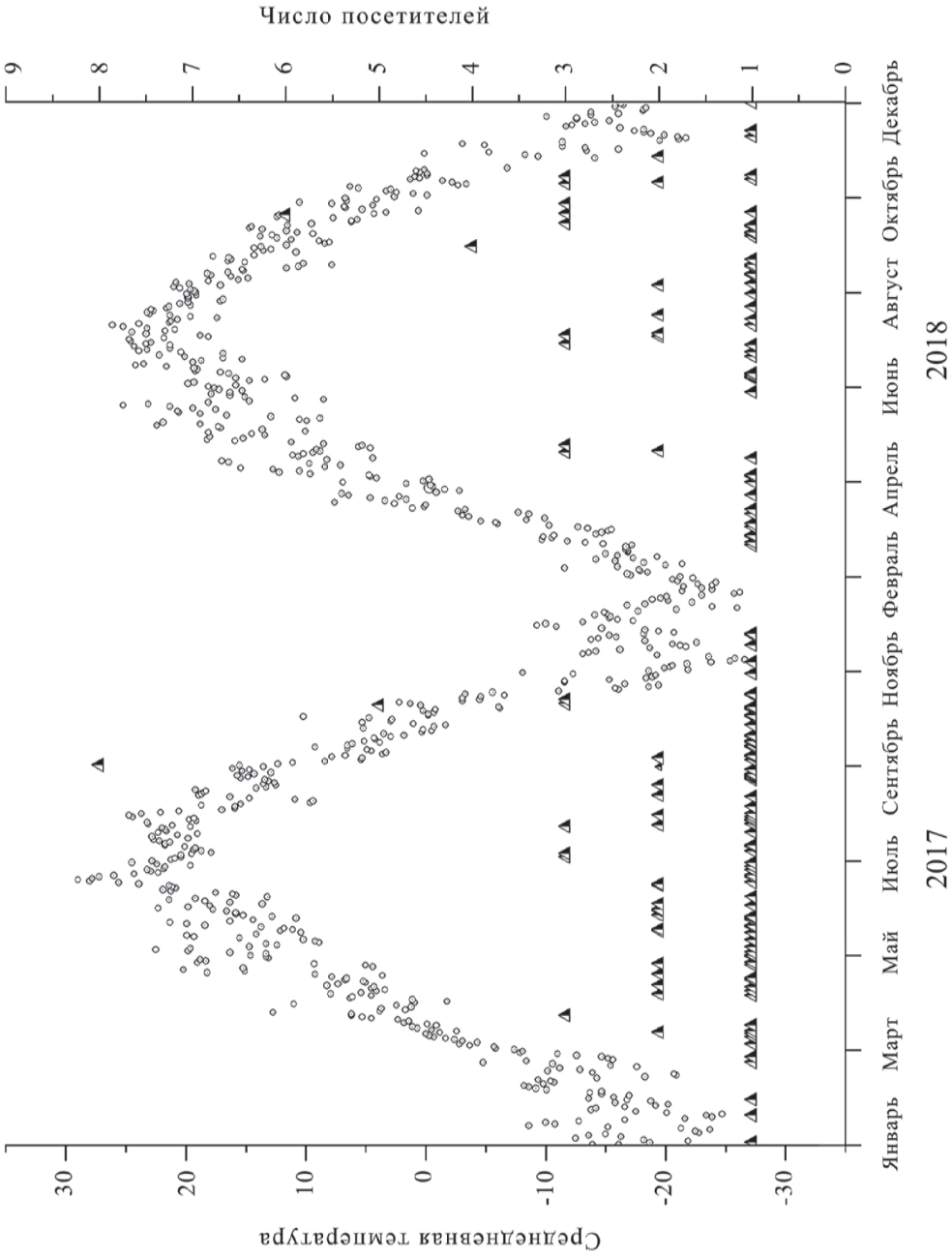


Рис. 2. Среднегодовые температуры и факты посещения памятника за 2017 и 2018 гг.

Результаты и обсуждение

Комплекс петроглифов состоит из нескольких пунктов, два наиболее крупных скопления – пункты 1 и 2 – располагаются рядом с с. Сикачи-Алян. Однако если к пункту 1 доступ по дороге в течение года не ограничен, то посещение пункта 2 возможно по берегу только при низком уровне воды, а в летнее время – только по воде. Это приводит к популярности осенних и зимних экскурсий, что расширяет покрытие базы данных изображений в эти сезоны, когда исследовательская работа на памятнике затруднена или невозможна. Петроглифы из первого пункта, в связи с его большей доступностью, оказываются на фотографиях чаще, причем на большинстве фотографий зафиксирована личина на камне номер 18, первом в данной группе (рис. 3: *1–6*).

Основным видом активности на памятнике является поиск самих петроглифов, многие из которых плохо видны, особенно в условиях рассеянного освещения, когда рельеф не выделяется тенями. Поэтому часть публикаций оказываются «пустыми» – на фотографиях присутствуют только камни без петроглифов, также об этом сообщается в описании. Вероятно, это происходит в случае посещения памятника без гида и тщательной предварительной подготовки.

Одним из самых узнаваемых среди всех петроглифов Сикачи-Аляна является изображение лося на верхней грани камня номер 65. Горизонтальное расположение плоскости ассоциируется у посетителей с языческим алтарем, в результате чего на камне неоднократно фиксировались продукты питания, оставленные посетителями (рис. 3: *7*, *8*). Примеры подобного рода «ритуальной» активности наблюдаются на многих памятниках наскального искусства: в пещерах на Южном Урале, писаницах Южной Сибири и др.

На памятнике имеются и другие точки притяжения – эффектные и доступные большую часть года петроглифы, которые наиболее часто фотографируют. Для таких камней было возможно сделать выборку, охватывающую большой временной интервал, в которой частота снимков достаточно велика, чтобы проследить динамику изменений состояния сохранности изображения в течение года.

Поскольку камни с петроглифами находятся на берегу реки, во время паводков происходит их частичное затапливание. Берег имеет пологий склон, поэтому при повышении уровня воды камни скрываются под водой, начиная с расположенных наиболее низко. Посредством сопоставления уровней воды разных лет и текущей обстановки на памятнике было установлено, что практически каждый год большинство камней на пункте 2 оказываются под водой, а полностью пункт затапливался более 30 раз за последние 120 лет.

Изменение состояния сохранности происходит в основном у затапливаемых камней: этот процесс цикличен, поскольку периоды паводков два раза в год чередуются с более низким уровнем воды. При продолжительном нахождении в воде на камнях оседает ил, образующий глиняную корку после схода воды и высыхания. Последствия паводков разных лет сказываются на состоянии камней по-разному. В отдельных случаях следы не были заметны уже через несколько недель, в других же – сохранялись более двух лет. Возможно, на степень и устойчивость загрязнения влияют продолжительность нахождения под водой,

Рис. 3. Фотографии петроглифов Сикачи-Аляна из социальной сети «Инстаграм»

1–6 – личина на камне 18, пункт 1; *7–11* – изображение лося на верхней грани камня 63, пункт 2

температура воды и воздуха и солнечная активность, а также, вероятно, двустадийность отдельных паводков. После осеннего паводка 2017 г. на камне 65 появилась отчетливая разделительная черта, соответствующая максимальному уровню воды. Естественный темный цвет камня сохранился только в незатопленной части, тогда как часть плоскости, находившаяся под водой, приобрела коричневый оттенок. По окончании паводка камни очищаются как под действием осадков, так и посетителями во время возобновляющихся экскурсий (рис. 3: *9–11*). Помимо улучшения внешнего вида периодическая очистка также препятствует биообрастанию и связанному с ним разрушению камня.

Одной из наиболее острых проблем объектов культурного наследия является их преднамеренное повреждение, в том числе вандализм (*Veillon*, 2014). Это тем более актуально для свободно посещаемых памятников без действующего охранного режима. Анализ базы данных и полевая работа показывают, что на Сикачи-Аляне к уже имеющимся с начала XX в. посетительским надписям прибавляются современные рисунки, послания любви, имена и фамилии на разных языках. Стоит отметить, что зачастую посетители не видят различий между аутентичными и современными изображениями.

Посетители пользуются услугами местных гидов, находящихся в селе, или гидов из Хабаровска, работающих в туристических компаниях или организующих экскурсии самостоятельно. Несмотря на объем группы, временами значительный, не позволяющий гиду контролировать всех посетителей, возможности вандализма существенно снижаются при организованном посещении. Национальный характер села Сикачи-Алян придает поездке к петроглифам этнографический колорит и не предполагает не конвенционального поведения на памятнике. Хотя эксперименты по обработке прибрежных камней показали, что на них можно достаточно легко и быстро вырезать линии, тем не менее у организованных туристов, вероятно, нет времени на оставление следов посещения, так как вся программа посещения петроглифов ограничена несколькими часами.

Другой проблемой являются действия по повышению читаемости петроглифов. Чтобы они были лучше видны, их обводят мелом, прочерчивают металлическими предметами, посыпают песком или мукой (рис. 4: *1*, *2*). Значительна и антропогенная нагрузка, связанная с повседневной деятельностью и отдыхом. Поскольку памятник находится на территории села, основным промыслом жителей которого является рыболовство, на некоторых камнях без петроглифов присутствуют повреждения от закрепленных металлических тросов, удерживающих лодки. Данная проблема впервые была отмечена более 30 лет назад (*Медведев*, 2011) и сохраняется до настоящего времени. На одном из камней зафиксированы следы выстрелов из мелкокалиберного оружия (рис. 4: *3*).

Отдельно стоит отметить активность, связанную с выполнением копий петроглифов. Помимо профессиональных работ, выполненных реставраторами в рамках исследовательских проектов, производится и любительское контактное копирование. Для копирования используется несколько техник: изготовление силиконовых матриц для последующих полимерных отливок, эстампаж, выполнение прорисовок (рис. 4: *4–6*). В результате на ряде изображений были отмечены остатки силикона (рис. 4: *4*) и содержащегося в силиконовых составах масла

Рис. 4. Фотографии петроглифов и информационных знаков Сикачи-Аляна из социальной сети «Инстаграм»

1 – закрашивание мелом личины на камне 04, пункт 1; *2* – изображение личины на камне 6, пункт 1; *3* – следы от выстрелов, пункт 1; *4* – следы силикона на личине на камне 18, пункт 1; *5* – снятие копий в технике эстампажа, пункт 2; *6* – микалентная копия изображения лося с камня 63 из Национального музея этнологии, Осака, Япония; *7* – следы от снятия силиконовой копии, личина на камне 8, пункт 1; *8* – информационный знак на пункте 2; *9* – информационный щит на пункте 1

(рис. 4: *7*), обеспечивающего легкое удаление копий, но проникающего в поры камня. Такое непрофессиональное снятие контактных копий с изображений проявляется в виде остающегося на долгие годы не увлажняемого следа, изменяющего облик камня.

Изменения в описании петроглифов пользователями социальных сетей, в их датировках и оценках аутентичности связаны с установкой в 2016 г.

информационных щитов в двух наиболее посещаемых пунктах. Они позволили проинформировать посетителей об исторической ценности памятника, а также об основных правилах поведения, что сразу нашло отражение в публикациях пользователей (рис. 4: *6–7*).

Максимально возможная широта сбора материалов по различным характерным геолокациям и хештегам позволила оценить распределение и динамику посещений памятника. Дневные максимумы связаны с датами экскурсий, которые организуют как компании, так и частные гиды. Помимо туристических экскурсий на Сикачи-Аляне проводят корпоративные мероприятия с посещением памятника в разные времена года, в том числе и зимой. Несмотря на то что зимой камни занесены снегом, скрывающим петроглифы, посещения памятника не прекращаются. В осенне-зимний сезон организуют групповые экскурсии, в которых гид знает местоположение основных камней и может их указать.

Для того чтобы снизить антропогенную нагрузку на памятник, невозможно применить стратегию сохранения секретности, поскольку Сикачи-Алян является хорошо известным местом. Однако стратегия непроизвольно реализуется на уровне отдельных камней с изображениями, так как в настоящее время в открытом доступе отсутствуют подробные карты и схемы памятника с указанием местоположения петроглифов, что частично объясняет отсутствие следов повреждения на петроглифах. Также это следует из общего понимания ценности петроглифов и изначального отсутствия граффити на самих изображениях, что не провоцирует к осуществлению новых актов вандализма (*Loubser*, 2001; *Whitley*, 2001).

В связи с этим стоит рассмотреть возможность удаления или маскирования имеющихся граффити и следов повреждений антропогенного характера с целью предотвращения увеличения их количества. Рекомендуется также отслеживать появление новых граффити и своевременно их удалять. Анализ текстов публикаций и комментариев позволяет предположить, что с целью формирования более глубокого понимания значимости памятника в целом и аутентичности самих петроглифов было бы полезно дополнить информационные щиты данными о технике выбивки и информацией о базовой интерпретации петроглифов.

В настоящее время Интернет, и социальные сети в частности, является площадкой для двустороннего обмена между профессиональными исследователями и обществом. Организуются онлайн-сборы денег на исследования и публикации, реставрационные проекты, поддержку информационных ресурсов. В свою очередь, учеными публикуются в Интернете научно-популярные статьи, читаются публичные лекции, проводятся мастер-классы. Еще одним форматом взаимодействия становится использование учеными пользовательских данных. Предложенный подход к дистанционному мониторингу памятника наскального искусства «Петроглифы Сикачи-Аляна» предполагает стабильное пополнение базы данных, поскольку данная работа не связана с необходимостью финансирования полевых исследований. Пополнение коллекции изображений из других источников и расширенный статистический анализ позволят в дальнейшем выявить новые закономерности в посещении памятника и отдельных камней. Их возможно будет использовать в музейном проектировании и планируя охранные мероприятия.

ЛИТЕРАТУРА

Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р., 2015. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Уссури // АЭАЕ. Т. 43. № 4. С. 94–105.

Ласкин А. Р., 2007. Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // АЭАЕ. № 2 (30). С. 136–142.

Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Свойский Ю. М., Романенко Е. В., Леванова Е. С., 2019. Новые петроглифы Сикачи-Аляна // РА. № 3. С. 122–130.

Медведев В. Е., 2011. Из истории организационно-охранных мероприятий на петроглифах Сакачи-Аляна // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: Материалы Междунар. науч. конф. Т. 1. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 179–183.

Миклашевич Е. А., 2015. Эстампажи амурских петроглифов из экспедиции А. П. Окладникова 1935 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4 (50). С. 5–25.

Окладников А. П., 1968. Лики древнего Амура: Петроглифы Сакачи-Аляна. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во. 242 с.

Окладников А. П., 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 329 с.

Развитие туризма на Дальнем Востоке: обзор рынка и ключевые тренды. Ноябрь 2018 года [Электронный ресурс]. URL: https://roscongress.org/materials/razvitie-turizma-na-dalnem-vostoke-obzor-rynka-i-klyuchevye-trendy-noyabr-2018-goda (дата обращения: 12.05.2020.)

Laufer B., 1899. Petroglyphs on the Amoor // American anthropologist. New series. Vol. 1. P. 746–750.

Loubser J., 2001. Management planning for conservation // Handbook of Rock Art Research. Walnut Creek: AltaMira Press. P. 80–115.

Turner M., Dowsland S., Mazel A., Giesen M., 2018. Rock art CARE: A cross-platform mobile application for crowdsourcing heritage conservation data for the safeguarding of open-air rock art [Электронный ресурс] // Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development. Vol. 8. No. 4. P. 420–433. URL: https://doi.org/10.1108/JCHMSD-09-2017-0064 (дата обращения: 19.10.2020).

Veillon R., 2014. State of Conservation of World Heritage Properties: A Statistical Analysis (1979–2013). Paris: World Heritage Centre. 100 p.

Whitley D. S., 2001. Rock art and rock art research in a worldwide perspective: An introduction // Handbook of Rock Art Research. WalnutCreek: AltaMira Press. P. 7–54.

Сведения об авторе

Пахунов Александр Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: science@pakhunov.com

A. S. Pakhunov

USE OF SOCIAL NETWORK DATA FOR MONITORING THE ROCK ART SITE OF SIKACHI-ALYAN (KHABAROVSK REGION, RUSSIA)

Abstract. Many open-air rock art sites are not restricted for visiting. It increases the probability of petroglyphs and drawings being damaged and requires permanent monitoring of their preservation conditions. The paper describes a new approach to the site monitoring and analysis of visitors' activity through users' content in the Instagram taking rock art site of the Sikachi-Alyan Petroglyphs as a case study. The dataset contains 1,500 images grouped by date and boulder numerical number covering the timeline from 2016 to 2020. The information obtained was used to build a curve of the site visits by days, identify

main itineraries by station 1 and station 2, trace changes over time in the water level in the Amur river, and monitor preservation conditions of several boulders taking into account climatological data. The analysis shows that there are several ‘attraction points’ that appear on the photographs most frequently. These are not only boulders with eye-catching and easily identifiable images but also information boards and stele. The site is visited throughout the year. The proposed monitoring approach can be applied at each and every open-air site visited by many people. It will help monitor information on preservation conditions and number of visits to the site and make decisions on necessary safeguard and conservation measures.

Keywords: rock art, Far East, Sikachi-Alyan, monitoring, social network, public archaeology.

REFERENCES

Devlet E. G., Laskin A. R., 2015. Petroglify Khabarovskogo kraya: rezul’taty monitoringa posledstviy pavodka v 2013 godu na Amure i Ussuri [Petroglyphs of Khabarovsk region: results of monitoring consequences of flooding in 2013 on Amur and Ussuri]. *AEAE*, vol. 43, no. 4, pp. 94–105.

Laskin A. R., 2007. Perspektivy dal’neyshego izucheniya i sokhraneniya petroglifov Sikachi-Alyana [Perspectives for further study and preservation of Sikachi-Alyan petroglyphs]. *AEAE*, 2 (30), pp. 136–142.

Laskin A. R., Devlet E. G., Svoyskiy Yu. M., Romanenko E. V., Levanova E. S., 2019. Novyye petroglify Sikachi-Alyana [New petroglyphs of Sikachi-Alayan]. *RA*, 3, pp. 122–130.

Medvedev V. E., 2011. Iz istorii organizatsionno-okhrannykh meropriyatiy na petroglifakh Sakachi-Alyana [From the history of organizational and security measures on petroglyphs of Sakachi-Alyan]. *Naskal’noye iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy [Rock art in modern society. To the 290th anniversary of scientific discovery of the Tomsk Pisanitsa]*, 1. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 179–183.

Miklashevich E. A., 2015. Estampazhi amurskikh petroglifov iz ekspeditsii A. P. Okladnikova 1935 g. [Prints of Amur petroglyphs from A.P. Okladnikov expedition, 1935]. *PIFK*, 4 (50), pp. 5–25.

Okladnikov A. P., 1968. Liki drevnego Amura: Petroglify Sakachi-Alyana [Faces of ancient Amur: petroglyphs of Sakachi-Alyan]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye izdatel’stvo. 242 p.

Okladnikov A. P., 1971. Petroglify Nizhnego Amura [Petroglyphs of Lower Amur]. Leningrad: Nauka. 329 p.

Razvitiye turizma na Dal’nem Vostoke: obzor rynka i klyuchevyye trendy. Noyabr’ 2018 goda. Otchet OOO «Ernst end Yang – otsenka i konsul’tatsionnyye uslugi» (Elektronnyy resurs) [Tourism development in the Far East: market overview and key trends. November 2018. Report of Ernst & Young LLC-assessment and consulting services (Electronic resource)]. 9 p. URL: https://roscongress.org/materials/razvitie-turizma-na-dalnem-vostoke-obzor-rynka-i-klyuchevye-trendy-noyabr-2018-goda

About the author

Pakhunov Alexander S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: science@pakhunov.com

В. Е. Тумской, Е. И. Куренкова, Г. А. Хлопачев,
Н. А. Таратунина, Н. О. Викулова, Р. Н. Курбанов

ВОЗРАСТ РЫХЛЫХ ОТЛОЖЕНИЙ НА СТОЯНКЕ ЕЛИСЕЕВИЧИ 1 ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИХ ДАТИРОВАНИЯ МЕТОДОМ ОПТИКО-СТИМУЛИРОВАННОЙ ЛЮМИНЕСЦЕНЦИИ[1]

Резюме. В статье представлены первые результаты OSL-датирования рыхлых отложений второй надпойменной террасы реки Судости (притока Десны), которые включают культурный слой стоянки Елисеевичи 1. Датировки указывают на то, что формирование культурного слоя происходило относительно быстро в период с 16 до 15 тыс. л. н. В разрезе по результатам датирования не выделяется резких несогласий, перерывов, возрастных инверсий, что может свидетельствовать об относительно непрерывном осадконакоплении. Полученные датировки указывают на поздневалдайский возраст отложений (конец морской изотопной стадии 2) и хорошо коррелируют с полученными ранее по костям мамонта радиоуглеродными датами и оценками возраста на основании изучения палинологии и фауны стоянки.

Ключевые слова: палеолит, Елисеевичи 1, терраса, OSL-датирование, рыхлые отложения, поздний валдай, возраст.

Введение

Стоянка Елисеевичи 1 является одним из опорных памятников для изучения верхнего палеолита центра Русской равнины. Она находится на окраине с. Елисеевичи в Жирятинском районе Брянской области. Древнее поселение располагалось на участке современной второй надпойменной террасы р. Судости высотой 10–12 м, на территории обширного мыса, образованного правым берегом реки и бортом крупной балки. Борт террасы довольно крутой, до 60°, заросший лесом, в настоящее время почти не подмывается.

[1] Работы выполнены при финансовой поддержке проектов РНФ № 19-77-10077 (люминесцентное датирование), РФФИ № 18-00-00837 (археологические работы) и РФФИ № 18-00-00542 (геоморфологические и геологические исследования).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.121-132

Памятник был открыт в 1930 г. К. М. Поликарповичем и исследовался им в 1935, 1936, 1946 и 1948 гг. Именно в это время на стоянке были сделаны наиболее значимые находки – крупные, украшенные сложным геометрическим орнаментом пластины, уникальная женская статуэтка, костные останки ребенка, поделки из мягкого известняка, череп собаки и др., которые, по мнению Л. В. Греховой, «…сразу поставили вновь открытую стоянку в ряд памятников мировой культуры» (*Величко и др.*, 1997. С. 8). Немногочисленные предварительные статьи, посвященные результатам этих работ, имеют краткий характер (*Поликарпович*, 1940), а обобщающая публикация готовилась к изданию В. Д. Будько уже после смерти исследователя и характеризуется как неполнотой представленных в ней данных, так и плохо сведенным, малоинформативным планом раскопок (*Поликарпович*, 1968).

В 1960-е гг. раскопки стоянки велись экспедицией Института истории АН БССР под руководством В. Д. Будько, а в 1970–1980-х гг. экспедицией Государственного исторического музея под руководством Л. В. Греховой совместно с Лабораторией эволюционной географии Института географии АН СССР под руководством А. А. Величко. В 1997 г. результаты этих комплексных исследований были опубликованы в коллективной монографии (*Величко и др.*, 1997), где нашли свое отражение все накопленные к тому времени материалы по изучению памятника. В 2010 г. работы на стоянке были возобновлены Деснинской палеолитической экспедицией МАЭ РАН под руководством Г. А. Хлопачева. Итогам этих работ посвящена большая детальная статья 2017 г. (*Хлопачев и др.*, 2017). На основе обнаруженной полевой документации К. М. Поликарповича о раскопках Елисеевической стоянки были реконструирован план расположения и относительная хронология крупных хозяйственных объектов в ее центральной части (*Хлопачев, Полковникова*, 2017).

В 2018 г. внимание исследователей было вновь привлечено к стоянке Елисеевичи 1 (рис. 1) в связи с интересом к изучению следов мерзлотных процессов, развивавшихся в центральных районах Восточно-Европейской равнины в плейстоцене. Проявления мерзлотных нарушений в данном регионе и, в частности, на расположенных здесь многочисленных позднепалеолитических стоянках, известны давно. На характеристике данного явления достаточно подробно останавливался в своей первой монографии А. А. Величко (*Величко*, 1961), а в монографии 1997 г. этой теме посвящен отдельный раздел, поскольку стоянка Елисеевичи 1 представляет собой памятник, где следы мерзлотных процессов выражены наиболее ярко.

В ходе работ 2018 г. была сделана попытка вскрыть и повторно исследовать мерзлотную структуру, которая по имеющимся описаниям (*Хлопачев и др.*, 2017) представляет собой довольно крупную псевдоморфозу по ледяной жиле. Обнаружить ее не удалось, однако в стенке шурфа были отобраны образцы для датирования отложений стоянки методом оптико-стимулированной люминесценции (ОСЛ).

Рис. 1. Стоянка Елисеевичи 1. Местоположение изученного шурфа № 3. Координаты шурфа: N 53°08’36.8”, E 33°38’53.0”

Геолого-геоморфологические условия района стоянки Елисеевичи 1

Река Судость является правым притоком Десны. В строении долин обеих рек принимают участие ледниковые отложения среднего неоплейстоцена. При деградации средненеоплейстоценового ледникового покрова они, скорее всего, были долинами стока ледниковых вод (*Величко и др.*, 1997). Внутри долин распространены флювиогляциальные отложения днепровского времени мощностью от 2 до 10 м, которые вскрываются по всей долине р. Судости. Они выходят на поверхность вблизи водораздела рек Десны и Судости. Склон, обращенный к долине Судости в районе стоянки Елисеевичи 1, в нижней части также сложен флювиогляциальными отложениями днепровского возраста.

В обеих долинах также выделяется так называемый погребенный аллювиальный комплекс, накопление которого завершилось, судя по данным пыльцевого анализа, в микулинское время (*Гуртовая, Фаустова*, 1977). Сверху они перекрываются поздненеоплейстоценовыми лессовидными отложениями,

включающими горизонты погребенных почв (лёссово-почвенная серия). В долине р. Судости лессовые отложения распространены довольно широко, хотя мощность их меньше, чем в долине Десны. Они становятся более опесчаненными и слоистыми, свидетельствуя, что условия, в которых происходило их накопление, характеризовались большим увлажнением. С приводораздельных участков лесс перемещался на более низкие уровни – в балочные понижения и на низкие речные террасы.

Строение разреза отложений на стоянке Елисеевичи 1

Культурный слой стоянки Елисеевичи 1 имеет сложное строение и прерывистое распространение. Первичное залегание горизонта, содержащего культурные находки (кремень, костные остатки, скопления углисто-зольной массы), частично нарушено в начале его погребения процессами аккумуляции лессов и палеокриогенными процессами. Об этом свидетельствует широкое распространение на стояночном участке системы крупных псевдоморфоз по полигонально-жильным льдам, которые часто разрывают культурный слой. В заполнении псевдоморфоз крупные кости и бивни мамонта опускаются вниз на глубину до 1,5–2,0 м от уровня их первичного положения в культурном слое. Значительные скопления крупных костей животных, бивней, кремня и костного угля на стоянке чередуются с местами распространения отдельных немногочисленных находок (*Величко и др.*, 1997).

В 2011 г., во время возобновленных на стоянке Елисеевичи 1 работ, в северной стенке шурфа № 3 (заложен на участке, прилегающем к раскопу Л. В. Греховой 1974 г., рис. 1), были вскрыты следы несогласного залегания отложений на глубине примерно 1,6–1,7 м от дневной поверхности. В стенке отмечаются прерывистые следы зольной массы, имеющей достаточно явный наклон к западу, в направлении от долины к водоразделу. Стенка в 2011 г. была описана Ю. Н. Грибченко (*Хлопачев и др.*, 2017). В 2018 г. была предпринята новая попытка изучения криогенных образований в Елисеевичах, поскольку именно здесь были обнаружены яркие проявления следов криогенных деформаций (Там же).

В июне 2018 г. была вскрыта северная стенка шурфа № 3 и сделано ее стратиграфическое описание (табл. 1). В стенке шурфа до глубины 0,7 м были вскрыты буроватые суглинки, переработанные сверху процессами современного почвообразования (слои 1 и 2 на рис. 2). Ниже них, до глубины 2,25 м, залегают супеси лессовидные, слоистые (слои 3–5), в толще которых присутствуют артефакты культурного слоя и проявляются следы очажной массы. Вблизи вскрытого очага все слои имеют наклон к западу, от реки в сторону водораздела. По мнению Ю. Н. Грибченко, здесь был вскрыт правый борт мерзлотной структуры, отвечающей времени разрушения культурного слоя, однако в 2018 г. обнаружить эту структуру не удалось.

Для уточнения возраста лессовидных супесей, с которыми связан культурный слой, из них были отобраны образцы для датирования методом ОСЛ.

Таблица 1. Описание разреза северной стенки шурфа № 3, 2018 г. (мощность и глубины подошвы слоев приведены по линии Щ (см. рис. 2)

Слой	Отложения	Мощность, м	Глубина подошвы от поверхности земли, м
1	Гумусовый горизонт современной почвы с белесой суглинистой толщей в основании (антропотурбированный слой). Его подошва полого поднимается к западу на 5–10 см. Горизонт пронизан корнями современных растений. Нижний контакт хорошо заметен по цвету	0,3	0,3
2	Суглинок легкий, рыжевато-бурого цвета, пронизан нитевидными корешками растений. Мощность слоя около 20–30 см, но в направлении на запад уменьшается до 10–15 см. Западнее линии 54 в кровле слоя выражено пологое понижение примерно на 20 см, в нижней части которого присутствует небольшой клин высотой около 10 см, выполненный материалом вышележащего слоя. Нижняя граница неровная, достаточно четкая, в восточной части описываемой стенки имеет серию небольших клиновидных выступов длиной около 5 см	0,25	0,55
3	Верхние 25–30 см – переслаивание супеси рыжевато-ржавой (слойки толщиной 6–7 см) и белесой желтовато-серой пылеватой (слойки толщиной 1–2 см). Слоистость неясная субгоризонтальная, слойки более светлой супеси часто выклиниваются. Нижние 35–40 см имеют сходный состав, но более ясное и четкое переслаивание, толщина слойков составляет около 2 см. Слой в целом в описанной стенке имеет волнистое залегание с амплитудой до 15 см. В нижней части слоя присутствуют артефакты, залегающие конформно слоистости	0,7	1,25
4	Супесь серовато-палевая с большим количеством гумусированных примазок в виде мелких пятен размерами до 3 мм. На глубине 1,3 м от дневной поверхности они образуют зону распространения точечных примазок. В пределах квадрата Щ присутствуют также включения угольков и обломков трубчатых костей, которые вместе образуют вогнутую структуру очага глубиной около 0,7 м и протяженностью около 1–1,5 м	0,85	2,1
5	Супесь буровато-палевая лессовая, влажная. На отметке -270 см появляется легкое ожелезнение. На отметке -275 см из стенки торчит обломок кости размером до 2 см, а также отдельные мелкие косточки. В нижней части отмечаются железистые прослои толщиной до 2 см. По ним проводится граница слоя	0,25	2,35
6	Супесь лессовидная, более светлая, чем вышележащая. Отмечается скрытая тонкая слоистость (создается включением более светлого материала)	Видимая 0,4	2,75

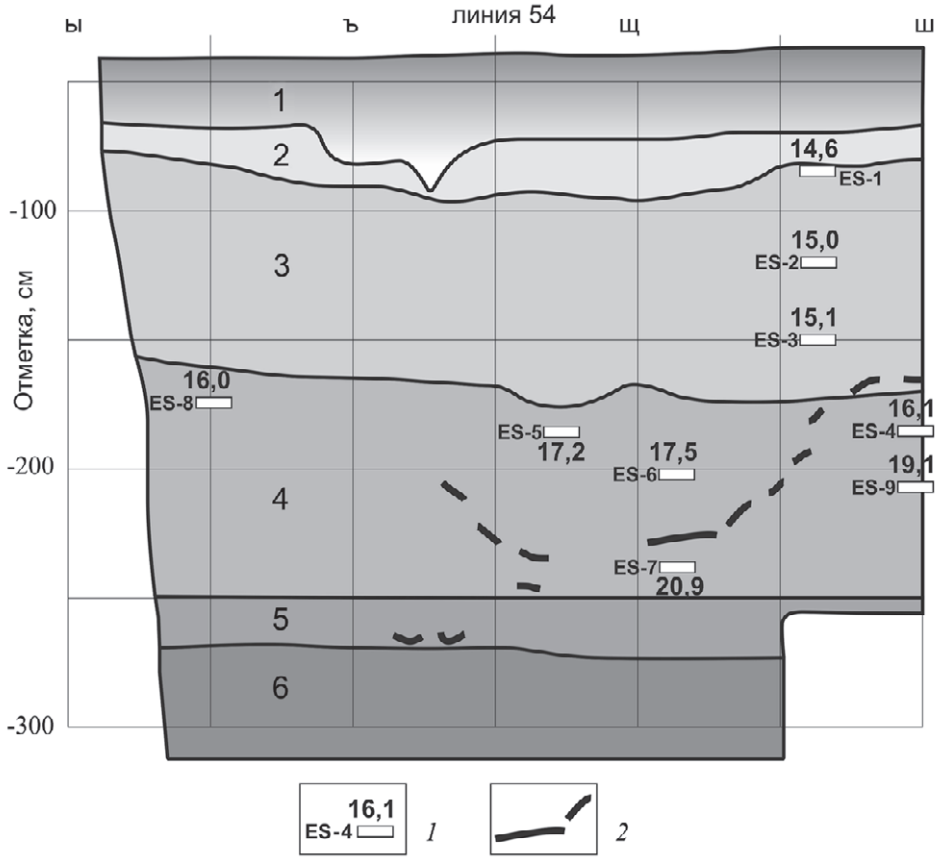


Рис. 2. Стоянка Елисеевичи 1. Строение и стратиграфия северной стенки шурфа № 3, вскрытой в 2018 г. (номера слоев соответствуют их номерам в табл. 1)

1 – места отбора образцов на OSL датирование (ES-4 – полевой номер образца; 16,1 тыс. л. н. – полученная датировка); *2* – скопления углисто-зольной массы

Методика и результаты люминесцентного датирования

В разрезе Елисеевичи 1 была отобрана серия из 9 образцов для определения возраста отложений методом оптически-стимулированной люминесценции, который широко применяется при геохронологических исследованиях четвертичных отложений. Образцы отобраны в северной стенке шурфа № 3 (рис. 2) и распределены вдоль всего разреза с целью получения надежной оценки возраста всего вскрытого интервала.

Отбор образцов для измерений проводился в ночное время в светонепроницаемые полиэтиленовые пакеты, которые были сразу упакованы в алюминиевую

фольгу. Предварительная лабораторная обработка образцов выполнена в лаборатории люминесцентного датирования МГУ-ИГРАН. Материал для измерения ОСЛ был получен методом влажного ситования с отбором фракции песка 90–180 мкм. Проведена последовательная обработка полученной фракции 10 % раствором перекиси водорода, соляной кислоты, далее выполнена сепарация кварцевых зерен и зерен полевых шпатов в тяжелой жидкости (поливольфрамат калия), а также дополнительная очистка кварца в концентрированной плавиковой кислоте.

Измерения эквивалентной дозы и мощности дозы выполнены в Скандинавской люминесцентной лаборатории Risø Орхусского университета, Дания. Скорость накопления дозы рассчитана по результатам измерения активности образцов на гамма-спектрометре. Выполнено измерение содержания изотопов ^{238}U, ^{226}Ra, ^{232}Th, ^{40}K (табл. 2). Для всего разреза отмечается относительно высокое содержание радионуклидов, характерное для субаэральных лёссово-почвенных отложений (*Buylaert et al.*, 2015), распределение радионуклидов в разрезе равномерное. Мощность дозы колеблется в пределах 2,6–3,8 Гр/тыс. лет для кварца.

Таблица 2. Результаты гамма-спектрометрического анализа. Содержание радиоактивных элементов в образцах и скорость накопления дозы для кварца и полевых шпатов

Полевой № образца	Лаб. №	Отметка, см	^{238}U, Бк/кг	^{226}Ra, Бк/кг	^{232}Th, Бк/кг	^{40}K, Бк/кг	Мощность дозы, Грей/тыс. лет	
							кварц	полевые шпаты
ES-1	190865	- (83–87)	35,0 ± 9,1	28,2 ± 0,8	33,1 ± 0,8	587 ± 13	2,6 ± 0,1	3,5 ± 0,1
ES-2	190866	- (118–122)	27,8 ± 6,2	33,5 ± 0, 6	38,8 ± 0,6	674 ± 13	2,9 ± 0,1	3,9 ± 0,1
ES-3	190867	- (148–152)	36,8 ± 11,5	38,1 ± 0,9	40,3 ± 0,8	764 ± 19	3,3 ± 0,1	нет данных
ES-4	190868	- (182–187)	48,1 ± 13,1	38,9 ± 1,0	43,4 ± 0,9	795 ± 21	3,4 ± 0,1	
ES-5	190869	- (183–187)	30,1 ± 7,6	32,4 ± 0,7	36,8 ± 0,7	664 ± 16	2,9 ± 0,1	
ES-6	190870	- (200–204)	30,3 ± 6,3	33,5 ± 0,6	37,3 ± 0,6	680 ± 14	2,9 ± 0,1	
ES-7	190871	- (236–240)	30,0 ± 11,6	26,8 ± 1,0	32,2 ± 1,0	606 ± 17	2,6 ± 0,1	
ES-8	190872	- (173–177)	23,2 ± 12,0	38,2 ± 1,0	40,3 ± 0,8	745 ± 19	3,2 ± 0,1	
ES-9	190873	- (205–209)	24,0 ± 7,3	31,1 ± 0,7	35,4 ± 0,7	658 ± 16	2,8 ± 0,1	

Для расчета мощности дозы большое значение имеет степень водонасыщенности отложений. Так, увеличение водонасыщения на 1 % ведет к удревнению возраста на 1 % (*Aitken*, 1985). Для отложений в разрезе Елисеевичи 1 оценка их влажности производилась исходя из типа отложений и современных климатических условий района и была принята равной 15 % (табл. 3).

Изучение люминесценции кварца выполнялось по 20–24 аликвотам. Кривая насыщения строилась по пяти точкам в результате облучения бета-источником фиксированной дозой: 20, 40, 125, 0, 20 Гр. Эквивалентная доза (D_e) по кварцу по разрезу колеблется в пределах 45–55 Гр, и лишь для верхнего составляет 38 Гр.

Таблица 3. Результаты люминесцентного датирования отложений на стоянке Елисеевичи 1

полевой № образца	Слой		Отметка, см	Доза, Грей		Доза, Грей		W, %	Возраст, тыс. лет	
	№	состав		полевой шпат $pIRIR_{290}$	n	кварц	n		полевой шпат $pIRIR_{290}$	кварц
ES-1	2	суглинок	- (83–87)	61,1 ± 1,2	8	37,9 ± 1,5	19	15	17,3 ± 0,8	14,6 ± 0,9
ES-2	3	супесь	- (118–122)	59,7 ± 1,1	7	44,6 ± 1,1	20		15,3 ± 0,7	15,0 ± 0,8
ES-3	3	супесь	- (148–152)	нет данных		49,5 ± 1,7	19		нет данных	15,1 ± 0,9
ES-4	4	супесь	- (182–187)			54,9 ± 1,8	18			16,1 ± 0,9
ES-5	4	супесь	- (183–187)			49,4 ± 1,3	20			17,2 ± 0,9
ES-6	4	супесь	- (200–204)			51,3 ± 1,6	20			17,5 ± 1,0
ES-7	4	супесь	- (236–240)			53,9 ± 1,6	20			20,9 ± 1,2
ES-8	4	супесь	- (173–177)			51,6 ± 1,1	20			16,0 ± 0,8
ES-9	4	супесь	- (205–209)			53,7 ± 1,8	22			19,1 ± 1,1

Примечание: W – принятая влажность отложений; n – количество измеренных аликвот

Для двух образцов выполнено исследование по методике параллельных измерений для кварца и полевых шпатов с применением протоколов SAR и pIRIR (*Курбанов и др.*, 2019). Этот подход позволяет оценить возможную недостоверность определения возраста, связанную с удревнением датировок в результате неполной засветки зерен в ходе их транспортировки. Непродолжительная засветка зерен при осадконакоплении приводит к неполному обнулению сохраненного в зерне люминесцентного сигнала, полученного в предыдущий цикл, что, в свою очередь, ведет к увеличению получаемого возраста (Там же). Для выявления таких ошибок был предложен метод параллельного датирования кварца и полевого шпата (*Murray et al.*, 2012). Сравнение результатов датирования по трем протоколам (Q, $pIRIR_{290}$, IR_{50}), описанным ниже, позволяет провести анализ надежности полученных результатов. Итоговые датировки по кварцу могут считаться в достаточной степени засвеченными (надежными), если соотношение $pIRIR_{290}$/Q находится в пределах 0,9–1,2, а соотношение IR50/Q в пределах 0,5–0,7 (Ibid.). Удревнение люминесцентного возраста нехарактерно для лессовых отложений по причине самого механизма их формирования – переноса материала в воздушной среде. Однако отложения в районе стоянки Елисеевичи 1 могли неоднократно переотлагаться за счет плоскостного смыва, перемешиваться с более древними породами, в связи с чем их люминесцентный возраст может быть удревнен. Дополнительными факторами, усложняющими датирование подобных отложений, могут являться деятельность человека и криогенные процессы. В связи с этим нами выполнен анализ соотношения $pIRIR_{290}$/Q для двух образцов (190865–190866).

Для полевых шпатов измерения выполнены для 6 навесок по протоколу, включающему в себя регистрацию люминесцентного отклика при нагреве 50 °C (IR_{50}) и 290°C ($pIRIR_{290}$) (*Buylaert et al.*, 2012). Построение кривой насыщения

выполнялось по пяти точкам: 30, 60, 125, 0, 30 Гр. Эквивалентные дозы обоих образцов оказались близкими (59–61 Гр).

Для всех образцов выполнены принятые в ОСЛ-датировании стандартные тесты. Так, тест восстановления дозы по кварцу проведен для 4 аликвот каждого образца, составив в среднем 1,03 ± 0,04. Для предварительно засвеченных в солнечном стимуляторе в течение 24 часов полевых шпатов (по 3 аликвоты каждого образца), выполнен тест восстановления дозы, результаты которого составили 1,04 ± 0,02.

Возраст отложений на стоянке Елисеевичи 1

Для датирования отложений были отобраны образцы из лессовых отложений (слои 2–4), вмещающих и заполняющих очаг (рис. 2). Всего по разрезу получено 9 датировок по кварцу и 2 по полевым шпатам.

Анализ распределения датировок по разрезу и строение отложений позволяет сделать следующие выводы. Основание вскрытой части разреза в интервале глубин 180–240 см формировалось в интервале времени 21–16 тыс. л. н. Около 17–16 тыс. л. н. на стоянке существовало понижение (очаг), которое было заполнено, по-видимому, делювиальным материалом с окружающей поверхности. Возраст вмещающих его отложений (16,0 и 16,1 тыс. л. н.) практически идентичен возрасту заполняющих отложений (17,5 и 17,2 тыс. л. н.), с учетом погрешности определения возраста, составляющей 0,8–1,0 тыс. л. (табл. 3). Чуть более древний возраст отложений, заполняющих очаг, может быть связан также с неравномерным их перемешиванием с более древними отложениями и недостаточным облучением солнечным светом. Перекрывающие их отложения охарактеризованы тремя датами: 15,1 ± 0,9, 15,0 ± 0,8 и 14,6 ± 0,9 тыс. л. н.

Люминесцентные даты указывают на то, что формирование культурного слоя происходило относительно быстро в период с 16 до 15 тыс. л. н. В разрезе по результатам датирования не выделяется резких несогласий, перерывов, возрастных инверсий, что может свидетельствовать об относительно непрерывном осадконакоплении.

Для двух верхних образцов (ES-1 и ES-2) выполнено параллельное датирование по трем сигналам. Соотношение возрастов по кварцу и полевым шпатам указывает на достаточную засветку и обнуленность люминесцентного сигнала. Показатель pIRIR/Q находится в пределах 1–1,2. Таким образом, высокая стабильность сигнала (отбраковано не более 2–3 аликвот ввиду аномального сигнала либо признаков нарушения SAR протокола), расположение доверительных интервалов измерения D_e в пределах 10 %, высокая сходимость возрастов по кварцу и полевым шпатам, а также результаты стандартных тестов (восстановление дозы 1,02) указывают на высокую надежность полученной хронологии.

Полученные ОСЛ-датировки указывают на поздневалдайский возраст отложений (конец морской изотопной стадии 2) и хорошо коррелируют с полученными ранее по костям мамонта радиоуглеродными датами и оценками возраста на основании изучения палинологии и фауны стоянки (*Борисова и др.*, 1996; *Хлопачев и др.*, 2017).

Заключение

Серия датировок из лёссово-почвенной толщи, перекрывающей вторую надпойменную террасу р. Судости, позволяет считать, что использование метода ОСЛ-датирования позволяет получать вполне обоснованные оценки возраста отложений при соблюдении технологии отбора образцов. В дальнейшем этот метод датирования можно использовать и на других разрезах лёссово-почвенных отложений, в том числе содержащих недостаточное количество органического материала для применения радиоуглеродного датирования. В дальнейшем планируется расширить область датирования лёссово-почвенной толщи для всей области междуречья и долин рек Десны и Судости, которые позволят реконструировать картину природного окружения и способов адаптации к нему людей в конце эпохи верхнего палеолита.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова О. К., Зеликсон Э. М., Новенко Е. Ю., 1996.Условия обитания позднепалеолитического человека в центральных районах Русской равнины (по палинологическим данным) // Развитие области многолетней мерзлоты и перигляциальной зоны Северной Евразии и условия расселения древнего человека / Ред.: Ю. Н. Грибченко, В. И. Николаев. М.: Ин-т географии РАН. С. 73-85.

Величко А. А., 1961. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М.: АН СССР. 295 с.

Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., 1997. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.: Ин-т географии РАН: ГИМ. 191 с.

Гуртовая Е. Е., Фаустова М. А., 1977. О микулинском этапе формирования аллювия в бассейне среднего течения Десны // Известия АН СССР. Серия географическая. № 2. С. 69–75.

Курбанов Р. Н., Янина Т. А., Мюррей Э. С., Семиколенных Д. В., Свистунов М. И., Штыркова Е. И., 2019. Возраст карангатской трансгрессии Черного моря // Вестник Московского университета. Серия: География. № 6. С. 29–40.

*Поликарпович К. М.,*1940. Работы по исследованию палеолита в Западной области в 1936 г. // СА. Т. V. С. 285–290.

Поликарпович К.М., 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника. 204 с.

Хлопачев Г. А., Грибченко Ю. Н., Кулькова М. Н., Сапелко Т. В., 2017. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи 1: новые данные о возрасте и длительности существования // SP. № 1. С. 41–57.

Хлопачев Г. А., Полковникова М. Э., 2017.Структура центральной части палеолитической стоянки Елисеевичи 1: опыт реконструкции на основе полевой документации К. М. Поликарповича // Каменный век российско-белорусского порубежья / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН. С. 3–20. (Замятнинский сборник; вып. 5.)

Aitken M., 1985. Thermoluminescence dating. London: Academic press, 359 p.

Buylaert J. P., Jain M., Murray A. S., Thomsen K. J., Thiel C., Sohbati R., 2012. A robust feldspar luminescence dating method for Middle and Late Pleistocene sediments // Boreas. Vol. 41. P. 435–451.

Buylaert J. P., Yeo E. Y., Thiel C., Yi S., Stevens T., Thompson W., Frechen M., Murray A., Lu H., 2015. A detailed post-IR IRSL chronology for the last interglacial soil at the Jingbian loess site (northern China)// Quaternary Geochronology. No. 30. P. 194–199.

Murray A. S., Thomsen K. J., Masuda N., Buylaert J. P., Jain M., 2012. Identifying well-bleached quartz using the different bleaching rates of quartz and feldspar luminescence signals // Radiation Measurements. Vol. 47. Iss. 9. P. 688–695.

Сведения об авторах

Тумской Владимир Евгеньевич, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, Москва, 119991; Институт мерзлотоведения им. П. И. Мельникова СО РАН, ул. Мерзлотная, 36, г. Якутск, 677010, Россия; e-mail: vtumskoy@gmail.com;

Куренкова Елена Ивановна, Институт географии РАН, 119017, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: paleolith@yandex.ru;

Хлопачев Геннадий Адольфович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: gakmae@yandex.ru;

Таратунина Наталия Александровна, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, Москва, 119991; Институт географии РАН, Старомонетный переулок, 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: taratuninana@gmail.com;

Викулова Наталия Олеговна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, Москва, 119991, Россия; e-mail: natasha_vikulova@mail.ru;

Курбанов Реджеп Нурмурадович, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, Москва, 119991; Институт географии РАН, 119017, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: roger.kurbanov@gmail.com

V. E. Tumskoy, E. I. Kurenkova, G. A. Khlopachev,
N. A. Taratunina, N. O. Vikulova, R. N. Kurbanov

THE AGE OF LOOSE SEDIMENTS AT THE ELISEYEVICHI 1 SITE BASED ON DATING BY THE OPTICALLY STIMULATED LUMINESCENCE METHOD

Abstract. The paper describes the first results of OSL-dating of loose sediments in the second terrace above the flood-plain of the Sudost' river, a tributary of the Desna river, which include the occupation layer of the Eliseyevichi 1 site. Luminescent dating demonstrates that the formation of the occupation layer occurred relatively quickly in the period from 16,000 to 15,000 years ago. The breakdown by dating results does not reveal any sharp disagreements, disruptions, age-related inversions, which may indicate a relatively continuous sedimentation. The obtained OSL dates indicate the Late Valday age of the deposits (end of the marine isotope stage 2) and well correlate with the radiocarbon dates for mammoth bones obtained earlier and estimates of the age based on palynological and faunal studies at the site.

Keywords: Paleolithic, Eliseyevichi 1, terrace, OSL-dating, loose sediments, Late Valday, age.

REFERENCES

Borisova O. K., Zelikson E. M., Novenko E. Yu., 1996. Usloviya obitaniya pozdnepaleoliticheskogo cheloveka v tsentral'nykh rayonakh Russkoy ravniny (po palinologicheskim dannym) [Habitation conditions of Late Palaeolithic man in the central regions of Russian plain (according to palynological data)]. *Razvitiye oblasti mnogoletney merzloty i periglyatsial'noy zony Severnoy Evrazii i usloviya rasseleniya drevnego cheloveka [Development of permafrost and periglacial zone of Northern Eurasia and conditions of ancient human settlement]*. Yu. N. Gribchenko, V. I. Nikolayev, eds. Moscow: Institut geografii RAN, pp. 73–85.

Gurtovaya E. E., Faustova M. A., 1977. O mikulinskom etape formirovaniya allyuviya v basseyne srednego techeniya Desny [On mikulinsky stage of alluvium formation in the middle course of Desna basin]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geograficheskaya [Bulletin of AS USSR. Geographical series]*, 2, pp. 69–75.

Khlopachev G. A., Gribchenko Yu. N., Kul'kova M. N., Sapelko T. V., 2017. Pozdnepaleoliticheskaya stoyanka Eliseyevichi 1: novyye dannyye o vozraste i dlitel'nosti sushchestvovaniya [Late Paleolithic site Eliseyevichi 1: new data on age and duration of existence]. *SP*, 1, pp. 41–57.

Khlopachev G. A., Polkovnikova M. E., 2017. Struktura tsentral'noy chasti paleoliticheskoy stoyanki Eliseyevichi 1: opyt rekonstruktsii na osnove polevoy dokumentatsii K. M. Polikarpovicha [Structure of central part of Palaeolithic site Eliseyevichi 1: reconstruction experience based on field documentation of K.M. Polikarpovich]. *Kamennyy vek rossiysko-belorusskogo porubezh'ya [Stone Age of Russian-Byelorussian borderlands]*. G. A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 3–20. (Zamyatninskiy sbornik, 5.)

Kurbanov R. N., Yanina T. A., Murray E. S., Semikolennykh D. V., Svistunov M. I., Shtyrkova E. I., 2019. Vozrast karangatskoy transgressii Chernogo morya [Age of the Karangat transgression of the Black sea]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Geografiya [Bulletin of Moscow university. Series: Geography]*, 6, pp. 29–40.

Polikarpovich K. M., 1940. Raboty po issledovaniyu paleolita v Zapadnoy oblasti v 1936 g. [Works on Palaeolithic research in Western region in 1936]. *SA*, V, pp. 285–290.

Polikarpovich K. M., 1968. Paleolit Verkhnego Podneprov'ya [Palaeolithic of Upper Dnieper region]. Minsk: Nauka i tekhnika. 204 p.

Velichko A. A., 1961. Geologicheskiy vozrast verkhnego paleolita tsentral'nykh rayonov Russkoy ravniny [Geological age of Upper Paleolithic of central regions of Russian plain]. Moscow: AN SSSR. 295 p.

Velichko A. A., Grekhova L. V., Gribchenko Yu. N., Kurenkova E. I., 1997. Pervobytnyy chelovek v ekstremal'nykh usloviyakh sredy. Stoyanka Eliseyevichi [Primitive man in extreme environmental conditions. Eliseyevichi site]. Moscow: Institut geografii RAN: GIM. 191 p.

About the authors

Tumskoy Vladimir E., Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119191; Melnikov Permafrost Institute SB RAS, ul. Merzlotnaya, 36, Yakutsk, 677010; Russian Federation; e-mail: vtumskoy@gmail.com;

Kurenkova Elena I., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017; Russian Federation; e-mail: paleolith@yandex.ru;

Khlopachev Gennadiy A., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034; Russian Federation; e-mail: gakmae@yandex.ru;

Taratunina Nataliya A., Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119191; Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017; Russian Federation; e-mail: taratuninana@gmail.com;

Vikulova Nataliya O., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292; Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119191; Russian Federation; e-mail: natasha_vikulova@mail.ru;

Kurbanov Redzhep N., Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119191; Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017; Russian Federation; e-mail: roger.kurbanov@gmail.com

С. Н. Кореневский, А. И. Юдин

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ МЕТАЛЛА, КАМНЯ И КОСТИ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕКОН

Резюме. В статье рассматриваются новые находки предметов вооружения бронзы, камня и кости на поселении Чекон Анапского района Краснодарского края. Они все найдены в ямах культурного слоя памятника и датируются второй половиной IV – началом III тыс. до н. э. Особо примечателен бронзовый топор. Он относится к группе 2.2 майкопско-новосвободненской общности. Каменные топоры представлены обломками орудий и явно связаны с местным производством. Находки каменных топоров на поселениях майкопско-новосвободненской общности – большая редкость. По особенностям формы находки с поселения Чекон относятся к топорам с округлым каплевидным обухом (Rundnackenäxte – по номенклатуре топоров Центральной Европы) и двулезвийным (Doppeläxte). Топоры с округлым обухом имеют аналогии среди каменных орудий Южного Кавказа, но более среди топоров Центральной и Северной Европы. Возникает вопрос – как такая форма оружия попала в Причерноморскую зону к племенам майкопско-новосвободненской общности. Многочисленные находки подобных орудий на поселении Чекон отражают интенсивные военные действия на этом локальном участке на позднем этапе и в конце существования майкопско-новосвободненской общности.

Ключевые слова: Предкавказье, майкопско-новосвободненская общность, поселение, топоры, клевцы, аналогии, война.

Майкопско-новосвободненская общность (МНО) была ярким феноменом протоцивилизации в Предкавказье в IV тыс. до н. э. (3900–2900/2800 BC) (*Кореневский*, 2019). Ее погребальные комплексы отражают существование обрядов, в которых военная символика, представленная оружием из бронзы (кинжалами, топорами, наконечниками стрел и копий) занимала особое место. Эти находки свидетельствуют о высоком престиже рукопашной схватки, где, в частности, топоры и кинжалы могли играть решающую роль.

Более скромно в погребальных обрядах представлено оружие ударного действия из камня и кости. Последний факт является резким контрастом широкому

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.133-150

распространению каменных топоров в это время в культурах Северной и Центральной Европы, известных под названием «культуры воронковидных кубков» (*Zàpotocký*, 1992; *Grisse*, 2006).

Втульчатое оружие из бронзы и камня на известных поселениях МНО до 2011 г. обнаружено не было. Однако ситуация резко изменилась в связи с раскопками в 2011, 2018 гг. поселения Чекон в Краснодарском крае. Ниже мы проведем специальный анализ этих находок.

Поселение Чекон находится в Анапском районе Краснодарского края, в 0,5 км к северу от поселка Чекон (рис. 1). Первые раскопки на поселении были предприняты в 2011 г. под руководством В. В. Бочкового (*Бочковой*, 2013) на участке площадью 1050 кв. м вдоль линии железной дороги. Более масштабные раскопки поселения Чекон были проведены в 2018 г. А. И. Юдиным. Им было вскрыто более 6400 кв. м. По данным А. И. Юдина, общая площадь памятника, скорее всего, значительно больше и может достигать 25 тыс. кв. м. Культурный слой на разных участках имеет толщину от 0,5 до 1 м. Комплекс находок позволяет считать, что он оставлен, прежде всего, племенами псекупского варианта майкопско-новосвободненской общности На поселении исследовано девять погребений, из них четыре оказались парными, одно тройное и одно детское. Погребальный обряд нуждается в уточнении. Но уже сейчас можно отметить наличие трупорасчленения, парного ярусного погребения, положения скелетов скорченно на боку. Разнообразна коллекция костных остатков, среди которых, по заключению Е. В. Добровольской, превалируют кости крупного и мелкого рогатого скота, представлена также свинья. Находки костей животных явно указывают на интенсивное занятие обитателей поселка придомным и пастбищным скотоводством с возможным использованием локальной кормовой базы на лугах и речных местных долинах. Кроме того, обнаруженные на поселении вкладыши серпов позволяют предполагать и занятие земледелием или усиленным собирательством.

Хронология поселения Чекон связана с серединой – концом IV – началом III тыс. до н. э. (*Юдин, Кочетков*, 2019; *Кореневский, Юдин*, 2019).

В данной статье рассматриваются найденные на поселении типы оружия ударного действия ближнего боя из бронзы, кости и камня, а также наконечники стрел.

Оружие ударного действия из металла на поселении Чекон представлено бронзовым топором (рис. 2: *1*), найденным в культурном слое. Размеры орудия по длине и высоте корпуса 8 × 6,5 см, диаметр отверстия проушины – 2,1 см. Топор обладает невыделенной в профиле втулкой, слегка изогнутым клином, круглым проухом. Топор можно отнести к группе 2.2 майкопско-новосвободненской общности (*Кореневский*, 2011, рис. 40: *1*; 42: *3*). Но он необычен тем, что его клин очень короткий. Лезвие клина острое, верхний край оттянут назад, так что ударная точка приходится на нижний край лезвия. Не исключено, что это некая местная разновидность майкопских топоров группы 2, куда входят орудия с более удлиненным клином и меньшим весом.

На брюшке топора прослеживается усадка металла, а втулка сохранила следы проковки. Нижняя часть втулки плоская, верхняя ее часть прокована и имеет наклон к обуху. Вес орудия – 520 граммов.

Рис. 1. Поселение Чекон на карте

1 – пос. Чекон; 2 – поселение Старотитаровское

Рис. 2. Поселение Чекон, находки

1 – бронзовый топор; *2* – наконечник стрелы; *3, 4, 8* – молоты; *5, 6, 7, 11* – клевцы; *9* – наконечник стрелы; *10* – каменный шар

Топор отливали в двустворчатой форме с литником в нижней части орудия. Состав металла – т. н. мышьяковая бронза с повышенными содержаниями никеля и железа (до 0,1–0,2 %) (Cu – 98,89; Cr – 0; 09; Fe – 0,11; Ni – 0,17; Zn – 0,01; As – 0,64; Pb – 0,09 (значения усредненные, анализ выполнен рентгенофлуоресцентным методом на аппарате М4 Торнадо-Брюкер с чувствительностью метода 0,01 %).

Каменные втульчатые орудия ударного действия представлены шестью находками обломков своеобразных топоров с подовальным окончанием клина и округлым обухом, обнаруженными в 2018 г. (рис. 3: *1–6*; 4: *1, 2*), и одним целым экземпляром близкой формы с горизонтально поставленным лезвием из раскопок 2011 г. Серию дополняет находка топора с близкой конструкцией (рис. 3: *8*) из Старотитаровского поселения с таким же культурным слоем, как и слой поселения Чекон (*Кореневский, Давудов*, 2019). При детальном рассмотрении таких топоров можно заметить, что соблюдаются определенные соотношения между длиной клина и длиной обуха. Так, длина клина этих изделий в полтора-два раза превышает длину обушковой части (рис. 3: *1, 2, 7, 8*).

Клин сужается к окончанию для усиления проламывающего действия и имеет овальное или притупленное завершение, а не острый режущий край, как у топоров из металла. Поэтому мы можем называть их каменными топорами-клевцами или топорами-чеканами. Ими могли действовать так же, как и каменными булавами, но усиливая эффект проламывающего или оглушающего удара за счет подостренного в вертикальной или горизонтальной плоскости клина.

Судя по более-менее целым экземплярам, длина рассматриваемых орудий – 10–12 см. Отверстия для насада у них были одинаковые и имели диаметры около 2 см.

Для изготовления топора-чекана типа находок на пос. Чекон подбирался камень – галька – подходящих размеров и формы. Породы камней могли быть различными. Изделия не обтачивались. Отверстие просверливалось. Такая операция нередко приводила к слому изделия в месте сверления. По крайней мере, найденные на Чеконе обломки топоров-чеканов в основном представляют собой производственный брак.

Найденные обломки каменных топоров-чеканов происходят из ям, в которых находились обломки керамики 1-го и 2-го класса МНО, диски с отверстиями – пряслица, обломки глиняных конусов – символов жилищ. Связь этих орудий с обитателями поселка представляется достоверной, но как идея такой формы оружия попала на Таманский полуостров – особая тема исследования, которую сейчас однозначно решить нелегко.

Рассматриваемую серию каменных топоров-клевцов можно разделить на две группы. Первая группа включает обломки, сопоставимые с топорами-чеканами с круглым обухом (рис. 3: *1–8*). В литературе, посвященной изучению каменных топоров Европы, такие орудия получили наименование Rundnackenäxte (*Zàpotocký*, 1992). В отечественной литературе подобное изделие было названо топором каплевидной в плане формы (*Трифонов*, 1991. С. 167). Оно было найдено, по сообщению В. А. Трифонова, в 1875 г. при раскопках В. Г. Тизенгаузена кургана у хут. Негрея между хут. Чекон и Юровкой в Анапском районе[1].

[1] Авторы благодарят В. А. Трифонова за разъяснение обстоятельств находки топора.

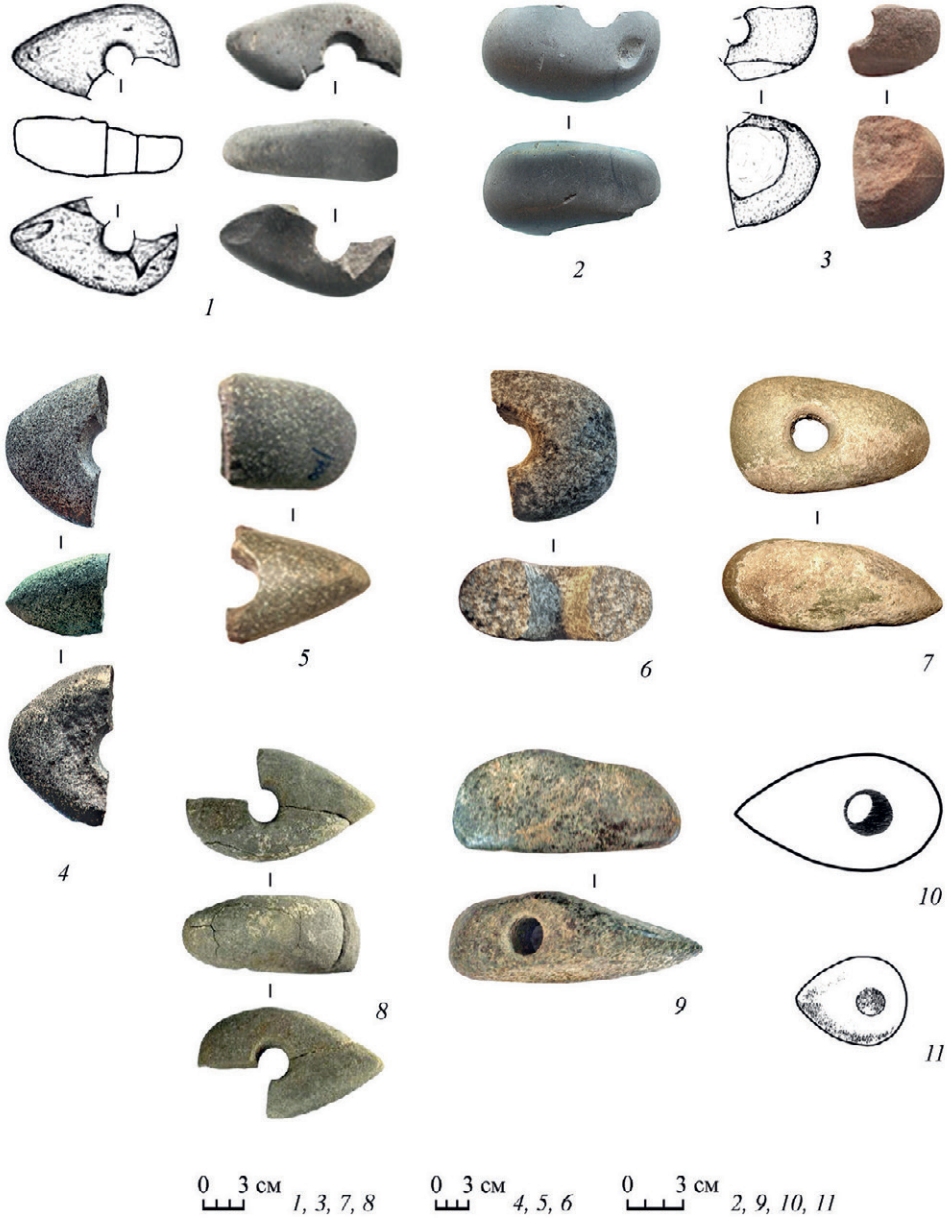


Рис. 3. Каменные топоры с овальным обухом типа Rundnackenäxte и их аналогии

1–7 – пос. Чекон; *8* – пос. Старотитаровское; *9* – пос. Акнашен; *10* – хут. Негрея; *11* – стоянка 133 (Азербайджан)

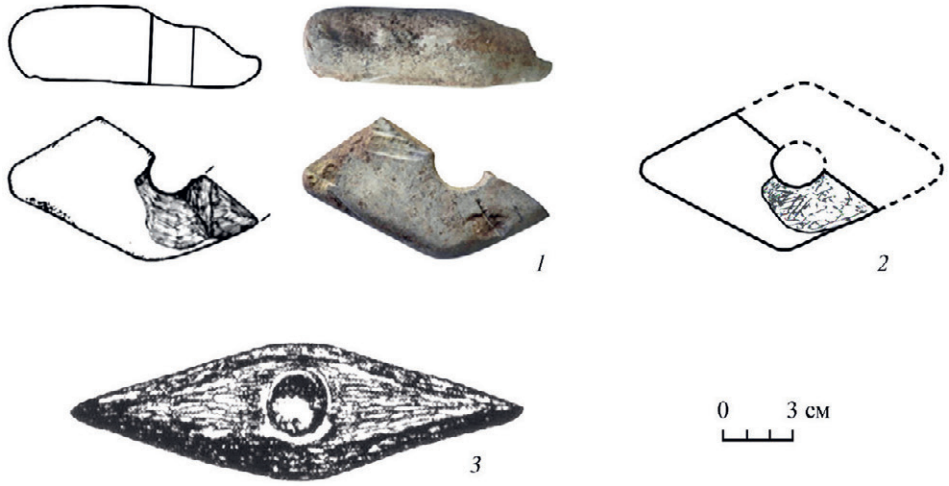


Рис. 4. Топор подромбической формы с пос. Чекон и его аналогия

1 – топор пос. Чекон; *2* – его реконструкция; *3* – культура воронковидных кубков (по: *Grisse*, 2006. Tafl. 29: 442)

Погребение № 1 (рис. 3: *10*) было совершено в каменном ящике и оказалось сильно разрушенным. Кости скелета человека были разбросаны. Инвентарь захоронения включал каменный топор и два бронзовых кинжала. В. А. Трифонов относит это погребение к майкопской культуре. Такая интерпретация комплекса возможна, но разрушение захоронения делает вывод о его культурной принадлежности весьма условным.

Продолжая тему о топорах поселения Чекон, следует заметить, что один обломок предполагает ромбическую форму орудия (рис. 4: *1, 2*). Он мог бы обозначить вторую группу топоров-чеканов, но единичный случай находки делает ее условной. А. Грисс рассматривает подобные вещи под термином Doppeläxte (рис. 4: *3*) (*Grisse*, 2006).

Каменные топоры с округлым обухом и отверстием для насада на рукоять появились на Южном Кавказе в неолите вместе с каменными булавами. Они нередко имеют вид мотыг с горизонтальным лезвием. Все топоры во многом похожи друг на друга. Их ранние формы датируются в Армении на пос. Акнашен VI тыс. до н. э. (рис. 3: *9*). Находка каменного топора на Хаткунархском поселении соотносится с временем Халафской культуры (*Мартиросян, Мнацаконян* 1973. С. 125). Каменный топор с округлым обухом Р. Торосян опубликовал при издании материалов поселения Техут (*Торосян*, 1976. Табл. II: *4*). Известны они и по редким случайным находкам, как, например, топор из с. Кети (*Мартиросян*, 1964. С. 26. Рис. 2: *b*).

В Азербайджане появление каменных топоров-мотыг с овальным обухом связано, как показывают находки на поселении Кюль-Тепе, с культурой шулавери-шомутепе. В это же время, возможно, появляются каменные топоры-молоты с плоским обухом (*Абибулаев*, 1982. Табл. IV: *1, 2, 3, 13*). Южнокавказские топоры

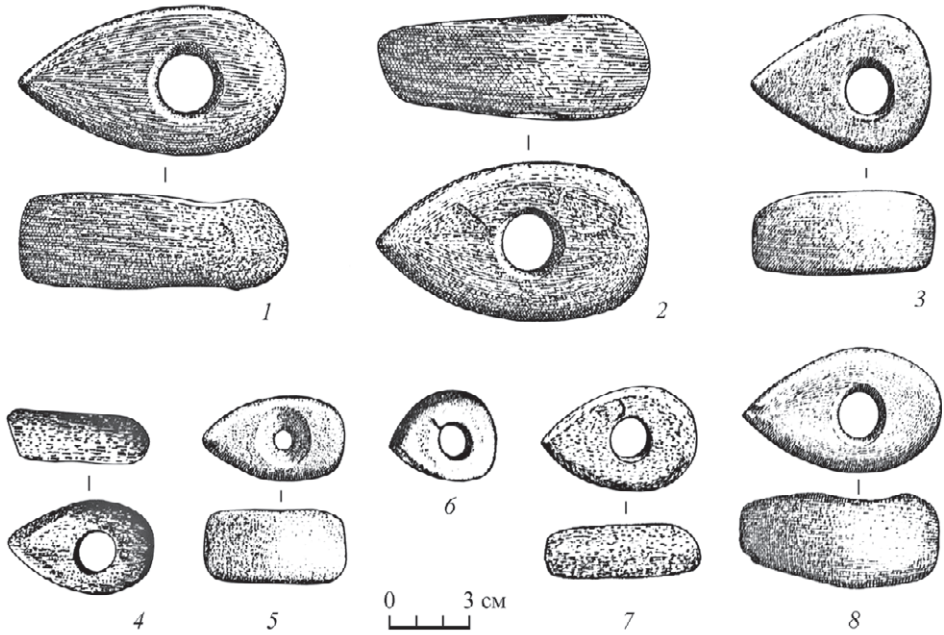


Рис. 5. Топоры типа Doppeläxte культуры воронковидных кубков (по: *Grisse*, 2006. Taf. 29: *442*)

с округлым обухом имеют удлиненный клин, который в три или четыре раза больше длины обуха, как, например, у топора из Акнашена (рис. 3: *9*) (*Badalyan et al.*, 2010).

Но есть заготовка топора и с коротким клином и округлым обухом, по форме близким к очертаниям каменной булавы (рис. 3: *11*), найденной на стоянке № 133 культуры шулавери-шомутепе в Азербайджане (*Нариманов*, 1987. С. 232. Рис. 36: *3*).

Насколько каменные топоры с округлым обухом были типичны для лейла-тепинской или куро-араксской культур Южного Кавказа IV тыс. до н. э., сказать трудно, так как в их комплексах каменные топоры практически не известны. Более отчетливо на памятниках этих культур представлены каменные булавы.

В Центральной и Северной Европе каменные топоры типа Rundnackenäxte встречаются довольно широко. Они характерны для разных групп культуры воронковидных кубков, локализованных в Швейцарии, севернее истоков р. По, а также во Франции в районе среднего течения р. Сены и Луары (например, в культуре Соммы) (рис. 5: *1–8*). Эти топоры по пропорциям близки топорам-чеканам пос. Чекон. Длина клина у них равна или в два раза превышает длину обуха. Датируются топоры с округлым обухом серединой IV – началом III тыс. до н. э. (3600 – 3200–2900 BC) (*Grisse*, 2006. Taf. 66; 67).

В ареале этих культур появляются и топоры класса Doppeläxte (*Grisse*, 2006), которые датируются тем же временем.

Проведенные сравнения позволяют думать о близких традициях производства топоров рассматриваемого типа у племен культуры воронковидных кубков и обитателей поселений Старотитаровского и Чекон псекупского варианта МНО.

Сведений о каменных топорах МНО вообще очень мало. Так, один каменный топор был найден в закладе камней над майкопским погребением долинского варианта в кургане 9 у с. Бамут (рис. 6: *1*). Р. М. Мунчаев рассматривает его как копию бронзовых топоров МНО. Это суждение справедливо, так как обушная часть этого топора стремится передать ее подостренное оформление, как у некоторых бронзовых топоров группы 2 МНО (*Мунчаев*, 1961. С. 55), хотя форма этого орудия близка и топорам каплевидных очертаний.

В кургане 1 могильника Чернышов II был обнаружен каменный топор-молот (рис. 6: *2*), лежащий на уровне дневной поверхности в 12–13 м от основного майкопского захоронения. По представлению авторов его первой публикации, этот топор «несомненно относится к основному захоронению» (*Бианки, Днепровский*, 1988. С. 74) и связан с ритуалами майкопско-новосвободненской общности.

Типологически топор из кургана Чернышов относится к формам орудий, хорошо представленных в комплексах ямной культуры, которые датируются временем среднего и верхнего слоя Михайловского поселения (*Кореневский*, 2013). Даты второго и третьего слоев этого памятника в диапазонах 3500–3200 – 3200–2900 ВС представлены Н. С. Котовой (*Котова*, 2013. С. 103, 104). Такая хронология только подтверждает правомерность наблюдений авторов раскопок этого памятника. Вместе с тем особенности формы рассматриваемого орудия позволяют полагать, что в нем отразилась некая особая ямно-майкопская или просто немайкопская форма оружия (*Кореневский*, 2013). Случаи находок топоров вблизи погребений МНО известны в кург. 6 м-ка Тачин Царнг в Калмыкии (*Эрдниев*, 1982. С. 213. Рис. 2: *4*; *Шилов*, 1982. С. 216–218), а также в упоминавшемся выше кургане 9 у с. Бамут[2].

[2] По мнению А. А. Клещенко (Клещенко, 2018. С. 162, 163), топор из Чернышева мог принадлежать впускному погребению эпохи средней бронзы и лежать у края первой насыпи кургана. Ссылаясь на работу Г. Ф. Коробковой и О. Г. Шапошниковой (Коробкова, Шапошникова, 2005), А. А. Клещенко соотнес его с временем верхнего слоя Михайловки. Так ли это было, точно сказать трудно, поскольку авторы раскопок не отметили на чертеже границу насыпи 1, что, конечно, просто невозможно было сделать по условиям раскопок (*Лесков, Днепровский*, 1984. С. 73. Рис. 42). При публикации находки было указано, что топор, безусловно, был связан по обряду с основным захоронением, хотя его и обнаружили вне погребения на уровне погребенной почвы (см. наш текст выше). Он мог быть атрибутом майкопского ритуала погребения, оставленным недалеко от места захоронения. Примеры подобного обращения с топорами майкопцев мы привели. Использование топоров эпохи средней бронзы как подношения их погребенному сородичу вне погребального сооружения не фиксируется. Также известно, что люди северокавказской культуры клали топор непосредственно в могилу сородичей, а не вне ее. Надо, кроме того, учесть и дату аналогий таким топорам. Сейчас опубликована даты среднего слоя Михайловского поселения (примерно 3500–3200 вв. до н. э.), верхнего слоя Михайловки (возможно, 3200–2900 вв. до н. э.) (см. выше: *Котова*, 2013), т. е. датировки майкопского комплекса и каменного топора в кургане могильника Чернышов II могут совпадать с датировками среднего или верхнего слоя Михайловки. А вот

Из закрытых комплексов МНО происходят только каменный топор-молот (Клады, к. 31, п. 5) (рис. 6: *3*) и каменный молот с опущенным вниз обухом (рис. 6: *4*) – курган Длинная поляна (*Резепкин*, 2012. С. 199, 217. Рис. 70: *7*; 88: *5*).

Для раннего этапа эпохи средней бронзы и времени широкого распространения каменных топоров форма топора-клевца каплевидной формы не характерна (*Марковин*, 1960). У топоров этого времени часто присутствует обух с плоским окончанием, превративший их в топоры-молоты. При этом обушная часть имеет скос вниз, образуя своеобразную дуговидную форму топоров кабардино-пятигорского типа, по В. И. Марковину. Такие орудия явно продолжают линию развития предкавказского топора-молота, обозначенную еще на финальной стадии майкопско-новосвободненской общности у племен новосвободненской группы (рис. 6: *3, 4*).

Еще одна серия орудий ударного действия на поселении Чекон связана с находками роговых молотов и костяного рогового клевца. Роговые молоты были обнаружены в ямах вместе с керамикой майкопской культуры и в слое поселения.

Один из них сохранился довольно хорошо. Его длина составляет около 11 см. Отверстие для насада круглое, диаметром 1,2 см. Втулка молота сдвинута к обуху. Тем самым центр тяжести предмета смещался вперед и усиливалась ударная сила орудия. Подобное размещение отверстия втулки молота характерно для многих разновидностей каменных боевых топоров. Окончания обуха и клина молота обточены и скруглены (рис. 2: *3*). Дуговидная форма предмета явно неслучайна. Такая конфигурация является следствием поиска наиболее рациональной конструкции ударного втульчатого оружия, которое более убедительно воплотилось в формах каменных топоров и молотов медно-бронзового века Предкавказья.

Другой молот, представленный фрагментом (рис. 2: *4*), имеет дугообразный корпус и отверстие диаметром примерно 1,2 см. В раскопках В. В. Бочкового 2011 г. также найден роговой молот (рис. 2: *8*) длиной 14 см и с отверстием около 2 см в диаметре (*Бочковой*, 2013; *Бочковой и др.*, 2013. С. 6. Рис. 1: *3*; *Кореневский*, 2018. Рис. 4: *9*).

Клевец с горизонтально поставленным лезвием найден в культурном слое памятника. Он сделан из рога с приспособленным под обух естественным окончанием кости. Длина изделия – 13 см. Отверстие имеет диаметр 1,5 см. Оно просверлено с незначительным сужением к верхнему краю втулки (рис. 2: *6*).

Еще один клевец (рис. 2: *5*) представляет собой заостренный фрагмент рога животного, обушную часть которого сделали, отпилив острое окончание утолщенной части ветви рога. Отверстие для насада у него невелико, около 0,5 см. Поэтому возникает вопрос, не является ли рассматриваемый предмет заготовкой, где мастер должен был потом увеличить диаметр втулки. Но, может быть, такой предмет не предназначался для использования в качестве ударного оружия, а служил лишь навершием жезла? Обломок такого рогового втульчатого клевца (рис. 2: *7*) найден в раскопках В. В. Бочкового (*Бочковой*, 2013; *Кореневский*, 2018. Рис. 4: *4*).

находились ли в это время здесь племена северокавказской культуры – вопрос открытый. К сожалению, ссылки на эти даты в рассуждениях А. А. Клещенко нет, как и на работу Н. С. Котовой, где они приводятся. Поэтому его предположение о культурной принадлежности рассматриваемого топора не является безальтернативным.

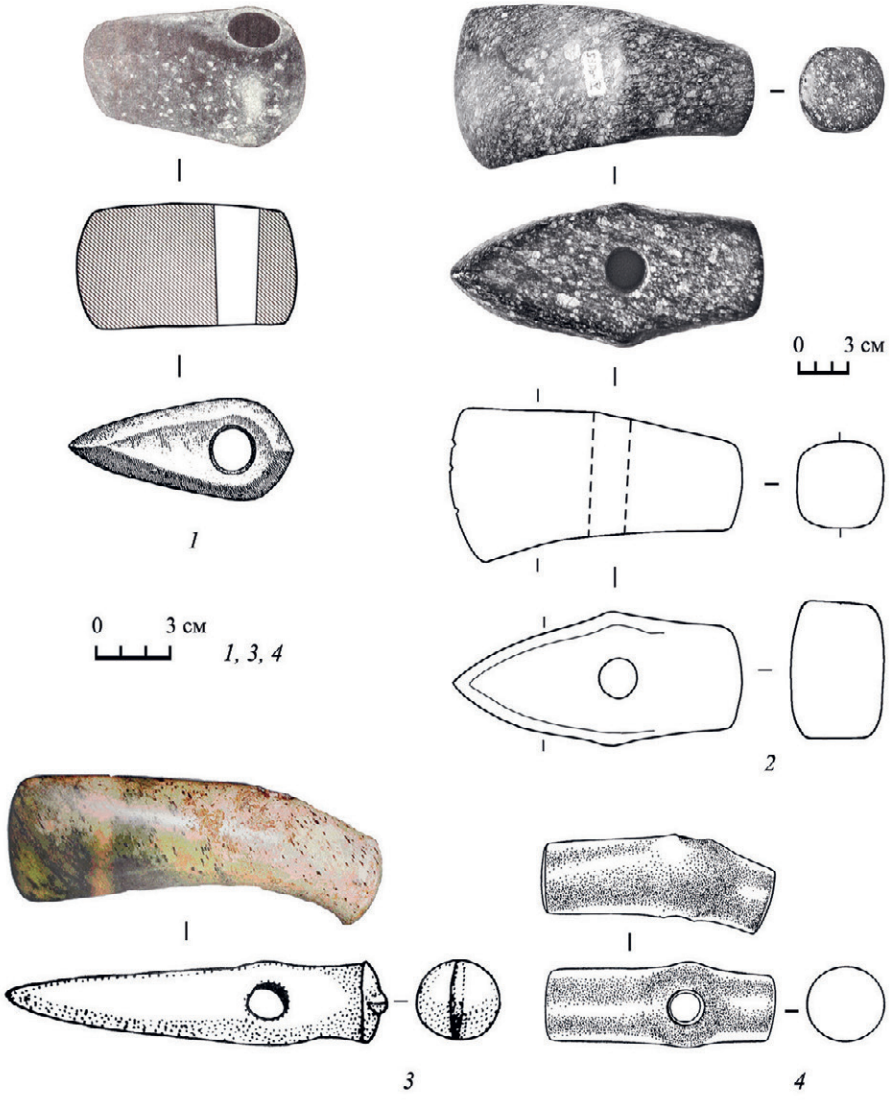


Рис. 6. Топоры из комплексов майкопско-новосвободненской общности

1 – Бамутский м-к, к. 9, насыпь над погр. майкопской культуры (по: *Мунчаев*, 1961); *2* – м-к Чернышев II, кург. 1 (по: *Бианки, Днепровский*, 1988); *3* – м-к Клады (по: *Резепкин*, 2012); *4* – погр., кург. на Длинной поляне (по: Там же)

В раскопках В. В. Бочкового также встречен рог животного, превращенный в клевец (рис. 2: *11*). Предмет отверстия не имеет. Его тыльная часть обточена и скруглена (*Бочковой*, 2013; *Кореневский*, 2018. Рис. 2: 5).

Костяные молоты в погребениях майкопско-новосвободненской общности встречаются очень редко. Одно из таких захоронений открыто в Баксанском ущелье – погр. 11 кургана 422 у с. Кёнделен. Погребение 11 было основным. Могила представляла собой небольшую грунтовую яму размером 1,9 × 1,4 × 0,9 – 1 м. Ее дно было выстлано галькой. Скелет мужчины 25–35 лет лежал скорчено на правом боку. Кости рук были протянуты в область коленных суставов. Ориентирован скелет головой на юго-запад. В погребении были найден небольшой сосуд с вертикально поставленным горлом, обломанным венчиком и строгой симметрией тулова. Место слома было зашлифовано. Формовочная масса видимых искусственных примесей не обнаружила. Недалеко от правой плечевой кости находился молот из рога. Предмет был деформирован и к использованию непригоден. Длина орудия – 9,7 см. Диаметр отверстия для рукоятки – 2,2 × 1,6 см. По форме предмет аналогичен находкам на поселении Чекон. Дата погребения – 3346–3114 вв. до н. э. (*Клещенко*, 2019. С. 143–145).

Майкопское погр. 11 в кургане 422 м-ка Кёнделен, как и другие найденные там майкопские захоронения, относится к поздней фазе майкопско-новосвободненской общности. Обнаруженная в них керамика не имеет настолько четких диагностических форм, чтобы относить по этому показателю ее к долинскому или псекупскому вариантам МНО, распространенным в Центральном Предкавказье. Принадлежность их к позднему псекупскому варианту представляется более предпочтительной на основании находки в погребениях этого могильника сосудов с ручками-ушками, поставленными на тулове ниже горла.

Обломок костяного молота найден в погр. 5 кург. 21 м-ка Чегем II (*Бетрозов, Нагоев*, 1984. С. 47. Рис. 13: *16*). Погр. 5 кург. 21 было совершено в крупной яме 2,5 × 1,8 × 0,5 м. Покойный человек лежал скорчено на правом боку головой на юго-запад. Дно могилы было устлано белой галькой и усыпано красной краской. Около черепа находились бронзовые топор, долото, тесло, кинжал, шило, пластина, бусы из белой пасты и костяной молоток. В восточной части могилы найдено вилообразное орудие. В северо-восточном углу были расчищены обломки сосуда. Еще три сосуда стояли вдоль юго-западной стенки. Погр. 5 кург. 21 относится к долинскому варианту майкопско-новосвободненской общности. Его инвентарь отражает набор предметов, характерный для захоронений с военно-производственной символикой. Но во многие из них включают еще и изделия из золота. Однако в конкретном случае золотых вещей не найдено. Воинский характер комплекса очевиден. Костяной молоток был сломан. Сохранившаяся часть имеет длину около 6 см, диаметр отверстия предположительно равнялся 2 см.

Рассмотренные выше два погребения МНО располагают воинской символикой в составе погребального инвентаря. Почему в состав заупокойной утвари включили негодные к использованию костяные молоты – ответить однозначно нелегко, так же как и на вопрос, почему в обоих случаях нет золотых украшений, часто встречаемых в майкопских погребениях с оружием и инструментами деревообработки. Пока можно лишь подчеркнуть, что даже обломки костяных

молотов имели свое назначение при использовании их в символике погребальных ритуалов позднемайкопских племен.

В костях груди скелета из погр. 3 на пос. Чекон был найден костяной черенковый наконечник стрелы пулевидной формы (рис. 2: *2*). Длина наконечника – 5,5 см. Костяные наконечники стрел в медно-бронзовом веке были известны у носителей разных культур Южного Кавказа и Предкавказья. Костяной наконечник стрелы был зафиксирован в погр. 1 кург. 31 м-ка Чегем I (*Бетрозов, Нагоев*, 1984. С. 19. Рис. 47: *13, 14*). Погребение было разрушено и сохранилось плохо. В нем кроме наконечника стрелы найден бронзовый кинжал. Был ли наконечник стрелы причиной смерти погребенного человека или входил в состав погребального инвентаря, сказать трудно.

Два костяных наконечника стрел были найдены в богатейшем захоронении кургана 28 м-ка Клады, где на одной из стен каменной гробницы было изображение лука и колчана (*Резепкин*, 2012. С. 183. Рис. 54: *2*).

В Нальчикской гробнице два костяных наконечника стрел были покрыты золотой фольгой, что подчеркивает их высоко престижную роль в погребальном обряде (*Чеченов*, 1973. Рис. 28: *13, 14*).

Видимо, присутствие костяных наконечников стрел в составе заупокойного инвентаря могло быть связано с их какой-то специфической символикой лука и стрел в верованиях «майкопского» населения.

В военной экономике рассматриваемой эпохи стрелы с костяными пулевидными наконечниками были эффективны и просты в изготовлении. Не требовалось больших усилий по поиску для них исходного материала, какие возникали, к примеру, при использовании кремня или обсидиана, поскольку такое сырье нередко можно было добыть лишь на удаленных от места производства месторождениях. Но в погребальных ритуалах костяные наконечники как символы лука и стрел встречаются очень редко.

В раскопках В. В. Бочкового 2011 г. был обнаружен кремневый наконечник стрелы асимметричной формы со слегка скошенным основанием (рис. 2: *9*). Длина наконечника – 3 см. По своей форме наконечник сближается с наконечниками из погребений с сосудами псекупского варианта МНО, например, погр. 2 кург. 7 у ст. Владимировской (*Кореневский*, 2017. С. 64. Рис. 3: *17*).

К категории вооружения может быть отнесена находка каменного шара диаметром 3,2 см (рис. 2: *10*). Он напоминает каменные «пращевые» шарики из новосвободненских гробниц (*Резепкин*, 2012. Рис. 178: *1–3*).

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что на поселении Чекон в 2018 г. была обнаружена целая группа предметов, указывающих на изготовление оружия ударного действия из камня и кости. Зафиксированы также следы использования на поселении оружия для боя на дальней дистанции. Локализацию изготовления бронзового топора, естественно, установить трудно, но оригинальность его формы в серии топоров группы 2 майкопско-новосвободненской общности безусловна, что не исключает его связи с местной металлообработкой.

Формы каменных каплевидных топоров-клевцов пос. Чекон отражают некий новый и своеобразный сюжет в использовании этого типа оружия обитателями поселений причерноморской зоны с майкопской керамикой. Он находит потенциальные и вполне реальные параллели среди одновременных топоров культуры

воронковидных кубков Центральной и Северной Европы. Что означают эти аналогии, являются ли они индикатором передвижений людей – пока неясно и не стоит спешить с выводами, так как наши серии для сравнения еще невелики и представлены обломками орудий. Нельзя также упускать из виду, что формы оружия имеют свои особенности распространения и специфику конвергентного производства. Последний момент хорошо иллюстрируют редкие находки топоров каплевидных форм еще в нео/энеолите Кавказа.

Каменные топоры со скругленным обухом явно были в ходу не только у обитателей поселения Чекон. Они нашли применение у населения того же псекупского варианта майкопско-новосвободненской общности, но обитавшем на пос. Старотитаровское. Каплевидный каменный топор «чеконского» типа был включен в погребальный инвентарь воинского захоронения и в кургане у хут. Негрея. Однако надо отметить, что такая форма оружия является, видимо, локальной особенностью местного населения псекупского варианта в рамках общего ареала МНО в Предкавказье. К востоку от Причерноморской зоны МНО находки похожих на них топоров пока проблематичны (Бамут).

Ассортимент оружия ударного действия на поселении Чекон дополнялся костяными молотами и клевцами. Такой арсенал отражал активное производство оружия местным населением и относительную дешевизну последнего, особенно по сравнению с металлическим.

Сведения о находках наконечников стрел немногочисленны. Характерных наконечников стрел с шипом для племен поздней новосвободненской группы могильника Клады или наконечников стрел долинского варианта, локализованного в Центральном Предкавказье, не обнаружено.

Обилие находок оружия на поселении Чекон может подразумевать активность военных действий в районе проживания его населения, которые имели место в конце IV – начале III тыс. до н. э. в Причерноморской зоне, близкой к Таманскому полуострову и Керченскому проливу, практически на закате существования племен МНО. Одной из причин повышенной военной активности мог стать скотоводческий характер хозяйства майкопцев, часто предполагающий захват скота или его защиту. Не исключены и другие факторы, повлиявшие на изготовление оружия на рассматриваемом поселении, например, необходимость противостоять внешнему неприятелю, а также иные причины первобытных военных конфликтов (см. *Дейви*, 2009). Но отмеченные выше рассуждения умозрительны и нуждаются в более расширенной аргументации.

Наконец, стоит упомянуть еще один любопытный факт – полное отсутствие оружия в погребальном инвентаре всех захоронений поселения Чекон и погребения на поселении Старотировское (*Кореневский, Давудов*, 2019).

Столь необычная ситуация с находками оружия на поселении Чекон, несомненно, требует дальнейшего обсуждения и исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Абибулаев О. А., 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм. 223 с.

Бетрозов Р. Ж., Нагоев. А. Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 1 / Ред. В. И. Марковин. Нальчик: Эльбрус. С. 7–87.

Бианки А. М., Днепровский К. А., 1988. Об одном из вариантов погребального обряда майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи / Ред. П. У. Аутлев. Майкоп. С. 71–85.

Бочковой В. В., 2013. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках поселения Чекон и кургана у с. Юровка в 2011 г.: в 6 т. Краснодар // Архив ИА РАН.

Бочковой В. В., Марченко И. И., Лимберлис Н. Ю., Резепкин А. Д., 2013. Поселение майкопской культуры Чекон // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Вып. 1 / Ред. Н. И. Кирей и др. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 5–18.

Дейви М., 2009. Эволюция войн. М.: Центрполиграф. 381с.

Клещенко А. А., 2018. Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М. В. Андреева. М.: ИА РАН. С.154–252.

Клещенко А. А., 2019. Новейшие исследования погребений майкопской культуры в Баксанском ущелье и их интерпретация // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века: Сб. ст. к 90-летию Р. М. Мунчаева / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: ИА РАН. С. 130–154.

Кореневский С.Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус. М. 336 с.

Кореневский С. Н., 2013. Втульчатое оружие из камня и кости в погребальном обряде майкопско-новосвободненской общности // КСИА. Вып. 229. С.11–24.

Кореневский С. Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала меднобронзового века (V–IV тысячелетия до н. э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии: Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: ИА РАН. М. 283 с.

Кореневский С. Н., 2018. На пороге цивилизации. Майкопско-новосвобод-ненская общность. Западный Кавказ (Обзор новых источников и проблема протоцивилизации) // МИАСК Материалы и исследования по археологии Кавказа. Вып. 16. Армавир; Краснодар: Новация. С. 7–42.

Кореневский С. Н., 2019. О хронологии майкопско-новосвободненской общнсти в свете новых данных и дискуссий // КСИА. Вып. 257. С. 48–64.

Кореневский С. Н., Давудов Ш. О., 2019. Поселение эпохи раннего бронзового века у станицы Старотитаровской Краснодарского края и найденное на нем погребение // КСИА. Вып. 255. С. 127–138.

Кореневский С. Н., Юдин А. И., 2019. Поселения майкопско-новосвободненской общности Тузла-15 и Чекон: особенности культурного слоя и стратиграфия (предварительное сообщение) // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 60–69.

Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г., 2005. Поселение Михайловское – эталонный памятник ямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский дом. 316 с. (Труды ИИМК РАН; т. 20.)

Котова Н. С., 2013. Дереивская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан. 483 с.

Лесков А. М., Днепровский К. А., 1984. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1984 году // Архив ИА РАН Р-1 № 10482.

Марковин В. И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М.: АН СССР. 151 с. (МИА; № 93.)

Мартиросян А. А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: АН Армянской ССР. 313 с.

Мартиросян А. А., Мнацаконян А. О., 1973. Приереванский клад древней бронзы // КСИА. Вып. 134. С. 122–127.

Мунчаев Р. М., 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: АН СССР. 165 с. (МИА; № 100.)

Нариманов И. Г., 1987. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку: Элм. 259 с.

Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основании материалов могильника Клады). СПб.: Нестор-История. 342 с. (Труды ИИМК РАН; т. 37.)

Торосян Р., 1976. Раннеземледельческое поселение Техута (IV тысячелетие до н. э.). Ереван: АН Армянской ССР. 173 с.

Трифонов В. А., 1991. Степное население Прикубанья в эпохи энеолита – средней бронзы // Древние культуры Прикубанья / Отв. ред. В. Л. Массон. Л.: Наука. С. 92–196.
Чеченов И. М., 1973. Нальчикская гробница. Нальчик: Эльбрус. 66 с.
Шилов В. П., 1982. Топор майкопской культуры в Калмыкии // СА. № 1. С. 214–218.
Эрдниев У. Э., 1982. Курган древнеямной культуры в Калмыкии // СА. № 1. С. 213–214.
Юдин А. И., Кочетков Ю. Е., 2019. Майкопское поселение Чекон на Кубани и проблемы культурных взаимодействий // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 83–87.

Badalyan R. S., Harutyunyan A. A., Chataigner C., Le Mort F., Chabot J., Brochier J. E., Balasescu A., Radu V., Hovsepyan R., 2010. The Settlement of Aknashen-Khatunarkh, a neolithic site in the Ararat plein (Armenia): excavation results 2004–2009 // Tuba-Ar. Vol. 13. P. 185–218.
Grisse A., 2006. Früh und Mittelkupferzeitliche Streitäxte im westlichen Mitteleuropa. Bonn: Habelt. 330 S.
Zàpotocký M., 1992. Streitäxte des mitteleiropäishen Äneolithiums. Weinheim: VCH. 563 S. (Quellen und Forschungen zur prähistorischen und provinzialrömischen Archäologie; 6.)

Сведения об авторах

Кореневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru;

Юдин Александр Иванович, Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, ул. Глебучев Овраг, 492, Саратов, 410003, Россия; e-mail: Aleyudin@yandex.ru

S. N. Korenevskiy, A. I. Yudin

WEAPONS MADE FROM METAL, STONE AND BONE FROM THE CHEKON SETTLEMENT

Abstract. The paper discusses new finds of weapons made of bronze, stone and bone retrieved from the Chekon settlement in the Anapa district, Krasnodar region. All weapon items were discovered in the pits of the occupation layer; they date to the second half of the IV – early III mill. BC. The bronze axe is particularly noteworthy. It is attributed to group 2.2 of the Maykop-Novosvobodnaya culture. Stone axes have been preserved in fragments and are clearly linked to local production. Stone axes are rare finds at the Maykop-Novosvobodnaya settlements. Regarding the distinctive features of the shape, the Chekon axes are referred to the axes with a round drop-shaped butt (Rundnackenäxte according to the classification of axes in Central Europe) and two-bladed axes (Doppeläxte). Axes with a round drop-shaped butt have analogies among stone weapons of the South Caucasus, but more frequently, among axes of Central and Northern Europe. These analogies pose the problem of how such a form of weapons ended up at the sites of the North Pontic region of the Maykop-Novosvobodnaya community. Numerous finds of similar weapons at Chekon reflect intensive military operations in this locality during the late stage and the final stage of Maykop-Novosvobodnaya community.

Keywords: Fore-Caucasus, Maykop-Novosvobodnaya community, settlement, axes, spikes, analogies, war.

REFERENCES

Abibulayev O. A., 1982. Eneolit i bronza na territorii Nakhichevanskoy ASSR [Eneolithic and Bronze Age in territory of Nakhichevan ASSR]. Baku: Elm. 223 p.

Betrozov R. Zh., Nagoyev. A. Kh., 1984. Kurgany epokhi bronzy u seleniy Chegem I, Chegem II i Kishpek [Bronze Age kurgans near villages Chegem I, Chegem II and Kishpek]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria]*, 1. V. I. Markovin, ed. Nal'chik: El'brus, pp. 7–87.

Bianki A. M., Dneprovskiy K. A., 1988. Ob odnom iz variantov pogrebal'nogo obryada maykopskoy kul'tury [On one variant of burial rite of Maykop culture]. *Voprosy arkheologii Adygei [Problems of archaeology of Adygea]*. P. U. Autlev, ed. Maykop, pp. 71–85.

Bochkovoy V. V., 2013. Otchet Krasnodarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh poseleniya Chekon i kurgana u s. Yurovka v 2011 g.: v 6 tomakh. Krasnodar [Report of Krasnodar archaeological expedition on excavations of settlement Chekon and kurgan near village Yurovka in 2011: 6 vols. Krasnodar]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Bochkovoy V. V., Marchenko I. I., Limberis N. Yu., Rezepkin A. D., 2013. Poseleniye maykopskoy kul'tury Chekon [Settlement of Maykop culture Chekon]. *Arkheologiya i etnografiya pontiysko-kavkazskogo regiona [Archaeology and ethnography of Ponto-Caucasian region]*, 1. N. I. Kirey, ed. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet, pp. 5–18.

Chechenov I. M., 1973. Nal'chikskaya grobnitsa [Nal'chik tomb]. Nal'chik: El'brus. 66 p.

Davie M., 2009. Evolyutsiya voyn [Evolution of war]. Moscow: Tsentrpoligraf. 381 p.

Erdniyev U. E., 1982. Kurgan drevneyamnoy kul'tury v Kalmykii [Pit-grave culture kurgan in Kalmykia]. *SA*, 1, pp. 213–214.

Kleshchenko A. A., 2018. Kamennyye vtul'chatyye topory epokhi sredney bronzy Predkavkaz'ya: klassifikatsiya i khronologiya [Stone shaft-hole axes of Fore-Caucasus Middle Bronze Age: classification and chronology]. *Arkheologicheskiye pamyatniki i mezhkul'turnyye fenomeny eneolita i bronzovogo veka [Archaeological sites and intercultural phenomena of Eneolithic and Bronze Age]*. M. V. Andreyeva, ed. Moscow: IA RAN, pp. 154–252.

Kleshchenko A. A., 2019. Noveyshiye issledovaniya pogrebeniy maykopskoy kul'tury v Baksanskom ushchel'ye i ikh interpretatsiya [Recent excavations of Maykop graves in Baksan gorge and their interpretation]. *Gory Kavkaza i Mesopotamskaya step' na zare bronzovogo veka [Caucasian mountains and Mesopotamian steppe on the dawn of the Bronze Age]*. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 130–154.

Korenevskiy S. N., 2011. Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt [Earliest metal of Fore-Caucasus. Typology. Historical-cultural aspect]. Moscow: Taus. 336 p.

Korenevskiy S. N., 2013. Vtul'chatoye oruzhiye iz kamnya i kosti v pogrebal'nom obryade maykopsko-novosvobodnenskoy obshchnosti [Stone and antler socketed weapons in the burial rite of Maikop-Novosvobodnaya entity]. *KSIA*, 229, pp. 11–24.

Korenevskiy S. N., 2017. Oruzhiye v kompleksakh kul'tur nachala medno-bronzovogo veka (V–IV tysyacheletiya do n. e.). Ocherki voyenizatsii drevnikh obshchestv po dannym arkheologii: Podunav'ye, yug Vostochnoy Evropy, Kavkaz, Blizhniy Vostok [Weapons in cultural complexes of early Copper-bronze Age (V–IV millennium BC). Essays on militarization of ancient societies based on data of archaeology: Danube basin, South of Eastern Europe, Caucasus, Near East]. V. I. Molodin, ed. Moscow: IA RAN. 283 p.

Korenevskiy S. N., 2018. Na poroge tsivilizatsii. Maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost', Zapadnyy Kavkaz [On the threshold of civilization. Maykop-Novosvobodnaya entity, West Caucasus]. *MIASK*, 16. Armavir; Krasnodar: Novatsiya, pp. 7–42.

Korenevskiy S. N., 2019. O khronologii maykopsko-novosvobodnenskoy obshchnosti v svete novykh dany i diskussiy [Chronology of Maykop-Novosvobodnaya entity in the light of new data and discussions]. *KSIA*, 257, pp. 48–64.

Korenevskiy S. N., Davudov Sh. O., 2019. Poseleniye epokhi rannego bronzovogo veka u stanitsy Starotitarovskoy Krasnodarskogo kraya i naydennoye na nem pogrebeniye [Early Bronze Age settlement near village of Starotitarovskaya, Krasnodar Region and burial discovered at the site]. *KSIA*, 255, pp. 127–138.

Korenevskiy S. N., Yudin A. I., 2019. Poseleniya maykopsko-novosvobodnenskoy obshchnosti Tuzla-15 i Chekon: osobennosti kul'turnogo sloya i stratigrafiya (predvaritel'noye soobshcheniye) [Settlements of Maykop-Novosvobodnaya entuty Tuzla-15 and Chekon: features of cultural deposit and stratigraphy (preliminary information)]. *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n. e. [Phenomena of Early Bronze Age cultures of Eurasia steppe and forest-steppe belt: paths of cultural interaction in V–III mill. BC]*. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 60–69.

Korobkova G. F., Shaposhnikova O. G., 2005. Poseleniye Mikhaylovka – etalonnyy pamyatnik yamnoy kul'tury (ekologiya, zhilishcha, orudiya truda, sistemy zhizneobespecheniya, proizvodstvennaya struktura) [Mikhaylovka settlement – a reference site of Yamnaya culture (ecology, dwellings, tools, life support systems, production structure)]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. 316 p. (Trudy IIMK RAN, 20.)

Kotova N. S., 2013. Dereivskaya kul'tura i pamyatniki Nizhnemikhaylovskogo tipa [Dereivka culture and sites of Nizhnyaya Mikhaylovka type]. Kiev; Kharkov: Maydan. 483 p.

Leskov A. M., Dneprovskiy K. A. 1984. Otchet o rabote Kavkazskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo muzeya iskusstva narodov Vostoka v 1984 godu [Report on the work of Caucasian archaeological expedition of State Museum of Oriental art in 1984]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Markovin V. I., 1960. Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy [Culture of North Caucasus tribes in Bronze Age]. Moscow: AN SSSR. 151 p. (MIA, 93.)

Martirosyan A. A., 1964. Armeniya v epokhu bronzy i rannego zheleza [Armenia in Bronze and Early Iron Age]. Erevan: AN Armyanskoy SSR. 313 p.

Martirosyan A. A., Mnatsakonyan A. O., 1973. Priyerevanskiy klad drevney bronzy [Erevan hoard of ancient bronzes]. *KSIA*, 134, pp. 122–127.

Munchayev R. M., 1961. Drevneyshaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza [Earliest culture of Northeastern Caucasus]. Moscow: AN SSSR. 165 p. (MIA, 100.)

Narimanov I. G., 1987. Kul'tura drevneyshego zemledel'chesko-skotovodcheskogo naseleniya Azerbaydzhana [Culture of ancient agricultural and pastoral population of Azerbaijan]. Baku: Elm. 259 p.

Rezepkin A. D., 2012. Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady») [Novosvobodnaya culture (based on materials from «Klady» cemetery)]. St. Petesrburg: Nestor-Istoriya. 342 p. (Trudy IIMK RAN, 37.)

Shilov V. P., 1982. Topor maykopskoy kul'tury v Kalmykii [Axe of Maykop culture from Kalmykia]. *SA*, 1, pp. 214–218.

Torosyan R., 1976. Rannezemledel'cheskoye poseleniye Tekhuta (IV tysyacheletiye do n. e.) [Early agricultural settlement of Tekhut (IV millennium BC)]. Erevan: AN Armyanskoy SSR. 173 p.

Trifonov V. A., 1991. Stepnoye naseleniye Prikuban'ya v epokhi eneolita – sredney bronzy [Steppe population of Kuban region in Eneolithic – Middle Bronze Age]. *Drevniye kul'tury Prikuban'ya [Ancient cultures of Kuban region]*. V. L. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 92–196.

Yudin A. I., Kochetkov Yu. E., 2019. Maykopskoye poseleniye Chekon na Kubani i problemy kul'turnykh vzaimodeystviy [Maykop settlement Chekon in Kuban region and issues of cultural interactions]. *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n. e. [Phenomena of Early Bronze Age cultures of Eurasia steppe and forest-steppe belt: paths of cultural interaction in V–III mill. BC]*. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 83–87.

About the authors

Korenevskiy Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru;

Yudin Alexander I., Research Center for the Preservation of cultural Heritage, ul. Glebuchev Ovrag, 492, Saratov, 410003, Russian Federation; e-mail: Aleyudin@yandex.ru

В. Ю. Луньков, Ю. В. Лунькова, А. А. Шевченко

О КЕРАМИЧЕСКОМ СОСУДЕ РЕДКОЙ ФОРМЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ[1]

Резюме. В статье рассматривается сосуд редкой формы эпохи поздней бронзы из погребения 5 кургана 44 могильника Колбино I и предпринимается попытка определения его места среди аналогичных находок столовой посуды. Отличительные черты сосуда: квадратная в плане форма, плоское дно, вертикальные стенки, орнамент по верхнему срезу, налепные выступы-ручки. С целью выяснения возникновения и динамики развития подобной формы сосудов привлечены более ранние (начиная с неолита), синхронные и поздние свидетельства керамического производства. Рассмотренные данные свидетельствуют об особой роли, которую играли данные сосуды в обрядовой практике при совершении погребений. Наиболее близкие аналогии как отдельным элементам, так и их сочетанию прослеживаются с находками блюд-подносов из могильников федоровской культуры позднего бронзового века, что является еще одним свидетельством тесных контактов носителей срубной и федоровской традиций.

Ключевые слова: столовая посуда, четырехугольный сосуд, блюдо-поднос, орнаментация, срубная культура, федоровская культура, Средний Дон.

Курганный могильник Колбино I открыт П. Д. Либеровым в 1957 г. в ходе разведок Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР (*Либеров*, 1958. С. 18). С 1993 по 2008 г. исследовался Потуданской (ныне Донской) археологической экспедицией ИА РАН под руководством В. И. Гуляева (*Гуляев*, 2008. С. 7–16)[2]. Памятник расположен вблизи с. Колбино Репьевского

[1] Работа выполнена в рамках плановой темы «Содержание и тенденции культурного процесса на территории Евразии в первобытности по данным археологических источников» (номер темы: АААА-А18-118011790090-1).

[2] Огромную благодарность авторы выражают В. И. Гуляеву за возможность использовать в работе неопубликованные материалы.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.151-165

района Воронежской области, в 2,5 км к северо-востоку от с. Терновое и в 3 км к югу от с. Солдатское.

В 2007 г. исследовательские работы проводились в северо-западной части памятника, на кургане № 44. Большинство погребений, изученных Донской экспедицией в этом могильнике, относились к среднедонской культуре скифского времени – V–IV вв. до н. э. Однако планиграфическое расположение кургана № 44 заставляло задуматься о его культурной принадлежности, так как на краю водораздельных плато на рассматриваемой территории обычно располагались курганы эпохи бронзы. Под насыпью выявлено 8 погребений, относимых к срубной культуре лесостепной зоны Волго-Донского междуречья (*Лунькова*, 2002). Особое внимание привлек сосуд редкой формы из погр. 5, который встречен на данной территории впервые.

Кратко остановимся на описании погр. 5. Оно было совершено практически на материковом основании, без углубления. В плане яма имела вытянуто-овальную форму, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, размеры – 1,9 × 1,10 м (рис. 1: *I*). На дне обнаружено парное захоронение детей, в котором находились три сосуда у костяка № 1 (рис. 1: *II-1–3*) и один сильно фрагментированный – у костяка № 2 (рис. 1: *II-4*). Особенно интересен четырехугольный в плане сосуд. Он имеет подквадратную форму со слегка закругленными углами, плоское дно, вертикальные стенки и расположенные по углам одной из сторон налепные выступы-ручки с круглыми вертикальными отверстиями. Размеры сосуда: в верхней части – 12,8 × 11,4 см, высота – 5,5 см, толщина выступов-ручек – 0,7–1,1 см, диаметр отверстий – 0,6–0,9 см. Венчик по верху украшен насечками (рис. 1: *II-1*).

Для проведения сравнительного анализа сосуда из могильника Колбино I была привлечена керамика из комплексов разного времени и различной культурной принадлежности. Часть материалов, приведенная ниже, не является аналогиями или прямыми предшественниками рассматриваемого экземпляра, а лишь демонстрирует общие тенденции развития плоских днищ, прямых вертикальных (или почти вертикальных) стенок, налепных ручек, а также квадратных, прямоугольных и овальных в плане форм. Встречаются и круглые в плане сосуды с перечисленными выше признаками, которые их выделяют среди прочих керамических изделий.

Сосуды овальной или округлой в плане формы с уплощенным дном и вертикальными стенками известны со времени неолита. Несколько экземпляров данных сосудов обнаружены в неолитической культуре эртебёлле[3] в Дании (рис. 2: *1*) (*Монгайт*, 1973. С. 188. Рис. на с. 190); значительная серия сосудов, изготовленных из камня, с ручками и орнаментом – на поселении Хирокития на Кипре (рис. 2: *2*) (Там же. С. 218. Рис. на с. 217, сосуд *5*); несколько круглых в плане, иногда с выступами-шишечками – в материалах лендьельской культуры, м-к Зенгöварконь, Венгрия (рис. 2: *3*) (Там же. Рис. на с. 236, *D*); круглые в плане с уплощенным дном – на памятниках культуры лагоцца, Апеннины (рис. 2: *4*) (Там же. С. 298, 299. Рис. на с. 299).

[3] Определения культурной принадлежности памятников и интерпретация находок приводятся по данным авторов публикаций.

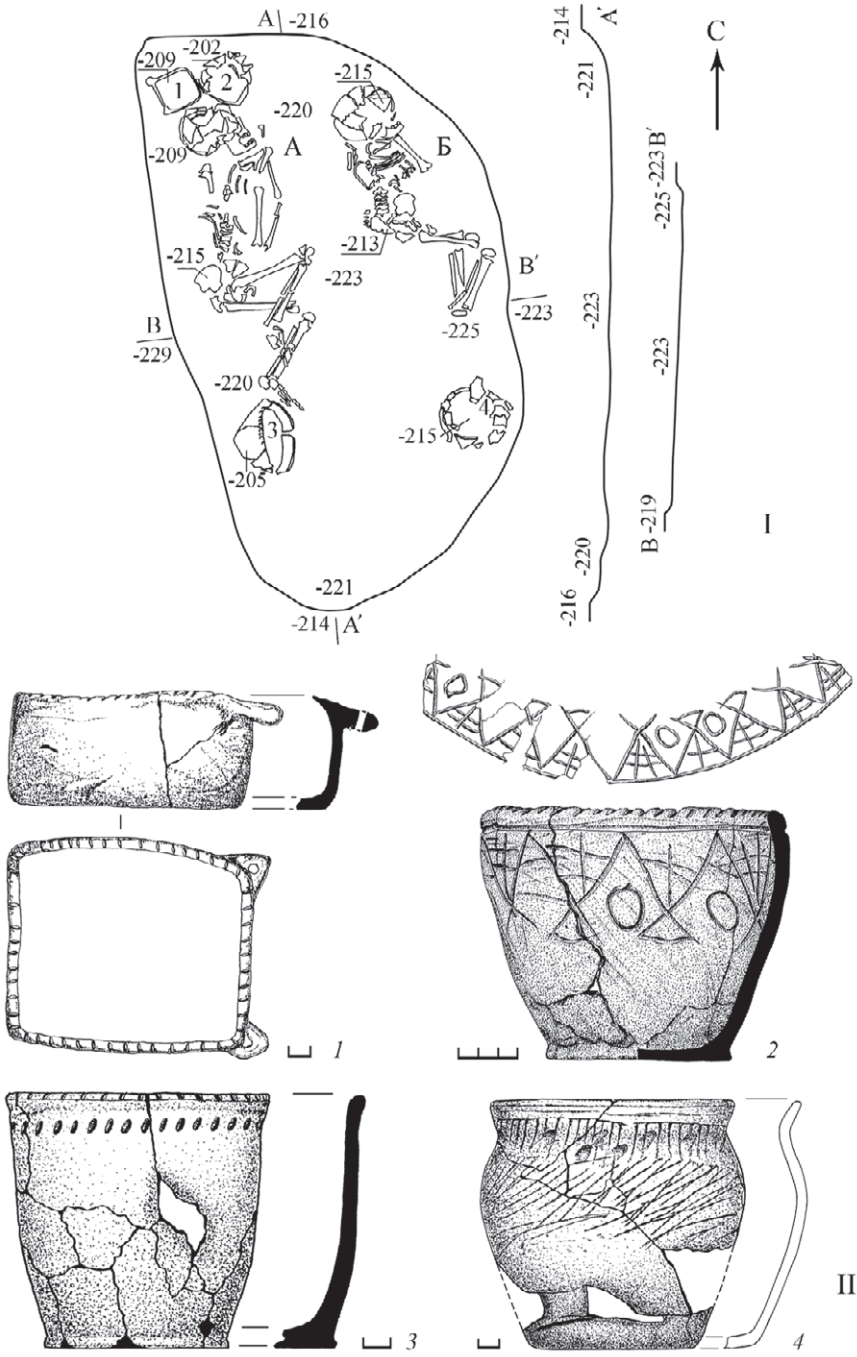


Рис. 1. Могильник Колбино I, курган 44, погребение 5

I – план погребения: А – костяк № 1, Б – костяк № 2; II – погребальный инвентарь: *1–4* – сосуды, номера аналогичны употребляемым в тексте и в пункте I данного рисунка

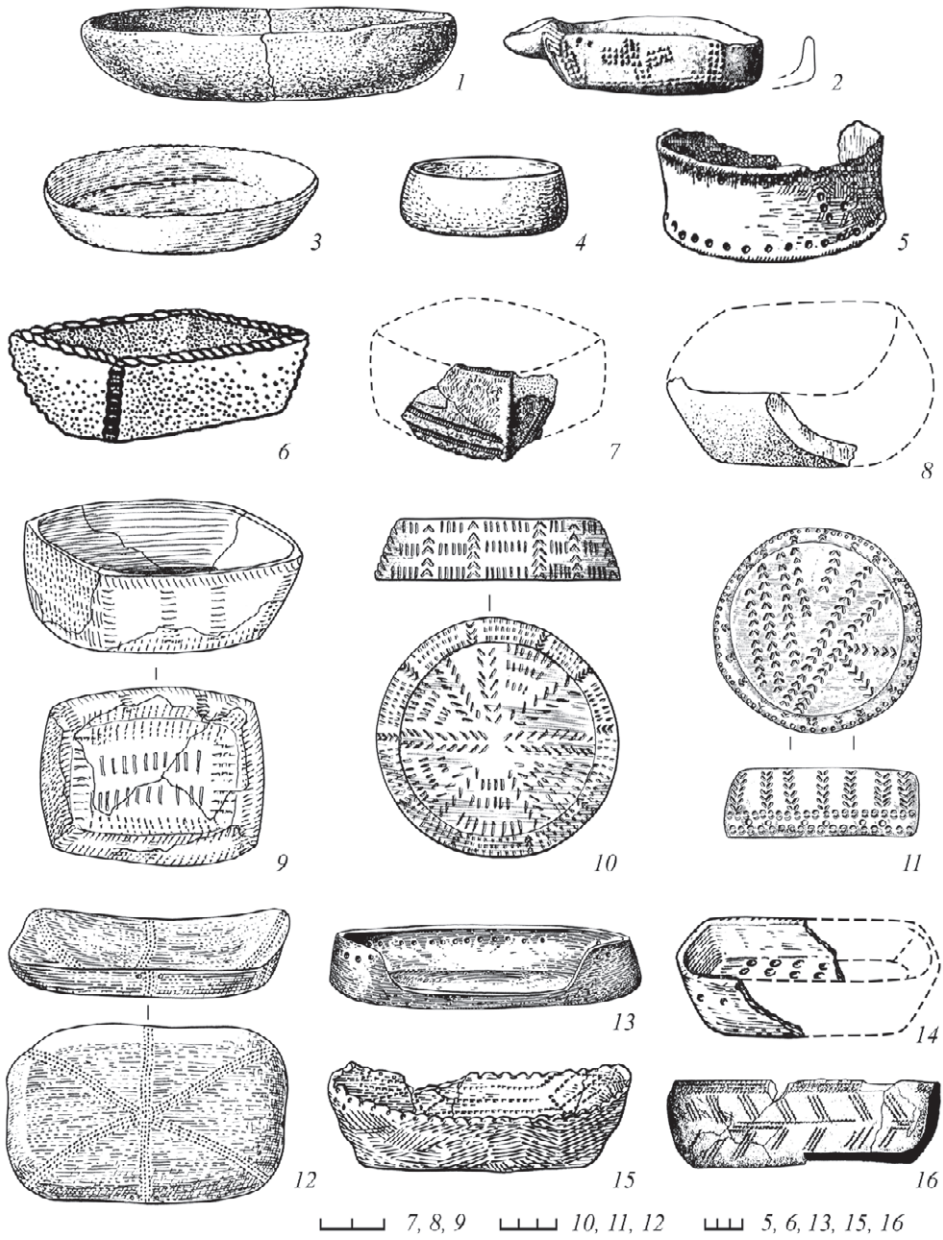


Рис. 2. Сосуды. Неолит – средний бронзовый век

1 – к-ра эртебёлле, без масшт.; *2* – Хирокития, пос., без масшт.; *3* – Зенгöваркони, м-к, без масшт.; *4* – к-ра лагоцца, без масшт.; *5* – Ольшанка, к. 3; *6* – Усатово, 2-й грунт. м-к, культ. яма № 2; *7, 8* – Маяки 1, пос.; *9* – Константиновское, пос.; *10* – Суемцы, гробница II; *11* – Слободка Кошиловецкая, гробница; *12* – Кишпек, к. 1; *13* – Карабудахкентский II м-к, п. 1; *14, 15* – Абора I, пос.; *16* – Григорьевка, к. 3, п. 17

1, 3–11, 13–16 – керамика; *2* – камень; *12* – бронза

В энеолите помимо подовальных и круглых появляются подпрямоугольные в плане формы. На территории трипольской культуры они обнаружены: в погр. кургана 3 Ольшанки – подовальное изделие со сквозными проколами по всей высоте тулова (рис. 2: *5*) (*Збенович*, 1974. С. 154. Рис. 45: *6*); в Усатовском 2-м грунтовом м-ке – подпрямоугольной формы сосуд с плоским дном, невысокими стенками и орнаментом (рис. 2: *6*) (*Патокова*, 1979. С. 120, 139. Рис. 37: *31*; 44: *8*), а также два фрагментированных сосуда с плоским дном и вертикальными стенками (Там же. С. 29, 127. Рис. 9: *2*; 48: *10*); с поселения Маяки 1 – фрагменты трех сосудов подпрямоугольной и овальной формы (рис. 2: *7, 8*), два из них орнаментированы (*Збенович*, 1974. С. 87, 94. Рис. 33: *14*; 36: *10, 11*); с Константиновского поселения на Нижнем Дону – плоскодонная с вертикальными стенками форма, полностью покрытая орнаментом, включая дно (рис. 2: *9*) (*Кияшко*, 1994. С. 42. Рис. 25: *1*).

На памятниках культуры шаровидных амфор (с территория Житомирской и Тернопольской областей) известен ряд неглубоких сосудов, в большинстве случаев с орнаментом, покрывающим всю внешнюю поверхность, интерпретируемых И. К. Свешниковым как крышки для сосудов. Примеры использование их в качестве крышек автором не приводятся. Сходные по форме и богатому орнаменту сосуды происходят с таких памятников, как: Суемцы, гробница II (2 экз.) (рис. 2: *10*) (*Свешников*, 1983. С. 31. Рис. XII: *2*, *7*); Колосовка, яма в кургане (Там же. С. 33. Рис. XIII: *1*); Слободка Кошиловецкая, гробница – три очень похожих между собой экземпляра (рис. 2: *11*) (Там же. С. 44. Рис. XX: *4, 5, 9*); м-к Хартоновцы, гробница II, погр. 2 и 5 (Там же. С. 49. Рис. XXII: *12, 17*).

На поселении Маштоцблур (Закавказье) обнаружен фрагмент круглого плоскодонного сосуда (*Мунчаев*, 1982. С. 122. Табл. XLVII: *8*).

С наступлением эпохи бронзы территория находок этой категории посуды расширяется. На Кавказе известно несколько подобных блюд: в кургане 1 м-ка Кишпек майкопской культуры найдено бронзовое плоскодонное ладьевидное блюдо с пуансонным орнаментом (рис. 2: *12*) (*Мунчаев*, 1994. С. 209. Табл. 56: *5*); из погр. 1 м-ка Карабудахкент II происходит плоскодонная подовальная жаровня со сквозными отверстиями по верхней части стенок и вырезом на одной длинной стороне (рис. 2: *13*) (*Марковин*, 1994. С. 299. Табл. 91: *9*).

На памятниках культуры шнуровой керамики в Восточной Прибалтике также встречаются керамические изделия подобных форм, два из которых обнаружены, в частности, на стоянке Абора I: подпрямоугольное плоскодонное блюдо, у которого ямочный орнамент нанесен на внешнюю сторону стенки, верхний срез и внутреннюю часть дна (рис. 2: *14*) (*Крайнов, Лозе*, 1987. С. 54. Рис. 22: *2*), и сосудподовальной (ладьевидной) формы с плоским дном, высокими стенками, орнаментом по срезу и внутренней стороне, а также со сквозными проколами по верхней части стенки (рис. 2:*15*) (*Гурина*, 1996. С. 152. Рис. 48: *56*). На поселении Швянтойи найдена подовальная ванночка (по интерпретации авторов публикации) с выгнутыми наружу стенками, орнамент нанесен по верхнему срезу и внутри по стенкам и дну (*Крайнов, Лозе*, 1987. С. 53. Рис. 22: *11*).

Известна подобная посуда (хотя и в небольшом количестве) и среди катакомбных материалов: 2 экз. происходят из погр. 17 кургана 3 Григорьевки –

круглые в плане, с плоским дном и орнаментом по внешней стороне и (у одного экз.) по верхнему срезу (рис. 2: *16*) (*Тощев, Шахров*, 1992. С. 62. Рис. 5: *5, 6*).

Круглое блюдо (блюдце) с плоским дном, вертикальными стенками и орнаментом найдено в потаповском кургане 2 (погр. 3) Утевского VI м-ка (рис. 3: *1*) (*Васильев и др.*, 1994. С. 44. Рис. 59: *4*). По типологии керамики синташтинской культуры В. В. Ткачева и А. И. Хаванского, этот сосуд относится к подтипу VIII. 1.1. – блюда овальной или округлой формы (*Ткачев, Хаванский*, 2006. С. 42. Рис. 65: *21*). По типологии потаповской керамики О. Д. Мочалова – к отделу Б-IV (*Мочалов*, 2008. С. 135, 141. Табл. 41; 51). Этими авторами сосуд отнесен к редким формам.

На относимом к петровской культуре м-ке Кривое Озеро в заполнении погр. 5 кургана 10 найдена орнаментированная «миниатюрная имитация (?) сосуда квадратной в плане формы… с округлым вместилищем и с четырьмя ручками по углам» (рис. 3: *2*) (*Виноградов*, 2003. С. 145. Рис. 64: *14*; 100: *45*).

Материалы позднего бронзового века более многочисленны.

Миниатюрное (около 4,5 × 4 см) четырехугольное в плане изделие обнаружено в раскопе IV поселения Раздольное в Приазовье. Оно имеет плоское дно, вертикальные стенки и покрыто наколами по внешней стороне. Авторы интерпретируют его как льячку и относят к раннесрубному времени (*Горбов, Усачук*, 2001. С. 166. Рис. 24: *1*).

На поселении Червона Гребля (Винницкая обл.) среди сабатиновской керамики обнаружено небольшое подовальное блюдо (рис. 3: *3*) (*Ванчугов, Кушнир*, 1980. С. 119–121. Рис. 1: *6*). Также к сабатиновским относятся материалы поселения Ильичевка (Донецкая обл.), где обнаружена овальная сковорода с невысоким, загнутыми внутрь стенками (рис. 3: *4*) (*Шаповалов*, 1976. С. 154, 166. Рис. 8: *10*).

На собственно срубных памятниках сосуды рассматриваемых форм редки. Можно упомянуть фрагмент грубо изготовленного подовального изделия из постр. 14 Мосоловского поселения (рис. 3: *5*) (*Пряхин, Беседин*, 1989. С. 121. Рис. 9: *12*). Несколько сосудов обнаружены на срубных памятниках, имеющих черты федоровской культуры. В погр. 2 кургана 1 м-ка Давлеканово найдено крупное блюдо (рис. 3: *6*) вытянутой подпрямоугольной формы, с четко выраженными углами, четырьмя выступами-ручками и отверстиями в них (*Сальников*, 1967. С. 167, 168. Рис. 19: *7*; *Кузьмина*, 1987. С. 53. Рис. 3: *27*). В числе материалов Ново-Балтачевского м-ка известно фрагментированное подовальное блюдо с орнаментом по стенкам и верхнему срезу (рис. 3: *7*) (*Сальников*, 1967. Рис. 26:*8*; *Кузьмина*, 1987. С. 53. Рис. 3: *23*).

Ближайшими аналогиями рассматриваемому блюду из могильника Колбино I являются сосуды из погребений западной части андроновского круга памятников, большинством исследователей относимых к федоровской культуре.

Из могильника Урефты I известны три блюда. Из погр. 2 кургана 4 происходит плоскодонное подпрямоугольное с орнаментом (рис. 3: *8*); а из погр. 3 этого же кургана – прямоугольное с отогнутым наружу краем, без орнамента (рис. 3: *9*). Еще одно, орнаментированное по дну, блюдо (курган 6, погр. 3) сохранилось фрагментарно (*Кузьмина*, 2008. Рис. 57: *3–5*). Небольшое подовальное блюдце найдено в могильнике Бурлук (рис. 3: *10*) (Там же. Рис. 68). В могильнике

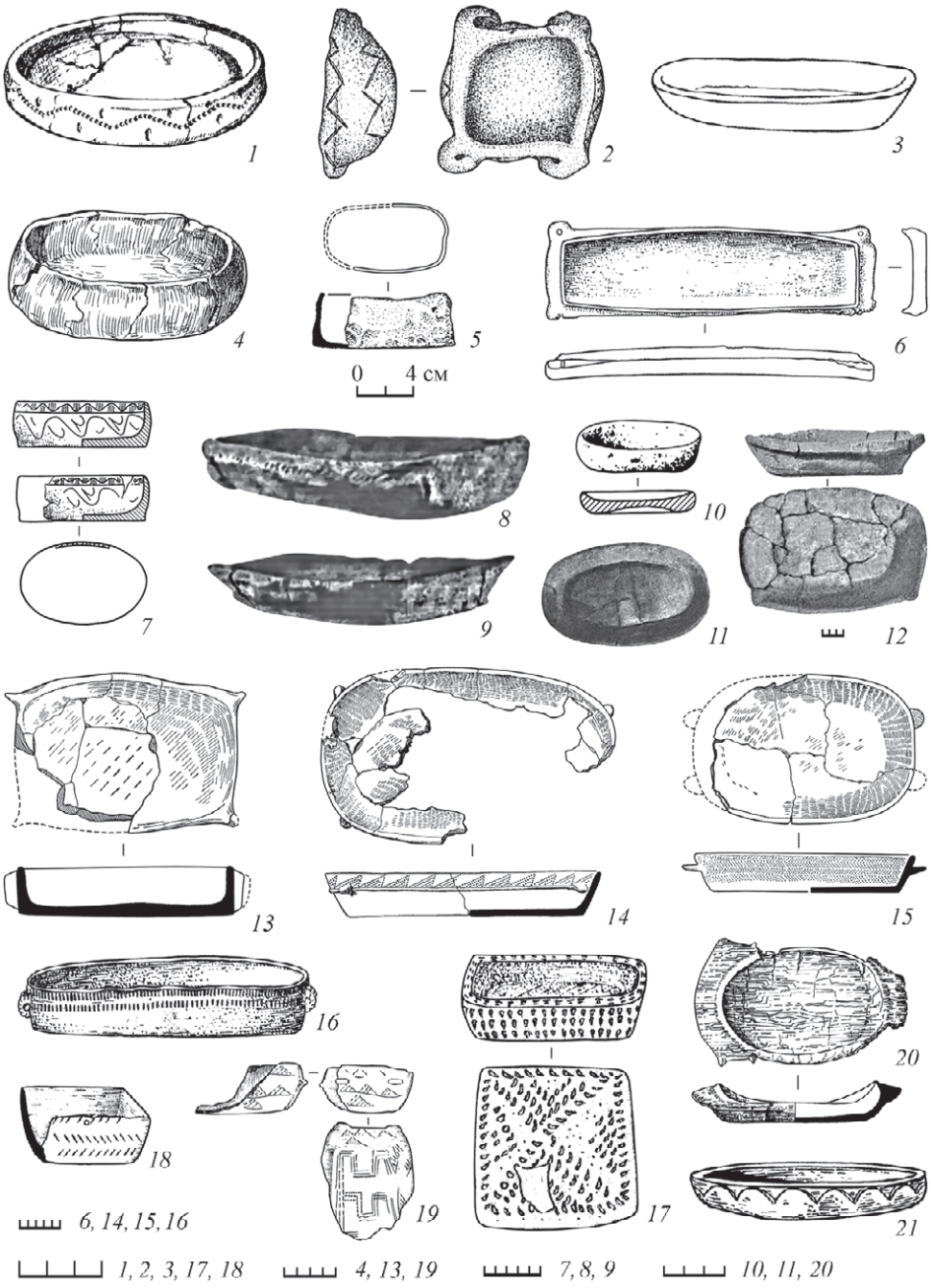


Рис. 3. Сосуды. Поздний бронзовый век – ранний железный век

1 – Утевка VI, к. 2, п. 3; *2* – Кривое Озеро, м-к, к. 10, я. 5, заполнение; *3* – Червона Гребля, пос.; *4* – Ильичевка, пос.; *5* – Мосоловское, пос., постр. 14; *6* – Давлеканово, к. 1, п. 2; *7* – Ново-Балтачевский м-к; *8* – Урефты 1, к. 4, п. 2; *9* – Урефты 1, к. 4, п. 3; *10* – Бурлук, м-к; *11* – Туктубаево, к. 26, п. 2; *12* – Туктубаево, к. 32, п. 3; *13* – Сухомесово, к. 6; *14* – Сухомесово, к. 7; *15* – Федоровка, к. 39; *16* – Кинзерский, к. 73, п. 1; *17* – Сайгатино VI, пос.; *18, 19* – Томский м-к на Малом мысе; *20* – Пески, м-к; *21* – Пятимары II, м-к, без масштаба

1–20 – керамика; *21* – камень

Тактубаево обнаружено пять блюд овальной или прямоугольной формы, плоскодонных, с расширяющимися кверху стенками. Они происходят из погр. 2 кургана 26 (рис. 3: *11*) и погр. 3 кургана 32 (рис. 3: *12*); еще для двух экз. точные данные не указаны (*Кузьмина*, 1973. С. 155. Рис. 3: *1–5*). В Сухомесовском м-ке зафиксированы 2 блюда: в кургане 6 (в раскопках 1924 г. – курган 1) – подпрямоугольное, с четырьмя вертикальными выступами-ручками по углам, без орнамента (рис. 3: *13*), с мелкими обгорелыми человеческими костями внутри (*Сальников*, 1967. С. 303. Рис. 46: *14* (реконструкция); Андроновская культура…, 1966. С. 33. Табл. VII: *13*); в кургане 7 (в раскопках 1924 г. – курган 2) – фрагменты овального блюда с наклонными стенками, четырьмя налепными выступами-ручками с торцевых сторон и орнаментом (рис. 3: *14*) (*Сальников*, 1967. С. 303. Рис. 46: *15* (реконструкция); Андроновская культура…, 1966. С. 34. Табл. VIII: *1*). Близкое ему по форме, также фрагментированное, блюдо найдено в кургане 39 м-ка Федоровка. Оно имеет подовальную форму, вероятно, четыре налепных выступа-ручки с торцевых сторон, орнаментировано с внешней стороны стенок (рис. 3: *15*) (Андроновская культура…, 1966. Табл. IX: *4*). С этого же памятника происходят еще несколько прямоугольных блюд с выступами-ручками (Там же. С. 35).

Подовальное орнаментированное блюдо с 2 ручками, расположенными вертикально с торцов и имеющими горизонтальные отверстия (рис. 3: *16*), происходит из погр. 1 кургана 73 Кинзерского м-ка (*Сальников*, 1967. С. 257. Рис. 34: *11*; *Кузьмина*, 2008. Рис. 61: *11*).

Еще один сосуд обнаружен Н. Минко при раскопках могильника под Челябинском. Это подовальное блюдо с отогнутым окончанием венчика (*Кузьмина*, 2008. Рис. 56: *10*).

Для части исследованных памятников нам удалось найти только общее описание, без изображений. В курганном могильнике Смолино (южнее Челябинска) в разные годы помимо перечисленных были обнаружены 8 сосудов подпрямоугольной и овальной форм с выступами-ручками (Андроновская культура…, 1966. С. 23–27). В могильнике Исаковский (под Челябинском) были найдены 3 блюда с плоскими ушками (Там же. С. 29, 30).

На памятниках эпохи поздней бронзы других культурных образований также встречается интересующая нас посуда. Плоскодонное блюдо, подквадратое в плане, покрытое орнаментом с внешней стороны, по дну снаружи и по верхнему срезу, происходит из поселения СайгатиноVI под г. Сургутом (рис. 3: *17*) (*Кокшаров, Чемякин*, 1991. С. 51. Рис. 4: *3*). Два сосуда известны из Томского могильника на Малом мысе (еловская культура, Верхнее Обь-Иртышье): один – подпрямоугольный фрагментированный с плоским дном, прямыми стенками, сохранившимся одним отверстием и орнаментом по внешней стороне стенки (рис. 3: *18*) (*Косарев*, 1974. С. 70, 71. Рис. 24: *4*); второй – подовальный фрагментированный, с плоским дном, прямыми стенками, двумя или четырьмя ручками-выступами с отверстиями и орнаментом, в том числе и на дне (рис. 3: *19*) (Там же. Рис. 24: *6*).

С широким распространением гончарного круга и железных инструментов количество глиняных изделий с вертикальными стенками квадратной и прямоугольной в плане форм сокращается, хотя они и продолжают встречаться. Более представительны жаровни, столики-жертвенники на ножках, изготовленные

из камня. Ограниченный объем публикации не позволяет более детально рассмотреть изделия эпохи раннего железного века. Приведем лишь несколько.

В могильнике Пески скифского времени найдено деревянное ладьеобразное блюдо-поднос с двумя крупными ручками на торцах (рис. 3: *20*) (*Мелюкова*, 1989. С. 110. Рис. 46: *10*). Еще несколько деревянных блюд овальной формы с ручкой на одной из торцевых сторон обнаружены в могильниках Мастюгино и Солоха (Там же. Рис. 46: *17, 18*).

Интересное изделие найдено в савроматском могильнике Пятимары II (рис. 3: *21*). Формой, общими пропорциями, наличием орнамента блюдо напоминает ряд более ранних образцов, отличаясь лишь материалом – оно изготовлено из камня (*Смирнов*, 1989. С. 168. Табл. 69: *15*). Известна датируемая I–II вв. н. э. случайная находка глиняного блюда из некрополя Кобяковского городища (*Косяненко*, 1989. С. 35, 36. Рис. 1: *4*). В коллекции керамических изделий Согда V–VI вв. н. э. имеется плоская, круглая, с невысоким бортиком сковорода для выпечки хлеба (*Распопова, Шишкина*, 1999. С. 72. Табл. 16: *19*). Встречаются они и позже.

Большинство упомянутых выше сосудов, являясь столовой посудой, использовались в ритуальных целях и не привлекались для приготовления пищи. При их описании авторы публикаций употребляют чаще всего такие термины, как: блюдо, блюдо-поднос, блюдце; миска; плошка; чаша; сковорода; курильница, жаровня; жертвенник; крышка.

Функционально значительная часть приводимых сосудов могла использоваться и в качестве блюд, и в качестве подносов. Поэтому, на наш взгляд, правомерно, вслед за Г. Г. Пятых и другими исследователями называть часть из них блюдами-подносами (*Пятых*, 1984. С. 146).

Помимо использования в качестве столовой посуды некоторые сосуды могли иметь другое назначение, определить которое возможно зачастую только по косвенным признакам.

Серия каменных сосудов с поселения Хирокития имеет вертикальные стенки значительной высоты и одну массивную ручку. По морфологическим признакам и функциональному назначению они, скорее всего, относятся к ковшам (рис. 2: *2*).

На нескольких сосудах разного времени и разной культурной принадлежности нанесены сквозные проколы небольшого диаметра, явно не связанные с подвешиванием или только украшением. Отверстия могут быть расположены под верхним срезом – Слободка Кошиловецкая (по автору (*Свешников*, 1983. С. 44) – возле нижнего края керамических крышек), гробница культуры шаровидных амфор (рис. 2: *11*); Кишпек, курган 1 – майкопская культура (рис. 2: *12*); м-к Карабудахкент II, погр. 1, еще и с вырезом на одной длинной стороне (рис. 2: *13*); стоянка Абора I, культура шнуровой керамики (рис. 2: *15*). В погр. кургана 3 Ольшанки (трипольская культура) сквозные проколы нанесены под срезом, в придонной части и по тулову (рис. 2: *5*). Можно предположить, что функционально эти блюда являются курильницами или жаровнями.

Приведенные выше сосуды редких форм происходят, в большинстве своем, из погребальных памятников и, несомненно, несли ритуальную нагрузку. О неординарности этой посуды свидетельствует богатая орнаментация, состоящая

иногда из сложных композиций. Причем зачастую орнаментом покрывалась не только внешняя поверхность стенок, но и дно, в том числе и с внутренней стороны (рис. 2: *2*, *5–7, 9–11, 13, 16*; 3: *1, 2, 7, 8, 14–19, 21*). Часто украшался верхний срез, а в некоторых случаях орнамент по нему был нерегулярным (рис. 2: *6, 14, 15*; 3: *7, 17*).

Практически все привлекаемые сосуды изготовлены из глины, лишь изредка из бронзы (рис. 2: *12*) и камня (рис. 2: *2*; рис. 3: *21*), вероятно, по причине сложности обработки и ценности (металл) этих материалов. Изделия из камня получают широкое распространение в раннем железном веке, где они служат, в большинстве случаев, столиками-жертвенниками или жаровнями, т. е. должны быть отнесены к ритуальным предметам, а не к столовой посуде. Изделия из дерева редко сохраняются в материалах эпохи бронзы и более ранних. Обнаруженные имеют ряд особенностей, отличающих их от рассматриваемой разновидности столовой посуды. Известны также аналогичные им сосуды из глины. По способу применения они также относятся к блюдам-подносам, но, в отличие от рассматриваемых в связи с находкой в могильнике Колбино I, имеют ряд специфичных черт. У них низкие широко отогнутые борта, что сближает их с досками, используемыми в качестве подносов. На глиняных экземплярах практически отсутствует орнамент. Во многом форма таких деревянных сосудов диктовалась технологией их изготовления (*Ляшко*, 1994. С. 147). Для морфологического анализа мы их пока не привлекали.

О назначении сосудов судить сложно, т. к. в редких случаях фиксировались материальные остатки, связанные непосредственно с ними. Изучено небольшое количество погребений, в которых блюда достоверно использовались в качестве погребальных урн при трупосожжении на стороне или содержали напутственную пищу. В одиночном погр. кургана 2 м-ка Смолино в сосуде обнаружена «…белая масса… возможно… пепел сожженного трупа» (Андроновская культура…, 1966. С. 23). В кургане 6 Сухомесовского м-ка находилось блюдо с мелкими обгорелыми человеческими костями внутри (Там же. С. 33). В кургане 1 м-ка Давлеканово вместе с крупным, сильно вытянутым блюдом найдены ребра лошади (*Кузьмина*, 1987. С. 53). В Днепровско-Донецком регионе выявлено около 20 случаев обнаружения костей животных на деревянных блюдах-подносах (*Цимиданов*, 2004. С. 53).

На ряде сосудов фиксируются одна (рис. 2: *2*), две (нам известна только одна такая находка из погр. 5 кургана 44 м-ка Колбино I) или четыре налепных выступа-ручки, расположенных вертикально либо горизонтально. Иногда в них просверлены отверстия небольшого диаметра (рис. 3: *2, 6, 13–16, 20*). Известные нам сосуды происходят из памятников поздней бронзы. Сосуд из Кривого Озера (рис. 3: *2*), при общем сходстве формы и наличии орнамента, отличает округлое дно, а также характер оформления ручек, судя по рисунку, они не вылеплены целиком, а свернуты в виде петель. Автор публикации считает его миниатюрной имитацией более крупных сосудов (*Виноградов*, 2003. С. 145).

Четырехугольный сосуд из погр. 5 кургана 44 м-ка Колбино I относится к категории столовой посуды, использование которой возможно и в качестве блюд, и в качестве подносов. Находки подобных, тщательно обработанных и покрытых орнаментом, сосудов преимущественно в погребальных памятниках позволяют

считать их частью погребальных ритуалов и связывать с традицией помещения сопутствующей или жертвенной пищи в могилу.

В материалах собственно срубной культуры аналогии колбинскому сосуду нам не известны. Близки ему блюда-подносы, происходящие из срубно-федоровских погребений Давлекановского и Ново-Балтаческого могильников. Наибольшее сходство сосуда из Колбино I прослеживается с многочисленной серией более восточных, федоровских, находок из могильников. По нашему мнению, с ними следует связывать его происхождение. Определенные следы взаимодействия срубной и федоровской культур неоднократно отмечаются исследователями и рассматриваются в качестве контактов носителей этих сопредельных культурных образований (*Кузьмина*, 1987. С. 48–69 и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Андроновская культура. Памятники западных районов / Сост. В. С. Сорокин; отв. ред. М. П. Грязнов. М.; Л.: Наука, 1966. 65 с. 38 табл. (САИ; вып. В3-2.)

Ванчугов В. П., Кушнир В. Г., 1980. Новые памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в междуречье Южного Буга и Днестра // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя / Отв. ред. В. Н. Станко. Киев: Наукова думка. С. 119–127.

Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1994. Потаповский курганный могильник. Самара: Самарский ун-т. 208 с.

Виноградов Н.Б., 2003. Могильник бронзового века. Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. 362 с.

Горбов В. Н., Усачук А. Н., 2001. Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье // Археологический альманах. № 10 / Гл. ред. А. В. Колесник. Донецк: Лебедь. С. 155–196.

Гуляев В. И., 2008.Отчет о работе Донской экспедиции Института археологии РАН в Репьевском и Хохольском районах Воронежской области в 2007 г. (курганный могильник Колбино I – Терновое I, городище Россошки I) // Архив ИА РАН. Р1. № 31158.

Гурина Н. Н., 1996. Стоянки постнарвского типа // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука. С. 151–155.

Збенович В. Г., 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 176 с.

Кияшко В. А., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.). Азов: Азовский краеведческий музей. 131 с. (Донские древности; вып. 3.)

Кокшаров С. Ф., Чемякин Ю. П., 1991. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Омский гос. ун-т. С. 43–52.

Косарев М. Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука. 218 с.

Косяненко В. М., 1989. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобяковского городища (раскопки 1956–1962 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6 / Ред.: Т. Н. Абрамова и др. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во. С. 4–41.

Крайнов Д. А., Лозе И. А., 1987. Культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред.: О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев. М.: Наука. С. 51–57.

Кузьмина Е. Е., 1973. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологи Памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука. С. 153–164.

Кузьмина Е. Е., 1987. О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. С. 48–69.

Кузьмина Е. Е., 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА. 358 с. (История, археология и этнография Западного Казахстана.)

Либеров П. Д., 1958. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р1. № 1460.

Лунькова Ю. В., 2002. Погребальный обряд срубной культуры Волго-Донского междуречья: автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 20 с.

Ляшко С. Н., 1994. Деревообрабатывающее производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. Киев: Наукова думка. С. 133–151.

Марковин В. И., 1994. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии // Отв. ред.: К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 287–333. (Археология.)

Мелюкова А. И., 1989. Деревянная и металлическая посуда // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 110–113. (Археология СССР.)

Монгайт А. Л., 1973. Археология Западной Европы: Каменный век. М.: Наука. 355 с.

Мочалов О. Д., 2008. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. 252 с.

Мунчаев Р. М., 1982. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР / Отв. ред.: В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М: Наука. С. 93–164. (Археология СССР.)

Мунчаев Р. М., 1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии / Отв. ред.: К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 158–225. (Археология.)

Патокова Э. Ф., 1979. Усатовское поселение и могильники. Киев: Наукова думка. 187 с.

Пряхин А. Д., Беседин В. И., 1989. Типология керамики Мосоловского поселения // Поселения срубной общности / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 106–124.

Пятых Г. Г., 1984. О происхождении срубной культуры Поволжья // СА. № 2. С. 146–154.

Распопова В. И., Шишкина Г. В., 1999. Согд // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Г. А. Брыкина. М.: Наука. С. 50–77. (Археология.)

Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 408 с.

Свешников И. К., 1983. Культура шаровидных амфор. М.: Наука. 86 с. (САИ; вып. В1-27.)

Смирнов К.Ф., 1989. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 165–177. (Археология СССР.)

Ткачев В. В., Хаванский А. И., 2006. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара: Орский гуманитарно-технолог. ин-т. 180 с.

Тощев Г. Н., Шахров Г. И., 1992. Раскопки курганной группы у с. Григорьевка Запорожской области // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. III / Ред.: Г. Н. Тощев, Г. И. Шаповалов, Б. Д. Михайлов. Запорожье. С. 49–70.

Цимиданов В. В., 2004. Социальная структура срубного общества. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей. 204 с.

Шаповалов Т. А., 1976. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северном Донце // Энеолит и бронзовый век Украины / Ред.: С. С. Березанская, В. В. Отрощенко, Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка. С. 150–172.

Сведения об авторах

Луньков Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vlunkov69@yandex.ru;

Лунькова Юлия Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ylunkova@rambler.ru;

Шевченко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: she.shevchenko@yandex.ru

V. Yu. Lunkov, Yu. V. Lunkova, A. A. Shevchenko

A CERAMIC VESSEL OF A RARE SHAPE FROM THE LATE BRONZE AGE IN THE MIDDLE DON REGION

Abstract. The paper explores a vessel of a rare shape from the Late Bronze Age coming from grave 5, kurgan 44, of the Kolbino I burial ground. The authors make attempts to determine its place among similar finds of tableware. Distinctive features of the vessel include a shape square in the plan, a flat bottom, vertical walls, ornament along the upper edge and molded projecting handles. To clarify the origin and changes over time in development of vessels of the discussed shape, earlier (starting from the Neolithic Age), contemporary and later evidence of ceramic production was used. The examined evidence is indicative of a special role played by these vessels in the funerary rites during arranging burials. The closest analogies regarding both specific elements and their combinations can be traced among platter trays originating from the Fedorovka cemeteries of the Late Bronze Age which is another evidence of close contacts between the Timber-Grave and the Fedorovka traditions.

Keywords: tableware, quadrangular vessel, platter tray, ornamentation, Timber-Grave culture, Fedorovka culture, Middle Don region.

REFERENCES

Andronovskay akul'tura. Pamyatniki zapadnykh rayonov [Andronovo culture. Sites of western regions]. V. S. Sorokin, comp., M. P. Gryaznov, ed. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 65 p. 38 tabl. (SAI.)

Gorbov V. N., Usachuk A. N., 2001. Rannesrubno-mnogovalikovskiy gorizont poseleniya Razdol'noe v Priazov'e [Early timber-grave and multirib horizon of settlement Razdol'noye in Azov Sea littoral]. *Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological miscellany]*, 10. A. V. Kolesnik, ed. Donetsk: Lebed', pp. 155–196.

Gulyaev V. I. Otchet o rabote Donskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Rep'evskom i Khokhol'skom rayonakh Voronezhskoy oblasti v 2007 g. (kurgannyy mogil'nik Kolbino I – Ternovoe I, gorodishche Rossoshki I) [Report on work of Don expedition of Institute of archeology RAS in Rep'yevskiy and Khokholskiy districts, Voronezh region in 2007 (Kolbino I – Ternovoye I kurgan cemetery, Rossoshki I hillfort)]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Gurina N. N., 1996. Stoyanki postnarvskogo tipa [Settlements of post-Narva type]. *Neolitsevernoy Evrazii [Neolithic of Northern Eurasia]*. S. V. Oshibkina, ed. Moscow: Nauka, pp. 151–155.

Kiyashko V. A., 1994. Mezhdu kamnem i bronzoy (Nizhnee Podon'e v V–III tysyacheletiyakh do n. e.) [Between stone and bronze (Lower don region in V–III millennia BC)]. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey. 131 p. (Donskie drevnosti, 3.)

Koksharov S. F., Chemyakin Yu. P., 1991. Pamyatnik bronzovogo veka v okrestnostyakh d. Saygatino [Bronze Age site in vicinity of village Saygatino]. *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya [Ancient burials of Ob-Irtysh region]*. V. I. Matyushchenko, ed. Omsk: Omskiy gos. universitet, pp. 43–52.

Kosarev M. F., 1974. Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya [Ancient cultures of Tomsk-Narym Ob region]. Moscow: Nauka. 218 p.

Kosyanenko V., 1989. Khronologiya seroglinyanoy keramiki nekropolya Kobyakovskogo gorodishcha (raskopki 1956–1962 gg.) [Chronology of grey- clay ceramics of Kobyakovo hillfort cemetery (1956–1962excavations)]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya [Bulletin of Rostov regional museum of local lore]*, 6. T. N. Abramova, ed. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 4–41.

Kraynov D. A., LozeI. A., 1987. Kul'tury shnurovoy keramiki i lad'evidnykh toporov v Vostochnoy Pribaltike [Cultures of corded ware and boat-shaped axes in Eastern Baltic region]. *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR [Bronze Age of forest zone of the USSR]*. O. N. Bader, D. A. Kraynov, M. F. Kosarev, eds. Moscow: Nauka, pp. 51–57.

Kuzmina E. E., 1973. Mogil'nik Tuktubaevo i vopros o khronologii pamyatnikov fedorovskogo tipa na Urale [Tuktubaevo cemetery issue of chronology of Fyodorovka type sites in Urals]. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri [Issues of archaeology of Urals and andSiberia]*. A. P. Smirnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 153–164.

Kuzmina E. E., 1987. O zapadnykh svyazyakh andronovskikh plemen [On western relations of Andronovo tribes]. *Mezhplemennye svyazi epokhi bronzy na territorii Ukrainy [Intertribal relations in Bronze Age in territory of Ukraine]*. I. I. Artemenko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 48–69.

Kuzmina E. E., 2008. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kul'turnoy obshchnosti [Classification and periodization of sites of Andronovo cultural community]. Aktobe: PrintA. 358 p. (Istoriya, arkheologiya i etnografiya Zapadnogo Kazakhstana.)

Liberov P. D. Otchet o rabote Voronezhskogo otryada Lesostepnoy skifskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR v 1957 g. [Report on work of Voronezh group of Forest-steppe Scythian expedition, IIMK AS USSR in 1957]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Lunkova Yu. V., 2002. Pogrebal'nyy obryad srubnoy kul'tury Volgo-Donskogo mezhdurech'ya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Burial rite of Imber-gave culture of the Volga-Don interfluve: PhD thesis]. Moscow. 20 p.

Lyashko S. N., 1994. Derevoobrabatyvayushchee proizvodstvo v epokhu bronzy [Woodworking craft in Bronze Age]. *Remeslo epokhi eneolita-bronzy na Ukraine [Eneolithic-Bronze Age craft in Ukraine]*. I. T. Chernyakov, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 133–151.

Markovin V. I., 1994. Severo-vostochnyy Kavkaz v epokhu bronzy [North-East Caucasus in Bronze Age]. *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii [Bronze Age of Caucasus and Central Asia]*. K. Kh. Kushnareva, V. I. Markovin, eds. Moscow: Nauka, pp. 287–333.

Melyukova A. I., 1989. Derevyannaya i metallicheskaya posuda [Wooden and metal ware]. *Stepi Evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of European part of the USSR in Scythian-Sarmatian time]*. A. I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka, pp. 110–113.

Mochalov O. D., 2008. Keramika pogrebal'nykh pamyatnikov epokhi bronzy lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya [Ceramics of Bronze Age burial sites of forest-steppe of Volga-Ural interfluve]. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 252 p.

Mongayt A. L., 1973. Arkheologiya Zapadnoy Evropy. Kamennyy vek [Archaeology of Western Europe. Stone Age]. Moscow: Nauka. 355 p.

Munchaev R. M., 1982. Eneolit Kavkaza [Eneolithic of the Caucsusu]. *Eneolit SSSR [Eneolithic of the USSR]*. V. M. Masson, N. Ya. Merpert, eds. Moscow: Nauka, pp. 93–164.

Munchaev R. M., 1994. Maykopskaya kul'tura [Maykop culture]. *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii [Bronze Age of Caucasus and Central Asia]*. K. Kh. Kushnareva, V. I. Markovin, eds. Moscow: Nauka, pp. 158–225.

Patokova E. F., 1979. Usatovskoe poselenie i mogil'niki [Usatovo settlement and cemeteries]. Kiev: Naukova dumka. 187 p.

Pryakhin A. D., Besedin V. I., 1989. Tipologiya keramiki Mosolovskogo poseleniya [Typology of Mosolovka settlement ceramics]. *Poseleniya srubnoy obshchnosti [Settlements of Timber-grave community]*. A. D. Pryakhin, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 196–124.

Pyatykh G. G., 1984. O proiskhozhdenii srubnoy kul'tury Povolzh'ya [On origin of Volga region Timber-grave culture]. *SA*, 2, pp. 146–154.

Raspopova V. I., Shishkina G. V., 1999. Sogd [Sogd]. *Srednyaya Aziya i Dal'niy Vostok v epokhu srednevekov'ya. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov'e [Central Asia and the Far East in Middle Ages. Central Asia in early Middle Ages]*. G. A. Brykina, ed. Moscow: Nauka, pp. 50–77.

Salnikov K. V., 1967. Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala [Essays on early history of Ssouthern Urals]. Moscow: Nauka. 408 p.

Shapovalov T. A., 1976. Poselenie srubnoy kul'tury u s. Il'ichevka na Severskom Dontse [Timber-grave settlement near village Il'ichevka on Severskiy Donets]. *Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy [Eneolithic and Bronze Age of Ukraine]*. S. S. Berezanskaya, V. V. Otroshchenko, D. Ya. Telegin, eds. Kiev: Naukova dumka, pp. 150–172.

Smirnov K. F., 1989. Savromatskaya i rannesarmatskaya kul'tury [Sauromatian and early Sarmatian cultures]. *Stepi Evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of European part of the USSR in Scythian-Sarmatian time]*. A. I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka, pp. 165–177.

SveshnikovI. K., 1983. Kul'tura sharovidnykh amfor [Globular amphorae culture]. Moscow: Nauka. 86 p. (SAI.)

Tkachev V. V., Khavanskiy A. I., 2006. Keramika sintashtinskoy kul'tury [Ceramics of Sintashta culture]. V. S. Gorbunov, ed. Orsk; Samara: Orskiy gumanitarno-tekhnologicheskiy institut. 180 p.

Toshchev G. N., Shakhrov G. I., 1992. Raskopki kurgannoy gruppy u s. Grigor'evka Zaporozhskoy oblasti [Excavations of kurgan group near village Grigor'evka, Zaporozh'e region]. *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma [Antiquities of Pontic steppe and Crimea]*, III. G. N. Toshchev, G. I. Shapovalov, B. D. Mikhaylov, eds. Zaporozh'e, pp. 49–70.

Tsimidanov V. V., 2004. Sotsial'naya struktura srubnogo obshchestva [Social structure of Timber-grave culture society]. Donetsk: Donetskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey. 204 p.

Vanchugov V. P., Kushnir V. G., 1980. Novye pamyatniki epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza v mezhdurech'e Yuzhnogo Buga i Dnestra [New sites of Late Bronze and Early Iron ages in Southern bug and Dniester interfluve]. *Severo-zapadnoe Prichernomor'e v epokhu pervobytnoobshchinnogo stroya [North-Western Pontic region in the epoch of prehistoric society]*. V. N. Stanko, ed. Kiev: Naukovadumka, pp. 119–127.

Vasil'ev I. B., Kuznetsov P. F., Semenova A. P., 1994. Potapovskiy kurgannyy mogil'nik [Potapovka kurgan cemetery]. N. Ya. Merpert, ed. Samara: Samarskiy universitet. 208 p.

Vinogradov N. B., 2003. Mogil'nik bronzovogo veka. Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e [Bronze Age cemetery Krivoye ozero in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo. 362 p.

Zbenovich V. G., 1974. Pozdnetripol'skie plemena Severnogo Prichernomor'ya [Late Tripol'ye tribes of North Pontic region]. Kiev: Naukova dumka. 176 p.

About the authors

Lunkov Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: vlunkov69@yandex.ru;

Lunkova Yuliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ylunkova@rambler.ru;

Shevchenko Alexander A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: she.shevchenko@yandex.ru

А. А. Кадиева, С. Б. Вальчак, С. В. Демиденко

МУЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С КЕРАМИЧЕСКИМИ НАБОРАМИ НА МОГИЛЬНИКЕ ЗАЮКОВО-3

Резюме. В статье рассматриваются два погребения западной кобанской культуры с наборами керамических сосудов на могильнике Заюково-3 в Кабардино-Балкарии. Наличие в одном погребальном комплексе набора сосудов, включающего кубки, кружку и корчагу, а также хронологических маркеров предскифского времени (бронзовая диадема с железной заклепкой и бляшка с крестовидным орнаментом) позволяет отнести оба захоронения к переходному периоду от предскифского к скифскому времени.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Баксанское ущелье, могильник Заюково-3, предскифское время, погребальный обряд, наборы керамической посуды.

Могильник Заюково-3, расположенный в Баксанском районе Кабардино-Балкарской Республики, является одним из немногих некрополей Центрального Кавказа предскифского и скифского времен, исследование которого ведется сплошной площадью. Территориальная и хронологическая близость захоронений дает возможность разработать дробную хронологию материалов некрополя и проследить в динамике не только изменения материальной культуры, но и погребального обряда.

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена двум мужским захоронениям с наборами глиняных сосудов из раскопок 2015 г. Устойчивая традиция помещения в могилу глиняных сосудов у населения предскифского времени, оставившего могильник Заюково-3, отсутствует. Как правило, это либо погребения вообще без керамики, либо погребения только с одним глиняным сосудом. Из 57 исследованных на сегодняшний день захоронений VIII–VII вв. до н. э. только три (два мужских и одно женское) содержат по несколько глиняных сосудов на одного погребенного, чем значительно выделяются из общей массы.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.166-181

Погребение 17 было разграблено незадолго до начала работ экспедиции, но не разрушено до конца (рис 1: *I*).

Погребение было осуществлено в грунтовой яме. От костяка сохранились длинные кости левой руки и кости ног погребенного, а также часть тазовых костей. Конечности лежали в согнутом под острым углом состоянии, их положение говорит о том, что погребенный лежал скорченно на правом боку головой на северо-запад. Поверх костей лежал крупный окатанный камень, вероятно, оставшийся от заклада. Размеры камня 0,51 × 0,41 м, высота – 0,25 м. Размеры сохранившейся части ямы 1,10 × 0,84 м. Глубину ямы установить не представлялось возможным, однако, судя по перекрывающему погребение камню, она составляла не менее 0,30 м.

Около тазовых костей был обнаружен оселок, обращенный отверстием в сторону стоп погребенного (рис. 1: *1*, *II*)[1]. Вплотную к остаткам тазовых костей с северо-запада примыкала сурьмяная полусферическая бляшка (рис. 1: *2*, *III*). На головке правой бедренной кости, а также внутри сгиба коленей погребенного лежали железные булавки (рис. 1: *3, 4*, *IV*; рис. 2: *I*). Под левой берцовой костью обнаружена бронзовая пронизь в обломках (рис. 1: *5*, *V*). К этому предмету примыкал бронзовый слиток (рис. 1: *5*, *VI*). Еще один слиток был обнаружен у головки правой бедренной кости погребенного (рис. 1: *6, VII*).

С запада к локтевой кости руки погребенного примыкали керамическая кружка и кубок (рис. 1: *7, 8*; 2: *II, III*).

Погребение 19 было перекрыто аморфным каменным закладом, верхний уровень которого состоял из рваных кусков известняка среднего размера. Размеры заклада на этом уровне зачистки составляли 0,82 × 0,61 м. Нижний уровень заклада состоял из трех рваных известняковых камней среднего размера, уложенных компактно, и примыкающих к ним мелких кусков известняка. Размеры скопления составляли 0,83 × 0,83 м. К северу от остатков каменного заклада находится вертикально врытая в землю известняковая плитка, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток. Длина плитки составляет 0,53 м.

На расстоянии 0,12 м к юго-западу от юго-западного края заклада был обнаружен фрагментированный кубок (рис. 2: *IV*). С северо-востока к северному краю заклада примыкал крупный фрагмент корчаги, отдельные куски которой были обнаружены на всех уровнях зачистки погребения (рис. 2: *II*; 4: *4*).

Вдоль южного камня заклада, с восточной стороны, лежала локтевая кость. На расстоянии 0,07 м к юго-востоку от крупного фрагмента керамики был обнаружен позвонок.

С юго-востока погребение ограничивала еще одна небольшая известняковая плитка. Судя по расположению плиток и распространению костей и погребального инвентаря, погребение 19 было ориентировано по линии юго-запад – северо-восток. Его размеры составляли 0,88 × 0,71 м, глубина – 0,30 м. У северной плитки застежкой вверх лежала бронзовая диадема (рис. 3: *1*). С юга к диадеме

[1] Все материалы могильника Заюково-3 переданы в фонды Государственного исторического музея. На иллюстрациях после порядкового номера предмета в скобках указывается номер по описи ГИМ, отдел археологических памятников, ГИМ 115686 оп. Б 2148.

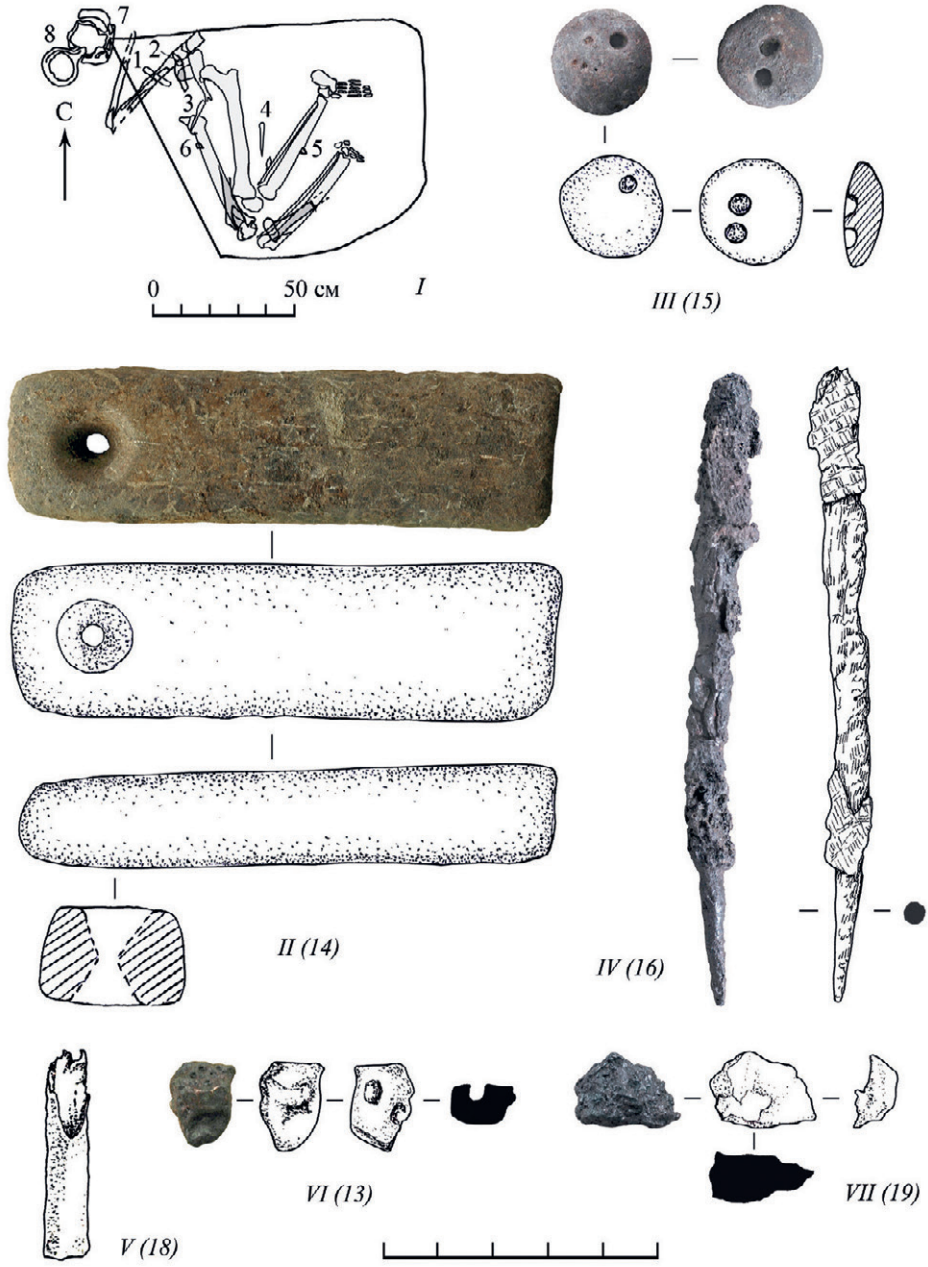


Рис. 1. Погребение 17.
Фото А. А. Кадиевой, рисунки Д. А. Бариновой и Д. Д. Толстиковой

I – план. Инвентарь: *1* – оселок; *2* – бляшка из сурьмы; *3, 4* – железные булавки; *5* – пронизь и слиток; *6* – слиток; *7, 8* – сосуды; *II* – оселок; *III* – бляшка; *IV* – булавка; *V* – пронизь; *VI, VII* – слитки

II – камень; *III* – сурьма; *IV* – железо; *V–VII* – бронза

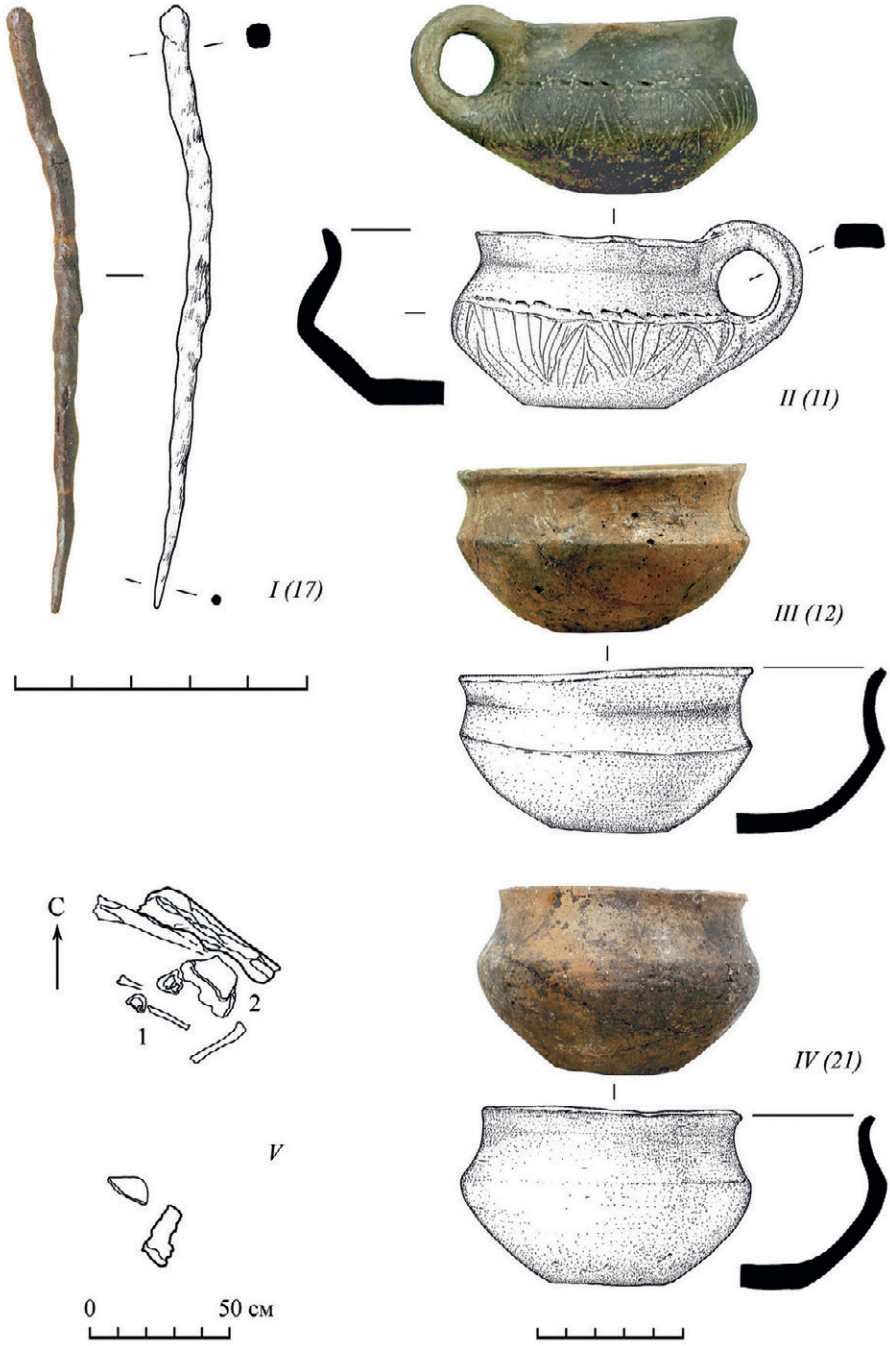


Рис. 2. Погребение 17 и погребение 19.
Фото А. А. Кадиевой, рисунки Е. Ю. Бахаревой и Д. Д. Толстиковой

Погребение 17. Инвентарь: *I* – булавка; *II* – кружка; *III* – кубок; Погребение 19. Инвентарь: *IV* – кубок, *V* – план: *1* – фибула; *2* – фрагменты корчаги

I – железо; *II–IV* – керамика

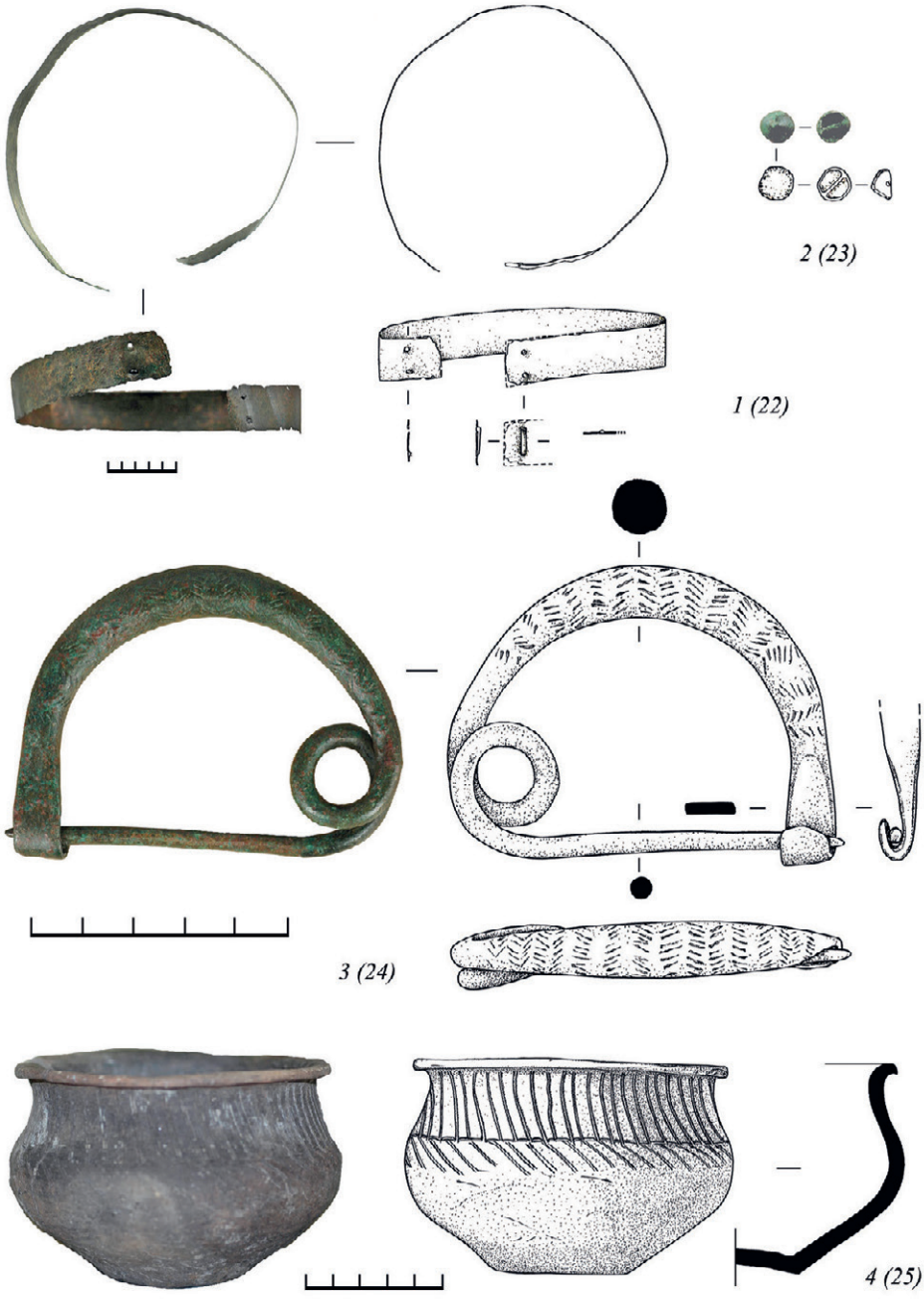


Рис. 3. Погребение 19. Инвентарь.
Фото А. А. Кадиевой, рисунки Д. Д. Толстиковой и Е. Ю. Бахаревой

1 – диадема; *2* – бляшка; *3* – фибула; *4* – миска

1–3 – бронза; *4* – керамика

примыкала локтевая кость. На расстоянии 0,13 м к юго-западу от западной оконечности кости лежала миниатюрная бронзовая бляшка (рис. 3: *2*).

С запада к придонной части корчаги (рис. 2: *II*, 4, *4*) примыкал шейный позвонок. На расстоянии 0,05 м к юго-западу от него находятся лежащие параллельно друг другу локтевая и лучевая кости, на которых была обнаружена бронзовая фибула (рис. 2: *I*, 4: *3*).

После снятия остатков заполнения погребения было выявлено перекрытие погребения более нижнего уровня (погребения 23), представляющее собой расколотую известняковую плиту. На западном краю перекрытия были обнаружены кости человеческой стопы. На расстоянии 0,04 м к югу от юго-восточного края плитки, ограничивающей погребение с северо-востока, была обнаружена лежащая вверх дном глиняная миска (рис. 3: *4*). К этой же плитке с юга примыкало скопление белых бусин из глухого стекла (рис. 4: *1*). Второе скопление таких же бусин, включающее в себя сердоликовую бусину, было зачищено на расстоянии 0,27 м к югу от первого скопления (рис. 4: *2*). На расстоянии 0,20 м к востоку от плитки, ограничивающей погребение 19 с юго-запада, была обнаружена бляшка с крестовидным орнаментом (рис. 4: *3*).

Судя по тому, что в погребении сохранилась существенная часть погребального инвентаря (или весь инвентарь) при почти полном отсутствии костей погребенного, можно с довольно большой долей уверенности предположить, что могила подверглась преднамеренному разрушению в ритуальных целях.

Инвентарь

Погребальный инвентарь погребений 17 и 19 состоит из предметов, достаточно типичных для западной кобанской археологической культуры.

Оселок (рис. 1: *1*, *II*) прямоугольной формы и подпрямоугольного сечения. Длина предмета – 9,5 см, ширина – 2,7 см, толщина – 1,9 см, внешний диаметр отверстия – 1,5 см. Отверстие просверливалось с двух сторон, в результате чего канал имеет форму двух конусов, соединенных вершинами. Оселок относится к типу II по классификации В. И. Козенковой (1998. С. 24) и является одной из самых распространенных находок в мужских погребениях предскифского периода. Следует отметить, что на могильнике Заюково-3 в воинском погребении 60 был обнаружен аналогичный точильный камень (*Кадиева и др*., 2020. С. 58. Рис. 1: *2*).

Сурьмяная бляшка (рис. 1: *2*, *III*) полусферической формы с тремя несквозными отверстиями – одно на выпуклой, два на плоской стороне. Возможно, предмет является заготовкой для нашивной бляшки или же фишкой, отверстия на которой имеют неутилитарное значение. Диаметр – 1,8 см, высота – 0,6 см. Близкие по форме костяные бляшки были отнесены В. И. Козенковой к типу V варианту 1 пуговиц (*Козенкова*, 1998. С. 37), однако выделенная исследовательницей группа предметов была сделана из кости.

Железные булавки (рис. 1: *3, 4*, *IV*; 2: *I*) представляют собой округлые в сечении стержни, сужающиеся к концу. Длина булавок составляет 12,2 см и 11,3 см. У одной из булавок (рис. 1: *IV*) на навершии и в нижней трети сохранились

прикипевшие к стержню фрагменты ткани, довольно грубого плетения. Одна из булавок обнаружена в районе пояса погребенного, вторая – с внутренней части сгиба коленей. Судя по расположению булавок, они скрепляли не одежду, а саван. Подобное расположение булавок характерно для погребений могильника Заюково-3 предскифского времени (*Кадиева и др*., 2020. С. 173).

Несмотря на простоту формы, аналогий булавкам из Заюково-3 найти не удалось. Возможно, из-за плохой сохранности подобные предметы просто не брались в ранее собранные коллекции. Морфологически булавки из Заюково-3 наиболее близки бронзовым булавкам без выделенного навершия типа XXI, по В. И. Козенковой (*Козенкова*, 1998. С. 69).

Бронзовая пластинчатая пронизь (рис. 1: *5*, *V*) обнаружена у голеней погребенного из захоронения 17. Украшение выковано из очень тонкой пластины и сохранилось лишь частично. Длина сохранившейся части – 5 см. Данный вид украшений В. И. Козенкова относит к одному из самых типичных для западной кобанской культуры и выделяет в тип II (Там же. С. 39). В то же время А. Б. Белинский и С. Л. Дударев среди материалов могильника Клин-Яр III отмечают редкую встречаемость трубочек без рифления (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 355).

Бронзовые слитки (рис. 1: *5, 6*, *VI, VII*). Размеры: 1,5 × 1,1 см и 1,9 × 1,4 см. В. И. Козенкова считает бронзовые слитки амулетами, характерными в предскифское время для населения, оставившего западную кобанскую культуру (западный вариант кобанской культуры, по В. И. Козенковой) (*Козенкова*, 1989. С. 80). Также исследовательница подчеркивает, что обычай класть бронзовые слитки в могилу указывает на родство носителей западной кобанской культуры с метрополией, к памятникам которой В. И. Козенкова, в частности, относит Тлийский могильник. Автор раскопок этого памятника, Б. В. Техов, также обратил внимание на наличие фрагментов бронзы в погребальном инвентаре (погребения 30, 209, 301) и также считает их амулетами, а возможно, и свидетельством принадлежности к роду литейщика-металлурга (*Техов*, 1980б. С. 49; 1981. С. 7, 21, 46). При этом исследователь описывает продолжение данной традиции, хотя и в меньшем числе захоронений, в раннем железном веке, когда в погребальном инвентаре встречаются фрагменты железа.

Следует отметить, что слитки бронзы были обнаружены и в других мужских захоронениях могильника Заюково-3 (*Кадиева и др*., 2020. С. 174).

Диадема (рис. 3: *1*), обнаруженная в заполнении погребения 19, представляет собой плоскую, раскованную прямоугольную бронзовую пластину со сквозными отверстиями на концах. На одном из концов в отверстия вставлена железная скоба. Диаметр обруча составляет 22 см, ширина – 3,5 см. Во время раскопок диадему сочли поясом, и с этой атрибуцией она фигурирует в отчете. Однако от пояса ее отличает малый диаметр, а также наличие всего двух отверстий на концах, тогда как для крепления пряжки требуется как минимум три.

Следует отметить, что края диадемы были скреплены железной скобой. Подобными же, но только бронзовыми, скобами были скреплены края листов у бронзовых шлемов «ассирийского» или «киммерийского» типа, датирующихся позднейшим предскифским периодом, что являлось редким способом соединения

металлических пластин в различных изделиях (*Вальчак*, 2016б. С. 29, 35, 36, 38, 39; 2016а. С. 133, 138, 141)[2].

Диадемы предскифского времени на Северном Кавказе выявлены только в одном из погребений Таркинского могильника в Северном Дагестане (*Смирнов*, 1951. С. 252. Рис. 13: *7*). Из памятников кобанской культурно-исторической области значительное количество диадем происходят лишь из могильника Тли в Южной Осетии. Но все украшения, которые автор раскопок уверенно определяет как диадемы, обнаружены в погребениях эпохи бронзы (XVI–XIII вв. до н. э., по датировке Б. В. Техова, с которой согласны не все исследователи) (*Техов*, 1977. С. 55). Однако важно отметить, что и среди более поздних погребений в ряде случаев бронзовые пластины, атрибутированные автором раскопок как пояса, могут являться диадемами. Данный факт относится к погребениям, разрушенным в результате дозахоронений или каких-либо ритуальных действий. Погребальный инвентарь в таких комплексах сохранился, но оказался смещен со своих мест. Хрупкие бронзовые пластины были фрагментированы, и точное их определение затруднено. Наиболее показательно в этом отношении погребение 208, в котором кости были сложены в беспорядочную груду, однако инвентарь захоронения делится на мужской и женский (*Техов*, 1980б. С. 35. Рис. 90: *24, 25*). Поскольку женские захоронения с бронзовыми поясами в эту эпоху неизвестны, как и наличие двух поясов у одного погребенного, логично предположить, что более узкая пластина из данного погребения являлась диадемой. Захоронение юноши предскифского времени с диадемой на голове и поясом из бронзовой пластины было обнаружено на могильнике Заюково-3 (погребение 81) (*Кадиева, Демиденко*, в печати).

В эпоху поздней бронзы диадемы также известны и на территории Армении. Они встречены среди инвентаря первой (XIV–XIII вв. до н. э.) и второй (XII–XI вв. до н. э.) групп Артикского могильника (*Хачатрян*, 1975. С. 211).

Таким образом, публикуемая диадема на сегодняшний день является первым из полностью сохранившихся известных предметов данной категории изделий среди древностей предгорной зоны центральных районов Северного Кавказа предскифского времени. Известные нам ближайшие аналогии древнее минимум на три столетия. Однако вполне вероятно, что такой хиатус связан не с разрывом традиций, а с недостаточной изученностью материала.

Следует отметить погребение предскифского времени из кургана у с. Садового в Северной Осетии. На лобных костях погребенного был обнаружен фрагмент пластины с точечным орнаментом, определенный автором публикации комплекса как фрагмент диадемы (*Козенкова и др.*, 1997. С. 15). В. И. Козенкова, Р. С. Сосранов и Э. Л. Черджиев относят данное захоронение к самым восточным памятникам западного варианта кобанской культуры (Там же. С. 17). Данная атрибуция вызвала возражения С. Л. Дударева, считающего, что для погребения из Садового более предпочтительна раннекочевническая трактовка (*Дударев*, 1999. С. 42). Доказывая свою точку зрения, исследователь подробно

[2] В одной из статей (*Вальчак*, 2016а. С. 141) во фразе «780–776 гг. до н. э. – первым упоминанием скифов переднеазиатскими источниками» была допущена ошибка. Следует читать: «680–677 гг. до н. э.».

анализирует микродетали погребального обряда, обращая внимание читателя на традицию ношения налобных украшений у киммерийцев и жителей Пятигорья (Там же. С. 43). В последнем случае отмечена принадлежность очелий не мужскому, а женскому костюму.

Не вступая в дискуссию о культурной атрибуции погребения из Садового, выходящей за рамки нашей работы, необходимо отметить, что С. Л. Дударев объединяет в одну группу украшений пластинчатые бронзовые диадемы и ленты из органических материалов, украшенные различного рода мелкими бронзовыми бляшками или бусами. Первые в Закавказье и, как показал приведенный выше анализ, на Северном Кавказе встречаются преимущественно, если не исключительно, в мужских погребениях. И, очевидно, имеют отличную от женских головных уборов семантику.

Миниатюрная полусферическая бляшка с перемычкой на оборотной стороне (рис. 3: *2*), диаметр – 0,6 см, высота – 0,3 см. Бляшки относятся к варианту 1 типа II, по В. И. Козенковой, которая, как и многие другие исследователи, называет их пуговицами. Однако такая интерпретация вызывает возражения, поскольку в предскифское время ни на самом Кавказе, ни на сопредельных территориях пуговичный костюм неизвестен. Таким образом, нам представляется более рациональной интерпретация таких предметов как деталей украшения одежды или какого-то ее аксессуара. Данный тип украшений является широко распространенным на территории западного варианта кобанской культуры на всем протяжении ее существования (Там же. С. 36, 37. Табл. X: *3*). В частности, шесть подобных бляшек были обнаружены в погребении 28 могильника Заюково-3, примыкавшем с северной стороны к северному углу погребения 19 (*Кадиева и др*., 2020. С. 172).

При публикации погребения 28 был в целом очерчен круг аналогий этих украшений, здесь же представляется необходимым дополнительно упомянуть, что миниатюрные бляшки с перемычкой на обороте весьма характерны для мужских погребений Тлийского могильника на всем протяжении существования некрополя начиная с эпохи поздней бронзы (*Техов*, 1977. С. 178). Однако в скифское время они достоверно присутствуют лишь в одном погребении 129 на рукояти железного кинжала «скифского типа», относящегося к мужскому скелету (*Техов*, 1980а. С. 29. Рис. 9: *28*; 1985. С. 20).

Одночленная дуговидная фибула с расширенной круглой в сечении спинкой (рис. 2: *1*; 3: *3*). Спинка покрыта елочным орнаментом. Длина фибулы – 7,9 см, высота – 6,4 см. Фибула относится к варианту 2 типа I, по В. И. Козенковой, который распространен широко на временном промежутке IX–VII вв. до н. э., но не является очень частой находкой в комплексах западнокобанской культуры (*Козенкова*, 1998. С. 73. Табл. XXIV: *1–3, 7–11, 13–21*). Намного чаще подобные фибулы встречаются в памятниках южных склонов Кавказа, в частности в Тлийском могильнике (погребения 51, 114, 140, 161, 282, 301, 302), которые Б. В. Теховым датируются в основном концом X – IX в. до н. э., но иногда и позднее, вплоть до раннескифского периода включительно (*Техов*, 1980а. С. 21, 22, 69. Рис. 2: *11*; 1981. С. 7, 9, 10, 20–22, 39. Рис. 53; 56; 59; 82; 85; 86; 111).

Полусферическая бронзовая бляшка с орнаментом в виде ромба с вогнутыми гранями и рельефным диском в центре на лицевой стороне и петлей на обороте

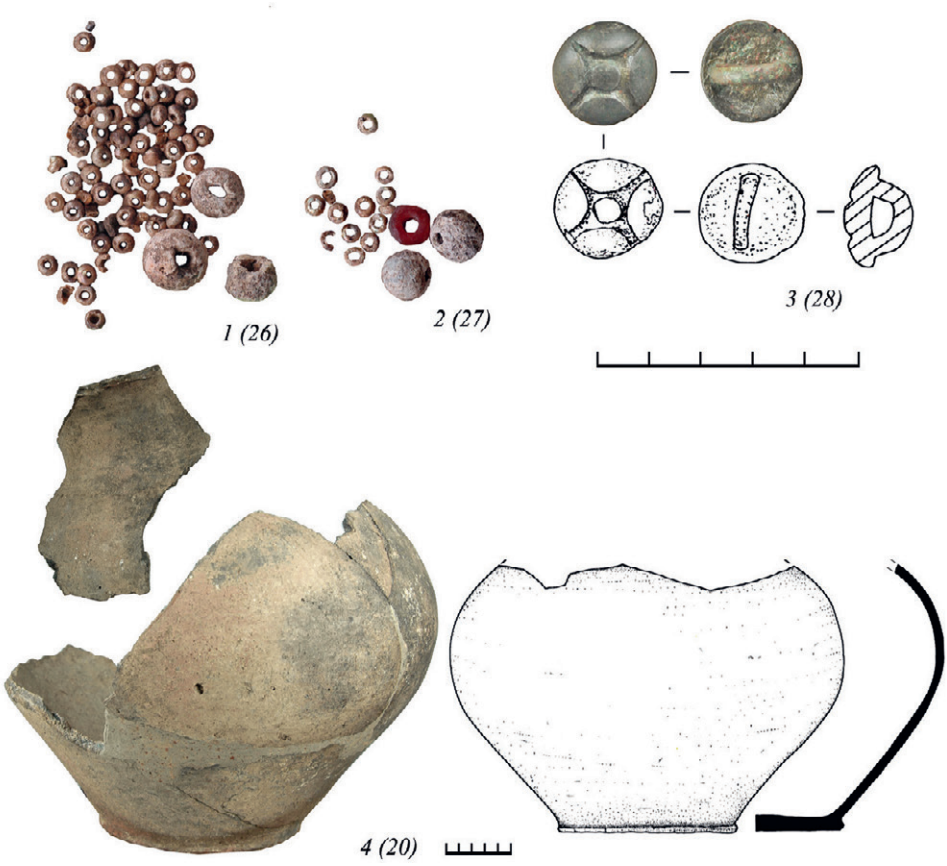


Рис. 4. Погребение 19. Инвентарь.
Фото А. А. Кадиевой, рисунки Д. А. Бариновой и Е. Ю. Бахаревой

1, 2 – бусы; *3* – бляшка; *4* – корчага

1 – стекло; *2* – стекло, сердолик; *3* – бронза; *4* – керамика

(рис. 4: *3*). Диаметр – 2 см, высота – 2,4 см. Подобные бляшки являются характерным маркером комплексов кобанской культуры Северного Кавказа в предскифское время. Данный орнамент встречается не только на бляшках-украшениях различных типов, но и на других предметах из комплексов Северного Кавказа и Причерноморья, которые датируются в пределах VIII – первой половины VII в. до н. э. (*Тереножкин*, 1976. С. 174–177; *Флёров, Дубовская*, 1993. С. 269, 270, 277–282. Рис. 7: *3, 9*; 8: *3*; *Вальчак, Тарасова*, 2005. С. 29–31).

Два скопления бус были обнаружены в погребении 19 (рис. 4: *1, 2*).

Сердоликовая дисковидная (сколы камня довольно неаккуратные), диаметром 0,8 см. Подобные бусы были обнаружены на могильнике Терезе (*Козенкова*, 2004. С. 129. Табл. 45: *7*), а также в Тлийском могильнике (*Техов*, 1977. С. 178. Рис. 117: *10–12*).

Стеклянная призматическая бусина, диаметр – 1 см, высота – 0,5 см.

Четыре стеклянные шаровидные бусины белого цвета, диаметр – 1 см.

Рубленный стеклянный бисер белого цвета, диаметр – 0,4 см. Стеклянный бисер был обнаружен в погребении 129 Тлийского могильника, которое автор раскопок датирует VII–VI вв. до н. э. (*Техов*, 1985. Рис. 131: *32*).

Наличие бус различной формы и материала Б. В. Техов отмечает для многих, особенно женских, погребений Тлийского могильника на протяжении X–VII вв. до н. э., считая, что в комплексах второй половины I тыс. до н. э. их количество значительно сокращается (*Техов*, 1980а. С. 70; 1981. С. 54).

Керамические сосуды

Кружка усеченно-биконической формы с высокой ручкой из погребения 17 (рис. 1: *8*: 2: *II*). По ребру орнамент в виде линии из насечек и пояса из разнонаправленных заштрихованных треугольников. Высота – 5,8 см, диаметр венчика – 9 см, максимальный диаметр – 10 см, диаметр дна – 4,6 см. Подобные экземпляры В. И. Козенкова относит к разновидности «в» кружек западного варианта кобанской культуры (*Козенкова*, 1998. С. 101). Ближайшей аналогией кружке из погребения 17 является кружка из погребения 1 Тамгацикского могильника (Там же. Табл. XXXVII: *25*). В. И. Козенкова датирует эту разновидность VI–V вв. до н. э. (Там же. С. 102).

Кубок коричневого лощения неорнаментированный с выраженным ребром, округлым туловом и уплощенным дном из погребения 17 (рис. 1: *7*; 2: *III*). Высота – 6 см, диаметр венчика – 10,5 см, диаметр тулова – 10 см, диаметр дна – 3,2 см. Кубок относится к разновидности «в» по классификации В. И. Козенковой (Там же. С. 99. Табл. XXXVII: *13*) и датируется концом II – началом I тыс. до н. э.

Кубок коричневой глины с выраженным ребром, прямым венчиком и уплощенным дном из погребения 19 (рис. 2: *IV*). Диаметр венчика – 8,6 см, диаметр тулова – 9,5 см, диаметр дна – 3,9 см, высота – 6 см. Кубок обнаружен на уровне заклада погребения 19. Сосуд относится к разновидности кубков «е» по классификации В. И. Козенковой (Там же. С. 100. Табл. XXXVII: *15*) и датируется периодом от конца II тыс. до VI в. до н. э. Исследовательница отмечает, что подобные кубки часто прикрывали горловины корчаг или кувшинов.

Миска коричневого лощения с отогнутым венчиком, вогнутым дном и скругленным ребром из погребения 19 (рис. 3: *4*). По горлу и ребру прочерчено три пояса орнамента: в виде сдвоенных слегка наклонных от вертикали оси миски линий, сдвоенных горизонтальных штрихов и сдвоенных сильно наклонных линий. Диаметр венчика – 11,6 см, диаметр тулова – 12 см, диаметр дна – 5,4 см, высота – 8,2 см. Миска обнаружена на дне погребения 19 на перекрытии погребения 23. Сосуд принадлежит к разновидности мисок «и» по классификации В. И. Козенковой и датируется VIII–VII вв. до н. э. (Там же. С. 98).

Фрагменты сероглиняной лощеной корчаги с раздутым туловом (рис. 2: *2*; 4: *4*). Сохранился профиль от дна до начала изгиба тулова к горлу, а также фрагмент горла с фрагментом отогнутого венчика, орнаментированный в нижней

части поясом косых семечковидных вдавлений. Высота сохранившейся части – 21,5 см, диаметр тулова – 28,5, диаметр дна – 13 см. Дно корчаги подчеркнуто небольшим валиком. Тесто в изломе серо-черное со значительной примесью дресвы. Фрагменты корчаги были обнаружены в заполнении погребения 19.

Судя по сохранившимся фрагментам, корчага принадлежит к типу кавказских корчаг с узким горлом, небольшим дном и значительным расширением нижней половины. Подобные корчаги относятся В. И. Козенковой к типу 3 (*Козенкова*, 1998. С. 94. Табл. XXXII: *10, 11*), который автор типологии датирует VII–V вв. до н. э. Корчага из погребения 19 могильника Заюково-3 наиболее близка сосудам из Моздокского могильника (*Пиотровский, Иессен*, 1940. Табл. III: *1*), отнесенным Б. Б. Пиотровским и А. А. Иессеном к раннескифскому времени. Специалисты неоднократно отмечали, что для западной кобанской культуры предскифского времени корчаги нехарактерны. Сосуды данного типа распространяются среди населения этой общности только начиная с VII в. до н. э. (*Березин, Маслов*, 2017. С. 177).

Оба вышеописанных захоронения отличаются от основной массы погребений предскифского времени могильника Заюково-3 по погребальному обряду. Шестнадцать погребений, содержащих 20 костяков из 57[3] известных на сегодняшний день могильных комплексов некрополя, отнесенного к предскифскому времени, демонстрируют обряд захоронения в положении «вытянуто на спине» (*Кадиева и др.*, 2020. С. 175). Однако на участке, исследованном в 2015 г., пять костяков (два мужских и два женских, один неопределенного пола) лежат в положении «скорченно на правом боку» и два женских – «скорченно на левом боку». Девять костяков подверглись постпогребальному разрушению (*Кадиева, Демиденко*, 2017. С. 115). Логично предположить, что в конце предскифской эпохи у жителей Баксанского ущелья сменился погребальный обряд. К новым чертам, приобретенным населением, оставившим некрополь, относится и помещение в могилу керамических наборов. Эту деталь погребального обряда удалось проследить до конца кобанской эпохи (Там же. С. 114).

Появление керамических наборов, представляющих собой комплекс предметов из корчаги, кружки и дополнительных сосудов, в захоронениях населения центральных районов Северного Кавказа традиционно считается свидетельством начала скифской эпохи (*Маслов*, 2015. С. 249, 251). При этом происхождение ряда этих керамических форм связывается исследователями не с местной традицией, а с традициями населения центральной кобанской культуры (*Абрамова*, 1974. С. 211, 212; *Маслов*, 2015. С. 254, 255). Металлический инвентарь погребений 17 и 19 могильника Заюково-3 позволяет уверенно датировать приведенные в статье комплексы предскифским временем, т. е. VIII–VII вв. до н. э. Частично этому соответствуют и керамические изделия (кубки, миска). Однако корчага и кружка тяготеют к более позднему времени. Таким образом, материалы рассматриваемых погребений маркируют переходный период между предскифским и скифским временем, который представляется возможным датировать в рамках последнего десятилетия VIII – первой половины VII в. до н. э.

[3] Для анализа позы погребенных пригодны только 28 захоронений.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. № 2. С. 195–213.

Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 446 с.

Березин Я. Б., Маслов В. Е., 2017. Воинское предскифское погребение близ г. Железноводска // КСИА. Вып. 249. С. 174–185.

Вальчак С. Б., 2016а. Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе // Revista Archeologică. Serie nouvă. Vol. XII. No. 1–2. P. 128–144.

Вальчак С. Б., 2016б. Предскифская археология Восточной Европы и некоторые памятники Закавказья // Кавказ и Степь на рубеже эпох поздней бронзы и раннего железа: материалы Междунар. конф., посвящ. памяти М. Н. Погребовой / Под ред. А. С. Балахванцева, С. В. Кулланды. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 28–41.

Вальчак С. Б., Тарасова Н. В., 2005. Четырехлепестковые бляшки-розетки в предскифских памятниках Восточной Европы // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар. С. 29–31.

Дударев С. Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.). Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т. 402 с.

Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В., 2020. Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3 (по материалам раскопок Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН в 2015 г.) // КСИА. Вып. 258. С. 165–180.

Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В. Погребение предскифского времени с колчанным набором могильника Заюково-3. (В печати.)

Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2017. Погребения с оружием и предметами конского снаряжения IV–III вв. до н. э. на могильнике Заюково-3 (Кабардино-Балкария) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16. № 1. С. 109–124.

Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука. 196 с. (САИ; вып. В2-6.)

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; вып. В2-5.)

Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджиев Э. Л., 1997. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 14–18. (Материалы и исследования по археологии России; № 1.)

Маслов В. Е., 2015. Керамика Центрального Предкавказья в раннескифское время // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Междунар. симп. (29–31 октября 2013 г.) / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 248–257.

Пиотровский Б. Б., Иессен А. А., 1940. Моздокский могильник. Л. 56 с., 9 л. ил. (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа; вып. 1.)

Смирнов К. Ф., 1951. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки // МИАСК / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 226–272. (МИА; № 23.)

Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка. 224 с.

Техов Б. В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Восточная литература. 240 с.

Техов Б. В., 1980а. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М.: Наука. 93 с.

Техов Б. В., 1980б. Тлийский могильник. Т. I. Комплексы XVI–X вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба. 59 с.: ил.

Техов Б. В., 1981. Тлийский могильник. Т. II. Комплексы IX – первой половины VII в. до н. э. Тбилиси: Мецниереба. 73 с.: ил.

Техов Б. В., 1985. Тлийский могильник. Т. III. Комплексы VII–VI вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба. 221 с.: ил., 1 л. ил.

Флёров В. С., Дубовская О. Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. I. М.: Центр «Шелковый путь». С. 262–303.

Хачатрян Т. С., 1975. Древняя культура Ширака III–I тыс. до н. э. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та. 280 с.

Сведения об авторах

Кадиева Анна Анатольевна, Государственный исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: adelgeida85@mail.ru;

Вальчак Сергей Борисович, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: valchak@newmail.ru;

Демиденко Сергей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: svdemidenko@hotmail.com

A. A. Kadieva, S. B. Valchak, S. V. Demidenko

PRE-SCYTHIAN MALE GRAVES WITH CERAMIC SETS AT THE ZAYUKOVO-3 CEMETERY

Abstract. The paper examines two Koban graves containing sets of ceramic vessels at the Zayukovo-3 cemetery in Kabardino-Balkaria. Presence of a set of vessels including goblets, a mug and a large earthenware ewer as well as chronological markers of the pre-Scythian period (a bronze diadem with an iron rivet and a plate with a cross-shaped ornament) among funerary offerings in one of the graves suggests that both graves are dated to a transition period from the pre-Scythian time to the Scythian time.

Keywords: North Caucasus, Baksan gorge, Zayukovo-3 cemetery, pre-Scythian period, burial rite, sets of ceramic vessels.

REFERENCES

Abramova M. P., 1974. Pogrebeniya skifskogo vremeni Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Burials of Scythian period in Central Ciscaucasia]. *SA*, 2, pp. 195–213.

Belinskiy A. B., Dudarev S. L., 2015. Mogil'nik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostey Kavkaza i Yugo-Vostochnoy Evropy nachala epokhi Rannego zheleza [Cemetery Klin-Yar III and its position among antiquities of Caucasus and South-Eastern Europe of the beginning of Early Iron Age]. Stavropol: Dizayn-studiya B. 446 p.

Berezin Ya. B., Maslov V. E., 2017. Voinskoe predskifskoe pogrebenie bliz g. Zheleznovodsk [The warriors's pre-Scythian burial near Zheleznovodsk]. *KSIA*, 249, pp. 174–185.

Dudarev S. L., 1999. Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoy Evropy v predskifskuyu epokhu (IX–VII v. do n. e.) [Mutual relations of tribes of Caucasus and East European nomads in pre-Scythian epoch (IX–VII c. BC)]. I. I. Gorlova, V. B. Vinogradov, eds. Armavir: Armavirskiy gos. pedagogicheskiy institut. 402 p.

Flyorov V. S., Dubovskaya O. R., 1993. Muzhskiye pogrebeniya kobanskogo mogil'nika Klin-Yar III v g. Kislovodske [Men's burials of Koban cemetery Klin-Yar III in city of Kislovodsk]. *Vestnik Shelkovogo puti. Arkheologicheskiye istochniki [Silk Road herald. Archaeological sources]*, 1. I. S. Kamenetskiy, A. A. Uzyanov, eds. Moscow: Tsentr «Shelkovyy put'», pp. 262–303.

Kadieva A. A., Demidenko S. V., 2017. Pogrebeniya s oruzhiem i predmetami konskogo snaryazheniya IV–III vv. do n. e. na mogil'nike Zayukovo-3 (Kabardino-Balkariya) [Burials with weapons and details of horse equipment of IV–III cc. BC at the Zayukovo-3 cemetery (Kabardino-Balkaria)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga region archaeological bulletin]*, vol. 16, no. 1, pp. 109–124.

Kadieva A. A., Valchak S. B., Demidenko S. V. Pogrebenie predskifskogo vremeni s kolchannym naborom mogil'nika Zayukovo-3 [Pre-Scythian burial with quiver set from Zayukovo-3 cemetery]. (In print.)

Kadieva A. A., Valchak S. B., Demidenko S. V., 2020. Muzhskie pogrebeniya predskifskogo vremeni v vytyanutom polozhenii na mogil'nike Zayukovo-3 (po materialam raskopok Ob"edinennoy Severokavkazskoy arkheologicheskoy ekspeditsii GIM, KBGU i IA RAN v 2015 g.) [Male graves of pre-Scythian period with the deceased lying in extended position at Zayukovo-3 (2015 excavations of the Joint North Caucasus Archaeological expedition of GIM, KBSU and IA RAS in 2015)]. *KSIA*, 258, pp. 165–180.

Khachatryan T. S., 1975. Drevnyaya kul'tura Shiraka III–I tys. do n. e. [Ancient culture of Shirak, III–I mill. BC]. Erevan: Erevanskiy universitet. 280 p.

Kozenkova V. I., 1989. Kobanskaya kul'tura. Zapadnyy variant [Koban culture. Western variant]. Moscow: Nauka. 196 p. (SAI.)

Kozenkova V. I., 1998. Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant [Material foundation of everyday life of Koban tribes. Western variant]. Moscow: IA RAN. 200 p. (SAI.)

Kozenkova V. I., Sosranov R. S., Cherdzhiev E. L., 1997. K voprosu o mezhlokal'nykh kontaktakh v kobanskoy kul'ture (kurgan u s. Sadovogo v Severnoy Osetii) [On issue of inter-local contacts in Koban culture (kurgan near Sadovoye village in North Ossetia)]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy [Sites of pre-Scythian and Scythian time in South of Eastern Europe]*. R. M. Munchaev, V. S. Olkhovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 14–18. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 1.)

Maslov V. E., 2015. Keramika Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v ranneskifskoe vremya [Ceramics of Central Fore-Caucasus in early Scythian time]. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii [Modern approaches to the study of ancient ceramics in archaeology]*. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 248–257.

Piotrovskiy B. B., Iessen A. A., 1940. Mozdokskiy mogil'nik [Mozdok cemetery]. Leningrad. 56 p., 9 l. ill. (Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha, 1.)

Smirnov K. F., 1951. Arkheologicheskie issledovaniya v rayone dagestanskogo seleniya Tarki [Archaeological investigations in the area of Dagestani village of Tarki]. *MIASK*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 226–272. (MIA, 23.)

Tekhov B. V., 1977. Tsentral'nyy Kavkaz v XVI–X vv. do n. e. [Central Caucasus in XVI–X cc. BC]. Moscow: Vostochnaya literatura. 240 p.

Tekhov B. V., 1980a. Skify i Tsentral'nyy Kavkaz v VII–VI vv. do n. e. [The Scythians and Central Caucasus in VII–VI cc. BC]. Moscow: Nauka. 93 p.

Tekhov B. V., 1980b. Tliyskiy mogil'nik [Tli cemetery], I. Kompleksy XVI–X vv. do n. e. [Complexes of XVI–X cc. BC]. Tbilisi: Metsniereba. 59 p., ill.

Tekhov B. V., 1981. Tliyskiy mogil'nik [Tli cemetery], II. Kompleksy IX – pervoy poloviny VII v. do n. e. [Complexes of IX – first half of VII c. BC]. Tbilisi: Metsniereba. 73 p., ill.

Tekhov B. V., 1985. Tliyskiy mogil'nik [Tli cemetery], III. Kompleksy VII–VI vv. do n. e. [Complexes of VII–VI cc. BC]. Tbilisi: Metsniereba. 221 p., ill.

Terenozhkin A. I., 1976. Kimmeriytsy [The Cimmerians]. Kiev: Naukova dumka. 224 p.

Valchak S. B., 2016a. Bronzovye kovanye shlemy predskifskogo perioda na Kavkaze [Bronze hammered helmets of pre-Scythian period in the Caucasus]. *Revista Archeologică. Serie nouvă*, vol. XII, no. 1–2, pp. 128–144.

Valchak S. B., 2016b. Predskifskaya arkheologiya Vostochnoy Evropy i nekotorye pamyatniki Zakavkaz'ya [Pre-Scythian archeology of Eastern Europe and some sites of Transcaucasia]. *Kavkaz i Step' na rubezhe epokh pozdney bronzy i rannego zheleza [Caucasus and Steppe at the turn of Late Bronze and Early Iron ages]*. A. S. Balakhvantsev, S. V. Kullanda. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, pp. 28–41.

Valchak S. B., Tarasova N. V., 2005. Chetyrekhlepestkovye blyashki-rozetki v predskifskikh pamyatnikakh Vostochnoy Evropy [Four-petalled rosette plaques in pre-Scythian sites of Eastern Europe]. *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Fourth Kuban archaeological conference]*. Krasnodar, pp. 29–31.

About the authors

Kadieva Anna A., The State History Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: adelgeida85@mail.ru;

Valchak Sergey B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: valchak@newmail.ru;

Demidenko Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: svdemidenko@hotmail.com

В. Е. Маслов, М. В. Андреева, А. Н. Гей

КУРГАН КЕЛЕРМЕССКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА ДЫШ IV (РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ)

Резюме. Публикация посвящена материалам раскопок кургана 2 могильника Дыш IV. Детально рассмотрены предметы, происходящие из основного погребения кургана; особое внимание уделено бронзовой литой бутероли, украшенной рельефным изображением свернувшегося хищника. Анализ данных позволил отнести сооружение кургана к третьей четверти VII в. до н. э.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Адыгея, скифы, меоты, бутероль, звериный стиль.

В 2011 г. Северо-Кавказская экспедиция Института археологии РАН провела охранные раскопки могильника Дыш IV в Теучежском районе Республики Адыгея. Могильник находился на краю высокого мыса у слияния рек Дыш и Четук и состоял из пяти курганов, вытянутых цепочкой в широтном направлении по краю высокого правого берега р. Четук. Исследованы три кургана скифской эпохи (VII–V вв. до н. э.) (*Андреева, Гей*, 2015). Данная публикация посвящена материалам основного погребения кургана 2, относящегося к келермесскому этапу раннескифской культуры. Хронологически этот комплекс был на памятнике следующим после новочеркасско-жаботинского в кургане 3 (*Маслов и др.*, 2020).

Погребальное сооружение

Курган 2 находился в цепочке между курганами 1 и 3, приблизительно на одинаковом расстоянии от обоих. Высота насыпи – 0,6 м, диаметр – 24 м (сильно распахана). В центральной части кургана в бровках на глубине 0,55 м от 0 зафиксирован культурный слой – серый суглинок погребенной почвы мощностью 0,3 м с включениями золы, угольков, фрагментов печины, керамики

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.182-202

и костей животных. Поэтому в западной траншее рядом с центральной бровкой на глубине 0,7 м от 0 был заложен раскоп (8 (С–Ю) × 4 (В–З) м) с квадратами 2 × 2 м. Раскопки вручную по пластам с горизонтальными зачистками не выявили следов сооружений, но позволили собрать значительное число фрагментов лепной посуды; пять дисковидных пряслиц[1]; кости крупного и мелкого рогатого скота и свиньи[2]. Состав находок свидетельствует, что в этом месте находилось поселение, вероятно, переходного от финальной бронзы к раннему железному веку периода.

В кургане было обнаружено два погребения и восемь комплексов[3]: основное погр. 1 келермесского времени, погр. 2 – меотское (IV в. до н. э.); три комплекса связываются с культурным слоем поселения: один – с финальным предскифским, два – с меотским временем; еще два комплекса представляли обломки предметов из погр. 1, обнаруженных вне предполагаемых границ могильной ямы.

Центральная часть кургана была прорезана большой *грабительской ямой*, разрушившей основное погр. 1. В разрезе (в западном фасе центральной бровки) границы ямы в насыпи под пахотой читались неотчетливо (северная – в 8 м к С от R_0, южная – 1 м к С от R_0), в материке к С от погр. 1 зафиксирован контур части дна ямы (рис. 1: *А*, *Б*). У дна яма имела неправильно-прямоугольную форму (2,6 (В–З) × 2,3 (С–Ю) м); неровное дно обнаружилось на отметке 1,9 м от 0.

Погребение 1, судя по стратиграфическим наблюдениям в западном фасе центральной бровки (рис. 1: *Б*) и западном борте раскопа (кв. 5), было совершено в подквадратной (около 4 × 4 м) со слегка скругленными углами яме, ориентированной сторонами по линии СЗС – ЮВЮ (ССВ – ЮЮЗ); глубина от древнего горизонта – около 1,2 м (рис. 1: *А*). Дно ямы было неровным, очевидно, в результате действий грабителей.

К остаткам перекрытия предположительно можно отнести лишь незначительное количество мелких фрагментов дерева, зафиксированных в заполнении у самого дна в северной части ямы, а также тлен от деревянной плашки длиной более 1,3 м, шириной 5–7 см, лежавшей горизонтально вдоль северо-западной стенки на месте предполагаемого угла ямы, приблизительно на уровне дна.

Плотный затечный грунт грабительской ямы над разрушенной частью погр. 1 практически не содержал находок, но участок перемещенного культурного слоя был прослежен в заполнении погр. 1 в западном фасе центральной бровки (рис. 1: *Б*). Среди керамики были представлены фрагменты горшков с «воротничковыми» венчиками, которые встречаются на местной кухонной посуде от протомеотского периода вплоть до VI–V вв. до н. э. (*Шарафутдинова*, 1989. С. 52. Рис. 7: *1, 2, 5*; *Лимберис, Марченко*, 2012. С. 36. Рис. 20: *1, 2*).

---

[1] Предположительно, со слоем можно связывать и находку плоского каменного (сланцевого) орудия с подработанными краями, найденную в центральной бровке у нижней границы культурного слоя (комплекс V). Отметим, что большая серия кремневых орудий, в т. ч. и на пластинах, происходит из верхнего – протомеотского – слоя поселения Красногвардейское II (*Шарафутдинова*, 1989. С. 51. Рис. 6: *11–19*).

[2] Остеологический материал был рассмотрен канд. биол. наук Е. В. Добровольской.

[3] Условное название для находок, в том числе единичных, обнаруженных вне погребений.

Костей человека как в пределах погр. 1 и грабительской ямы, так и в целом в центральной части кург. 2 обнаружено не было.

Южный сектор ориентировки сопровождающих конских захоронений и размещение их на уступах или заплечиках близ основного захоронения известны в финальных памятниках протомеотской культуры, и, очевидно, эта традиция переходит в памятники келермесского этапа (*Эрлих и др.*, 2009. С. 407. Рис. 3). Реконструируемые параметры могильной конструкции погребения 1 в целом соответствуют погребальным традициям раннескифской (келермесской) эпохи. Они примерно совпадают с размерами могильной камеры Ульского кургана 1 1910 г. (*Галанина*, 1999. С. 58).

Находки в пределах могильной ямы погр. 1 и грабительской ямы

У юго-западной стенки ямы, параллельно ей, на дне находился скелет лошади, не потревоженный грабителями. Лошадь была положена на живот с завалом на левый бок, головой на ЮВЮ; передние и задние ноги подогнуты, череп лежал на левой стороне. Шейный отдел позвоночника изогнут так, что позвонки находились вентральной поверхностью вверх; задние ноги и таз – в положении «на животе».

На дне ямы, у черепа, плечевых костей и между подвздошными костями встречены фрагменты лепных керамических сосудов (рис. 1: *А-1–4*) и угольки, попавшие в погребение из культурного слоя.

Между челюстями лошади были расчищены бронзовые удила со стремечковидными петлями вместе с продетыми в них железными стержневидными псалиями (рис. 1: *А-5*; 3: *1*).

У черепа обнаружены три бронзовых цилиндрических распределителя уздечных ремней (рис. 1: *А-6–8*; 2: *3*): два – по обеим сторонам черепа, один – под правой лопаткой.

Под черепом найдена также бронзовая уздечная бляшка в виде лошадиного копыта (рис. 1: *А*-9; 2: *4*).

В районе поясничных позвонков (за спиной лошади) найден небольшой неправильной формы камень без следов обработки (рис. 1: *А-10*), около таза – оселок из камня серовато-белого цвета, пирамидальной формы, с подшлифованной поверхностью (рис. 1: *А*-11; 3: *3*).

Этим исчерпываются предметы, найденные in situ. Ряд находок был сделан на дне и в северной части ямы погр. 1 и на дне грабительской ямы в явно перемещенном состоянии. К ним относятся: керамическое пряслице (рис. 1: *А-12*; 3: *4*); бронзовая бутероль с рельефным изображением свернувшегося хищника (рис. 1: *А-13*; 2: *1*); железный нож (рис. 1: *А-14*; 3: *5*); фрагменты железного чешуйчатого панциря (рис. 1: *А-15*; 3: *6*); часть втулки железного копья (рис. 1: *А-16*); фрагменты керамики (рис. 1: *А-17–19*); бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 1: *А-20*; 2: *2*) и обломки бронзовых пластин (рис. 1: *А-21, 22*).

Несомненно, из погр. 1 происходят также зафиксированные вне предполагаемого контура ямы на глубине ее дна фрагменты бронзовых предметов: мелкий

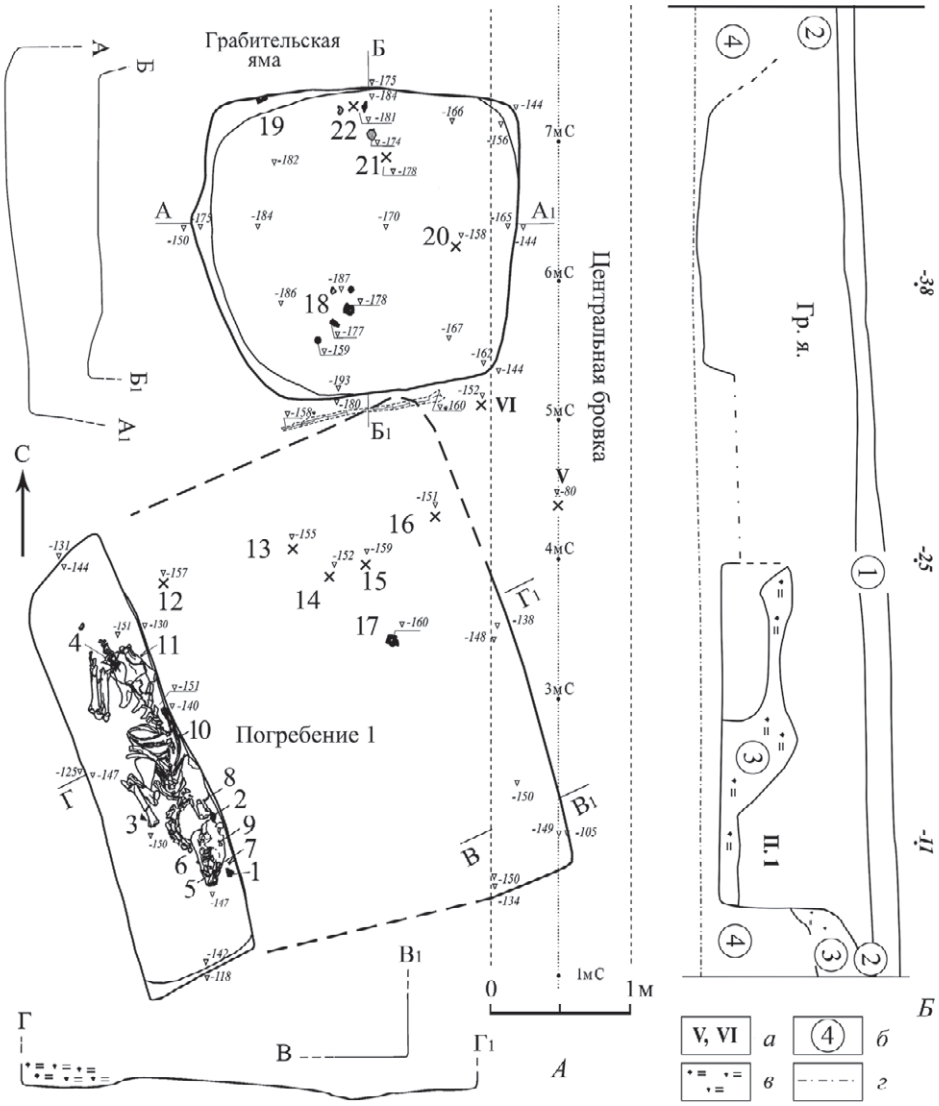


Рис. 1. Могильник Дыш IV. Курган 2.
План и разрезы погребения 1 и грабительской ямы

А – план и разрезы: *1–4*, *17–19* – фрагменты сосудов; *5* – удила и псалии; *6–8* – распределители ремней; *9* – бляшка; *10* – камень; *11* – оселок; *12* – пряслице; *13* – бутероль; *14* – нож; *15* – фрагменты панциря; *16* – фрагмент втулки копья; *20* – наконечник стрелы; *21, 22* – фрагменты пластин; *Б* – разрезы объектов в западном фасе центральной бровки

Условные обозначения: *а* – комплексы V и VI; *б* – слои (*1* – гумус (пахота); *2* – светло-коричневый суглинок (насыпь); *3* – серый суглинок с включениями золы и фрагментов керамики (культурный слой); *4* – желтый суглинок – материк); *в* – угольки, зола и фрагменты керамики в заполнении ямы погр. 1; *г* – предполагаемый уровень участка дна грабительской ямы

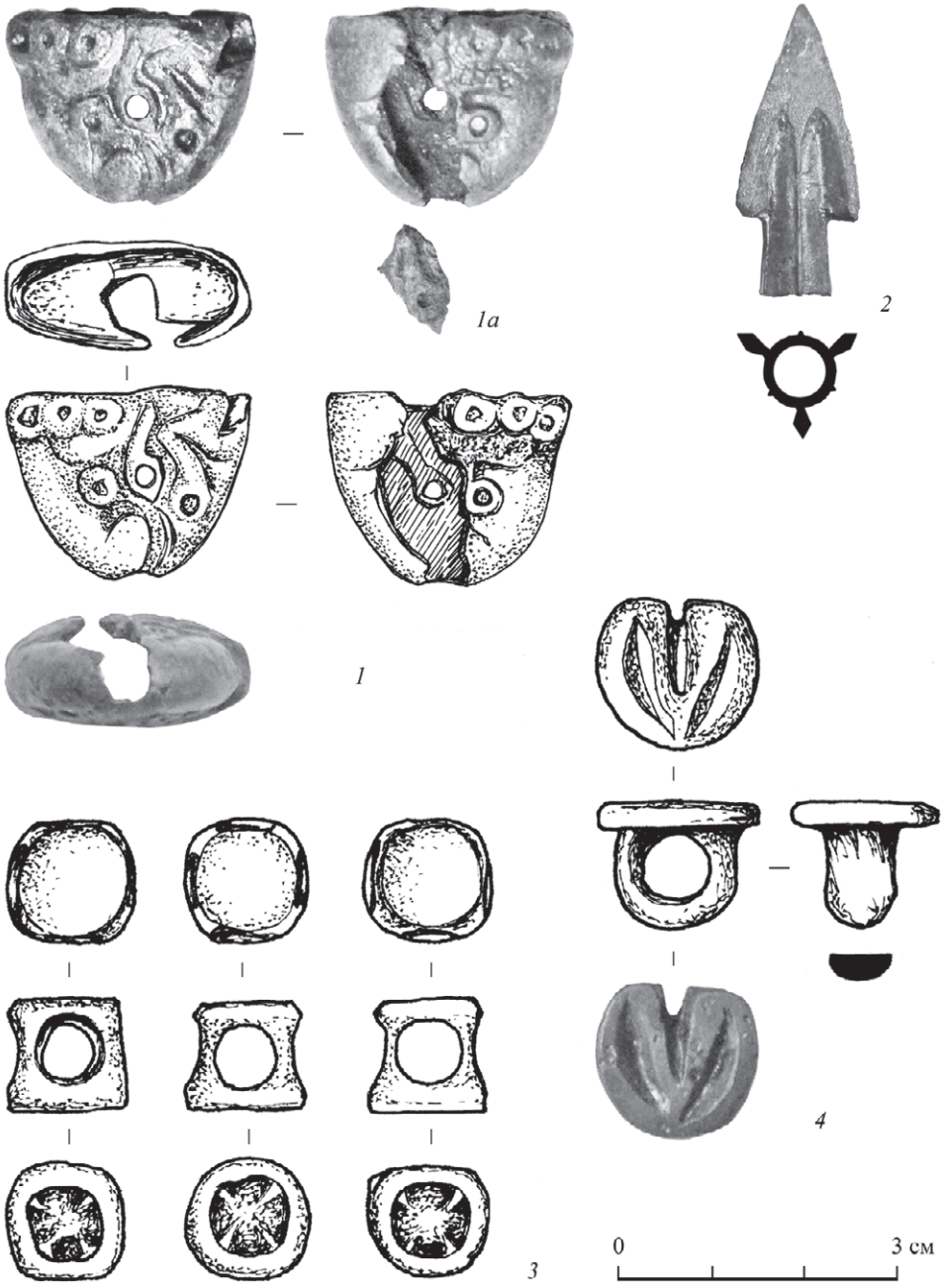


Рис. 2. Могильник Дыш IV. Курган 2, погребение 1. Бронзовые предметы

1 – бутероль; *2* – наконечник стрелы; *3* – распределители уздечных ремней; *4* – уздечная бляшка

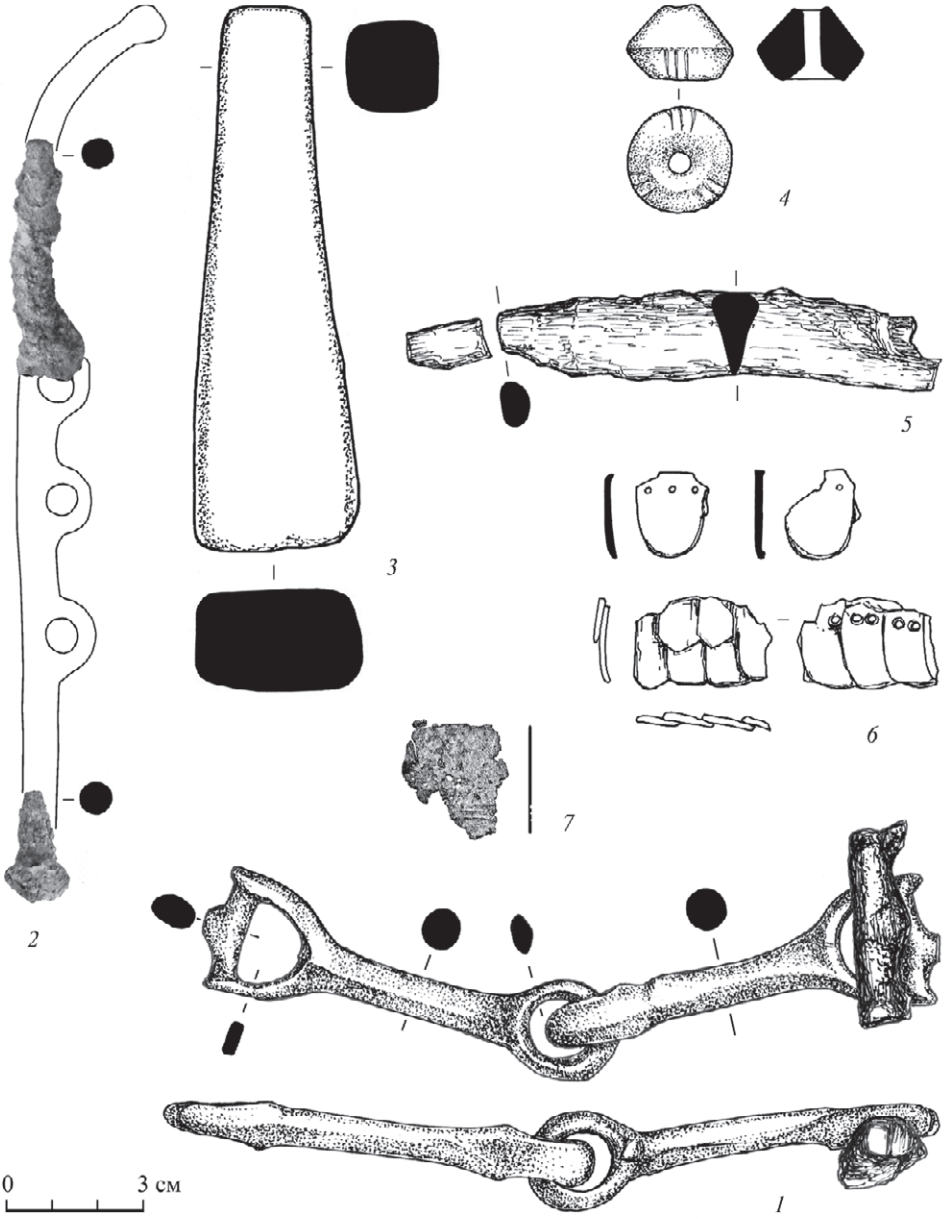


Рис. 3. Могильник Дыш IV. Курган 2, погребение 1. Погребальный инвентарь

1 – удила; *2* – фрагменты псалиев; *3* – оселок; *4* – пряслице; *5* – нож; *6* – фрагменты доспеха; *7* – фрагмент пластины

1, 7 – бронза; *2, 5, 6* –железо; *3* – камень; *4* – керамика

обломок бутероли с рельефным изображением задней лапы хищника (комплекс VI между ямами) (рис. 2: *1а*), мелкие фрагменты листовой бронзы (комплекс VII в 1,5 м к С от грабительской ямы, в материке). Возможно, с погр. 1 также можно также связать обломок бронзовой пластины с рельефными полосами (рис. 3: *7*), найденный в отвале в северной поле кургана.

Сохранившиеся остатки погребального инвентаря можно разделить на три группы: предметы вооружения, конского снаряжения и условно бытового назначения.

К предметам вооружения относятся: бутероль, наконечник стрелы, фрагменты панциря, обломки втулки железного копья.

Литой наконечник ножен акинака – *бронзовая бутероль* (рис. 2: *1*). Размеры: 2,6 × 2,1 × 1,1 см, толщина стенок – 0,1–0,3 см. Декорирована с двух сторон симметричным рельефным профильным изображением свернувшегося в кольцо хищника, вписанного в полуовал фронтальных плоскостей бутероли. Фигуры хищников не соприкасаются и разграничены скругленными латеральными поверхностями.

В верхней части бутероли тремя горизонтальными овальными выступами обозначена морда зверя с намеченными округлыми углублениями уха, глаза и ноздрей. Уши, примыкающие к затылку, образуют небольшой выступ. Тело хищника свернуто в кольцо. Рельефно выделен овальный плечевой пояс и намечено бедро. Подогнутые ноги наложены на туловище. Окончания лап оформлены кружками с округлым углублением посередине. Аналогично оформлено и окончание изогнутого хвоста, который расположен между бедром и носом, в результате чего его завиток оказывается в центре бутероли. В окончании хвоста имеется округлое отверстие для крепления к ножнам. Несмотря на миниатюрность изделия, оно играло определенную роль в подвеске ножен.

На внутренней поверхности бутероли, несмотря на плохую сохранность, можно различить негатив наружного изображения, свидетельствующий, что предмет изготовлен с использованием утрачиваемой литейной формы.

Образ свернувшегося хищника относится к одному из древнейших консолидирующих образов искусства звериного стиля. Весьма вероятно, что иконографическая схема подобных изображений могла быть на раннем этапе заимствована кочевниками в Китае (*Богданов*, 2006. С. 36–38. Рис. 4. Табл. XI–XIII)[4]. В восточных областях степного пояса Евразии изображения свернувшихся кошачьих хищников известны на оленных камнях (*Ковалев*, 2000. Рис. 16; *Волков*, 2002. Табл. 4; 34; 69). На бронзовых предметах они появляются с периода, синхронного созданию кургана Аржан I (*Членова*, 1967. Табл. 27: *1–7*; 1997. Рис. 17: *5, 7*; *Рукавишникова*, 2016. С. 84. Рис. 1: *4*).

Наиболее ранними образцами скифских ножен, оканчивающихся выступающими бутеролями, являются составные золотые обкладки парадных мечей из Мельгуновского кургана и кургана 1/III Келермесского м-ка, изготовленные примерно во втор. трети VII в. до н. э. урартскими торевтами для скифских вождей царского ранга (*Галанина*, 1997. С. 222. Табл. 7; 9; *Кисель*, 2003. С. 28–30,

[4] Версию о луристанских истоках данного образа сегодня можно отвергнуть (*Погребова, Раевский*, 1992. С. 107. Рис. 4).

123, 124. Кат. 1; 4; *Дараган*, 2011. С. 580). Частью подобных целых ножен, очевидно, была бутероль из Зивие, также изготовленная ближневосточными мастерами (*Погребова, Раевский*, 1992. Рис. 1: *ж*). Еще две костяные бутероли, происходят из слоев, перекрывающих слой киммерийского разгрома в Сардах (*Иванчик*, 2001. С. 74, 75. Рис. 31; 32). Все они украшены репликами образа свернувшегося хищника. М. Н. Погребова и Д. С. Раевский предполагали, что формирование этого образа происходило на фоне появления древностей «скифского пласта Зивие» и не разделяли серию бутеролей с такими изображениями из закавказских памятников и могильников Северного Кавказа и Поднепровья (*Погребова, Раевский*, 1992. С.106–112. Рис. 8–10; 14).

Не исключено, что келермесский тип ножен с боковой лопастью для подвески и выступающей бутеролью, служившей для свободной подвязки окончания ножен к бедру над коленом, сложился на территории Ирана (в Мидии?) (*Литвинский*, 2001. С. 223–228, 241, 242). При такой подвеске, согласно ахеменидским изображениям, лопасть ножен была направлена вверх к поясу, а рукоять акинака – назад, в соответствии с положением ноги всадника (Там же. Табл. 45, 46; 50–54). Появление ножен такого типа в Предкавказье и Поднепровье являлось культурной инновацией. Изображения на предскифских северокавказских стелах демонстрируют иное крепление мечей и кинжалов к широким поясам закавказского типа (*Ольховский*, 2005. Илл. 18–23; 28). Предскифские бутероли, скорее всего, восходят к ближневосточным прототипам и на этих изображениях напоминают бутероли длинных ассирийских мечей (*Маслов и др.*, 2019. С. 193, 194). Лишь на стеле из Нижнего Куркужина у ножен кинжала (определенно не акинака) с горизонтальной подвеской имеется овальная боковая лопасть (*Ольховский*, 2005. Илл. 23: *5*)[5].

В ареале раннескифской культуры, как это подтверждают изображения на скифских антропоморфных стелах, ножны с бутеролями для подвязки бытуют сравнительно недолго (*Ольховский, Евдокимов*, 1994. С. 73. Табл. 18), тогда как на территории сатрапий ахеменидской империи, они, вероятно, используются вплоть до реформы Дария III (*Переводчикова*, 1994. С. 173–179. Рис. 26: *4–9*; *Литвинский*, 2001. С. 224). Традиция крепления кинжалов к бедру с помощью парных лопастей на ножнах, появляющаяся в III–II вв. до н. э. у племен прохоровской культуры Закаспия и Южного Приуралья, связана уже с другим типом ножен и очередным восточным миграционным импульсом (*Могильников*, 1997. С. 48. Рис. 41: *5*; *Ольховский*, 2005. С. 144, 145. Рис. 143: *2*; 154).

А. Р. Канторович включил семь бутеролей с изображением свернувшегося кошачьего хищника, найденных на Северном Кавказе (6 экз.) и Поднепровье (1 экз.) в «келермесско-яблоновский» тип своей классификации образов скифского звериного стиля (*Канторович*, 2015. С. 90–97). В раннюю группу этого большого кластера изображений входят находки из таких важнейших памятников

[5] На выставке «Золото Великой степи» в Москве в марте 2019 г. были представлены составные золотые обкладки ножен, украшенные изображениями в зверином стиле, с боковой лопастью для подвески, но без бутероли, из кург. 4 м-ка Елеке Сазы в Восточном Казахстане, открытого З. Самашевым. Экспонированные находки из этого комплекса датируются, по всей видимости, концом VIII в. до н. э.

1 *2* *3*

Рис. 4. Бутероли с изображениями свернувшегося хищника

1 – ГЭ, покупка в Майкопе в 1915 г. (по: *Канторович, Шишлов*, 2014); *2* – случайная находка – Майкоп, Национальный музей Республики Адыгея (по: *Канторович, Эрлих*, 2006); *3* – хут. Степной близ Гудермеса (по: *Виноградов*, 1974)

середины – втор. пол. VII в. до н. э., как Келермесский и Краснознаменские могильники и погребение на Темир-Горе (*Канторович, Шишлов*, 2014. С. 88, 91. Рис. 6). Хотя формально эта серия изображений отделена от закавказских аналогий – тлийской серии, находок у с. Рук, Кармир-Блура (*Погребова, Раевский*, 1992. Рис. 8: *а–д*; 11), все они, несомненно, восходят к общему прототипу.

Наибольшее сходство с нашей находкой имеет бронзовая бутероль из собрания Государственного Эрмитажа – покупка 1915 г. в Майкопе (ГЭ 2514/53) (*Канторович, Шишлов*, 2014. Рис. 5: *6*) (рис. 4: *1*). Их объединяет сходная манера стилизации, расположение лап и окончания хвоста, образовывающих подобие треугольника. Основное отличие состоит в том, что в публикуемом экземпляре отверстие для крепления совмещено с окончанием хвоста, а в экземпляре из Майкопа хвост повернут к морде зверя. Данные бляхи в схематизированном виде представляют образ хищника, предельно четко выраженный на костяной бутероли, хранящейся в Майкопе (НМРА 11987) (*Канторович, Эрлих*, 2006. С. 79, 118. Кат. 43) (рис. 4: *2*).

Едва ли можно предполагать некую стилистическую эволюцию внутри этой небольшой группы изображений. Разница отчасти объясняется воплощением одного образа в разных техниках – литье, возможно, связанном с серийным производством, и резьбе. Хронологическим ориентиром для всех трех вышеперечисленных находок служит бронзовая бутероль с близким, но не идентичным, изображением из разрушенного кургана близ хутора Степного в Гудермесском районе Чечни, одетая на острие акинака с биметаллической рукоятью (*Виноградов*, 1974. С. 259. Рис. 1: *1, 2*) (рис. 4: *3*). Данный экземпляр был использован Д. А. Топалом, чтобы объединить в рамках «типа Гудермес» большую группу акинаков с рамочными биметаллическими рукоятями (*Топал*, 2015. С. 54–60. Рис. 1). Однако очевидно, что все эти находки (к тому же достаточно разнородные) невозможно связать исключительно с Северным Кавказом и по-прежнему видеть в них морфологическое развитие кинжалов «кабардино-пятигорского» типа (*Топал*, 2015. С. 74; 2018. С. 14).

Сформулированная А. И. Тереножкиным версия о восточных истоках происхождения акинаков (*Тереножкин*, 1976. С. 130–132. Рис. 80; 81), несмотря на многочисленные возражения (*Литвинский*, 2001. С. 238–242), сохраняет свое научное значение. Различные исследователи на разных этапах неизменно отмечали, что скифские мечи и кинжалы имеют параллели-прототипы на востоке Евразии, как бронзовые, так и биметаллические и железные (*Kossack*, 1983. S. 166–168; *Членова*, 1993. С. 70, 71, 73. Рис. 14: *9–19*; 15: *9–12*; *Таиров*, 2007. С. 143–145. Рис. 48; 49: *1–6*)[6]. Использование клинкового оружия с такой сложной для изготовления и неудобной для использования формой перекрестий, как сердцевидное, бабочковидное и др., на огромной территории от Китая до Средней Европы было обусловлено вовсе не его боевыми преимуществами, а серией миграционных перемещений, сопровождавшихся «взрывным» распространением раннескифских древностей. Сходство удаленных образцов биметаллических акинаков (*Членова*, 1967. Табл. 11: *1*; 1993. Рис. 14: *11, 12*; *Таиров*, 2007. Рис. 79: *5*) объясняется стремлением воспроизвести общий архетип – акинак «сибирского облика» (*Топал*, 2015. Рис. 3) – в новом или уже привычном материале.

На этом фоне экземпляр из Гудермеса можно отнести к одному из древнейших образцов собственно раннескифского клинкового оружия, который не может быть датирован позднее середины VII в. до н. э., а скорее относится к первой половине этого столетия.

В Тлийском могильнике (Южная Осетия) в погр. 164 и 216 (*Техов*, 1980. Рис. 12, *2, 6*; 14, *1, 5*) и кург. 2 в урочище Дарьевка в Среднем Поднепровье (*Ильинская*, 1975. Табл. XXXIV, *3, 18*) бутероли с изображениями свернувшегося хищника были найдены вместе с акинаками «келермесского» типа (*Топал*, 2018. С. 11–13). Д. А. Топал предложил рассматривать подобные акинаки как «культурный тип», значение которого выходит за пределы сугубо археологической номенклатуры (Там же. С. 16. Рис. 2). Картографированная им сводка находок подтверждает это заключение. Из Закавказья акинаки «келермесского» типа попадают на Северный Кавказ и Поднепровье – основные центры раннескифской культуры. «Облако» из случайных находок в лесостепи и Карпатском бассейне отмечает границы скифской военной экспансии, сравнимой для этой эпохи с монгольским вторжением XIII в.

Вместе с бутеролями были обнаружены импортные предметы: в погр. 216 Тлийского м-ка – урартский бронзовый пояс, попавший сюда не позднее середины VII в. до н. э. (*Техов*, 1980. Рис. 12, *16; Ольховский*, 2005. С. 66, 67. Илл. 44; *Иванчик*, 2001. С. 59–61); в Дарьевке – львиная головка из слоновой кости (*Ильинская*, 1975. С. 53. Табл. XXXIV: *1*), отмеченная опосредованным хеттским влиянием, вероятно, изготовленная в Северной Сирии[7]. Данная на-

[6] Н. Л. Членова исчерпывающе прозорливо для своего времени обозначила круг восточных параллелей для раннескифских древностей, но, на наш взгляд, ошибочно их интерпретировала, связывая с Ближним Востоком и Ираном (*Членова*, 1993. С. 73).

[7] В числе более ранних стилистических параллелей можно рассматривать головки из слоновой кости из Арслан-Таша, возможно, украшавшие мебель (*Fontan*, 2015. P. 154. Fig. 3.48).

ходка позволяет включить комплекс из Дарьевки в единый горизонт памятников с ближневосточными трофеями. Она уже была сопоставлена с львиноголовым серебряным наконечником, имеющим сходный культурно-стилистический контекст, из кургана 3/III Келермесского могильника (*Кисель*, 2003. С. 66, 131. Кат. 34; *Галанина*, 1997. Табл. 39, *40*). Важно, что из кургана 3/III также происходит серебряный ритон с золотыми накладками с изображениями в традициях ионийского ориентализирующего искусства третьей четв. – конца VII в. до н. э. (*Кисель*, 2003. С. 73–80, 132. Кат. 39; *Галанина*, 1997. Табл. 39: *41*). В итоге хронологию находок вышеперечисленных бутеролей можно ограничить втор. четв. – втор. пол. VII в. до н. э., распространив ее на всю северокавказскую серию.

Бронзовый *литой трехлопастной наконечник стрелы* (рис. 2: *2*). Размеры: общая высота – 3 см, ширина основания головки – 1,1 см, высота втулки – 0,7 см. Лопасти широкой треугольной головки подрезаны по отношению к втулке под углом, близким к прямому. На втулке имеются четыре рельефных вертикальных литейных шва. Боек в результате заточки, которая ложком переходит на верхнюю часть литейного шва, приобрел трехгранную форму.

Подобные наконечники известны в составе раннескифских стрелковых наборов втор. пол. VII в. до н. э. (*Петренко*, 1990. С. 67. Рис. 2: *К-1*; 3: *Б-13*; *Василиненко и др.*, 1993. С. 30. Рис. IV: *21–26*; V: *1*). Следует рассматривать их как вариант достаточно широко распространенных трехлопастных наконечников со сводчатой треугольной головкой и выступающей втулкой. По наблюдениям одного из авторов данной статьи, заточка наконечников производилась регулярно, очевидно, перед каждой боевой стрельбой, что не могло не сказаться на их форме. Поэтому выделенные в самостоятельные типы некоторые формы наконечников (особенно трехгранных и трехгранно-трехлопастных) таковыми не являются.

Мелкие фрагменты *железного доспеха* (наборного панциря из чешуек) представлены слегка выпуклыми пластинами (2,1 × 1,7 см, толщина ок. 2 мм) со скругленной нижней частью и тремя отверстиями под верхним прямым краем (рис. 3: *6*); расположены левосторонним набором.

Первые чешуйчатые доспехи в Центральном Предкавказье и в Закубанье известны уже с финала предскифского периода (*Маслов и др.*, 2020. Рис. 5: *12*), но их широкое распространение начинается в келермесский период, когда здесь появляются дружины скифской знати. Так, в Нартанском м-ке панцири были в трех из 15 курганов эпохи скифской архаики (*Батчаев*, 1985. Табл. 39: *28–30*; 41: *19*; 48: *36, 37*), в Краснознаменском в трех из девяти, в Келермесском – в четырех (*Рябкова*, 2010. Табл. 1: *6–9*, *18–20*).

К предметам конского снаряжения, дополняющих набор вооружения, относятся удила с обломками псалиев, уздечная бляшка и распределители для уздечных ремней.

Бронзовые литые удила со стремечковидным наружным окончанием парных звеньев с кольчатым соединением (рис. 3: *1*). Размеры: длина в развернутом виде – 17,8 см; длина звеньев – 9,1 и 9,5 см; общие размеры стремечковидной петли – 2,5 × 2,7 см; диаметр стержней звеньев – 0,7 см, внутренних колец – 2–2,2 см. Гладкие стержни звеньев снаружи переходят в арочную дугу, края которой выступают над соединяющей их округлой в сечении перемычкой. В центральной части перемычек на обоих звеньях имеются обрубленные литники

со сглаженными заполированными краями. К одному из стремечковидных окончаний прикипел фрагмент стержня железных псалиев.

Данные удила относятся к типу III-2 по классификации В. Р. Эрлиха, несколько модернизировавшего типологическую схему А. А. Иессена (*Эрлих*, 2007. С. 119, 120. Рис. 178; 179). В раннескифский период данный тип удил получает широкое распространение. В его восточных истоках, вероятно, никто давно не сомневается (*Членова*, 1993. С. 51, 58. Рис. 6). Детализированного свода раннескифских бронзовых удил пока не существует, поэтому экземпляры с неудаленными литниками следует рассматривать лишь как разновидность, вероятно, не имеющую самостоятельного типологического значения.

Для Поднепровья учтено 11 экз. целых и семь отдельных звеньев удил с выступами над перемычкой и сохраненными литниками (*Могилов*, 2008. С. 17. Рис. 7; 8). Из них 15 с гладкими звеньями.

На Северном Кавказе 28 экз. (40 %) бронзовых удил со стремечковидными окончаниями имеют гладкие стержни звеньев (*Махортых*, 2014. С. 174, 175). Из них восемь экз. (шесть целых и два звена) – с боковыми выступами и литниками на перемычке (*Батчаев*, 1985. Табл. 48: *2–4*; *Галанина*, 1999. Рис. 1: *3*; *Эрлих*, 2007. Рис. 178: *2*, *11*; *Могилов*, 2008. С. 17).

Встречаются подобные удила и на сопредельных территориях – в Крыму (*Колотухин*, 1996. Рис. 53: *33*), на Нижнем Дону (*Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 182. Рис. 2: *9*), Поволжье (*Смирнов*, 1961. С. 79. Рис. 43: *7*).

В комплекте с удилами были *железные псалии* – стержневидные, трехпетельчатые, с изогнутым верхним окончанием, сохранившиеся во фрагментах (рис. 3: *2*). Верхнее, а возможно, и оба их окончания имели завершения в виде шишечек. Несколько разновидностей таких псалиев входят в большую группу уздечных комплектов раннескифского периода (*Могилов*, 2008. С. 31. Рис. 59–62; *Махортых*, 2014. С. 179. Рис. 7).

Очевидно, скоротечный генезис этой типологической группы на основе бронзовых вариантов псалиев предскифских типов завершился на Северном Кавказе и Поднепровье уже к середине VII в. до н. э. (*Эрлих*, 2007. С. 126). Один из самых ранних комплектов железной упряжи с подобными трехпетельчатыми псалиями, отражающих связь с новочеркасскими древностями, представлен в погр. 3 Комаровского м-ка, где они сочетались с двукольчатыми удилами (*Абрамова*, 1974. Рис. 2: *9, 12*; *Петренко*, 1990. С. 64. Рис. 2: *1, 2*).

Железные псалии этого типа встречены в материалах VII в. до н. э. в Закавказье – помещ. № 25 Кармир-Блура (*Пиотровский*, 1950. С. 93. Рис. 62), погр. 4 м-ка Куланурхва в Абхазии (*Трапш*, 1962. С. 23. Табл. XX: *2*) и в Малой Азии – в первом слое Богазкёя (*Иванчик*, 2001. С. 68. Рис. 29).

Три бронзовых литых *цилиндрических столбика-распределителя* уздечных ремней с четырьмя округлыми боковыми отверстиями и отверстием в основании (рис. 2: *3*). Высота – 1,1 см, диаметр основания – 1,2 см, отверстий – 0,7–0,8 см.

Первые подобные распределители появляются в составе уздечных наборов в короткий переходный жаботинский период (*Ильинская*, 1975. Табл. VI: *2*; XXII: *2*; *Маслов и др.*, 2020. Рис. 6: *7*). Широкое распространение они получают уже в келермесское время. По данным С. В. Махортых, известно 122 экз. цилиндрических (реже в форме куба) распределителей, 55 из которых были найдены

на Северном Кавказе и 67 – на территории Лесостепной Украины (*Махортых*, 2017. С. 167. Рис. 1; 2; 6). В период переднеазиатских походов такие распределители попадают в Урарту (Тейшебаини, помещ. 18 и XXIII) и в Анатолию (*Махортых*, 2018. С. 37. Рис. 1).

Бронзовая литая *уздечная бляшка* (рис. 2: *4*), поверхность округлого щитка которой смоделирована в виде рельефной подошвы копыта лошади с характерной V-образной стрелкой, дополненной небольшим вырезом в основании. На обороте расположена округлая петля со скругленной снаружи дужкой. Размеры: высота – 1,3 см; диаметр щитка – 1,6 см.

Данная находка имеет единственную близкую аналогию в материалах Ульского кург. № 1, раскопанного Н. И. Веселовским в Адыгее в 1910 г. (*Галанина*, 1999. С. 63. Рис. 1: *9*).

Наиболее ранние изображения лошадиных копыт на востоке Евразии, очевидно, представлены на бронзовых тагарских ножах (*Членова*, 1967. С. 167, 168. Табл. 37: *13, 22*). Ножи со скульптурными навершиями в виде фигур кабанов и низкорельефными копытами у основания рукояти имеют несомненные переклички с материалами из кург. Аржан I (*Завитухина*, 1983. С. 123, 124. Кат. 71–74). Немного позднее, в конце VIII – VII в. до н. э., на территории Казахстана, Саяно-Алтая и Приаралья изображения копыта получают самое широкое распространение: их помещают на псалиях и подпружных пряжках (*Вишневская*, 1973. Табл. I: *5*; V: *11*; VIII: *8*; *Итина*, *Яблонский*, 1997. Рис. 76; *Шульга*, 2008. Рис. 62: *1, 3, 13–16, 23*; 75: *4*). На этом этапе изображение копыта иногда дополняет основные образы звериного стиля – кошачьего хищника, оленя или лошади (*Вишневская*, 1973. Табл. XXVIII: *8, 14*; *Итина, Яблонский*, 1997. Рис. 47: *15*).

В целом нет сомнений в восточных истоках происхождения образа редуцированного копыта, который, очевидно, прямо или опосредованно попадает в Предкавказье из сакского мира (*Членова*, 2000. С. 100, 101). В раннескифских материалах самостоятельный вариант этого образа достаточно редок и не получает дальнейшего развития (*Канторович*, 2015. С. 580, 581. Рис. 28: *2–5*). Напротив, в Южном Приуралье, как сакское культурное наследие, он существует вплоть до IV в. до н. э. (*Королькова*, 2006. С. 52, 53. Табл. 20).

Следует отметить, что в изображениях свернувшегося кошачьего хищника на бутеролях в ряде случаев ухо обозначено в виде подошвы конского копыта (*Погребова, Раевский*, 1992. Рис. 1: *ж*; 8–11; *Иванчик*, 2001. Рис. 31; *Канторович, Шишлов*, 2014. С. 87. Рис. 5: *1, 5, 7*), а на бутероли из Фаскау копыто помещено в области бедра (*Мошинский, Переводчикова*, 2004. С. 6. Рис. 1: *1*)[8]. В нашем случае образы копыта и свернувшийся хищника, хотя и не объединенные вместе, были представлены в паноплии скифского воина-всадника.

Как бытовые предметы формально можно рассматривать нож, оселок, пряслице и фрагменты листовой бронзы.

Железный *однолезвийный нож* с обломанным острием и черешком (рис. 3: *5*). Спинка утолщенная, изогнутая, лезвие слегка вогнутое, черешок являлся продолжением спинки, плавно переходящим в лезвийную часть. Общие размеры –

[8] Авторы публикации именуют его «сердцевидной фигурой».

7,6 × 1,4 × 0,4 см. Подобные ножи появляются в Закубанье еще в предскифский период (*Эрлих*, 2007. С. 153. Рис. 213: *16*).

Оселок из камня (11 × 2–3,2 × 1,9 см) беловато-серого цвета имеет форму, близкую к усечено-пирамидальной со скругленными гранями (рис. 3: *3*). В предскифский период оселки на Северном Кавказе в ареале западнокобанской и протомеотской культур являются важным атрибутом мужских захоронений (Там же. С. 154, 155. Рис. 214). Предскифские оселки подвешивались к поясу через отверстие в верхней части. В пяти случаях их изображения имеются на северокавказских оленных камнях, являющихся обобщенным воинским образом (*Ольховский*, 2005. Илл. 35). Однако их изображений нет на раннескифских изваяниях, где широко представлены предметы вооружения (*Ольховский, Евдокимов*, 1994. Табл. 10). Серия похожих оселков, без отверстия для подвески, происходит из раннескифских рядовых впускных погребений Нижнего Дона (*Беспалый, Парусимов*, 1991. Рис. 3: *13*; 4: *3, 20*). Они явно не были статусными предметами.

Керамическое пряслице усеченно-биконической формы с хорошо выделенным ребром и скругленным углублением в основании (рис. 3: *4*). Основание декорировано прочерченными вертикальными линиями, сгруппированными в три полоски из трех линий в каждой. Размеры: наибольший диаметр – 4,2 см, высота – 1,5 см. Форма пряслица достаточно универсальна, но с таким декором оно больше напоминает пряслица западнокобанской, а не меотской культуры (*Эрлих*, 2007. Рис. 215: *14–18*; *Козенкова*, 1998. Табл. VIII: *5–11*). Пряслица, являясь скорее женским атрибутом, иногда встречаются в инвентаре раннескифских воинских захоронений (*Скорый*, 2003. Рис. 1: *1*, *2*; 21: *7*). В последнее время были выдвинуты предположения, что пряслица могли использоваться в гадании (*Фёдоров*, 2018. С. 29, 30). Однако точно так же они могли быть символами домашнего очага или женщины, оставшейся в земном мире.

Обломки тонкой (1–1,5 мм) *листовой бронзы*, скорее всего, являются фрагментами сосуда. Бронзовая посуда известна в Закубанье с предскифского времени (*Эрлих*, 2007. С. 82). В келермесский период наряду с кавказскими изделиями в ареале раннескифской культуры появляются трофейные ассиро-урартские бронзовые сосуды (*Кисель*, 2003. С. 132. Кат. 37, 38). На одном из фрагментов, найденных в насыпи (рис. 3: *7*), имеется полосчатое рифление, отсутствующее на кавказской бронзовой посуде и напоминающее рифление на ассирийской чаше из Новозаведенского м-ка (*Кореняко*, 2001. С. 59. Рис. 4: *1*) и на бронзовых деталях колесницы из Южной гробницы кург. 1 Краснознаменского м-ка (*Петренко*, 2006. Табл. 52: *67, 68*).

Подводя итоги, следует отметить, что культурное и хронологическое положение основного погребения кург. 2 Дышского м-ка достаточно определенно – этот комплекс относится к скифской архаической культуре (келермесскому этапу). Его дата не выходит за пределы втор. пол. VII в. до н. э. или скорее третьей четв. этого столетия. От новочеркасско-жаботинского комплекса в соседнем кург. 3 его отделяет лишь несколько десятилетий в пределах жизни одного поколения (*Маслов и др.*, 2020). Поэтому очень важно, что на материалах Дышского м-ка можно проследить культурную эстафету от жаботинских древностей к келермесским. Если первые связаны с начальным

этапом киммерийских походов в Переднюю Азию, то вторые – с полномасштабным скифским вторжением из Закавказья, сопровождавшимся изменением культурных кодов на большой территории.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. № 2. С. 195–213.

Андреева М. В., Гей А. Н., 2015. Дыш IV – новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Предкавказье // АО 2010–2013 гг. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 316–318.

Батчаев В. М., 1985. Древности предскифского и скифского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2: Памятники эпохи бронзы и раннего железа / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.

Беспалый Е. И., Парусимов И. Н., 1991. Комплексы переходного и раннескифского времени на Нижнем Дону // СА. № 3. С. 179–195.

Богданов Е. С., 2006. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 240 с.

Василиненко Д. Э., Кондрашов А. В., Пьянков А. В., 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья / Ред. Б. А. Раев. Краснодар: Скифская галерея. С. 21–38.

Виноградов В. Б., 1974. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА. № 4. С. 258–263.

Вишневская О. А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.: по материалам Уйгарака. М.: Наука. 160 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; т. VIII.)

Волков В. В., 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир. 248 с.

Галанина Л. К., 1997. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи**.** М.: Палеограф. 269 с.; 44 табл. (Степные народы Евразии; т. I.)

Галанина Л. К., 1999. Ульский курган (раскопки Н. И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. Вып. 34. С. 58–67.

Дараган М. Н., 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев: КНТ. 848 с.

Завитухина М. П., 1983. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство. 192 с.

Иванчик А. И., 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф. 324 с. (Степные народы Евразии; т. II.)

Ильинская В. А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясьмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наукова думка. 222 с.

Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН. 187 с.

Канторович А. Р., 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: дис. ... д-ра ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2844–2846.

Канторович А. Р., Шишлов А. В., 2014. Зооморфная бутероль из курганной группы «Семигорье» и базовая тенденция в реализации сюжета свернувшегося хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // Вестник Южного научного центра РАН. Т. 10. № 4. С. 85–95.

Канторович А. Р., Эрлих В. Р., 2006. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (VIII–III века до н. э.). М.: Гос. музей Востока. 160 с., 36 с.: ил.

Кисель В. А., 2003. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение. 192 с.

Ковалев А. А., 2000. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред. В. С. Ольховский. М.: ГЕОС. С. 138–179.

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; вып. В2-5.)

Колотухин В. А., 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (Этнокультурные процессы). Киев: Южногородские ведомости. 161 с.

Кореняко В. А., 2001. Курган раннескифского времени у села Новозаведенного в Ставропольском крае // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: ИА РАН. С. 52–64. (Материалы и исследования по археологии России. № 3.)

Королькова Е.Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция. 316 с.

Литвинский Б. А., 2001. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература. 528 с.: ил.

Маслов В. Е., Гей А. Н., Андреева М. В., 2020. Курган раннескифского времени в Адыгее (могильник Дыш IV) // SP. № 3. С. 293–330.

Маслов В. Е., Окороков К. С., Клещенко А. А., 2019. Раннескифское воинское погребение из могильника Бейсужек XXXV в Прикубанье // КСИА. Вып. 256. С. 188–206.

Махортых С.В., 2014. Конское снаряжение всадников Предкавказья и Украинской лесостепи в VII–VI вв. до н. э. // Всадники Великой степи: традиции и новации. Астана. С. 174–187. (Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана; т. IV.)

Махортых С. В., 2017. Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII–VI вв. до н. э. // Археологія і давня історія України. Вип. 23 (2): Старожитності раннього залізного віку. Київ: ІА НАНУ. С. 166–184.

Махортых С. В., 2018. Распределители ремней конской упряжи VII–VI вв. до н. э. в Закавказье и Передней Азии // Археологія і давня історія України. Вип. 27 (2). Київ: ІА НАНУ. С. 35–50.

Могилов О. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: Мошиньский. 439 с.

Могильников В. А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. М.: ИА РАН. 196 с.

Мошинский А. П., Переводчикова Е. В., 2004. Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь. С. 5–26.

Ольховский В. С., 2005. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука. 299 с.

Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М. 188 с.

Переводчикова Е. В., 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература. 206 с.

Петренко В. Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: ИА РАН. С. 60–81.

Петренко В. Г., 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф. 306 с. (Степные народы Евразии; т. III.)

Пиотровский Б. Б., 1950. Кармир-Блур I. Результаты работ Археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа 1939–1949 гг. Ереван: АН Армянской ССР. 100 с.: ил. (Археологические раскопки в Армении; № 1.)

Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.: Наука. 260 с.: ил.

Рукавишникова И. В., 2016. Курган Аржан 5 // Россия как археологическое пространство / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 84–85.

Рябкова Т. В., 2010. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // АСГЭ. Вып. 38. С. 87–106.

Скорый С. А., 2003. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев: ИА НАНУ. 161 с.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: АН СССР. 162 с.: ил. (МИА; № 101.)

Таиров А. Д., 2007. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т. 274 с.

Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка. 224 с.

Техов Б. В., 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника). М.: Наука. 93 с.
Топал Д. А., 2015. Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 13 / Отв. ред. И. В. Бруяко. Одесса: СМИЛ. С. 54–79.
Топал Д. А., 2018. Акинаки келермесского типа с территории Республики Молдова // Археология ранних кочевников Евразии / Отв. ред. В. Н. Мышкин. Самара: Кн. изд-во. С. 7–21.
Трапш М. М., 1962. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми: Абгиз. 82 с.: ил.
Фёдоров В. К., 2018. Бронзовые колесики в погребениях ранних кочевников // Археология ранних кочевников Евразии / Отв. ред. В. Н. Мышкин. Самара: Кн. изд-во. С. 22–40.
Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 300 с.
Членова Н. Л., 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. № 7. С. 49–75.
Членова Н. Л., 1997. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур раннескифского мира. М.: ИА РАН. 98 с.
Членова Н. Л., 2000. Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // РА. № 1. С. 90–106.
Шарафутдинова Э. С., 1989. Двухслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов / Отв. ред. Н. В. Анфимов. Майкоп: Адыгейский науч.-исслед. ин-т экономики, языка и истории. С. 46–73.
Шульга П. И., 2008. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. Барнаул: Азбука. 276 с.
Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука. 430 с. ил.
Эрлих В. Р., Вальчак С. Б., Маслов В. Е., 2009. Протомеотские погребения из кургана 2 могильника Уашхиту I // Эпоха раннего железа / Отв. ред. С. И. Бессонова. Киев; Полтава: ИА НАНУ. С. 394–417.

Fontan E., 2015. Ivories of Arslan Tash // Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age / Eds.: J. Aruz, Y. Rakic., S. Graff. New York: The Metropolitan Museum of Art. P. 152–156.
Kossack G., 1983. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 5. München: Beck. S. 89–186.

Сведения об авторах

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru;

Андреева Марина Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: amvlad11@yandex.ru;

Гей Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: donkuban@mail.ru

V. E. Maslov, M. V. Andreeva, A. N. Gey

A KURGAN OF THE KELERMES PERIOD AT THE DYSH IV CEMETERY (REPUBLIC OF ADYGEA)

Abstract. This paper deals with materials from excavations of kurgan 2 at the Dysh IV burial ground. It examines items from the primary burial of the kurgan focusing on a bronze cast scabbard-end decorated with a relief image of a coiled predator. The analysis of the data indicates that the kurgan was constructed in the third quarter of the 7th century BC.

Keywords: North Caucasus, Adygea, Scythians, Maeotians, scabbard-end, animal style.

REFERENCES

Abramova M. P., 1974. Pogrebeniya skifskogo vremeni Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Burials of Scythian time from Central Fore-Caucasus]. *SA*, 2, pp. 195–213.

Andreeva M. V., Gey A. N., 2015. Dysh IV – novyy kul'tovo-pogrebal'nyy pamyatnik rannego zheleznogo veka v Predkavkazye [Dysh IV – new cult and burial site of Early Iron Age in Fore-Caucasus]. *AO 2010–2013*. N. V. Lopatin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 316–318.

Batchaev V. M., 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo vremeni [Antiquitis of pre-Scythian and Scythian time]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria, 1972–1979], 2. Pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleza [Bronze Age and Early Iron Age sites]*. M. P. Abramova, V. I. Kozenkova, eds. Nalchik: Elbrus, pp. 7–115.

Bespalyy E. I., Parusimov I. N., 1991. Kompleksy perekhodnogo i ranneskifskogo periodov na Nizhnem Donu [Complexes of transitional and early Scythian periods on Lower Don]. *SA*, 3, pp. 179–195.

Bogdanov E. S., 2006. Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noy Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya) [Image of a predator in plastic art of nomadic peoples of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 240 p.

Chlenova N. L., 1967. Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [Origin and early history of of Tagar culture tribes]. Moscow: Nauka. 300 p.

Chlenova N. L., 1993. O stepeni skhodstva komponentov material'noy kul'tury v predelakh «Skifskogo mira» [On degree of similarity of components of material culture within «Scythian world»]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik [St. Petersburg archaeological bulletin]*, 7, pp. 49–75.

Chlenova N. L., 1997. Tsentral'naya Aziya i skify [Central Asia and Scythians]. I. Data kurgana Arzhan i ego mesto v sisteme kul'tur ranneskifskogo mira [Date of Arzhan kurgan and its place in system of cultures of early Scythian world]. Moscow: IA RAN. 98 p.

Chlenova N. L., 2000. Oleni, koni i kopyta (o svyazyakh Mongolii, Kazakhstana i Sredney Azii v skifskuyu epokhu) [Deer, horses and hooves (on relations of Mongolia, Kazakhstan and Central Asia in Scythian epoch)]. *RA*, 1, pp. 90–106.

Daragan M. N., 2011. Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi [Beginning of Early Iron Age in Dnieper right-bank forest-steppe]. Kiev: KNT. 848 p.

Erlikh V. R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka [North-Western Caucasus in beginning of Iron Age]. Moscow: Nauka. 430 p. ill.

Erlikh V. R., Valchak S. B., Maslov V. E., 2009. Protomeotskie pogrebeniya iz kurgana 2 mogil'nika Uashkhitu I [Proto-Maeotian burials from kurgan 2 of Uashkhitu I cemetery]. *Epokha rannego zheleza [Early Iron Age]*. S. I. Bessonova, ed. Kiev; Poltava: IA NANU, pp. 394–417.

Fedorov V. K., 2018. Bronzovye kolesiki v pogrebeniyakh rannikh kochevnikov [Bronze wheels in burials of early nomads]. *Arkheologiya rannikh kochevnikov Evrazii [Archaeology of Eurasia early nomads]*. V. N. Myshkin, ed. Samara: Knizhnoe izdatel'stvo, pp. 22–40.

Galanina L. K., 1997. Kelermesskie kurgany: «Tsarskie» pogrebeniya ranneskifskoy epokhi [Kelermes kurgans: «Royal» burials of early Scythian epoch]. Moscow: Paleograf. 269 p. 44 tabl. (Stepnye narody Evrazii, I.)

Galanina L. K., 1999. Ulskiy kurgan (raskopki N. I. Veselovskogo v 1910 g.) [Ulskiy kurgan (excavations by N. I. Veselovskiy in 1910)]. *ASGE*, 34, pp. 58–67.

Il'inskaya V. A., 1975. Ranneskifskie kurgany basseyna r. Tyasmin (VII–VI vv. do n. e.) [Early Scythian kurgans of Tyasmin river basin (VII–VI cc. BC)]. Kiev: Naukova dumka. 222 p.

Itina M. A., Yablonskiy L. T., 1997. Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagisken) [Saka of Lower Syr Darya (based on materials from Yuznyy Tagisken cemetery)]. Moscow: ROSSPEN. 187 p.

Ivanchik A. I., 2001. Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni [Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological problems of archeology of East European steppes and Caucasus of pre- and early Scythian time]. Moscow: Paleograf. 324 p. (Stepnye narody Evrazii, II.)

Kantorovich A. R. Skifskiy zverinyy stil' Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [Scythian animal style of Eastern Europe:

classification, typology, chronology, evolution: Thesis presented for the degree of Doctor of Science]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Kantorovich A. R., Erlikh V. R., 2006. Bronzoliteynoe iskusstvo iz kurganov Adygei (VIII–III veka do n. e.) [Bronze-casting art pieces from Adygea mounds (VIII–III centuries BC)]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey Vostoka. 160 p., 36 p. ill.

Kantorovich A. R., Shishlov A. V., 2014. Zoomorfnaya buterol' iz kurgannoy gruppy «Semigorye» i bazovaya tendentsiya v realizatsii syuzheta svernuvshegosya v kol'tso khishchnika v vostochno-evropeyskom skifskom zverinom stile [Zoomorphic buterol from kurgan group «Semigorye» and basic trend in implementation of the subject of coiled predator in East European Scythian animal style]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Southern scientific center RAS]*, vol. 10, no. 4, pp. 85–95.

Kisel V. A., 2003. Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov [Masterpieces of jewelers of Ancient Orient from Scythian kurgans]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 192 p.

Kolotukhin V. A., 1996. Gornyy Krym v epokhu pozdney bronzy – nachale zheleznogo veka (Etnokul'turnye protsessy) [Mountain Crimea in Late Bronze Age – beginning of Iron Age (ethno-cultural processes)]. Kiev: Yuzhnogorodskie vedomosti. 161 p.

Korenyako V. A., 2001. Kurgan ranneskifskogo vremeni u sela Novozavedennogo v Stavropol'skom krae [Kurgan of early Scythian time near village Novozavedennoye, Stavropol region]. *Severnyy Kavkaz: istoriko-arkheologicheskie ocherki i zametki [North Caucasus: historical and archaeological essays and notes]*. M. P. Abramova, V. I. Markovin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 52–64. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 3.)

Korolkova E. F., 2006. Zverinyy stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n. e.) [Animal style of Eurasia. Art of Lower Volga and Southern Urals tribes in Scythian epoch (VII–IV c. BC)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 272 p.

Kovalev A. A., 2000. O proiskhozhdenii olennykh kamney zapadnogo regiona [On origin of deer stones in Western region]. *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii [Archaeology, paleoecology and paleodemography of Eurasia]*. V. S. Olkhovskiy, ed. Moscow: GEOS, pp. 138–179.

Kozenkova V. I., 1998. Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant [Material basis of life of Koban tribes. Western variant]. Moscow: IA RAN. 200 p. (SAI.)

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2012. Meotskie drevnosti VI–V vv. do n. e. (po materialam gruntovykh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani) [Maeotian antiquities of VI–V cc. BC (based on materials of ground cemeteries on Kuban right bank)]. Krasnodar: Traditsiya. 316 p.

Litvinskiy B. A., 2001. Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyy Tadzhikistan) [Oxus temple in Bactria (South Tajikistan)], 2. Baktriyskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste [Bactrian armament in ancient Oriental and Greek context]. Moscow: Vostochnaya literatura. 528 p., ill.

Makhortykh S. V., 2014. Konskoe snaryazhenie vsadnikov Predkavkaz'ya i Ukrainskoy lesostepi v VII–VI vv. do n. e. [Horse equipment of riders of Fore-Caucasus and Ukrainian forest-steppe in VII–VI cc. BC.]. *Vsadniki Velikoy stepi: traditsii i novatsii [Riders of the Great steppe: traditions and innovations]*. Astana, pp. 174–187. (Trudy filiala Instituta arkheologii imeni A. Kh. Margulana, IV.)

Makhortykh S. V., 2017. Pronizi dlya perekrestnykh remney konskoy upryazhi na yuge Vostochnoy Evropy v VII–VI vv. do n. e. [Distributers of crossed belts for horse harness in the South of Eastern Europe in VII–VI cc. BC]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini [Archaeology and early history of Ukraine], 2 (23). Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku [Antiquities of Early Iron Age]*. Kiev: IA NANU, pp. 166–184.

Makhortykh S. V., 2018. Raspredeliteli remney konskoy upryazhi VII–VI vv. do n. e. v Zakavkaz'e i Peredney Azii [Distributers of horse harness belts in VII–VI cc. BC in Transcaucasia and Western Asia]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and early history of Ukraine]*, 2 (27). Kiev: IA NANU, pp. 35–50.

Maslov V. E., Gey A. N., Andreeva M. V., 2020. Kurgan ranneskifskogo vremeni v Adygee (mogil'nik Dysh IV) [Kurgan of early Scythian time in Adygea (cemetery Dysh IV)]. *SP*, 3, pp. 293–330.

Maslov V. E., Okorokov K. S., Kleshchenko A. A., 2019. Ranneskifskoe voinskoe pogrebenie iz mogilnika Beysuzhek XXXV v Prikuban'e [An early Scythian warrior burial from Beysuzhek XXXV cemetery in Kuban region]. *KSIA*, 256, pp. 188–206.

Mogilov O. D., 2008. Sporyadzhennya konya skifskoї doby u Lisostepu Skhidnoї Evropy [Horse harness of Scythian epoch in Forest-steppe of Eastern Europe]. Kiev; Kam'yanets-Podil'skiy: Moshyns'kyy. 439 p.

Mogil'nikov V. A., 1997. Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tys. do n. e. [Population of Upper Ob region in mid-second half of I mill. BC.]. Moscow: IA RAN. 196 p.

Moshinskiy A. P., Perevodchikova E. V., 2004. Skifskiy zverinyy stil' v kobanskikh mogil'nikakh Digorii [Scythian animal style in Koban cemeteries of Digoria]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporus studies]*, VII. Simferopol; Kerch, pp. 5–26.

Olkhovskiy V. S., 2005. Monumental'naya skul'ptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza [Monumental sculpture of population of Western part of the Eurasian steppes in Early Iron Age]. Moscow: Nauka. 299 p.

Olkhovskiy V. S., Evdokimov G. L., 1994. Skifskie izvayaniya VII–III vv. do n. e. [Scythian statues of VII–III cc. BC]. Moscow. 188 p.

Perevodchikova E. V., 1994. Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskikh stepey skifskoy epokhi [Language of animal images. Essays on art of Eurasian steppes in Scythian epoch]. Moscow: Vostochnaya literatura. 206 p.

Petrenko V. G., 1990. K voprosu o khronologii ranneskifskikh kurganov Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [On chronology of early Scythian kurgans in Central Fore-Caucasus]. *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii [Issues of Scythian-Sarmatian archeology]*. A. I. Melyukova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 60–81.

Petrenko V. G., 2006. Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze [Krasnoye Znamya cemetery. Elite kurgans of early Scythian epoch in North Caucasus]. Moscow; Berlin; Bordeaux: Paleograf. 306 p. (Stepnye narody Evrazii, III.)

Piotrovskiy B. B., 1950. Karmir-Blur [Karmir-Blur], I. Rezul'taty rabot Arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta istorii Akademii nauk Armyanskoy SSR i Gosudarstvennogo Ermitazha 1939–1949 godov [Results of works of Archaeological expedition of Institute of history, Academy of Sciences of the Armenian SSR and State Hermitage, 1939–1949]. Erevan: Izdatel'stvo AN Armyanskoy SSR. 100 p., ill. (Arkheologicheskie raskopki v Armenii, 1.)

Pogrebova M. N., Raevskiy D. S., 1992. Rannie skify i Drevniy Vostok [Early Scythians and Ancient Near East]. Moscow: Nauka. 260 p., ill.

Rukavishnikova I. V., 2016. Kurgan Arzhan 5 [Kurgan Arzhan 5]. *Rossiya kak arkheologicheskoe prostranstvo [Russia as an archaeological space]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 84, 85.

Ryabkova T. V., 2010. Cheshuychatye pantsiri ranneskifskogo vremeni [Lamellar carapaces of early Scythian time]. *ASGE*, 38, pp. 87–106.

Sharafutdinova E. S., 1989. Dvukhsloynoe poselenie Krasnogvardeyskoe II – pamyatnik epokhi pozdney bronzy – nachala rannego zheleza na Kubani [Two-layer settlement Krasnogvardeyskoye II – a site of Late Bronze Age – the beginning of Early Iron Age on Kuban]. *Meoty – predki adygov [Maeotians – ancestors of Adygs]*. N. V. Anfimov, ed. Maykop: Adygeyskiy NII ekonomiki, yazyka i istorii, pp. 46–73.

Shulga P. I., 2008. Snaryazhenie verkhovoy loshadi i voinskie poyasa na Altae [Equipment of riding horse and warriors' belts in Altai], I. Ranneskifskoe vremya [Early Scythian time]. Barnaul: Azbuka. 276 p.

Skoryy S. A., 2003. Skify v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi (problema vydeleniya iranskogo etnokul'turnogo elementa) [Scythians in Dnieper right-bank forest-steppe (issue of identifying the Iranian ethno-cultural element)]. Kiev: IA NANU. 161 p.

Smirnov K. F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Armament of Sauromatians]. Moscow: AN SSSR. 162 p., ill. (MIA, 101.)

Tairov A. D., 2007. Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–VI vv. do n. e. [Nomads of Ural-Kazakhstan steppes in VII–VI cc. BC]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskiy gos. universitet. 274 p.

Tekhov B. V., 1980. Skify i Tsentral'nyy Kavkaz v VII–VI vv. do n. e. [Scythians and Central Caucasus in VII–VI cc. BC]. Moscow: Nauka. 93 p.

Terenozhkin A. I., 1976. Kimmeriytsy [The Cimmeriams]. Kiev: Naukova dumka. 224 p.

Topal D. A., 2015. Bimetallicheskie akinaki tipa Gudermes i ispol'zovanie bronzy v izgotovlenii ranneskifskogo klinkovogo oruzhiya [Bimetallic akinaks of Gudermes type and use of bronze for manufacturing early Scythian bladed weapons]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya [Materials on archeology of North Pontic region]*, 13. I. V. Bruyako, ed. Odessa: SMIL, pp. 54–79.

Topal D. A., 2018. Akinaki kelermesskogo tipa s territorii Respubliki Moldova [Akinaks of Kelermes type from territory of Republic of Moldova]. *Arkheologiya rannikh kochevnikov Evrazii [Archaeology of early nomads of Eurasia]*. V. N. Myshkin, ed. Samara: Knizhnoe izdatelstvo, pp. 7–21.

Trapsh M. M., 1962. Pamyatniki kolkhidskoy i skifskoy kul'tur v sele Kulanurkhva Abkhazskoy ASSR [Sites of Colchis and Scythian cultures in village Kulanurkhva, Abkhaz ASSR]. Sukhumi: Abgiz. 82 p., ill.

Vasilinenko D. E., Kondrashov A. V., P'yankov A. V., 1993. Arkheologicheskie materialy predskifskogo i ranneskifskogo vremeni iz Zapadnogo Zakuban'ya [Archaeological materials of pre-Scythian and early Scythian time from Western Trans-Kuban region]. *Drevnosti Kubani i Chernomor'ya [Antiquities of Kuban and Pontic region]*. B. A. Raev, ed. Krasnodar: Skifskaya galereya, pp. 21–38.

Vinogradov V. B., 1974. Novye nakhodki predmetov skifo-sibirskogo zverinogo stilya v Checheno-Ingushetii [New finds of Scythian-Siberian animal style from Chechen-Ingushetia]. *SA*, 4, pp. 258–263.

Vishnevskaya O. A., 1973. Kul'tura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n. e.: po materialam Uygaraka [Culture of Saka tribes of Syr Darya lower reaches in VII-V cc. BC: based on materials from Uygarak]. Moscow: Nauka. 160 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, VIII.)

Volkov V. V., 2002. Olennye kamni Mongolii [Deer stones of Mongolia]. Moscow: Nauchnyy mir. 248 p.

Zavitukhina M. P., 1983. Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremya. Publikatsiya odnoy kollektsii [Ancient art on Yenisei. Scythian time. Publication of one collection]. Leningrad: Iskusstvo. 192 p.

About the authors

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maslovlad@mail.ru;

Andreeva Marina V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: amvlad11@yandex.ru;

Gey Alexander N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: donkuban@mail.ru

О. С. Румянцева, А. А. Трифонов,
Д. А. Ханин, М. В. Червяковская

ШЛИФОВАННЫЙ КУБОК ИЗУМРУДНО-ЗЕЛЕНОГО СТЕКЛА С ЧЕРНЯХОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КОМАРОВ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ: ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ, ХАРАКТЕР СЫРЬЯ И ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ[1]

Резюме. В статье рассмотрен неординарный состав толстостенного шлифованного кубка второй половины IV – начала V в., изготовленного из темно-зеленого стекла. Он отличается от синхронных аналогий из ареала черняховской культуры и с территории римских провинций. При этом он наиболее близок составу аналогичного по цвету стекла сосудов I в. н. э. Предположительно, при изготовлении этого кубка было вторично использовано стекло сосудов более раннего периода. Наиболее вероятным местом производства кубка представляются европейские провинции Римской империи; при этом нельзя исключить мастерские, расположенные за римским лимесом, на варварской территории.

Ключевые слова: черняховская культура, стекло, химический состав, кубки со шлифованным декором, SEM-EDS, EPMA, LA-ICP-MS.

Проблема происхождения толстостенных кубков со шлифованным декором, ареал которых протянулся от берегов Северного моря до черноморского побережья (*Щукин*, 2005. С. 178), остается дискуссионной, несмотря на посвященные ей многочисленные исследования. Распространенные за пределами Римской империи у народов, не владевших искусством производства и обработки стекла, они очень редко встречаются на ее территории. Среди предполагаемых мест их изготовления – мастерские западной части Римской империи, расположенные

[1] Материал для публикации подготовлен в рамках государственного задания ИА РАН, тема № АААА-А18-118021690056-7; в ИЭМ РАН (госзадание № АААА-А18-118020590154-4); в ЦКП УрО РАН «Геоаналитик» (тема № АААА-А18-118053090045-8 госзадания ИГГ УрО РАН).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.203-220

в нижнем течении Рейна; восточные провинции Империи (Сирия или Египет); локальные мастерские в Прикарпатском регионе (прежде всего в области черняховской культуры) и/или Норвегии (ссылки на литературу см.: *Щукин*, 2005. С. 179, 180; *Gavritukhin*, 2017). При этом они изготавливались, бесспорно, провинциально-римскими, а не местными «варварскими» ремесленниками, очевидно, «на заказ» для местной элиты (*Щукин*, 2005. С. 180; *Gavritukhin*, 2017 и др.).

Одним из направлений исследований, развивающим тему происхождения толстостенных шлифованных кубков, является изучение химического состава их стекла. Оно позволяет определить происхождение стекла[2] и получить информацию о производственных традициях мастеров, делавших кубки.

Для материалов черняховской культуры начало этому направлению было положено Ю. Л. Щаповой (1978) и Ю. А. Лихтер (1988); представительная серия стекла кубков с территории Польского Поморья была рассмотрена Т. Ставярской (*Stawiarska*, 1999). Исследования стекла черняховской культуры, проведенные нами в последние годы, позволили установить, что для производства черняховских шлифованных кубков из неокрашенного стекла – бесцветного и натуральных оттенков – использовался сырец из Восточного Средиземноморья (вероятнее всего, из Египта), который являлся предметом массового импорта в европейские провинции Римской империи. Левантийское стекло для их производства не применялось, хотя оно также импортировалось в Европу и встречено, в частности, среди материалов мастерской в Комарове (*Румянцева и др.*, 2018а; *Rumyantseva et al*., in print). Исследования окрашенного стекла также позволяют пополнить информацию об источниках сырья и производственных традициях мастеров, руками которых делались сосуды, распространенные в ареале черняховской культуры (*Румянцева и др*., в печати).

Статья посвящена необычному химическому составу стекла фрагмента толстостенного кубка со шлифованным декором, изготовленного из темно-зеленого стекла. Находка происходит с поселения черняховской культуры Комаров на Среднем Днестре (Западная Украина, раскопки М. Ю. Смишко 1962 г.) (*Смішко*, 1962). Она представляет особенный интерес с точки зрения проблемы происхождения сосудов данной категории.

От кубка сохранилась массивная стенка толщиной до 7 мм, декорированная прошлифованными овалами, дугами и прямыми линиями – вертикальными и горизонтальными (рис. 1). Стенка имеет шероховатую матовую поверхность изнутри и снаружи, что позволяет предположить изготовление основы сосуда в технике литья, или прессовки в форму. По характеру декора находка наиболее близка типу Е-232, или Штрауме-III (*Eggers*, 1951. Taf. 6; *Straume*, 1987. Taf. 4: *79, 83*. S. 117, 118). Этот редкий тип представлен небольшой серией находок, среди которых – сосуды из Иллерупа и Херредсбьергета (Дания) (*Eggers*, 1951. S. 180; *Straume*, 1987, Taf. 4: *79, 83*. S. 117, 118), а также из Виттштока в Восточной Германии (погребение № 76) (*Straume*, 1987. S. 34; *Гавритухин*, 2007.

[2] В рассматриваемый период стекло в виде полуфабрикатов (сырца) являлось предметом торговли на дальние расстояния, и место производства готовой посуды могло располагаться вдали от места варки стекла (обзор литературы по теме см.: *Румянцева*, 2015).

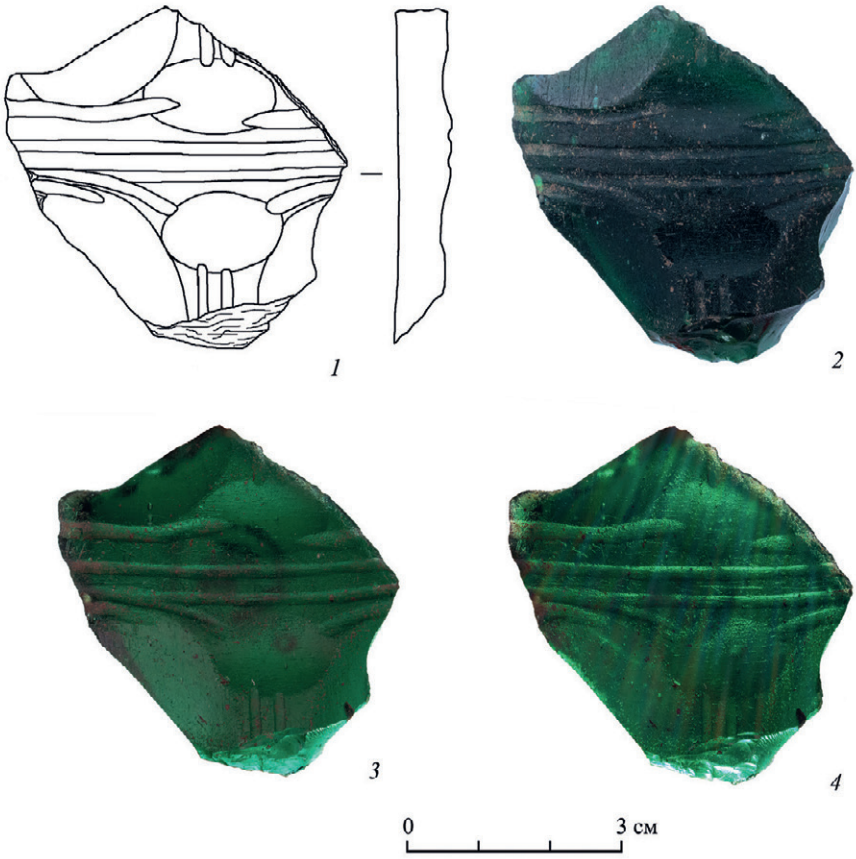


Рис. 1. Фрагмент толстостенного сосуда со шлифованным декором с поселения Комаров

1 – рисунок; *2–4* – фото при различном освещении

С. 15, там же ссылки). В ареале черняховской культуры другие находки кубков данного типа нам неизвестны.

Сосуды данного типа датируются второй половиной IV – первой половиной V в. (*Straume*, 1987. S. 34; *Гавритухин*, 2007. С. 15, там же ссылки). Находка из Комарова происходит из культурного слоя раскопа IV 1962 г. (*Смішко*, 1962. С. 18, 19. Табл. VII: *6*), что не дает возможности уточнить ее дату на основании контекста: поселение Комаров датируется в рамках всего периода существования культуры, включая самый поздний ее этап – конец IV – начало V в. (*Петраускас*, 2014. С. 176).

В наибольшей степени уникальность находки определяется цветом стекла, из которого она изготовлена: оно прозрачное и окрашено в насыщенный темно-зеленый цвет, за которым в зарубежной литературе закрепилось также название «изумрудно-зеленый» (*emerald green*) (рис. 1). Подавляющее большинство

«варварских» шлифованных кубков, найденных как в ареале черняховской культуры, так и за ее пределами, изготовлены из бесцветного или имеющего натуральный оттенок стекла, от светло-зеленого до темно-оливкового. Кубки из стекла, окрашенного в яркие цвета, единичны. Наиболее широко известны две находки, обе они происходят из «элитных» погребений. Одна – кубок фиолетового прозрачного стекла из «княжеского» погребения II в Сакрау / Закшуве (территория Польши); Г. Рау датировал подобные сосуды второй четвертью IV в. (*Rau*, 1972. S. 164. Fig. 15). Вторая – кубок-чаша типа Эггерс-231 пурпурного цвета, типологически близкий сосуду из Закшува, был найден в погребении Варпелев (Дания), вместе с золотой монетой-подвеской императора Проба (276–282 гг.) и еще одним фасетированным кубком светло-зеленого стекла; датировка комплекса дискуссионна (*Rau*, 1972. S. 164; *Щукин*, 2005. С. 178, там же см. ссылки на публикации).

Методы анализа

Основной состав кубка из Комарова был изучен на сканирующем электронном микроскопе Carl Zeiss EVO LS 10, оснащенном энергодисперсионным рентгеноспектральным анализатором (Aztec X-Max Oxford Instruments) в ФГБНУ НИИ ГБ им. Гельмгольца (SEM-EDS). Содержание ряда элементов, определяющихся данным методом со значительной погрешностью, было уточнено методом рентгеноспектрального микроанализа: РСМА, или EPMA (electron probe microanalysis). РСМА выполнялся на волново-дисперсионном микроанализаторе Camebax SX 50 на кафедре минералогии геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Содержание следовых элементов определялось методом масс-спектрометрии с лазерной абляцией и индуктивно-связанной плазмой (LA-ICP-MS). Анализ выполнялся на приборе ICP-MS NexION 300S (Perkin Elmer), оснащенном приставкой LA NWR 213 (ESI), в ЦКП «Геоаналитик» (Институт геологии и геохимии УрО РАН, Екатеринбург) (табл.; описание методики см.*: Румянцева и др.*, 2018б; 2018а; *Румянцева и др*., 2019).

Результаты исследования

Стекло кубка относится к химическому типу натриево-кальциево-кремнеземного (Na-Ca-Si). Если судить по формальным критериям, то оно должно быть изготовлено на основе природной соды – как и стекло практически всех прочих сосудов из ареала черняховской культуры: содержание оксидов калия и магния в нем ниже порогового значения в 1,5 %[3] (1,46 % K_2O и 1,30 % MgO) (*Sayre, Smith*, 1961; *Brill*, 1970; *Галибин*, 2001. С. 69). Однако концентрации этих элементов пограничны и превышают типичные для содового стекла, из которого производилась посуда[4]. Повышенное содержание оксидов калия и магния –

[3] Здесь и далее – данные в масс. %

[4] Для K_2O они обычно не превышают 0,7–0,8 %; концентрация магния в большинстве случаев также ниже 1,0 %; для группы HIMT содержание MgO может достигать

более типичное для зольного стекла или пограничное – характерно для темно-зеленого стекла сосудов, получивших наибольшее распространение в первой-третьей четвертях I в. н. э. – периода, когда стекло ярких цветов было наиболее популярно. При этом для стекла этого периода всех прочих цветов, за исключением темно-зеленого, характерен типично «содовый» состав (*Jackson, Cottam*, 2015).

Таблица

Данные SEM-EDS, в масс. %	
Na_2O	16,84
MgO	1,30
Al_2O_3	2,42
SiO_2	60,94
P_2O_5	0,31
SO_3	0,16
Cl	0,79
K_2O	1,46
CaO	8,45
TiO_2	0,14
MnO	0,92
Fe_2O_3	1,09
CuO	1,54
SnO_2	<0,30
Sb_2O_5	0,73
PbO	1,33

Данные EPMA, в масс. %	
P_2O_5	0,39
SO_3	0,35
Cl	0,75
TiO_2	0,11
CuO	1,49
Sb_2O_5	0,56
PbO	1,17

Данные LA-ICP-MS, в ppm	
V	20,9
Cr	11,1
Co	33,0
Ni	17,0
Cu	12123
Zn	214
Ga	2,88
As	67,0
Rb	8,05
Sr	347
Y	7,38
Zr	71,3
Sn	940
Sb	3393
Ba	212
La	7,25
Ce	12,7
Pr	1,75
Nd	7,33
Hf	2,07
Pb	10752
Th	1,38

1,3–1,5 %, но при более низких – менее 1,0 %, содержаниях оксида калия – обзор см.: *Румянцева*, 2015; *Cholakova et al*., 2016. P. 625–628).

Стекло изучаемого кубка отличается от прочих находок из ареала черняховской культуры и по другим признакам. Однако сопоставительная база данных по составу таких изделий слишком мала – носители культуры крайне редко пользовались посудой из стекла ярких цветов. Поэтому в качестве сравнительного материала было привлечено темно-зеленое прозрачное стекло не только из черняховского ареала, но и с ряда разновременных памятников Римской империи и Византии. В выборку вошли следующие материалы.

Из ареала черняховской культуры проанализированы находки с поселения Комаров; они представлены одним фрагментом двухслойного кубка с декоративным слоем темно-зеленого стекла (*Румянцева*, 2014. Рис. 5: *93*), а также тремя находками, связанными с комплексом стеклоделательной мастерской в Комарове. Два фрагмента двухслойных сосудов происходят из слоя черняховского поселения Великая Бугаевка (*Петраускас, Шишкин*, 2013. Кат. № 362, 938). Время распространения двухслойных кубков аналогично дате типа Е-232 / Штрауме-III, к которому относится рассматриваемая нами находка (*Петраускас, Пастернак*, 2003. С. 70, 71; *Гавритухин*, 2007. С. 13, там же см. ссылки на литературу). Дата стеклоделательной мастерской в Комарове определяется второй третью IV – началом V в. (*Румянцева, Щербаков*, 2016; *Румянцева*, 2017), хотя более ранний период не может быть полностью исключен (*Петраускас*, 2014. С. 180). Результаты анализов в настоящее время подготовлены к публикации (*Румянцева и др*., 2020).

Хронологически близки изучаемой находке две диатреты с декором темно-зеленого прозрачного стекла. Одна из них происходит из погребения в Ямболе (ЮВ Болгария) и может быть датирована по сопровождающему инвентарю первой половиной IV в.; вторая хранится в Музее Бенаки в Афинах (*Cholakova et al*., 2017. P. 120, 123, 128. Tabl. 1). В целом время распространения диатрет начинается со второй половины III в. (не считая нескольких экземпляров более раннего периода) и приходится преимущественно на IV в. н. э. (Ibid. P. 117).

Мозаичная смальта темно-зеленого стекла происходит из римской виллы в Нохэде (Noheda, Испания); изученный комплекс относится к последней фазе строительства виллы IV–V вв. (*Schibille et al*., 2020). Для 18 образцов сходного состава (Ibid. Tabl. 2); на диаграммах (рис. 2; 3) представлены средние значения.

В качестве примера более позднего горизонта приведены результаты анализа мозаичной смальты темно-зеленого стекла из Сагалассоса (Sagalassos, ЮЗ Турция), из комплекса ранневизантийской церкви, строительство которой завершилось в первые декады VI в., а мозаика, предположительно, датируется первой половиной VI в. (*Schibille et al*., 2012. P. 1481).

Выборка анализов изумрудно-зеленого прозрачного стекла I в. н. э. включает 50 образцов сосудов первой половины – середины I в., происходящих с различных памятников на территории Франции, Англии и Словении, изучение которых было проведено в рамках проекта, посвященного происхождению «римского» изумрудно-зеленого стекла I в. (*Jackson, Cottam*, 2015).

В группу более раннего, чем изучаемый кубок, горизонта вошли также два образца мозаичной смальты из Западного Клэктона (*West Clacton*, Уэссекс, Великобритания), предположительно датированные II в. (*Paynter et al*., 2015), и образец полуфабриката стекла в виде лепешки из Врина Плэйн (*Vrina*

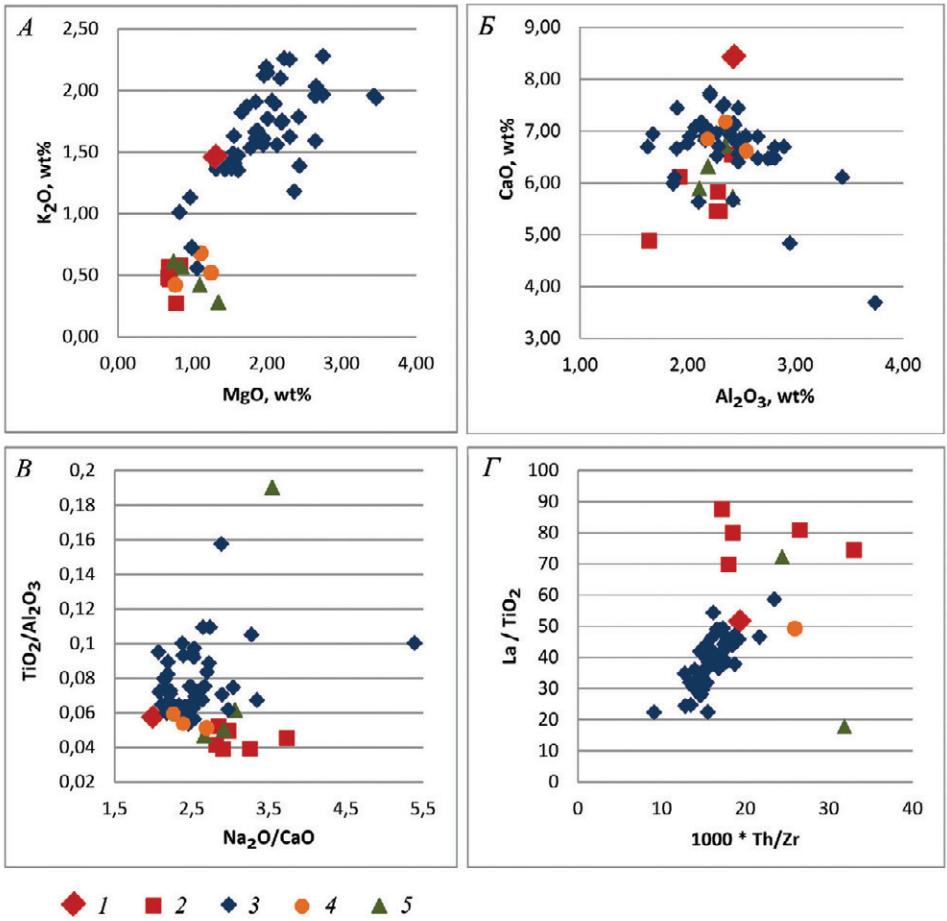


Рис. 2. Соотношение компонентов в темно-зеленом прозрачном стекле, характеризующих основное сырье стеклоделов (песок, природную соду, золу)

1 – фрагмент сосуда из Комарова; *2* – прочие сосуды из ареала черняховской культуры (данные по: *Румянцева и др.*, в печати); *3* – сосуды I в. н. э. (данные по: *Jackson, Cottam*, 2015); *4* – находки из римских провинций II–III вв. (Клэктон, Врина Плейн, данные по: *Paynter et al.*, 2015; *Schibille*, in print); 5 – находки из римских провинций и Византии IV–VI вв. (Ямбол, Музей Бенаки, Сагалассос, Нохэда; данные по: *Cholakova et al.*, 2017; *Schibille et al.*, 2012; 2020)

Plain) в Бутринте (Албания), отнесенный к III в. (*Schibille*. Tabl. 8.2: BUT-S1119, in print). Все они также изготовлены из темно-зеленого стекла.

Результаты исследования. В ходе исследования был получен неожиданный вывод: состав изучаемого кубка ближе стеклу сосудов I в., чем синхронным ему материалам (как из ареала черняховской культуры, так и с территории Империи), по большинству признаков, характеризующих сырье стеклоделов. Среди них – содержание оксидов калия и магния, маркирующих использование

зольного или содового сырья (рис. 2: *А*); кальция, алюминия и титана, в содовом стекле происходящих из песка (в зольном CaO и Al_2O_3 содержатся также в золе растений) (рис. 2: *Б, В*); соотношение натрия (основного компонента природной соды, содержащегося также в растительной золе) и элементов, происходящих из песка (рис. 2: *В*); соотношение титана и следовых элементов, характеризующих состав песка – тория (Th), циркония (Zr), лантана (La) (рис. 2: *Г*).

Содержания оксидов магния и калия, маркирующих тип использованного сырья – зола или природная сода, в исследуемом экземпляре выше, чем в стекле изделий II–VI вв. как из ареала черняховской культуры, так и вне его. По данному признаку он идеально соответствует составу сосудов изумрудно-зеленого стекла I в. н. э. – чаще всего указывающему на присутствие в стекле растительной золы (рис. 2: *А*). «Зольный» состав имеет и небольшая серия образцов темно-зеленой прозрачной смальты из Нохэды[5]; авторы исследования также связывают их с более ранним типом темно-зеленого стекла, известного с эпохи эллинизма по II в. н. э. (*Schibille et al*., 2020).

Существует ряд гипотез происхождения темно-зеленого прозрачного стекла I в., отличающегося более высоким содержанием калия, магния и фосфора от синхронного ему материала прочих цветов; эта же особенность отличает красное и оранжевое стекло (*Nenna, Gratuze*, 2009; *Jackson, Cottam*, 2015). Судя по этому признаку, стекло перечисленных цветов содержит золу растений. Исследователями высказывались различные предположения о природе этого «зольного компонента». Возможно, при окрашивании зольного стекла было проще достичь желаемого цвета; могли также существовать специализированные центры, делавшие изумрудно-зеленое стекло на золе, что могло быть связано либо с их географическим положением, либо с особым методом производства (*Jackson, Cottam*, 2015. P. 143; см. также: *Henderson*, 1996). Однако среди возможных объяснений этому явлению наиболее обоснованным представляется попадание микрочастиц золы от топлива и влияние атмосферы печи на состав стекла, сваренного на природной соде, в ходе долговременной вторичной обработки, в частности – окрашивания стекла определенных цветов, в т. ч. зеленого (*Schibille et al*., 2012 и др.). Такая возможность подтверждается, среди прочего, и экспериментальными исследованиями (*Paynter*, 2008).

Таким образом, несмотря на присутствие в стекле кубка из Комарова «зольного компонента», присоединившегося, вероятно, на этапе окрашивания, есть все основания предполагать, что в качестве основы было использовано стекло, сваренное на природной соде.

Различия в содержании оксидов кальция и алюминия (рис. 2: *Б*) в образце кубка из Комарова и синхронного ему материала означают, что их стекло имеет разное происхождение. В содовое стекло эти элементы попадали в составе песка[6], а в зольное – также и с золой растений. Стекло, синхронное изучаемой находке, как и более позднее, отличает в большинстве случаев более низкое

[5] Их состав отдельно в цитируемой публикации не приводится.

[6] Дискуссионен вопрос о природе источника кальция в стекле на основе природной соды; в стекло римского времени он, вероятно, чаще всего попадал с обломками раковин моллюсков – содержащихся в песке или добавленных в качестве отдельного компонента.

содержание кальция, чем материал I–III вв. Это может объясняться, во-первых, сменой источников сырца, циркулировавшего в Средиземноморье, которая происходит в IV в. (*Foster, Jackson*, 2009 и многие другие); во-вторых, наличием в стекле I в. «зольного компонента» – дополнительного источника CaO (*Jackson, Cottam*, 2015). Стекло изучаемого кубка отличает самое высокое в выборке содержание кальция, а также наиболее высокое среди синхронных ему образцов содержание алюминия. По этому признаку оно также ближе к стеклу I в. н. э., чем хронологически близким ему находкам. При этом содержание кальция в нем превышает даже значения, зафиксированные в зеленом стекле сосудов I в. В незначительной концентрации кальций, очевидно, попал в стекло в составе «зольного компонента» – и в стекле I в., и в публикуемом кубке, однако большая его часть, безусловно, связана с присутствием в песке, содержавшем примеси раковин моллюсков (Glass Making…, 2014. P. 52, 53). Концентрации CaO в пределах 6,5–7,5 % характерны для т. н. римского содового стекла, распространенного в I–III / первой половине IV в. и имеющего преимущественно сиро-палестинское происхождение; концентрации Al_2O_3 в нем обычно составляют 2,0–2,5 %. Более высокие значения CaO в содовом стекле характерны в большей степени для стекла левантийской I группы. Оно имеет географически близкое (также сиро-палестинское) происхождение, но данная группа датируется более поздним временем – начиная с IV в. (*Freestone et al*., 2000). Однако нередко более высокие концентрации CaO – до 8,0 % и более – фиксируются и в более раннем «римском» стекле, сочетаясь в нем с относительно низким, до 2,7 %, содержанием алюминия (*Schibille et al*., 2017. P. 1232). Именно такое сочетание CaO (8,45 %) и Al_2O_3 (2,42 %) отмечено и в комаровском шлифованном кубке зеленого стекла.

Аналогичный результат получается и при сравнении содержаний четырех компонентов, характеризующих основное сырье стеклоделов – песок, соду, а также «зольный компонент» в ряде образцов зеленого стекла (натрий, кальций, титан, алюминий). В содовом стекле эти элементы отражают содержание разных компонентов песка (полевых шпатов и тяжелых минералов, которые являются случайными примесями, и карбонатов – источников кальция) и соотношение песка и природной соды в шихте (*Schibille et al*., 2020). Образец кубка ближе стеклу сосудов I в., чем синхронным ему материалам (рис. 2: *В*). На диаграмме, отражающей соотношения данных элементов, особое место занимает образец мозаики ранневизантийского времени, самый поздний среди рассматриваемых материалов (рис. 2: *В*).

Тот же результат дает сравнение количества оксида титана и следовых элементов, содержащихся в песке и характеризующих происхождение стекла – тория, циркония, лантана и титана (Ibid.). Образец шлифованного кубка из Комарова близок стеклу I в., отличаясь от образцов более позднего времени (рис. 2: *Г*).

Еще одним косвенным признаком, позволяющим проанализировать состав основы, которая окрашивалась в зеленый цвет, является соотношение в стекле обесцвечивателей – оксидов марганца и сурьмы. Их использование и концентрация как маркируют происхождение стекла, так и являются в ряде случаев хронологическим признаком (*Foster, Jackson*, 2009; 2010; *Rosenow, Rehren*, 2014; *Cholakova, Rehren*, 2018 и многие другие). В стекловаренных центрах всегда

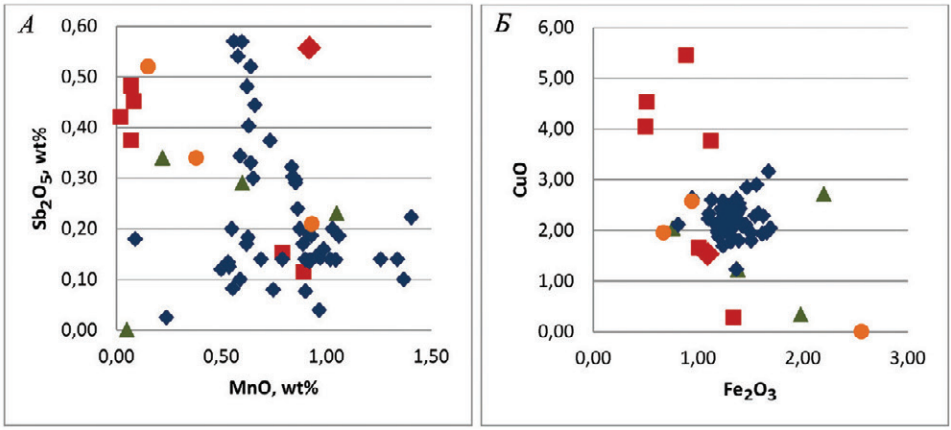


Рис. 3. Соотношение компонентов – технологических добавок (красителей и обесцвечивателей) в темно-зеленом прозрачном стекле. Условные обозначения – см. рис. 2

использовался только один из них; присутствие в стекле одновременно и марганца, и сурьмы (не связанное с окрашиванием) является признаком вторичного использования стекла (*Freestone*, 2015). В большинстве образцов, синхронных кубку из Комарова, преобладает один из обесцвечивателей, в некоторых случаях присутствует небольшая примесь второго. Для сосудов I в. н. э. «смешанный состав» с марганцем и сурьмой в разных пропорциях характерен в большей степени. По этому признаку образец изумрудно-зеленого кубка также существенно отличается от синхронных ему материалов и ближе к стеклу I в. (рис. 3: *А*). При этом суммарное содержание обесцвечивателей в нем выше, чем в стекле большинства ранних римских сосудов. Можно предположить, что для его изготовления стекло I в. использовалось не в чистом виде, а смешанное с синхронным ему бесцветным стеклом, для которого характерно высокое содержание марганца (*Foster, Jackson*, 2010).

Еще одним важным признаком являются красители, при помощи которых получен темно-зеленый цвет. Для этого мог использоваться оксид меди – в «чистом» виде или в сочетании с железом (*Галибин*, 2001. С. 32–34; *Cholakova et al.*, 2017. P. 128). По соотношению оксидов меди и железа стекло I в. достаточно однородно и на диаграмме располагается единой группой; более позднее стекло гетерогенно (рис. 3: *Б*). Стекло изучаемого кубка близко стеклу I в. и по этому признаку.

Выраженное отличие между изумрудно-зеленым стеклом сосудов I в. и изучаемым кубком фиксируется только в содержании свинца. Если в образцах ранних сосудов его концентрация не превышает 0,5–0,6 % PbO, а часто соответствует уровню его естественного содержания в сырье (менее 100 ppm Pb, или, по другим данным, менее 0,1 % PbO) (*Jackson, Cottam*, 2015. Suppl. 1; Glass Making…, 2014. P. 106; *Галибин*, 2001. С. 49–51), то в стекле кубка оно составляет 1,33 %. Этот признак сближает его с синхронными находками – куском

сырца и отходом производства темно-зеленого стекла из Комарова (1,09 и 1,99 % PbO – *Румянцева и др*., в печати) и диатретой из Музея Бенаки (1,79 % PbO – *Cholakova et al*., 2017. Tabl. 1). Одним и важнейших свойств свинца является его способность понижать температуру горячей обработки стекла, увеличивая при этом рабочий период (*Henderson*, 1991. P. 67). Однако столь незначительная его концентрация (1–2 %) не давала, вероятно, стеклоделам существенных преимуществ и, скорее, объясняется ненамеренным введением PbO (*Freestone et al*., 2003. P. 145). В зеленом стекле II–V вв. его концентрация гетерогенна, но при этом всегда ниже 2 %. Объяснить его присутствие в образце кубка сложно.

Итоги. По комплексу признаков, характеризующих использованное стеклоделами сырье и, следовательно, происхождение, темно-зеленое прозрачное стекло шлифованного кубка из Комарова существенно отличается от синхронного ему материала из ареала черняховской культуры и римских провинций; при этом оно очень близко изумрудно-зеленому стеклу более ранних сосудов, распространенных в I в. Это обстоятельство может иметь два объяснения.

Первое – находка из Комарова относится к более раннему времени и случайно оказалась на черняховском поселении. Это объяснение не выглядит правдоподобным, несмотря на то что среди материалов Комарова фрагменты сосудов цветного стекла I в. встречаются (*Румянцева*, 2016). Стиль изготовления, несмотря на небольшое количество типологически близких экземпляров, все-таки не оставляет сомнений в его принадлежности к позднему горизонту черняховской культуры.

Второе объяснение – кубок был изготовлен из стекла I в. н. э., использованного вторично. Сбор и вторичная переработка стеклобоя фиксируется по письменным и археологическим источникам примерно с последней трети / конца I в. н. э., при этом цветной стеклобой и мозаичную смальту могли использовать для окрашивания стекла бесцветного (*Freestone*, 2015). Наличие фрагментов сосудов более раннего времени среди складов стеклобоя, связанных с комплексами мастерских, – довольно часто встречающееся явление (обзор таких находок на русском языке см.: *Румянцева*, 2016), как и факт использования цветного стекла более раннего времени при окрашивании стекла более позднего (см., например: *Freestone*, 2015). Фрагменты сосудов темно-синего стекла I в. н. э. зафиксированы и в Комарове, и есть все основания предполагать, что они попали на памятник в качестве вторсырья для мастерской, предназначенного, очевидно, для окрашивания бесцветного стекла, поступавшего на памятник в виде полуфабрикатов (сырца) (*Румянцева, Щербаков*, 2016; *Румянцева*, 2016; 2017).

Учитывая незначительные различия в составе изученного кубка и сосудов I в., в первую очередь – в содержании кальция и марганца, можно предположить, что стекло I в. использовалось не в чистом виде, а смешивалось с неокрашенным (предварительно обесцвеченным марганцем) стеклом, получившим распространение в период, когда мог быть изготовлен сам кубок. Необходимость подобного смешения могла объясняться как техническими причинами, так и стремлением добиться определенного оптического эффекта: стенки «варварского» кубка намного толще, чем у «римских» сосудов I в., и в «чистом виде» могли выглядеть на «варварском» кубке практически черными. Полученный вывод позволяет

поставить следующие вопросы, связанные с организацией и локализацией производства толстостенных шлифованных кубков.

Выбор столь неординарного и труднодоступного сырья, с одной стороны, объясняет исключительную редкость «варварских» сосудов со шлифованным декором, изготовленных из стекла ярких цветов. С другой стороны, кажется маловероятным, что в мастерских, где производились высококлассные сосуды со сложным шлифованным декором, не было возможности окрасить стекло в зеленый цвет. Предполагается, что источником красителя служили оксид меди (который можно было получить из металлического лома – *Henderson*, 1996. P. 190) и оксид железа (предположительно, кузнечная окалина – *Cholakova et al*., 2017. P. 128). Зеленое стекло, которым декорированы двухслойные сосуды из Комарова и с черняховского поселения Великая Бугаевка, было окрашено путем добавления этих красителей к стеклу, идентичному тому, из которого изготовлена их основа, – т. е. в синхронный период и, вероятно, в той же мастерской, где были выполнены сами изделия (*Румянцева и др*., в печати). Этот признак сближает их с диатретами (*Cholakova et al*., 2017). Цветной слой двухслойных сосудов, правда, качественно отличается от кубка, которому посвящена данная публикация: он очень тонкий и создает совсем иной оптический эффект. В Комарове есть однозначные свидетельства обработки темно-зеленого стекла (в виде сырца и отходов) (*Румянцева и др*., в печати) – правда, неизвестно, поступило ли это стекло на памятник уже в окрашенном виде или было окрашено на месте.

Наиболее интригующим является, безусловно, вопрос о месте производства публикуемого кубка. Если в качестве сырья для его изготовления использовано стекло сосудов I в. н. э., то логично предположить, что он происходит из зоны широкого распространения этих сосудов. Высказывалось мнение, что темно-зеленое прозрачное стекло, из которого изготовлены сосуды I в., а также зольное стекло мозаик зеленого цвета происходит из Египта (*Jackson, Cottam*, 2015. P. 146; *Schibille*, in print), при этом многие формы были гораздо шире распространены в западной части Римской империи, где, вероятно, и производились (*Grose*, 1991. P. 2–11; *Fünfschilling*, 2015. S. 272–273)[7]. То есть местом производства изучаемого кубка является, вероятно, одна из европейских провинций Империи. Однако свидетельства импорта фрагментов сосудов ярко окрашенного (темно-синего) стекла I в. н. э. есть в Комарове, куда его привозили, очевидно, в качестве вторсырья для мастерской. С учетом того, что сосуды в мастерской делались из сырца, также, безусловно, импортируемого сюда из Римской империи, возможность доставки сюда одновременно и импортного стеклобоя выглядит вполне логичной. Однако данный факт не дает возможности исключить гипотезу о производстве подобных кубков в мастерских типа Комаровской, расположенных за границами Римской империи, в частности в ареале черняховской культуры.

[7] Напомним, что в изучаемую эпоху стекло в качестве полуфабрикатов (сырца) являлось предметом торговли на дальние расстояния, и место его варки часто не совпадает с местом изготовления из него готовых изделий.

Возможна, на наш взгляд, и другая версия происхождения темно-зеленого стекла. Смешение в составе стекла сосудов I в. двух обесцвечивателей – марганца в высоких концентрациях[8] и сурьмы – при довольно высоких содержаниях кальция и алюминия свидетельствует, вероятнее всего, о том, что основа для него получалась путем смешения обесцвеченного сурьмой стекла группы 4 с низкими концентрациями CaO и Al_2O_3 (*Foy et al*., 2004), происхождение которого с высокой долей вероятности связано с Египтом (*Rosenow, Rehren*, 2014), римского стекла I в. н. э. с более высокими содержаниями кальция и алюминия, большая часть которого происходит из Сиро-Палестинского региона (Glass Making…, 2014)[9]. Таким образом, изготовление сосудов и, возможно, окрашивание стекла происходило, скорее всего, уже на европейской территории Империи, где широко циркулировало стекло обеих «химических» групп.

Подводя итог, еще раз остановимся на основных выводах, полученных в результате проведенного исследования. При изготовлении уникального кубка со шлифованным декором, найденного на поселении Комаров, использовано темно-зеленое прозрачное стекло, состав которого не характерен для рассматриваемой эпохи. Вероятно, в качестве сырья в этом случае было вторично использовано более раннее стекло сосудов I в. н. э. Наиболее вероятным объяснением этому факту представляется желание мастера добиться определенного оптического эффекта при использовании стекла интенсивного цвета (вероятно, смешав его с современным бесцветным) для изготовления очень толстостенного сосуда. Можно предположить, что окрашивание «современного» кубку стекла известными на тот момент приемами не давало желаемого результата. На основе данных о химическом составе стекла наиболее вероятным местом производства подобного сосуда представляются европейские мастерские Римской империи; не исключены и центры типа Комаровского, расположенные за лимесом, в частности – в ареале черняховской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Гавритухин И. О., 2007. Днепровское лесостепное Левобережье. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 9–23. (РСМ; вып. 9.)

Галибин В. А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение. 216 с.

Лихтер Ю. А., 1988. Стекло черняховской культуры // РА. № 2. С. 41–53.

[8] Незначительное (до 0,5 %) содержание MnO могло попадать в стекло с золой растений (*Галибин*, 2001. С. 49), однако в темно-зеленом стекле сосудов I в. оно часто гораздо выше (см. рис. 3: *А*).

[9] В этом случае сложно, правда, объяснить высокое содержание титана в изумрудно-зеленом стекле, не характерное для стекла упомянутых групп. Считается, что титан попадал в стекло исключительно с песком (*Schibille et al.*, 2020 и многие другие). Однако его стабильно более высокое содержание в стекле с «зольным компонентом», чем в чисто содовом, возможно, позволяет предположить другой его источник, связав, скорее, со стадией окрашивания.

Петраускас О. В., 2014. Деякі підсумки досліджень комплексу пам'яток пізнориманського часу біля с. Комарів // Черняхівська культура: пам'яті В. П. Петрова / Отв. ред.: О. В. Петраускас, С. А. Горбаненко. Київ: ИА НАНУ. С. 165–183. (OIUM; 4.)

Петраускас О. В., Пастернак В. В., 2003. Скляні посудини могильника черняхівскої культури Велика Бугаївка в Середньму Подниіпров'ї // Археологія. № 4. С. 65–76.

Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., 2013. Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаевка (археологический источник). Київ: ИА НАНУ. 412 с. (OIUM; 2.)

Румянцева О. С., 2014. Стеклянные сосуды со шлифованным декором и хронология поселения Комаров // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 401–427. (РСМ; вып. 15.)

Румянцева О. С., 2015. Стекло I тыс. н. э.: происхождение и распространение по данным химического состава и изотопного анализа // КСИА. Вып. 237. С. 20–49.

Румянцева О. С., 2016. Литое стекло с поселения черняховской культуры Комаров: престижная посуда или сырье стеклоделательной мастерской? // КСИА. Вып. 245. Ч. I. С. 203–218.

Румянцева О. С., 2017. Стеклоделие за лимесом: новые данные об организации производства и хронологии мастерской в Комарове // SP. № 4. С. 141–164.

Румянцева О. С., Кадиева А. А., Демиденко С. В., Ханин Д. А., Червяковская М. В., Трифонов А. А., 2019. Стеклянные изделия раннесредневековых могильников горной зоны центральных районов Северного Кавказа: химический состав и данные о происхождении // КСИА. Вып. 255. С. 32–49.

Румянцева О. С., Любичев М. В., Петраускас О. В., Трифонов А. А., Ханин Д. А., Червяковская М. В., 2020. Цветное стекло с памятников черняховской культуры и технологические традиции провинциально-римских стеклоделов // Между Востоком и Западом (= Inter Orientem et Occidentem): Сб. ст. к 65-летию доктора Эрдмуте Шультце и 20-летию Германо-Славянской археологической экспедиции: в 3 т. / Под ред. М. В. Любичева, К. В. Мызгина. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина. (Серия «Остроготика»). Т. 3. С. 324–351.

Румянцева О. С., Любичев М. В., Трифонов А. А., 2018. Химический состав стекла археологического комплекса Войтенки 1 и происхождение сосудов черняховской культуры (предварительные итоги исследований) // Хронология и монетные находки позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе: материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 15–17 сентября 2016 г. / Ред.: М. В. Любичев, К. В. Мызгин. Харьков: Водный спектр Джи-Эм-Пи. С. 182–208. (Ostrogothica-Serie (Hefte); вып. 3.)

Румянцева О. С., Трифонов А. А., Ханин Д. А., 2018. Химический состав стекла эмалевых вставок и бус // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 199–220. (РСМ; вып. 18.)

Румянцева О. С., Щербаков И. Б., 2016. Стекло-сырец с поселения Комаров на Среднем Днестре: химический состав и данные о характере и хронологии стеклоделательного комплекса позднеримского времени // SP. Вып. 4. С. 299–315.

Смішко М. Ю. Звіт про дослідження поселення 3–4 ст. з скляною майстернею біля с. Комарове Чернівецької обл. в 1962 р. // Архив ИА НАНУ. Киев. № 196261.

Щапова Ю. Л., 1978. Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III–IV вв.) // СА. № 3. С. 230–242.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь: готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филолог. фак. СПбГУ. 576 с.

Brill R. H., 1970. The chemical interpretation of the texts // *Oppenheim A. L., Brill R. H., Barag D., von Saldern A.* Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. New York: Corning Museum of Glass. P. 105–128.

Cholakova A., Rehren T., 2018. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: interpreting patterns and mechanisms of distribution // Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE / Eds.: D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek, I. Freestone. London: UCL Press. P. 46–71.

Cholakova A., Rehren T., Freestone I., 2016. Compositional identification of the 6th c. AD glass from the Lower Danube // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 7. P. 625–632.

Cholakova A., Rehren T., Gratuze B., Lankton J., 2017. Glass Coloring Technologies of Late Roman Cage Cups: Two examples from Bulgaria // Journal of Glass Studies. Vol. 59. P. 117–133.

Eggers H. J., 1951. Der Römische Import im freien Germanien. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 2 т.

Foster H. E., Jackson C. M., 2009. The composition of «naturally coloured» late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply // Journal of Archaeological Science. Vol. 36. Iss. 2. P. 189–204.

Foster H. E., Jackson C. M., 2010. The composition of late Romano-British colourless vessel glass: glass production and consumption // Journal of Archaeological Science. Vol. 37. Iss. 12. P. 3068–3080.

Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M., 2004. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine // Revue d'Archéométrie. 28. P. 169–177.

Freestone I. C., 2015. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches // Journal of Glass Studies. Vol. 57. P. 29–40.

Freestone I. C., Gorin-Rosen Y., Hughes M. J., 2000. Composition of primary glass from Israel // La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millinaire av. J.-C. au Moyen-Age / Ed. M.-D. Nenna. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux. P. 65–84. (Travaux de la Maison de l'Orient Méditerranéen; 33.)

Freestone I. C., Stapleton C. P., Rigby V., 2003. The production of red glass and enamel in the Late Iron Age, Roman and Byzantine periods // Through the glass brightly: studies in Byzantine and Medieval Art and Archaeology presented to David Buckton / Ed. C. Entwistle. Oxford: Oxbow. P. 142–154.

Fünfschilling S., 2015. Die römischen Gläser aus Augst and Kaiseraugst. Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981–2010 aus Augusta Raurica. Augst: Museum Augusta Raurica. 684 p. (Forschungen in Augst; 51.)

Gavritukhin I., 2017. Glass vessels of the final of the Chernyakhov culture // Na hranicích impéria – Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám. Brno: Archeologický ústav Akademie věd České republiky. P. 83–109.

Glass Making in the Greco-Roman World / Ed. P. Degryse. Leuven: Leuven University Press, 2014. 190 p. (Studies in Archaeological Sciences; 4.)

Grose D. F., 1991. Early Imperial Roman Cast Glass: The Translucent Coloured and Colourless Fine Wares // Roman Glass. Two Centuries of Art and Invention / Eds.: M. Newby, K. S. Painter. London: Society of Antiquaries of London. P. 1–18.

Henderson J., 1991. Technological Characteristics of Roman Enamels // Jewellery Studies. Vol. 5. P. 65–76.

Henderson J., 1996. Scientific analysis of selected Fishbourne vessel glass and its archaeological interpretation // Chichester excavations IX, Excavations at Fishbourne 1969–1988 / Ed. by B. W. Cunliffe, A. G. Down, D. J. Rudkin. Chichester: Chichester District Council. P. 189–192.

Jackson C., Cottam S., 2015. 'A green thought in a green shade'; Compositional and typological observations concerning the production of emerald green glass vessels in the 1st century A.D. // Journal of Archaeological Science. Vol. 61. P. 139–148.

Nenna M.-D., Gratuze B., 2009. Étude diachronique des compositions de verres employés dans les vases mosaïques antiques: résultats préliminaires // Annales du 17e Congrès de l'Association internationale pour l'histoire du verre, Anvers, 2006. Brussels: University Press Antwerp. P. 199–205.

Painter S., Kearns T., Cool H., Chenery S., 2015. Roman coloured glass in the Western provinces: The glass cakes and tesserae from West Clacton in England // Journal of Archaeological Science. Vol. 62. P. 66–81.

Paynter S., 2008. Experiments in the reconstruction of Roman wood-fired glass-working furnace: waste products and their formation processes // Journal of Glass Studies. Vol. 50. P. 271–290.

Rau G., 1972. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta praehistorica et archaeologica. №. 3. Berlin: Museen Bruno Hessling Verlag. P. 109–214.

Rosenow D., Rehren Th., 2014. Herding cats – Roman to Late Antique glass groups from Budastis, northern Egypt // Journal of Archaeological Science. Vol. 49, 1. P. 170–184.

Rumyantseva O., Lyubichev M., Petrauskas O., Chervyakovskaya M., Khanin D., Trifonov A. 'Barbarian' beakers with facet cut decoration: composition, origin, social and cultural context // Annales du 21eme Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Istanbul, Turkey. (In print).

Sayre E. V., Smith R. W., 1961. Compositional categories of ancient glass // Science. Vol. 133. Iss. 3467. P. 1824–1826.

Schibille N. Glass cakes and glass tesserae from the Vrina Plain. (In print).
Schibille N., Boschetti C., Tévar M. A. V., Veron E., de Juan Ares J., 2020. The color palette of the Mosaics in the Roman Villa of Noheda (Spain) // Minerals. Vol. 10. Iss. 3. P. 272.
Schibille N., Degryse P., Corremans M., Specht C. G., 2012. Chemical Characterisation of Glass Mosaic Tesserae from Sixth-Century Sagalassos (South-West Turkey): Chronology and Production Techniques // Journal of Archaeological Science. Vol. 39. Iss. 5. P. 1480–1492.
Schibille N., Sterrett-Krause A., Freestone I. C., 2017. Glass groups, glass supply and recycling in late Roman Carthage // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 9. P. 1223–1241.
Stawiarska T., 1999. Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski. Studium archeologiczno-technologiczne. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. 275 p.
Straume E., 1987. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. Und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo: Universitetsforlaget. 158 S. (Skrifter / Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. B; 73.)

Сведения об авторах

Румянцева Ольга Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru;

Трифонов Александр Андреевич, ООО «Карл Цейсс», 109028, Москва, Серебряническая набережная, 29, Россия; e-mail: blast_88@mail.ru;

Ханин Дмитрий Александрович, МГУ им. М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ленинские горы, 1, Москва, 119991; Институт экспериментальной минералогии РАН, ул. Академика Осипьяна, 4, г. Черноголовка, 142432, Московская область, Россия; e-mail: mamontenok49@yandex.ru;

Червяковская Мария Владимировна, Институт геологии и геохимии УрО РАН, ул. Академика Вонсовского, 15, Екатеринбург, 620016; Россия; e-mail: zaitseva.mv1991@gmail.com

O. S. Rumyantseva, A. A. Trifonov,
D. A. Khanin, M. V. Chervyakovskaya

AN EXCEPTIONAL CUT BEAKER OF EMERALD-GREEN GLASS FROM THE CHERNYAKHOV CULTURE SETTLEMENT OF KOMAROV ON THE MIDDLE DNIESTER: GLASS COMPOSITION, RAW MATERIALS AND ORIGIN

Abstract. The paper reviews an unusual composition of a thick-walled facet cut beaker dating to the second half of the 4th – early 5th centuries which is made from emerald green glass. It differs from contemporary analogies coming from the Chernyakhov culture area and the Roman provinces. The closest composition has been identified for the glass of vessels of similar color dating to the 1st century AD. Presumably, the glass of earlier vessels was recycled to fabricate the discussed beaker. European provinces of the Roman Empire appear to be the most likely place where this beaker was made; yet the workshops located beyond the Roman *limes* in the areas inhabited by the barbarians cannot be excluded either.

Keywords: Chernyakhov culture, glass, chemical composition, beaker with facet cut decoration, SEM-EDS, EPMA, LA-ICP-MS.

REFERENCES

Galibin V. A., 2001. Sostav stekla kak arkheologicheskiy istochnik [Glass composition as an archaeological source]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 216 p.

Gavritukhin I. O., 2007. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e. Final chernyakhovskoy kul'tury [Dnieper forest-steppe left bank region. Terminal stage of Chernyakhov culture]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 9–23. (RSM, 9.)

Likhter Yu. A., 1988. Steklo chernyakhovskoy kul'tury [Chernyakhov culture glass]. *RA*, 2, pp. 41–53.

Petrauskas O. V., 2014. Deyaki pidsumki doslidzhen' kompleksu pam'yatok pizdnorims'kogo chasu bilya s. Komariv [Some results of research of complex of sites of Late Roman time near village Komarov]. *Chernyakhivs'ka kul'tura: pam'yati V. P. Petrova [Chernyakhov culture: in memory of V. P. Petrov]*. O. V. Petrauskas, S. A. Gorbanenko, eds. Kiev: IA NANU, pp. 165–183. (OIUM, 4.)

Petrauskas O. V., Pasternak V. V., 2003. Sklyani posudini mogil'nika chernyakhivskoï kul'turi Velika Bugaivka v Seredn'mu Podniiprov'ï [Glass vessels from cemetery Velika Bugaivka of Chernyakhov culture in Middle Dneiper region]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 4, pp. 65–76.

Petrauskas O. V., Shishkin R. G., 2013. Mogil'nik i poselenie chernyakhovskoy kul'tury u s. Velikaya Bugaevka (arkheologicheskiy istochnik) [Cemetery and settlement of Chernyakhov culture near village Velikaya Bugayevka (archaeological source)]. Kiev: IA NANU. 412 p. (OIUM, 2.)

Rumyantseva O. S., 2014. Steklyannye sosudy so shlifovannym dekorom i khronologiya poseleniya Komarov [Glass vessels with cut decor and chronology of Komarov settlement]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Problems of interaction of population of Eastern Europe in Great migration epoch]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 401–427. (RSM, 15.)

Rumyantseva O. S., 2015. Steklo I tys. n. e.: proiskhozhdenie i rasprostranenie po dannym khimicheskogo sostava i izotopnogo analiza [Glass in the I millennium AD: composition, origin and distribution]. *KSIA*, 237, pp. 20–49.

Rumyantseva O. S., 2016. Litoe steklo s poseleniya chernyakhovskoy kul'tury Komarov: prestizhnaya posuda ili syr'e steklodelatel'noy masterskoy? [Cast glass from Chernyakhov culture settlement of Komarov: prestigious vessels or raw materials for a glass workshop?]. *KSIA*, iss. 245, part I, pp. 203–218.

Rumyantseva O. S., 2017. Steklodelie za limesom: novye dannye ob organizatsii proizvodstva i khronologii masterskoy v Komarove [Glassmaking beyond limes: new data on organization of production and chronology of workshop in Komarov]. *SP*, 4, pp. 141–164.

Rumyantseva O. S., Kadieva A. A., Demidenko S. V., Khanin D. A., Chervyakovskaya M. V., Trifonov A. A., 2019. Steklyannye izdeliya rannesrednevekovykh mogil'nikov gornoy zony tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza: khimicheskiy sostav i dannye o proiskhozhdenii [Glass items from early medieval ecmeteries in mountainous areas of North Caucasus ecntral regions: chemical composition and data on origin]. *KSIA*, 255, pp. 32–49.

Rumyantseva O. S., Lyubichev M. V., Petrauskas O. V., Trifonov A. A., Khanin D. A., Chervyakovskaya M. V., 2020. Tsvetnoe steklo s pamyatnikov chernyakhovskoy kul'tury i tekhnologicheskie traditsii provintsial'no-rimskikh steklodelov [Strongly coloured glass from Chernyakhov culture sites and technological traditions of provincial-Roman glassmakers]. *Mezhdu Vostokom i Zapadom (= Inter Orientem et Occidentem): Sbornik statey k 65-letiyu d-ra Erdmute Schultze i 20-letiyu Germano-Slavyanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii: v 3 t. [Inter Orientem et Occidentem: Collected articles to 65th anniversary of Dr. Erdmute Schultze and 20 years of German-Slavic archaeological expedition: 3 vols.]*. Eds. M. V. Lyubichev, K. V. Myzgin. Kharkov: V. N. Karazin Kharkov National university. (Series Ostrogothica, 3). Vol. 3, pp. 324–351.

Rumyantseva O. S., Lyubichev M. V., Trifonov A. A., 2018. Khimicheskiy sostav stekla arkheologicheskogo kompleksa Voytenki 1 i proiskhozhdenie sosudov chernyakhovskoy kul'tury (predvaritel'nye itogi issledovaniy) [Chemical composition of glass from Voytenki 1 archaeological complex and origin of vessels of Chernyakhov culture (preliminary results of research)]. *Khronologiya i monetnye nakhodki pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniya narodov. Aktual'nye arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope [Chronology and coin finds of late Roman period and Great migration epoch. Current archaeological research in Central*

and Eastern Europe]. M. V. Lyubichev, K. V. Myzgin, eds. Kharkov: Vodnyy spektr Dzhi-Em-Pi, pp. 182–208. (Ostrogothica-Serie (Hefte), 3.)

Rumyantseva O. S., Shcherbakov I. B., 2016. Steklo-syrets s poseleniya Komarov na Srednem Dnestre: khimicheskiy sostav i dannye o kharaktere i khronologii steklodelatel'nogo kompleksa pozdnerimskogo vremeni [Raw glass from Komarov settlement on the Middle Dniester: chemical composition and new data on the features and chronology of a Late Roman glass workshop]. *SP*, 4, pp. 299–315.

Rumyantseva O. S., Trifonov A. A., Khanin D. A., 2018. Khimicheskiy sostav stekla emalevykh vstavok i bus [Chemical composition of glass of enamels and beads]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of jewelry with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 199–220. (RSM, 18.)

Shchapova Yu. L., 1978. Masterskaya po proizvodstvu stekla u s. Komarovo (III–IV vv.) [Glass-making workshop in village of Komarov (III–IV cc.)]. *SA*, 3, pp. 230–242.

Shchukin M. B., 2005. Gotskiy put': goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura [The Goths' path: the Goths, Rome, and Chernyakhov culture]. St. Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU. 576 p.

Smishko M. Yu. Zvit pro doslidzhennya poselennya 3–4 st. z sklyanoyu maysterneyu bilya s. Komarove Chernivetskoї obl. v 1962 r. [Information on investigations of settlement of 3–4 cc. with glass-making workshop near village Komarov, Chernovtsy region, 1962]. *Archive of IA NANU*. (In Ukrainian, unpublished.)

About the authors

Rumyantseva Ol'ga S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru;

Trifonov Alexander A., ZEISS Russia & CIS, 109028, Moscow, Serebryanicheskaya Naberezhnaya, 29, Russian Federation; e-mail: blast_88@mail.ru;

Khanin Dmitriy A., Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskiye gory, 1, Moscow, 119991; Institute of Experimental Mineralogy Russian Academy of Sciences, ul. Akademika Osipyana, 4, Chernogolovka, 142432, Moscow Region, Russian Federation; e-mail: mamontenok49@yandex.ru;

Chervyakovskaya Mariya V., The Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Akademika Vonsovskogo, 15, Ekaterinburg, 620016, Russian Federation; e-mail: zaitseva.mv1991@gmail.com

Н. А. Кренке, К. А. Ганичев, С. Н. Чаукин

РЕЛЬЕФ ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА ПО ДАННЫМ СТАРИННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ПЛАНОВ И ФОТОГРАФИЙ

Резюме. В статье публикуется цифровая модель рельефа Дьякова городища и его ближайшей округи, полученная в результате фотограмметрической обработки материалов аэрофотосъемки с беспилотного летательного аппарата. Эти данные сопоставлены с изображениями городища на старых топографических картах. Сделан вывод о высокой точности изображения памятника на карте 1838 г. и достоверности показанного на ней ныне утраченного на 50 % кольцевого вала. Этот вал (его верхушку) предлагается интерпретировать как насыпь XVII в., ограничивавшую площадку потешного городка. Делаются также выводы о сильных изменениях рельефа городища за последние два столетия, интенсивных процессах эрозии склонов. Выдвигается предположение о перспективности дальнейших полевых исследований в пойме у подножия городища.

Ключевые слова: Дьяково городище, железный век, пойма, фотограмметрическая съемка.

Поводом для написания статьи было получение цифровой модели рельефа Дьякова городища, сделанной при фотограмметрической обработке аэрофотосъемки, произведенной в марте 2020 г. с помощью квадрокоптера (рис. 1). Дьяково городище – эпонимный памятник дьяковской культуры – отнюдь не исчерпал свой научный потенциал, несмотря на публикацию серии статей и монографии о нем (*Филимонов*, 1876; *Сизов*, 1897; *Кренке*, 2011). Представляется чрезвычайно важным проанализировать старинные планы городища, сравнить их с современной ситуацией, проследить утраты с целью реконструкции первоначальных габаритов укрепленного поселения. Введение в науку высокоточного фотограмметрического изображения позволяет сделать ряд важных наблюдений.

Наиболее ранним изображением Дьякова городища являются кроки землемера Казмина 1785 г. (рис. 2: *I*). На плане имеется надпись «городок», соответствующая изображению городища. Площадка городища показана почти идеально

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.221-230

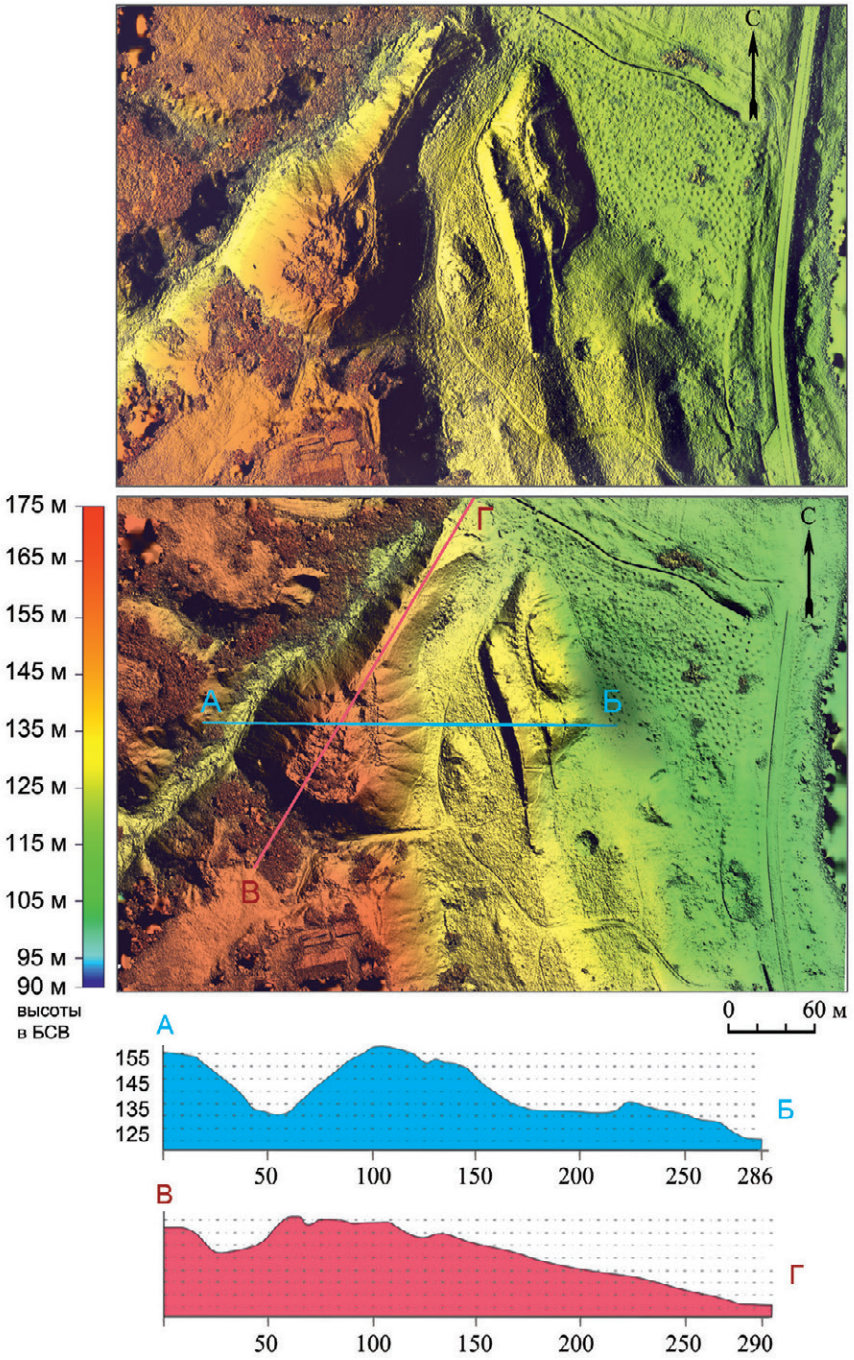


Рис. 1. Цифровая модель рельефа Дьякова городища и его округи по данным фотограмметрической съемки. Вверху – направление освещения с ЮЗ; внизу – освещение с СВ

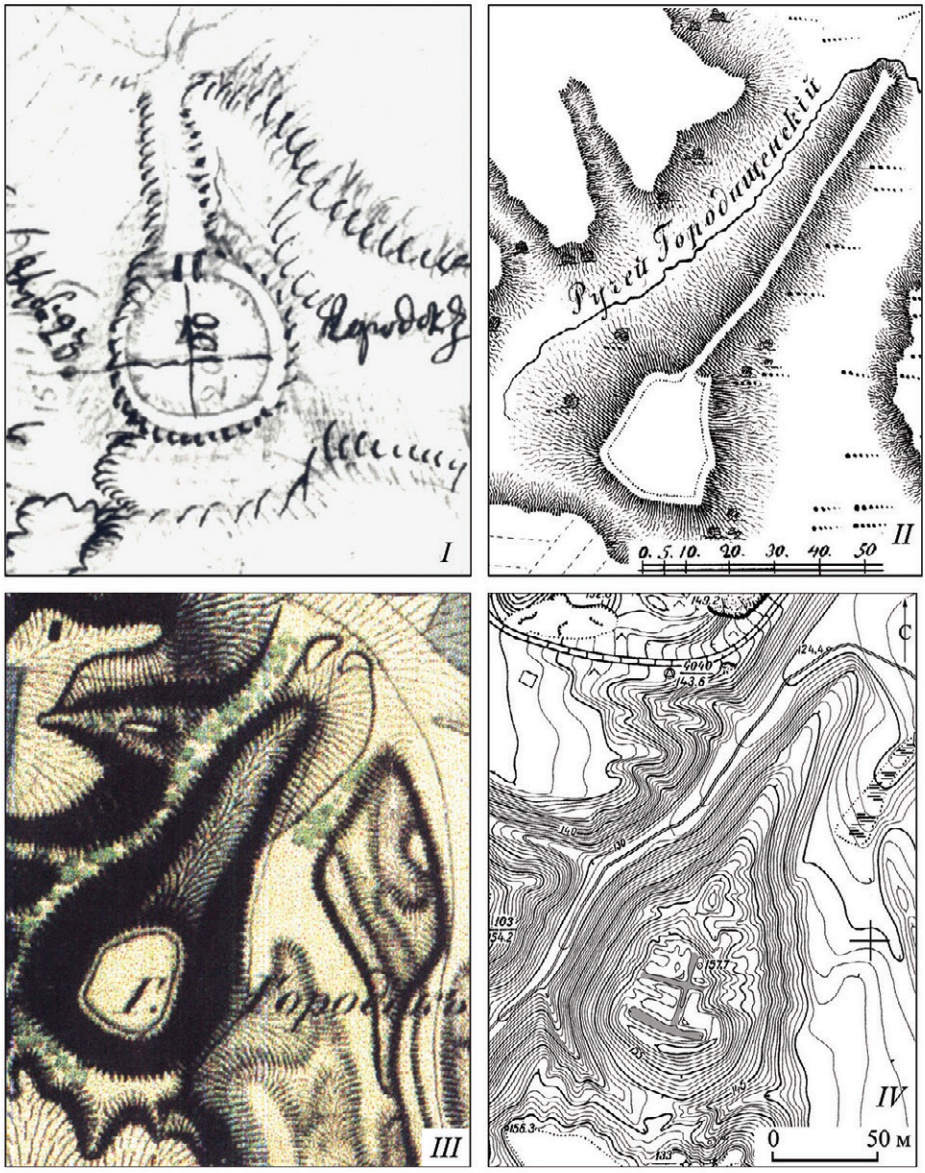


Рис. 2. Дьяково городище на старых картах

I – полевые записки землемера Казмина (РГАДА. Ф. 1320. Лп. 1. Д. 1201); *II* – образчик городища по рисунку Ходаковского (по: *Погодин*, 1871); *III* – фрагмент карты окрестностей Москвы масштаба 250 саженей в дюйме 1838 г.; *IV* – фрагмент топографической карты 1939 г. (серой заливкой показаны траншеи археологических раскопок Г. Д. Филимонова 1875 г.)

круглой, ее диаметр – 20 саженей (42,6 м). Площадку защищает кольцевой вал, который имеет узкий проход-разрыв с северной стороны. К этому проходу идет длинный и узкий подъем-всход. Следующий по времени план – это изображение городища, опубликованное в атласе М. П. Погодина (1871. С. 15) и озаглавленное там как «Образчик городища по рисунку Ходаковского» (рис. 2: *II*). Позднее этот же план был вторично опубликован А. А. Спицыным в его статье (1903. С. 128). Есть все основания думать, что данный план действительно восходит к рисунку Ходаковского, так как архив этого ученого попал в руки М. П. Погодина. Следовательно, его надо датировать 1820–1822 гг. План имеет весьма детальный масштаб – 50 саженей в дюйме. Очень вероятно, что М. П. Погодиным производилась доработка плана для издания, но какая именно – неясно, так как оригинал рисунка пока не найден. План отличает высокая точность изображения, очевидно, при его создании использовались геодезические инструменты. Площадка городища имеет форму шестиугольника неправильной формы (рис. 2: *II*). По периметру показан вал, который имеет небольшой разрыв для прохода с северной стороны. В текстовом описании З. Я. Ходаковский называл вал «кругоподобным» (*Ходаковский*, 1838. С. 29). Нужно отметить, что точность «плана Ходаковского» можно поставить под сомнение, так как овраги – правые притоки оврага Городишный, огибающего с запада городище, и мысы между ними показаны с сильным искажением.

План 1838 г., снятый топографами военно-топографического бюро, наоборот, исключительно точный. Наложение этого плана на фотограмметрическое изображение рельефа (рис. 3) демонстрирует очень хорошее совпадение контуров. Следовательно, логично предположить, что и изображение площадки городища на этом плане также соответствовало реальности. Площадка эта имеет форму, близкую к овалу, северо-восточная часть образует выступ, вал показан по всему периметру.

В Москворечье известно всего несколько городищ железного века с хорошо сохранившимися кольцевыми укреплениями. Это городища Бушарино (правый берег р. Сетуни, приток Москвы-реки) и Михайловское (на берегу Рузского водохранилища). Чуть хуже и фрагментарно сохранились кольцевые укрепления городищ Луцино и Услукино. Наибольшее распространение эта традиция сооружения укреплений получила в регионах к западу от Московского – в Смоленской, Псковской, Брянской областях. Если сравнить системы укреплений, то заметна разница между Дьяковским «кольцевым» валом и другими кольцевыми валами в Москворечье. Система укреплений на городищах Бушарино и Михайловское построена по принципу каскада, состоящего из трех, реже – двух валов. На Дьяковом городище ранее не фиксировались следы других оборонительных сооружений; диаметр его вала равняется 42–47 м, что меньше аналогичных измерений на других круглых городищах. Обычно этот показатель не меньше 60 м, иначе жилое пространство становится слишком незначительным. Здесь мы учитываем только поселения с наличием культурного слоя на площадках и оставляем за границами данного исследования так называемые «болотные городища» Смоленщины, интерпретация которых пока затруднительна.

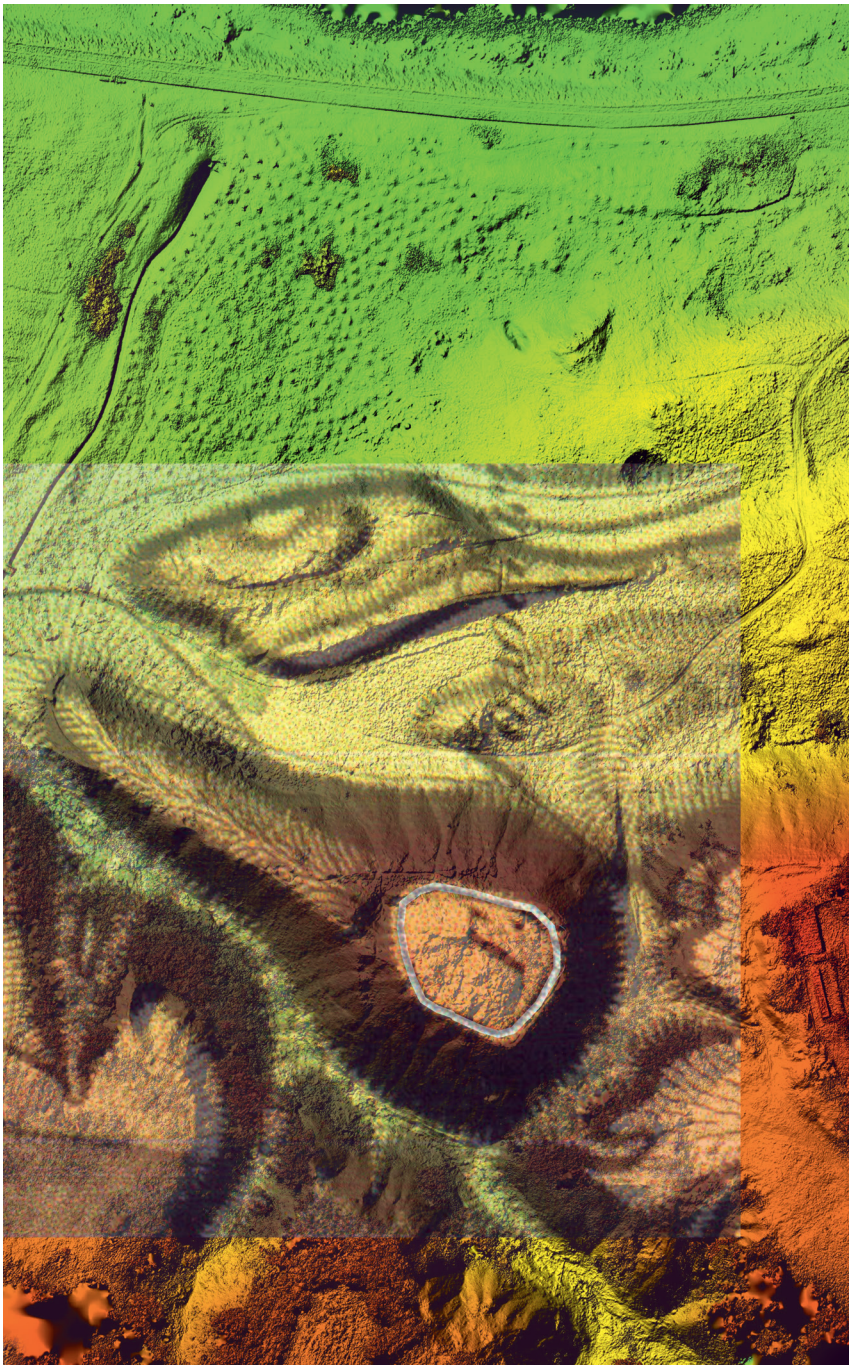


Рис. 3. Совмещение цифровой модели рельефа 2020 г. и топографической карты 1838 г.

Учитывая данные наблюдения, можно предположить, что вал Дьякова городища, изображенный на карте 1838 г., – это сооружение XVII в.[1] Этот вывод опирается на сведения письменных источников XVII в. Дьяково городище с большой долей вероятности следует отождествить с «верхним потешным городком, что под приселком Дьяковским», упомянутым в документе 1692 г., фиксирующем расходы на строительство царских хором (*Забелин*, 1895. С. 632)[2].

Раскопки вала, произведенные в 1982 г., показали (*Кренке*, 1986), что его верхушка (верхний метр) насыпана поверх погребенной почвы с керамикой XI–XIII вв. и включала какие-то элементы сильно истлевших деревянных конструкций (ниже залегала насыпь вала железного века). Возможны две интерпретации этого разреза: либо верхушка вала представляла собой выброс из прилегающей археологической траншеи 1875 г., либо является остатками насыпи XVII в. (включившей и выбросы из траншеи). Вероятнее последнее предположение, так как объем грунта на верхушке насыпи существенно больше, чем объем узкой траншеи, а также потому, что планы XVIII – начала XIX в. изображают вал, очень похожий на тот, что сохранился с южной стороны площадки.

План Дьякова городища середины XX в. масштаба 1: 2000 (съемка 1939 г., корректировка 1951 г.) изображает иную ситуацию (рис. 2: *IV*). От «кругоподобного» вала осталась лишь южная часть. Сохранившийся участок вала имеет серповидную форму и охватывает площадку с юга и частично с востока. С западной стороны вал отсутствовал уже в конце XIX в., что хорошо видно на фото, сделанном в 1890 г. А. Н. Харузиным (рис. 3: *I*). Это фото фиксирует интенсивные эрозионные процессы, осыпи на западном склоне городища. Археологические раскопки явно ускорили эти процессы.

Северо-восточная часть городища утрачена. Скорее всего, именно здесь располагался карьер, в котором крестьяне с. Дьяково добывали строительный материал в конце XIX в. В ходе этих работ был найден клад бронзовых украшений, купленный в 1872 г. Д. Я. Самоквасовым. На цифровой модели рельефа карьер выделяется очень хорошо, и, главное, отлично видны следы смывов грунта с площадки. Эти смывы образуют высокие треугольники «конусов выноса», подошва которых уходит в заполнение ложбины с западной стороны городищенского мыса (рис. 4). Скважины в этой ложбине, пройденные в 2011 г. с помощью ручного бура, показали, что верхняя погребенная почва (конца XIX в.?) находится на глубине около 1 м. То есть огромная масса грунта была намыта сюда как с площадки городища, так и с прилегающих к нему склонов коренного берега, из ложбины рва, огибающего с юга городище.

Снимок 2020 г. показывает, что склоновые процессы на холме городища весьма активны в последнее время. Это видно также при сравнении фотографий 1935, 1981 гг. и 2020 г. На первых двух (рис. 3: *II, III*) на склоне городища видны скотопрогонные тропки, фактически покрывавшие всю его поверхность и созда-

[1] Под валом XVII в. в южной части городища залегают слои вала железного века.

[2] Это отождествление подкрепляет, в частности, обнаружение комплекта изразцовой печи в раскопе А. Г. Векслера 2003/2004 гг. на Дьяковом городище в завальной южной части площадки (*Баранова*, 2014). В документе 1692 г. упоминается посылка новой ценинной печи для замены старой в «избушку, что перед столовою» на потешном городке.

Рис. 4. Фотографии Дьякова городища

I – вид с запада, сделанный А. Н. Харузиным в 1890 г. во время раскопок В. И. Сизова (фотоархив музея «Коломенское»); *II* – вид с СЗ, фото И. Ф. Барщевского 1935 г. (фотоархив музея-заповедника «Коломенское»); *III* – вид с СЗ, фото Л. Ю. Виноградова 1981 г. (материалы Н. А. Кренке)

вавшие ступенчатый микрорельеф. В настоящее время этот микрорельеф почти полностью утрачен (сельское стадо в с. Дьякове прекратило свое существование во второй половине 1980-х гг.), сглажен новыми смывами грунта.

Шурфовка в пойме Москвы-реки, произведенная в 2011 г. возле Дьякова городища (*Панин и др*., 2013), показала, что уровень залегания отложений, которые имеют возраст около 2000 лет в прибрежной зоне, находится на отметках около 113 м в БСВ (то есть на 1,5 м ниже современного меженного уровня реки).

Таким образом, по результатам первичного анализа модели рельефа Дьякова городища можно сделать следующие выводы.

1. Рельеф Дьякова городища подвергся сильным изменениям за последние два столетия, особенно выражено это на северо-восточном участке склона. Кольцевой вал Дьякова городища (Потешного городка XVII в.) утрачен более чем на 50 %.

2. Система оборонительных валов и рвов железного века требует дальнейшего изучения. Остается открытым вопрос о наличии рвов и валов на всходе к городищу с севера. Первоочередной задачей является публикация материалов раскопок 2001–2004 гг.

3. Интенсивная эрозия склонов, накопление делювия и аллювия погребло древние поверхности у подножия Дьякова городища под многометровыми отложениями. Дьяково городище и соседящее с ним с востока возвышение, на котором располагается селище Дьяково-пойма, выглядят как «айсберги», значительная часть которых скрыта от глаз. Участки погребенной поверхности поймы, соотносящиеся с периодами железного века и Средневековья, следует рассматривать как перспективные для дальнейших археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Баранова С. И., 2014. Реконструкции изразцовых печей Коломенского дворца. Степень достоверности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 1 (13). С. 56–77.

Забелин И. Е., 1895. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. XXIV, 759 с., 6 л. пл.

Кренке Н. А., 1986. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186. С. 90–95.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.

Панин А. В., Кренке Н.А, Лазукин А. В., Чаукин С. Н., 2013. Археолого-геоморфологическое изучение поймы Москвы-реки в районе Дьякова городища в Коломенском // АП. Вып. 9 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 231–239.

Погодин М. П., 1871. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 3. М.: Синод. тип. 2 ч. (230 + 130 с.)

Сизов В. И., 1897. Дьяково городище близ Москвы // Труды Девятого археологического съезда в Вильне, 1893. Т. 2. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. С. 256–267.

Спицын А. А., 1903. Городища Дьякова типа // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 5. Вып. 1. СПб. С. 111–142.

Филимонов Г. Д., 1876. Краткое известие о раскопках Чертова городища под Москвой // Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. Вып. 11–12. С. 106–107.

Ходаковский З. Я., 1838. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Т. 1. Кн. 3. М.: Унив. тип. С. 3–109.

Сведения об авторах

Кренке Николай Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ганичев Кирилл Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kirganichev@yandex.ru;

Чаукин Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sergejchaukin@gmail.com

N. A. Krenke, K. A. Ganichev, S. N. Chaukin

THE D'YAKOVO HILLFORT RELIEF BASED ON THE DATA FROM OLD AND MODERN PLANS AND PHOTOGRAPHS

Abstract. The paper publishes a digital model of the D'yakovo hillfort relief and its vicinity produced by photogrammetric processing of the aerial photography images made by a drone. These data were compared with images of the hillfort on old topographic maps. This comparison was used to make a conclusion on high precision of the site image on the 1838 map and authenticity of the circular earth rampart, now 50 % lost which is shown on the map. It is suggested to interpret this rampart (rather its crest) as a mound of the 17th century around an amusement town. It is also inferred from this analysis that the hillfort relief has changed very much over the past two centuries and that intensive erosion processes have occurred on its slopes. It is suggested that follow-up field excavations in the low-lying flood-prone area at the foot of the hillfort look promising.

Keywords: D'yakovo hillfort, Iron Age, low-lying flood-prone area, photogrammetric survey.

REFERENCES

Baranova S. I., 2014. Rekonstruktsii izraztsovykh pechey Kolomenskogo dvortsa. Stepen' dostovernosti [Reconstructions of tile stoves of the Kolomna Palace. Degree of reliability]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of Orthodox St. Tikhon's University for Humanities]. Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva [Issues of history and theory of Christian art]*, 1 (13), pp. 56–77.

Filimonov G. D., 1876. Kratkoe izvestie o raskopkakh Chertova gorodishcha pod Moskvoy [Brief news on excavations of Chertovo hillfort near Moscow]. *Vestnik obshchestva drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom publichnom muzee [Bulletin of Society for ancient Russian art at Moscow public museum]*, 11–12, pp. 106–107.

Khodakovskiy Z. Ya., 1838. Istoricheskaya sistema Khodakovskogo [Khodakovskiy's historical scheme]. *Russkiy Istoricheskiy Sbornik, izdavaemyy Obshchestvom Istorii i Drevnostey Rossiyskikh [Russian Historical annual published by Society for Russia History and Antiquities]*, vol. 1, book 3. Moscow: Universitetskaya tipografiya, pp. 3–109.

Krenke N. A., 1986. Val D'yakova gorodishcha [Rampart of D'yakovo hillfort]. *KSIA*, 186, pp. 90–95.

Krenke N. A., 2011. D'yakovo gorodishche. Kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [D'yakovo hillfort. Culture of population of Moskva river basin in I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 548 p.

Panin A. V., Krenke N.A, Lazukin A. V., Chaukin S. N., 2013. Arkheologo-geomorfologicheskoe izuchenie poymy Moskvy-reki v rayone D'yakova gorodishcha v Kolomenskom [Archaeological and geomorphological study of floodplain of Moskva river in the area of D'yakovo hillfort in Kolomenskoye]. *AP*, 9. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 231–239.

Pogodin M. P., 1871. Drevnyaya russkaya istoriya do mongol'skogo iga [Ancient Russian history before Mongol yoke], 3. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. 230, 130 p.

Sizov V. I., 1897. D'yakovo gorodishche bliz Moskvy [D'yakovo hillfort near Moscow]. *Trudy Devyatogo arkheologicheskogo s"ezda v Vil'ne [Transactions of Ninth archaeological congress in Vilno]*, 1893, vol. 2. Moscow: Tipografiya E. Lisnera i Yu. Romana, pp. 256–267.

Spitsyn A. A., 1903. Gorodishcha D'yakova tipa [Hillfprts of D'yakovo type]. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of Department of Russian and Slavic archaeology, Russian Imperial archaeological society]*, vol. 5, iss. 1. St. Petersburg, pp. 111–142.

Zabelin I. E., 1895. Domashniy byt russkogo naroda v XVI i XVII st. [Home life of Russian people in XVI and XVII cc.], 1. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova. XXIV, 759 p., 6 l. pl.

About the authors

Krenke Nikolaj A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ganichev Kirill A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kirganichev@yandex.ru;

Chaukin Sergej N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sergejchaukin@gmail.com

А. Н. Федорина, А. С. Морозов, Н. Д. Угулава

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ I тыс. н. э. НА СЕЛИЩЕ СУВОРОТСКОЕ 8: СОСТАВ КОЛЛЕКЦИИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Резюме. Статья посвящена публикации отдельных находок, датирующихся второй половиной I тыс. н. э., собранных в ходе обследования древнерусского поселения в нижнем течении р. Нерль Клязьменская. Изучение хронологических горизонтов, предшествующих русской колонизации региона, имеет ряд трудностей, связанных как с особенностью материальной культуры этой эпохи (малонасыщенность культурных слоев артефактами), так и плотностью средневекового расселения. В этих условиях публикация отдельных находок не только пополняет базу данных предметов-хроноиндикаторов, но и необходима для более полного представления об освоенности волго-клязьменского междуречья в I тыс. н. э.

Ключевые слова: I тыс. н. э., расселение, Суздальское Ополье.

До начала сплошных разведок в Суздальском Ополье были известны единичные памятники I тыс. н. э. (городищ – 8, селищ – 4, по данным АКР: Ивановская обл., 1993. С. 80 и АКР: Владимирская обл., 1995. С. 262–297; *Макаров и др*., 2005. С. 206–210; 2012. С. 151, 152). Принято считать, что данная территория до прихода русского населения была заселена группами финских племен, относящихся к летописной мере (*Леонтьев*, 1996. С. 193–214).

Памятники, для которых возможны узкие датировки на основании вещевого комплекса, – единичны (*Лапшин*, 2012. С. 95–100; *Макаров и др*., 2005. С. 184; *Леонтьев и др*., 2017. С. 60; *Леонтьев*, 2018. С. 26–38, *Макаров и др*., 2010. С. 148). Отчасти такое положение дел связано с особенностями материальной культуры населения первого тысячелетия – относительно небольшим количеством металла, используемого в быту, и ее археологизации. В результате очень плотного и интенсивного освоения региона в древнерусское время значительная часть ранних объектов, слабо насыщенных артефактами, по-видимому, перекрыта или переработана культурным слоем эпохи Средневековья

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.231-251

(*Макаров и др*., 2011. С. 5. Рис. 1; 2015). В этих условиях полноценная картина освоения территории Суздальского Ополья в I тыс. н. э. по-прежнему дело будущего, а публикация «случайных» находок из коллекций, собранных в ходе сплошных обследований древнерусских памятников, вполне оправданна.

Публикуемая группа предметов собрана в ходе планомерных работ на селище Суворотское 8, расположенном в 15 км к северо-востоку от центра г. Владимира на берегу речки Вячеславки, одного из правых притоков р. Нерль Клязьминская в нижнем течении. Суворотское 8 – наиболее поздний памятник среди селищ Ополья, отнесенных к группе «большие поселения», одного из ярких феноменов X–XI вв., эпохи формирования Суздальской земли (*Макаров и др*., 2018. С. 8). Средневековый культурный слой зафиксирован на площади 6 га и распространяется на склонах небольшого выположенного овражка, спускающегося к реке с юга в ее среднем течении. В настоящий момент почти вся площадка памятника распахивается. Работы по сбору подъемного материала на памятнике велись в течение 6 полевых сезонов и включали сплошной планшетный сбор материала на отдельных участках селища (общая площадь обследования около 3 га). В результате собранная коллекция подъемного материала составляет 689 индивидуальных находок и свыше 12 000 фрагментов керамики. Помимо этого, при определении границ селища было заложено 12 шурфов. Шурфовка подтвердила, что распашка переработала культурный слой на всю глубину, до материка: лишь в одном шурфе удалось проследить остатки погребенной почвы. Такая ситуация характерна для большинства памятников Ополья, испытывающих интенсивную земледельческую нагрузку, таких как Весь 5, Большое Давыдовское 2, Шекшово 2, Кистыш 3 и Вишенки 3, Гнездилово 2, Михали 3. Основываясь на результатах раскопок на перечисленных выше памятниках, можно утверждать, что выводы о пространственном распределении материала, полученные на основании анализа сборов, вполне сопоставимы с результатами раскопок (не в деталях, но в основных трендах, подробнее см.: *Федорина, Красникова*, 2012; *Захаров*, 2014).

Основной массив коллекции Суворотского 8 принадлежит узнаваемым типам вещей древнерусского облика и совокупно может быть датирован концом X – XIII в. На этом фоне выделяются 7 предметов (рис. 1), имеющих ранние датировки: вторая и третья четверти I тыс. н. э.[1]

Наиболее ранняя находка – подвеска-лунница, состоящая из двух фрагментов, найденных в разные годы изучения памятника в 4 м друг от друга (602–2015, 832–2014)[2]. Данная литая «двурогая» подвеска имеет дугообразный корпус (толщиной ок. 0,35 см) и крупное ушко (шириной до 0,9 см) с небольшим отверстием (0,3 см) в верхней части. Сохранившееся окончание представляет собой округлое основание с тремя трапециевидными лопастями (одна лопасть обломана). Основу композиции составляет центральная вставка из красной эмали, повторяющая форму корпуса и доходящая сужающимися закругленными

[1] Находки происходят из сборов 2014–2016 гг.

[2] В тексте и иллюстрациях отражена нумерация по сводной полевой описи находок на памятнике и год обнаружения.

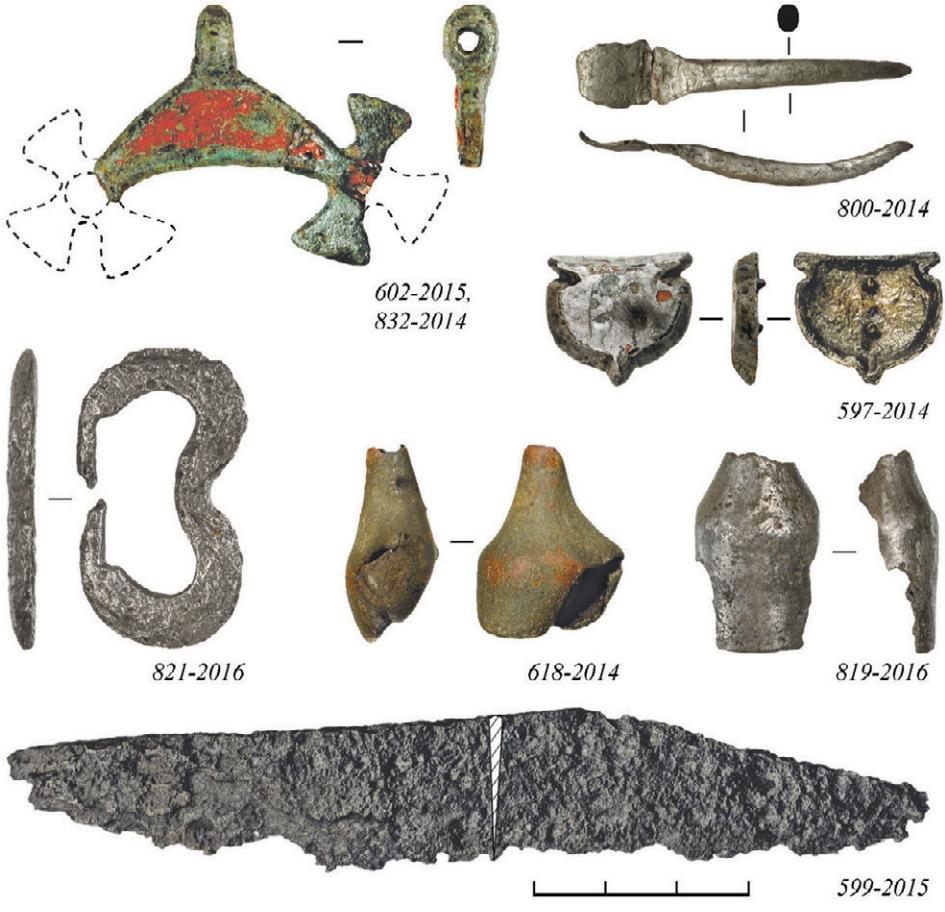


Рис. 1. Предметы I тыс. н. э. из сборов на селище Суворотское 8

концами до окончаний. Окончания также украшены центральной округлой эмалевой вставкой.

Подвеска, происходящая с селища Суворотское 8, соответствует образцам, относящимся ко второй стадии развития вещей с выемчатыми эмалями (по А. М. Обломскому и Р. В. Терпиловскому), датирующейся концом II – серединой/второй половиной III в. По характеру оформления окончаний близка изделиям, широко распространенным в Среднем Поднепровье (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 118, 119, 123, 132. Рис. 138: *4, 5*; *Фролов*, 1980. С. 120. Рис. 2: *2, 3, 4*), но имеет не треугольные корпус и эмалевую вставку, а дугообразные.

На сегодняшний день распространение изделий с выемчатыми эмалями в восточном направлении большинство исследователей связывают с рядом событий в упомянутом выше регионе и переселением непосредственных носителей и создателей украшений данного круга (*Ахмедов*, 2018. С 157; *Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 121). Аналогичные украшения с широкими треугольными

лопастями среди изделий на территории Поволжья и Поочья авторам пока неизвестны.

Количество находок предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей во Владимирской области растет с каждым годом, и, к сожалению, это не всегда связано с санкционированными археологическими работами[3] (*Левада*, 2010. Рис. 18: 5). Ряд вещей, выполненных в интересующем нас стиле, происходит из комплексов: кольцевая фибула погр. 3 и фрагменты шпор погр. 3–2 могильника Большое Давыдовское II (*Макаров*, 2010б. С. 72; *Макаров и др*., 2010б. С. 49). Известен также и обломок кольцевой фибулы с оплавленными концами, обнаруженный в ходе разведочных работ 2003 г. на селище Кибол 11 (*Макаров*, 2004. С. 19. Рис. 43). Вероятно, находка из Суворотского 8 может быть связана с появлением в Ополье выходцев из среды рязано-окского населения (*Макаров и др*., 2011. С. 15) и принадлежать тому же хронологическому горизонту конца III – первой половины IV в., что и погребения могильника Большое Давыдовское 2 и фибула из Кибола 11 (последняя датирована на основании типологических и стилистических особенностей), однако это не отменяет возможности достаточно длительного использования этого изделия.

Возможно, к этому же хронологическому горизонту относится фрагмент железного изделия № 599/118, который может быть частью плохо сохранившегося ножа «с горбатой спинкой». Сомнения вызывает малая толщина спинки лезвия, всего 0,3 см, которая может быть связана и с плохой сохранностью предмета. Ножи со сходящейся спинкой появились позднее серповидных, около конца I тыс. до н. э., и какое-то время существовали параллельно с ними, бытуя вплоть до V в. н. э. (*Смирнов*, 1974. С. 37, 38). Оба типа представлены в Больше-Давыдовском могильнике (*Макаров*, 2003. Рис. 78-4; 110-6; 122-5). В случае с Дьяковым городищем, где для датировки использовался комплексный подход, ножи подобного типа залегали в слоях, накопление которых по совокупности археологических и радиоуглеродных данных, скорее всего, происходило в II–III и IV вв. н. э. (*Кренке*, 2011. С. 58–63, 145.)

Отметим, что нож (?) найден поблизости от фрагментов подвески-лунницы: в 40 м ниже по склону овражка (рис. 2). Со всей осторожностью можно констатировать, что предметы, относящиеся ко второй четверти I тыс. н. э., на памятнике присутствуют и в дальнейшем их количество может увеличиться. Тем не менее у нас недостаточно данных для интерпретации выявленного комплекса.

Более выразительную группу образуют предметы, датируемые третьей четвертью I тыс. н. э.: поясная накладка, рамка пряжки, две бутыльчатые привески, игла сюльгамы (рис. 1).

Поясная накладка (597–2014) относится к ременной гарнитуре, выполненной в т. н. геральдическом стиле. Обнаруженный литой экземпляр крепился к ремню при помощи двух шпеньков, имеет щитовидную форму, выделенный «носик» и характерные вырезы у нижнего края (*Гавритухин*, 1996. С. 85), являющиеся отличительным признаком второй стилистической линии (по И. О. Гавритухину) предметов этого стиля. Возможная датировка распространения

[3] Выражаем благодарность О. А. Радюшу за информацию о некоторых находках в Юрьев-Польском и Ковровском районах Владимирской обл.

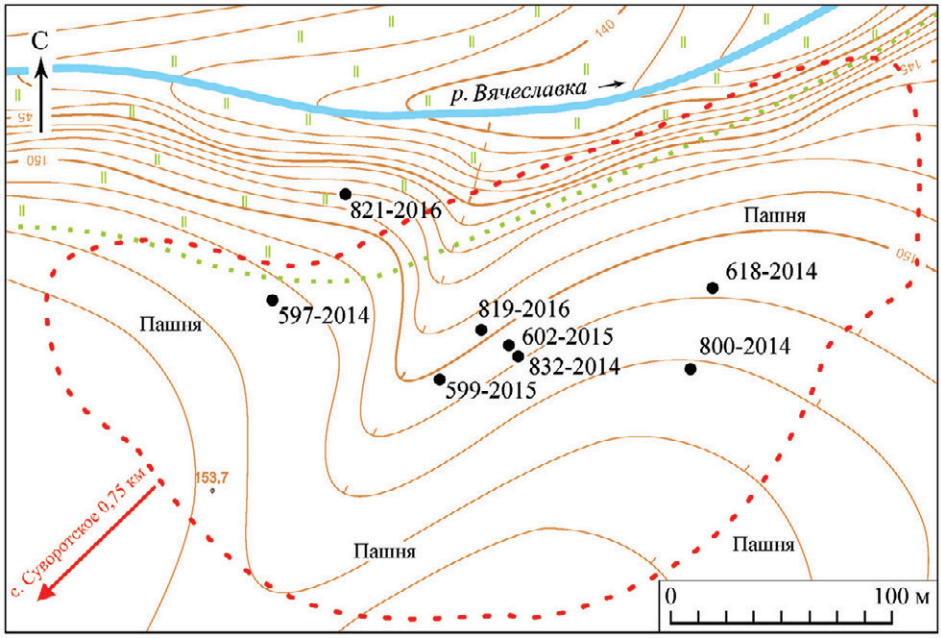


Рис. 2. Пространственное распределение предметов I тыс. н. э. (номера соответствуют описи)

экземпляров подобного облика укладывается в пределы второй половины VII – начала VIII в. н. э. В тех же рамках следует рассматривать и датировку поясной накладки с прорезным орнаментом с городища Выжегша (*Леонтьев и др*., 2017. С. 60. Рис. 5: *1*).

К кругу элементов гарнитуры поясов «геральдического» стиля относится железная рамка пряжки (821–2016) В-образной формы с выделенной (утоньшенной) нижней частью для крепления обоймицы и углублением под язычок спереди. Сечение рамки имеет форму прямоугольной трапеции, а внутренний край полностью повторяет внешние контуры. Форма изделия близка образцам из цветных металлов, относящихся к концу VI – середине VII в. н. э., за исключением сечения (по технологическим причинам), однако вопросом развития форм железных элементов ременной гарнитуры данного стиля никто подробно не занимался.

К тому же периоду, что и элементы поясной гарнитуры, относятся две крупные безушковые бутыльчатые привески. Одна была смята и имела диаметр ок. 2 см (618–2014), от второй (819–2016) сохранился лишь фрагмент (диаметр ок. 1,7 см). Привески, подобные первому экземпляру, известны на селище Усть-Черная. Они относились к тем же отложениям, где были найдены сюльгамы с короткими «усами» и ременные накладка и наконечник той же стилистической линии, что и накладка с Суворотского 8. О несколько более поздней дате бутыльчатых привесок низких пропорций говорит их наличие в погр. 14

могильника Сарского городища совместно с сюльгамой с длинными «усами» (*Леонтьев*, 1996. С. 98, 225. Рис. 37: *18–24*; 96: *2–6*). Для второго экземпляра наиболее близкие аналоги встречены в комплексах (п. 29, 54/55) 4 стадии могильника Безводное, где они входили в состав женских украшений (*Краснов*, 1980. С. 48, 49. Рис. 27: *1, 2*).

Иглой сюльгамы может являться изделие № 800–2014, имеющее длину 3,1 см от основания и достаточно прогнутую среднюю часть.

Все вышеуказанные вещи укладываются в рамки конца VI – начала/первой половины VIII в. н. э. с возможным сужением датировки до середины VII – начала VIII в. Древности этого периода на территории Ополья известны по раскопкам на памятниках Выжегша (*Леонтьев и др*., 2017. С. 51–63; *Леонтьев*, 2018. С. 26–38), Кибол 1 (*Лапшин*, 2012. С. 95–100) и Кибол 7 (*Макаров и др*., 2007. С. 184), где присутствуют вещевые и керамические комплексы, а археологические даты сопрягаются с радиоуглеродными.

Находки второй хронологической группы не образуют какого-либо скопления, напротив, они довольно равномерно распределены на площадке, занятой средневековым поселением: детали ременной гарнитуры происходят с западной половины обследованного участка, одна из привесок и игла от сюльгамы – с восточной оконечности, вторая привеска найдена в центральной зоне (рис. 2).

В попытках прояснить характер зафиксированного памятника обратимся к керамическим коллекциям, собранным на селище. Коллекция лепной керамики составила 870 фрагментов (около 5 кг): большая часть этого материала сильно измельчена, фрагментов венчиков – 129.

Разделение лепной керамики из сборов на отдельные типо-хронологические группы вызывает известные трудности, чтобы хотя бы отчасти их преодолеть, рассмотрим керамику, собранную на селище Суворотское 8, в контексте памятников I тыс. н. э. в микрорегионе. В окрестностях селища выявлено 10 памятников с чистым лепным керамическим комплексом, еще в 7 случаях в сборах лепная керамика представлена совместно с круговой (рис. 3, подробнее см.: *Макаров и др*., 2013. С. 68, 69) Для характеристики лепного керамического комплекса селища Суворотское 8 наиболее полезны материалы селищ Ославское 6 и Суворотское 10, где собраны значительные коллекции. Косвенные данные (в коллекциях отсутствует круговая керамика ранних типов) позволяют считать, что эти памятники не доживают до конца X в. Существенно, что группа памятников Ославские 6, 8, 9 приурочена к речке Вячеславке, на 800 м ниже по течению, чем площадка Суворотское 8; расстояние до селища Суворотское 10 – около 2 км.

Для уточнения хронологических позиций потребовалось привлечь данные о составе керамических комплексов из раскопок на селищах Кибол 1, Кибол 7, Кидекша, Весь 5, Тарбаево 5, расположенных в более широком радиусе.

Для сопоставления лепных материалов были выделены **характерные признаки керамических комплексов**, остальная информация привлечена в качестве дополнительной (данные отражены в табл. 1).

К основным признакам керамического комплекса относятся **форма венчика горшков**, присутствие в наборе **керамических сковородок**, **доля лощеных** фрагментов.

Таблица 1. Керамика селищ Суздальского Ополья

№ п/п	Селище	Датировка	Форма венчиков горшков (вариант)	Всего определимой леп. кер.	Лепная лощеная	Наличие в коллекции сковородок	Общая характеристика поверхности лепных сосудов, данная исследователями при статистической обработке	Круговая керамика XI–XIII вв. (шт.)	Происхождение материалов / состояние памятника	Источник данных
1	Кибол 7	VI–VII вв.	1	504	24 (5 %)	7 шт.	61 % – поверхность шероховатая светло-серого и серо-розового и коричневого цвета; 34 % – заглаженная или гладкая поверхностью	3	2005 г., раскоп (48 кв. м). Распахивается (пахотные борозды доходят до материка)	*Макаров*, 2005
2	Кибол 1	VI–VIII вв.	1	15 000	– (1,8 %)	29 % от всего количества лепной	поверхность сосудов тщательно заглаженная	нет	1989–1991 гг., раскоп (186 кв. м). Распахивается	*Лапшин*, 2012
3	Ославское 6	VI–VIII вв.	1	544	19 (3,5 %)	2 шт.	94,5 % – керамика с грубой, шероховатой или слегка заглаженной поверхностью светло-серого, светло-коричневого или желтого цвета; 2 % – с грубой поверхностью с расчесами	нет	2009 г., сборы; 2013 г., сборы, шурф 1. Часть территории имеет следы современной распашки	*Федорина*, 2009
4	Кидекша	IX – перв. пол. X в. (культурный слой «дособорного» времени)	1 и 1а	127	5 (4 %)	1 шт.	60 % – грубая шероховатая поверхность; 36 % – заглаженная	нет	2011 г., шурф 3 (внутри церкви Бориса и Глеба). Материал из непотревоженного строительством слоя	*Макаров и др.*, 2015б
		IX – перв. пол. X в. (культурный слой «дособорного» времени)		583	9 (1,5 %)	2 шт.	63 % – грубая шероховатая поверхность; 35,5 % – заглаженная	нет	2011 г., раскоп к северу от церкви. Материал из непотревоженного строительством слоя	

Окончание табл. 1

№ п/п	Селище	Датировка	Форма венчиков горшков (вариант)	Всего определимой леп. кер.	Лепная лощеная	Наличие в коллекции сковородок	Общая характеристика поверхности лепных сосудов, данная исследователями при статистической обработке	Круговая керамика XI–XIII вв. (шт.)	Происхождение материалов / состояние памятника	Источник данных
5	Суворотское 10	VIII–X вв.	1 и 2	211	3 (1 %)	нет	76 % – с грубой или слабо заглаженной поверхностью, розового, коричневого или светло-серого цвета; 22 % – заглаженных	нет	2012 г., сборы; 2015 г. сборы. Распахивается	*Макаров*, 2012а; 2015
6	Весь 5	вт. пол. IX – X в. (первый период существования поселения)	2	8353	1180 (14 %)	1 шт.	86 % – шероховатая и заглаженная поверхность	3956	2004, раскоп (96 кв. м). Слой с лепной керамикой перемешан современной распашкой и строительством древнерусского времени, но есть непотревоженные участки раннего слоя	*Макаров*, 2004
7	Тарбаево 5	X–XIII вв.	2 и 2а	334	1 (< 1 %)	нет	98 % – шероховатая или слегка заглаженная поверхность серого, желтого, розового или светло-коричневого цвета; 1 % – заглаженная	348	2010, сборы. Распахивается (пахотные борозды доходят местами до материка)	*Макаров*, 2010а
				189	10 (5 %)		90 % – грубая поверхность	84	2011, шурф 2 с непотревоженным культурным слоем	*Макаров*, 2011
				159	2 (1 %)		98 % – грубая; один фрагмент с заглаженной поверхностью	26	2011, шурф 3 с непотревоженным культурным слоем	
8	Суворотское 8	кон. X – XIII в.	2 и 2а	499	16 (3 %)	нет	94 % – шероховатая или заглаженная поверхность; 2 % – гладкая	1783	2012–2015, 2018 сборы. Распахивается бо́льшая часть памятника (пахотные борозды доходят до материка)	*Макаров*, 2012а; 2013; 2014; 2015

Рис. 3. Археологические памятники в бассейне реки Вячеславки: селища с чистым лепным комплексом (показаны желтым), селища, где фиксируется сочетание лепной и круговой посуды (показаны розово-желтой штриховкой), местонахождения – показаны розовыми точками

Были выделены 2 варианта морфологического состава коллекции по форме венчика, внутри которых отдельно отмечаются венчики с насечками[4]:

1 – высокие вертикальные или слабо отогнутые наружу венчики с уплощенным или округлым краем, с явным преобладанием венчиков с уплощенным краем;

1а – высокие слабо отогнутые венчики с уплощенным или округлым краем и насечками;

2 – короткие профилированные венчики с уплощенным или округлым краем;

2а – короткие профилированные венчики с уплощенным или округлым краем с насечками.

Наиболее ранняя группа памятников, датирующаяся третьей четвертью I тыс. н. э., представлена селищами Кибол 7, Кибол 1. Сходный керамический комплекс зафиксирован для селища Ославское 6. Для них характерны высокие венчики первого варианта, в котором преобладает форма с уплощенным краем (рис. 4). Керамика Кибола 1 выделяется выраженным единообразием профилей (*Лапшин*, 2012. С. 99. Рис. 3). Сохранность фрагментов позволила отметить наличие у сосудов уступа в месте перехода венчика в плечо (Там же. С. 98). Коллекция селища Кибол 1 помимо высокой степени однородности форм венчиков отличается большой долей керамических сковородок (29 %). Если суммировать количество сковородок с остальной лепной керамикой на двух других селищах ранней группы Кибол 7 и Ославское 6, то их доля в первом случае будет составлять 1 %, во втором – 0,3 %[5]. В целом их объем не превышает 1 % и в материалах других памятников, где они обнаружены.

К следующему хронологическому диапазону отнесены материалы ненарушенного строительством церкви Бориса и Глеба в Кидекше культурного слоя IX – первой половины X в. В этой коллекции содержатся венчики, близкие керамике ранней группы памятников (вариант 1) в сочетании с высокими венчиками с насечками (подвариант 1а) (*Макаров*, 2015б. С. 170, 171. Рис. 7), тогда как коллекции селищ Суворотское 10 и Весь 5, доживающих до конца X в., отличаются присутствием в выборке коротких профилированных венчиков варианта 2 (рис. 4: *6–43*). Важно отметить присутствие в коллекции Суворотское 10 сосудов с профилировкой варианта 1 (рис. 5: *1–5*). Принципиально, что на более чем 8300 лепных фрагментов, собранных на селище Весь 5, пришелся всего один обломок керамической сковородки.

Наконец, керамика самого позднего из привлеченных к анализу селищ – Тарбаево 5, ранний этап для которого определен X–XI вв. (*Макаров*, 2012б. С. 68), содержит короткие профилированные венчики, в том числе с насечками (подвариант 2а), при этом на селище при довольно широком площадном обследовании и шурфовке не найдено ни одной керамической сковороды.

---

[4] Варианты морфологического состава выделены на основании иллюстративных материалов отчетов и публикаций, поэтому в данном исследовании отмечается наличие того или иного варианта, но не приводится количество.

[5] При подсчете общего количества лепной и вычислении долей керамики с разной поверхностью не учитывались мелкие фрагменты и трудноопределимые фрагменты. Поэтому приведенные цифры не отражают количество всей лепной керамики, полученной при работах на памятниках.

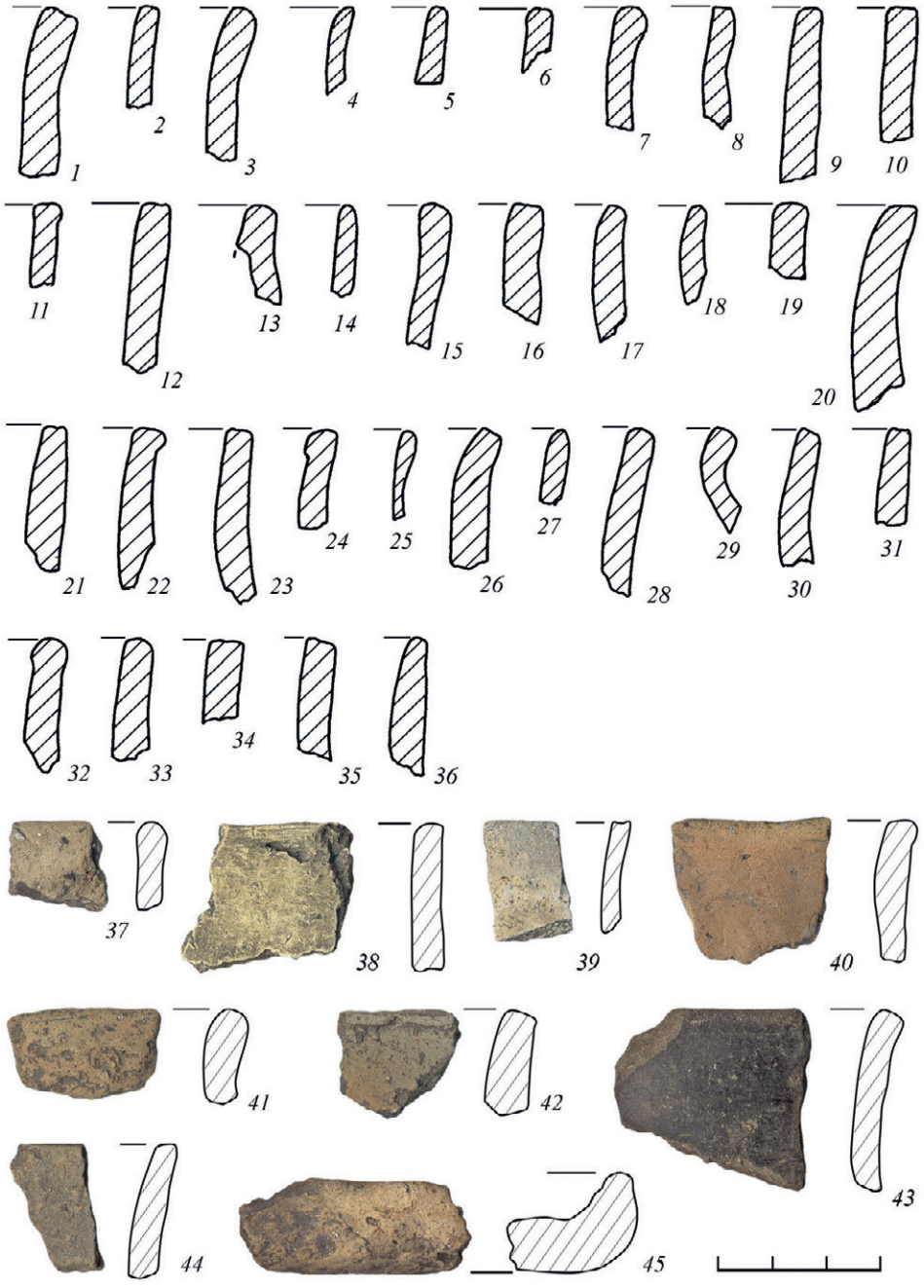


Рис. 4 Лепная керамика селищ Суздальского Ополья

1–36 – Кибол 7; *37–45* – Ославское 6

1–44 – венчики горшков; *45* – фрагмент сковороды

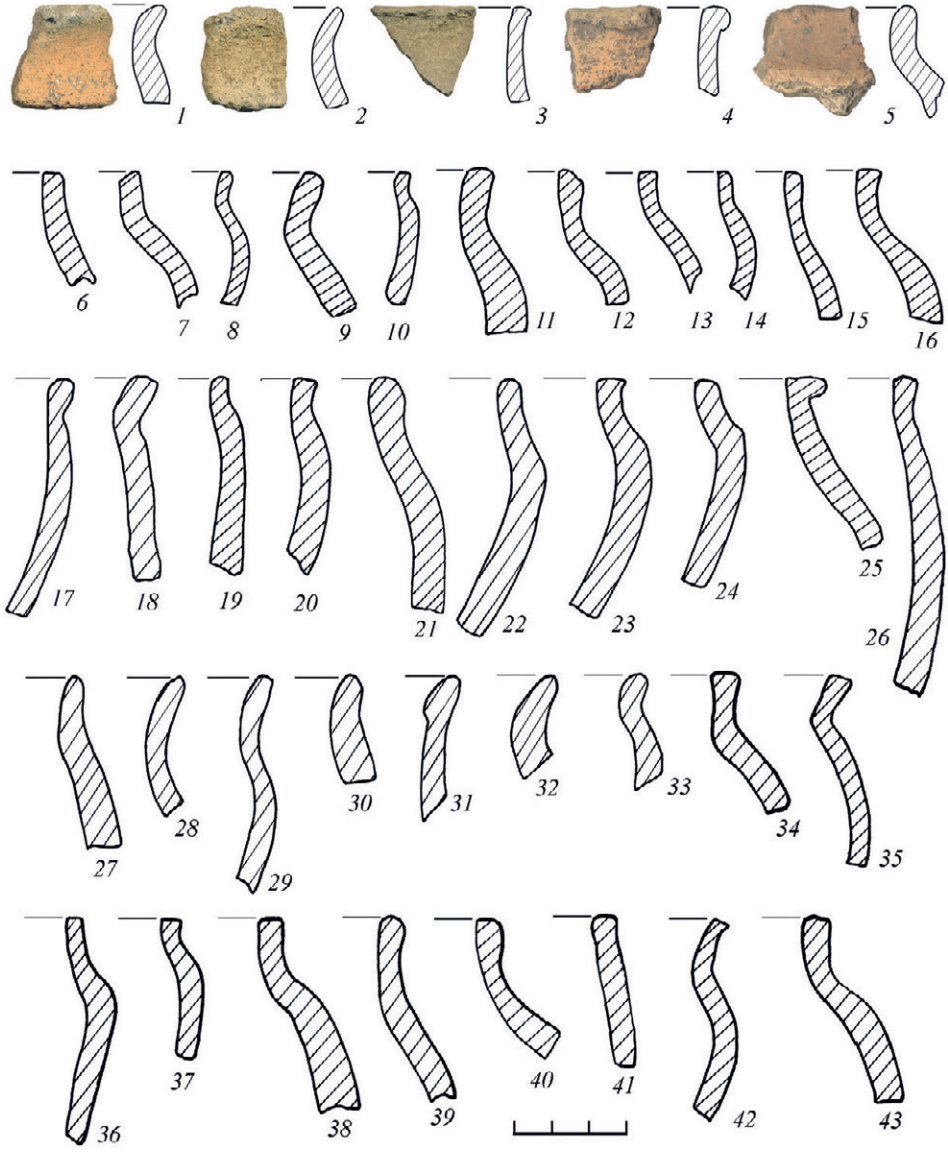


Рис. 5. Лепная керамика селищ Суздальского Ополья

1–5 – Суворотское 10; *6–43* – Весь 5

Поверхность сосудов на всех памятниках, кроме Кибола 1, в подавляющем количестве (от 60 до 98 %) была определена при статистической обработке как грубая/шероховатая или со слабым заглаживанием. Для данной посуды характерна примесь крупной и средней дресвы, выступающей на поверхности.

Для последнего выбранного признака – доля лощеной керамики – не удается наметить четкую тенденцию представленности на селищах, кроме того, что ее доля обычно не превышает 5 %. Исключением является селище Весь 5, где объем лощеной керамики составил 14 %.

Керамика селища Суворотское 8 содержит венчики варианта 2 с подвариантом 2а, большая часть определимых фрагментов имеет шероховатую со следами заглаживания поверхность (рис. 6). Доля лощеной составила всего 3 %. При довольно широком обследовании поверхности в течение нескольких сезонов не найдено ни одного обломка глиняной сковороды.

Перечисленные черты более всего сближают коллекцию Суворотского 8 с Тарбаевым 5. Оба селища по вещам и массовой керамике изначально были отнесены к древнерусскому периоду, и проведенный анализ не позволяет выделить керамические материалы раннего времени.

Интересным и важным наблюдением является взаимоисключение в сводной таблице лепной керамики варианта 1 и круговой. Из пяти селищ они встречены совместно только на Киболе 7, где круговая посуда составила всего 3 фрагмента и происходит из пахотного горизонта. Здесь нужно отметить, что круговая керамика Веси 5, указанная в довольно большом количестве, не сосуществовала с лепной, так как на поселении зафиксирован период запустения (*Макаров и др*., 2010а. С. 115), а найденные круговые формы характерны для второй половины XII – XIII в.

Керамика селищ Суворотское 8 и Тарбаево 5, датированных X–XIII вв., напротив, представлена как лепной и круговой, так и раннекруговой посудой: XI столетие является временем одновременного бытования в Ополье этих трех групп (*Горюнова, Лапшин*, 2004. С. 55). При этом на поселениях отсутствует категория сковородок. С учетом довольно широкого площадного обследования этих двух памятников и закладки шурфов на Тарбаево 5, можно выдвинуть предположение, что в регионе в X в. древнерусское население не имеет традиции использования глиняных сковородок подобной формы (рис. 4: *45*), однако данное утверждение нуждается в большем обосновании, поскольку принято считать, что глиняные сковородки выходят из обихода на Суздальской земле на рубеже X–XI вв. (*Макаров*, 2015б. С. 169). Материалы Суворотского 10 не могут служить аргументом в этом вопросе в силу скромных размеров выборки.

Таким образом, на привлеченных к исследованию материалах получилось отразить смену морфологического состава венчиков лепных сосудов, которая приходится на вторую половину IX – X столетие, когда сосуществуют в регионе поселения с разными морфологическими группами керамики – Кидекша и Весь 5. Заставшее эту смену селище Суворотское 10 содержит венчики обеих групп. Селища, которые становятся основой сети древнерусского расселения в домонгольское время, такие как Тарбаево 5 и Суворотское 8, в свою очередь, близки по морфологическому набору Веси 5, ранняя дата которого – вторая половина IX в.

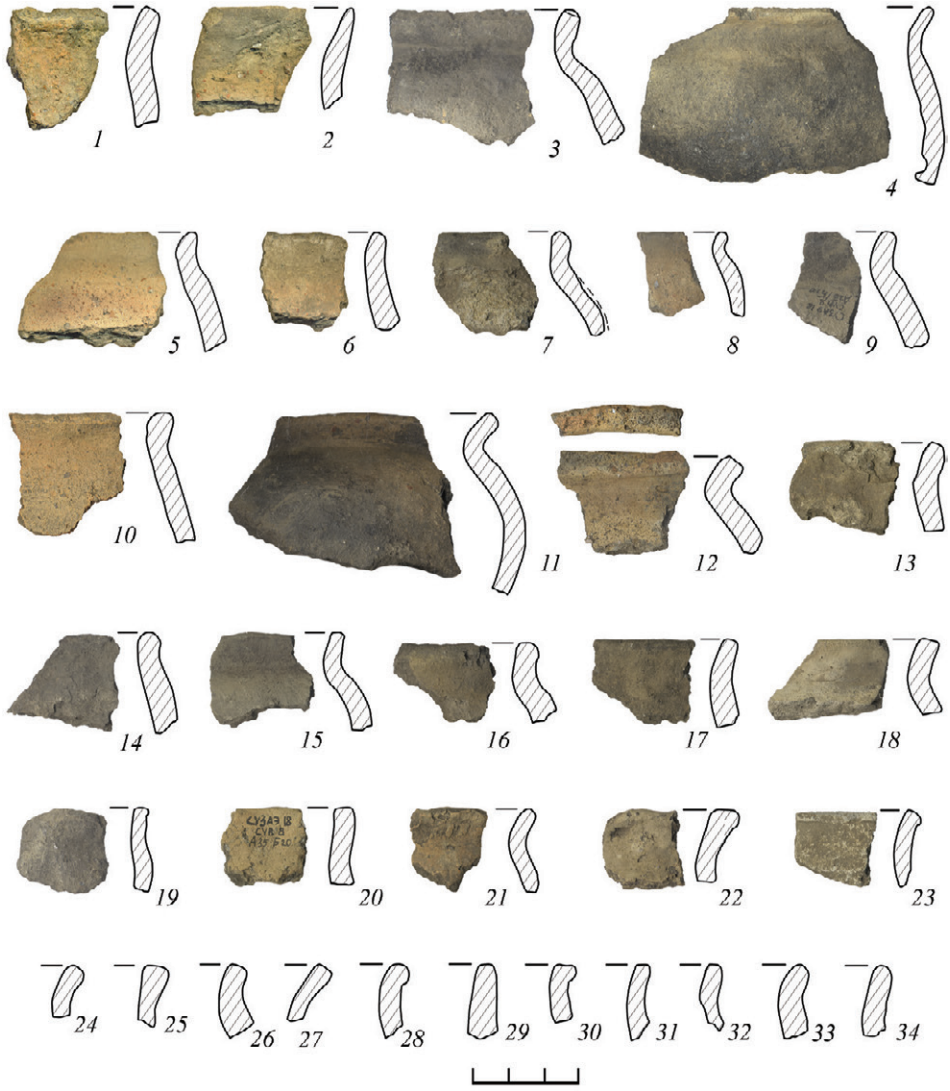


Рис. 6. Лепная керамика из сборов на селище Суворотское 8

Здесь уместно отметить, что проведенный О. Л. Шаргановой технико-технологический анализ керамических фрагментов шести суздальских селищ, среди которых привлекаемые также к данному анализу коллекции, позволил выделить две группы памятников с высоким коэффициентом сходства гончарных традиций: Кибол 7, Кидекша, Ославское 6 и Кибол 5, Тарбаево 5, Весь 5. Из них по своей технологической характеристике Кибол 7 и Весь 5 максимально далеки друг от друга (*Шарганова*, 2016. С. 337). Такое заключение согласуется с данными настоящего исследования.

Практически полное отсутствие керамических материалов, синхронных предметам второй хронологической группы, к сожалению, не позволяет прояснить характер зафиксированного археологического объекта: представленный комплекс вещей может происходить как из культурного слоя поселения, так и из нарушенных грунтовых погребений третьей четверти 1 тыс. н. э. Также не удалось выявить керамических материалов III–IV вв., однако данный вопрос не является закрытым и требует специального технологического анализа с привлечением имеющихся непрофильных частей.

Несмотря на фрагментарность имеющихся наблюдений и данных, а также неоднозначность выводов, мы можем констатировать довольно высокую освоенность правых притоков реки Нерль Клязьменская в ее нижнем течении в первом тысячелетии н. э., особенно во второй половине.

ЛИТЕРАТУРА

АКР: Владимирская область. М.: ИА РАН, 1995. 381 с.

АКР: Ивановская область. М.: ИА РАН, 1993. 225 с.

Ахмедов И. Р., 2018. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 146–158. (Раннеславянский мир; вып. 18.)

Гавритухин И. О., 1996. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. С. 58–95. (Раннеславянский мир; вып. 3.)

Горюнова В. М., Лапшин В. А., 2004. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика этнография Восточной Европы / Ред.: А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.: СПбГУ. С. 55–72.

Захаров С. Д., 2014. Информационный потенциал культурного слоя, пострадавшего от распашки // КСИА. Вып. 233. С. 100–113.

Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.

Лапшин В. А., 2012. Керамический комплекс селища Кибол (по материалам раскопок 1989–1991 гг.) // АВСЗ. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 95–100.

Левада М. Е., 2010. Сухоносивка // Terra barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. P. 557–594. (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina; t. II.)

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: ИА РАН. 338 с.

Леонтьев А. Е., 2018. Новые данные о городище Выжегша (результаты работ 2017 г.) // АВСЗ. Вып. 8 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 26–38.

Леонтьев А. Е., Александровский А. Л., Бейлекчи Вал. В., Кашкин А. В., 2017. Исследования городища Выжегша в 2016 г. // АВСЗ. Вып. 7 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 51–63.

Макаров Н. А. Отчет о полевых исследованиях Суздальского разведочного отряда ИА РАН в Суздальском р-не Владимирской области в 2003 г. // Архив ИА РАН. № 27326.

Макаров Н. А. Отчет о работах Суздальской экспедиции ИА РАН в Суздальском и Юрьев-Польском районах Владимирской области и Гаврилово-Посадском районе Ивановской области в 2004 году // Архив ИА РАН. № 24987–24989.

Макаров Н. А. Отчет о работах Суздальской экспедиции ИА РАН в Суздальском и Юрьев-Польском районах Владимирской области и Гаврилово-Посадском районе Ивановской области в 2005 году // Архив ИА РАН. № 36376–36378.

Макаров Н. А. Отчет о результатах полевых работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на памятнике Большое Давыдовское 2 Гаврилово-Посадского района Ивановской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. № 28757.

Макаров Н. А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области и Гаврило-Посадского района Ивановской области в 2010а г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 28756–28757.

Макаров Н. А., 2010б. Финские древности первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье // Институт археологии. Новые полевые исследования / Ред. Н. А. Макаров; сост. О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 70–72.

Макаров Н. А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области и Гаврило-Посадского района Ивановской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 30199–30200.

Макаров Н. А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области и Гаврило-Посадского района Ивановской области в 2012а г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 34947–34948.

Макаров Н. А., 2012б. Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополье // АВСЗ. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 65–85.

Макаров Н. А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Собинского районов Владимирской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40911, 40912–40913.

Макаров Н. А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Гороховецкого, Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области, Гаврилово-Посадского района Ивановской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 45161, 45162–45163.

Макаров Н. А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области, Гаврилово-Посадского района Ивановской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 48031, 48032–48033.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Шполянский С. В., 2010а. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Ред.: А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 113–141.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2010б. Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье // РА. № 1. С. 41–52.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2011. Могильник Большое Давыдовское II в Суздальском Ополье: продолжение полевых исследований // АВСЗ. Вып. 3 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 3–16.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2012. Финские древности середины – первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / Ред. А. П. Деревянко и др. М.: РОССПЭН. С. 151–161, ил.: с. 59–62.

Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н. э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 196–215.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., 2013. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. № 4. С. 58–74.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., 2018. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополье: проблемы преемственности // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 8 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 7–25.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., Карпухин А. А., Кренке Н. А., 2015а. Разведочные работы суздальской экспедиции ИА РАН в 2010–2013 гг. // АО 2010–2013 гг. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 218–222.

Макаров Н. А., Шполянский С. В., Долгих А. В., Алешинская А. С., Лебедева Е. Ю., 2015б. Раскопки в Кидекше: культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 5 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 159–179.

Макаров Н. А., Шполянский С. В., Красникова А. М., Меснянкина С. В., Федорина А. Н., Карпухин А. А., 2007. Раскопки на селищах Суздальского Ополья // АО 2005 г. М.: Наука. С. 183–185.

Макаров Н. А., Шполянский С. В., Красникова А. М., Меснянкина С. В., Федорина А. Н., Карпухин А. А., 2010. Работы Суздальской экспедиции ИА РАН // АО 2007 г. М.: Наука. С. 146–150.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (Дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (Раннеславянский мир; вып. 10.)

Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 7–89.

Федорина А. Н. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области и Гаврило-Посадского района Ивановской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 35843–35844.

Федорина А. Н., Красникова А. М., 2012. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем // РА. № 4. С. 99–110.

Фролов И. К., 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии) / Отв. ред. Э. С. Мугуревич. Рига: Зинатне. С. 111–124.

Шарганова О. Л., 2016. Лепная керамика Суздальского Ополья второй половины I тыс. н. э. (технологический анализ) // АВСЗ. Вып. 6 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 321–337.

Сведения об авторах

Федорина Анастасия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nasfed@yandex.ru;

Морозов Александр Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: gentestud@yandex.ru;

Угулава Нани Давидовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: u.nani@mail.ru

A. N. Fedorina, A. S. Morozov, N. D. Ugulava

FINDS OF THE ITEMS DATING TO I MILL. AD AT THE SUVOROTSKOYE 8 SETTLEMENT: THE COLLECTION STRUCTURE AND THE HISTORICAL CONTEXT

Abstract. The paper publishes specific finds dating to the second half of 1000 collected during a survey of the Medieval Russia settlement in the Nerl Klyazmenskaya downstream. The examination of the chronological horizons preceding Russian colonization of the region is facing some difficulties related both to specific traits of the material culture dating to this period (a small number of artifacts in the occupation layers) and the density of settlement patterns during the Middle Ages. In these conditions the publication of

specific finds is not only important to enlarge the database of artifacts used as chronological indicators but is also necessary to gain better insight in settlement patterns in the Volga-Klyazma interfluve in 1000.

Keywords: I mill. AD, settlement patterns, Suzdal Opolye.

REFERENCES

Akhmedov I. R., 2018. Nakhodki kruga vostochnoevropeyskikh emaley na Volge i Oke [Finds of East European enamels circle on the Volga and Oka]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 146–158. (RSM, 18.)

AKR: Ivanovskaya oblast' [AKR: Ivanove region]. Moscow: IA RAN, 1993. 225 p.

AKR: Vladimirskaya oblast' [AKR: Vladimir region]. Moscow: IA RAN, 1995. 381 p.

Fedorina A. N. Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot Suzdal'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN na territorii Suzdal'skogo i Yur'ev-Pol'skogo rayonov Vladimirskoy oblasti i Gavrilo-Posadskogo rayona Ivanovskoy oblasti v 2009 g. [Report on results of exploration by Suzdal archaeological expedition of the IA RAS in the Suzdal and Yuryev-Polskoy districts, Vladimir region and Gavrilo-Posadskiy district, Ivanovo region in 2009]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Fedorina A. N., Krasnikova A. M., 2012. Srednevekovoe poselenie Bol'shoye Davydovskoe 2 pod Suzdalem [Medieval settlement Bolshoye Davydovskoye 2 near Suzdal]. *RA*, 4, pp. 99–110.

Frolov I. K., 1980. Lunnitsy s vyemchatoy emal'yu [Lunulae with champlevé enamel]. *Iz drevneyshey istorii baltskikh narodov (po dannym arkheologii i antropologii) [From earliest history of the Baltic peoples (based on data of archeology and anthropology)]*. E. S. Mugurevich, ed. Riga: Zinatne, pp. 111–124.

Gavritukhin I. O., 1996. Datirovka dneprovskikh kladov pervoy gruppy metodom sinkhronizatsii s drevnostyami drugikh territoriy [Dating of Dnieper treasures of the first group by method of synchronization with antiquities of other territories]. *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: IA RAN, pp. 58–95. (RSM, 3.)

Goryunova V. M., Lapshin V. A., 2004. O poyavlenii rannekrugovoy keramiki v Severo-Vostochnoy Rusi [On appearance of early wheel-made ceramics in North-Eastern Russia]. *Arkheologiya, istoriya, numizmatika etnografiya Vostochnoy Evropy [Archaeology, history, numismatics and ethnography of Eastern Europe]*. A. N. Kirpichnikov, V. N. Sedykh, eds. St. Petersburg: SPbGU, pp. 55–72.

Krasnov Yu. A., 1980. Bezvodninskiy mogil'nik (k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ya v epokhu rannego srednevekov'ya) [Bezvodninskiy cemetery (on history of Gorky Volga region in early Middle Ages)]. Moscow: Nauka. 224 p.

Krenke N. A., 2011. D'yakovo gorodishche. Kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [D'yakovo hillfort. Culture of population of Moscow river basin in I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 548 p.

Lapshin V. A., 2012. Keramicheskiy kompleks selishcha Kibol (po materialam raskopok 1989–1991 gg.) [Ceramic complex of open settlement Kibol (based on materials of 1989-1991 excavations)]. *AVSZ*, 4. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 95–100.

Leont'ev A. E., 1996. Arkheologiya meri: K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [Archaeology of the Merya: To prehistory of North-Eastern Russia]. Moscow: IA RAN. 338 p.

Leont'ev A. E., 2018. Novye dannye o gorodishche Vyzhegsha (rezul'taty rabot 2017 g.) [New data on Vyzhegsha hillfort (results of 2017 works)]. *AVSZ*, 8. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 26–38.

Leont'ev A. E., Aleksandrovskiy A. L., Beylekchi Val. V., Kashkin A. V., 2017. Issledovaniya gorodishcha Vyzhegsha v 2016 g. [Investigations at Vyzhegsha hillfort in 2016]. *AVSZ*, 7. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 51–63.

Levada M. E., 2010. Sukhonosivka [Sukhonosivka]. *Terra barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin*. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, pp. 557–594. (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina, II.)

Makarov N. A. Otchet o polevykh issledovaniyakh Suzdalskogo razvedochnogo otryada IA RAN v Suzdalskom rayone Vladimirskoy oblasti v 2003 g. [Report on field investigations of Suzdal reconnaissance group of IA RAS in Suzdal and Yur'ev-Polskoy districts, Vladimir region in 2003]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A. Otchet o rabotakh Suzdal'skoy ekspeditsii IA RAN v Suzdal'skom i Yur'ev-Pol'skom rayonakh Vladimirskoy oblasti i Gavrilovo-Posadskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2004 godu [Report on work of Suzdal expedition of IA RAS in Suzdal and Yur'ev-Polskoy districts, Vladimir region and Gavrilovo-Posadskiy district, Ivanovo region in 2004]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A. Otchet o rabotakh Suzdal'skoy ekspeditsii IA RAN v Suzdal'skom i Yur'ev-Pol'skom rayonakh Vladimirskoy oblasti i Gavrilovo-Posadskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2005 godu [Report on work of Suzdal expedition of IA RAS in Suzdal and Yur'ev-Polskoy districts, Vladimir region and Gavrilovo-Posadskiy district, Ivanovo region in 2005]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A. Otchet o rezul'tatakh polevykh rabot Suzdal'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN na pamyatnike Bol'shoe Davydovskoe 2 Gavrilovo-Posadskogo rayona Ivanovskoy oblasti v 2009 g. [Report on results of field work of Suzdal archaeological expedition of IA RAS at Bolshoe Davydovskoe 2 site in Gavrilovo-Posadsky district, Ivanovo region in 2009]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A., 2010. Finskie drevnosti pervoy poloviny I tys. n. e. v Suzdal'skom Opol'e [Finnish antiquities of first half of I mill. AD in Suzdal Opol'e]. *Institut arkheologii. Novye polevye issledovaniya [Institute of archaeology. New field investigations]*. N. A. Makarov, ed., O. S. Rumyantseva, comp. Moscow: IA RAN, pp. 70–72.

Makarov N. A. Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot Suzdal'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN na territorii Suzdal'skogo i Yur'ev-Pol'skogo rayonov Vladimirskoy oblasti i Gavrilo-Posadskogo rayona Ivanovskoy oblasti v 2010 g. [Report on results of exploration work by Suzdal archaeological expedition of IA RAS in territory of Suzdal and Yur'ev-Polskoy districts, Vladimir region and Gavrilo-Posadskiy district, Ivanovo region in 2010]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A. Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot Suzdal'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN na territorii Suzdal'skogo i Yur'ev-Pol'skogo rayonov Vladimirskoy oblasti i Gavrilo-Posadskogo rayona Ivanovskoy oblasti v 2011 g. [Report on results of exploration work by Suzdal archaeological expedition of IA RAS in Suzdal and Yur'ev-Polskoy districts, Vladimir region and Gavrilo-Posadskiy district, Ivanovo region in 2011]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A. Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot Suzdal'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN na territorii Suzdal'skogo i Yur'ev-Pol'skogo rayonov Vladimirskoy oblasti i Gavrilo-Posadskogo rayona Ivanovskoy oblasti v 2012 g. [Report on results of exploration work by Suzdal archaeological expedition of IA RAS in Suzdal and Yur'ev-Polskoy districts, Vladimir region and Gavrilo-Posadskiy district, Ivanovo region in 2012]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A., 2012. Srednevekovye selishcha vblizi sel Tarbaevo i Turtino v Suzdalskom Opolie [Medieval settlements near villages of Tarbaevo and Turtino in Suzdal Opolie]. *AVSZ*, 4. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN; St.Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 65–85.

Makarov N. A. Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot Suzdal'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN na territorii Suzdal'skogo i Sobinskogo rayonov Vladimirskoy oblasti v 2013 g. [Report on results of exploration works by Suzdal archaeological expedition of IA RAS in territory of Suzdal and Sobinka districts, Vladimir region in 2013]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A. Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot Suzdal'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN na territorii Gorokhovetskogo, Suzdal'skogo i Yur'ev-Pol'skogo rayonov Vladimirskoy oblasti, Gavrilovo-Posadskogo rayona Ivanovskoy oblasti v 2014 g. [Report on results of exploration works by Suzdal archaeological expedition of IA RAS in territory of Gorokhovets, Suzdal and Yur'ev-Polskoy districts, Vladimir region, Gavrilovo-Posadskiy district, Ivanovo region in 2014]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A. Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot Suzdal'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN na territorii Suzdal'skogo i Yur'ev-Pol'skogo rayonov Vladimirskoy oblasti, Gavrilovo-Posadskogo rayona Ivanovskoy oblasti v 2015 g. [Report on results of exploration works of Suzdal

archaeological expedition of IA RAS in Suzdal and Yur'ev-Polskoy districts, Vladimir region, Gavrilovo-Posadskiy district, Ivanovo region in 2015]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Makarov N. A., Fedorina A. N., Shpolyanskiy S. V., 2013. Zemlya i gorod: srednevekovye selishcha v okruge Vladimira-na-Klyaz'me [Land and city: medieval ancient settlement in the surrounding of Vladimir-upon-Klyazma]. *RA*, 4, pp. 58–74.

Makarov N. A., Fedorina A. N., Shpolyanskiy S. V., 2018. Bol'shie poseleniya X–XI vv. i struktury rasseleniya XII–XIII vv. v Suzdal'skom Opol'e: problemy preemstvennosti [Big settlements of X–XI cc. and settlement structures of XII–XIII cc. in Suzdal Opolie: issues of continuity]. *AVSZ*, 8. N. A. Makarov, ed. S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 7–25.

Makarov N. A., Fedorina A. N., Shpolyanskiy S. V., Karpukhin A. A., Krenke N. A., 2015. Razvedochnye raboty suzdal'skoy ekspeditsii IA RAN v 2010–2013 gg. [Exploration works of Suzdal expedition of IA RAS in 2010-2013]. *AO 2010–2013*. N. V. Lopatin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 218–222.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., Zaytseva I. E., 2010. Mogil'nik Bol'shoe Davydovskoe 2 – pogrebal'nyy pamyatnik pervoy poloviny I tys. n. e. v Suzdal'skom Opol'e [Bolshoe Davydovskoe 2 cemetery – a burial site of the first half of I mill. ADin Suzdal Opolie]. *RA*, 1, pp. 41–52.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., Zaytseva I. E., 2011. Mogil'nik Bol'shoe Davydovskoe II v Suzdal'skom Opol'e: prodolzhenie polevykh issledovaniy [Bolshoe Davydovskoe II cemetery in Suzdal Opolie: continuation of field investigations]. *AVSZ*, 3. N. A. Makarov, ed.; S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 3–16.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., Zaytseva I. E., 2012. Finskie drevnosti serediny – pervoy poloviny I tys. n. e. v Suzdal'skom Opol'e [Finnish antiquities of mid – first half of I mill. AD in Suzdal Opolie]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk [Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia: program of fundamental research of Presidium of Russian Academy of Sciences]*. A. P. Derevyanko, ed. Moscow: ROSSPEN, pp. 151–161, ill. pp. 59–62.

Makarov N. A., Leont'ev A. E., Shpolyanskiy S. V., 2005. Sel'skoe rasselenie v tsentral'noy chasti Suzdal'skoy zemli v kontse I – pervoy polovine II tys. n. e.: novye materialy [Rural settlement in Central part of Suzdal land in late I – first half of II mill. AD: new materials]. *Rus' v IX–XIV vekakh. Vzaimodeystvie Severa i Yuga [Rus in IX-XIV centuries. Interaction of the North and South]*. N. A. Makarov, A. V. Chernetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 196–215.

Makarov N. A., Shpolyanskiy S. V., Dolgikh A. V., Aleshinskaya A. S., Lebedeva E. Yu., 2015. Raskopki v Kidekshe: kul'turnyy sloy i pakhotnyy gorizont pod tserkov'yu Borisa i Gleba [Excavations in Kideksha: cultural layer and arable horizon under the church of Boris and Gleb]. *AVSZ*, 5. N. A. Makarov, ed. S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 159–179.

Makarov N. A., Shpolyanskiy S. V., Krasnikova A. M., Mesnyankina S. V., Fedorina A. N., Karpukhin A. A., 2007. Raskopki na selishchakh Suzdal'skogo Opol'ya [Excavations in open settlements in Suzdal Opolie]. *AO 2005*. Moscow: Nauka, pp. 183–185.

Makarov N. A., Shpolyanskiy S. V., Krasnikova A. M., Mesnyankina S. V., Fedorina A. N., Karpukhin A. A., 2010. Raboty Suzdal'skoy ekspeditsii IA RAN [Works of Suzdal expedition of IA RAS]. *AO 2007*. Moscow: Nauka, pp. 146–150.

Makarov N. A., Zakharov S. D., Shpolyanskiy S. V., 2010. O datirovke srednevekovogo poseleniya Ves' 5 pod Suzdalem [On dating of medieval settlement Ves' 5 near Suzdal]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy [Dialogue of cultures and peoples of medieval Europe]*. A. E. Musin, N. V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 113–141.

Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (Dopolnenie svodov G. F. Korzukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire items with champlevé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (Supplementum to the corpuses of G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovsky)]. *Pamyatniki kievskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.) [Sites of Kiev culture in forest-steppe zone of Russia (III - early V c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (Ranneslavyanskiy mir, 10.)

Sharganova O. L., 2016. Lepnaya keramika Suzdal'skogo Opol'ya vtoroy poloviny I tys. n. e. (tekhnologicheskiy analiz) [Hand-made ceramics of Suzdal Opolie of second half of I mill. AD (technological analysis)]. *AVSZ*, 6. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 321–337.

Smirnov K. A., 1974. D'yakovskaya kul'tura (material'naya kul'tura gorodishch mezhdurech'ya Oki i Volgi) [D'yakovo culture (material culture of hillforts in Oka and Volga interfluve)]. *D'yakovskaya kul'tura [D'yakovo culture]*. Yu. A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–89.

Zakharov S. D., 2014. Informatsionnyy potentsial kul'turnogo sloya, postradavshego ot raspashki [Information potential of the cultural deposit disturbed by ploughing]. *KSIA*, 233, pp. 100–113.

About the authors

Fedorina Anastasya N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nasfed@yandex.ru;

Morozov Alexander S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: gentestud@yandex.ru;

Ugulava Nani D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: u.nani@mail.ru

А. В. Яганов, Е. И. Рузаева, А. В. Энговатова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ПЛИНФЫ НАЧАЛА XIII в. И СТРОИТЕЛЬСТВА ИЗ НЕЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)[1]

Резюме. В работе рассматривается эпизод истории древнерусского зодчества, связанный со строительством из керамических материалов (плинфы) в Ярославле начала XIII в. Приоритетом является рассмотрение особенностей изготовления ярославского кирпича, но, кроме того, затрагиваются вопросы эволюции строительной технологии, примененной в двух ярославских постройках.

Ключевые слова: древнерусская архитектура начала XIII в., Ярославль, Успенский и Спасский соборы, изготовление плинфы, строительство из керамических материалов, его технологические особенности.

Домонгольское зодчество Северо-Восточной Руси в первую очередь ассоциируется с белокаменными постройками, но, однако же, древнейшее каменное здание в Суздальской земле – собор в Суздале первой четверти XII в. – было возведено из кирпича. Впоследствии здесь стали использовать распространенный в этих землях белый камень, сформировалось особенное направление, объединяющее обработчиков и строителей из него.

Новый кратковременный период кирпичного строительства на северо-востоке Руси относится к началу XIII в. Внедрение керамических материалов происходит в годы правления Всеволода Большое Гнездо (*Жервэ*, 2003. С. 111–124; 2008. С. 181–185). Плинфяное строительство начала XIII в. никак не связано традиционной преемственностью с киевскими привнесениями начала XII в., скорее, это была попытка замены трудоемкого процесса кладки белокаменного здания более простой и рациональной технологией. В 1200–1202 гг. возводится Успенский

[1] Работа выполнена в рамках темы НИР «Хронологические индикаторы культурного слоя средневекового города (Торжок и Ярославль)» (НИОКТР АААА-А20-120070990064-2).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.252-268

собор Княгинина монастыря (*Воронин*, 1961. С. 438–445; 1983. С. 107–109; *Столетов*, 1976. С. 88–94), но дальнейшего распространения кирпичная технология не получила, поэтому он так и остался единственным в своем роде. Строители с юго-запада на 10 лет исчезли из пределов Северо-Восточной Руси, или же результатом их деятельности стали неизвестные нам по источникам кирпичные здания в Рождественском монастыре Владимира[2] и Кидекше[3], где также обнаружена плинфа.

Через год после смерти Всеволода III его сын Константин закладывает в Ростове Успенский собор (1213 г.) (ПСРЛ. Т. I. Стлб. 437). Храм сооружался из белого камня, но, возможно, причиной обращения к этому материалу явилось то, что предшествующее ему здание времени Андрея Боголюбского было возведено в этом же материале. По результатам проводившихся здесь археологических исследований не найдено ни кладок из плинфы, ни даже ее фрагментов. Следующей ростовской постройкой князя Константина Всеволодовича (1214 г.) стала церковь Бориса и Глеба (Там же. Стлб. 438). Ее остатки не найдены, но наличие на условно локализованном участке развалов плинфы указывает на то, что она могла быть кирпичной.

Пристальное внимание ростовский князь уделяет Ярославлю, который в годы его правления уже оформился как крупный городской центр удела. Поэтому в 1215 г. Константин начинает здесь строительство каменной церкви Успения Богоматери: «…благочестивый князь Костянтин заложи церковь камену на Ярославли на дворе своем в имя святыя Богородица Оуспенья» (Там же). Через год, в 1216 г. «князь великыи Костянтин сын Всеволожь заложи церковь камену и манастырь святого Спаса Преображенья на Ярославли» (Там же).

Спасская церковь освящена лишь в августе 1224 г. (Там же. Стлб. 447), но причины довольно значительного временного промежутка от закладки до освящения вполне объяснимы. В 1216 г. князь Константин занял владимирский престол, а в феврале 1219 г. умер. Смерти великого князя предшествовал раздел Ростовского княжества и выделение из него ярославского, угличского и, собственно, ростовского уделов. Ярославль достался малолетнему Всеволоду Константиновичу, который не мог самостоятельно заняться украшением возведенного при отце монастырского храма.

Исследованиям кирпичного строительства начала XIII в. во Владимиро-Суздальском княжестве посвящен ряд публикаций по результатам работ, проводившихся Архитектурно-археологической экспедицией ГЭ (с начала 1980-х гг.) и Институтом археологии РАН (с 2004 г.) в Ростове, Ярославле и Владимире (*Иоаннисян*, 1997б. С. 21–37). Авторы раскопок в ярославском Спасском монастыре 1982–1986 гг. ограничились рядом публикаций, в которых информация собственно о материале минимальна (*Иоаннисян*, 1984. С. 56, 57; 1985. С. 57, 58; 1988. С. 59; 1997а. С. 199–228). Археологические раскопки 2004–2019 гг., связанные с Успенским собором, дали определенное количество артефактов, но

[2] Плинфа во Владимире появляется в конце 80-х – начале 90-х гг. XII в. Она, вероятно, применялась в обстройке Дмитриевского собора и Рождественском монастыре (*Жервэ*, 2003. С. 112–117, 120).

[3] Раскопки Н. А. Макарова и Вл. В. Седова 2011–2012 гг.

не выявили остатков здания Успенского собора, что не позволило сформировать полноценную картину его строительства (*Яганов, Рузаева*, 2007. С. 226–246. *Энговатова, Яганов*, 2010. С. 42–57; 2011. С. 144–153).

Задача нашей работы заключается не столько в систематизации уже известных знаний по ярославским кирпичам, сколько в проработке их технологических характеристик, сравнении материалов двух зданий и вкратце использованных в них строительных приемов.

Поводом обратиться к первой каменной постройке Ярославля – Успенской церкви – послужили охранные исследования ИА РАН ярославского детинца – Рубленого города, начатые на месте воссоздания Успенского собора и продолжающиеся на других объектах городища до сих пор. Одной (но не главной) из их задач была локализация храма, заложенного в 1215 г. князем Константином, который, как ранее уже было известно, возведен из плинфы (*Воронин*, 1962. Т. II. С. 61–65).

Здание начала XIII в. оказалось вне площадки Успенского собора 1660–1663 гг.; более того, выяснилось, что на территории Рубленого города, кроме домонгольского, в разное время существовало еще три каменных церковных здания, из которых как минимум два располагались в разных частях городища. Поиск храма начала XIII в. был осложнен рядом причин. Во-первых, минимальные данные письменных источников не могли дать топографическую привязку объекта. Слабая археологическая изученность Рубленого города в тот период не позволяла использовать для этого выводы предшественников. Во-вторых, поиск усложнялся характером работ, который не предусматривал дополнительных исследовательских вскрытий на городище, не связанных с их программой. Сложности в обследовании территории отчасти компенсировались серией шурфов (2008 г.), заложенных в ходе наблюдений за работами по благоустройству.

В одном из них (рис. 1: *1*), заложенном в южной части городища, выявлены участки кладки подвала собора рубежа XV–XVI вв. и значительное количество строительного материала от церкви 1215 г., что позволило нам с большой долей вероятности предполагать, что оба здания находились в пределах одной площадки. К сожалению, из-за небольших объемов исследований выявить отметку строительного горизонта 1215 г. не удалось, в шурфе уверенно прослеживается лишь площадка рубежа XV–XVI вв. Плинфа встречена как в виде кусков, так и целых форм, а также крупных блоков кладки, которыми с внешней стороны был засыпан фундаментный ров собора рубежа XV–XVI вв. (*Энговатова, Яганов*, 2011. С. 144–153).

Границы распространения связанной с собором 1215 г. плинфы и ее фрагментов по территории Рубленого города довольно показательны:

Успенский 1-й раскоп 2004–2006 гг. (рис. 1: *2*)

На его территории, в значительной степени представлявшей собой перекоп, связанный со строительством и разборкой собора 1660–1663 гг., сделаны единичные находки плинфы (обломки от крупных до мелких). Все они находились в переотложенном состоянии, со следами вторичного или даже третичного использования в кладке зданий XVI–XVII вв.

Исключением является юго-восточная часть раскопа (наиболее близко расположенная к месту локализации домонгольского здания): непосредственно

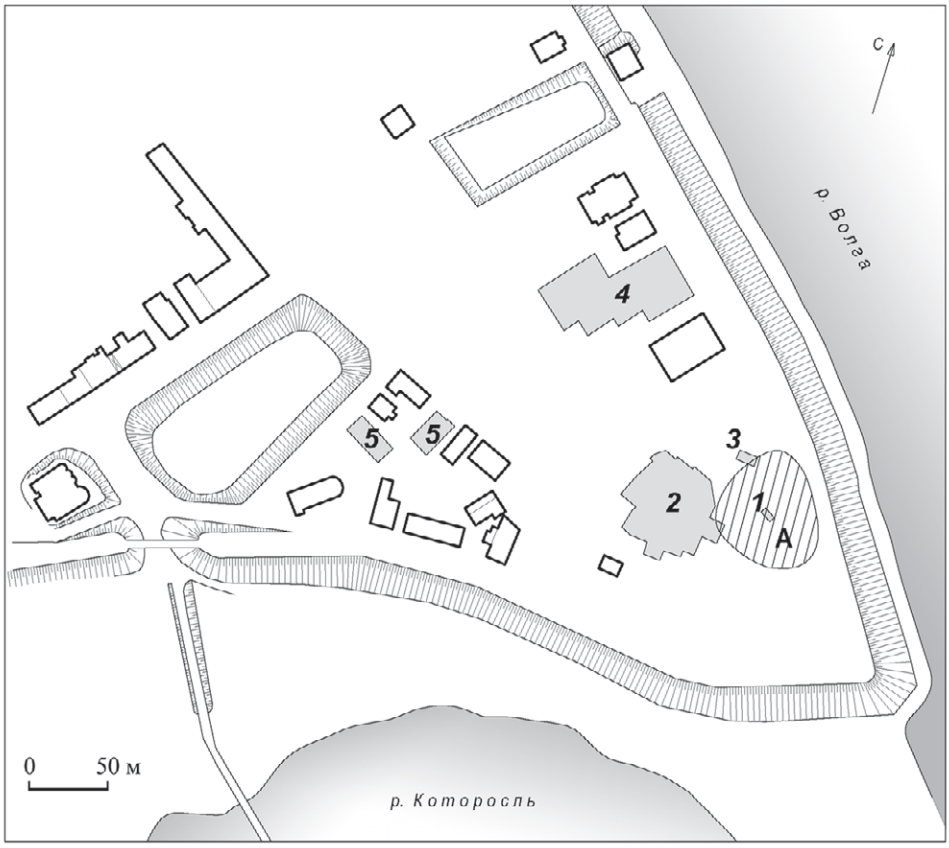


Рис. 1. Схема Рубленого города Ярославля с расположением раскопов и шурфов 2004–2020 гг.

1 – шурф 2008 г.; *2* – Успенский 1-й раскоп 2004–2006 гг.; *3* – Успенский 2-й раскоп 2006 г.; *4* – раскоп «Волжская набережная, д. 1» 2007–2020 гг.; *5* – раскопы «Рубленый город» 2007 г.; *А* – зона наибольшего распространения строительных материалов начала XIII в.

на строительной площадке начала 1660-х гг. обнаружен массив битой плинфы, который перекрывал емкости для перемешивания раствора. Мы предположили, что материал происходит из стен собора начала XIII в., остатки которых были обнаружены и разобраны при планировке участка для строительства собора 1660–1663 гг. Они находились в забутовке стен, так как ни одного кирпича со следами лицевой отделки или выветривания не обнаружено. (*Яганов*, 2016. С. 232, 233). Несколько обломков без следов использования найдены в массовом захоронении 1238 г.

Успенский 2-й раскоп 2006 г. (рис. 1: *3*)

Располагался восточнее 1-го, ближе к берегу Волги. Здесь выявлена яма, засыпанная крупными кусками битой плинфы, в том числе и лекальной, без следов использования в кладке. В слоях горизонта, с которого была спущена

эта яма, и в ее засыпке очевидных следов активной строительной деятельности не просматривалось (кроме включений мелких фракций битого кирпича и раствора), поэтому ее заполнение мы связали с планировочными работами на территории после строительства собора 1215 г. В пределах выявленной в раскопе постройки встречены несколько фрагментов плинф со следами кладочного раствора и сильно выхоженные поливные плитки пола начала XIII в.

Раскоп «Волжская набережная, д. 1». 2007–2020 гг. (рис. 1: *4*)

Находится в северной части городища, на берегу Волги. Плинфа, по большей части со следами использования в кладке, встречена в жилых и хозяйственных постройках в виде различных выстилок, подкладок под деревянные конструкции. Небольшое количество мелких фрагментов неиспользованной плинфы составляли сопутный материал в срубе колодца, который в 1238 г. использован для санитарного захоронения. Несколько (не более пяти) фрагментов без раствора обнаружено в траншее, заложенной к западу от раскопа.

Раскоп «Рубленый город» 2007 г. (рис. 1: *5*)

Отсюда происходит небольшое количество фрагментов плинфы (17 шт.), все с кладочным раствором. Они найдены в слоях, образовавшихся после разборки собора начала XIII в.

Обзор показывает, что наибольшее количество находок плинфы в слоях начала XIII в. и начала XVI в. сделано в мысовой части городища и по берегу Волги. Строительная площадка начала XIII в., возможно, к северу распространялась до Успенского 2-го раскопа, где выявлена яма с бракованными кирпичами (рис. 1: *А*). На других исследованных участках фрагменты плинфы (в основном со следами использования в кладке) перемещены как вторичный материал для строительства собора 1660–1663 гг. (Успенский 1-й раскоп) или использования в городской застройке (раскопы «Волжская набережная, д. 1, 2007–2019 гг.; «Рубленый город», 2007 г.). Наличие в слоях кирпича начала XIII в. со следами применения в кладке является для Рубленого города надежным маркером для их датировки рубежом XV–XVI вв.

Плинфа с Успенского 1-го раскопа осмотрена и предварительно описана А. В. Жервэ, но крайне малая выборка 2004–2005 гг. не могла стать основой для более обстоятельного анализа. Краткие характеристики строительной керамики Успенского собора, сделанные на основании этой выборки, впоследствии опубликованы А. В. Жервэ (*Жервэ*, 2007. С. 267). Но раскопки последующих лет дали несравнимо больше материала. Это касается как статистических, так и технологических характеристик, поэтому в сделанные ранее выводы необходимо внести существенные коррективы.

Габариты изделий. Статистика габаритов кирпича ярославского Успенского собора дана на основании выборки, полученной при археологических раскопках на участке Рубленого города в 2004–2008 гг., и находок 2010-х гг. В ней учтено 183 экземпляра, из них целых или сохранивших все габаритные размеры – 12 шт., лекальных – 27 шт.

Наиболее распространенная толщина – 4,5–5 см; кроме того, выделяются более тонкие кирпичи: 4 – максимально – 4,3 см, которые составляют немногим менее четверти от всех обработанных плинф. Кирпичей с большей толщиной – от 5–5,5 до 6 см – 16 шт. Крайне редки тонкие плинфы – 3,5–3,8 см (всего 5 шт.).

Ширина кирпичей также нестабильна. Наибольшее процентное соотношение в выборке составляют кирпичи с шириной 19–20 см; их 64 %. Остальные относятся к другой группе – с тычком от 18,5 до 17 см (кирпичей менее 17 см – считанные единицы). Такое процентное соотношение размеров тычков, на наш взгляд, не позволяет говорить о намеренном разделении успенской плинфы на два формата – увеличенный и уменьшенный, так как незначительные колебания размеров не могут указывать на характер их применения в кладке. Скорее всего, заметно различающиеся по ширине экземпляры могут указывать на различные партии, изготовленные с использованием разного формовочного инструмента. Толщина изделий по отношению к ширине, как установлено, не является показательной. Вариация в пределах 0,5–1,5 см могла зависеть от разных обстоятельств, таких как срабатывание рабочей поверхности формовочной рамки, избыточная усушка сырца и изменение формы в процессе обжига.

Среди просмотренных кирпичей сохранившихся длин крайне мало, они почти поровну разделяются на два типоразмера – 28–29 и 26–27,5 см. Судить о длине ложка по таким скромным данным не представляется возможным, поэтому пока необходимо остановиться на этих показателях. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о формате рядовых кирпичей.

Лекальная плинфа не отличается разнообразием типов. Наибольшее количество представлено декоративными деталями – тычковый вал, плинфы со скруглением по большому или малому радиусам. На некоторых полувалах переход к радиусу не плавный, а с выраженным переломом. Из других элементов распространены изделия со срезанным под разными углами тычком, подразумевающие трапециевидную форму. Возможно, в рассмотренную нами подборку попали не все типы профилированных деталей; кроме того, для некоторых небольших фрагментов невозможно выполнить полную реконструкцию абриса (рис. 2).

Подготовка теста. Для изготовления плинфы использовалась однородная глина с включениями крошки темно-коричневого цвета (от 0,5 до 3 мм), которая определена как частицы железистого известняка[4]. Тесто большинства просмотренных экземпляров хорошо промешано. Отощающей добавкой являлся кварцевый песок с окатанными и полуокатанными зернами (от 0,1 до 2 мм; 2–5 %), мелкой галькой (3–5 мм), есть редкие включения крупных (размером до 1–1,5 см) камней, но их наличие в смеси, по-видимому, случайно.

Формовка и сушка. Формовка изделий производилась на подготовленной (уплотненной) естественной поверхности, присыпанной песком, а в некоторых случаях можно говорить о более ровной формовочной плоскости, например, подкладной доске или столе. Сырец обрабатывался дополнительно: следы правила видны на обеих его сторонах, а отпечатки песчаной присыпки на нижней постели могли быть срезаны при ее доработке.

И рядовые, и лекальные плинфы изготовлены в неразъемной рамке, что подтверждается в том числе отсутствием выпуклых знаков на торцах. Предположение А. В. Жервэ об использовании двух типов формовочных приспособлений

[4] Исследование кирпича выполнено ведущим инженером-технологом, реставратором первой категории Н. А. Семиной. Заметим, что глина, из которой изготовлялся кирпич для Успенского собора рубежа XV–XVI вв., также имеет вкрапления подобных частиц.

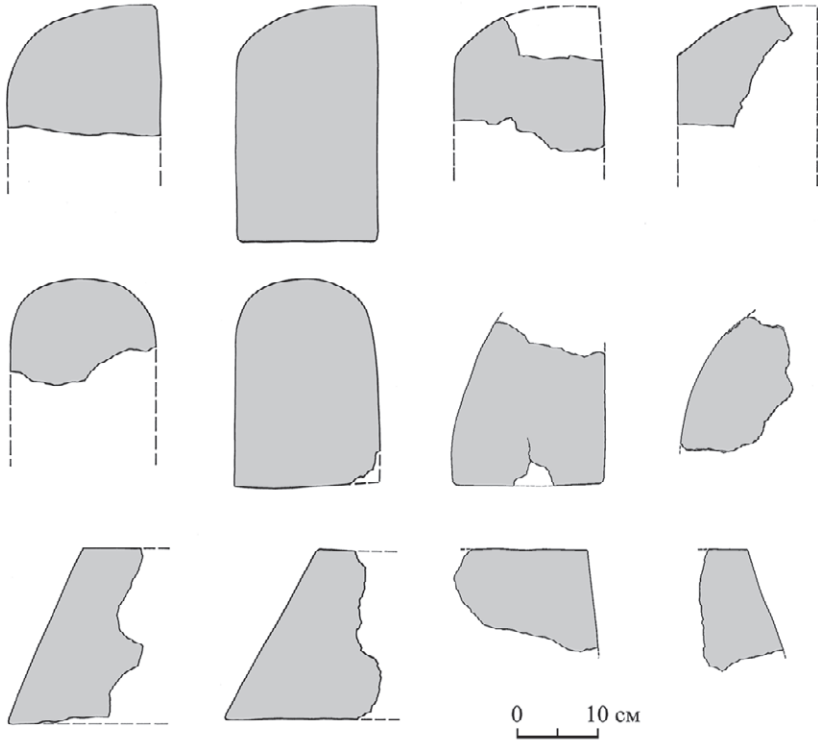


Рис. 2. Типы лекальной плинфы Успенского собора 1215 г.

(разъемного и неразъемного) не находит подтверждения – среди просмотренных кирпичей следы древесных волокон на торцах, выдающие разъемный станок, выявлены (и то под сомнением) на нескольких экземплярах. (*Жервэ*, 2007. С. 267).

Качество выделки неравномерное. Есть плинфы с выдержанными пропорциями, четкими и ровными краями, гладкими постелистыми сторонами (рис. 3). Но значительная часть кирпичей отличается грубой формовкой с «размазанной» по плоскостям глиной, вдавлениями и глубокими царапинами, оставленными комками затвердевшей скатанной глины. Такие образцы отличаются примятыми углами, кривыми торцами, наличием не заполненных тестом лакун. Эти изделия могли выполняться из избыточно насыщенного влагой теста, которое прилипало к форме, проминалось, расползалось при изъятии из нее. Недостаточно просушенные на постели плинфы устанавливалось на ребро, из-за чего образовывались наплывы на торце, оставались глубокие следы от пальцев формовщика, отпечатки от нижестоящих кирпичей (рис. 4).

Обжиг. При обжиге хорошо подготовленные и высушенные плинфы давали черепок равномерного красно-коричневого цвета, иногда с небольшим пережогом по поверхности. Многие экземпляры отличаются слоистостью, что явилось результатом недостаточной подготовки теста или небрежности при заполнении

Рис. 3. Фрагмент плинфы Успенского собора качественной формовки

Рис. 4. Фрагмент плинфы Успенского собора небрежной формовки

рамки. Пережога – железняка (перегара) – достаточно мало. Это сильно деформированные экземпляры с вертикальными трещинами, спеканием сердцевины до стекловидной массы. Недожога практически нет – в подборке встречаются кирпичи с локальными светло-серыми пятнами, но полностью серого черепка не выявлено. Качественно обожженной оказалась часть экземпляров, отличающихся грубой формовкой, если не был нарушен предобжиговый процесс и сырец успел просохнуть. Лишь только внутренние горизонтальные трещины и лакуны указывают на очевидные нарушения в процессе его изготовления.

Но большинство влажных и недосушенных образцов под воздействием высоких температур расслаивалось в горизонтальном и вертикальном направлениях. Непрочный черепок без труда разбивается при легком ударе или даже разламывается руками. Отслаивающиеся чешуйки дают широкий спектр окрасок – от светло- до темно-коричневого, имеются пятна недожога. На поверхности кирпича заметны высолы, которые указывают, что перед обжигом сырец был пересыщен водой. Налицо и другие негативные результаты ускорения процесса производства плинфы.

В результате приходим к выводу, что плинфа Успенского собора – материал вполне пригодный для использования в стеновой кладке, несмотря на некоторые нарушения технологии, давшие высокий процент брака. Это можно объяснить недостаточным знанием процесса изготовления строительной керамики, отсутствием опыта, короткими сроками проведения работ или другими причинами, связанными с первым опытом каменного строительства в Ярославле.

Фрагменты стен второго кирпичного здания Ярославля – Спасо-Преображенского собора пригородного Спасского монастыря – были открыты и подробно исследованы Архитектурно-археологической экспедицией ГЭ, поэтому здесь мы основываемся на данных, опубликованных авторами раскопок, и лишь отчасти на собственных наблюдениях. Но даже в итоговой статье сведений о плинфе Спасского собора приводится немного. Сообщается только усредненный формат кирпичей, дается краткое описание лекальных плинф и указываются возможные места их применения в кладке стен на фасадах (*Иоаннисян*, 1997а. С. 221, 222).

Более пространные характеристики спасским кирпичам даны А. В. Жервэ. В результате промеров обнаружилось четыре типоразмера (25–26 × 19,5–20 × 5; 27,5–29 × 19–20 × 5; 30 × 18,5 × 5; 26,5 × 17 × 5 см) при стабильной толщине 5 см, но основной формат выявляется нечетко. При подготовке теста использовались добавки угля и песка, в выделке сырца применялась неразъемная рамка с подкладной доской (*Жервэ*, 2007. С. 267). Автор отмечает хороший и равномерный обжиг изделий.

В кладке нижних частей стен (в основном в забутовке) выявлен большой процент лекальных плинф, но, как и в случае с керамикой Успенского собора, они не отличаются разнообразием форм (выявлено 5 типов) (Там же. С. 267, 268) (рис. 5).

Сделанные нами промеры спасской плинфы в кладке стен начала XIII в. (92 шт.) позволяют скорректировать ее форматы. Толщина изделий не превышает 4–4,5 см при минимальном количестве экземпляров с размерами 5 и 3–3,5 см (5 штук). Ширина в основном находится в пределах 18,5–20 см при крайне малом проценте незначительно больших и меньших тычков. Среди промеренных

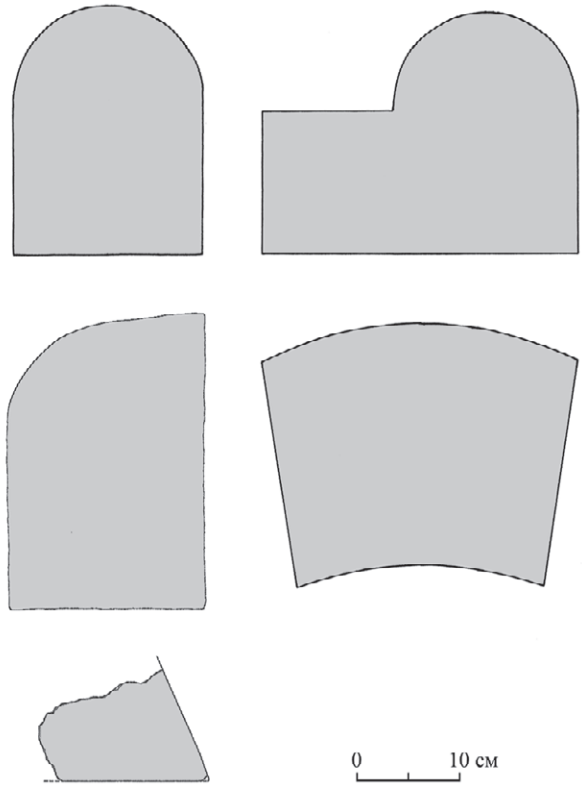


Рис. 5. Типы лекальной плинфы Спасского собора 1216 г. Спасо-Преображенского монастыря

кирпичей длин немного; большинство в рамках 27,5–29,5 см (до 30,5 – 3 шт.) Короткие плинфы (26–27 см и менее) составляют чуть больше трети от всех имевшихся в выборке ложков.

Между плинфами Успенского и Спасского соборов мало различий. Они изготовлены из однородной глины с вкраплениями железистого известняка, дающей при обжиге красно-коричневый черепок; в тесте использована та же добавка – кварцевый песок. Кирпичи изготовлены в неразъемной рамке и отличаются в большинстве ровной выделкой постелистых сторон, четкими углами, соблюдением толщины изделия. В отличие от плинфы Успенского собора, в Спасской церкви нами не усмотрено грубой формовки, брака в виде слоистого черепка, совсем немного недожога и железняка[5].

[5] Эти характерные особенности выявлены нами при осмотре сохранившихся кладок стен Спасского собора в 2008 г., которые не были законсервированы при раскопках ААЭ ГЭ 1986 и 2004 гг.

Очевидно, что кирпич для двух построек, время закладки которых разделяется одним годом, изготовлялся практически одновременно. В обоих случаях применялась одинаковая глина, добавка в тесто, приспособления и приемы для формовки и обжига. Не вызывает сомнения, что ярославская плинфа отличается от ростовской, которая, возможно, применялась в так и не найденной церкви Бориса и Глеба (1214–1218 гг.) (*Торшин*, 1994. С. 183–187). Пожалуй, это все, что мы можем сказать о ярославских кирпичах начала XIII в.

Кроме характеристик плинфы, обратим внимание на некоторые строительные приемы, которые очевидны для Спасского собора и отчасти прослеживаются в успенском материале. Исследование кладочных растворов показало их близкий состав[6]. В качестве вяжущего использована магнезиальная известь, наполнитель состоит из кусочков органогенного известняка (до 2–5 мм) и небольшого количества кварцевого песка. Соотношение вяжущего и наполнителя 1:1 также показательно для сопоставляемых образцов. Цемяночных добавок в растворах не обнаружено, хотя небольшие вкрапления мелкой кирпичной крошки (до 2 мм) в них присутствуют, но, вероятно, попали сюда случайно с кирпичей в процессе кладки[7].

Другие особенности ярославских построек в сопоставлении дают ряд моментов, дополняющих общую картину строительного процесса начала XIII в. Если на участках стен Спасского собора не сохранилось никаких следов декоративной отделки, то среди кирпичей Успенского собора выявлено несколько экземпляров с обмазкой или тонкой штукатуркой (до 0,3–0,5 см), в том числе на лекальной плинфе (рис. 6).

Ранее никак не прокомментировано наличие в кладках Успенского и Спасского соборов тонких швов, которые не превышают 1,3–1,5 см (в Спасском соборе до 1,7)[8]. Тут налицо очевидная смена технологии кирпичной кладки и переход на тонкие швы в расчете на раствор, не содержащий крупного наполнителя (рис. 7)[9]. По другим памятникам Северо-Восточной Руси, построенным из плинфы, информации о характере кладки нет, или на этот важный факт не было обращено должного внимания[10]. Тенденции к переходу на тонкие швы заметны по памятникам Старой Рязани, где их толщина, например, в Борисо-

[6] Исследование кладочных растворов выполнено ведущим инженером-технологом, реставратором 1-й категории Н. А. Семиной в 2009 г.

[7] По мнению Е. Ю. Медниковой, считающей цемянку крупным наполнителем, «мелкие фракции цемянки вообще не были сознательной добавкой» (*Медникова и др.*, 1978. С. 47–48).

[8] Для Успенского собора толщины швов промерены на блоках кладки, выявленных в засыпке фундаментных рвов собора XVIв., а также на отдельных плинфах, где без утрат сохранился слой раствора

[9] На отсутствие в кладочном растворе крупного наполнителя указывает И. А. Кулешова, исследовавшая кладочный раствор Борисоглебского собора Старой Рязани (*Кулешова*, 1995. С. 444, 445).

[10] В публикациях ААЭ ГЭ, посвященных церкви Бориса и Глеба в Ростове, сведения о характере кладки и толщине швов в ней отсутствуют. Нет этих сведений и по собору Княгинина монастыря.

Рис. 6. Фрагменты рядовой и лекальной плинф со следами фасадной отделки

Рис. 7. Участок кладки стены Спасского собора 1216 г. с тонкими растворными швами

глебском соборе (1190-е гг.)[11], не превышала 1,0–1,4 (1,5–2,0 см) (*Монгайт*, 1955. С. 79; *Беляев*, 2005. С. 132).

То же самое относится к форматам плинф. По данным промеров, среди них не выявлено очевидных доборных элементов («вспомогательных типов») – квадратных и узких плинф, что указывает на определенную стандартизацию – намечается переход к унифицированному прямоугольному кирпичу, как наиболее удобному для использования в кладке. Не исключено, что эти новшества впервые применены в ярославских храмах, но в дальнейшем, по объективным причинам, они не получили распространения.

Обратим внимание на факт применения в фасадном декоре Успенского и Спасского соборов белокаменных резных деталей, фрагменты которых найдены при раскопках. В плинфяном строительстве немного примеров использования каменной пластики; едва ли не единственными являются Борисоглебский собор в Чернигове, где при раскопках обнаружены детали порталов (*Холостенко*, 1967. С. 197, 198), и храмы Старой Рязани XII в. (*Монгайт*, 1955. С. 94–97). Подобный декор ярославских построек начала XIII в., наверное, являлся поздним вариантом типа отделки фасадов, известного ранее в черниговском и рязанском зодчестве. Возможно, он возник на почве сглаживания противоречий между белокаменным и керамическим направлениями в архитектуре Северо-Восточной Руси и был призван показать их преемственность. Не исключено, что главную роль в выработке концепции этого декора стало отсутствие в окрестностях Ростова и Ярославля годного для строительства известняка, который приходилось транспортировать издалека.

Таковы далеко не полные выводы и наблюдения, которые можно сделать на сегодняшний день о строительном материале и технологических особенностях двух ярославских построек начала XIII в. Не вступая в рассуждения о территориальном происхождении плинфотворителей (этому посвящены многочисленные работы наших коллег), остановим внимание только на новизне приемов, использованных в Ярославле, что касается как материалов, так и собственно строительного процесса. Среди них мы обозначили тенденцию перехода к единому формату кирпича, отказ от крупного наполнителя в растворе, позволяющий получать тонкие швы в кладке, применение кирпично-белокаменного фасадного декора. Что касается собственно кирпича, то его невысокое качество, по сравнению с черниговским или смоленским, можно объяснить недостатком опыта работавших в Ярославле кирпичников, среди которых, видимо, было немного носителей технологии.

Дополнительные возможности для исследований могут появиться только при дальнейших раскопках Успенского собора и всестороннем анализе результатов уже проведенных работ в Спасской церкви Спасо-Преображенского монастыря.

[11] Датировка Л. А. Беляева (*Беляев*, 2005. С. 139).

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А., 2005. Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004 гг.) // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 105–153.

Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.

Воронин Н. Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР. 557 с.

Воронин Н. Н., 1983. Строители Княгинина собора // Памятники истории и культуры. Вып. 2 / Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры, Владимирское обл. отд. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во. С. 107–109.

Жервэ А. В., 2003. Плинфяное строительство князя Всеволода Большое Гнездо // Архитектурно-археологический семинар: Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 111–124.

Жервэ А. В., 2007. Южнорусские традиции в зодчестве Северо-Восточной Руси в конце XII – первой четверти XIII в. // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історіі центрально-східноі Европи. Чернігив: Десняньска правда. С. 262–272.

Жервэ А. В., 2008. К вопросу об организации плинфяного строительства в Северо-Восточной Руси в конце XII – первой четверти XIII века // АВ. № 15. М.: Наука. С. 181–185.

Иоаннисян О. М., 1984. Исследования Спасского собора в Ярославле // АО 1982 г. М.: Наука. С. 56–57.

Иоаннисян О. М., 1985. Раскопки в Ярославле и Угличе // АО 1983 г. М.: Наука. С. 57–58.

Иоаннисян О. М., 1988. Исследования в Ярославле и Переславле-Залесском // АО 1986 г. М.: Наука. С. 59.

Иоаннисян О. М., 1997а. Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век / Ред. А. Л. Баталов и др. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 199–228.

Иоаннисян О. М., 1997б. Строительные артели Всеволода III и его наследников // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания / Отв. ред. Э. С. Смирнова. М.: Модус граффити. С. 21–37.

Кулешова И. А., 1995. Исследование строительных материалов и живописи Борисоглебского собора Рязани // *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. С. 444–446.

Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б., 1978. Изучение древнесмоленских строительных растворов // КСИА. Вып. 155. С. 44–56.

Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР. 228 с. (МИА; № 49. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. 4.)

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.

Столетов И. А., 1976. Результаты исследования памятника архитектуры XIII–XVI вв. Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире // Памятники истории и культуры. Вып. 1 / Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры, Владимирское обл. отд. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во. С. 88–95.

Торшин Е. Н., 1994. К вопросу о производстве плинфы в Северо-Восточной Руси (по материалам раскопок церкви Бориса и Глеба) // История и культура Ростовской земли. 1993. Ростов: Журнал «Русь». С. 183–187.

Холостенко Н. В., 1967. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. № 2. С. 188–210.

Энговатова А. В., Яганов А. В., 2010. Новые данные об Успенском соборе в Ярославле по результатам исследований 2008 г. // Археология: история и перспективы: Четвертая межрегион. конф.: сб. ст. / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Рыбинский дом печати. С. 42–57.

Энговатова А. В., Яганов А. В., 2011. Новые данные об Успенском соборе XIII в. в Рубленом городе Ярославля // РА. № 3. С. 144–153.

Яганов А. В., 2016. Исследования строительной площадки Успенского собора 1660–1663 гг. в Ярославле // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы науч. конф. (Москва, 20–22 ноября 2013 г.) / Отв. ред.: Л. А. Беляев, А. В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера. С. 228–236.

Яганов А. В., Рузаева Е. И., 2007. Успенский собор в Ярославле. История и археология. Результаты архитектурно-археологического изучения в 2004–2006 годах // Археология: история и перспективы: Третья межрегион. конф.: сб. ст. / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 226–246.

Сведения об авторах

Яганов Андрей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: yagav@yandex.ru;

Рузаева Екатерина Ивановна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ruzaeva-ei@mail.ru;

Энговатова Ася Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: engov@mail.ru

A. V. Yaganov, E. I. Ruzayeva, A. V. Engovatova

CHARACTERISTICS OF THE YAROSLAVL PLINTH OF THE 13th CENTURY AND PLINTH-BASED CONSTRUCTION: PRELIMINARY OBSERVATIONS

Abstract. The paper reviews an episode from the history of Medieval Russia architecture related to construction with the use of ceramic materials (plinth) in Yaroslavl in the early 13th century. The main focus of the paper is review of specific traits of Yaroslavl brick fabrication, it also touches upon issues of evolution of construction technology applied in two Yaroslavl buildings.

Keywords: Medieval Russia architecture of the early 13th century, Yaroslavl, Assumption and the St. Savior Cathedrals, plinth fabrication, construction with the use of ceramic materials, its technological traits.

REFERENCES

Belyaev L. A., 2005. Borisoglebskiy khram: novye issledovaniya (1999–2004 gg.) [Sts. Boris and Gleb church: new investigations (1999–2004)]. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [Grand principality of Ryazan. Historical and archaeological investigations and materials]*. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 105–153.

Engovatova A. V., Yaganov A. V., 2010. Novye dannye ob Uspenskom sobore v Yaroslavle po rezul'tatam issledovaniy 2008 g. [New data on Assumption cathedral in Yaroslavl based on results of 2008 investigations]. *Arkheologiya: istoriya i perspektivy: Chetvertaya mezhregional'naya konferentsiya [Archaeology: history and prospects: Fourth interregional conference]*. A. E. Leont'ev, ed. Yaroslavl: Rybinskiy dom pechati, pp. 42–57.

Engovatova A. V., Yaganov A. V., 2011. Novye dannye ob Uspenskom sobore XIII v. v Rublenom gorode Yaroslavlya [New data on Assumption cathedral of XIII c. in Rublenyy gorod of Yaroslavl]. *RA*, 3, pp. 144–153.

Ioannisyan O. M., 1984. Issledovaniya Spasskogo sobora v Yaroslavle [Investigations of Spasskiy cathedral in Yaroslavl] *AO 1982*. Moscow: Nauka, pp. 56–57.

Ioannisyan O. M., 1985. Raskopki v Yaroslavle i Ugliche [Excavations in Yaroslavl and Uglich]. *AO 1983*. Moscow: Nauka, pp. 57–58.

Ioannisyan O. M., 1988. Issledovaniya v Yaroslavle i Pereslavle-Zalesskom [Investigations in Yaroslavl and Pereslavl-Zalesskiy]. *AO 1986*. Moscow: Nauka, p. 59.

Ioannisyan O. M., 1997. Kompleks drevneyshikh postroek Spasskogo monastyrya v Yaroslavle [Complex of earliest constructions of the Spasskiy monastery in Yaroslavl]. *Drevnerusskoe iskusstvo: Rus'. Vizantiya. Balkany. XIII vek [Ancient Russian art: Rus. Byzantium. Balkans. XIII century]*. A. L. Batalov, ed. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 199–228.

Ioannisyan O. M., 1997b. Stroitel'nye arteli Vsevoloda III i ego naslednikov [Construction tems of Vsevolod III and his heirs]. *Dmitrievskiy sobor vo Vladimire. K 800-letiyu sozdaniya [Dmitrievskiy cathedral in Vladimir. To 800th anniversary of its construction]*. E. S. Smirnova, ed. Moscow: Modus graffiti, pp. 21–37.

Kholostenko N. V., 1967. Issledovaniya Borisoglebskogo sobora v Chernigove [Research of Borisoglebskiy cathedral in Chernigov]. *SA*, 2, pp. 188–210.

Kuleshova I. A., 1995. Issledovanie stroitel'nykh materialov i zhivopisi Borisoglebskogo sobora Ryazani [Investigations of construction materials and paintings of Borisoglebskiy cathedral in Ryazan]. *Darkevich V. P., Borisevich G. V. Drevnyaya stolitsa Ryazanskoy zemli [Ancient capital city of Ryazan land]*. Moscow: Krug", pp. 444–446.

Mednikova E. Yu., Rappoport P. A., Selivanova N. B., 1978. Izuchenie drevnesmolenskikh stroitel'nykh rastvorov [Research of construction mortars of ancient Smolensk]. *KSIA*, 155, pp. 44–56.

Mongayt A. L., 1955. Staraya Ryazan' [Staraya Ryazan']. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 228 p. (MIA, 49. Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov, 4.)

PSRL, I. Lavrent'evskaya letopis' [Lavrent'evskaya chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. 733 p.

Stoletov I. A., 1976. Rezul'taty issledovaniya pamyatnika arkhitektury XIII–XVI vv. Uspenskogo sobora Knyaginina monastyrya vo Vladimire [Results of study of architecture monument of XIII–XVI cc. Assumption cathedral of Knyaginin monastery in Vladimir]. *Pamyatniki istorii i kul'tury [Monuments of history and culture]*, 1. Yaroslavl: Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 88–95.

Torshin E. N., 1994. K voprosu o proizvodstve plinfy v Severo-Vostochnoy Rusi (po materialam raskopok tserkvi Borisa i Gleba) [On the issue of plinth production in North-Eastern Rus (based on materials of excavations of the church of Boris and Gleb)]. *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli [History and culture of Rostov land]*, 1993. Rostov: Zhurnal «Rus'», pp. 183–187.

Voronin N. N., 1961. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vv. [Architecture of North-Eastern Rus of XII–XV cc.], 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 583 p.

Voronin N. N., 1962. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vv. [Architecture of North-Eastern Rus of XII–XV cc.], 2. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 557 p.

Voronin N. N., 1983. Stroiteli Knyaginina sobora [Builders of Knyaginin cathedral]. *Pamyatniki istorii i kul'tury [Monuments of history and culture]*, 2. Yaroslavl: Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 107–109.

Yaganov A. V., 2016. Issledovaniya stroitel'noy ploshchadki Uspenskogo sobora 1660–1663 gg. v Yaroslavle [Research of construction site of Assumption cathedral of 1660–1663 in Yaroslavl]. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv. [From the Troubles to the Empire. New discoveries in the field of archeology and history of Russia of XVI–XVIII cc.]*. L. A. Belyaev, A. V. Yurasov, eds. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 228–236.

Yaganov A. V., Ruzayeva E. I., 2007. Uspenskiy sobor v Yaroslavle. Istoriya i arkheologiya. Rezul'taty arkhitekturno-arkheologicheskogo izucheniya v 2004–2006 godakh [Assumption cathedral in Yaroslavl. History and archaeology. Results of architectural and archaeological research in 2004–2006]. *Arkheologiya: istoriya i perspektivy: Tret'ya mezhregional'naya konferentsiya [Archeology: history and prospects: The third interregional conference*. A. E. Leont'ev, ed. Yaroslavl: Yaroslavskiy muzey-zapovednik, pp. 226–246.

Zherve A. V., 2003. Plinfyanoe stroitel'stvo knyazya Vsevoloda Bol'shoe Gnezdo [Plinth construction of Prince Vsevolod the Big Nest]. *Arkhitekturno-arkheologicheskiy seminar: Iz istorii stroitel'noy keramiki srednevekovoy Vostochnoy Evropy [Architectural and archaeological seminar: From history of building ceramics in medieval Eastern Europe]*. St.Petersburg: Izdatel'stvo GE, pp. 111–124.

Zherve A. V., 2007. Yuzhnorusskie traditsii v zodchestve Severo-Vostochnoy Rusi v kontse XII – pervoy chetverti XIII v. [South Russian traditions in architecture of North-Eastern Russia in late XII – first quarter of XIII c.]. *Chernigiv u seredn'ovichniy ta rann'omoderniy istorii tsentral'no-skhidnoi*

Evropi [Chernigov in medieval and early New history of Central-Eastern Europe]. Chernigov: Desnyanska pravda, pp. 262–272.

Zherve A. V., 2008. K voprosu ob organizatsii plinfyanogo stroitel'stva v Severo-Vostochnoy Rusi v kontse XII – pervoy chetverti XIII veka [On the issue of organization of plinth construction in North-Eastern Russia in late XII – first quarter of the XIII c.]. *AV*, 15. Moscow: Nauka, pp. 181–185.

About the authors

Yaganov Andrey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: yagav@yandex.ru;

Ruzayeva Ekaterina I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ruzaeva-ei@mail.ru;

Engovatova Asya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: engov@mail.ru

А. Н. Смирнов, В. Ю. Коваль, О. Н. Глазунова, К. И. Панченко

КРАСНЫЕ ПЕЧНЫЕ ИЗРАЗЦЫ ИЗ РАСКОПОК В БОЛЬШОМ СКВЕРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Резюме. В ходе раскопок 2019 г. в Московском Кремле, вскрывших фундамент здания Новых Приказов (1675–1770-х гг.) и слои, связанные с функционированием Старых Приказов (1591–1670-х гг.), была собрана представительная коллекция красных печных изразцов. Изучение этого корпуса источников позволило установить присутствие в нем остатков печных наборов, использовавшихся в зданиях Старых Приказов и принадлежавших концу XVI – началу XVII в. Основное внимание в исследовании уделяется стратиграфической позиции находок, установлению круга аналогий и хронологии найденных изразцов. Часть красных изразцов зафиксирована в переотложенном состоянии в слое функционирования Новых Приказов. Установлена связь единичных находок белоглиняных поливных изразцов с печными наборами приказных палат середины – второй половины XVI в.

Ключевые слова: красные печные изразцы, здание Приказов, культурный слой, археология, средневековая Москва.

В 2019 г. во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 7 июня 2018 г. № Пр-974 на территории Большого сквера Московского Кремля были проведены археологические раскопки, позволившие изучить культурные слои XVI–XIX вв. и раскрыть фундаменты здания Новых Приказов, возведенных в 1675–1683 гг. на месте более раннего каменного здания (Старых Приказов постройки 1591 г.). Сами остатки этого более древнего строения обнаружить в раскопе не удалось, однако в отложениях конца XVI в. выявлена прослойка белокаменных отесков, которую можно предположительно связывать со строительством этого комплекса. Раскопки дали богатую и представительную коллекцию разнообразных находок, в т. ч. печных изразцов – полихромных, муравленых и «красных широкорамочных». Последние (более 400 экз.) составляли более половины (60 %) от общего числа находок изразцов на раскопе

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.269-281

(*Макаров и др*., 2020. Табл. 1). Корпус красных изразцов, полученный всего за один год раскопок в Кремле, сопоставим по объему с сохранившимися коллекциями из раскопок 1950-х гг. в Зарядье и превышает число находок таких изразцов из раскопок, например, Романова двора (*Мирясова*, 2009. Табл. 20). Нельзя не упомянуть в данном случае и те 12 красных изразцов, собранных неподалеку от места раскопок Н. В. Султановым в 1894 г при работах по возведению памятника Александру II.

Настоящая статья посвящена анализу этой части изразцовой коллекции, важной для характеристики интерьера приказных зданий и стратиграфической характеристики изученного участка.

Изучением «красных» (или «терракотовых») печных изразцов Москвы занимались специалисты по архитектуре, археологии и искусствознанию – Н. В. Султанов (1894), А. В. Филиппов (1938), Р. Л. Розенфельдт (1968), С. А. Маслих (1983). Значительный вклад в изучение процесса становления и развития ранних форм изразцового декора внесен С. И. Барановой (2008; 2011; 2015).

В стратиграфии культурных напластований, вскрытых раскопом, «красные широкорамочные» изразцы встречались во всех слоях и прослойках от современной дневной поверхности до горизонта конца XVI в. Отдельные обломки изразцов, представленные только частями румп, были отмечены даже в прослойках, подстилавших слой строительства зданий Старых Приказов. Среди них выделяется один крупный обломок, у которого от лицевой пластины сохранился лишь край очень широкой рамки (более 2,2 см), а румпа имела подрезанные по сырой глине грани.

Наибольшее количество красных изразцов было собрано, как и следовало ожидать, в слое, отложившемся в интервале между 1590-ми гг. и 1675 г. (период существования Старых Приказов). К сожалению, постройки этого времени в раскоп не попали. Многие обломки изразцов носят следы характерной истертости, которая свидетельствует об их продолжительном нахождении на погребенной дневной поверхности под ногами пешеходов. Это хорошо соотносится с местоположением исследованного участка, который мог размещаться во внутреннем дворе комплекса Приказных палат.

Концентрация обломков изразцов в толще рассматриваемого слоя была примерно одинаковой. Исключение составляют скопления обломков, происходящие из линз рыжей, частично обожженной, глины с включениями битого кирпича, мощностью до 20 см, в самой верхней части слоя. Одно такое скопление было прослежено в юго-западной части раскопа, при этом вмещавшая его линза печной глины была разрезана лентой фундамента внутренней стены Новых Приказов, возведенных в 1675–1683 гг. В этой линзе встречены обломки печных изразцов (многие обломки подбирались, т. е. являлись частями разбитых изразцов), залегавшие в виде локальных скоплений. Вероятно, и сама глина, и изразцы представляют собой остатки демонтированной печи. Возможно, это следы ремонта печного отопления в одном из помещений Старых Приказов в середине или третьей четверти XVII в. или же следствие разборки этих палат непосредственно перед строительством здания Новых Приказов в 1675 г.

В комплексе изразцов, происходивших из линз печной глины, имеются все элементы печного набора. В первую очередь отметим наличие обломков от пяти

экземпляров одинаковых городков со стилизованным растительным орнаментом в нижней прямоугольной части и изображением лебедя (?) в фигурной верхней (рис. 1: *6*) (ср.: *Розенфельдт*, 1968. Табл. 22: *19*).

Среди лицевых пластин выделяется фрагментированный экземпляр изразца большой руки с двуглавым орлом внутри витой рамки. Фрагменты аналогичного изразца были найдены в Тушинском лагере (*Филлипов*, 1938. № 63; *Двуреченский*, 2018. № 432, 432а, 320. Рис. 72, 101, 102). Обратим внимание на несколько упрощенный рисунок изразца из Тушинского лагеря по сравнению с кремлевским. Возможно, это свидетельство более раннего происхождения последнего. Обломки еще трех лицевых пластин несут изображения растительных композиций.

Один экземпляр определяется как обломок фриза с растительным декором в виде переплетенных трехжгутовых побегов с «перцевидными» элементами и трилистниками. По низу фриза идет вместо рамки такая же витая полоска, как и на изображении орла, что может говорить о принадлежностиэтих изразцов одному комплекту (рис. 2: *5*).

Перемычек найдено 9 штук. Изображения на шести из них представляют собой варианты стилизованного растительного орнамента, причем часть выполнена в двухжгутовой манере (рис. 2: *6*), часть – в трехжгутовой (рис. 1: *4, 7*). Еще два чрезвычайно редких экземпляра несут изображения фигур воинов (рис. 1: *2, 3*). На каждой перемычке по 2 воина: вверху – копейщик, который смотрит вправо, внизу – воин с саблей, развернутый в другую сторону.

К этому же комплексу следует относить скопление обломков в центре раскопа, в которое входят 10 лицевых изразцов «большой руки» (размером 19,5 × 19,5 см). Их иконография представлена хорошо известными по раскопкам в Москве сюжетами и композициями (*Розенфельдт*, 1968. Рис. 20: 6*, 10, 11*; 21: *10*): крупная длинноногая птица («журавль»), всадник (охотник) с соколом в руке, штурм города (рис. 1: *1, 5*), несколько растительных композиций, выполненных в трехжгутовой технике (рис. 3: *1*, *2, 7*). По меньшей мере три экземпляра имеют следы обгорания внешней поверхности. Почти все изразцы сохранили хорошо выраженный либо даже сплошной слой побелки, у некоторых на румпе остатки печной глины. Все это свидетельствует об их достаточно быстром и однократном выпадении в культурный слой.

Скорее всего, все упомянутые изразцы из центра раскопа, так же как и найденные в линзах рыжей глины, отложились в процессе утилизации печной облицовки либо во время ремонта печей, либо во время сноса зданий Старых Приказов. Впоследствии они были перекрыты полами новых палат, возведенных на этом месте, и сохранились *in situ*. Планиграфический и стратиграфический контекст указанных находок позволяет предположить, что они составляли некогда единый печной набор.

То, что изразцы происходят из культурных отложений, синхронных Старым Приказам, дает основания для предварительной датировки данного печного декора. Насколько позволяют судить известные аналогии, значительная, если не большая, часть рассматриваемых изразцов представлена ранними типами, бытовавшими в конце XVI в. и первой трети следующего столетия. Подобные изразцы присутствуют в коллекции, собранной на месте Тушинского лагеря

Рис. 1. Красные печные изразцы из слоев времени существования Старых Приказов (конец XVI – третья четверть XVII в.)

1, 5 – лицевые; *2–4, 7* – перемычки; *6* – городок

Рис. 2. Красные печные изразцы из печных наборов в Старых Приказах
1, 4 – лицевые; *2, 6–10* – перемычки; *3, 5* – фризы

Рис. 3. Красные печные изразцы из разных комплексов XVII–XVIII вв. (*1–4, 6, 7*) и обломок белоглиняной поливной перемычки XVI в. (*5*)

Лжедмитрия II (*Двуреченский*, 2018), а также в материалах исследований подмосковных резиденций Б. Ф. Годунова – Вязём и Борисова городка (*Янишевский*, 2012; *Смирнов*, 2015). Аналогичные экземпляры происходят также из датированных слоев и комплексов, изученных в ходе раскопок на Романовом дворе, в Новодевичьем монастыре, в Трехсвятительском переулке, на подмосковном селище Игнатьево 2 (*Мирясова*, 2009; *Смирнов, Алексеев*, 2019; *Беляев*, 2019; *Беляев и др*., 2019).

В качестве примеров можно привести изразцовые перемычки с фигурами воинов[1], с «противопоставленными» криновидными фигурами (*Мирясова*, 2009. Рис. 174: *4*; 175: *4*; *Янишевский*, 2012. Рис. 12: *1*) и с различными вариациями растительных орнаментов, включающих характерные розетки – «крестоцветы» (рис. 2: *9*, *10*) (*Смирнов*, 2015. Рис. 4: *7, 8, 10*; 6: *1, 2*). Все эти рисунки выполнены контурным способом.

К ранним вариантам фризов относятся экземпляры с двойной рамкой по краю и растительной композицией из переплетенных ветвей с шипами и крупными листьями (или плодами), внутренняя часть которых заполнена косой штриховкой (рис. 2: *3*) (*Раппопорт*, 1955. Рис. 8; *Смирнов*, 2015. Рис. 5: *3*; 7: *1, 2*).

К этой же ранней категории относятся лицевые изразцы со стилизованным изображением пальм в «саду» и некоторыми другими растительными композициями с центральной и осевой симметрией рисунка (*Мирясова*, 2009. Рис. 170: *5*; *Смирнов*, 2015. Рис. 3: *7*; *Двуреченский*, 2018. Рис. 76: *308, 311*; 74: *327*).

Повторимся: все вышеперечисленные изразцы известны в комплексах конца XVI – начала XVII в. Москвы и Подмосковья и являлись облицовкой одной или нескольких синхронных печей, которые можно датировать временем существования Старых Приказов, т. е., собственно, концом XVI – началом XVII в.

Следующую, более позднюю, стратиграфическую позицию занимал незначительный по мощности слой, сложенный темно-серой супесью с обильными угольными включениями и следами древесного тлена, перекрытый прослойкой извести. Этот слой отложился в финале существования Старых Приказов и в ходе строительства в 1675–1683 гг. комплекса Новых Приказов. Из него происходила целая серия изразцов.

Отметим два из них: часть лицевой пластины с «пальмой» (древом жизни) и охраняющими ее единорогами (рис. 2: *4*) и нижнюю часть изразца с фрагментарно сохранившимся изображение коня (с всадником) или единорога. Оба экземпляра уникальны (не имеют известных аналогов) и носят следы обгорания в открытом огне: у первого обожжена лицевая поверхность, у второго – румпа. Учитывая углистый характер слоя залегания, это может служить свидетельством пожаров на финальном этапе существования зданий Старых Приказов.

Культурный слой, залегавший выше строительного горизонта возведения Новых Приказов, отложился за время существования этого комплекса с 80-х гг. XVII в. по 1770 г. (при этом отложения 1750–1760-х гг. на участке раскопа были, вероятно, срезаны при разборке здания в 1769–1773 гг.). Количество обнаруженных в нем красных изразцов в пять раз меньше, чем в нижележащих слоях.

[1] Неопубликованные материалы раскопок Центра археологических исследований Москвы 2004 г. в Трехсвятительском переулке.

Практически все эти находки происходят из внутреннего объема помещений Новых Приказов, но, скорее всего, не имеют отношения к согревавшим их печам по причине асинхронности. По общепринятому мнению, красные широкорамочные изразцы уже не используются в Москве во второй половине XVII в.

Обращает на себя внимание «видовой состав» изразцов, собранных в данном слое. Наиболее отчетливое представление о его особенностях дают изразцовые перемычки. Среди них практически отсутствуют композиции, характерные для «слоя Старых Приказов», т. е. перемычки с изображениями фигур воинов, с «крестоцветами» (найден лишь один подобный экземпляр), с изображениями гирлянды из пальметт и пучков листьев, перевязанных хомутиком. Зато имеются варианты двух других рисунков, которые полностью отсутствуют в нижележащих слоях (или представлены там иными модификациями). В частности, найдено 8 экземпляров перемычек с орнаментальной композицией из переплетеных «остроовальных элементов» и кринов, выполненных в двухжгутовой манере (рис. 2: *7, 8*). Вторую группу составляют 5 перемычек со стилизованным растительным орнаментом из кринов, перехваченных хомутиками, каплевидных, ромбовидных элементов и побегов с характерной точкой в центре композиции, выполненных в трехжгутовой манере (рис. 3: *6*).

Следует заметить, что, хотя в этом слое не собрано перемычек с изображениями гирлянды из пальметт и пучков листьев, перевязанных хомутиком, здесь имеется 6 экземпляров фризовых изразцов с аналогичным орнаментом, которые присутствуют и в более раннем слое (рис. 3: *3*).

Скорее всего, такая ситуация не является случайной. Отсутствие одних разновидностей и наличие других может свидетельствовать о характере формирования слоя и об источниках его насыщения культурными остатками. Отмеченные в «слое Новых Приказов» разновидности перемычек и фризов, видимо, попали внутрь приказных помещений вместе с грунтом и строительным мусором (кирпичным боем) при ремонтных работах, связанных с настилкой полов. Материал, использованный для подсыпки под половицы, брался за пределами зданий, вероятно, с прилегающей территории. В его составе оказалось некоторое количество недавно утилизированных (не «выхоженных») изразцов. Пока трудно сказать, отражает ли специфический состав этой группы некие хронологические аспекты эволюции изразцового декора или он всего лишь указывает на происхождение из разных, но в целом синхронных печных наборов. В первом случае обнаруженные изразцы должны быть по времени более близки к периоду накопления вмещающего слоя, а во втором – они были извлечены из облицовки печей, существовавших ранее, но в каких-то иных постройках (может быть, даже не связанных с приказными палатами).

Можно упомянуть еще два обломка, нахождение которых в «слое Новых Приказов», судя по контексту залегания, объясняется ремонтными работами. Один из них представляет собой часть лицевого изразца с изображением двуглавого орла (орел находится внутри кольцевого ободка, обведен по периметру кантом из мелких треугольников, перья крыльев имеют крючковидное завершение, лапы «оторочены» мелкими штрихами, хвостовое оперение плотное, веерообразное). Данный обломок (рис. 2: *1*) обнаружен среди истлевших остатков одного из деревянных полов приказного помещения, настеленного в последней

четверти XVII в. На аналогичных московских изразцах не только хвост, но и длинные шеи и головы орла заполнены крупной штриховкой, такой же, как на одном из фризов (рис. 2: *3*) и на одной из перемычек (рис. 2: *2*). То есть, скорее всего, матрицы для этих изразцов были выполнены одним мастером.

Отсюда же происходит обломок изразцовой перемычки с орнаментальной композицией из стилизованных криновидных фигур. Перемычки со схожими орнаментами были встречены в «слое Старых Приказов» (см. рис. 1: *7*), однако данный экземпляр является в целом более упрощенной версией.

Наряду с элементами печного убранства, привнесенными извне, в составе «слоя Новых Приказов» находилось незначительное количество обломков изразцов, чье присутствие здесь логичнее всего объяснить перемещениями из нижележавшего слоя в ходе земляных работ (например, связанных с откапыванием траншей под фундаменты нового здания). Это обломок лицевого изразца с частью изображения «крылатого» всадника, обнаруженный в заполнении белокаменной камеры (ретирады) Новых Приказов, которое сформировалось не позднее начала XVIII в. Рядом с этой постройкой, в слое извести, связанном со строительством Новых Приказов, были встречены еще несколько изразцов, главным образом, перемычек. Одна из них, почти целая, украшена гирляндой из пальметт и пучков листьев, перевязанных хомутиком. Вся поверхность изделия густо облеплена известью, что позволяет отнести его попадание в комплекс к моменту строительства. Отметим крупный обломок другой перемычки, демонстрирующий редкую композицию из стилизованных изображений пальм (рис. 3: *4*).

В незначительном количестве обломки красных изразцов были встречены даже в горизонте разрушения Новых Приказов, содержавшем, помимо прочего, большое количество муравленых и рельефных полихромных изразцов середины – второй половины XVII в. Строительный мусор тогда был перемещен и рассредоточен по значительной площади в ходе нивелировки поверхности под строительство проектировавшегося В. И. Баженовым дворца. Красные изразцы, попадающиеся в этом слое, могли быть «захвачены» при столь масштабных работах как из нижележащих слоев в пределах территории, подвергавшейся планировке, так и перемещены с совершенно иных мест.

Подводя итоги, следует заметить, что, хотя в основном «ассортимент» обнаруженных красных изразцов представлен известными орнаментальными композициями и «классическими» сюжетами, среди них встречается некоторое количество ранее неизвестных или крайне редких экземпляров. При этом совершенно нет изразцов с надписями.

Подавляющее большинство лицевых рамочных изразцов относится к размерному классу «большой руки» (19,5 × 19,5 см) с шириной рамок 1,3–2,4 см, но есть и обломки от изразцов «малой руки», в частности один из изразцов с изображением двуглавого орла. Фризы имеют высоту 10,5 см. Длина сохранившихся целых вертикальных перемычек варьирует от 17 до 19 см. Ни одной целой горизонтальной перемычки собрано не было. Практически все изразцы имеют следы побелки на лицевой поверхности и следы нагара на внутренней поверхности румп, что говорит об их использовании в действовавших печах.

Таким образом, анализ находок красных печных изразцов с территории Большого сквера Московского Кремля в ходе работ 2019 г. позволяет судить

о типологии этих предметов, об обстоятельствах их выпадения в культурный слой и характере залегания в составе культурных отложений. В связи с этим можно выделить несколько археологических контекстов, обладающих различной степенью информативности для проводимых исследований.

Наибольшее количество изразцов было обнаружено в «слое Старых Приказов» конца XVI – третьей четверти XVII в. Особый интерес представляют скопления обломков, происходящие из линз рыжей, частично обожженной, глины с включениями битого кирпича в верхней части этого слоя. Вероятно, эти пятна представляют собой остатки выброса печного материала от разрушенных отопительных устройств Старых Приказов. Изразцы, собранные при разборе слоя, отложившегося внутри помещений Новых Приказов, могут иметь двоякое происхождение. Лишь небольшая их часть могла быть связана с нижележавшим слоем, откуда они были перемещены в ходе локальных земляных работ. Другие экземпляры могли попасть внутрь приказных помещений вместе с грунтом и строительным мусором (битым кирпичом), взятыми с прилегающей территории в качестве подсыпки под полы. Обломки изразцов, встреченные в слое разрушения Новых Приказов, очевидно, оказались там в переотложенном состоянии вместе со строительными остатками от разрушенных зданий.

Наряду с доминировавшими красными изразцами, найдены единичные белоглиняные изразцы, покрытые прозрачной поливой желтых и зеленых тонов, которые представляют иную, хронологически более раннюю, разновидность печного изразцового декора. В строительном горизонте Старых Приказов были обнаружены 3 небольших обломка: два из них принадлежали витым перемычкам, покрытым бледно-зеленой прозрачной поливой (рис. 3: *5*), а один – какому-то другому элементу печного набора с золотисто-желтой поливой. В нижней части хронологически последующего слоя Старых Приказов найдены фрагмент городка (покрыт поливой золотисто-желтого цвета) и практически целый квадратный лицевой изразец с необычной для России приподнятой под углом орнаментальной рамкой из иоников с овами и бусин с желто-коричневой глазурью (*Беляев и др*., 2020. Рис. 1, 2). Возможно, это «намек» на присутствие в комплексе Старых Приказов «ценинной» изразцовой печи, существовавшей синхронно с печами в «красных» беленых изразцах.

Но все же гораздо вероятнее, что это остатки какого-то отопительного устройства одного из дворцов или, например, Посольского приказа, построенного в 1560-е гг. В пользу данной версии может свидетельствовать обнаружение в слое, залегавшем ниже строительного горизонта 1590-х гг., еще двух мелких обломков, вероятно, принадлежавших еще одному аналогичному поливному изразцу (Там же. Рис. 1: *1*). Однако в отличие от упомянутого изразца, изготовленного из светлой глины с минимальным количеством включений и покрытого желто-коричневой прозрачной поливой, обломки этого экземпляра состояли из совершенно иной по фактуре массы грязно-кремового цвета (что указывает на использование в качестве сырья слабоожелезненной глины), а покрывающая их полива была желто-зеленой и помутневшей. Возможно, эти незначительные с виду фрагменты станут первым свидетельством попытки изготовления поливных изразцов в Москве.

Таким образом, находки печных поливных изразцов раннего облика заставляют предполагать наличие в непосредственной близости от места проведения

раскопок высокостатусной постройки XVI в. Дальнейшие исследования дадут дополнительную информацию для изучения ранних периодов бытования изразцового декора.

ЛИТЕРАТУРА

Баранова С. И., 2008. Новые данные о ранних видах московского керамического декора // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры / Сост.: А. Л. Баталов, Н. А. Кренке. М.: ИА РАН. С. 374–393.

Баранова С. И., 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: Московский гос. объед. музей-заповедник. 432 с.

Баранова С. И., 2015 К истории первых находок изразцов в Московском Кремле // Образ христианского храма. Сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А. Л. Баталова / Министерство культуры РФ, Институт искусствознания. М.: Арткитчен, С. 524–548.

Беляев Л. А., 2019. Научный Отчет об археологических изысканиях (при проведении работ по сохранению (раскопках)) на территории объекта культурного наследия федерального значения «ансамбль Новодевичьего монастыря». г. Москва, Новодевичий проезд, д. 1, в 2019 г. // Архив ИА РАН.

Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г., 2019. Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // РА. № 4. С. 192–207.

Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Смирнов А. Н., 2020. Изразцы конца XVI – первой половины XVII в. по материалам раскопок 2019 г. в Московском Кремле // РА. № 3. С. 114–124.

Двуреченский О. В., 2018. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В. А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН. 196 с.

Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Яганов А. В., Модин Р. Н., Панченко К. И., 2020. Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов // РА. № 3. С. 96–113.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство. 270 с.

Мирясова А. А., 2009. Красноглиняные изразцы Романова двора // Археология Романова двора: Предысторя и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Мирясова. М.: ИА РАН. С. 120–129.

Раппопорт П. А., 1955. Борисов городок. Материалы к истории строительства Бориса Годунова // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР. С. 59–76. (МИА; № 44.)

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ; вып. Е1-39.)

Смирнов А. Н., 2015. Печные изразцы из раскопок дворцового комплекса Б. Ф. Годунова в селе Вязёмы // АП. Вып. 11 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 526–535.

Смирнов А. Н., Алексеев А. В., 2019. Стратиграфия и хронология селища Игнатьево 2 по материалам охранных раскопок 2015 года // АП. Вып. 15 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 189–213.

Султанов Н. В., 1894. Древнерусские красные изразцы // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. № 12. С. 369–387.

Филиппов А. В., 1938. Русский изразец. Вып. 1. М.: Всесоюзная академия архитектуры. 90 с.

Янишевский Б. Е., 2012. Раскопки на Борисовом городке в 2009 году // АП. Вып. 8 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 229–245.

Сведения об авторах

Смирнов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: fotoellada@rambler.ru;

Коваль Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kovaloka@mail.ru;

Глазунова Ольга Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru;

Панченко Константин Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: pakoi@mail.ru

A. N. Smirnov, V. Yu. Koval, O. N. Glazunova, K. I. Panchenko

RED-CLAY STOVE TILES FROM THE EXCAVATIONS IN THE BOLSHOY GARDEN SQUARE OF THE MOSCOW KREMLIN

Abstract. During the 2019 excavations in the Moscow Kremlin that opened up the foundation trenches of the building of New Prikazes (1675–1770s) as well as the layers related to the operation of the Old Prikazes (1591–1670s) a representative series of red-clay stove tiles was collected. The study of this corpus of sources identified remains of stove sets used in the buildings of the Old Prikazes which are referred to the end of the 16th – the early 17th centuries. The study focuses on the stratigraphic position of the finds, search of analogies and the chronology of the discovered ceramic tiles. Some red-clay tiles were discovered in the layer of the New Prikazes as redeposited materials. The linkage between solitary finds of white-clay glazed tiles and stove sets from prikaz buildings of the middle–second half of the 16th century was established.

Keywords: red-clay stove tiles, building of Prikazes, cultural layer, archaeology, medieval Moscow.

REFERENCES

Baranova S. I., 2008. Novyye dannyye o rannikh vidakh moskovskogo keramicheskogo dekora [New data on early types of Moscow ceramic decoration]. *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury [Muscovite Rus. Issues of archaeology and history of architecture]*. A. L. Batalov, N. A. Krenke, eds. Moscow: IA RAN, pp. 374–393.

Baranova S. I., 2011. Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitelya [Russian tile. Notes of museum keeper]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy ob"yedinennyy muzey-zapovednik. 432 p.

Baranova S. I., 2015. K istorii pervykh nakhodok izraztsov v Moskovskom Kremle [To the history of first finds of stove tiles in Moscow Kremlin]. *Obraz khristianskogo khrama. Sbornik statey po drevnerusskomu iskusstvu k 60-letiyu A. L. Batalova* [*Image of Christian church. Collected articles on Ancient Russian art to 60th anniversary of A. L. Batalov*]. Ministerstvo kul'tury RF, Institut iskusstvoznaniya. Moscow: Artkitchen, pp, 524–548.

Belyayev L. A., 2019. Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh izyskaniyakh (pri provedenii rabot po sokhraneniyu (raskopkakh)) na territorii ob"yekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «ansambl' Novodevich'yego monastyrya» g. Moskva, Novodevichiy proyezd, d. 1, v 2019 g. [Scientific report on archaeological research (when carrying out works on preservation (excavations)) in territory of object of cultural heritage of Federal scale «ensemble of Novodevichiy convent», Moscow, Novodevichiy proyezd, 1, in 2019]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Belyayev L. A., Glazunova O. N., Grigoryan S. B., Elkina I. I., Shulyayev S. G., 2019. Arkheologiya moskovskogo Novodevich'yego monastyrya: pervyye itogi [Archaeology of Moscow Novodevichiy convent: preliminary results]. *RA*, 4, pp. 192–207.

Belyayev L. A., Glazunova O. N., Smirnov A. N., 2020. Izraztsy kontsa XVI – pervoy poloviny XVII v. po materialam raskopok 2019 g. v Moskovskom Kremle [Stove tiles of late 16th – first half of the 17th century based on 2019 excavations in Moscow Kremlin]. *RA*, 3, pp. 114–124.

Dvurechenskiy O. V., 2018. Tushinskiy lager' (Publikatsiya kollektsii V. A. Politkovskogo iz sobraniya GIM) [Tushino camp (Publication of V.A. Politkovskiy's collection from GIM collection)]. Moscow: IA RAN. 196 p.

Filippov A. V., 1938. Russkiy izrazets [Russian tile], 1. Moscow: Vsesoyuznaya akademiya arkhitektury. 90 p.

Makarov N. A., Koval' V. Yu., Yaganov A. V., Modin R. N., Panchenko K. I., 2020. Novyye issledovaniya v Moskovskom Kremle: raskopki zdaniya Prikazov [New investigation in Moscow Kremlin: excavations of Prikazy building]. *RA*, 3, pp. 96–113.

Maslikh S. A., 1983. Russkoye izraztsovoye iskusstvo XV–XIX vekov [Russian art of tiles making, XV–XIX centuries]. Moscow: Izobrazitel'noye iskusstvo. 270 p.

Miryasova A. A., 2009. Krasnoglinyanyye izraztsy Romanova dvora [Red-clay tiles of Romanov court]. *Arkheologiya Romanova dvora: Predystorya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vekakh [Archaeology of Romanov court: Prehistory and history of the Moscow centre in XII–XIX centuries]*. N. A. Miryasova, comp. Moscow: IA RAN, pp. 120–129.

Rappoport P. A., 1955. Borisov gorodok. Materialy k istorii stroitel'stva Borisa Godunova [Borisov gorodok. Materials for history of construction activity of Boris Godunov]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and investigations on archaeology of Moscow]*, 3. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 59–76. (MIA, 44.)

Rozenfeldt R. L., 1968. Moskovskoye keramicheskoye proizvodstvo XII–XVII vv. [Moscow ceramic production of XII–XVII cc.]. Moscow: Nauka. 124 p. (SAI.)

Smirnov A. N., 2015. Pechnyye izraztsy iz raskopok dvortsovogo kompleksa B. F. Godunova v sele Vyazemy [Stove tiles from excavations of B. F. Godunov's palace ensemble in Vyazemy village]. *AP*, 11. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 526–535.

Smirnov A. N., Alekseyev A. V., 2019. Stratigrafiya i khronologiya selishcha Ignat'yevo 2 po materialam okhrannykh raskopok 2015 goda [Stratigraphy and chronology of open settlement Ignat'yevo 2 based on materials of 2015 rescue excavations]. *AP*, 15. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 189–213.

Sultanov N. V., 1894. Drevnerusskiye krasnyye izraztsy [Old Russian red tiles]. *Arkheologicheskiye izvestiya i zametki, izdavayemyye Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom [Archaeological news and notes published by Moscow Archaeological society]*, 12, pp. 369–387.

Yanishevskiy B. E., 2012. Raskopki na Borisovom gorodke v 2009 godu [Excavations in Borisov gorodok in 2009]. *AP*, 8. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 229–245.

About the authors

Smirnov Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: fotoellada@rambler.ru;

Koval Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kovaloka@mail.ru;

Glazunova Olga N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru;

Panchenko Konstantin I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: pakoi@mail.ru

В. С. Курмановский

РЕДКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПЛИТЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ

Резюме. Статья посвящена редким находкам белокаменных надгробных плит на территории бывшего Чудова монастыря в Московском Кремле: плиты начала XVII в. с нанесенной на торце новой эпитафией начала XVIII в. и плиты конца XVII в. с раскрашенной надписью на боковой стороне. Плиты обнаружены в переотложенном виде, однако несомненно их первоначальное нахождение в престижной части монастырского некрополя, близ места первого погребения основателя обители митрополита Алексия и его племянника Данилы Феофановича. Погребенный под плитой с раскрашенной надписью Андрей Яковлевич Пятово принадлежал к представителям высшего управленческого аппарата Московского государства второй половины XVII в. и являлся однофамильцем, а возможно, и родственником одной из ветвей древнего рода Плещеевых – потомков черниговского боярина Бяконта и родственников митрополита Алексия. К данной фамилии, возможно, принадлежал и первоначально погребенный под первой найденной плитой, чье имя, предположительно, читается как Никита Михайлович.

Ключевые слова: Московский Кремль, Чудов монастырь, некрополь, надгробие, XVII в., вторичное употребление, эпиграфика, раскрашенная надпись.

В ходе полевого сезона 2019 г. на территории подвального помещения бывшего 14 корпуса в Московском Кремле (территория исторического Чудова монастыря) были сделаны две находки редких белокаменных надгробных плит: плита начала XVII в., вторично использованная в начале XVIII в., с насеченной новой эпитафией, а также плита конца XVII в. с сохранившейся краской.

Массивная белокаменная плита с надписью на торцевой стороне была обнаружена в августе 2019 г., как и большинство надгробий некрополя Чудова монастыря из раскопок 2016–2019 гг. – в переотложенном виде, в забутовке фундамента стены 1930-х гг. Топографически место находки надгробия располагалось близ предполагаемого юго-западного угла здания собора Архангела Михаила. Первоначально была визуально доступна торцевая сторона с эпитафией начала XVIII в.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.282-293

В дальнейшем на нижней стороне плиты были выявлены жгутовой орнамент и надпись, свидетельствующие о том, что надгробие являлось плитой первой половины XVII в. во вторичном использовании. После извлечения плиты стало возможно прочтение первоначальной эпитафии.

Надгробие представляло собой массивную прямоугольную плиту со жгутовым орнаментом поздней антропоморфной композиции на лицевой стороне и орнаментом из каннелюр в лентах насечки и треугольно-выемчатой резьбы на боковых сторонах (боковая поверхность сохранилась только с левой стороны) (рис. 2). Надпись на лицевой стороне была частично сбита и читалась следующим образом: «[Лета 71]19[1] (1610/1611) // марта в 7 день на память [священно] // мученик[2], иже в Херсонеспи // отцов наших Василья, Ефрема, [Евге]// ния, Капитона и прочих прест[авися] // раб Божий Никита Михайлович[3] …// ой, во иноцех скимник…» (рис. 1; 3; 4). Первоначальное изголовье плиты было стесано, на образовавшемся торце высечена надпись, в середине первой строки которой помещалось рельефное изображение креста в обрамлении двух рельефных завитков растительного орнамента с высеченными монограммами ИС ХС НИКА. Прочтение надписи следующее: «[Л]ета Господня (крест) 1706 м[есяца] // [септем]врия в 11 день преставися о[т] // [в]ременныя сея жизни святыя сея оби[тели] // …раб Божий иеродиаконА[4]…». По верхнему краю торца плиты сохранилась выступающая рельефная рамка в виде «полки» и «четвертного валика». Изножие и правая боковая сторона плиты обрублены. Размеры плиты: длина – 153, ширина – 70, (реконструируемая полная ширина – 80) высота – 39 см. Таким образом, плита первой половины XVII в. (1611 г. при верном прочтении даты), очевидно, находившаяся на монастырском кладбище, была вторично использована в 1706 г. Любопытно, что в обеих эпитафиях оказались фактически полностью сбиты имена погребенных.

Относительно личности первоначально погребенного под плитой с определенной долей осторожности может быть высказана гипотеза. В Синодике Чудова монастыря XVII в., недавно опубликованном А. И. Алексеевым, носителей такого имени и отчества не встречено. В источниках начала XVII в. упоминаются стольник князь Никита Михайлович Мезецкий (Народное движение…, 2003. С. 138); Никита Михайлов сын Крюков, служивший по Туле (Там же. С. 147), московский дворянин Никита Михайлович Пушкин (Там же. С. 19, 51, 138). В так называемом «списке 100-го году» (общем списке дворян и детей боярских Русского государства 1591/1592 г.) среди детей боярских смоленского архиепископа упомянут «Микита Михайлов сын Пятово» (Список…, 1950. Л. 176). Более лиц с таким именем и отчеством в документе встречено не было. Следует, однако, учитывать, что некоторые лица были упомянуты без отчеств либо под мирскими именами. Четыре Никиты Михайловича зафиксированы в Тысячной

[1] Не исключено также прочтение «7109» (1600/1601 г.).

[2] Читается неуверенно.

[3] Восстанавливается по сохранившимся верхним частям букв в определенной степени гипотетически.

[4] Первая буква имени почти полностью сбита. Читается неуверенно по переднему элементу.

Рис. 1. Плита начала XVII в. во вторичном использовании (ЧМ). Фото поверхности

Рис. 2. Плита начала XVII в. во вторичном использовании. Фото левой боковой стороны

книге 1550 г. и Дворовой тетради 1550-х гг., однако с учетом большого хронологического разрыва со временем совершения погребения (какой бы вариант прочтения даты ни был выбран) отождествление с ними представляется маловероятным.

Учитывая сравнительную редкость сочетания имени и отчества, восстанавливаемых по верхним частям букв с достаточной определенностью (Никита Михайлович), дату погребения, характерное окончание фамилии («-ой») в сочетании с небольшим объемом утраченной части строки, отсутствие указания в эпитафии на титул и должность погребенного, а также локализацию переотложенной плиты у юго-западного угла здания собора в непосредственной близости от также переотложенной плиты Андрея Яковлевича Пятово (см. ниже), можно предположить, что таковым мог быть Никита Михайлович Пятой/Пятово (подобная вариативность написания фамилии для данного периода весьма характерна). Родство его как с Пятовыми – ветвью Плещеевых, – так и с Пятовыми – выходцами из дьяков (см. ниже) – документально не устанавливается, но можно предполагать связь с Пятовыми – Плещеевыми, поскольку представители ответвлений знатных московских фамилий (в том числе тех же Плещеевых) регулярно присутствовали в составе провинциальных служилых корпораций.

Судьбы смоленских служилых землевладельцев в эпоху Смуты сложились весьма различным образом, и нельзя исключать вероятности того, что смоленский архиепископский сын боярский мог оказаться в Москве в период Семибоярщины и скончаться там, приняв схиму в Чудовом монастыре. Погребения на кладбище Чудова монастыря выходцев из незнатных провинциальных землевладельцев прослеживаются по данным вкладных грамот и синодика Чудова монастыря (см. также ниже). Далее, в ситуации с Андреем Яковлевичем Пятого, будет рассмотрена возможность погребения однофамильцев как гипотетических однородцев на одном определенном участке кладбища.

Применение краски в декоре русских белокаменных намогильных плит XVII–XVIII вв. достаточно широко известно, однако находки плит с сохранившейся раскраской достаточно редки и каждый раз вызывают оживленный интерес исследователей. Осенью 2019 г. в ходе работ по строительству музея в подвальном помещении бывшего 14 корпуса в Московском Кремле (территория

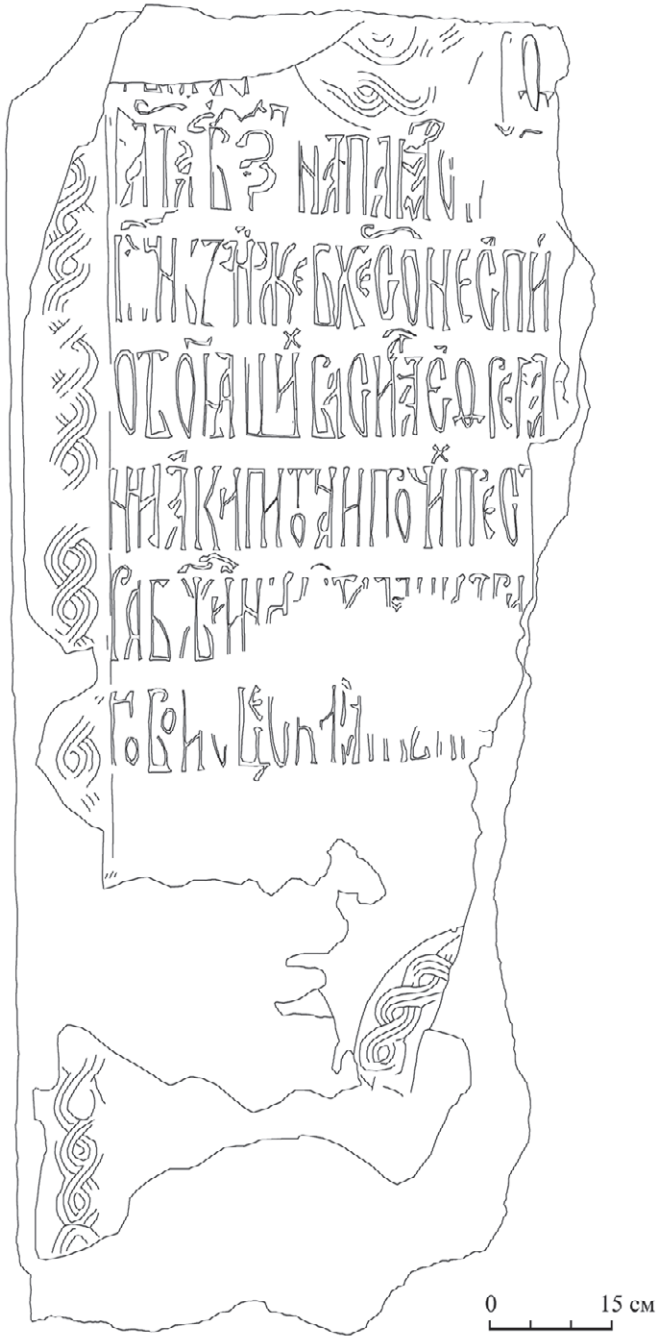


Рис. 3. Плита начала XVII в. во вторичном использовании. Прорисовка поверхности плиты с надписью и орнаментом

Рис. 4. Плита начала XVII в. во вторичном использовании. Фото надписи на торце плиты

бывшего Чудова монастыря) в заполнении бутового фундамента кирпичной стены 1930-х гг. была обнаружена переотложенная белокаменная надгробная плита с надписью на боковой стороне с сохранившейся краской. В связи с возможной опасностью обрушения стены при изъятии плиты последняя была расчищена лишь частично и не извлекалась.

Надгробие представляло собой массивную плиту трапециевидной или прямоугольной формы. Степень целостности плиты в точности не определялась, поскольку ее часть оставалась скрыта не разбиравшейся забутовкой основания стены. Плита лежала вверх основанием. На доступной осмотру левой боковой стороне была высечена надпись вязью в одну строку, раскрашенная красной и темно-синей (фактически черной) красками (красной краской выполнены заглавные буквы в словах), помещенная в рамке, выполненной красной краской по графье. На боковой стороне плиты за пределами рамки предположительно фиксировались следы расписного растительного орнамента, выполненного красной и черной (темно-синей) красками. Прочтение доступной части надписи: «…[преставися раб Бо]жий *Ан*дрей *Я*ковлевич *П*ятово *и* по обещанию *п*оложен *в* сей *о*бители» (курсивом обозначены буквы, раскрашенные красным) (рис. 5–7). На торце плиты также прослеживается рамка, выполненная красной краской

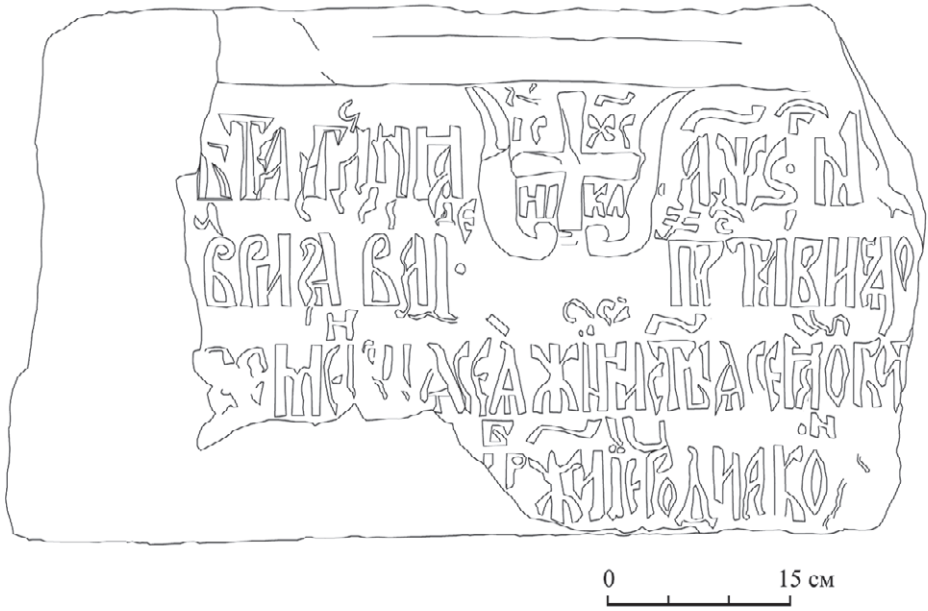


Рис. 5. Плита начала XVII в. во вторичном использовании. Прорисовка надписи на торце плиты

Рис. 6. Плита Андрея Яковлевича Пятово последней четверти XVII в. в забутовке стены 1930-х гг.

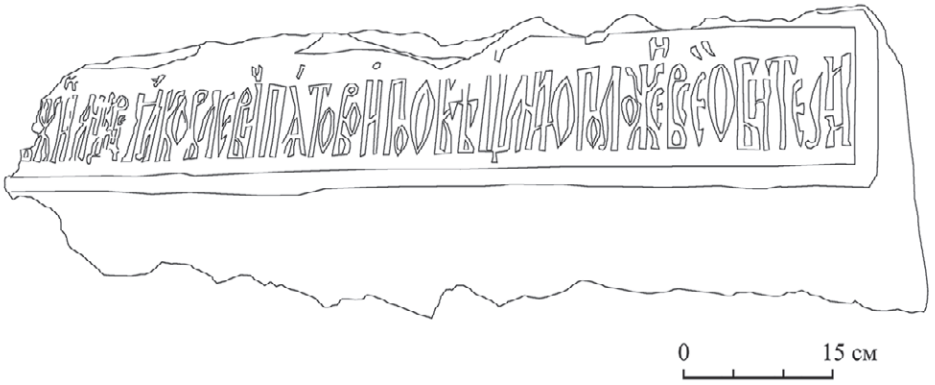


Рис. 7. Плита Андрея Яковлевича Пятово.
Прорисовка видимой части левой боковой стороны плиты с надписью

по графье, наличие надписи не фиксировалось. Размеры плиты составляли: длина – 80, высота – 30 см, ширина не определялась. Плита может быть датирована второй половиной XVII в. Плиты XVII в. (преимущественно середины – третьей четверти столетия) с надписями на боковых сторонах (как правило, продолжающимися на торце плиты) встречаются сравнительно редко (*Беляев*, 1996. С. 169). Определенную аналогию данной плите представляет надгробие Бм-36 1675 г., выявленное в кладке абсиды собора 1690-х гг. Богоявленского монастыря (Там же. С. 311. Фото 43, 44). Последнее, однако, отличается меньшей толщиной (21 см) и продолжением надписи на торце. Другая аналогия – плита ВК-1 из некрополя храма Воскресения в Кадашах, также датируемая 1675 г. На данной плите также фиксируется красная рамка по графье вокруг надписи (*Беркович*, *Егоров*, 2017. С. 390, 391).

Обращает на себя внимание формулировка «по обещанию положен в сей обители». Определенные аналогии обнаруживаются в некоторых данных грамотах XVI в., где вкладчики, завещая свои имения монастырю, оговаривают свое погребение на монастырском кладбище. Так, в частности, похоронить себя в Чудовом монастыре завещали в 1559/1560 г. Федор Некрас Семенов сын Федорова Бронников (Акты…, 2003. С. 125), в 1567 г. зубцовская вотчинница Мария, вдова Михаила Ивановича Семенова (Там же. С. 179), в 1569/1570 г. коломенские вотчинники Андрей и Никита Ивановы дети Дедевшины (Там же. С. 184). Некоторые вкладчики, например Иван Яковлевич Мансуров, в 1563/1564 г. говорят о своем будущем погребении в Чудовом монастыре «у своего роду» (Там же. С. 158).

В «Российской родословной книге» П. В. Долгорукова упомянуты две фамилии Пятово, одна из которых, записанная в Бархатной книге, являлась ветвью рода Плещеевых – потомков черниговского боярина Федора Бяконта, отца митрополита Алексия. Основателем другой фамилии был Антип Ильич Пятой – дьяк при Иване Грозном, пожалованный поместьем в 1574 г. Одним из его правнуков, согласно П. В. Долгорукову, был Андрей Яковлевич Пятово, при царе Федоре Алексеевиче занимавший должность воеводы в Новосиле (*Долгоруков*,

1857. С. 191–193). В Боярской книге 1658 г., опубликованной В. А. Кадиком, М. П. Лукичевым и Н. М. Рогожиным, он упомянут среди стряпчих. В более поздней приписке в тексте книги о нем сообщается следующее: «В боярской книге 155-го (1646/1647 – ВК) году оклад ему помесной с придачами девятьсот чети, денег пятьдесят два рубли. Ему ж за ево службы 172-го (1663/1664 – ВК) и 173-го (1664/1665 – ВК) году, что он был на государеве службе в литовских городех, придачи сто тритцать чети, денег девять рублев, и за перехожие за тритцать чети денежные ему придачи рубль, шеснатцать алтын четыре деньги. Всего помесной ему оклад 1000 чети, денег 62 рубли с полтиною» (Боярская книга…, 2004. Л. 131 об.). Таким образом, земельные и денежные вознаграждения Андрея Яковлевича были связаны с его участием в событиях войны между Русским государством и Речью Посполитой 1654–1667 гг. Размер поместного оклада в 1000 четвертей в тот период являлся максимально возможным для представителей высшего служилого сословия. Придачи к окладам в таком случае выдавались в денежном эквиваленте (Там же. С. 8). Также в более поздних записях в этой же книге среди «пожалованных по московскому списку в нынешнем 168-м (1659/1660 – ВК) году» (т. е. включенных в категорию московских дворян) упомянут брат Андрея Яковлевича Иван Яковлев сын Пятово, ранее, в 167 (1658/1659) г., числившийся в жилецком списке с окладом 600 четвертей и 26 рублей денег «за литовскую службу», ныне пожалованный за раны, полученные в Конотопском сражении 1659 г., 100 четвертями земли и 10 рублями денег. За дальнейшие его службы 172 и 173 гг. он получил придачу в 130 четвертей и 9 рублей (Там же. Л. 401 об.). Другой его брат, Парфений Яковлевич, упоминается как дьяк в 1669/1670 г., 9 марта 1671 г. – путный ключник в Новгороде, с 18 августа 1677 по 11 октября 1678 – думный дьяк Приказа Большого дворца, 12 января 1682 г. – думный дьяк (*Веселовский*, 1975. С. 443), по данным Н. Ф. Демидовой, в 1681/1682 г. – думный дворянин (*Демидова*, 2011. С. 472). Отцом их был Яков Деев сын Пятого, пожалованный в дьяки из стремянных конюхов в 1644 г. В 1649 г. он бил челом о том, что служил «с городом и дьяком лет 40», «а у государева дела в дьяцех был всего единожды», и просил написать его по московскому списку, что и было выполнено (*Веселовский*, 1975. С. 443). Известен также брат Якова Григорий Деев сын Пятого, также пожалованный в дьяки из стремянных конюхов 1 июля 1634 г. (*Демидова*, 2011. С. 472). С. Б. Веселовский упоминает также дьяка Григория Пятово в Дворовой тетради (*Веселовский*, 1975. С. 443). В Синодике Чудова монастыря встречена запись «Род дьяка Григория Пятого. Дия, убиенную Марию, Марфы, Леонтия» (*Алексеев*, 2019. Л. 226 об.). Упомянутый П. В. Долгоруковым Антип Ильич Пятово в списках дьяков и подьячих XV–XVII вв., составленных С. Б. Веселовским, не фигурирует. В Бархатной книге среди представителей рода Пятово (Пятых) Андрей Яковлевич и его предки также не упомянуты (Родословная книга…, 1787. С. 295–298). Таким образом, доступные документальные источники не позволяют проследить родство между Андреем Яковлевичем Пятово и представителями рода Пятовых, происходящего от Плещеевых, хотя с уверенностью утверждать обратное также сложно.

Вместе с тем захоронение Андрея Яковлевича Пятово в центральной части некрополя Чудова монастыря (перемещение массивной плиты на значительное

расстояние от места ее обнаружения в данном случае представляется маловероятным)[5], в непосредственной близости от первоначального захоронения основателя обители митрополита Алексия («одесную», т. е. к югу от алтарей древнейшего собора) (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 195), а также захороненного рядом с последним его племянника боярина Данила Феофановича (Там же. С. 220) позволяет предположить их родство. Или же в данном случае можно видеть попытку незнатных однофамильцев таким образом «приписаться» к известному роду.

ЛИТЕРАТУРА

Акты Московского Чудова монастыря 1507–1606 гг. / Публ. С. Н. Кистерев // Русский дипломатарий. Вып. 9. М.: Древлехранилище, 2003. С. 59–234.

Алексеев А. И., 2019. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. № 3–4 (55–56). С. 5–239.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 383 с.: ил.

Беркович В. А., Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие: каталог. М.: ТМ Продакшн. 765 с.: ил.

Боярская книга 1658 года / Отв. ред. Н. М. Рогожин; вступ. ст. М. П. Лукичев и др. М.: Ин-т российской истории РАН, 2004. 336 с.

Веселовский С. Б., 1975. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука. 607 с.

Демидова Н. Ф., 2011. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700): биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли. 720 с.

Долгоруков П. В., 1857. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. IV. СПб.: В тип. III Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярии. 482 с.

Московский кафедральный Чудов монастырь. М.: Изд. Чудова монастыря, 1896. 63 с.

Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. 1601–1608: сборник документов / Сост. Р. В. Овчинников и др.; отв. ред. Н. М. Рогожин. М.: Наука, 2003. 491 с.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 462 с.

[5] Не владея информацией о технической стороне отбора строительного материала при разборке сооружений Чудова монастыря и выемке грунта для строительства 14 корпуса, можно отметить определенную закономерность в топографии находок переотложенных фрагментов белокаменных погребальных сооружений. Так, фрагменты надгробия Василия Глебовича Салтыкова, а также надгробия или крышки саркофага с надписью «илина жена …зова» (в которой можно предполагать фрагмент фамилии «Морозова») были обнаружены в фундаментах колонн к северу от бывшего здания Михаило-Архангельского собора. При этом, по данным описания монастыря конца XIX в., надгробные камни представителей рода Морозовых (ответвлением которого являлась фамилия Салтыковых) находились, предположительно, *in situ* у северной стены собора (Московский кафедральный…, 1896. С. 46). Близ южной стены здания, где располагались первоначальное погребение митрополита Алексия и его родственника Данилы Феофановича, была обнаружена плита Андрея Яковлевича Пятово (однофамильца, а возможно, и родственника одной из ветвей Плещеевых-Бяконтовых). Соответственно, логичным выглядит предположение о том, что вынутые при рытье котлована 14 корпуса массивные белокаменные плиты в данном случае складировались для дальнейшего использования в непосредственной близости от места находки.

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. М.: В Унив. тип. Н. Новикова, 1787. 393 с.

Список 100-го году // Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 220–246.

Сведения об авторе

Курмановский Владимир Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kurmanovskiy@mail.ru

V. S. Kurmanovskiy

RARE TOMBSTONES FROM THE CHUDOV MONASTERY NECROPOLIS

Abstract. The paper is dedicated to rare finds of white stone tombstones within the compound of the Chudov monastery in the Moscow Kremlin such as a tombstone of the early 17th century with a new epitaph made on the butt end dating to the early 18th century and a tombstone of the end of the 17th century with a painted inscription on the side. The tombstones were discovered in a redeposited layer; however, their original location in the prestigious part of the monastery necropolis near the place of the first burial of Metropolitan Alexius, founder of the monastery, and his nephew Danila Feofanovich is not questioned. Andrey Yakovlevich Pyatovo buried under the tombstone with the painted inscription was a representative of the highest governance level of Muscovy in the second half of the 17th century and a namesake, or, possibly, a relative of one of the ancient lineage of the Pleshcheyevs, descendants of the Chernigov boyar Byakont and relatives of the Metropolitan Alexius. The person initially buried under the first tombstone whose name is presumably read as Nikita Mikhaylovich, probably, belonged to this family.

Keywords: Moscow Kremlin, Chudov monastery, necropolis, tombstone, 17th century, reuse, epigraphy, painted inscription.

REFERENCES

Akty Moskovskogo Chudova monastyrya 1507–1606 gg. [Acts of Moscow Chudov monastery 1507–1606]. *Russkiy diplomatariy [Russian diplomatarium]*, 9. Moscow: Drevlekhranilishche, 2003, pp. 59–234.

Alekseev A. I., 2019. Sinodik Chudova monastyrya v Moskovskom Kremle [Synodic of Chudov monastery in Moscow Kremlinч]. *Vestnik tserkovnoy istorii [Bulletin of church history]*, 3–4 (55–56), pp. 5–239.

Belyaev L. A., 1996. Russkoe srednevekovoe nadgrobie: Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XVII vv. [Russian medieval tombstone: White stone slabs of Moscow and North-Eastern Russia, XIII–XVII cc.]. Moscow: Modus-Graffiti. 383 p., ill.

Berkovich V. A., Egorov K. A., 2017. Moskovskoe belokamennoe nadgrobie: katalog [Moscow white stone tombstone: catalogue]. Moscow: TM Prodakshn. 765 p., ill.

Boyarskaya kniga 1658 goda [Boyar book of 1658]. N. M. Rogozhin, ed. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN [Institute for Russian History, RAS], 2004. 336 p.

Demidova N. F., 2011. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. (1625–1700): biograficheskiy spravochnik [Service bureaucracy in Russia of XVII c. (1625–1700): biographical reference-book]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 720 p.

Dolgorukov P. V., 1857. Rossiyskaya rodoslovnaya kniga, izdavaemaya knyazem Petrom Dolgorukovym [Russian genealogical book published by Prince Petr Dolgorukov], IV. St. Petersburg: Tipografiya III Otdeleniya sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 482 p.

Moskovskiy kafedral'nyy Chudov monastyr' [Moscow Cathedral Chudov monastery]. Moscow: Izdanie Chudova monastyrya, 1896. 63 p.

Narodnoe dvizhenie v Rossii v epokhu Smuty nachala XVII v. 1601–1608: sbornik dokumentov [Popular movement in Russia in period of Troubles, beginning of XVII c. 1601–1608: collected documents]. R. V. Ovchinnikov, comp., N. M. Rogozhin, ed. Moscow: Nauka, 2003. 491 p.

PSRL, 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v. [Moscow chronicle corpus of late XV c.]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 462 p.

Rodoslovnaya kniga knyazey i dvoryan rossiyskikh i vyezzhikh [Genealogical book of Russian and foreign princes and nobles], 1. Moscow: V Universitetskoy tipografii N. Novikova, 1787. 393 p.

Spisok 100-go godu [Copy of 100th year]. *Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh gg. XVI v. [Millennium book of 1550 and Court register of 50-s of XVI c.]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1950, pp. 220–246.

Veselovskiy S. B., 1975. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. [Deacons and clerks of XV–XVII cc.]. Moscow: Nauka. 607 p.

About the author

Kurmanovskiy Vladimir S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kurmanovskiy@mail.ru

Е. И. Рузаева, А. В. Энговатова, А. В. Яганов

БЕЛОКАМЕННАЯ РЕЗЬБА В ДЕКОРЕ ФАСАДОВ ХРАМОВ ЯРОСЛАВЛЯ НАЧАЛА XIII в. (НАБЛЮДЕНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ)[1]

Резюме. При археологических исследованиях ярославских церквей начала XIII в., проведенных Институтом археологии РАН в 2005–2009 гг., обнаружено небольшое количество фрагментов белокаменной резьбы. Несколько обломков белокаменной резьбы хранится в Ярославском музее-заповеднике. Задача этой статьи состоит в атрибуции найденных артефактов и более широко – в постановке вопроса о применении резного декора в храмах Северо-Восточной Руси, построенных из плинфы в начале XIII в.

Ключевые слова: древнерусская архитектура начала XIII в., Ярославль, Успенский и Спасский соборы, фасадный декор кирпичных зданий, белокаменная резьба, анализ ее иконографии.

Особенность двух ярославских каменных построек начала XIII в. – Успенской церкви на «княжьем дворе» (1215 г.) и Спасо-Преображенской в Спасском монастыре (1216–1224 гг.) – состоит в малораспространенном в это время сочетании плинфяной кладки и фасадного белокаменного резного декора. Но о системе его расположения можно только догадываться, так как конструкций *in situ* первого памятника не выявлено вовсе, другой же сохранил лишь фундаменты и нижние участки стен[2].

В данной работе мы попытаемся проанализировать имеющийся материал, а также предположить его функциональное назначение и характер размещения на фасадах.

---

[1] Работа выполнена в рамках темы НИР «Хронологические индикаторы культурного слоя средневекового города (Торжок и Ярославль)» (НИОКТР АААА-А20-120070990064-2).

[2] Дабы не увеличивать объем статьи, по вопросам истории создания и последующего исследования двух ярославских храмов начала XIII в. мы отсылаем читателя к нашей работе: «К характеристике ярославской плинфы начала XIII века и строительства из нее (предварительные наблюдения)» в этом выпуске КСИА.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.294-304

Факт наличия белокаменной декорации Успенской церкви был констатирован Н. Н. Ворониным. В обзоре своих археологических раскопок, проведенных в 1940 г. в Рубленом городе Ярославля, он указал на фрагменты резного камня, хранящиеся в Ярославском музее. Среди них отмечена «плоская морда, полузвериная-получеловеческая, представляющая, по-видимому, часть целой фигуры» (*Воронин*, 1949. С. 188; 1962. С. 63) и два фрагмента «небольшого прямоугольного камня, украшенные по своим вертикальным сторонам геометрическим орнаментом…», которые по характеру резьбы «напоминают резьбу колончатого пояса Димитриевского собора во Владимире» (*Воронин*, 1949. С. 188).

Но если фрагменты с геометрическим орнаментом, как установлено нами, относятся к соборам рубежа XV–XVI вв. и 1660–1663 гг. (*Яганов, Энговатова*, 2014), то «плоская морда» – изображение львиной головы – хорошо вписывается в контекст владимиро-суздальской резьбы XII – начала XIII в. По сведениям Н. Н. Воронина, отщеп был найден на месте соборной колокольни, т. е. поступил в музей после ее разборки в 1929 г. По другой версии, он происходит из «фондов соборного дома», то есть хранившейся в нем части коллекции ЯГУАК. Также нами рассматривалась вероятность «неярославского» происхождения рельефа (*Яганов, Рузаева*, 2007. С. 239).

Фрагмент с размерами лицевой поверхности 130 × 150 мм[3] имеет множественные механические повреждения: от старых, затертых и загрязненных, до свежих, и следы выветривания. В углублениях рельефа и порах известняка сохранились незначительные следы обмазки (побелки) (рис. 1).

Материалом является довольно плотный камень, малопригодный для сложной, тонкой резьбы, поэтому линии рисунка лишь грубо намечены и не подвергались последующей детальной проработке (*Энговатова, Яганов*, 2011. С. 150, 151).

Округлая, уплощенная, несколько вытянутая снизу вверх морда изображенного существа смещена с вертикальной оси симметрии. Личина имеет низкий лоб, покрытый редкими прядями шерсти или волос, мясистый нос с широко раздвинутыми ноздрями, выпуклые асимметричные глазные яблоки с заглубленными зрачками, сильно выступающие одутловатые щеки, толстые губы, сжатые посередине. Овал маски обведен бородой или гривой, напоминающей львиную. Просматриваются маленькие округлые уши, которые намечены резчиком в общих чертах и сильно повреждены старыми сколами на рельефе. Толщина сохранившейся белокаменной детали – 6 см, ее хвостовая часть сколота. На боковых поверхностях не просматривается никаких следов перехода к плоскости поля по периметру маскарона, поэтому невозможно установить, был ли данный отщеп частью горельефа или, согласно точке зрения Н. Н. Воронина, круглой скульптуры.

Наибольшее количество близких по стилистике львиных личин дает резьба Дмитриевского собора во Владимире. Как отмечает М. С. Гладкая, характерными особенностями таких изображений являются, к примеру, «пасть в виде лежащей восьмерки», челка и грива, представленные «в виде прямо или косо положенных валиков» (*Гладкая*, 2002. С. 10). Несмотря на грубость исполнения, рельеф

[3] Изр. 384. № 4994.

Рис. 1. Львиная маска из архитектурной коллекции ЯМЗ

нельзя отнести к поздним подражаниям. Его подлинность не вызывает сомнения, но происхождение и связь с Успенским собором неясны [4].

В пользу версии, подтверждающей наличие на Успенской церкви 1215 г. белокаменного фасадного декора, свидетельствуют находки, происходящие из шурфа, заложенного в 2008 г. на мысу Рубленого города (*Энговатова, Яганов*, 2011. С. 149, 150). Кроме обширного плинфяного материала, он дал три фрагмента белокаменной фасадной резьбы, которую, в отличие от львиной маски, невозможно не связывать со зданием 1215 г.

Все они относятся к резным полуколонкам, вероятно, разным, так как сколы не стыкуются между собой. Они выполнены из довольно мягкого известняка поделочного свойства, без заметных лакун и включений.

Самый крупный фрагмент имеет размеры 168 х 85 мм по лицевой поверхности, в глубину до скола – 63 мм (рис. 2: *а*). Он является краем полуколонки, точнее, больше половины детали занимает скругленная плоскость между собственно резьбой и заделкой в кладку (скол примерно соответствует этой границе). Эта плоскость покрыта тонким слоем обмазки. На поверхности хвостовой части

[4] Вероятно, атрибуционная ошибка Н. Н. Воронина связана с другим артефактом – фрагментом блока XVI в. с геометрическим орнаментом (Изр. 383. № 4979), на обороте которого имеется надпись тушью: «Найден у соборной колокольни 25. V. 1929 г.».

Рис. 2. Фрагменты белокаменной резьбы Успенского собора 1215 г.

детали заметны грубые следы ложчатой тески. На сохранившихся боковых плоскостях следов кладочного раствора не выявлено.

Собственно резьба представлена фрагментом сдвоенного обрамления-стебля, изогнутого по дуге, внутри которого располагался растительный орнамент, вероятно, в виде пальметт. От него сохранились три лепестка: два с заостренными концами и один со скругленным. Высота рельефа – от 4 до 8 мм, в заглубленных складках резьбы непосредственно на белом камне видны пятна колера красноватого оттенка.

Другой осколок (108 × 95 мм; 44 мм) аналогичен вышеописанному (рис. 2: *б*). Скругленная плоскость поля здесь сохранилась меньше; от орнамента прослеживается двухчастный стебель и примыкающие к нему с двух сторон лепестки, на резьбе которых заметны следы красноватого колера.

Небольшой (95 × 60; толщина – до 30 мм) удлиненный осколок камня с резьбой был обнаружен в 2009 г. на раскопе «Волжская набережная, д. 1». Он был вторично использован в качестве грузила рыболовной сети, в одном из его углов было просверлено отверстие (*Энговатова*, 2009. № 146). Но несмотря на малые размеры, он сохранил лицевую поверхность с участком обрамления и двумя лепестками, относящуюся, как и предыдущие, к полуколонке (рис. 2: *в*).

От перечисленных выше отличается четвертый фрагмент резьбы из шурфа 2008 г. (100 × 80 × 25–30 мм; высота рельефа – от 3 до 8 мм) (рис. 2: *г*). Здесь

поле плоское, а не скругленное; заглубленная резьба представляла собой, возможно, ряд пальметт и кринов. Сохранился один округлый завиток и часть второго, зеркально симметричного ему, которые соединялись «перехватом» в виде полумесяца; с противоположной стороны завиток соприкасается с еще одним аналогичным зеркально развернутым элементом. У белокаменного блока с резьбой сохранился участок ребра и отесанной боковой поверхности. Среди находок белого камня на других раскопах Рубленого города фрагментов, которые можно было бы определенно отнести к домонгольской резьбе, нет.

Находки 2008–2009 гг. позволяют сделать следующие наблюдения о белокаменном декоре на фасадах Успенского собора:

– три осколка белокаменных блоков из четырех происходят из однородной засыпки, которую по материалу можно отнести ко времени разборки Успенского собора 1215 г. на рубеже XV–XVI вв.;

– для резьбы использован идентичный по характеристикам известняк – мягкий, с небольшими порами;

– три из четырех фрагментов имеют однотипную резьбу и относятся к полуколонкам.

В Спасском монастыре три фрагмента белокаменных деталей с резьбой были найдены при археологических исследованиях М. К. Каргера 1958 г.[5] Еще один сколотый блок с рельефным орнаментом происходит из раскопок Архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1986 г. На наличие резьбы в Спасском соборе указывал Н. Н. Воронин, видимо, имевший возможность ознакомиться с находками 1958 г.: «Обломки резного белого камня представляют части орнаментального мотива – пальметты в круге, может быть, повторявшегося и образовавшего орнаментальный резной пояс» (*Воронин*, 1962. С. 66). Впоследствии О. М. Иоаннисян отметил, что «включение резных белокаменных деталей в плинфяную кладку, нехарактерное для киево-черниговских памятников рубежа XII–XIII вв., явилось данью собственной северо-восточной традиции и еще больше подчеркивало пластическую разработку фасадов» (*Иоаннисян*, 1997. С. 212–214).

Происхождение артефактов не вызывает сомнения – они имеют отношение к декору Спасского собора 1216 г. Все четыре фрагмента чрезвычайно близки по исполнению и, видимо, принадлежат одной композиции. Использованный известняк поделочного свойства, техническое исполнение рельефа визуально близко успенским деталям. Судя по толщине фрагментов, резьбу намеренно скалывали с поверхностей блоков при их перетеске для других целей, возможно, при строительстве в 1617–1619 гг. на месте домонгольского собора Входоиерусалимской церкви.

Один из фрагментов (115 × 180 мм; толщина – 105 мм) – угол белокаменного блока (рис. 3: *а*). На плоском поле рельефа вблизи ребра и боковых поверхностях наблюдается характерная ложчатая теска полосами. Орнаментальная резьба (высота – 5–7 мм) состоит из широкого дугообразного двухчастного стебля, к которому снаружи примыкает листок, контур которого заполнен порезкой.

[5] Фрагменты резьбы из раскопок 1958 г. в музейном собрании проходят одним шифром: ЯРМЗ 20127/1.

а *б* *в*

Рис. 3. Фрагменты белокаменной резьбы Спасского собора 1216 г. Спасо-Преображенского монастыря из архитектурной коллекции ЯМЗ

С другой стороны этого листка сохранился небольшой участок закругленной формы с утраченной лицевой поверхностью – часть еще одного листка либо стебля. Внутри дугообразного обрамления, на краю скола видна часть еще одного поврежденного лепестка.

Этот обломок стыкуется с другим, меньшего размера (90 × 120 мм; толщина – 70 мм), также сохранившим часть боковой поверхности блока (рис. 3: *б*). Резьба представляет собой крупный лепесток с заостренным концом, обведенный рамкой по контуру и заполненный внутри порезкой из более мелких листьев. На небольшом участке просматривается также след сбитого рельефа дугообразного обрамления.

В отличие от первых двух, относящихся к плоскому блоку, третий фрагмент (100 × 170 мм; толщина – 90 мм), видимо, был частью полуколонки, так как фон резьбы на нем образует скругленную поверхность (рис. 3: *в*). Ребра детали утрачены, но, видимо, этот фрагмент располагался на краю рисунка, поблизости от места заделки в кладку. Рельеф представляет собой изогнутый двухчастный стебель, раздваивающийся на практически прямую и дугообразную половины. Внутри дуги сохранился лишь небольшой участок фона, заглубленного относительно внешней поверхности.

ААЭ Государственного Эрмитажа найден крупный фрагмент плоского блока (240 × 185 мм; толщина – 75 мм) с орнаментальной резьбой аналогичного характера (рис. 4). На нем два сдвоенных стебля переплетаются, образуя узел. Между стеблями сохранились фрагменты двух крупных листьев (часть пальметты?), контуры которых заполнены мелкой порезкой, и более мелкого пальметтообразного «цветка» (*Иоаннисян*, 1997. С. 221).

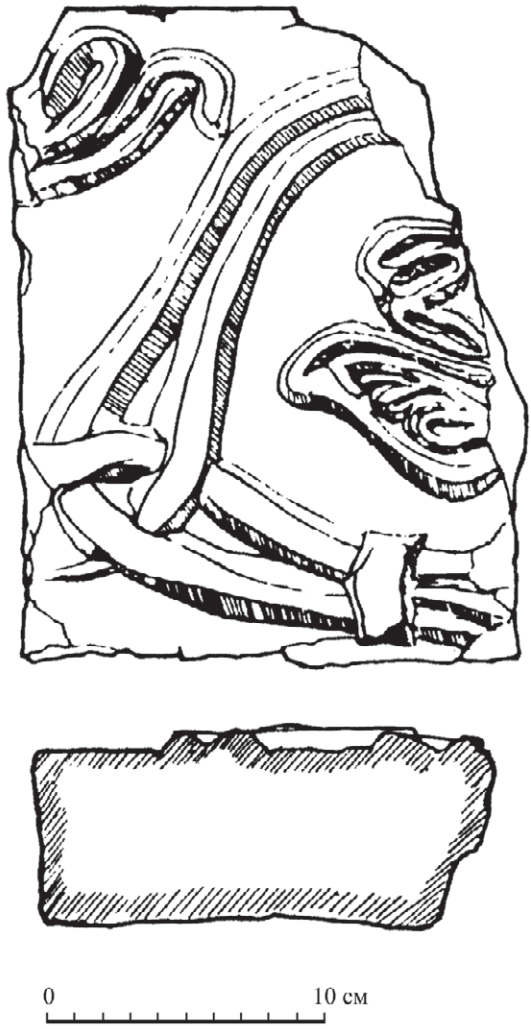


Рис. 4. Чертеж фрагмента белокаменной резьбы из находок в Спасо-Преображенском монастыре ААЭ ГЭ 1986 г.

В складках резьбы трех фрагментов сохранились минимальные следы известковой обмазки, но покрасок нигде не прослеживается. На боковой поверхности одной из деталей (рис. 3: *а*) зафиксирован тонкий (до 3 мм и менее) слой кладочного раствора белого цвета, содержащего небольшое количество наполнителя из мелкого песка, что указывает на применение жидкой известковой смеси, которой заполнялись швы плотно притесанных блоков. Как эта белокаменная технология соседствовала с кладкой из плинфы, для которой использовались толстые швы с раствором, содержащим наполнитель средней фракции, не вполне ясно.

Место находки трех фрагментов определяется довольно точно – траншея, заложенная при исследованиях 1958 г. вдоль алтарных апсид Спасского собора 1515 г. и части северной стены Входоиерусалимской церкви 1617–1619 гг. Артефакт, обнаруженный в 1986 г., согласно тексту отчета, находился среди кусков тесаных блоков «в кладке… завала», лежащего «вплотную к внутреннему обрезу кладки фундаментов собора XVI в.» в «осевой точке апсиды» (*Иоаннисян*, 1986. Л. 12)[6]. С большой долей осторожности можно предположить, что декор относится к северному фасаду Спасского собора 1216 г.

Подобное сочетание кирпичной кладки и белокаменной резьбы в этот период не имеет аналогов вне Ярославля. Как мы уже отмечали, ближайшими прото-типами данной строительной технологии могут быть две постройки: ранняя – Борисоглебский собор в Чернигове (между 1115 и 1123 гг., по П. А. Раппопорту: *Раппопорт*, 1982. С. 41) – и значительно более поздняя и близкая ярославским храмам по времени – Борисоглебский храм в Старой Рязани (1190-е гг., по Л. А. Беляеву: *Беляев*, 2005. С. 139), но ни в одном, ни в другом случае мы не можем наблюдать *in situ* ни мест установки белокаменных деталей в кирпичной кладке, ни даже их следов. Поэтому невозможно с уверенностью судить не только о технологических моментах установки резных блоков, но иногда и о принадлежности этих элементов конкретному зданию (как, например, в случае со Старой Рязанью)[7].

Судя по невысокому рельефу, его огрубленному схематичному исполнению, произвольно расположенным осям раппортов орнамента, который не связан с разбивкой на блоки, резьба ярославских храмов выполнялась по месту, а не вырезалась до установки блоков в кладку стен с подгонкой рисунка. Исключением является деталь с львиной маской, которая заметно отличается от образцов, найденных при раскопках, и относится к распространенному во владимиро-суздальском зодчестве типу фасадной скульптуры.

Несмотря на значительную площадь археологических исследований (как, например, в Спасском монастыре), находок фрагментов декора крайне мало, что может говорить о локальном применении белокаменной резьбы на фасадах. Например, судя по сколам колонок, ею могли быть украшены перспективные порталы. С большим сомнением следует отнестись к реконструкциям, выполненным по результатам раскопок ААЭ ГЭ. Здесь на фасадах комплекса Спасского собора и мифической Входоиерусалимской церкви 1216–1221 гг. показаны аркатурный пояс под окнами верхнего света четверика, белокаменные капители и «панно» в центральной закомаре. Тогда, учитывая перетеску блоков при поздних перестройках, на площадке вокруг собора должно было бы отложиться значительно большее количество осколков белого камня, в том числе и с фрагментами резьбы.

Но в прикладках, сделанных при перестройке Спасского собора во второй половине XV в., мы видим только пористые блоки органогенного известняка,

[6] Ознакомиться с артефактом и прояснить некоторые нюансы резьбы не удалось, так как индивидуальная часть археологической коллекции 1986 г. была вывезена исследователями в Государственный Эрмитаж.

[7] Наблюдение Л. А. Беляева (2005. С. 144).

который не пригоден для резьбы, а в стенах Входоиерусалимской церкви 1617–1619 гг. – гладко обработанные постелистые блоки, широко применяемые в строительстве рубежа XVI–XVII вв. Просмотрев белый камень, использованный в нижних частях стен начала XVII в., мы нигде не увидели поверхностей с характерными для домонгольского времени следами «ложчатой отески», следовательно, во вторичном использовании он не применялся. Значит, при строительстве Спасского собора в 1216 г. этот материал применялся в небольших объемах и, видимо, только для декоративных элементов.

Возможно, приводимые нами аргументы покажутся довольно гипотетичными, но количество и качество доступного археологического материала не дает оснований для окончательных выводов. Главными из них мы считаем подтверждение факта наличия на фасадах Успенского и Спасского соборов белокаменного декора, характер его исполнения – невысокая грубоватая резьба, выполнявшаяся непосредственно на фасаде, ограниченность использования камня.

Остается открытым вопрос атрибуции львиной маски, уверенное отнесение которой к Успенской церкви 1215 г. невозможно по высказанным нами причинам. Если принять эту гипотезу, следует предположить и наличие на фасадах этой церкви богатого и развитого декора, подобного Дмитриевскому собору во Владимире, что, по нашему мнению, все же маловероятно.

Из общих результатов исследований еще раз подчеркнем уникальность для 10-х гг. XIII в. применения белокаменного резного декора на кирпичных фасадах, вкупе с новой технологией кирпичной кладки с тонкими швами. Все это можно рассматривать как попытки унифицировать распространенные в XII–XIII вв. на Северо-Востоке Руси строительные методики, которые по ряду известных и неизвестных причин не получили дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А., 2005. Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004 гг.) // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 105–153.

Воронин Н. Н., 1949. Раскопки в Ярославле // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов / Под ред. Н. Н. Воронина. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1. С. 177–192. (МИА; № 11).

Воронин Н. Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР. 557 с.

Гладкая М. С., 2002. Изображение львов в резьбе Дмитриевского собора во Владимире. Владимир. 153 с. (Дмитриевский собор во Владимире. Материалы и исследования; вып. 2.)

Иоаннисян О. М. Отчет о работах Ярославского отряда Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и Гос. Эрмитажа в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12454.

Иоаннисян О. М., 1997. Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век / Ред. А. Л. Баталов и др. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 199–228.

Раппопорт П. А., 1982. Русская архитектура X–XIII вв.: каталог памятников. Л.: Наука. 136 с. (САИ; вып. Е1-47.)

Энговатова А. В. Отчет об охранных археологических раскопках в Ярославле по адресу Волжская наб., д. 1 в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 30437. Т. 3.

Энговатова А. В., Яганов А. В., 2011. Новые данные об Успенском соборе XIII в. в Рубленом городе Ярославля // РА. № 3. С. 144–153.

Яганов А. В., Рузаева Е. И., 2007. Успенский собор в Ярославле. История и археология. Результаты архитектурно-археологического изучения в 2004–2006 годах // Археология: история и перспективы: Третья межрегион. конф.: сб. ст. / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 226–246.

Яганов А. В., Энговатова А. В., 2014. Археологические находки белокаменного декора и их значение для реконструкции фасадов ярославского Успенского собора рубежа XV–XVI вв. // КСИА. Вып. 236. С. 211–219.

Сведения об авторах

Рузаева Екатерина Ивановна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ruzaeva-ei@mail.ru;

Энговатова Ася Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: engov@mail.ru;

Яганов Андрей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: yagav@yandex.ru

E. I. Ruzayeva, A. V. Engovatova, A. V. Yaganov

WHITE-STONE CARVING IN THE FAÇADE DECORATION OF THE YAROSLAVL CHURCHES IN THE EARLY 13th CENTURY: OBSERVATIONS AND PRELIMINARY CONCLUSIONS

Abstract. Archaeological excavations of Yaroslavl churches dating to the early 13th century conducted by the Institute of Archaeology, RAS in 2005–2009 revealed a limited number of fragments with white-stone carving. Several fragments of the white-stone carving are also kept in the Yaroslavl museum reserve. The task of this paper is to attribute the found artifacts and, more broadly, raise an issue on application of carved decoration in the churches of Northeastern Rus built from plinth early in the 13th century.

Keywords: Medieval Russia architecture in the 13th century, Yaroslavl, Assumption and St. Savior Cathedrals, façade decoration of brick buildings, white-stone carving, analysis of its iconography.

REFERENCES

Belyaev L. A., 2005. Borisoglebskiy khram: novye issledovaniya (1999–2004 gg.) [Sts. Boris and Gleb church: new investigations (1999–2004)]. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [Grand principality of Ryazan. Historical and archaeological investigations and materials]*. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 105–153.

Engovatova A. V. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v Yaroslavle po adresu Volzhskaya nab., d. 1 v 2009 g. [Report on protectional archaeological excavations in Yaroslavl, Volzhskaya nab., 1 in 2009]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Engovatova A. V., Yaganov A. V., 2011. Novye dannye ob Uspenskom sobore XIII v. v Rublenom gorode Yaroslavlya [New data on Assumption cathedral of XIII c. in Ryblenyy gorod of Yaroslavl]. *RA*, 3, pp. 144–153.

Gladkaya M. S., 2002. Izobrazhenie l'vov v rez'be Dmitrievskogo sobora vo Vladimire [Image of lions in stone-carving of St. Dmitry cathedral in Vladimir]. Vladimir. 153 p. (Dmitrievskiy sobor vo Vladimire. Materialy i issledovaniya, 2.)

Ioannisyan O. M. Otchet o rabotakh Yaroslavskogo otryada Arkhitekturno-arkheologicheskoy ekspeditsii LOIA AN SSSR i Gosudarstvennogo Ermitazha v 1986 g. [Report on works of Yaroslavl group of Architectural and archaeological expedition of LOIA of Academy of Sciences of the USSR and State Hermitagein 1986]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Ioannisyan O. M., 1997. Kompleks drevneyshikh postroek Spasskogo monastyrya v Yaroslavle [Complex of earliest constructions of the Spasskiy monastery in Yaroslavl]. *Drevnerusskoe iskusstvo: Rus'. Vizantiya. Balkany. XIII vek [Ancient Russian art: Rus. Byzantium. Balkans. XIII century]*. A. L. Batalov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 199–228.

Voronin N. N., 1949. Raskopki v Yaroslavle [Excavations in Yaroslavl]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov [Materials and investigations on archaeology of ancient Russian cities]*. N. N. Voronin, ed. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, pp. 177–192. (MIA, 11.)

Voronin N. N., 1962. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vv. [Architecture of North-Eastern Rus of XII–XV cc.], 2. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 557 p.

Yaganov A. V., Engovatova A. V., 2014. Arkheologicheskie nakhodki belokamennogo dekora i ikh znachenie dlya rekonstruktsii fasadov yaroslavskogo Uspenskogo sobora rubezha XV–XVI vv. [Archaeological finds of white limestone decorative details and reconstruction of the façades of Assumption Cathedral in Yaroslavl at the turn of XV–XVI cc.]. *KSIA*, 236, pp. 211–219.

Yaganov A. V., Ruzaeva E. I., 2007. Uspenskiy sobor v Yaroslavle. Istoriya i arkheologiya. Rezul'taty arkhitekturno-arkheologicheskogo izucheniya v 2004–2006 godakh [Assumption cathedral in Yaroslavl. History and archaeology. Results of architectural and archaeological research in 2004–2006]. *Arkheologiya: istoriya i perspektivy: Tret'ya mezhregional'naya konferentsiya [Archeology: history and prospects: The third interregional conference*. A. E. Leont'ev, ed. Yaroslavl: Yaroslavskiy muzey-zapovednik, pp. 226–246.

About the authors

Ruzaeva Ekaterina I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ruzaeva-ei@mail.ru;

Engovatova Asya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: engov@mail.ru;

Yaganov Andrey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: yagav@yandex.ru

А. В. Вяземский, П. Д. Малыгин

К ВОПРОСУ О ЮВЕЛИРНОМ ДЕЛЕ ТОРЖКА В ПЕРИОД XII – НАЧАЛА XIII в.

Резюме. Данная статья входит в цикл публикаций, посвященных исследованию ювелирного дела домонгольского Торжка. В научный оборот вводятся находки, служащие своего рода маркерами мастерских, в которых изготавливались статусные ювелирные изделия с использованием в том числе технологии тиснения. Публикуются данные, полученные в ходе применения естественно-научных методов исследования.

Ключевые слова: Средневековье, Торжок, домонгольский город, ювелирное производство, матрица, накладка, тиснение.

Необычайное многообразие изделий прикладного искусства из меди, серебра и золота, характеризуемых древнерусским словом «узорочье», является неисчерпаемым источником для изучения ремесла Древнерусского государства в домонгольский период.

Долгое время большинство исследователей ювелирных изделий, приемов и техник их изготовления в первую очередь обращали свой взор на города Среднего Приднепровья (Киев, Чернигов, Переяславль Русский, Любеч), Поочья и Волго-Окского междуречья (Старая Рязань, Владимир, Суздаль) (*Рыбаков*, 1948. С. 238, 239; *Постникова-Лосева*, 1981. С. 16), а также на Великий Новгород (*Жилина, Макарова*, 2008. С. 53) и ряд кладов XII–XIII вв., найденных вне городов (*Рыбаков*, 1948. С. 239, 243, 245; *Корзухина*, 1954).

При этом города, упоминаемые в качестве центров элитарного ювелирного производства, являлись, как правило, столицами земель-княжеств, а так называемые малые города зачастую оставались на втором плане (*Куза*, 1989. С. 11).

Однако археологические исследования последних лет на территории этих городов показали, что некоторые из них также являлись центрами ювелирного производства, уровень которого не уступал столичным. В их число входит средневековый Торжок, расположенный на юго-востоке Новгородских земель.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.305-312

Помимо бронзолитейных мастерских, уже обнаруженных на территории Верхнего городища Торжка, одной домонгольской (раскопки 1981 г.), другой XIV в. (раскопки 2005 г.), были обнаружены уникальные находки, ставшие своего рода ключевыми для изучения ювелирного дела домонгольского Торжка. Одна из них является предметом, случайно найденным в 1993 г. на берегу р. Тверцы (в районе Спасо-Преображенского собора) на территории Нижнего городища, являвшегося частью Новоторжского кремля (рис. 1). Эта находка представляет собой металлическое изделие, выполненное в технике литья, своей формой напоминающее древо или криновидную подвеску. Размеры по вертикальной оси – 3,7 см, по горизонтальной оси – 3,2 см, толщина – 2,8 мм. Находка впоследствии была сдана в фонды Всероссийского историко-этнографического музея (ВИЭМ)[1] (рис. 3: *а*), но не была детально атрибутирована и многие годы оставалась загадочным экспонатом. Прошло двадцать пять лет, прежде чем появилась возможность дать четкую датировку и функциональную принадлежность этого изделия.

Ключом к разгадке послужил клад ювелирных украшений, найденный в 2010 г. Новоторжской археологической экспедицией (директор *Н. А. Сарафанова*, научный руководитель *П. Д. Малыгин*) при проведении охранно-спасательных работ на том же Нижнем городище в ста – ста двадцати метрах от находки 1993 г. (рис. 1). Площадь раскопа составила 244 кв. м, мощность культурных напластований – 2,5 м, при этом толщина средневекового слоя составила 1,4 м. Клад был найден на отметке -209 от нулевого репера в слое пожара (черный суглинок с углем и речным песком), связанного с взятием и разгромом Торжка монголо-татарами 5 марта 1238 г. В процессе детального изучения клада было установлено, что комплекс состоит из 250 предметов. Помимо крупных украшений в виде шестилучевых звездчатых колтов, трехбусинных височных колец, рясен и наборов металлических бусин были выявлены так называемые пришивные, или нашивные, накладки, составившие большую часть клада[2] (рис. 2). В ходе реставрации (в момент разборки комплекса) накладки, выложенные своеобразными рядами в остатках культурного слоя, имитировали геометрические и растительные узоры на ткани, к которой они пришивались. К сожалению, сказать, как конкретно выглядело текстильное основание, из какого сырья изготовлено и было ли окрашено, невозможно, так как оно было практически полностью утрачено в ходе реставрации.

Исходя из морфологических особенностей накладки подразделяются на несколько групп, одна из которых (11 экземпляров) имеет условную форму древа со следующими размерами: по вертикальной оси – 3,9 см, по горизонтальной оси – 3,4 см, глубина – 3 мм (расстояние между внутренним контуром изделия и его внешней поверхностью) (рис. 3: *б*). Именно в этот момент родилась идея сопоставить находку 1993 г. и накладку из этой группы клада 2010 г. (рис. 4). В результате оказалось, что изделия полностью повторяют форму друг друга, причем первое изделие полностью укладывалось во внутреннюю часть второго,

[1] ВИЭМ. Фонд хранения археологических источников (коллекция «Археологии») Инв. № 281, № по КП 5864.

[2] Фонды ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник».

Рис. 1. План-схема с указанием местонахождения матрицы (1993 г.) и Новоторжского клада (2010 г.)

А – Верхнее городище; *Б* – Нижнее городище; *В* – место нахождения матрицы (1993 г.); *Г* – место нахождения Новоторжского клада (2010 г.)

Рис. 2. Пришивные накладки в виде древа в процессе разборки Новоторжского клада (2010 г.)

Рис. 3. Матрица (*а*) – находка 1993 г. и накладка (*б*) – находка 2010 г.

Рис. 4. Матрица и накладка (совмещение, лицевая сторона)

оставляя небольшие зазоры по контуру накладки, что свойственно для украшений, выполненных с помощью матриц (рис. 5). Следовательно находка, обнаруженная у Спасо-Преображенского собора, является матрицей для изготовления накладок в технике тиснения, входящих в комплекс украшений Новоторжского клада 2010 г.[3]

Впоследствии были проведены дополнительные исследования с применением рентгенофлюоресцентного (далее – РФА) анализа (анализатор «МетЭксперт» в режиме «ЮВ» (ювелирный))[4].

РФА находки 1993 г. показал сплав металлов следующего состава:

– лицевая сторона:
  Cu 95,370 %; Pb 3,513 %.

Исходя из данных РФА, можно сделать вывод, что материал, из которого изготовлена матрица, является так называемой грязной медью.

[3] Выражаем благодарность главному хранителю фондов ВИЭМ Елене Валерьевне Ефремовой и хранителю фондов археологии Оксане Викторовне Жигаловой, всячески способствовавшим нашей работе с матрицей.

[4] Рентгенофлюоресцентный анализ проведен в Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова на кафедре реставрации художественного металла.

Рис. 5. Матрица и накладка (совмещение, оборотная сторона)

РФА накладки из Новоторжского клада 2010 г. показал сплав металлов следующего состава:

– внешняя поверхность:
  Cu 3,576 %; Ag 75,170 %; Au 2,824 %; Hg 16,430 %;
– внутренняя поверхность:
  Cu 3,586 %, Ag 76,172 %.

Исходя из данных РФА, можно сделать вывод, что накладка изготовлена из серебра с тонким слоем позолоты на внешней поверхности, нанесенной приемом огневого золочения, о чем свидетельствует наличие ртути на внешней поверхности изделия.

По мнению А. Л. Монгайта и В. П. Даркевич, матрица для тиснения и накладки, выполненные с ее помощью, найденные в Старой Рязани на относительно небольшом расстоянии друг от друга, является доказательством наличия мастерской по изготовлению подобного рода изделий (*Монгайт*, 1955. С. 135, 136; *Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 191, 192). Ярким примером подобного рода ситуаций может явиться найденный в 2013 г. семнадцатый по счету клад из Старой Рязани, где помимо ювелирных изделий на относительно небольшом расстоянии от них найдены ювелирные матрицы, одна из которых повторяет криновидную подвеску из клада (Старая Рязань…, 2014. С. 97, 98; *Жилина*, 2010. С. 28). В этой связи становится абсолютно ясным, что найденная в 1993 г. матрица для производства тисненых накладок в контексте Новоторжского клада 2010 г.

является прямым доказательством наличия сложнейшего ювелирного производства на территории домонгольского Торжка (не позднее начала XIII в.). Таким образом, на карту домонгольских центров изготовления древнерусских статусных ювелирных украшений из драгоценных металлов следует нанести и Торжок.

ЛИТЕРАТУРА

Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. 225 с.
Жилина Н. В., 2010. Тисненый убор по древнерусским кладам X–XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти). М.: STRATUM. 144 с.
Жилина Н. В., Макарова Т. И., 2008. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М.: ИА РАН. 296 с.
Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 156 с. LXII табл. 5 карт.
Куза А. В., 1989. Малые города Древней Руси. М.: Наука. 168 с.
Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР. 228 с. (МИА; № 25.)
Постникова-Лосева М. М., 1981. Русская золотая и серебряная скань. М.: Искусство. 287 с.
Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 784 с.
Старая Рязань: Клад 2005 года / Отв. ред. А. В. Чернецов. СПб.: М.: Нестор-История, 2014. 103 с.

Сведения об авторах

Вяземский Алексей Вячеславович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vjazemskiy@icloud.com;

Малыгин Петр Дмитриевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: Malygin.PD@tversu.ru

A. V. Vyazemskiy, P. D. Malygin

THE ISSUE OF TORZHOK JEWELRY MAKING IN THE 12th – EARLY 13th CENTURIES REVISITED

Abstract. This paper enters a series of publications related to the study of jewelry making in pre-Mongol Torzhok. The paper introduces into scientific discourse finds that may be used as markers of the shops where prestigious jewelry pieces were made including those produced with application of embossing technique. It publishes the data obtained by applying scientific methods of research.

Keywords: medieval period, Torzhok, pre-Mongol town, jewelry making, die, plate, embossing.

REFERENCES

Darkevich V. P., Borisevich G. V., 1995. Drevnyaya stolitsa Ryazanskoy zemli [Old capital city of Ryazan land]. Moscow: Krug”. 225 p.
Korzukhina G. F., 1954. Russkiye klady IX–XIII vv. [Russian hoards of IX–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR. 156 p., LXII tabl., 5 maps.
Kuza A. V., 1989. Malyye goroda Drevney Rusi [Minor towns of Ancient Rus]. Moscow: Nauka. 168 p.
Mongayt A. L., 1955. Staraya Ryazan’ [Staraya Ryazan’]. Moscow: Izdatel’stvo AN SSSR. 228 p. (MIA, 25.)
Postnikova-Loseva M. M., 1981. Russkaya zolotaya i serebryanaya skan’ [Russian golden and silver filigree work]. Moscow: Iskusstvo. 287 p.

Rybakov B. A., 1948. Remeslo Drevney Rusi [Ancient Russia craft]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 784 p.

Staraya Ryazan': Klad 2005 goda [Staraya Ryazan': 2005 hoard]. A. V. Chernetsov, ed. St. Petersburg: Moscow: Nestor-Istoriya, 2014. 103 p.

Zhilina N. V., 2010. Tisnenyy ubor po drevnerusskim kladam X–XIII vv. (ot ornamental'nogo rifleniya do emblemy knyazheskoy vlasti) [Embossed attire based on ancient Russian hoards of X–XIII cc. (from ornamental fluting to emblem of princely power)]. Moscow: STRATUM. 144 p.

Zhilina N. V., Makarova T. I., 2008. Drevnerusskiy dragotsennyy ubor – splav vliyaniy i traditsiy IX–XIII vv.: Khudozhestvennyye stili i remeslennyye shkoly [Ancient Russian precious attire – a fusion of influences and traditions of IX–XIII cc.: Art styles and craft schools]. Moscow: IA RAN. 296 p.

About the authors

Vyazemskiy Aleksey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: vjazemskiy@icloud.com;

Malygin Petr D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Malygin.PD@tversu.ru

И. Л. Кызласов

ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОСИБИРСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Резюме. Своеобразие Южной Сибири заключено в зримости древних памятников. Созданные из камня, они стали обязательной частью местного пейзажа. Среди них и надо осознавать остатки средневековья. Как тогда воспринимались памятники предыдущих культур, прослежено на писаницах, могильниках и в храмовых центрах Хакасии. Рисунки, а затем геральдические знаки и молитвенные надписи средневековья не нарушают, а дополняют петроглифы былых времен, значит, сохранялись горные культы. Курганы VI–VIII вв. продолжают кладбища II в. до н. э. – V в. н. э., видно, осознавались кровные связи с предками. В VIII в. манихейский храм возвели в долине, где по XX в. оставались не потревоженными 14 скульптур и около 15 менгиров. Храм действовал среди языческих идолов – ближайшие монолиты были от него в 100–150 м. Достигнув Енисея, манихейство включило в свою религиозную практику местную руническую письменность, а вместе с нею, как теперь видим, и основной комплекс традиционного мировоззрения, тесно связанного с почитанием памятников древности. Взаимное проникновение привнесенных и местных верований сформировало новое религиозное направление – северное, сибирско-тюркское манихейство.

Ключевые слова: средневековье Южной Сибири, отношение последующих культур к предыдущим, сибирско-тюркское манихейство.

Археологическая наука в России началась с раскопок, произведенных с исследовательской целью первой русской экспедицией Д. Г. Мессершмидта 1–6 января (12–17 по новому стилю) 1722 г. на землях лишь за три года до этого присоединенной Хакасии (*Кызласов*, 1962. С. 51, 52; *Савинов*, 2017. С. 87–89).

1. В течение трех веков в археологии Южной Сибири сделано очень много. Однако остаются до конца не осознанными значимые отличия в восприятии

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.313-327

этих земель профессиональной наукой. Кардинальное своеобразие Саяно-Алтайского нагорья заключено в зримости памятников предшествующих эпох[1].

Хакасско-Минусинская котловина не составляет в этом исключения. Здесь повсюду на виду стоят древние, устроенные из камня или отмеченные монолитами курганы, изваяния, стелы и менгиры, на горах высечены наскальные рисунки и рунические надписи, высятся крепостные стены. Трудно найти иные земли, где было бы столь большое число и такое разнообразие зримых памятников древности. По многочисленности они стали повсеместной приметой здешнего пейзажа, частью окружающей природы.

Таким образом, средневековые древности Южной Сибири приходится воспринимать среди памятников предшествующих культур – зримых не только для нас, но и бывших непременной деталью окружавшего ландшафта для создателей всякой средневековой культуры и любого ее объекта. Понимание этого по необходимости должно отличать профессиональное сознание археолога-медиевиста, изучающего Саяно-Алтайское нагорье.

Казалось бы, в осознании сказанного исследователь средневековья не отличается от иных специалистов: все последующие культуры региона неизбежно воспринимали памятники предыдущих. Хорошо известно, например, массовое вторичное использование сакральных изображений на плитах в могилах окуневской и, реже, андроновской культур эпохи бронзы (хотя внешне подобное явление отмечается и с собственно карасукскими петроглифами, пошедшими на каменные стенки могил той же культуры). Исследователи раннего железного века и начала средневековья знакомы с переиспользованием изваяний, стел и менгиров первобытности в курганных конструкциях тагарской, изваяний и менгиров бронзового и раннего железного веков – в поминальных рядах таштыкской культуры.

Однако завершающей археологическую шкалу медиевистике более всего следует учитывать существование изучаемых ею памятников в открытом историческом ландшафте – среди зримых форм древностей всех предшествующих культур. Следовательно, для исследователей Саяно-Алтая насущен вопрос, каким было восприятие памятников былых времен в местных средневековых культурах.

2. Осознавая проблему, сегодня практически нечего сказать об *обыденных сферах жизни* того времени. В долинах верхнего и среднего течения Енисея и Катуни господствует курганная археология, ибо примат кочевниковедения поныне препятствует становлению здесь поселенческой тематики. И это несмотря на то, что с тех самых раскопок Д. Г. Мессершмидта хорошо известно возведение на Среднем Енисее бревенчатых погребальных конструкций, включая срубы и клети. Как и вопреки тому, что на Горном Алтае фундаментальные срубные сооружения были открыты в мерзлотных курганах в 1865 г. В. В. Радловым, а начиная с конца 1920-х гг. – блестящими раскопками М. П. Грязнова и С. И. Руденко. Эти работы с несомненностью доказали обыденность наземных срубных жилищ в раннем железном веке Южной Сибири. Их самобытные формы сохранялись

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания АААА-А18-118011790092-5 «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований».

по всему Саяно-Алтаю вплоть до живых этнографических культур коренных народов (*Кызласов*, 2011. С. 38–71).

Лишь горные крепости-сіве средневековья, расположение которых в Хакасско-Минусинской котловине частенько совпадает с былым размещением на вершинах святилищ эпохи ранней и развитой бронзы, предоставляют для наших поисков формальные возможности. Однако подчиненные оборонительным целям, они не могут относиться к объектам обыденной жизни и помимо военных также могли отвечать сакральным нуждам своего времени.

Иначе восприятие зримых древних памятников проявляют долинные средневековые крепости Хакасии. К таковым относятся те твердыни, которые многокилометровыми стенами и рвами закрывают лога и внутренние долины отдельных горных массивов. Например, Борбаковская крепость (Белый город русских источников XVII в.) на Черном Июсе (Хара Ўўс) и Оглахтинская крепость на Енисее (Ким суг), протяженностью соответственно 4 и 25 км. Стена Оглахтинской крепости трижды (в устье Моховского и Силосного логов, а также на сопке Крепость) обходит, оставляя внутри обороняемых земель, хорошо заметные курганные могильники тагарской культуры (ранний железный век, пункты Оглахты I, II и IV), что в целом сопоставимо с размещением за укреплениями средневековых курганов древнехакасской аскизской культуры. Показательно, что в том же Моховском логу средневековая стена перерезает, разрушая, поныне малозаметные каменные ящики фактически грунтовых захоронений карасукской культуры эпохи бронзы (*Кызласов*, 1969. С. 245;1970. С. 197, 199; Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1968 г. С. 141, 142; Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. С. 131).

3. Восприятие памятников предшествующих культур в *культовой жизни* средневековья отражено многообразно. В этой сфере следует рассматривать, по крайней мере, три рода средневековых древностей: писаницы, курганные могильники и храмовые центры. Вместе с тем сделанные в последние десятилетия археологические открытия разделяют южносибирское средневековье на два разных мировоззренческих периода: до середины VIII в. Саяно-Алтайское нагорье существовало вне зоны мировых религий, с 60-х гг. VIII в. в Древнехакасском государстве произошло принятие манихейства, на долгие столетия ставшего официальным вероисповеданием (*Кызласов Л. Р.*, 1998; *Кызласов И. Л.*, 2003в. С. 3, 4 и библиография).

3.1. В науке все еще живут сомнения, когда появляются на Среднем Енисее наскальные рисунки: то ли в позднем неолите, то ли в раннем бронзовом веке. Так или иначе, но с тех давних пор петроглифы непрерывно создавались во все времена, кончая традиционными этнографическими культурами. На протяжении всех этих эпох создание наскальных изображений отмечало существование горных культов.

В отличие от иных эпох писаницы средневековья в Хакасско-Минусинской котловине не перекрывают петроглифы любой предшествующей поры. В IX–X вв. лично-фамильные тамги местной аристократии появляются на утесах, покрытых разновременными петроглифами. Подобную картину встречаем, например, на Писанной горе (*Appelgren-Kivalo*, 1931. Abb. 66) или на обращенных к р. Тубе скалах горы Тепсей, которую рунические надписи прямо называют

божеством – è ð Ú ò : é ø á ò *Tebsej teŋri* (*Кызласов*, 1992; 1994. С. 187). Геральдические отметки выбиты среди, но лишь в деликатном соседстве с рисунками любых культур: эпохи ранней и развитой бронзы и раннего железного века (*Шер*, 1980. Рис. 72; 73; *Blednova et al*., 1995. Pl. 26, 2.3, 2.8–2.11; 27, 5.1–5.5; 46, 21.1–21.5; 62, 71.1) (рис. 1), иногда образуют самостоятельные ряды от 2–3 до 10 экземпляров (*Адрианов А. В*. Писаницы… Л. 56, 63, 66 сл.; Текст отчета…). В таких обстоятельствах нанесение личных гербовых знаков можно объяснять совершенным поклонением горному божеству на издавна намоленном месте.

В ряде случаев тамги ставятся избирательно, явно соотносясь с конкретным древним изображением или композицией (*Шер*, 1980. Рис. 120: *1–3*; *Sher et al*., 1994. Fig. 21: *1*; Oglakhty I, 10.1–10.3, 10. 5, 10, 6). Возможно, с уже бывшим на скале образом люди связывали свои чаяния, и тамга указывала на конкретного человека, желавшего воплощения изображенного. Нанесение знака здесь также имело, по сути, молитвенный характер (*Кызласов*, 2014а. С. 54–56). Неслучайно тамги двух поколений одной семьи выбиты над двумя снаряженными лошадьми, ведомыми антропоморфной фигурой – композицией раннего железного века (тагарская культура) (рис. 2: *1, 3*). Судя по прослеженным этапам развития тамг этого семейства, оглахтинскую геральдику следует относить к концу IX в. (ср.: *Кызласов*, 1965. Рис. 1: *3–17*; 7: *1*).

3.2. Вполне очевидно, что как древние, так и более ранние средневековые писаницы продолжают почитаться позднее. В том убеждает размещение тамг IX–X вв. по сторонам плоскости, занятой изображениями знаменитой Сулекской писаницы (*Appelgren-Kivalo*, 1931. Abb. 77). Вместе с иконографическими признаками это обстоятельство позволяет отнести начальное сложение петроглифических композиций к предшествующему времени, т. е. к VIII в. (*Кызласов И. Л.*, 1998. С. 39–43).

С появлением на скалах аристократических тамг на писаницы начинают наносить и краткие енисейские рунические надписи. В Хакасско-Минусинской котловине они также никогда не вырезались поверх петроглифов. Строки идут выше или по краю поля с изображениями (*Appelgren-Kivalo*, 1931. Abb. 63), а также извиваются меж фигур предшествующих времен (*Кызласов*, 1994. Рис. 21; 22; 25; 2008. Рис. 2; 4; 5). На соседних землях Саяно-Алтая – в Тувинской котловине и на Горном Алтае – наскальная эпиграфика размещается иначе, допуская перекрывание петроглифов древности, а иногда – и рисунков раннего средневековья (*Кызласов*, 2001. Рис. 2; 2003б. Рис. 3; 5; 16; 2008. Рис. 6). Вместе с тем на Чуе известны примеры явного тяготения надписей к раннесредневековым изображениям при их сохранении (*Кызласов*, 2001. Рис. 7; 2003б. Рис. 17, 21; 23; 28; 2008. Рис. 1).

С одной стороны, это демонстрирует смену форм поклонения горным культам – окончание рисуночного их выражения и господство письменных и личных, знаково-геральдических молитвенных отметок. С другой стороны, порождает мысль об изначальном среднеенисейском центре образования такого вида поклонений, ставшего ярким выражением сибирско-тюркского, северного манихейства, распространившегося в Центральной, части Средней Азии и Казахстана. До его распространения в землях восточного манихейства, ни в Восточном, ни в Западном Туркестане, практики молитвенных наскальных написаний

Рис. 1. Гора Тепсей, пункт IV. Размещение тамги IX–X вв. (*3*) у петроглифов эпохи бронзы (*1*) и раннего железного века (*2*). По Я. А. Шеру с доработкой

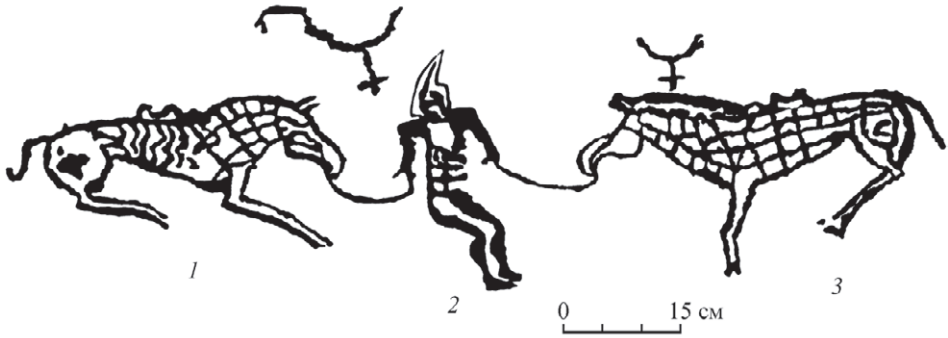


Рис. 2. Гора Оглахты, пункт II. По Я. А. Шеру с доработкой

1–3 – композиция раннего железного века

1, 3 – средневековые тамги

не существовало (*Кызласов*, 2008. С. 452–457; 2013а. С. 84; 2013б; 2014а. С. 52–57; *Kyzlasov*, 2016).

3.3. Курганные могильники доманихейской поры – средневековой культуры VI – первой половины IX в. – получили название чаатасов (также именуется и сама культура того времени). Классический могильник-чаатас примыкает к расположенным на том же месте погребальным памятникам двух предшествующих археологических культур. Началом часто является большой курган гунно-сарматского времени (так называемого тесинского переходного этапа, традиционная дата: II–I вв. до н. э.), продолжением служит кладбище таштыкской культуры, состоящее из нескольких коллективных, углубленных в землю склепов и множества малых семейных грунтовых могил (традиционная дата: середина I в. до н. э. – V в. н. э.). Такое размещение захоронений, вероятно, указывает на осознание кровнородственных связей с предками, присущее носителям этих трех археологических культур, действительно прямо и тесно преемственно связанных между собой (*Кызласов*, 1980. С. 110).

Подражающие бревенчатым наземным жилищам, сложенные из плитняка многогранные мавзолеи культуры чаатас обставлялись вертикальными стелами. Обычно у углов такого кургана стоит 8, 10 или 12 высоких камней (*Кызласов*, 1980. С. 108–112; 1981. С. 46–49. Рис. 28: *А–В, Д, Е, 1*). Символика их неясна, однако на некоторых могильниках, как на Чаптыковском чаатасе, среди темных песчаниковых менгиров у каждого кургана одна из стел бывает светлой, из серого гранита (*Кызласов*, 2019. Рис. 7; 11). Вполне обычно переиспользование на чаатасах изваяний древнейшей, едва ли не энеолитической поры, со вполне различимыми фантастическими ликами. Вторичное употребление скульптур седой старины было настолько распространено, что на каждом чаатасе их всегда бывает несколько. Не приходится сомневаться в том, что перевозка этих изваяний из степи и водружение их у свежесооруженного мавзолея производилось намеренно.

С принятием манихейства (ныне относимым к 60-м гг. VIII в.) у курганов чаатас появляются эпитафийные стелы енисейского рунического письма.

Традиция их установки передается последующей древнехакасской тюхтятской культуре середины IX – конца X в. и захватывает ранний этап аскизской археологической культуры – конец X – XI в. Обычай носил массовый характер, ныне известно не менее полутора сотен поминальных стел с надписями, созданных в те времена. До сих пор не обращалось внимания на очевидный для археолога факт: ни для одной енисейской эпитафии камень не был специально добыт в каменоломне. Во всех случаях без изъятия для нанесения памятной надписи были вторично использованы только древние изваяния, оленные камни и менгиры, до этого простоявшие в степях многие столетия, покрытые пустынным загаром, петроглифами и скульптурными изображениями предшествующих эпох – раннего железного и бронзового веков или энеолита. Именуемые «вечными» (¸ ê Ú á *beŋkü*), эпитафии, как видим, наносились только на камни, которые средневековые хакасы сами связывали с вечностью своей земли (*Кызласов*, 2013а. С. 84–86; 2014б. С. 38–41).

3.4. Изучая обнаруженные и раскопанные в Хакасии манихейские храмовые комплексы, в целом относящиеся к VIII – рубежу XIII вв. (*Кызласов Л. Р.*, 1998. С. 15–27; 2001. С. 84–87), вновь встречаем особый, неожиданный род связи средневековых памятников с древностями предшествующих культур. Наиболее показательно и труднообъяснимо здесь расположение храма в котловине Сорга.

В этой небольшой межгорной долине в разное время было отмечено 13 свободно стоявших изваяний и около 15 менгиров (рис. 3). Раскопки 1971 г. показали, что обе формы монолитов сохранились в местах первоначальной установки, имели единое культовое назначение и принадлежали к святилищам глубокой древности (*Кызласов*, 1986. С. 98–151, 168–241). Тогда полагали, что они относятся к позднему неолиту и энеолиту. Святилища с тех пор не копались, и ныне их по косвенным данным относят к тем же временным пределам, но к эпохе ранней бронзы.

Для нашей темы важно, что в 1971 г. в той же долине, прямо на улице современного поселка ж/д станции Ербинская были обнаружены руины манихейского храма VIII–X вв., которые были раскопаны в 1972–1973 гг. (*Кызласов Л. Р.*, 1998. С. 26; 1999; 2001. С. 84). Культовое здание, знаменующее установление на Среднем Енисее пророческой религии, несущей людям божественную истину, философски богатое мировоззрение с развитой книжной и обрядовой культурой, как и выстроенную церковную организацию, было размещено среди непотревоженного скопления каменных воплощений божеств и языческих представлений 4000-летней давности. Это обстоятельство сразу же обратило на себя внимание исследователя, произведшего археологическое изучение обоих до того невиданных культурных явлений (*Кызласов*, 1999. С. 181).

В 2019 г. нами получены новые данные, позволяющие усилить восприятие феноменальности расположения средневекового храма. Короткой северо-западной стеной выходя на красную линию современной ул. Степной меж д. 110 и 112, культовое здание вытянулось вдоль разделяющего усадьбы проулка, связавшего ул. Боградскую и Промышленную. Ближайшее к храму изваяние № 13 находилось не далее 150 м от него к востоку. До 1958 г. оно стояло у проулка посреди ул. Боградской, затем было повалено и к началу работ экспедиции МГУ уже 14 лет пролежало у забора усадьбы № 23 (*Кызласов*, 1986. С. 146, 147. Рис. 30; 85) (рис. 3). Ныне следующим поколением владельцев этого дома (теперь имеющего № 57), по прошествии 60 лет, изваяние водружено на прежнее

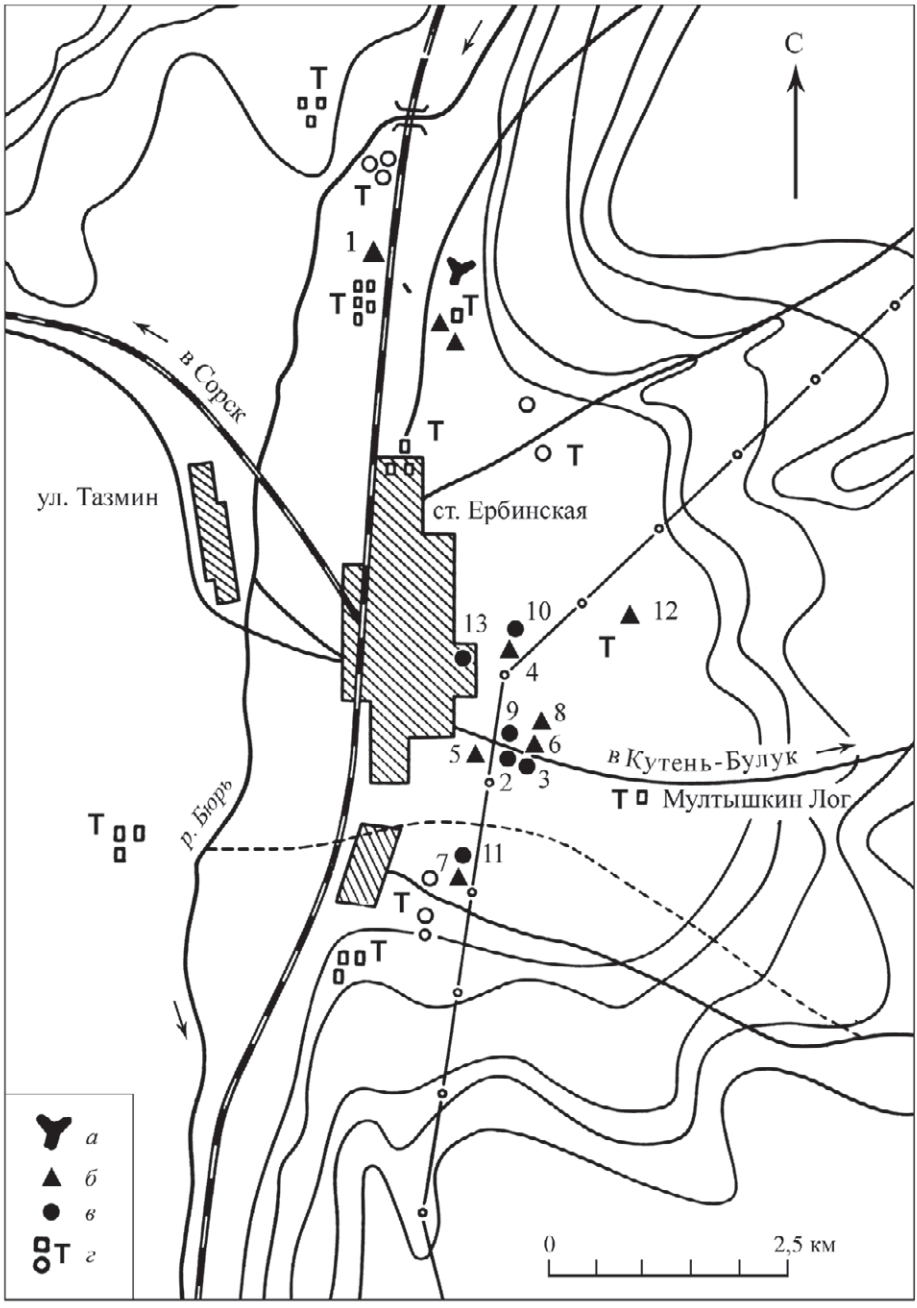


Рис. 3. Расположение и номера памятников в котловине Сорга вокруг улуса Тазмина и станции Ербинской. 1971 г. По Л. Р. Кызласову

а – каменные круги; *б* – изваяние; *в* – менгир; *г* – тагарские курганы

место, окружено оградой, получило наименование Ах Хыс (Белая (~ Светлая) девушка) и почитаемо (*Кызласов*, 2019. С. 32. Рис. 17). Таков один из нескольких известных мне примеров показательного явления местной общественной жизни, прямо касающегося археологического наследия. Включение русских людей в культовую неопрактику хакасов приводит ныне к водружению упавших или ранее попранных изваяний и менгиров, что во многом вызвано верой в заключенную в них жизненную энергию и плодоносную силу. Перед нами одна из форм осознания русскими людьми своей родиной Хакасии и признания древностей этой земли своими.

Такое отношение жителей поселка к памятникам привело к обнаружению ранее неизвестного 14-го изваяния котловины Сорга. У заднего забора усадьбы 97 Степной улицы нам был указан лежащий монолит серого гранита общей длиной 247 см. Округло обработанный, он утолщается к одному из концов до 46 см, а к другой, надо думать, первоначально верхней, части сужается до 37 см.

Следовательно, манихейский храм был не только построен в долине, наполненной монументальными культовыми памятниками древности, он был возведен прямо среди изваяний. К западу от него скульптура № 14 удалена не более чем на 110 м, а к востоку изваяние № 13 отстояло от входа в храм не далее 150 м. В енисейских эпитафиях времен бытования Ербинского храма встречается мера длины, равная расстоянию полета стрелы, выпущенной из лука, – ì Ä ì Ä Ã î *oγdamdam* (E 51, *2*, E 70, *3*, E 109, *3*, E 110, 1) (*Кызласов*, 2003а. С. 284, 285). Учитывая обычную дальность выстрела из сложного лука, в то время равную 200–250 м (*Медведев*, 1966. С. 30, 31), от стен храма до изваяний было только полперестрела. Если возьмем за меру длину прямоугольной искусственной платформы (41 м), на рост человека поднимавшей стены богослужебного здания над землей, и почти пятиметровую протяженность ведущего к его входу пандуса (4,75 м) (*Кызласов*, 1999. С. 181, 185, 187. Рис. 5), то станет ясно, что изваяние № 14 находилось немногим далее двух, а № 13 – трех таких единиц. Иными словами, языческие кумиры остались нетронутыми, практически находясь на стройплощадке VIII в.

4. Проследив по трем основным категориям культовых древностей раннего средневековья отношение к памятникам предыдущих культур Хакасско-Минусинской котловины, приходим к следующему заключению.

О чем свидетельствует намеренное использование давних изваяний на курганах доманихейской поры, сказать трудно. Нанесение эпитафий только на древние скульптуры и менгиры объясняется общими для восточнотюркских народов представлениями о первотворении мира и его изначальном каменном естестве, с которым сливается душа умершего: «из камня вышли и в камень уйдем». Однако само появление текстов, идущих от лица покойного, воплощенного в камне, происходит с приходом письменной культуры манихейства. Ранние эпитафии стояли у юго-восточной стороны курганов (стела Ташебинского чаатаса, E 40) (*Heikel*, 1912. S. 60. Abb. 2, № 1), подобным образом или к востоку ставились затем и эпитафии в IX–XI вв. (*Кызласов*, 1960. С. 98–102. Рис. 5). Возможно, одна из еще бесписьменных юго-восточных стел мавзолеев чаатас символизировала умершего.

Уважительное отношение к древним писаницам свидетельствует о продолжавшемся существовании горных культов, первоначально порождавших создание раннесредневековых наскальных рисунков, а с приходом манихейской религии

Рис. 4. Расположение манихейского храма (раскоп 1971–1972 гг.) и ближайших изваяний № 13 и 14 в поселке станции Ербинская в августе 2019 г. Космоснимок

приведших к их замене письменными и личными геральдическими отметками о совершенных молениях. Пример Ербинского храма, размещенного среди древних изваяний и менгиров в котловине Сорга, указывает на уважительное отношение к ним даже при создании архитектурных храмовых комплексов и проведении в них торжественных богослужений с оглашением писаний господних.

Как известно, религии Света было свойственно распространение своего учения на языке обращаемого населения, а также стремление в каждой стране приспособиться к господствовавшей там вере. Синкретизм являлся основой манихейства и проявлялся в отношении зороастризма, христианства, буддизма и иных исповеданий.

Достигнув Енисея, северное манихейство включило в свою религиозную практику существовавшую к тому времени местную руническую письменность, а вместе с нею, как теперь видим, и весь основной комплекс традиционного мировосприятия, тесно связанного с почитанием памятников седой старины, – будь то писаницы на скалах или стоявшие в долинах изваяния и менгиры. Енисейские руны соединили книжную природу храмов с культовой эпиграфикой горных культов. Взаимопроникновение новой философской доктрины и традиционных местных верований сформировало новое религиозное направление – сибирско-тюркское (северное) манихейство, широко распространившееся как в Центральной, так и в Средней Азии и Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВЫ

Адрианов А. В. Писаницы (Отчеты за 1904 год). Рукопись // Архив Музея археологии и этнографии Сибири при Томском государственном университете. Инв. № 55. 191 л. Машинописная копия, личный архив Л. Р. Кызласова.

Адрианов А. В. Текст отчета А. В. Адрианова и таблицы к нему // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-II. Ф. 12 (Личный фонд С. В. Киселева). Д. 151. 257 л.

Кызласов И. Л., 1992. Древнехакасские надписи с названием горы Тепсей // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб. С. 220–221. (Археологические изыскания; вып. 2.)

Кызласов И. Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.: Наука. 327 с.

Кызласов И. Л., 1998. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. № 4. С. 39–53.

Кызласов И. Л., 2001. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура / Отв. ред. А. В. Седов. М.: Восточная литература. С. 243–270.

Кызласов И. Л., 2003а. Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов / Ред. Д. М. Насилов. М.: Ин-т стран Азии и Африки МГУ. С. 283–286.

Кызласов И. Л., 2003б. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М.: Гуманитарий. 112 с.

Кызласов И. Л., 2003в. Средневековая Евразия в свете новых открытий // КСИА. Вып. 215. С. 3–6.

Кызласов И. Л., 2008. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН. С. 451–463.

Кызласов И. Л., 2011. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии. 256 с.

Кызласов И. Л., 2013а. Религиозная природа енисейской письменности. I // Российская тюркология. № 2. С. 79–90.

Кызласов И. Л., 2013б. Руническое письмо на скалах: сибирские корни обряда и его распространение в Средней Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время

и после Великого шелкового пути / Ред. Ш. Мустафаев и др. Париж; Самарканд: Междунар. ин-т Центральноазиатских исслед. С. 116–121.
Кызласов И. Л., 2014а. Религиозная природа енисейской письменности. II // Российская тюркология. № 1. С. 52–61.
Кызласов И. Л., 2014б. Сотворение мира глазами пратюрков (рунологические и археологические приметы) // Проблемы востоковедения. № 2 (64). С. 35–41.
Кызласов И. Л., 2019. Задачи археологического изучения Хакасско-Минусинской котловины. Абакан: Бригантина. 40 с.
Кызласов Л. Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. № 3. С. 93–120.
Кызласов Л. Р., 1962. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник / Ред.: Д. А. Авдусин, В. Л. Янин. М.: МГУ. С. 43–52.
Кызласов Л. Р., 1965. О датировке памятников енисейской письменности // СА. № 3. С. 38–49.
Кызласов Л. Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1968 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р I. Ф. 1. Д. 4265, 4265а.
Кызласов Л. Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р I. Ф. 1. Д. 4010, 4010а.
Кызласов Л. Р., 1969. Древние крепости Хакасии // АО 1968 г. М.: Наука. С. 244–246.
Кызласов Л. Р., 1970. Раскопки в Оглах-тах // АО 1969 г. М.: Наука. С. 197–199.
Кызласов Л. Р., 1980. Чаатасы Хакасии // Вопросы археологии Хакасии / Отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан. С. 108–114.
Кызласов Л. Р., 1981. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 46–52. Рис. 28; 29. (Археология СССР.)
Кызласов Л. Р., 1986. Древнейшая Хакасия. М.: МГУ. 295 с.
Кызласов Л. Р., 1998. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 3. С. 8–35.
Кызласов Л. Р., 1999. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. № 2. С. 181–206.
Кызласов Л. Р., 2001. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. № 5. С. 83–90.
Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука. 184 с. (САИ; вып. Е1-36.)
Савинов Д. Г., 2017. Памятники археологии Сибири в материалах Д. Г. Мессершмидта // *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт. У истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис. С. 74–134.
Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.

Appelgen-Kivalo H., 1931. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors: K. F. Puromies Buchdruckerei A.-G. 119 S.
Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J. A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P., 1995. Sibérie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris: De Boccard. 68, LXXVII, 93 p. (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; 2). (Mémoires de la Mission Archéologique Francaise en Asie Centrale; V, 2.)
Heikel A. O., 1912. Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tashebá // Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft. XXVI. S. 59–70.
Kyzlasov I., 2016. Inscriptions rupestres runiques. De la Sibérie à l'Asie centrale et au Kazakhstan // Asie centrale. Transferts culturels le long de la route de la soie. Paris: Vendémiaire. P. 301–307.
Sher J., Blednova N., Legtchilo N., Smirnov D., 1994. Sibérie du Sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Paris: De Boccard. 4, 52, XXXVIII, 80 p. (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; 1). (Mémoires de la Mission Archéologique Francaise en Asie Centrale; V, 1.)

Сведения об авторе

Кызласов Игорь Леонидович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

I. L. Kyzlasov

THE MIDDLE AGES IN SOUTHERN SIBERIA: DISTINCTIVE FEATURES OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES

Abstract. Visibility of ancient sites is a unique feature of southern Siberia. Built from stone, these sites have become an integral part of the local landscape. Remains dating to the Middle Ages need to be identified at such sites. The way the sites dating to earlier cultures were perceived during the medieval times can be understood from rupestrian drawings, cemeteries and temple centers in Khakassia. Drawings and, subsequently, blazonry and medieval prayer inscriptions complement petroglyphs dating to the earlier periods (Fig. 1 and 2) rather than disrupt the picture these petroglyphs create. It means that mountainous cults were maintained until the medieval period. Mounds of the 6th – 8th centuries represent a continuation of the cemeteries of the 2nd century BC – 5th century AD; people were aware of the ties of blood with their ancestors. In the 8th century a Manichean church was built in the valley where 14 sculptures and around 15 menhirs remained intact until the 20th century (Fig. 3). Services in the church were conducted among pagan idols, the nearest monoliths were located at a distance of 100–150 m (Fig. 4). Reaching the Yenisei, Manichaeism incorporated local runic writings into its religious practice along with a basic set of traditional world view closely connected with worshipping the sites of ancient times. Mutual penetration of non-local and local beliefs generated a new religious belief, i.e. northern, Siberian-Turkic Manichaeism.

Keywords: Middle Ages in South Siberia, relationship between the subsequent cultures and the preceding cultures, Siberian-Turkic Manichaeism.

REFERENCES

Adrianov A. V. Pisanitsy (Otchety za 1904 god). Rukopis [Pisanitsy (Reports for 1904). Manuscript]. *Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri pri Tomskom gosudarstvennom universitete [Archive of museum of archeology and ethnography of Siberia at Tomsk state university]*. [Personal archive of L. R. Kyzlasov]. (In Russian, unpublished.)

Adrianov A. V. Tekst otcheta A. V. Adrianova i tablitsy k nemu [Text of A. V. Adrianov's report and tables]. *Archive of IA RAS*. [*Personal fund of S. V. Kiselev]*. (In Russian, unpublished.)

Kyzlasov I. L., 1992. Drevnekhakasskie nadpisi s nazvaniem gory Tepsey [Old Khakass inscriptions with name of mount Tepsey]. *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya [Northern Eurasia from antiquity to Middle Ages]*. St. Petersburg, pp. 220–221. (Arkheologicheskie izyskaniya, 2.)

Kyzlasov I. L., 1994. Runicheskie pis'mennosti evraziyskikh stepey [Runic scripts of Eurasian steppes]. Moscow: Nauka. 327 c.

Kyzlasov I. L., 1998. Izobrazhenie Tengri i Umay na Sulekskoy pisanitse [Image of Tengri and Umay in Sulek pisanitsa]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 4, pp. 39–53.

Kyzlasov I. L., 2001. Smena mirovozzreniya v Yuzhnoy Sibiri v rannem srednevekov'e (Idei edinobozhiya v eniseyskikh nadpisyakh) [Change of worldview in Southern Siberia in early Middle Ages (Monotheistic ideas in Yenisei inscriptions)]. *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriya i kul'tura [Ancient civilizations of Eurasia. History and culture]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 243–270.

Kyzlasov I. L., 2003a. Mestnye rechevye osobennosti eniseyskikh nadpisey [Local speech features of Yenisey inscriptions]. *Desht-i Kipchak i Zolotaya Orda v stanovlenii kul'tury evraziyskikh narodov [Desht-i Kipchak and the Golden Horde in formation of Eurasian peoples culture]*. Moscow: Institut stran Azii i Afriki MGU, pp. 283–286.

Kyzlasov I. L., 2003b. Novosti tyurkskoy runologii [News of Turkic runology]. Vyp. I. Eniseyskie nadpisi na gore Yalbak-Tash (Gornyy Altay)]. Vyp. I. Eniseyskie nadpisi na gore Yalbak-Tash (Gornyy Altay) [Yenisei inscriptions on mount Albak-Tash (Mountainous Altai)]. Moscow: Gumanitariy. 112 p.

Kyzlasov I. L., 2003c. Srednevekovaya Evraziya v svete novykh otkrytiy [Medieval Eurasia in light of new discoveries]. *KSIA*, 215, pp. 3–6.
Kyzlasov I. L., 2008. K uyasneniyu iskhodnykh pozitsiy izucheniya i sberezheniya pisanits [To clarification of original positions of study and preservation of petroglyphs]. *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura [Man, adaptation, culture]*. A. N. Sorokin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 451–463.
Kyzlasov I. L., 2011. Altaistika i arkheologiya [Altaic studies and archaeology]. Moscow: Institut tyurkologii. 256 p.
Kyzlasov I. L., 2013a. Religioznaya priroda eniseyskoy pis'mennosti I [Religious nature of Yenisei script. I]. *Rossiyskaya tyurkologiya [Russian turkology]*, 2, pp. 79–90.
Kyzlasov I. L., 2013b. Runicheskoe pis'mo na skalakh: sibirskie korni obryada i ego rasprostranenie v Sredney Azii [Runic writing on rocks: Siberian roots of rite and its spread in Central Asia]. *Kul'turnyy transfer na perekrestkakh Tsentral'noy Azii: do, vo vremya i posle Velikogo Shelkovogo puti [Cultural transfer at crossroads of Central Asia: before, during and after Great Silk road]*. Sh. Mustafaev, ed. Paris; Samarkand: Mezhdunarodnyy institut Tsentralnoaziatskikh issledovaniy, pp. 116–121.
Kyzlasov I. L., 2014a. Religioznaya priroda eniseyskoy pis'mennosti. II [Religious nature of Yenisei script. II]. *Rossiyskaya tyurkologiya [Russian turkology]*, 1, pp. 52–61.
Kyzlasov I. L., 2014b. Sotvorenie mira glazami pratyurkov (runologicheskie i arkheologicheskie primety) [Creation of the world through the eyes of pra-Turks (runological and archaeological signs)]. *Problemy vostokovedeniya [Problems of Oriental studies]*, 2 (64), pp. 35–41.
Kyzlasov I. L., 2019. Zadachi arkheologicheskogo izucheniya Khakassko-Minusinskoy kotloviny [Tasks of archaeological study of Khakass-Minusinsk depression]. Abakan: Brigantina. 40 p.
Kyzlasov L. R., 1960. Novaya datirovka pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [New dating of monuments of the Yenisei script]. *SA*, 3, pp. 93–120.
Kyzlasov L. R., 1962. Nachalo sibirskoy arkheologii [Beginning of Siberian archaeology]. *Istoriko-arkheologicheskiy sbornik [Historical and archaeological annual]*. D. A. Avdusin, V. L. Yanin, eds. Moscow: MGU, pp. 43–52.
Kyzlasov L. R., 1965. O datirovke pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [On dating of monuments of Yenisei script]. *SA*, 3, pp. 38–49.
Kyzlasov L. R. Otchet o rabote Khakasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii MGU v 1968 g. [Report on work of Khakass archaeological expedition of MGU in 1968]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
Kyzlasov L. R., 1969. Drevnie kreposti Khakasii [Ancient fortresses of Khakassia]. *AO 1968*. Moscow: Nauka, pp. 244–246.
Kyzlasov L. R. Otchet o rabote Khakasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii MGU v 1969 g. [Report on work of Khakass archaeological expedition of MGU in 1969]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
Kyzlasov L. R., 1970. Raskopki v Oglakh-takh [Excavations in Oglakh-takh]. *AO 1969*. Moscow: Nauka, pp. 197–199.
Kyzlasov L. R., 1980. Chaatasy Khakasii [Chaatases of Khakassia]. *Voprosy arkheologii Khakasii [Issues of archaeology of Khakassia]*. Ya. I. Sunchugashev, ed. Abakan, pp. 108–114.
Kyzlasov L. R., 1981. Drevnekhakasskaya kul'tura chaatas VI–IX vv. [Ancient Khakass culture of Chaatas]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Eurasia in Middle Ages]*. S. A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, 46–52. (Arkheologiya SSSR.)
Kyzlasov L. R., 1986. Drevneyshaya Khakasiya [Oldest Khakassia]. Moscow: MGU. 295 p.
Kyzlasov L. R., 1998. Severnoe manikheystvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Northern manichaeism and its role in cultural development of peoples of Siberia and Central Asia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya [Bulletin of Moscow university. Series 8: History]*, 3, pp. 8–35.
Kyzlasov L. R., 1999. Manikheyskiy khram v kotlovine Sorga (Respublika Khakasiya) [Manichaean temple in Sorg depression (Republic of Khakassia)]. *RA*, 2, pp. 181–206.
Kyzlasov L. R., 2001. Sibirskoe manikheystvo [Siberian manichaeism]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 5, pp. 83–90
Medvedev A. F., 1966. Ruchnoe metatel'noe oruzhie. (Luk i strely, samostrel). VIII–XIV vv. [Hand-held throwing weapons. (Bow and arrows, crossbow). VIII–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 184 p. (SAI.)

Savinov D. G., 2017. Pamyatniki arkheologii Sibiri v materialakh D. G. Messershmidta [Monuments of the Siberia archaeology in materials of D. G. Messerschmidt]. *Tunkina I. V., Savinov D. G. Daniil Gotlib Messerschmidt. U istokov sibirskoy arkheologii [Daniel Gottlieb Messerschmidt. At the origins of Siberian archaeology]*. St. Petersburg: ElekSis, pp. 74–134.

Sher Ya. A., 1980. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka. 328c.

About the author

Kyzlasov Igor L., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

Е. В. Волкова

К МЕТОДИКЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ПОСУДЫ ОДНОГО МАСТЕРА[1]

Резюме. Статья посвящена новым, дополнительным критериям выделения посуды одного мастера. Экспериментально было доказано, что тулово сосуда – наиболее устойчивая его часть. А из его параметров наиболее устойчивым оказался максимальный диаметр. Используя два параметра тулова: его общую пропорциональность и максимальный диаметр, автор выделил из всей посуды Волосово-Даниловского могильника посуду, сделанную по одной и той же форме-модели. Сопоставление сосудов, сделанных по одной форме-модели, с одинаковыми исходным сырьем, составом формовочной массы сосудов и составом шамота в ней позволило выделить посуду одного мастера. Таким образом, предложен еще один критерий для выделения посуды одного мастера: близкие формы-модели, с помощью которых лепились сосуды. Разработанная автором методика выделения посуды гончаров-левшей, с одной стороны, подтвердила правильность методики анализа форм сосудов, а с другой – позволила выявить большее число разных гончаров, посуда которых сопровождала погребенных в могильнике индивидов.

Ключевые слова: глиняная посуда, форма-модель, эксперимент, критерии выделения посуды одного мастера, гончар-левша, Волосово-Даниловский могильник, фатьяновская культура, бронзовый век.

Более 20 лет назад мною была предложена методика выделения посуды одного и того же мастера (*Волкова*, 1998. С. 36–43). Под посудой «одного мастера» я понимаю практически идентичные глиняные сосуды. Критерии выделения такой посуды были разработаны по материалам Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры (исследовались 399 сосудов из 117 погребений). Сосуды, изготовленные одним и тем же мастером, удалось зафиксировать в 13 погребениях этого могильника. Кроме того, были выделены 7 пар погребений, объединенных посудой одного мастера. Во всех этих погребениях были еще сосуды, сделанные и другими гончарами.

[1] Статья написана в рамках плановой темы № АААА-А18-118011790092-5.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.328-342

К критериям, по которым можно достаточно надежно выделять посуду одного мастера, относятся следующие:

1) очень близкое по составу естественных признаков исходное сырье, из которого сделаны формовочные массы сосудов;
2) одинаковые традиции подготовки исходного сырья;
3) одинаковые традиции составления формовочных масс сосудов;
4) одинаковый рецепт формовочных масс шамота (при его наличии);
5) использование одного и того же инструмента при нанесении орнамента;
6) сходные традиции работы этим инструментом.

Причем критерии 5 и 6, связанные с орнаментальными технологическими традициями, оказались наиболее существенными при выделении посуды одного мастера. Они в наибольшей степени указывали на индивидуальные особенности гончара. Особенно когда выявлялись орнаментиры с какими-либо специфическими чертами. Здесь следует сделать одно пояснение. Судя по данным этнографии, инструмент, специально сделанный для орнаментации сосудов, в большой степени ценился гончарами и мог передаваться по наследству от отца к сыну или от матери к дочери (*Китицына*, 1964. С. 162, 163). Поэтому нельзя исключать случаи, что посуда, определенная нами как изделия одного мастера, на самом деле делалась не одним физическим лицом, а несколькими разными людьми, тесно связанными родственными узами.

В результате проделанной тогда работы выяснилось, что один мастер мог изготавливать посуду разных категорий форм и разных размеров. Но при этом посуда одного мастера чаще всего имеет одни и те же орнаментальные образы и близкие их мотивы. Было высказано предположение, что орнаментальный образ и его мотив могут быть дополнительными критериями при выделении посуды одного мастера.

В последние годы в связи с разработкой методики выделения гончаров-левшей пришлось вновь обратиться к изучению керамических материалов Волосово-Даниловского могильника. Сочетание полученных новых данных о гончарах-левшах и результатов экспериментального исследования связи форм-моделей и реальных сосудов расширило список критериев, позволяющих выделять сосуды, изготовленные одним и тем же гончаром.

Анализ форм

Фатьяновцы использовали в быту четыре категории форм глиняной посуды: шаровидные горшки, «амфоровидные» сосуды, кубки и миски. Напомню, что фатьяновские гончары изготавливали сосуды с помощью форм-моделей. Горшки, амфоры и кубки делались из нескольких частей. Их емкости обычно состояли из двух частей. Каждая часть сначала наращивалась в форме-емкости, потом выбивалась на форме-основе чуть большего диаметра, чем форма-емкость. Затем обе части соединялись. В результате получались сосуды шаровидной или эллипсовидной в профиле формы емкости, практически лишенные какой-либо асимметрии. Миски создавались из одной такой части (*Волкова*, 1996. С. 48–56).

После такой краткой характеристики ассортимента и базовых приемов изготовления фатьяновской посуды перейдем непосредственно к анализу форм сосудов. Он осуществлялся по методике системного изучения форм глиняных сосудов, впервые предложенной в 1980-е гг. А. А. Бобринским (*Бобринский*, 2018. С. 11–25) и позднее развитой Ю. Б. Цетлиным (*Цетлин*, 2018. С. 124–179).

Системный анализ форм на первых этапах предполагает выделение групп сосудов по их *общей пропорциональности* и *естественной структуре*. Но поскольку фатьяновские сосуды изготавливались с помощью форм-моделей и частично передавали их форму, возникла мысль попытаться, отталкиваясь от анализа форм конкретных сосудов, выделить те сходные формы-модели, по которым они изготовлялись. По сути дела, задача состояла в том, чтобы научиться выделять среди коллекций фатьяновской керамики сосуды, изготовленные по одной и той же форме-модели.

Это заставило обратиться к экспериментальному изучению диапазона случайных колебаний форм сосудов, изготовленных одним мастером по одной форме-модели. Для решения данного вопроса в 2019 г. во время работы в Самарской экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства (руководители Н. П. Салугина и И. Н. Васильева) был проведен специальный эксперимент. Суть его состояла в следующем.

Автор статьи из одинаковой формовочной массы, приближенной по своему составу к фатьяновской, соблюдая фатьяновскую технологию конструирования посуды, изготовил 10 копий фатьяновского сосуда с использованием одних и тех же формы-емкости и формы-основы. Целью эксперимента было выяснить диапазон случайных колебаний форм, сделанных одним и тем же мастером по одной и той же форме-модели. Все экспериментальные сосуды и формы-модели, по которой они делались, были сфотографированы в соответствии с принятыми правилами и подготовлены к дальнейшему анализу их форм (рис. 1).

В результате выяснилось, что наиболее устойчивой частью в экспериментальной серии сосудов является тулово, а самый стабильный размерный показатель – это максимальный диаметр тулова. Сходство диаметра тулова у 10 сосудов, изготовленных по одной форме-модели, составило более 90 %. Сходство высоты тулова было свыше 80 %, сходство сосудов по общей пропорциональности тулова – чуть меньше 80 %.

Стало ясно, что с целью выявления по фатьяновским сосудам одной и той же формы-модели надо проанализировать посуду Волосово-Даниловского могильника по двум показателям: диаметру тулова и его общей пропорциональности (ОПП). При этом анализ ОПП тулова рассчитывался без учета нижнего диаметра, поскольку у круглодонных сосудов диаметр дна плавающий. В данном случае нижний диаметр принимался за точку и ОПП тулова равнялось Нт : Dт.

По этим двум параметрам тулова (ОПП и максимальному диаметру) были выделены группы с близкими моделями, которые отличались друг от друга в рамках выявленного диапазона случайных колебаний. В результате получилось 39 групп у горшков, 13 – у амфор, две – у кубков и две – у мисок. Для уточнения этих групп в рамках каждой из них сосуды реального размера приводились к единому «разрешению размера изображения» в программе Adobe Photoshop и сравнивались путем их попарного наложения друг на друга. В результате такого

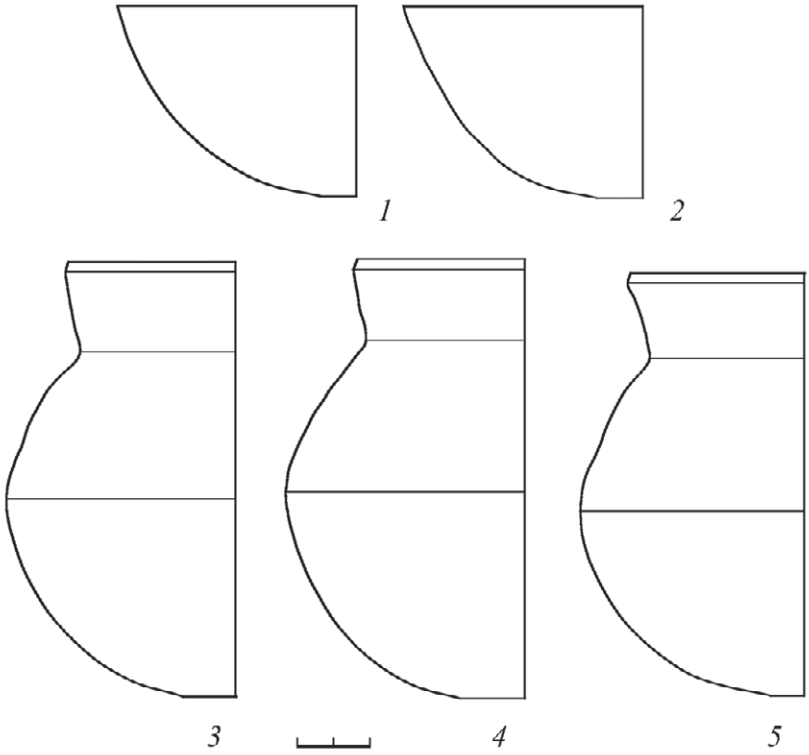


Рис. 1. Средний контур форм-моделей и сосудов, изготовленных с их помощью

1 – форма-емкость, *2* – форма-основа, *3–5* – три последних сосуда экспериментальной серии

сравнения были выделены группы сосудов, сделанные строго по одной форме-модели.

К этой информации о сходстве форм сосудов по параметрам тулова были добавлены конкретные данные о составе исходного пластичного сырья, формовочных масс и составе шамота каждого сосуда. Таким образом, были выделены сосуды, предположительно изготовленные одним и тем же мастером. К сожалению, критерии отбора таких сосудов по сходству орнаментира к этому анализу не удалось привлечь, так как сосуды были орнаментированы широко распространенными у фатьяновцев традиционными инструментами. К ним относятся тонкие зубчатые или гладкие штампы, которыми наносились торцевые или с небольшим наклоном неглубокие отпечатки на поверхности сосудов. По отпечаткам таких инструментов, лишенных индивидуальных особенностей, невозможно выделять разных мастеров. Случаи, когда традиции по отбору исходного сырья и составлению формовочных масс сосудов и шамота этих сосудов не совпадали, при полном совпадении форм-моделей, интерпретировались мною как передача по наследству одной и той же модели другому мастеру, скорее всего, родственнику.

Всего по изученным материалам Волосово-Даниловского могильника был выявлен 31 гончар, посуда которых присутствует в погребениях. Это оказалось возможным сделать по 56 погребениям, что составляет чуть меньше половины всех погребений. В нескольких случаях, особенно когда посуда «одного мастера» оказывалась в 5–6 погребениях, относительно удаленных по хронологии могильника друг от друга (о хронологии Волосово-Даниловского могильника см.: *Волкова*, 1998. С. 44–61), можно предполагать как минимум два поколения гончаров одной семьи, гончарные традиции которых и инструментарий оставались неизменными или очень близкими.

Для предпринятого анализа посуды из погребений важны данные не только об относительной хронологии могильника, но и о длительности его функционирования. На могильнике всего раскопано 107 могил с 117 погребениями, возможно, еще около 20 могил было разрушено современным овощехранилищем. Д. А. Крайнов и О. С. Гадзяцкая предполагали, что могильник функционировал в качестве кладбища 150–200 лет (*Крайнов, Гадзяцкая*, 1987. С. 38). Но поскольку вся фатьяновская культура существовала, предположительно, около 500 лет, а Волосово-Даниловский могильник относится к ее III (развитому) этапу – XVII–XVI вв. до н. э. (Там же. С. 39), я думаю, что могильник мог использоваться не более 100–125 лет. При отсутствии радиоуглеродных датировок погребений могильника этот вопрос пока остается открытым. Тем не менее выделенное количество гончаров (а их, без сомнения, было больше 31, с учетом, что деятельность одного гончара продолжалась примерно 15–20 лет) позволяет уверенно говорить об одновременной работе не менее 4–5 гончаров. Это может косвенно указывать на существование у фатьяновского населения домашнего доремесленного или ремесленного на заказ сезонного производства.

По вновь полученным данным было также проверено высказанное мною ранее предположение, что один мастер наносил на разные сосуды одинаковые или близкие образы и их мотивы. Это действительно проявилось у вновь выделенных мастеров. Особенно интересны в связи с этим два момента: во-первых, случаи, когда гончары предпочитали наносить не самые распространенные, а более редкие орнаментальные образы, во-вторых, то, что для некоторых гончаров было характерно незнание новых для них образов орнамента. Так, для мастера, сделавшего сосуд № 481 из погребения № 69, были новыми образы «группы параллельных переменно-наклонных линий» и «косая решетка», так как при их исполнении он допустил ошибки (рис. 2: *1*). Приведу в качестве примера для сравнения сосуд из погребения 83, в орнаменте которого отсутствуют какие-либо нарушения в выполнении этих же орнаментальных образов (рис. 2: *2*).

Поскольку в погребениях часто находился не один, а несколько сосудов, оказалось возможным выявить связи между погребениями, в которых находились сосуды одного и того же мастера. Эти «цепочки» погребений удалось организовать в четыре больших блока, включавших от 6 до 17 погребений (табл. 1–4, все таблицы расположены в конце статьи), три маленьких блока – по 3 погребения в каждом (табл. 5–7), а также 5 пар погребений, объединенных посудой одного мастера (табл. 8). Сюда же вошли 7 пар погребений, выделенных мною ранее по посуде одного мастера (*Волкова*, 1998. С. 236–248).

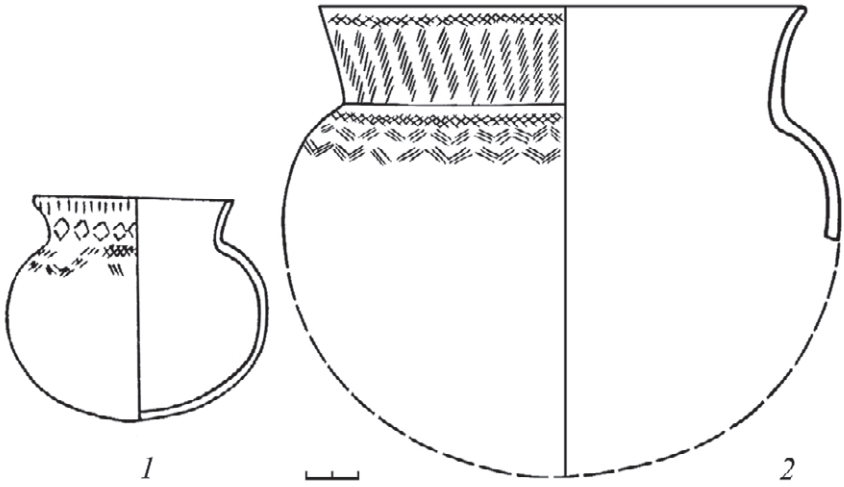


Рис. 2. Сосуды из Волосово-Даниловского могильника (рисунки сделаны по: *Крайнов, Гадзяцкая*, 1987. С. 106–109)

1 – сосуд с нарушением традиционных орнаментальных образов и их мотивов из погребения № 69; *2* – сосуд из погребения № 83, орнаментированный без каких-либо нарушений традиций выполнения тех же самых орнаментальных образов

Учитывая сделанную мною ранее относительную хронологию могильника и связи между погребениями по разным сосудам, можно наметить наиболее вероятную относительную хронологию погребений в рамках каждого блока. Здесь важно отметить, что блоки 1 и 2 имеют безусловную связь друг с другом благодаря мастеру № 5 из блока 1, оставившему свою посуду в погребениях № 3, 11, 60 и 69, которые входят в оба блока.

Блок 1 (6 гончаров)

71 → 74 = **57 = 3 = 11** = 69 = 9 → **60 = 61 = 63** → **43 = 70 = 107 = 51** → 47 = 58[2]

Блок 2 (5 гончаров)

104 = 88 = 89 = 84 = **3 = 11** = 69 → **60 = 61 = 63** → 80 = 20 → 59

Блок 3 (5 гончаров)

98 = 93 = 5б = 1 = 68 → 103 = 101 = 21

Блок 4 (4 гончара)

24 = 30 = 31 = 45 = 66 → 90

Блок 5 (1 мастер)

100 = 99 → 48

Блок 6 (3 мастера)

72=19→26

Блок 7 (2 мастера)

15 = 41 → 67

[2] Стрелкой обозначено направление от более ранних к более поздним погребениям, знаком равенства – относительно одновременные погребения, жирным шрифтом выделены группы погребений, одновременность которых не вызывает сомнения.

Напомню, что выделенные мною ранее 6 хронологических групп были представлены неравномерно по числу погребений. Так, в I, наиболее раннюю, группу попало только одно погребение, в следующую – I–II – 4, в очень большую II – 66 погребений, во II–III – 7, в III – 14, в IV – 11 погребений (*Волкова*, 1998. С. 54–57). Благодаря новым данным о погребениях, связанных между собой посудой одного мастера, удалось в некоторой степени разрушить прежнюю монолитность второй хронологической группы. Например, в хронологической цепочке первого блока, представленной наибольшим числом погребений, во второй хронологической группе выявились три последовательных этапа: 1 этап – 74(II) = **57(II) = 3(II) = 11(II)** = 69(II) = 9(II) → 2 этап – **60(II) = 61(II) = 63(II)** → 3 этап – **43(II) = 70(II) = 107(II–III) = 51(III)**.

Гончары-левши

Анализируя рисунки сосудов из Волосово-Даниловского могильника, я выдвинула гипотезу о том, что некоторые сосуды орнаментировались, а значит и изготавливались, гончарами-левшами. Для ее проверки был организован эксперимент, в котором приняли участие волонтеры: 33 левши и 31 правша. Участники эксперимента наносили на глину специальным орнаментиром, близким фатьяновскому, три орнаментальных образа с двумя вариантами наклона их отпечатков: 1 – правым (СВ – ЮЗ) и 2 – левым (СЗ – ЮВ). Правши делали это сначала правой рукой, а левши – левой рукой, т. е. в первом случае теми и другими использовалась основная рабочая рука. Затем то же самое они делали неудобной рукой (правши – левой, а левши – правой). После этого все испытуемые оценивали степень удобства нанесения каждого из вариантов орнаментального образа. Первые предварительные результаты анализа этого экспериментального исследования скоро должны быть опубликованы (*Волкова*, в печати). Важно, что выдвинутая гипотеза подтвердилась в ходе проведенных экспериментов, и можно уверенно говорить о том, что орнаментальные «ромбы» с левым (СЗ – ЮВ) наклоном отпечатков оставлены на фатьяновской глиняной посуде гончарами-левшами.

Различные образы «ромбов» часто встречаются на фатьяновской посуде. Особенно они распространены в ярославской локальной группе, к которой и относится Волосово-Даниловский могильник. Посуда, орнаментированная ромбами, составляет на этом могильнике 55,3 % от всех орнаментированных сосудов. Из них 14 сосудов были орнаментированы ромбами с левым наклоном (8,6 %).

На могильнике зафиксировано 11 погребений, в которых есть посуда гончаров-левшей. Все они, кроме двух (погр. № 5б и № 14), расположены компактной группой в северо-западной части могильника. Причем в трех погребениях (№ 49, № 51 и № 70) есть по два сосуда, сделанных одним и тем же мастером-левшой, а в погребении № 107 один из сосудов изготовил амбидекстр[3] (человек, одинаково владеющий обеими руками), а другой – мастер-левша. Наряду с этим, почти во всех этих погребениях имеются сосуды, созданные мастерами-правшами.

[3] На некоторых сосудах он начинал наносить орнамент левой рукой, а заканчивал правой.

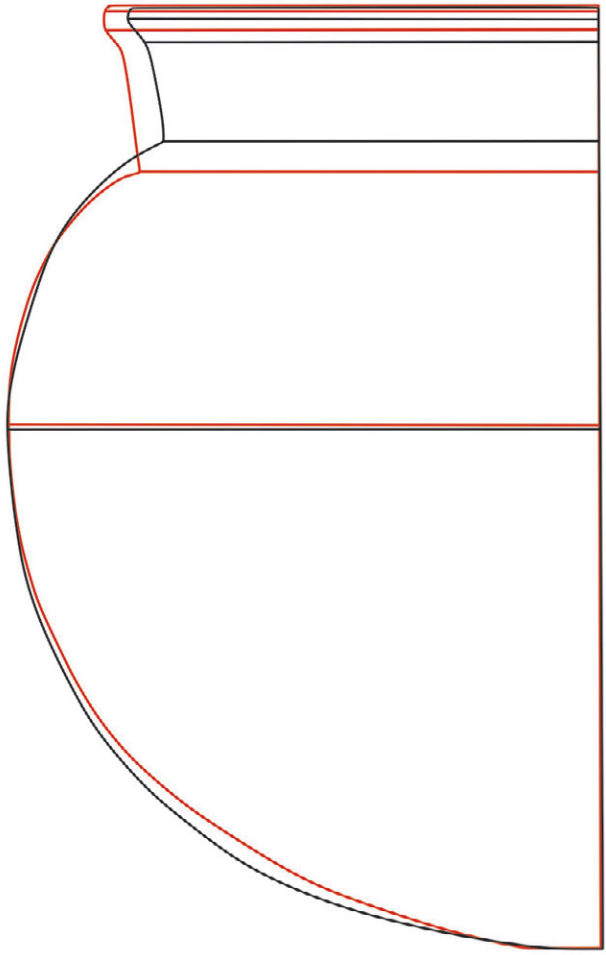


Рис. 3. Два сосуда одного гончара-левши:
№ 276 (погребение № 43) и № 489 (погребение № 70)

На основании сходства сосудов по исходному пластичному сырью, составу формовочной массы и составу шамота в них, а также использования одинаковых форм-моделей мною была выделена посуда одного и того же гончара-левши. В ряде случаев оказалось возможным также выделить посуду одного мастера-левши, сделанную по формам-моделям разного размера. Так, сосуды № 276 из погребения № 43 и № 489 из погребения № 70 при наложении их средних контуров, приведенных к одной высоте (20 см), друг на друга показали полное совпадение (рис. 3). Всего на могильнике выделились 3 группы погребений с посудой одного мастера-левши. Одна группа объединяет три погребения (№ 43, 51 и 107), остальные по два погребения (№ 43 и 70, № 50 и 53). В отношении погребений каждой из этих групп можно сделать вывод об их одновременности.

Таким образом, по материалам Волосово-Даниловского могильника было выявлено 9 гончаров-левшей, оставивших свою посуду в погребениях. При этом нужно иметь в виду, что эти гончары работали не одновременно. Судя по выделенным мною ранее хронологическим группам могильника, погребения с посудой левшей относятся ко второй, второй-третьей и третьей хронологическим группам. Это позволяет предположить в составе данных групп как минимум два последовательных поколения гончаров-левшей.

Важно отметить, что посуда почти всех гончаров-левшей, кроме двух, оказалась в первом блоке погребений, составленном ранее по формам-моделям. В результате выделения сосудов, изготовленных гончарами-левшами (из погребений № 43 и № 70), к этому блоку добавилось еще два погребения: № 70 и № 57. Всего, с учетом гончаров-левшей, выявлено 35 разных гончаров, посуда которых присутствует в погребениях могильника.

Подводя итоги этого исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Использование гончаром для изготовления разных сосудов одной и той же формы-модели является еще одним критерием, позволяющим определять посуду, сделанную одним мастером. С помощью этого критерия удалось выделить больше половины погребений, связанных посудой одного мастера. Надежность разработанного метода анализа форм-моделей подтвердили результаты, полученные при изучении сосудов, изготовленных гончарами-левшами.

2. Выделение посуды гончаров-левшей позволило дополнить выделенные блоки мастеров включением в них новых погребений могильника.

3. Выявленное большое количество гончаров, оставивших свою посуду на могильнике, свидетельствует о домашнем доремесленном или ремесленном на заказ гончарном производстве у фатьяновского населения.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А., 2018. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 11–25.

Волкова Е. В. Гончары-левши бронзового века (первые результаты экспериментального исследования) // КСИА. (В печати.)

Волкова Е. В., 1996. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука. 122 с.

Волкова Е. В., 1998. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М.: Старый сад. 260 с.

Волкова Е. В., 2010. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН. 248 с.

Китицына Л. С., 1964. Примитивные формы гончарства Костромской области // СА. № 3. С. 149–164.

Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С., 1987. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. М.: Наука. 145 с. (САИ; вып. В1-22.)

Цетлин Ю. Б., 2018. Об общем подходе к методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 124–179.

Сведения об авторе

Волкова Елена Витальевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: volk_h@mail.ru

E. V. Volkova

THE METHODOLOGY FOR SINGLING OUT VESSELS MADE BY ONE CRAFTSMAN

Abstract. The paper is dedicated to new, additional criteria for singling out vessels made by one craftsman. It has been proven experimentally that the vessel body is the most stable element. Regarding its characteristics, the maximum diameter turned out to be the most stable. Using two characteristics of the body, i.e. its proportions and its maximum diameter, the author selected vessels made with the use of the same model shape among all vessels coming from the Volosovo-Danilovo burial ground. Comparison of the vessels made with the use of the same model shape, the same raw material, the same composition of clay paste and proportion of grog in it provided an opportunity to single out vessels made by one craftsman. Therefore, one more criterion for singling out vessels made by the same craftsman is proposed, i.e. a similar model shape used in making vessels. The methodology for identifying left-handed potters developed by the author, on the one hand, confirmed that the methodology of analyzing vessels shape was correct and, on the other hand, made it possible to identify a greater number of various potters whose vessels were placed into the graves as funerary offerings.

Keywords: clay vessel, model shape, experiment, criteria for singling out vessels made by one craftsman, left-handed potter, Volosovo-Danilovo burial ground, Fatyanovo culture, Bronze Age.

REFERENCES

Bobrinskiy A. A., 2018. O metodike izucheniya form glinyanoy posudy iz arkheologicheskikh raskopok [On methods of study of shapes of clay ware from archaeological excavations]. *Formy glinyanykh sosudov kak ob"yekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod [Clay vessels shapes as an object of study. Historical-cultural approach]*. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 11–25.

Kititsyna L. S., 1964. Primitivnyye formy goncharstva Kostromskoy oblasti [Primitive patterns of pottery-making in Kostroma region]. *SA*, 3, pp. 149–164.

Kraynov D. A., Gadzyatskaya O. S., 1987. Fat'yanovskaya kul'tura. Yaroslavskoye Povolzh'ye [Fat'yanovo culture. Yaroslavl' Volga region]. Moscow: Nauka. 145 p. (SAI.)

Tsetlin Yu. B., 2018. Ob obshchem podkhode k metodike sistemnogo izucheniya form glinyanykh sosudov [On general approach to method of systematic study of clay vessels shapes]. *Formy glinyanykh sosudov kak ob"yekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod [Clay vessels shapes as an object of study. Historical-cultural approach]*. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 124–179.

Volkova E. V. Gonchary-levshi bronzovogo veka (pervyye rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya) [Left-handed potters in Bronze Age (first results of experimental research)]. *KSIA*. (In print.)

Volkova E. V., 1996. Goncharstvo fat'yanovskikh plemen [Pottery-making of Fat'yanovo tribes]. Moscow: Nauka. 122 p.

Volkova E. V., 1998. Keramika Volosovo-Danilovskogo mogil'nika fat'yanovskoy kul'tury kak istoricheskiy istochnik [Ceramics of Volosovo-Danilovo cemetery of Fat'yanovo culture as historical source]. Moscow: Staryy sad. 260 p.

Volkova E. V., 2010. Novinkovskiye mogil'niki fat'yanovskoy kul'tury [Novinki cemeteries of Fat'yanovo culture]. Moscow: IA RAN. 248 p.

About the author

Volkova Elena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volk_h@mail.ru

Таблица 1. Посуда мастеров блока 1

№ мастера	№ сосуда	№ погр.	Вид инстр.	Образ орнамента	Ожел. глины	Запесоч. глины	ФМ сосуда	ФМ шамота	Хрон.	Вид сосуда	Пол погр.
1	714	107	?	1д, 3д, 6ш, 10(1)	?	?	ОШ	?	III	горшок	м
	276ар	43	?	1д, 6ш	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	ж
	274	43	а, г	1д, 2(1), 3д, 10(1)	?	2	ОШ	?	II	горшок	ж
	327	51	а, г	1д, 3д, 6ш	?	2	ОШ	ОШ	III	горшок	м
	327а	51	а, г	1д, 3д, 6ш	3	2	ОШ	?	III	горшок	м
	297р	47	а, г	1д, 2(1), 3д, 6ш, 6(1)	3	2	ОШ	ОШ	IV	горшок	д
	373	58	?	1д, 6(1), 12д, 20о	3	2	ОШ	ОШ	IV	горшок	м
	500	71	а, г	1д, 2(1), 3д, 6ш	3	2	ОШ	ОШ	I-II	горшок	д
2	715	107	а, г	1д, 2(1), 3д, 6ш	3	3	ОШ	?	III	горшок	м
	524р	74	б, г	1д, 1о, 3д	?	3	ОШ	?	II	горшок	ж+д
3	276	43	а, г	1д, 2(1), 3д, 6ш	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	ж
	489	70	а, г	1д, 3д, 5д, 6(2), 10(1)	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	490	70	а, г	1д, 2(1), 3д, 10(1)	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	492	70	а	1д, 20о	3	1	ОШ	ОШ	II	кубок	м
	369	57	?	1д, 3д, 6ш, 12д	?	?	ОШ	?	II	горшок	м
4	367	57	б	1о, 2(1)	3	3	ОШ	ОШД	II	горшок	м
	370	57	?	1о, 3д	?	?	?	?	II	горшок	м
	20р	3	а, г	1д, 3д, 10(1)	3	3	ОШ	ОШД	II	горшок	м
5	19	3	б	1о, 2(1)	?	3	ОШ	?	II	горшок	м
	75р	11	д, г	1о	3	3	ОШ	ОШ	II	горшок	ж
	379	60	?	1д, 3д, 6ш	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	481р	69	б	1д, 4(1), 11(1), 12д	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	м
6	68р	9	д, г	1о	3	3	ОШД	ОШД	II	горшок	ж
	76	11	д, г	1о, 20д, 28о	3	3	ОШД	?	II	амфора	ж

Таблица 2. Посуда мастеров блока 2

№ мастера	№ сосуда	№ погр.	Вид инстр.	Образ орн-та	Ожел. глины	Запесоч. глины	ФМ сосуда	ФМ шамота	Хрон.	Вид сосуда	Пол Погр.
1	685	104	б	1д, 10(1)	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	ж
	687р	104	б	1д, 20о	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	ж
	604	88	а, г	1д, 3д, 4(1), 6ш, 10(1)	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	376	59	?	1д, 3д, 6(1), 6ш	3	2	ОШ	ОШ	IV	горшок	м
	549р	80	б	1д, 6ш	?	2	ОШ	ОШ	III	горшок	ж
	388	61	?	2(1), 12о	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	421	63	б, г	1д, 2(1), 3д, 6ш	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	420	63	а, б, г	1д, 3д, 20о	?	1	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	422р	63	б	1д, 2(1), 5о	3	?	ОШ	?	II	горшок	м
	423р	63	б, г	1д, 2(2), 3д, 6ш	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	м
2	689	104	?	1д, 8ш	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	ж
	605р	88	а	1д, 1о, 2(1), 4(1)	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	м
3	389	61	д, г	1д, 3д	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	380	60	а, г	1д, 3д, 5о, 6ш	3	1	ОШ	?	II	горшок	м
	381	60	?	1д, 3д, 6ш	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	м
4	479р	69	а	1д, 5д, 8(1)	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	570	84	б	1д, 20о	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	мал.
5	572	84	б	1д, 20о	3	1	ОШ	?	II	горшок	мал.
	118р	20	?	1д, 3д, 6ш, 6(1)	3	1	ОШ	ОШ	III	горшок	мал.

Таблица 3. Посуда мастеров блока 3

№ мастера	№ сосуда	№ погр.	Вид инстр.	Образ орн-та	Ожел. глины	Запесоч. глины	ФМ сосуда	ФМ шамота	Хрон.	Вид сосуда	Пол погр.
1	680р	103	б, г	1о, 2(1), 3д	3	1	ОШД	ОШД	II	горшок	?
	655	98	а, г	1д, 2(1), 3 д, 6(1), 6ш	3	1	ОШД	ОШД	II	горшок	м
2	681р	103	б	1о, 2(1), 6ш	?	1	ОШ	ОШД	II	горшок	?
	673р	101	б, г	3д, 6(1), 12д	3	1	ОШ	ОШД	III	горшок	м
	125	21	б	1д, 2(1), 5д, 6ш	3	1	ОШ	ОШД	II	горшок	м+?
3	652р	98	?	1д	3	1	ОШД	ОШД	II	амфора	м
	35р	5б	б	1д, 6ш	3	1	ОШД	ОШД	II	амфора	м
4	654	98	а	1д, 1о, 2д, 3д	3	1	ОШ	ОШД	II	горшок	м
	3р	1	а	1д, 6ш	3	1	ОШ	ОШД	II	горшок	ж
	461	68	а, г	1д, 2(1), 3д, 6ш	3	1	ОШ	ОШД	II	горшок	в+д
5	653р	98	а, г	1д, 2(1), 2(2), 3д, 12д	3	2	ОШД	ОД	II	горшок	м
	621	93	а, г	1д, 1о, 2(2), 3д	3	3	ОШД	ОД	II	горшок	д
	622	93	а	1д, 1о, 2(2), 12д	?	?	ОШД	ОД	II	горшок	д
6	124	21	б, г	1о, 3д, 6(2)	?	2	ОШ	?	II	горшок	м+?
	127	21	д	1о	3	2	ОШ	ОШ	II	горшок	м+?

Таблица 4. Посуда мастеров блока 4

№ мастера	№ сосуда	№ погр.	Вид инстр.	Образ орн-та	Ожел. глины	Запесоч. глины	ФМ сосуда	ФМ шамота	Хрон.	Вид сосуда	Пол погр.
1	616р	90	а	1д, 10(1)	3	1	ОШ	ОШ	IV	горшок	мал.
	144	24	а	1д, 2(1), 6ш	3	1	ОШ	?	II	горшок	мал.
2	142	24	а	1д, 3д, 6ш	3	1	ОШ	ОШД	II	горшок	м
	292	45	а, г	1о, 2(1), 3д	3	?	ОШ	ОШД	II	горшок	м
	290р	45	а, г	1о, 2(1), 3д	?	?	?	?	II	горшок	м
	190	30	а	1о, 2(1)	3	1	ОШ	?	II	горшок	м+д
	196	31	а, г	1д, 2(1), 3д, 6ш	3	2	ОШ	?	II	горшок	ж
3	145	24	?	?	?	3	ОШД	ОШ	II	амфора	м
	187	30	а	1, 5	3	2	ОШД	ОШ	II	амфора	м+д
4	291	45	а	1о, 2(1)	3	2	ОШД	ОД	II	амфора	м
	195	31	?	1д, 2д, 20о, 28д	?	?	?	?	II	амфора	ж

Таблица 5. Посуда мастеров блока 5

№ мастера	№ сосуда	№ погр.	Вид инстр.	Образ орн-та	Ожел. глины	Запесоч. глины	ФМ сосуда	ФМ шамота	Хрон.	Вид сосуда	Пол погр.
1	671	100	а, г	1д, 2(2), 3д, 4(2), 5д, 6(1)	3	?	ОШ	ОШ	II	горшок	ж
	663	99	б, д, г	1д, 3д, 6(1), 6ш, 12д, 13д	3	3	ОШ	?	II	горшок	ж
	305	48	а	1д, 4(1), 8(1), 12д, 15д, 21д	3	3	ОШ	?	III	горшок	м

Таблица 6. Посуда мастеров блока 6

№ мастера	№ сосуда	№ погр.	Вид инстр.	Образ орн-та	Ожел. глины	Запесоч. глины	ФМ сосуда	ФМ шамота	Хрон.	Вид сосуда	Пол Погр.
1	504р	72	а	1д, 6ш	3	2	ОШД	ОД	II	амфора	мал.
	111	19	?	1д, 6ш	3	2	ОШД	ОД	II	амфора	м
2	112	19	?	1д, 2(1), 5о, 15д, 20д	3	2	ОШ	ОШ	II	амфора	м
	159	26	б	9(2), 12д, 20о, 28д	3	2	ОШ	ОШ	IV	амфора	ж
3	114	19	б, г	1д, 3д, 6ш	3	1	ОШ	ОШ	II	горшок	м
	160	26	а, г	2(1), 3д, 6ш, 6(2), 12д	3	2	ОШ	ОШ	IV	горшок	ж

Таблица 7. Посуда мастеров блока 7

№ мастера	№ сосуда	№ погр.	Вид инстр.	Образ орн-та	Ожел. глины	Запесоч. глины	ФМ сосуда	ФМ шамота	Хрон.	Вид сосуда	Пол погр.
1	99	15	б, д, г	1д, 2(2), 3д, 5о, 10(1), 12д	3	3	ОШ	?	II	горшок	?
	254	41	б, г	1д, 3д, 6ш	3	2	ОШ	ОД	II	горшок	м
	255	41	б, г	1д, 3д, 6ш	3	2	ОШ	ОД	II	горшок	м
2	251р	41	б/о		3	2	ОШ	ОШ	II	миска	м
	453	67	?	1д, 3д, 5о	?	2	ОШ	?	II-III	миска	д

Таблица 8. Погребения, связанные посудой пяти разных мастеров

Мастер	№ сосуда	№ погр.	Вид инстр.	Образ орн-та	Ожел. глины	Запесоч. глины	ФМ сосуда	ФМ шамота	Хрон.	Вид сосуда	Пол погр.
Один мастер	644	97	а	1д, 6ш	3	1	ОШ	ОШ	?	горшок	ж
	646	97	а, г	1д, 3д, 6ш	?	?	?	?	?	горшок	ж
	645	97а	а	1д, 6ш, 20д	3	1	ОШ	ОШ	?	амфора	ж
Один мастер	312р	49	а, г	1д, 1о, 3д, 6(1)	3	3	ОШ	ОШ	II	горшок	д
	537р	77	а	1д, 13о	3	3	ОШ	ОШ	I–II	горшок	мал.
Один мастер	318р	50	б	1д, 6ш, 15д	3	1	ОШД	ОШД	II	амфора	м
	346	53	?	1д, 2(2), 20о	3	1	ОШД	ОШД	II	амфора	м
Один мастер	702	105	?	1д, 16о	?	?	ОШ	?	II	амфора	д
	82	12	а	1д, 1о, 2(1), 16о	3	1	ОШ	ОШД	II	горшок	ж
	81	12	д, г	1д, 2(1), 3д, 12д, 15о	3	1	ОШ	ОШД	II	горшок	ж
Один мастер	50	7	д	1о, 2д	3	1	ОШД	ОШД	II	горшок	ж
	27	4	д	1о, 2д	3	1	ОШД	ОШД	II	горшок	д

Примечание ко всем таблицам:

Вид инструмента: *а* – зубчатый штамп; *б* – гладкий штамп; *г* – «нож»; *д* – инструмент, оставляющий небольшие вдавления округлой формы, *б/о* – без орнамента

Образ орнамента – орнаментальный образ и его мотив: *1* – горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий; *2* – горизонтальный зигзаг; *3* – горизонтальная прямая линия; *4* – параллельные переменно-наклонные линии; *5* – группы вертикальных линий; *6* – неоконтуренный ромб; *7* – оконтуренный с одной стороны ромб; *8* – оконтуренный ромб; *9* – ромб с решеткой; *10* – длинный ромб; *11* – контурный ромб; *12* – косая решетка; *13* – заштрихованный зигзаг; *15* – горизонтальная елочка; *16* – вертикальная елочка; *20* – вертикальный ряд наклонных линий; *21* – заштрихованный треугольник вершиной вниз; *28* – вертикальная прямая линия (об орнаментальных образах см.: *Волкова*, 2010. С. 101); *д* – дополнительный мотив; *о* – основной мотив, цифра в скобках – число рядов

Ожел. глины: *1* – неожелезненная; *2* – средней ожелезненности; *3* – сильной ожелезненности

Запесоч. глины: *1* – слабозапесоченная; *2* – среднезапесоченная; *3* – сильнозапесоченная

ФМ сосуда и ФМ шамота: ОШ – органика в виде выжимки из навоза + шамот; ОД – выжимка из навоза + дресва; ОШД – выжимка из навоза + шамот + дресва; Хрон. – номер хронологической группы

Пол погр.: *ж* – женщина; *м* – мужчина; *д* – ребенок; *мал.* – мальчик

Ю. Б. Цетлин

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ И КЕРАМИКИ МОГИЛЬНИКА ОТВЕРЖИЧИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. Зарубинецкий могильник Отвержичи в Полесье относится к одному из наиболее известных погребальных памятников этой культуры. Исследователи дважды специально обращались к вопросу о его периодизации. При этом в основу в обоих случаях были положены данные о датировке фибул, которая опиралась на аналогии соответствующим материалам Южной и Средней Европы. В статье впервые предпринята попытка построить периодизацию погребений могильника, базируясь почти исключительно на системном анализе целых форм глиняной посуды. Для этого использована оригинальная авторская методика. В результате в истории могильника было выделено 4 периода, которые позволили выявить основные тенденции развития во времени традиций создания форм сосудов у местного зарубинецкого населения.

Ключевые слова: ранний железный век, зарубинецкая культура, могильник Отвержичи, периодизация погребений, формы сосудов, гончарные традиции.

Могильник Отвержичи относится к числу наиболее крупных погребальных комплексов зарубинецкой культуры раннего железного века. Памятники зарубинецкой культуры были впервые выделены в 1899 г. В. В. Хвойко по частично раскопанному им могильнику у с. Зарубинцы в Среднем Приднепровье (*Хвойко*, 1901). Этот могильник и дал название культуре.

Могильник Отвержичи расположен на территории Полесья в Брестской области Беларуси на правом берегу р. Горыни. Он был найден Ю. В. Кухаренко в 1955 г., а в 1957 и 1962 гг. им же было изучено на могильнике 13 погребений (*Кухаренко*, 1964). В 1963, 1965 и 1968 гг. могильник раскапывался К. В. Каспаровой, исследовавшей на нем 83 погребения (*Каспарова*, 1969; 1976). Таким образом, в общей сложности на могильнике было исследовано 97 погребений, в которых зафиксировано 234 целых и частично фрагментированных глиняных сосуда (*Каспарова*, 1969. С. 138; 1976. С. 42).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.343-365

Периодизации К. В. Каспаровой и С. П. Пачковой

В настоящее время опубликованы две периодизации могильника Отвержичи: К. В. Каспаровой (1976) и С. П. Пачковой (2006), которые заметно отличаются друг от друга. Обе периодизации базируются на датировке среднеевропейских латенских металлических украшений и их местных копий, дополненной сравнительным анализом форм глиняных сосудов, встреченных в погребениях с металлом, со всей остальной посудой могильника.

Более ранняя периодизация К. В. Каспаровой опирается главным образом на разработки А. К. Амброза по относительной и абсолютной датировке зарубинецких фибул (*Амброз*, 1959; 1966), разделенных им на 5 типов; причем тип 1 рассматривается как наиболее ранний, а тип 5 – как наиболее поздний. По ее мнению, «фибулы – пока единственный хронологический эталон для зарубинецкой культуры Полесья» (*Каспарова*, 1976. С. 52). Периодизация по фибулам была дополнена сравнительным анализом форм сосудов. В результате автором были выделены «несколько хронологических групп погребений», верхние и нижние границы которых намечены условно (Там же. С. 61, 62):

Группа 1 (I в. до н. э.) – могилы № 80, 44, 42, 90, 32, 66, 81, 29, 39, 60, 79, 2, 9, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 36, 61, 63, 64, 73, 82, 87, 88, 92, 94, 95, 74, 76.

Группа 2 (I в. до н. э. и, возможно, самое начало I в. н. э.) – могилы № 12, 28, 35, 37, 38, 46, 72, 27, 84).

Группа 3 (вторая половина I в. до н. э. – начало н. э.) – могилы № 11, 25, 55, 78, 31, 47, 51, 77, 86, 59, 41, 52, 69, 83, 34, 57, 21, 45, 4, 48, 50, 65.

Группа 4 (первая половина I в. н. э.) – могилы № 24, 54, 43, 26, 3, 5, 10, 70.

Наиболее ранние погребения (№ 80 и 44) маркируются находками фибул типов 1 и 2 по Амброзу, а наиболее поздние (№ 1, 24, 26, 54) – находками так называемых «воинских» фибул и зарубинецких фибул типа 4.

Общее время функционирования могильника, по мнению К. В. Каспаровой, охватывает период 150–180 лет.

Вторая периодизация могильника Отвержичи принадлежит С. П. Пачковой. По своему подходу эта периодизация аналогична предыдущей. Основу ее составляют результаты дендрохронологических анализов из раскопок латенских и кельтских памятников, скорректированные корреляцией фибул и других датирующих вещей с керамикой из могильника (*Пачкова*, 2006. С. 105, 114).

В результате все погребения могильника Отвержичи были разделены автором на три периода, а внутри периодов – на фазы (Там же. С. 121, 122).

Первый период. Самым ранним С. П. Пачкова считает погребение № 33 без фибул, но с горшком милоградского типа. К этому же периоду отнесены два женских погребения с фибулами типа B/A (№ 21) и с фибулой типа 3T-I (№ 80), а также три мужских погребения (№ 2, 53, 63) и кенотаф (№ 52). Последние 4 погребения датированы только по керамике.

Второй период. Фаза «а» включает 4 женских погребения (№ 17, 61, 73, 94), одно мужское (№ 83) и один кенотаф (№ 87). Все эти погребения отнесены к данной фазе только по керамике. Фаза «б» объединяет 12 женских погребений (№ 16, 25, 31, 36, 41, 44, 57, 66, 67, 73, 77, 84), 7 мужских погребений (№ 32, 58,

64, 65, 78, 90, 96), одно детское (№ 39) и один кенотаф (№ 88). Последние 9 погребений без датирующих предметов.

Выше погребение № 80 с фибулой ЗТ-1 было отнесено к первому периоду, а здесь погребение № 44 также с фибулой ЗТ-1 включено уже в следующий период. К этому же времени автор отнес погребения № 57 с фибулой ЗТ-2 и № 31 с фибулой ЗТ-3, которые относятся к более позднему времени.

Третий период. К фазе «а» отнесены 6 женских погребений (№ 18, 42, 59, 69, 74, 86), два мужских (№ 20, 95) и кенотаф (№ 15). Здесь погребение № 59 содержит фибулу типа ЗТ-2, как и погребение № 57, которое выше было включено во второй период. Фаза «б» включает 12 женских погребений (№ 1, 25, 26, 34, 43, 47, 48, 50, 51, 54, 55, 82), два детских (№ 38, 45), 14 мужских (№ 3, 4, 22, 24, 35, 53, 62, 71, 72, 79, 81, 85, 91, 97) и 6 кенотафов без датирующих вещей (№ 14, 19, 23, 30, 40, 89). Среди этих погребений целый ряд содержит фибулы поздних типов: № 1 – с фибулами М3б + N3б, № 26 – с фибулами ЗТ-IVв + М1б, № 34 – с фибулой В, имеющей широкую датировку, № 43 – с фибулой ЗТ-IVб, № 47 – с фибулой ЗТ-IVа, № 51 – с фибулой ЗТ-III, № 54 – с фибулой ЗТ-IVб, № 45 – с фибулой ЗТ-III и № 24 – с фибулой N1в.

Таким образом, судя по времени бытования самых ранних и самых поздних фибул, могильник Отвержичи мог существовать в период с конца III в. до н. э. до 50–70 гг. н. э., то есть в интервале 270–280 лет.

Сравним теперь эти две периодизации, которые базируются на одном и том же фактическом основании, которым служит датировка фибул. Сразу следует отметить, что по относительной последовательности совершения погребений эти периодизации достаточно близки. В частности, у К. В. Каспаровой к первой хронологической группе относятся могилы № 2, 17, 61, 63, 73, 80, 87, 94. Эти же погребения С. П. Пачковой отнесены к первому периоду и к фазе «а» второго периода. Отчасти совпадают и группы наиболее поздних могил. Так, и К. В. Каспарова, и С. П. Пачкова отнесли к наиболее позднему времени могилы № 3, 24, 26, 43 и 54. Однако наряду с этим в периодизациях двух исследовательниц имеются и значительные расхождения. Отмечу только наиболее явные из них. С. П. Пачкова включила могилы № 14, 19, 35, 38, 72, 79, 81 и 82 в фазу «б» наиболее позднего, третьего, периода, а у К. В. Каспаровой эти же могилы относятся к первой и второй хронологическим группам, которые практически одновременны; у С. П. Пачковой могилы № 21 и 52 – наиболее ранние, а у К. В. Каспаровой они отнесены к третьей хронологической группе.

Таким образом, вопрос о том, какая из двух периодизаций зарубинецкого могильника Отвержичи более точно отражает реальную картину истории этого кладбища, остается открытым.

Методика построения периодизации

В данной статье предпринята попытка построения относительной периодизации могильника на основе изучения с позиций историко-культурного подхода форм глиняной посуды из погребений. Для этого использованы результаты

изучения 140 сосудов из 64 погребений могильника. Построение периодизации базируется на разработанной автором методике (Подробное изложение этой методики см.: *Цетлин*, 2008. С. 13–18), которая успешно прошла апробирование на материалах поселений эпохи неолита (Там же), могильниках бронзового века (*Хаванский*, 2011) и раннего Средневековья (*Цетлин, Холошин*, 2017; 2019).

Решение поставленной проблемы предполагает выполнение ряда конкретных исследовательских задач.

Первая задача состоит в проведении систематики форм сосудов по общей пропорциональности, естественной структуре и степени сформированности функциональных частей, из которых состоят формы. Этот этап работы был проведен ранее (*Цетлин*, 2019).

Вторая задача включает выяснение степени сходства (коэффициента сходства – КС) погребений могильника друг с другом по результатам сравнительного анализа сосудов, которые в них содержатся.

Третья задача предполагает выбор двух погребений, которые должны обладать одновременно двумя характеристиками. Во-первых, они должны иметь между собой либо *минимальное*, либо *очень небольшое* сходство (в данном случае по совокупности сосудов, которые в них находятся). То есть по степени сходства они сильно удалены друг от друга. В этом случае эти два погребения образуют «условную ось времени», отмечая ее начало и конец, а между ними располагаются все остальные погребения могильника. Во-вторых, по крайней мере, одно или оба этих погребения должны быть датированы по каким-либо независимым данным. Это позволяет ориентировать условную ось времени, то есть определить, какой ее конец является наиболее ранним, а какой – наиболее поздним. При этом длину условной оси времени удобно выражать в процентах.

Четвертая задача состоит в определении в процентах «коэффициента места» (КМ) каждого погребения на условной оси времени.

И наконец, последняя задача предполагает выделение отдельных периодов в истории могильника. Решение ее базируется на том факте, что погребения, как правило, располагаются на условной оси времени не равномерно, а в виде ряда скоплений, разделенных некими промежутками, где погребения либо полностью отсутствуют, либо представлены незначительным числом.

После краткого изложения общего подхода к построению периодизации погребений могильника Отвержичи рассмотрим полученные результаты.

Результаты построения периодизации

Сравнение друг с другом 64 погребений могильника по 140 сосудам потребовало провести около 10 тыс. сопоставлений форм сосудов по степени сходства (КС) их естественной структуры и степени сформированности функциональных частей. В результате этого были выделены два погребения, которые, с одной стороны, обладали очень низким сходством между собой (КС = 0,1), а с другой стороны, относились, судя по содержащимся в них фибулам, к наиболее раннему и наиболее позднему времени. Это погребение № 44 с фибулой 3Т-1 и погребение № 24 с фибулой N1B. Обе исследовательницы

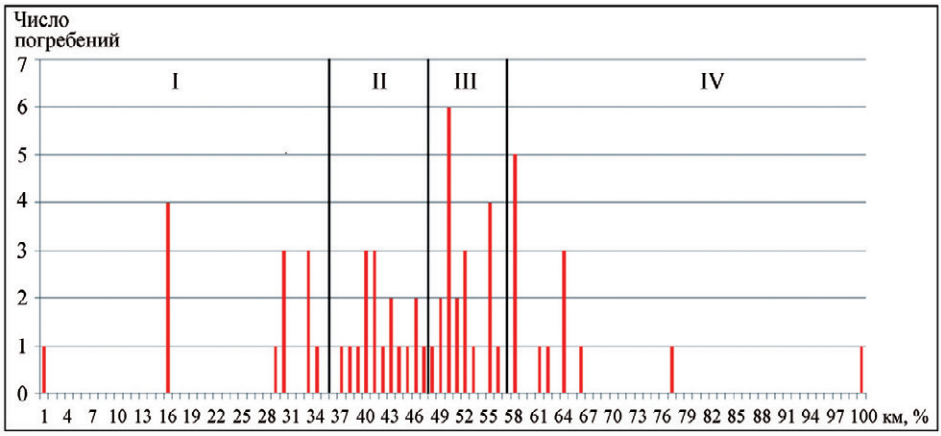


Рис. 1. Могильник Отвержичи.
Периодизация погребений на втором уровне сформированности форм сосудов

практически одинаково определяли хронологическое положение этих погребений (*Каспарова*, 1969. С. 154; 1976. С. 53, 60; *Пачкова*, 2006. С. 121, 122).

Проведенный расчет коэффициента места (КМ) и размещение всех остальных погребений могильника на условной оси времени позволяет получить следующую картину (рис. 1). Учитывая особенности расположения погребений на оси времени, в истории могильника можно ориентировочно выделить 4 периода (табл. 1; все таблицы расположены в конце статьи), которые позволят выявить определенные тенденции развития во времени гончарных традиций в области придания формы глиняным сосудам.

В соответствии с полученной периодизацией к первому периоду относятся 13 погребений (№ 14, 23, 25, 40, 44, 57, 58, 71, 78, 79, 84, 87, 96) и 22 сосуда, ко второму периоду – 17 погребений (№ 18, 19, 30, 42, 43, 45, 48, 51, 52, 54, 64, 67, 68, 73, 82, 86, 92) и 42 сосуда, к третьему периоду – 21 погребение (№ 17, 20, 31, 33, 36, 41, 50, 55, 61, 63, 65, 66, 69, 72, 77, 83, 88, 90, 91, 94, 95) и 54 сосуда и к четвертому периоду – 13 погребений (№ 15, 21, 22, 24, 32, 34, 38, 39, 53, 62, 74, 81, 85) и 22 сосуда.

Следует отметить, что в расположении погребений разных периодов на общем плане могильника Отвержичи пока не удается выявить какие-либо локальные группы (рис. 2).

Теперь сопоставим полученную периодизацию погребений с данными об относительной хронологии фибул, найденных в могильнике. По данным К. В. Каспаровой, в погребениях зафиксировано 20 или 22 бронзовых и 10 или 11 железных фибул в 19 погребениях (*Каспарова*, 1967. С. 120; 1969. С. 152; 1976. С. 52). Для хронологизации погребений К. В. Каспарова использует фибулы из 18 погребений (1976. Рис. 12), а С. П. Пачкова – из 17 погребений (*Пачкова*, 2006. С. 122. Табл. 10). Из этих погребений в мою периодизацию не вошли 6 погребений. Из них погребение № 80 (без керамики), погребения № 26 и 27 (керамика в обломках), погребения № 1, 47 и 59 (у меня отсутствуют фотографии сосудов).

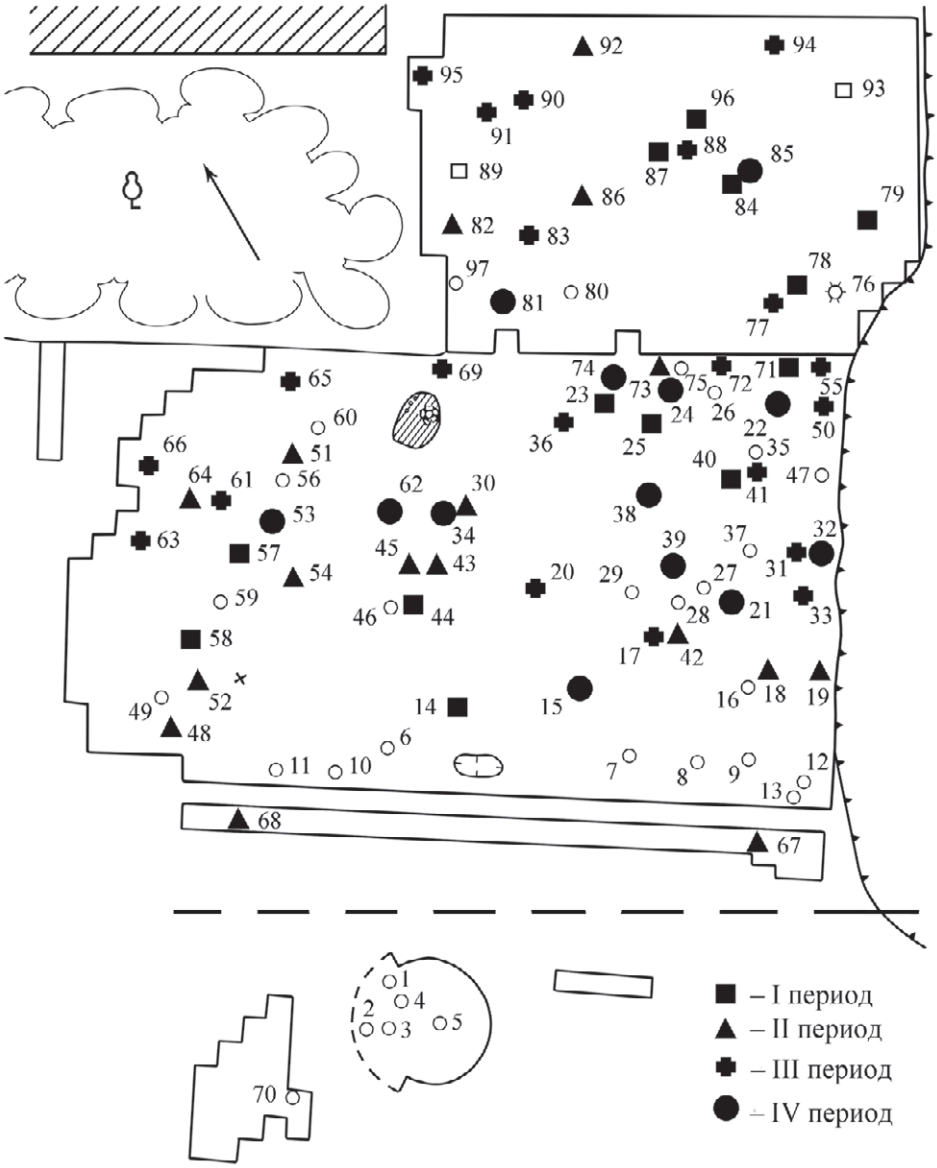


Рис. 2. Могильник Отвержичи.
Расположение погребений разных периодов на территории могильника

По предлагаемой периодизации к первому периоду относятся погребения № 44 с фибулой ЗТ-I, № 57 с фибулой ЗТ-II и № 84 с фибулой В, бытование которой имеет очень широкий диапазон (*Пачкова*, 2006. С. 108, 110). Во второй период включены погребения № 45 и 51 с фибулами ЗТ-III и погребения № 43 и 54 с фибулами ЗТ-IVб. К третьему периоду отнесены погребения № 77 с фибулой ЗТ-II (по С. П. Пачковой), или ЗТ-III (по: *Каспарова*, 1976. С. 52), и № 31 с фибулами ЗТ-III и В. И наконец, к четвертому периоду принадлежат погребение № 34 – с фибулой В (имеющей широкую дату), наиболее позднее погребение № 24 с фибулой N1в и погребение № 21 с фибулой В/А. Последнее погребение С. П. Пачкова отнесла к раннему периоду, а К. В. Каспарова отмечает, что у таких фибул «период бытования на памятниках зарубинецкой культуры в основном приходится на I в. до н. э. и начало I в. н. э. (Там же). Таким образом, предложенная в статье периодизация могильника по формам сосудов частично совпадает с относительной датировкой погребений могильника Отвержичи, проведенной ранее разными исследователями по фибулам. Имеющиеся расхождения касаются в основном погребений второго периода (по моей периодизации), содержащих зарубинецкие фибулы типа ЗТ-III и ЗТ-IV (погребения № 43, 45, 51 и 54), которые К. В. Каспарова и С. П. Пачкова относят к более позднему времени.

Отмечу также, что по наблюдениям К. В. Каспаровой погребение № 85 нарушило более раннее погребение № 84. По моим данным, погребение № 84 относится к первому периоду, а № 85 – к четвертому.

Развитие гончарных традиций во времени

Теперь рассмотрим, как изменялись во времени у населения, оставившего могильник Отвержичи, гончарные традиции на уровне общей пропорциональности сосудов, состава их естественной структуры и степени ее сформированности. (О методике изучения форм сосудов см.: Формы глиняных сосудов…, 2018. *Цетлин*, 2018. С. 124–179). Каждый период более правильно пока рассматривать как нечто единое, без внутренней детализации по времени.

Общая пропорциональность форм сосудов (табл. 2). По общей пропорциональности в материалах могильника выделяются две категории форм: средних/низких пропорций (или «горшки-миски») и средних пропорций («горшковидные») сосуды. Горшки-миски могильника по ОПП соответствуют ступеням 26–32, а горшки – ступеням 33–38.

В *первом периоде* (рис. 3) горшки-миски представлены единичными формами, которые тем не менее относятся к двум группам по ОПП: три сосуда соответствуют 28 ступени и один – 32 ступени, т. е. находится практически на границе с категорией горшков. Среди горшковидных форм преобладает посуда 36, 37 и 38 ступеней (соответственно 33, 27 и 22 %), другие по ОПП формы представлены единично.

Во *втором периоде* (рис. 4) картина немного меняется. В категории горшков-мисок выделяются две группы: первая группа соответствует 27 ступени (24 %), а вторая – 31 ступени (34 %). В целом ОПП горшков-мисок несколько уменьшается. У горшковидных сосудов преобладают формы 35, 36 и 37 ступеней

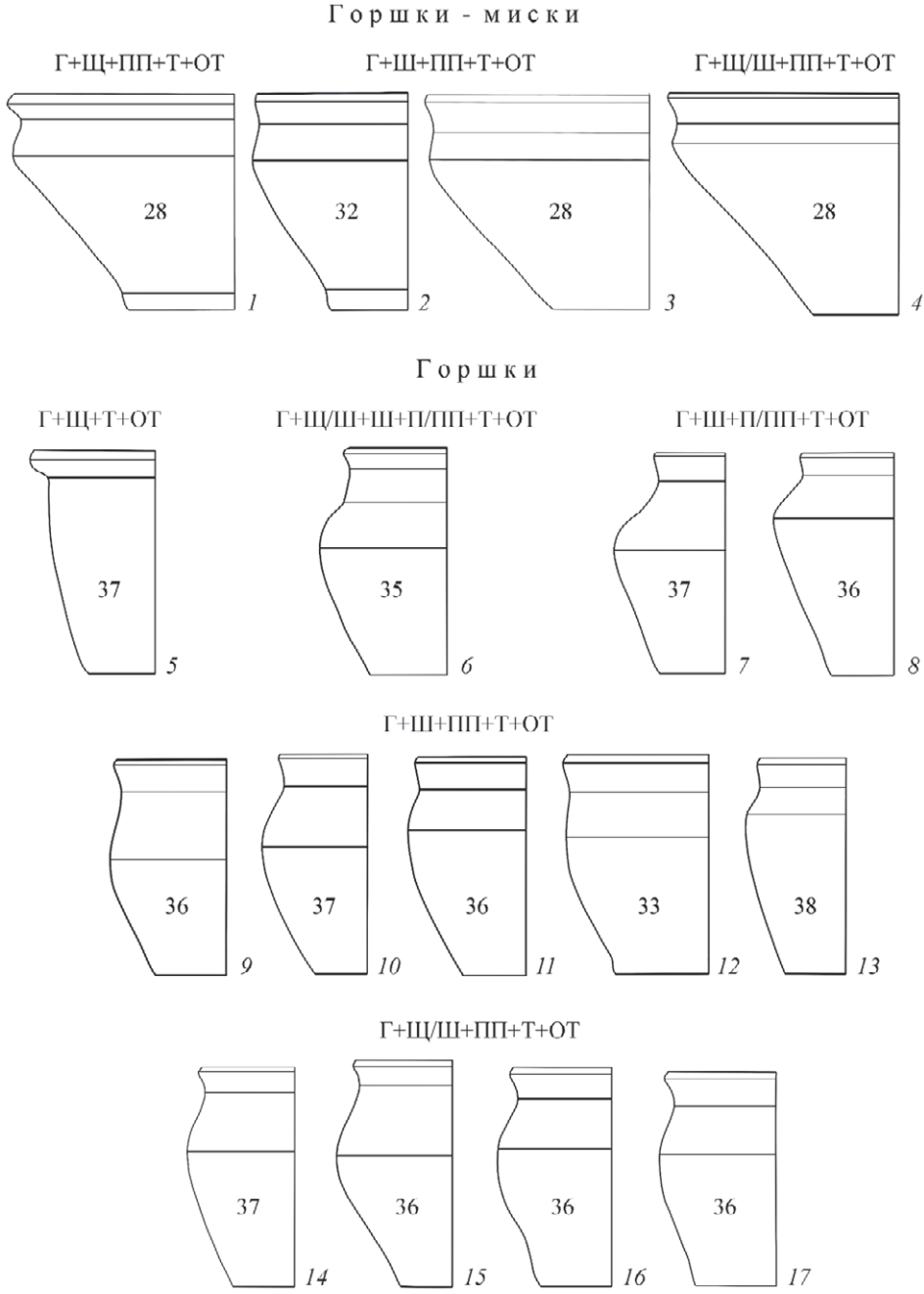


Рис. 3. Могильник Отвержичи. Примеры форм сосудов из погребений I периода

Горшки-миски: *1* – п. 44, с. 53; *2* – п. 57, с. 71; *3* – п. 14, с. 1; *4* – п. 87, с. 123

Горшки: *5* – п. 84, с. 117; *6* – п. 23, с. 24; *7* – п. 79, с. 107; *8* – п. 71, с. 96; *9* – п. 87, с. 124; *10* – п. 58, с. 73; *11* – п. 58, с. 74; *12* – 57, с. 72; *13* – п. 25, с. 28; *14* – п. 78, с. 106; *15* – п. 14, с. 2; *16* – п. 84, с. 116; *17* – п. 44, с. 54

Здесь и далее (рис. 3–6) на изображениях сосудов приведены значения ОПП

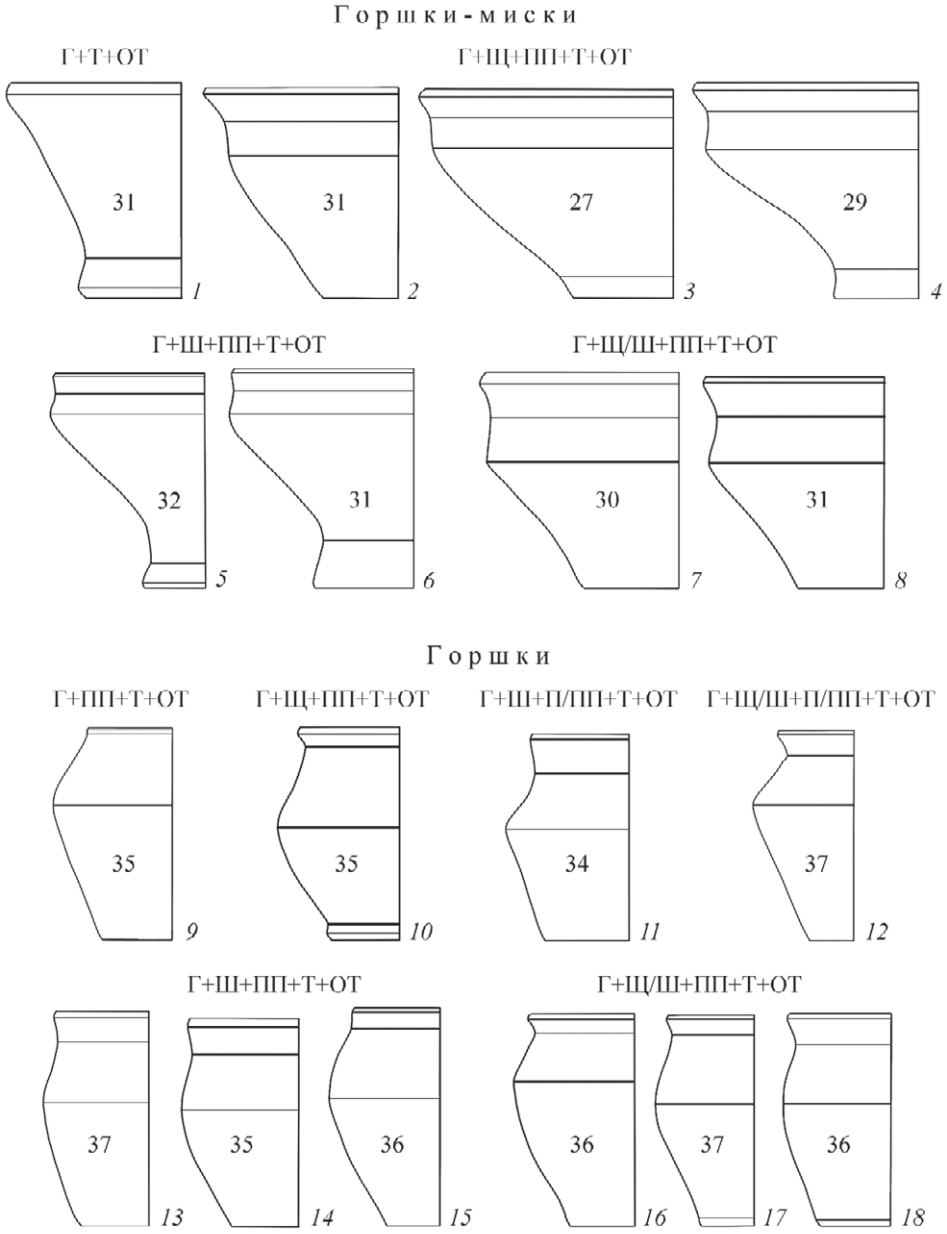


Рис. 4. Могильник Отвержичи. Примеры форм сосудов из погребений II периода

Горшки-миски: *1* – п. 86, с. 122; *2* – п. 67, с. 88; *3* – п. 30, с. 29; *4* – п. 82, с. 110; *5* – п. 42, с. 50; *6* – п. 19, с. 15; *7* – п. 48 – с. 57; *8* – п. 54, с. 68

Горшки: *9* – п. 52, с. 63; *10* – п. 45, с. 56; *11* – п. 51, с. 62; *12* – п. 54, с. 67; *13* – п. 42, с. 47; *14* – п. 52, с. 65; *15* – п. 19, с. 16; *16* – п. 42, с. 48; *17* – п. 68, с. 90; *18* – п. 67, с. 89

(соответственно 20, 40 и 36 %). Таким образом, здесь также ОПП сосудов несколько снижается.

Третий период (рис. 5) характеризуется, с одной стороны, увеличением разнообразия горшков-мисок по ОПП – они распределяются по 27–30 ступеням с максимумом на 28 ступени (25 %) – и такое же количество горшков-мисок (25 %) относятся к 32 ступени (опять на границе с горшковидными формами). Что касается последних, то здесь получают распространение более высокие по ОПП сосуды 36 и 37 ступеней (36 и 34 %). Формы других ступеней ОПП встречены реже.

В *четвертом периоде* (рис. 6) несколько более представлены горшки-миски 29 и 31 ступеней (по 30 %). Горшковидные формы очень разнообразны, но чаще встречаются изделия 35 и 37 ступеней (соответственно 18 и 50 %).

Таким образом, горшки-миски во втором, третьем и четвертом периодах достаточно определенно делятся на две группы. При этом более низкие сосуды с течением времени увеличивают свою пропорциональность (от 27 к 29 ступени), а более высокие горшки-миски колеблются по этому показателю в разные периоды на уровне 31–32 ступеней.

Несколько по-иному проявляет себя тенденция изменения во времени ОПП горшковидных сосудов. В течение первых трех периодов доминируют сосуды 35–38 ступеней по ОПП, причем их пропорциональность то на одну ступень увеличивается, то на одну ступень уменьшается. Только в последнем периоде у горшков (как и у горшков-мисок) вполне четко выделяются две группы по ОПП: одна на 35, а другая – на 37 ступени.

Такое колеблющееся состояние общей пропорциональности обеих категорий сосудов в разные периоды, вероятнее всего, связано с неустойчивостью гончарных навыков у зарубинецких мастеров, которая характерна для начальных экономических форм гончарного производства (*Бобринский*, 2020. С. 26, 27).

Естественная структура форм сосудов (табл. 3).

Первый период (рис. 3). Для горшков-мисок, представленных единично, зафиксированы три вида естественной структуры: Г + Щ + ПП + Т + ОТ (25 %), Г + Ш + ПП + Т + ОТ (50 %) и Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ (25 %). Горшковидные формы имеют в основном два вида конструкций: Г + Ш + ПП + Т + ОТ (43 %) и Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ (22 %).

Второй период (рис. 4). Здесь выявлены горшки-миски трех структур: самая массовая – Г + Щ + ПП + Т + ОТ (46 %), а две другие: Г + Ш + ПП + Т + ОТ и Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ встречаются реже (по 24 %). Аналогичные предыдущему периоду массовые конструкции характерны и для горшковидных сосудов (по 36 %). Можно только отметить, что доля конструкции Г + Ш + ПП + Т + ОТ несколько уменьшается, а доля конструкции Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ, напротив, возрастает.

Третий период (рис. 5). В качестве основных сохраняются два вида конструкций горшков-мисок – Г + Щ + ПП + Т + ОТ (44 %) и Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ (38 %), причем доля последних заметно возрастает. Среди горшковидных сосудов продолжают занимать ведущее положение те же два вида конструкций: Г + Ш + ПП + Т + ОТ (24 %) и Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ (28 %). По сравнению со вторым периодом доля обеих в это время сокращается.

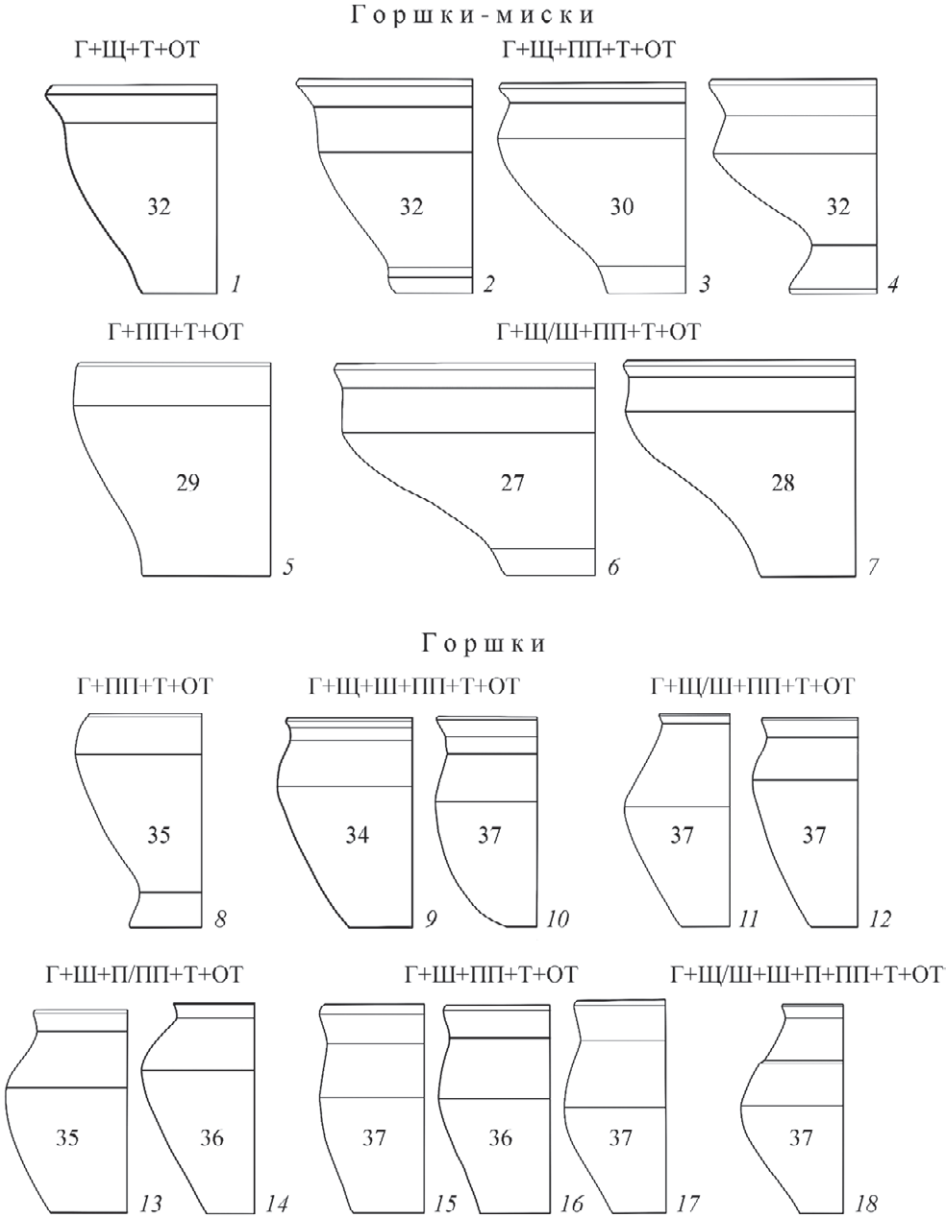


Рис. 5. Могильник Отвержичи. Примеры форм сосудов из погребений III периода

Горшки-миски: *1* – п. 90, с. 129; *2* – п. 50, с. 59; *3* – п. 63, с. 139; *4* – п. 88, с. 126; *5* – п. 90, с. 128; *6* – п. 20, с. 18; *7* – п. 36, с. 39

Горшки: *8* – п. 94, с. 134; *9* – п. 72, с. 97; *10* – п. 33, с. 34; *11* – п. 77, с. 103; *12* – п. 36, с. 38; *13* – п. 66, с. 87; *14* – п. 90, с. 127; *15* – п. 41, с. 47; *16* – п. 50, с. 60; *17* – п. 65, с. 86; *18* – п. 36, с. 37

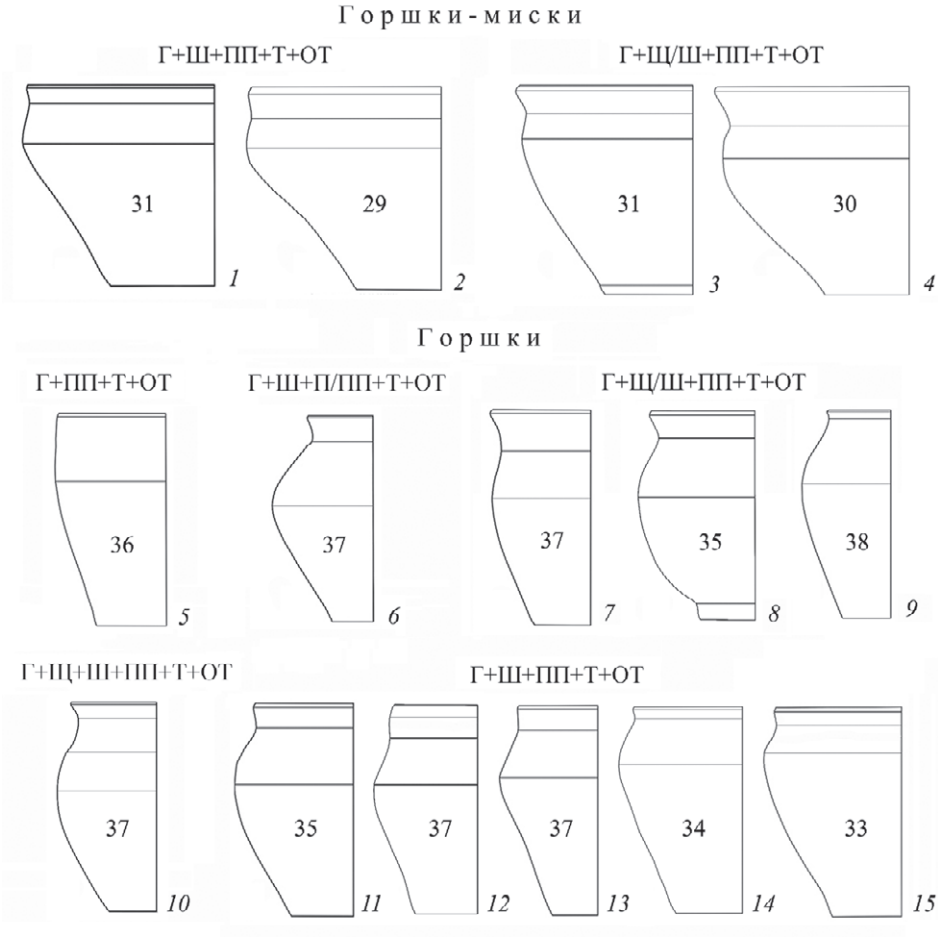


Рис. 6. Могильник Отвержичи. Примеры форм сосудов из погребений IV периода

Горшки-миски: *1* – п. 62, с. 79; *2* – п. 32, с. 33; *3* – п. 21, с. 21; *4* – п. 53, с. 66

Горшки: *5* – п. 32, с. 5; *6* – п. 74, с. 101; *7* – п. 38, с. 41; *8* – п. 15, с. 6; *9* – п. 34, с. 35; *10* – п. 15, с. 3; *11* – п. 21, с. 22; *12* – п. 15, с. 7; *13* – п. 24, с. 25; *14* – п. 39, с. 42; *15* – п. 81, с. 108

Четвертый период (рис. 6). Горшки-миски представлены только двумя видами конструкций, причем один из них является массовым – Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ (80 %). В категории горшковидных форм массовыми являются два вида конструкций – Г + Ш + ПП + Т + ОТ (50 %) и Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ (26 %).

Таким образом, общие тенденции развития форм сосудов состоят в следующем. У горшков-мисок массовая в первом периоде конструкция Г + Ш + ПП + Т + ОТ в более позднее время резко сокращается, а две другие конструкции: Г + Щ + ПП + Т + ОТ и Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ, напротив, возрастают. Первая – с 25 до 44–46 %, а вторая – с 25 до 80 %. Горшковидные формы меняются во времени немного по-другому. Конструкция Г + Ш + ПП + Т + ОТ также

сокращается от первого к третьему периоду (с 43 до 24 %), а в четвертом периоде становится доминирующей (50 %). Доля второй конструкции – Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ – сначала немного возрастает с 22 до 36 %, а затем снижается до 26–28 %.

Для более четкого понимания того, как во времени меняется доля «вариантных» функциональных частей (щеки, шеи, щеки/шеи, плеча/предплечья и предплечья), воспользуемся данными *компонентного анализа* конструкций горшков-мисок и горшков (табл. 4). Прежде всего нужно отметить, что такая функциональная часть, как «предплечье», присутствует почти у всех горшков-мисок, в разные периоды ее доля составляет от 94 до 100 %. Доля форм со щекой во времени устойчиво возрастает (25, 46 и 50 %), еще более резко возрастает доля форм со щекой/шеей (25, 24, 38 и 80 %). Доля форм с шеей во времени, напротив, сокращается (с 50 до 24 %). Функциональные части у горшковидных сосудов отчасти повторяют тенденции, характерные для горшков-мисок. Так, доля сосудов со щекой во времени возрастает очень слабо (с 6 до 13 %), а доля сосудов с шеей в разные периоды весьма значительна (66, 44, 58 и вновь 66 %). В силу каких-то конкретно-исторических причин доля сосудов со щекой/шеей сначала возрастает, а затем сокращается (34, 44, 39, 26 %). Также неустойчиво меняется во времени доля сосудов с плечом/предплечьем (23, 16, 27, 8 %). Как и у горшков-мисок, наиболее распространенной функциональной частью у горшков служит предплечье, доля которого понемногу возрастает во времени (с 71 до 92 %).

Степень сформированности функциональных частей сосудов. Особенности гончарных традиций создания форм глиняных сосудов проявляются, как известно, не только в составе функциональных частей, из которых состоит форма, но и в степени сформированности (или развитости) каждой из них. Эта характеристика функциональных частей глиняной посуды, по данным А. А. Бобринского, проявляется в том, насколько форма каждой функциональной части соответствует или, напротив, не соответствует выполняемой ею функции (*Бобринский*, 2018. С. 26–37). Когда конкретная функциональная часть находится в *несформированном* состоянии, она в минимальной степени способна выполнять свою функцию в структуре сосуда, а когда она пребывает в сформированном состоянии, эта способность наиболее выражена. Посмотрим, как во времени менялась эта особенность функциональных частей у горшков-мисок и горшков (табл. 5).

Губа. Во все периоды, кроме первого, у горшков-мисок существенно преобладает несформированное состояние губы (88, 94, 100 %), а частично сформированное состояние резко сокращается (50, 12 и 6 %). Аналогичная тенденция характерна и для категории горшков.

Щека и щека/шея. Для этих двух функциональных частей у обеих категорий форм характерно только несформированное состояние, которое сохраняется на протяжении почти всего времени функционирования могильника. Только у горшков в первом периоде 5 из 6 сосудов имеют частично сформированную (т. е. более развитую) щеку/шею.

Шея. У горшков-мисок эта часть несформированная во все периоды, а у горшков несформированное состояние шеи во времени постепенно снижается (с 83 до 62 %), а частично сформированное состояние – также постепенно возрастает.

Плечо/предплечье. Эта функциональная часть зафиксирована только у горшков, и на протяжении всех периодов она почти все время находится в частично сформированном состоянии.

Предплечье. У горшков-мисок эта часть всегда несформированная, а у горшков такое ее состояние во все периоды преобладает (от 77 до 100 %). Только в первом и третьем периодах в силу каких-то контактов получают незначительное распространение горшки с частично сформированным предплечьем (23 и 19 %), доля которых в четвертом периоде резко сокращается (до 9 %).

Тулово. Горшки-миски, за редким исключением, имеют только частично сформированное тулово (94–100 %). У горшков во все периоды наибольшее распространение имеют сосуды с полностью сформированным туловом (61, 56, 71 и 83 %). Доля сосудов с частично сформированным туловом сначала незначительно растет (с 39 до 44 %), а позднее достаточно резко сокращается (до 17 %).

Основание тулова. У обеих категорий форм на протяжении всех периодов значительно преобладает частично сформированное состояние этой функциональной части (все сосуды имеют ровное плоское дно). Полностью сформированное основание тулова более характерно для горшков-мисок, а у горшков встречается в 2–3 раза реже. Более того, у обеих категорий форм такое основание тулова чаще встречается в первом и втором периодах, к третьему периоду оно составляет у горшков-мисок 12 %, а у горшков – только 3 %, в четвертом периоде такие сосуды вообще не встречаются.

Таким образом, большинство функциональных частей всех сосудов могильника Отвержичи характеризуются *несформированным* и *частично сформированным* состоянием, и только тулово у горшков находится преимущественно в полностью сформированном виде. Общая тенденция развития состоит в том, что *губа* сосудов во времени переходит из частично сформированной в несформированную, а тулово (у горшков) и основание тулова (у обеих категорий форм) с течением времени утрачивает полностью сформированное состояние и становится частично сформированным.

Этот вывод подтверждается рассмотрением данных о сформированности функциональных частей и на более общем уровне анализа (табл. 6). По приведенным данным легко заметить, что в целом доля частично сформированных и полностью сформированных функциональных частей во времени сокращается, а доля несформированных частей также устойчиво возрастает.

Выявленная тенденция к уменьшению степени сформированности (развитости) функциональных частей сосудов отражает тот факт, что у местного зарубинецкого населения с течением времени происходило упрощение очертаний форм сосудов. Причиной этого было постепенное изживание более развитых традиций создания форм сосудов, которые проявлялись в более сформированном состоянии функциональных частей, из которых состоят формы. Такая деградация традиций возможна при условии относительной изолированности данного населения, когда у местных гончаров отсутствует влияние более развитых гончарных традиций, имевшее место на первом этапе истории населения, оставившего данный могильник.

Особенности объема сосудов в разные периоды истории могильника

Данные о полезном объеме (табл. 7) определялись с помощью специальной компьютерной программы (разработчик В. В. Волков, которому приношу искреннюю благодарность) по среднему контуру сосудов с учетом толщины стенок. Группировка сосудов по качеству объема проводилась в соответствии с универсальной шкалой, разработанной автором (*Цетлин*, 2015).

Объем всех горшков-мисок (исследовано 47 экз.) показывает распределение, близкое к нормальному. Большинство сосудов (39 %) имеют малый объем, примерно 400–800 мл, от которого в обе стороны уменьшается доля более крупных и более мелких сосудов. Общий объем горшков (исследовано 93 экз.) дает более сложное распределение. В нем выделяются два максимума. Один, более выраженный, включает горшковидные сосуды объемом 100–200 мл и 200–400 мл, которые составляют соответственно 22 и 19 %. Второй максимум включает сосуды объемом примерно 3–6 л (14 %). Горшки других групп использовались реже. Теперь посмотрим, как объем горшков-мисок и горшков менялся во времени.

В первом, втором и третьем периодах наиболее широко были распространены горшки-миски малого объема (400–800 мл), причем доля их неуклонно снижалась во времени. В четвертом периоде использовались горшки-миски разного объема с некоторым преобладанием очень малых (200–400 мл) по объему изделий.

Динамика во времени объема горшковидных сосудов существенно иная. Прежде всего следует отметить, что во все периоды были распространены, хотя и с разной степенью выраженности, горшки двух размерных групп. В первом периоде широко представлены, с одной стороны, небольшие сосуды объемом от 100 до 400 мл (46 %), с другой стороны, сосуды от 800 мл до 3 л (36 %).

Во втором периоде доля небольших горшочков (100–200 мл) сильно возрастает – они составляют 60 %, а среди крупных сосудов выделяются два более слабых максимума: один – это горшки объемом 800–1500 мл, другой – объемом 3–6 л (они составляют по 12 % каждый). В третьем периоде две размерные группы горшков выделяются вполне четко. Первая включает сосуды от 100 до 800 мл (49 %), вторая – сосуды объемом от 1,5 до 12,5 л (40 %). Еще более четко две размерные группы горшков выделяются в четвертом периоде. Первая объединяет совсем небольшие горшочки объемом до 200 мл (34 %), вторая – крупные горшки объемом примерно 3–6 л (также 34 %). Наличие большого числа мелких горшковидных сосудов исследователи отмечали и раньше, они из-за своего размера получили название «стопок», хотя я думаю, что такое их определение слишком осовременено. Совершенно очевидно только то, что сфера использования разных размерных групп сосудов имела вполне определенные и осознаваемые особенности (*Цетлин*, 2019. С. 106–110).

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, представляется важным отметить ряд моментов.

Во-первых, применение разработанной ранее автором методики периодизации культурных явлений в сочетании с системным анализом форм глиняных сосудов с позиций историко-культурного подхода позволило предложить новую периодизацию погребений могильника Отвержичи на базе исключительно керамического материала. Данные о датировке фибул были использованы только для определения погребений, отмечающих начало и конец условной оси времени. Последующая проверка периодизации по всем датированным фибулам из погребений, керамический материал которых использован в работе, не выявила каких-либо противоречий.

Во-вторых, выделение в истории могильника четырех периодов сделало возможным получить новые конкретные данные о развитии во времени гончарных традиций у зарубинецкого населения, оставившего данный могильник. Выяснилось, что это население было достаточно однородным в культурном отношении, причем эта культурная однородность с течением времени, начиная, по крайней мере, со второго периода, неуклонно возрастала.

В-третьих, незначительные и разнообразные изменения в ведущих гончарных традициях, имевшие место в разные периоды, связаны, с одной стороны, с наличием в составе местного населения носителей нескольких родственных культурных традиций создания форм сосудов, которые активно контактировали и смешивались друг с другом, а с другой стороны, с общей неустойчивостью навыков у местных гончаров, делавших посуду от случая к случаю, что характерно для неразвитой экономической формы гончарного производства.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1959. Фибулы зарубинецкой культуры // Памятники зарубинецкой культуры / Ред. П. Н. Третьяков. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 184–190. (МИА; № 70.)

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 112 с. (САИ; вып. Д1-30.)

Бобринский А. А., 2018. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 26–37.

Бобринский А. А., 2020. История экономического развития гончарного производства у населения Верхнего и Среднего Поднепровья в I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. // Вестник «История керамики». Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 21–32.

Каспарова К. В., 1969. Могильник и поселение у дер. Отвержичи // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье / Отв. ред. П. Н. Третьяков. М.: Наука. С. 131–168. (МИА; № 160.)

Каспарова К. В., 1967. Могильник и поселение зарубинецкой культуры у д. Отвержичи // КСИА. Вып. 112. С. 118–125.

Каспарова К. В., 1976. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. Вып. 17. Ленинград: Аврора. С. 35–66.

Кухаренко Ю. В., 1964. Зарубинецкая культура. М.: Наука. 66 с. (САИ; вып. Д1-19.)

Пачкова С. П., 2006. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев: ИА НАНУ. 372 с.

Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. 254 с.

Хаванский А. И., 2011. Керамика начала позднего бронзового века Южного Урала: дис. … канд. ист. наук. М. 141 с.

Хвойко В. В., 1901. Поля погребений в Среднем Приднепровье. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 19 с., 5 л. ил. (Отд. отт. из. «Записки Императорского Русского археологического общества», 1901, т. XII, вып. 1–2.)

Цетлин Ю. Б., 2008. Неолит Центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К. 352 с.

Цетлин Ю. Б., 2015. Понятия «качества» для анализа объема сосудов // КСИА. Вып. 239. С. 393–408.

Цетлин Ю. Б., 2018. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 124–179.

Цетлин Ю. Б., 2019. Систематика форм сосудов могильника Отвержичи зарубинецкой культуры // Вестник «История керамики». Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 94–113.

Цетлин Ю. Б., Холошин П. Р., 2017. Анализ форм сосудов Подболотьевского могильника во Владимирской области с позиций историко-культурного подхода // Труды V (XXI) всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: в 3 т. Т. II / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. С. 225–228.

Цетлин Ю. Б., Холошин П. Р., 2019. Опыт относительной периодизации погребений Подболотьевского могильника (по данным изучения форм глиняных сосудов) // КСИА. Вып. 256. С. 376–397.

Сведения об авторе

Цетлин Юрий Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Yu. B. Tsetlin

RELATIVE PERIODIZATION OF THE BURIALS AND CERAMICS AT THE OTVERZHICHI CEMETERY OF THE ZARUBINTSY CULTURE

Abstract. The Otverzhichi cemetery of the Zarubintsy culture in the Polesye is one of the most well-known burial sites attributed to this culture. The issue of its periodization was addressed by the scholars. At the same time in both cases the studies were based on the data on fibulae dating built on analogies with relevant materials in southern and central Europe. This paper is the first attempt to develop periodization of the cemetery burials based almost entirely on systemic analysis of the shapes of unbroken clay vessels. To this end, a unique methodology developed by the author was used. Based on this methodology, four periods in the history of the cemetery were singled out which made it possible to identify main development trends in the traditions related to shapes of the vessels made by the local Zarubintsy population within a specified timeline.

Keywords: Early Iron Age, Zarubintsy, Otverzhichi cemetery, periodization of burials, shapes of vessels, pottery traditions.

REFERENCES

Ambroz A. K., 1959. Fibuly zarubinetskoy kul'tury [Fibulae of Zarubintsy culture]. *Pamyatniki zarubinetskoy kul'tury [Zarubintsy culture sites]*. P. N. Tret'yakov, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 184–190. (MIA, 70.)

Ambroz A. K., 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR II v. do n. e. – IV v. n. e. [Fibulae of the South of European part of the USSRб II c. BC – IV c. AD]. Moscow: Nauka. 112 p. (SAI.)

Bobrinskiy A.A., 2018. Funktsional'nye chasti v sostave emkostey glinyanoy posudy [Functional parts in the structure of earthenware containers]. *Formy glinyanykh sosudov kak ob"ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod [Forms of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach*]. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26

Bobrinskiy A. A., 2020. Istoriya ekonomicheskogo razvitiya goncharnogo proizvodstva u naseleniya Verkhnego i Srednego Podneprov'ya v I tys. do n. e. – II tys. n. e. [History of economic development of pottery-making among population of Upper and Middle Dnieper region in I mill. BC – II mill. AD.]. *Vestnik «Istoriya keramiki» [Bulletin «History of ceramics»]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 21–32.

Formy glinyanykh sosudov kak ob"ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod [Forms of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach]. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, 2018. 254 p.

Kasparova K.V., 1967. Mogil'nik i poseneniye zarubinetskoy kiltury u d. Otverzhichi [Cemetery and settlement of Zarubintsy culture near village Otverzhichi]. *KSIA*, 112, pp. 118–125.

Kasparova K. V., 1969. Mogil'nik i poselenie u der. Otverzhichi [Cemetery and settlement near village. Otverzhichi]. *Novye dannye o zarubinetskoy kul'ture v Podneprov'e [New data on Zarubintsy culture in Dnieper region]*. P. N. Tret'yakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 131–168. (MIA, 160.)

Kasparova K. V., 1976. Novye materialy mogil'nika Otverzhichi i nekotorye voprosy otnositel'noy khronologii zarubinetskoy kul'tury Poles'ya [New materials from Otverzhichi cemetery and some issues of relative chronology of Zarubintsy culture of Poles'ye]. *ASGE*, 17. Leningrad: Avrora, pp. 35–66.

Khavanskiy A. I., 2011. Keramika nachala pozdnego bronzovogo veka Yuzhnogo Urala: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Ceramics of the beginning of Late Bronze Age of Southern Urals: PhD Thesis. Manuscript]. Moscow. 141 p.

Khvoyko V. V., 1901. Polya pogrebeniy v Srednem Pridneprov'e [Burial grounds in Middle Dnieper region]. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova. 19 p., 5 l. ill. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva, 1901, vol. XII, iss. 1–2.)

Kukharenko Yu. V., 1964. Zarubinetskaya kul'tura [Zarubintsy culture]. Moscow: Nauka. 66 p. (SAI.)

Pachkova S. P., 2006. Zarubinetskaya kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy [Zarubintsy culture and La Tene influenced cultures in Europe]. Kiev: IA NANU. 372 p.

Tsetlin Yu. B., 2008. Neolit Tsentra Russkoy ravniny. Ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kul'tur [Neolithic of Center of Russian plain. Ornamentation of ceramics and methods of periodization of cultures]. Tula: Grif i K. 352 p.

Tsetlin Yu. B., 2015. Ponyatiya «kachestva» dlya analiza ob"ema sosudov [The concept of quality analyzing pot capacity]. *KSIA*, 239, pp. 393–408.

Tsetlin Yu. B., 2018. Ob obshchem podkhode i metodike sistemnogo izucheniya form glinyanykh sosudov [On general approach and method of systematic study of clay vessels shapes]. *Formy glinyanykh sosudov kak ob"ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod [Forms of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach]*. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 124–179.

Tsetlin Yu. B., 2019. Sistematika form sosudov mogil'nika Otverzhichi zarubinetskoy kul'tury [Systematics of vessel forms of Otverzhichi cemetery of Zzarubintsy culture]. *Vestnik «Istoriya keramiki» [Bulletin «History of ceramics»]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 94–113.

Tsetlin Yu. B., Kholoshin P. R., 2017. Analiz form sosudov Podbolot'evskogo mogil'nika vo Vladimirskoy oblasti s pozitsiy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Analysis of forms of vessels from Podbolot'evskiy emetery in Vladimir region from standpoint of historical and cultural approach]. *Trudy V (XXI) vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe [Transactions of V (XXI) all-Russian archaeological congress in Barnaul - Belokurikha]*, II. A. P. Derevyanko, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 225–228.

Tsetlin Yu. B., Kholoshin P. R., 2019. Opyt otnositel'noy periodizatsii pogrebeniy Podbolot'evskogo mogil'nika (po dannym izucheniya form glinyanykh sosudov) [Experience in developing relative periodization of Podbolot'evo cemetery (based on data of study of clay vessels shapes)]. *KSIA*, 256, pp. 376–397.

About the author

Tsetlin Yuriy B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Таблица 1. Отвержичи. Коэффициент места погребений на условной оси времени

Периоды	КМ, %	Погребения
I	1	44
	16	14, 40, 78, 84
	29	57
	30	23, 25, 96
	33	58, 71, 79
	34	87
II	37	82
	38	18
	39	51
	40	19, 30, 67
	41	42, 64, 73
	42	86
	43	43, 68
	44	45
	45	52
	46	48, 54
	47	92
III	48	50
	49	41, 95
	50	17, 20, 55, 63, 65, 77
	51	61, 72
	52	94
	53	31, 69, 91
	54	90
	55	36, 66, 83, 88
	56	33
IV	58	21, 32, 38, 53, 62
	61	74
	62	81
	64	15, 22, 34
	66	39
	77	85
	100	24

Таблица 2. Отвержичи. ОПП горшков-мисок и горшков в разные периоды, число сосудов и %

Категории форм	Ступени ОПП	I период	II период	III период	IV период
Средняя/низкая (Горшки-миски)	26		6		
	27		**24**	19	
	28	**75**	12	**25**	20
	29		6	12	**30**
	30		12	19	10
	31		**34**		**30**
	32	25	6	**25**	10
	Всего, %	100	100	100	100
	Всего, n	4	17	16	10
Средняя (горшки)	33	6		3	8
	34	6	4	5	8
	35	6	**20**	11	**18**
	36	**33**	**40**	**36**	8
	37	**27**	**36**	**34**	**50**
	38	**22**		11	8
	39				
	40				
	Всего, %	100	100	100	100
	Всего, n	18	25	38	12

Таблица 3. Структура форм горшков-мисок и горшков в разные периоды на качественном уровне анализа, число сосудов и %

Категории форм	Структуры форм	I период	II период	III период	IV период
Средняя/ низкая (Горшки-миски)	Г+Т+ОТ		6		
	Г+Щ+Т+ОТ			6	
	Г+ПП+Т+ОТ			12	
	Г+Щ+ПП+Т+ОТ	25	**46**	**44**	
	Г+Ш+ПП+Т+ОТ	**50**	24		20
	Г+Щ/Ш+ПП+Т+ОТ	25	**24**	**38**	**80**
	Всего, %	100	100	100	100
	Всего, n	4	17	16	10
Средняя (горшки)	Г+Щ+Т+ОТ	6			
	Г+ПП+Т+ОТ		4	3	8
	Г+П/ПП+Т+ОТ		4		
	Г+Щ+ПП+Т+ОТ		4	5	
	Г+Ш+ПП+Т+ОТ	**43**	**36**	**24**	**50**
	Г+Щ+П/ПП+Т+ОТ		4		
	Г+Ш+П/ПП+Т+ОТ	17	4	16	8
	Г+Щ/Ш+ПП+Т+ОТ	**22**	**36**	**28**	**26**
	Г+Щ/Ш+П/ПП+Т+ОТ		4	3	
	Г+Щ+Ш+ПП+Т_ОТ			5	8
	Г+Щ+П/ПП+ПП+Т+ОТ			3	
	Г+Ш+П/ПП+ПП+Т+ОТ			5	
	Г+Щ/Ш+Ш+ПП+Т+ОТ	6	4	5	
	Г+Щ/Ш+Ш+П/ПП+Т+ОТ	6			
	Г+Щ/Ш+Ш+П+ПП+Т+ОТ			3	
	Всего, %	100	100	100	100
	Всего, n	18	25	38	12

Примечание: Г – губа; Щ – щека; Щ/Ш – щека/шея; Ш – шея; П – плечо; П/ПП – плечо/предплечье; ПП – предплечье; Т – тулово; ОТ – основание тулова

Таблица 4. Компонентный анализ состава вариантных функциональных частей в разные периоды, в %

Категории форм	Вариантные части	I период	II период	III период	IV период
Средняя/ низкая (Горшки-миски)	Щ	25	**46**	**50**	
	Ш	**50**	24		20
	Щ/Ш	25	24	**38**	**80**
	ПП	100	94	94	100

Категории форм	Вариантные части	I период	II период	III период	IV период
Средняя (горшки)	Щ	6	8	13	8
	Ш	**66**	**44**	**58**	**66**
	Щ/Ш	34	**44**	**39**	**26**
	П/ПП	23	16	27	8
	ПП	**71**	**84**	**81**	**92**

Таблица 5. Степень сформированности функциональных частей горшков-мисок и горшков во времени, число случаев (n) и %

Горшки-миски

Губа	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	50	**88**	**94**	**100**
Ч/СФ	50	12	6	
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	4	17	16	10

Щека	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	**100**	**100**	**100**	
Ч/СФ				
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	
Всего, n	1	8	8	

Щ/Ш	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	**100**	**100**	**100**	**100**
Ч/СФ				
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	1	3	5	7

Шея	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	**100**	**100**		**100**
Ч/СФ				
П/СФ				
Всего, %	100	100		100
Всего, n	2	4		2

ПП	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	**100**	**100**	**100**	**100**
Ч/СФ				
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	4	16	15	10

Тулово	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ				
Ч/СФ	**100**	**100**	**94**	**100**
П/СФ			6	
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	4	17	16	10

ОТ	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ				
Ч/СФ	**75**	**76**	**88**	**100**
П/СФ	25	24	12	
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	4	17	16	10

Горшки

Губа	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ		16	66	100
Ч/СФ	100	84	34	
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	18	25	38	12

Щека	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	**100**	**100**	**100**	**100**
Ч/СФ				
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	1	2	5	1

Щ/Ш	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	17	**100**	**100**	**100**
Ч/СФ	**83**			
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	6	5	5	1

Шея	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	**83**	**82**	**73**	**62**
Ч/СФ	17	18	27	38
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	12	11	22	8

П/ПП	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ			10	
Ч/СФ	**100**	**100**	**90**	**100**
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	4	4	10	1

ПП	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	23		19	9
Ч/СФ	**77**	**100**	**81**	**91**
П/СФ				
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	13	21	31	11

Тулово	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ				
Ч/СФ	39	44	29	17
П/СФ	**61**	**56**	**71**	**83**
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	18	25	38	12

ОТ	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ				
Ч/СФ	**89**	**92**	**97**	**100**
П/СФ	11	8	3	
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	18	25	38	12

Примечание: Н/СФ – несформированное, Ч/СФ – частично сформированное и П/СФ – полностью сформированное состояние функциональной части

Таблица 6. Общая степень сформированности всех функциональных частей для всех категорий сосудов, число случаев (n) и %

Все сосуды	I период	II период	III период	IV период
Н/СФ	22	32	37	**45**
Ч/СФ	**67**	**58**	**52**	**46**
П/СФ	11	10	11	9
Всего, %	100	100	100	100
Всего, n	116	207	274	110

Таблица 7. Полезный объем горшков-мисок и горшков в разные периоды, % и число сосудов

Горшки-миски	Объем в литрах	I период	II период	III период	IV период	Всего
Супермалый	Менее 0,097					
Очень-очень малый	0,097–0,193		6	6	10	6
Очень малый	0,194–0,388		18	12	**30**	17
Малый	0,389–0,781	**75**	**40**	**38**	20	**39**
Средний-малый	0,782–1,564	25	18	25	20	21
Средний	1,565–3,124		18	19	20	17
Средний-большой	3,125–6,249					
Большой	6,250–12,499					
Очень большой	12,500–24,999					
Всего, %		100	100	100	100	100
Число сосудов		4	17	16	10	47

Горшки	Объем в литрах	I период	II период	III период	IV период	Всего
Супермалый	Менее 0,097		12	3	**17**	6
Очень-очень малый	0,097–0,193	18	**36**	**18**	**17**	**22**
Очень малый	0,194–0,388	**28**	**12**	**20**	8	**19**
Малый	0,389–0,781	6	8	11	8	9
Средний-малый	0,782–1,564	**24**	**12**	5		10
Средний	1,565–3,124	12	4	**11**	8	9
Средний-большой	3,125–6,249	6	**12**	**13**	**34**	**14**
Большой	6,250–12,499	6	4	**16**	8	10
Очень большой	12,500–24,999			3		1
Всего, %		100	100	100	100	100
Число сосудов		18	25	38	12	93

Е. В. Суханов, А. Н. Свиридов, С. В. Язиков

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА МОГИЛЬНИКА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3 (О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ)[1]

Резюме. В 2018 г. Севастопольским отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН был полностью исследован новый могильник первых веков н. э. в Юго-Западном Крыму – Фронтовое 3. Статья посвящена изучению технологии изготовления лепной керамики, найденной на этом памятнике. Рассматриваются данные о приспособительных навыках гончаров, делавших обнаруженные на Фронтовом 3 лепные сосуды: отбор и добыча исходного пластичного сырья, составление формовочных масс и обработка внешней поверхности сосудов. На основании отличий в формовочных массах в изученном материале выделены два культурных компонента, один из которых, по-видимому, является «местным», а второй «пришлым». «Пришлый» отличался традицией добавления в формовочную массу шамота. Результаты исследования показывают, что носители традиции добавления в формовочную массу шамота представляют собой население, хоронившее своих покойных в грунтовых склепах, которые массово распространяются в Юго-Западном Крыму в IV в.

Ключевые слова: лепная керамика, Фронтовое 3, технологический анализ.

Задачи исследования

В 2018 г. Севастопольским отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН был полностью исследован новый могильник первых веков н. э. в Юго-Западном Крыму – Фронтовое 3. Изучено 332 погребения, из них 305 подбойных могил, 12 грунтовых склепов, а также несколько погребений в ямах и амфорах. Почти все изученные погребения датируются в рамках последних десятилетий I – начала или первых десятилетий V в. В настоящее время исследователи, изучавшие

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00396, «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур»).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.366-378

этот памятник, постепенно вводят в научный оборот результаты исследований (*Гавритухин и др.*, 2019; 2020; *Свиридов, Язиков*, 2019).

Внимания заслуживает керамический комплекс могильника Фронтовое 3. Он включает в себя в основном 3 группы материала – краснолаковую керамику, амфоры, а также лепную керамику, которая и является объектом рассмотрения в этой статье.

Для начала следует сказать несколько слов о том, почему в первой печатной работе по керамике Фронтового 3 внимание будет сосредоточено именно на лепной посуде. Как известно, в первые века н. э. Юго-Западный Крым представлял собой в культурном и этнокультурном отношении синтез разных по своему происхождению и культурным традициям групп населения. Соотношение разных компонентов в культуре населения этого региона в римское время уже давно является предметом острых дискуссий. Открытие могильника Фронтовое 3, который в ходе раскопок удалось изучить полностью, дает новые материалы к обсуждению этой проблемы.

В этой связи особый интерес вызывает лепная керамика. Если краснолаковая посуда и амфоры ценны прежде всего тем, что они являются хорошими хронологическими индикаторами и маркерами торговых связей, то местная лепная керамика характеризует культурные особенности непосредственно населения, оставившего могильник. Связано это главным образом с двумя факторами, которые доказаны А. А. Бобринским на основании обобщения обширного этнографического материала (*Бобринский*, 1978).

Во-первых, гончарная продукция, относящаяся к доремесленному уровню производства, распространялась и находилась в употреблении в основном в пределах тех же поселений, где она и изготавливалась, а навыки ее изготовления передавались по родственным каналам, непосредственным научением приемам работы с глиной. Во-вторых, устойчивость трудовых навыков гончаров напрямую зависит от культурной среды, в которой они находятся, и стабильности состава населения на поселении. Наиболее чувствительны к этому приспособительные трудовые навыки – отбор и добыча исходного сырья, составление формовочных масс и обработка поверхности сосудов. Именно эти навыки реагируют быстрее всего на трансформацию культурной среды и легко изменяются в соответствии с местными традициями.

Поэтому лепная керамика дает возможность для обсуждения двух вопросов. Во-первых, мы можем выяснить, насколько однородным с точки зрения гончарных традиций было население, оставившее могильник. Во-вторых, изменчивость приспособительных навыков позволяет фиксировать нарушение стабильности культурной среды этого населения и реконструировать конкретное содержание такого процесса. Решению именно этих задач посвящена данная статья.

Материал и методы

В нашем распоряжении оказались 40 образцов, все они происходят от разных сосудов. Отдельно оговорим, что мы не имели возможность брать образцы от целых, полностью сохранившихся сосудов, к анализу привлечены сосуды,

найденные в виде развалов. По функциональным категориям форм сосудов эти образцы распределяются следующим образом: по 10 – от горшков и кружек, 8 – от кувшинов, 6 – от мисок. Еще 6 образцов происходят от сосудов, функциональная категория которых, к сожалению, не определена, однако они также включены в анализ.

Все эти 40 сосудов происходят из 22 погребений, среди которых 7 грунтовых склепов и 15 подбойных могил. Следует отметить, что в целом на могильнике грунтовых склепов гораздо меньше, чем подбойных могил – 12 против 305. Все сосуды, от которых оказалось возможным взять образец для лабораторного анализа, происходят из поздней зоны могильника, датируемой по сопроводительному инвентарю второй половины III – началом V в. В этой зоне сохраняется подобное соотношение погребальных сооружений – всего около 90 погребений, из них 12 склепов.

Размерные особенности отобранных образцов позволили провести анализ по 3 параметрам, отражающим приспособительные навыки гончаров:

1) исходное пластичное сырье;
2) формовочные массы;
3) обработка поверхности.

В работе использована методика технологического анализа керамики с позиций историко-культурного подхода, разработанная А. А. Бобринским (1978). Этот подход опирается на синтез данных археологии, этнографии и научного эксперимента. Для изучения образцов использован бинокулярный микроскоп МБС-1. Для атрибуции видов исходного пластичного сырья, определения составов формовочных масс и фиксации разных приемов обработки поверхности сосудов, использованы материалы обширной коллекции экспериментальных образцов, хранящейся в лаборатории «История керамики» ИА РАН.

Результаты (табл. 1)

Таблица 1. Результаты анализа

№ п/п	№ погр.	Тип погребального сооружения	Вид сырья	Формовочная масса	Обработка поверхности
Горшки					
1	154	грунтовый склеп	1	Г + Др + О	Лощение
2	89	« »	1	Г + Др + О	« »
3	171	подбойное захоронение	1	Г + Др + О	«Мягкое» заглаживание
4	136	грунтовый склеп	1	Г + Др + О	Лощение
5	154	« »	5	Г + Др + О	« »
6	41	« »	5	Г + Др + О	« »
7	89	« »	1	Г + Др + О	« »
8	86	« »	1	Г + Др + О	« »
9	158	подбойное захоронение	4	Г + Др + О	« »
10	154	грунтовый склеп	1	Г + Др + О	« »

Окончание таблицы 1

№ п/п	№ погр.	Тип погребального сооружения	Вид сырья	Формовочная масса	Обработка поверхности
Кувшины					
11	154	грунтовый склеп	1	Г + Др + Ш + О	Лощение
12	136	« »	1	Г + Др + Ш + О	« »
13	89	« »	1	Г + Др + Ш + О	« »
14	41	« »	1	Г + Др + Ш + О	« »
15	159	подбойное захоронение	2	Г + Др + О	«Мягкое» заглаживание
16	45	« »	1	Г + Др + О	Лощение
17	101	« »	1	Г + Др + О	« »
18	19	« »	1	Г + Др + О	« »
Кружки					
19	178	грунтовый склеп	1	Г + Др + О	Лощение
20	154	« »	1	Г + Др + О	« »
21	136	« »	1	Г + Др + Ш + О	« »
22	136	« »	1	Г + Др + Ш + О	«Мягкое» заглаживание
23	154	« »	1	Г + Др + Ш + О	« »
24	172	« »	2	Г + Др + Ш + О	Лощение
25	172	« »	3	Г	« »
26	89	« »	1	Г + Др + О	« »
27	23	подбойное захоронение	1	Г + Др + О	« »
28	177	« »	1	Г + Др + О	« »
Миски					
29	159	подбойное захоронение	1	Г + Др + О	Лощение
30	178	грунтовый склеп	1	Г + Др + О	« »
31	178	« »	1	Г + Др + О	«Мягкое» заглаживание
32	144	подбойное захоронение	3	Г + Др + О	Лощение
33	51	« »	4	Г + Др + О	« »
34	96	« »	1	Г + Др + О	« »
Неопределенные					
35	136	грунтовый склеп	1	Г + Др + Ш + О	Лощение
36	105	подбойное захоронение	1	Г + Др + Ш + О	« »
37	136	грунтовый склеп	1	Г + Др + Ш + О	« »
38	118	подбойное захоронение	1	Г + Др + О	«Мягкое» заглаживание
39	31	« »	1	Г + Др + О	Лощение
40	118	« »	1	Г + Др + О	« »

Исходное пластичное сырье. Понятие «традиции отбора исходного пластичного сырья» с позиций историко-культурного подхода включает в себя следующие характеристики этого материала:

1) *вид* сырья (природные глины, илы и пр.);

2) *запесоченность сырья*, влияющая на его пластичные свойства;

3) *ожелезненность* сырья, определяющая цвет сырья и влияющая на конечный цвет изделия.

В некоторых случаях важен также качественный состав естественных примесей и их концентрация.

Все изученные сосуды из Фронтового 3 изготовлены из природной глины, использованной в естественно-увлажненном состоянии. Преобладают слабозапесоченные среднеожелезненные[2] глины (Вид 1) – из них сделаны 32 сосуда (рис. 1). Песок в этом виде сырья представлен исключительно пылевидной фракцией, размер которой менее 0,1 мм.

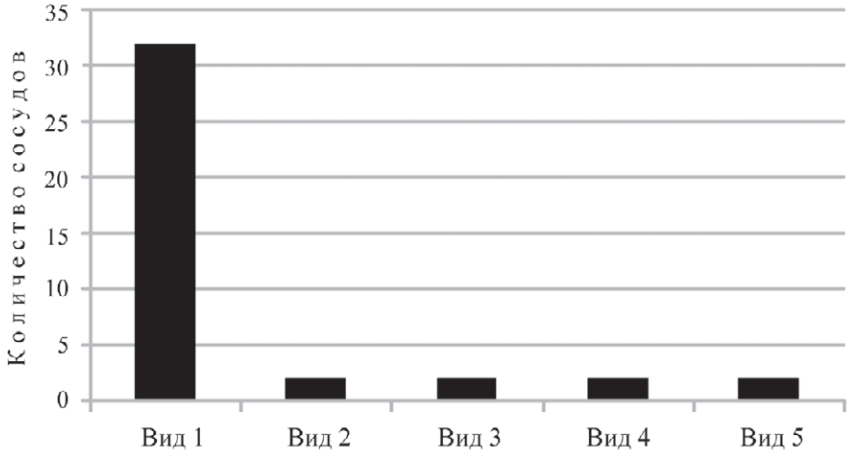


Рис. 1. Количественное соотношение разных видов сырья

Все остальные виды сырья представлены единично:

Вид 2. Высокозапесоченная глина, насыщенная более крупным (0,1–0,3 мм) кварцевым песком. 2 образца;

Вид 3. Высокозапесоченная глина, насыщенная мелким пылевидным песком (таким же, как у сырья Вида 1). 2 образца;

Вид 4. Высокозапесоченная глина, насыщенная мелким пылевидным песком и мелкими округлыми карбонатными включениями. 2 образца;

Вид 5. Слабозапесоченная слабоожелезненная глина. 2 образца.

[2] Подробнее о шкале ожелезненности см.: (*Цетлин*, 2006).

Таким образом, на ступени отбора исходного пластичного сырья для изготовления лепной посуды Фронтового 3 выделяется одна доминирующая традиция, связанная с использованием слабозапесоченных среднеожелезненных глин.

Формовочные массы. По итогам анализа зафиксировано 3 рецепта формовочных масс (рис. 2).

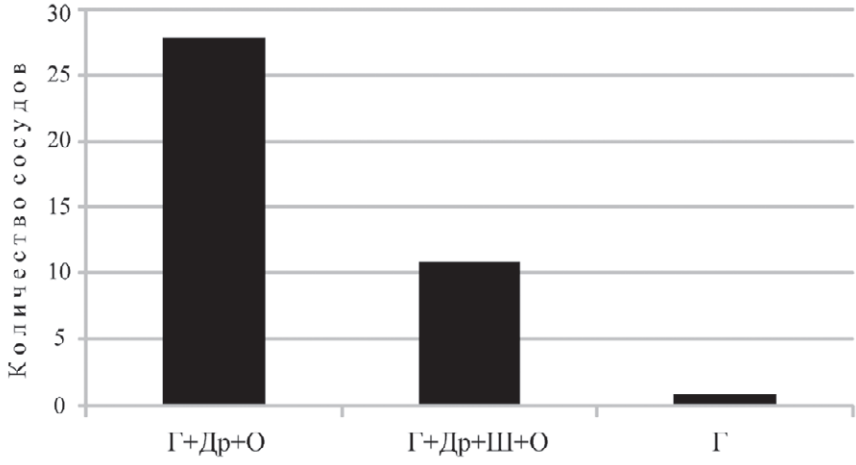


Рис. 2. Количественное соотношение формовочных масс

Г – глина; *Ш* – шамот; *О* – органика; *Др* – дробленая раковина

1) Г (*глина*) + Др (*дробленая раковина*) + О (*органика*). Наиболее массовый, 28 сосудов;

2) Г + Др + Ш (*шамот*) + О, 11 сосудов;

3) Г без искусственных примесей, 1 сосуд.

Несколько слов нужно сказать о зафиксированных искусственных примесях.

Во-первых, отмечены некоторые особенности концентрации дробленой раковины в разных рецептах. Например, в самом массовом – Г + Др + О – концентрация раковины обычно составляет 1:3–1:4. В рецепте Г + Др + Ш + О концентрация раковины гораздо ниже – 1:5–1:6. В одном из таких образцов включения раковины встречены единично, т. е. концентрация была еще меньше, вероятно, около 1:7–1:8.

Во-вторых, об искусственном характере примеси раковины свидетельствуют размер (от 0,5 до 3–4 мм), остроугольность частиц и отслоение перламутрового слоя. Важно, что в сосудах с низкой концентрацией примеси раковины эти признаки сохраняются.

В-третьих, заслуживает внимания состав шамота. Вышедшие из употребления сосуды, которые дробились на шамот, были сделаны из средне- и сильнозапесоченного сырья средней ожелезненности. В шамоте отмечен песок, скорее всего, естественного происхождения. Не обнаружено искусственно добавленных минеральных и органоминеральных примесей, в том числе дробленой раковины.

Сопоставление видов сырья и разных рецептов формовочных масс каких-то «устойчивых» сочетаний не дает. Связано это прежде всего с тем, что один из видов сырья демонстрирует существенное преобладание. При этом почти все малораспространенные виды сырья (№ 2–5) чаще всего сочетаются с наиболее массовым рецептом Г + Др + О.

Обработка поверхности. По итогам анализа зафиксировано 2 способа обработки внешней поверхности сосудов (рис. 3).

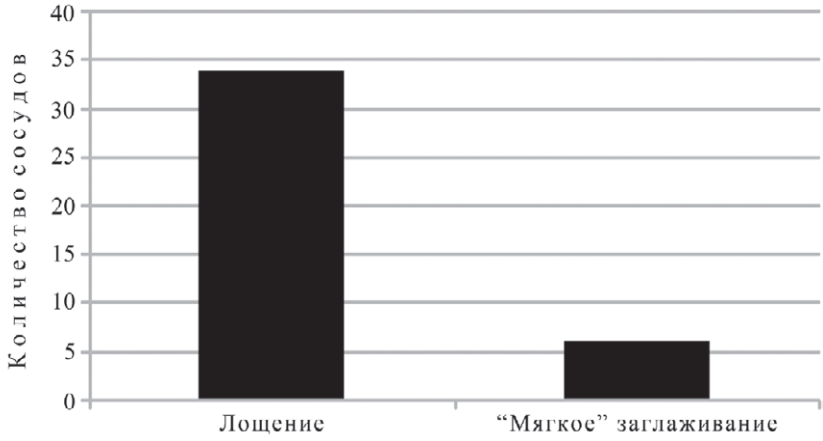


Рис. 3. Количественное соотношение способов обработки поверхности

Первый, наиболее массовый, – лощение – отмечен у 34 сосудов. Судя по отсутствию бороздчатых «канавок» на поверхности сосудов, лощение проводилось по сухой, предварительно чуть смоченной, поверхности. Второй способ обработки внешней поверхности – это «мягкое» заглаживание, оно зафиксировано на 6 сосудах. Следует оговорить, что сюда отнесены разные варианты заглаживания, из-за небольшого числа сосудов более строгая их дифференциация не имеет смысла. В двух случаях это заглаживание пальцами, еще в четырех – заглаживание мягким материалом по структуре следов, напоминающим тонкую ткань.

Обсуждение

Проведенный анализ показывает, что для населения, оставившего могильник Фронтовое 3, характерно единообразие традиций отбора исходного пластичного сырья для изготовления лепных сосудов и обработки их внешней поверхности. Под этим единообразием понимается доминирование на ступени отбора сырья слабозапесоченных среднеожелезненных глин, на ступени составления формовочных масс – рецепта Г + Др, а на ступени механической обработки поверхности – лощения.

Несколько иная ситуация с формовочными массами. Здесь к доминирующей традиции, представленной трехкомпонентной формовочной массой Г + Др + О, относится только 70 % изученных сосудов. Почти все остальные сосуды сделаны из четырехкомпонентной формовочной массы. Очень важно, что в состав этой формовочной массы, помимо «нового» компонента – шамота, входят *все три компонента доминирующей традиции*, т. е. глина, дробленая раковина и органика. Таким образом, удается зафиксировать усложнение составов формовочных масс, которое произошло в определенный период истории населения, оставившего могильник Фронтовое 3.

Какую историческую информацию несут в себе факты усложнения составов формовочных масс?

А. А. Бобринским было доказано, что это явление напрямую связано с усложнением культурного состава населения конкретного памятника (*Бобринский*, 1978. С. 97, 98). Причем такая информация отражает самые начальные этапы процесса смешения населения с носителями иных культурных традиций в гончарстве, поскольку именно приспособительные навыки гончаров изменяются в первую очередь.

Если опираться на количественное соотношение двух рассматриваемых видов формовочных масс, то усложнение культурного состава населения, хоронившего своих покойных на Фронтовом 3, произошло именно за счет носителей традиции добавлять в формовочную массу шамот. Следует при этом обратить внимание на отсутствие на памятнике «чистых» рецептов с шамотом, т. е. таких формовочных масс, где шамот присутствовал бы в качестве единственной минеральной примеси. Дело в том, что самый первый этап смешения носителей разных традиций составления формовочных масс – это их конгломератное сосуществование в рамках того или иного поселения (Там же. С. 243). В изученных материалах могильника этот этап никак не отражен. Представляется, что причиной этого является некоторый временной промежуток между временем появления носителей «шамотной» традиции среди населения, хоронившего на Фронтовом 3 своих покойных, и временем, когда собственно сами носители этой традиции начали хоронить там и своих покойных.

Теперь попробуем соотнести эти выводы и предположения с историко-археологическими реалиями, наблюдаемыми как на Фронтовом 3, так и в целом на синхронных памятниках в рассматриваемом регионе.

Как уже говорилось выше, многие вопросы этнической истории Крыма в римское время являются дискуссионными. Есть, однако, некоторые бесспорные факты. Один из них – это появление в Предгорном Крыму в III в. и массовое распространение в IV в. традиции совершать захоронения в грунтовых склепах (*Храпунов*, 2004. С. 140). Вопрос об этнокультурной интерпретации крымских грунтовых склепов III–IV вв. является дискуссионным. Существуют две точки зрения. Первая, оформленная в работах А. И. Айбабина и И. Н. Храпунова, связывает распространение таких погребальных сооружений с проникновением в этот регион северокавказских алан (*Айбабин*, 1984. С. 118–119; *Храпунов*, 2002. С. 79, 80; 2004. С. 138, 139; 2006. С. 115). В соответствии с другой точкой зрения, высказанной М. Г. Мошковой и В. Ю. Малашевым, эти грунтовые склепы представляют

собой особую культурную группу, не имеющую никаких кавказских истоков (*Мошкова, Малашев*, 1999. С. 196, 197).

Все изученные в этой работе лепные сосуды происходят из комплексов второй половины III – IV / начала V вв. (*Храпунов*, 2002. С. 61–66). Такую дату дают краснолаковые кувшины типов IV.2 и IV.4, по В. А. Нессель (*Нессель*, 2003. С. 114, 118, 119), краснолаковые миски типов 4 и 6, по С. В. Ушакову и др. (*Ушаков и др.*, 2017. С. 67, 70), краснолаковые блюда форм 1 и 2, по К. Домжальскому (*Arsen'eva, Domzalski*, 2002. P. 426), светлоглиняные позднегераклейские амфоры варианта CIVF, по С. Ю. Внукову (*Внуков*, 2016. С. 43). Указанные хронологические рамки погребений с лепной посудой подтверждаются датировками по металлическому инвентарю и монетам[3].

Таким образом, изученные нами образцы от лепных сосудов хронологически соответствуют времени появления в Юго-Западном Крыму и, в частности, на Фронтовом 3 нового, пришлого населения, практиковавшего захоронения своих покойных в грунтовых склепах. Это первый аргумент, подтверждающий сделанный выше вывод о том, что зафиксированное усложнение состава формовочных масс лепных сосудов свидетельствует об изменении культурного состава населения, оставившего рассматриваемый памятник. Археологические реалии памятника и региона в целом подтверждают это.

Второй и гораздо более серьезный аргумент получен при сопоставлении выделенных рецептов формовочных масс и типов погребальных сооружений, в которых были найдены проанализированные сосуды. Выше мы уже отмечали, что изученные образцы происходят из 22 погребений, среди которых 15 подбойных могил и 7 грунтовых склепов. Они синхронны по времени совершения, а также в целом близки по обнаруженному в них сопроводительному инвентарю. Есть, однако, одна важная особенность. Из 14 сосудов, сделанных из формовочной массы Г + Др + Ш + О, *только 1* найден в подбойном захоронении – № 105 (табл. 1). *Все остальные сосуды, имеющие этот рецепт формовочной массы*, обнаружены именно в *грунтовых склепах* (№ 41, 86, 89, 136, 154, 172, 178).

Этот важный факт подтверждает сделанный ранее вывод, что для населения, хоронившего своих покойных на этом могильнике, традиция добавления в формовочную массу шамота является пришлой. Она выявлена только у посуды из грунтовых склепов, которые массово распространяются в регионе расположения памятника в IV в.

Следует обратить внимание еще на одну деталь. Несмотря на то что работа по систематизации форм лепных сосудов Фронтового 3 еще не завершена, уже на текущем этапе можно отметить некоторое морфологическое своеобразие сосудов, сделанных из формовочной массы с добавлением шамота. Этот рецепт зафиксирован только у двух категорий – кувшинов и кружек. Нагляднее всего это своеобразие проявляется на примере кувшинов. Все кувшины, сделанные из формовочной массы Г + Др + Ш + О, достаточно специфичны на фоне других кувшинов из Фронтового-3 по двум морфологическим параметрам – это общая пропорциональность (соотношение высоты и максимального диаметра)

[3] По наблюдениям И. О. Гавритухина.

и высота горла. Все эти сосуды отличаются высокими пропорциями и высоким расширяющимся к верху горлом. Кружки, сделанные из формовочной массы с добавкой шамота, более разнообразны. Однако их тоже объединяют некоторые морфологические параметры. На фоне других кружек из Фронтового 3 они обладают наиболее «низким» туловом и относительно более высокими предплечьем и щекой/шеей[4]. Примечательно, что как кувшины с высоким горлом, так и кружки, характеризующиеся указанными морфологическими особенностями, не имели широкого распространения в местных более ранних древностях, II–III вв., соотносимых с поздними скифами Крыма.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало методические возможности детального анализа формовочных масс лепной доремесленной керамики для доказательной фиксации случаев изменения (усложнения) культурного состава населения на примере конкретного материала римского времени из Юго-Западного Крыма. Удалось выделить в лепной керамике из Фронтового 3 два культурных компонента, один из которых, по-видимому, является «местным», а второй «пришлым». «Пришлый» отличался традицией добавления в формовочную массу шамота. Результаты исследования показывают, что носители традиции добавления в формовочную массу шамота представляют собой население, хоронившее своих покойных в грунтовых склепах, которые массово распространяются в Юго-Западном Крыму в IV в. Изученный материал свидетельствует об ассимиляции носителей данной традиции в среде местного населения, по-видимому, уцелевшего после событий, связанных с так называемыми Скифскими (Готскими) войнами середины III в., и оставшегося проживать в Бельбекской долине. Этот вывод подтверждается переходом пришлых гончаров на местные сырьевые источники, а также независимыми от нашего исследования историко-археологическими реалиями.

В заключение надо добавить, что данная статья отражает пока самые начальные этапы анализа керамического материала Фронтового 3, в том числе лепной керамики. Следующими шагами должны стать систематизация и публикация форм лепных сосудов, определение круга их ближайших аналогий. Высказанные в этой работе идеи могут быть проверены после уточнения хронологии комплексов «поздней» зоны могильника на основании металлического инвентаря, который способен дать в ряде случаев гораздо более узкие даты.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. № 1. С. 104–122.

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 275 с.

[4] Подробнее о функциональных частях, названия которых перечислены: (см.: *Цетлин*, 2018).

Внуков С. Ю., 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. № 2. С. 36–47.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2019. Первые результаты изучения могильника римского времени Фронтовое 3 // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы конф. Т. 1 / Отв. ред. А. Д. Васильев; сост.: Н. В. Гинькут, В. В. Лебединский, В. В. Прудников. М.: Пробел-2000. С. 65–69.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. № 2. С. 91–110.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 172–212.

Нессель В. А., 2003. Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка // Херсонесский сборник. Вып. 12 / Отв. ред. М. И. Золотарев. Севастополь. С. 107–123.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2019. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // КСИА. Вып. 255. С. 182–202.

Ушаков С. В., Дорошко В. В., Дорошко О. П., 2017. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз–10») // История и археология Крыма. Вып. VI. Симферополь: Ин-т археологии Крыма РАН. С. 54–93.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Люблин: Университет Марии Кюри-Склодовской. 316 с.

Храпунов И. Н., 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь. 240 с. (Боспорские исследования; вып. 6.)

Храпунов И. Н., 2006. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. Вып. XVI/1. С. 104–118.

Цетлин Ю. Б., 2006. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Научно-технический центр. С. 421–425.

Цетлин Ю. Б., 2018. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 124–179.

Arsen'eva T. M., Domzalski K., 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Bd. 8. P. 415–491.

Сведения об авторах

Суханов Евгений Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: sukhanov_ev@mail.ru;

Свиридов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: a_sviridov@mail.ru;

Язиков Сергей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

E. V. Sukhanov, A. N. Sviridov, S. V. Yazikov

HAND-MADE CERAMICS FROM THE FRONTOVOYE 3 CEMETERY OF THE ROMAN PERIOD: PRODUCTION TECHNOLOGY

Abstract. In 2018 the Sevastopol team of the Crimean expedition of archaeological land testing in advance of construction development (IA RAS) excavated a new cemetery in the southwestern Crimea which was dated to the first centuries AD. The site is known as Frontovoye 3. The paper explores the technology of hand-made ceramics retrieved from

this site. It examines the data on adaptive skills of the potters who produced hand-made vessels discovered at Frontovoye 3 such as selection and production of original plastic raw material, composition of clay paste and treatment of the external surface of the vessels. Differences in the clay composition of the examined vessels were used to single out two cultural elements, one of which appears to be local while the other is non-local. The non-local element was distinguished by presence of grog added to the clay. The study shows that people with the tradition of adding grog into the clay buried their dead in ground vaults; in the 4th century this tradition spread all across the southwestern Crimea.

Keywords: hand-made pots, Frontovoye 3, technological analysis.

REFERENCES

Aybabin A. I., 1994. Raskopki mogil'nika bliz sela Druzhnoe v 1984 g. [Excavation of cemeyery near village Druzhnoye in 1984]. *MAIET*, pp 89–131.

Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and research methods]. Moscow: Nauka. 275 p.

Gavritukhin I. O., Sviridov A. N., Yazikov S. V., 2019. Pervye rezul'taty izucheniya mogil'nika rimskogo vremeni «Frontovoe 3» [First results of research of Roman time cemetery «Frontovoyet 3»]. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka [Historical, cultural, international, religious and political relations of Crimea with Mediterranean region and the countries of Orient]*, 1. A. D. Vasilyev, ed., N. V. Gin'kut, comp. Moscow: Probel-2000, pp. 65–69.

Gavritukhin I. O., Sviridov A. N., Yazikov S. V., 2020. Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (predvaritel'noe soobshchenie) [Roman time cemetery Frontovoye3 in Southwestern Crimea (preliminary report)]. *RA*, 2, pp. 91–110.

Khrapunov I. N., 2002. Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n. e.) [Druzhnoye cemetery (III–IV cc. AD)]. Liublin: Universytet Marii Curie-Sklodovskiej. 316 p.

Khrapunov I. N., 2004. Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke [Ethnic history of Crimea in Early Iron Age]. Simferopol; Kerch'. 240 p. (Bosporskie issledovaniya, 6.)

Khrapunov I. N., 2006. Sklep III v. n. e. iz mogil'nika Neyzats [Burial vault of III c. AD from cemetery Neyzats]. *PIFK*, XVI/1, pp. 104–118.

Moshkova M. G., Malashev V. Yu., 1999. Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebal'nykh sooruzheniy [Chronology and typology of Sarmatian catacomb burial structures]. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya [Archeology of Volga-Ural region in Early Iron Age and Middle ages]*. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 172–212.

Nessel V. A., 2003. Krasnolakovaya keramika iz mogil'nika Kilen-balka [Red-lacquer ceramics from Kilen-balka cemetery]. *Khersonesski ysbornik [Chersonese annual]*, 12. M. I. Zolotarev, ed. Sevastopol, pp. 107–123.

Sviridov A. N., Yazikov S. V., 2019. Pogrebal'nye obryady mogil'nika rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu [Burial rites of Roman time cemetery Frontovoye 3 in Southwestern Crimea]. *KSIA*, 255, pp. 182–202.

Tsetlin Yu. B., 2006. Ob opredelenii stepeni ozheleznennosti iskhodnogo syr'ya dlya proizvodstva glinyanoy posudy [On determination of degree of iron admixture in raw material for manufacture of clay pottery]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Issues of archaeology of Volga region]*, 4. Samara: Nauchno-tekhnicheskiy tsentr, pp. 421–425.

Tsetlin Yu. B., 2018. Ob obshchem podkhode i metodike sistemnogo izucheniya form glinyanykh sosudov [On general approach and method of systematic study of clay vessels forms]. *Formy glinyanykh sosudov kak ob"ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod [Forms of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach]*. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 124–179.

Ushakov S. V., Doroshko V. V., Doroshko O. P., 2017. Khersonesskaya sigillyata: osnovnye tipy i khronologiya (po materialam raskopok gorodishcha Khersonesa i mogil'nika «Sovkhoz-10»)

[Chersonese sigillate: main types and chronology (based on materials from excavations of Chersonese hillfort and cemetery «Sovkhoz-10»)]. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archeology of Crimea]*, VI. Simferopol: Institut arkheologii Kryma RAN, pp. 54–93.

Vnukov S. Yu., 2016. Eshche raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleyskikh) uzkogorlykh amfor [Once again on typology, evolution and chronology of light-clay (late Heraclean) narrow-necked amphorae]. *RA*, 2, pp. 36–47.

About the authors

Sukhanov Evgeniy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sukhanov_ev@mail.ru;

Sviridov Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: a_sviridov@mail.ru;

Yazikov Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

Н. Н. Спасская, А. Р. Канторович, В. Е. Маслов

ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО О СКИФСКИХ ЛОШАДЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ОБЗОР ОПУБЛИКОВАННЫХ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ[1]

Однако наши современные знания о скифских лошадях продолжают оставаться весьма скудными.

Цалкин, 1960. С. 35

Резюме. Проанализированы опубликованные работы, посвященные исследованию остатков лошадей, происходящих из памятников скифской археологической культуры Северного Причерноморья. Показано, что, несмотря на массовый характер находок, обработана и доведена до публикации лишь незначительная часть иппологического материала. При наличии сходной методики морфометрических работ, анализа экстерьера и размера животных нет однотипной формы представления результатов разными исследователями, а на ряд важных аспектов не обращено должного внимания. Таким образом, археозоологический материал в его иппологической части оказался недоисследованным, но повторное возвращение к данному источнику с применением новых подходов и методик в большинстве случаев невозможно в связи с утратой материалов. Опубликованные данные формируют лишь общие представления о лошадях из конкретных памятников, и пока так и не появились обобщающие работы, основанные на массовом археологическом материале и проясняющие ряд важных вопросов хозяйственного уклада, экономических связей и погребального ритуала скифов в аспекте коневодства.

Ключевые слова: скифы, скифская археологическая культура, Северное Причерноморье, археозоология, лошади, *Equus caballus*.

[1] Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 18-09-00725 «Скифы в Центральном Предкавказье в VII–IV вв. до н. э.», а также частично гранта МГУ им. М. В. Ломоносова для поддержки ведущих научных школ МГУ «Депозитарий живых систем Московского университета» по Программе развития МГУ.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.379-392

Скифы – этнос (или группа этносов), засвидетельствованный начиная с VII–VI вв. до н. э. передневосточными и античными текстами и достаточно подробно изученный археологически. Быт и культура скифов, как демонстрируют эти источники, были неразрывно связаны с лошадьми: их использовали как верховых и упряжных животных, как источник мяса и молока, как жертвенных животных при захоронениях, а также в качестве заупокойной и поминальной пищи. Многие аспекты скифской археологической культуры VII – начала III в. до н. э. Северного Причерноморья и Предкавказья уже достаточно хорошо изучены, но основные вопросы, относящиеся непосредственно к скифскому коневодству, остаются практически неисследованными, и лишь некоторые отрывочные сведения можно найти в немногочисленных дошедших до нас письменных источниках (см. обзор в: *Либеров*, 1960. С. 111–114). Каких именно лошадей разводили скифы? Были ли лошади однотипны, или скифы разводили несколько пород? Как менялись лошади в течение скифской эпохи, осуществлялась ли направленная селекция? Каких лошадей использовали в погребальных обрядах и существовали ли здесь какие-либо предпочтения? На какие территории распространялся экспорт скифских лошадей? Импортировали ли сами скифы породистых лошадей?

На основании обобщения опубликованных ранее археозоологических материалов авторы предприняли попытку суммировать, что именно известно о лошадях скифов Северного Причерноморья, как наиболее изученного региона скифской археологической культуры. Данная работа была опубликована в тезисном виде в материалах VIII Международного симпозиума «Степи Северной Евразии» (*Спасская и др.*, 2018), а в настоящий момент представлена в более развернутом варианте.

На сегодняшний день в степи и лесостепи Северного Причерноморья изучены более 3 тыс. погребальных комплексов скифской археологической культуры, а также в гораздо меньшем количестве поселенческие памятники, ритуальные комплексы и случайные находки. При этом, по данным В. С. Ольховского (на основе материалов, собранных исследователем к концу 1980-х гг.), для степного Северного Причерноморья в IV–III вв. до н. э. захоронения отдельных лошадей встречены в 48 из 1205 погребений (что составляет 4 %), а в виде остатков жертвенной пищи – в 43,5 % погребений (*Ольховский*, 1991. С. 6, 116, 117). По данным, собранным М. А. Очир-Горяевой к началу 2010 гг., в VI–III вв. до н. э. сопроводительные захоронения верховых коней встречаются в 2,12 % погребений (*Очир-Горяева*, 2012. С. 21). Ритуальные захоронения лошадей обнаружены не только в контексте погребений знатных скифов, но и в рядовых комплексах (*Ильинская*, 1973. С. 52). Однако в то время как предметы материальной культуры подвергаются всестороннему анализу с привлечением аналогий, археозоологический материал, несмотря на свою массовость, практически игнорируется. Археологов в большей степени интересуют особенности погребального обряда скифов и только в этом контексте – например, расположение конских могил и предметов узды в контексте планиграфии кургана или бескурганного могильника, способы умерщвления коней, полнота и качество уздечных наборов и др. (см., например: *Мозолевський*, 1979. С. 160–163; *Синика*, 2011. С. 120–121; *Очир-Горяева*, 2012. С. 21–65). Соответствующие

археологические материалы обрабатываются лишь частично, и порой исследователи ограничиваются видовым определением животных. Нельзя не учитывать тот факт, что остеологический материал бывает (в силу ограбленности погребальных памятников) неполным (некомплектным) и/или плохой сохранности (особенно материалы из культурного слоя поселений), что резко уменьшает его информативность (см., например: *Цалкин*, 1954. С. 253, 254; 1960. С. 86; *Секерская*, 1992. С. 187). Часто археозоологические исследования не включаются в итоговые монографии по памятникам, между тем из-за значительного количества таблиц с первичными данными такие работы практически не имеют шансов попасть в периодические издания.

Эти и ряд других причин привели к тому, что опубликованных материалов оказывается чрезвычайно мало: нам известны результаты исследований остатков лошадей всего из 9 курганов и 5 поселенческих памятников (табл. 1). Безусловно, есть некоторая вероятность, что часть результатов исследований остались в полевых отчетах, но они оказываются в большинстве случаев малодоступными.

Таблица 1. Перечень используемых в статье опубликованных археозоологических материалов с памятников Северного Причерноморья

№	Памятник	Годы раскопок	Тип исследования памятника	Публикации
	Поселенческие памятники			
1	Каменское городище	1987–1990*	первичные раскопки	*Журавлёв*, 1991
2	Неаполь Скифский	1945–1950	« »	*Цалкин*, 1954
3	Поселение Первомаевка-2	1985–1988	« »	*Журавлёв*, 1991
4	Севериновское городище	2015	« »	*Кублій*, 2017
5	Трахтемировское городище	1964–1969	« »	*Бєлан*, 1982
	Курганы			
1	Александропольский	2004–2009	доисследование	*Журавлёв*, 2018
2	Бабина Могила	1986	первичные раскопки	*Секерская*, 1992
3	Близнец-2	2007	« »	*Журавлёв*, 2009
4	Большой Рыжановский	1994–1996	« »	*Журавлёв*, 1997; 1999
5	Водяная Могила	1986	« »	*Секерская*, 1992
6	Огуз	1979–1981	доисследование	Там же
7	Стеблевская курганная группа	1983	первичные раскопки	*Журавлёв*, 2018
8	Толстая Могила	1971	« »	*Бибикова*, 1973
9	Чертомлык	1981–1986	доисследование	*Журавлёв*, 1991

Примечание: * – городище раскапывалось и позднее, но указаны годы сбора археозоологических материалов, которые были исследованы

Условно публикации археозоологического материала могут быть разделены на три типа. Первый тип – публикации с первичным анализом археозоологического материала, т. е. с определением видового состава остатков животных, а также пола, возраста и количества особей. В ряде случаев охарактеризованы хозяйственное использование, варианты эксплуатации животных, отдельные патологии индивидуального развития. В основном работы сделаны по отдельным археологическим памятникам. Второй тип – со сравнительным анализом нескольких памятников, расположенных, как правило, в отдельном небольшом регионе. В публикациях первого и второго типа, почти всегда, отсутствует первичный морфометрический блок данных, если только работа не включена в состав монографии. Третий тип – обобщающие работы. Из них, прежде всего, следует назвать классическую работу В. И. Цалкина по раннему железному веку Северного Причерноморья (*Цалкин*, 1960). Однако в сводке приведены данные по 40 поселениям культур разной хронологии и локализации, охватывающие период с IX в. до н. э. до V в. н. э., что существенно затрудняет использование этих результатов по конкретным культурам в ходе дальнейших сравнительных обсуждений. И, к сожалению, несмотря на активизацию археологических работ с началом XXI в., других публикаций с подобным масштабным анализом пока не появилось.

Далее мы рассмотрим основные аспекты анализа археозоологических данных.

Количество особей. Для анализа археозоологического материала с поселенческих памятников количественный показатель используют для сравнительной оценки состава стада домашних животных, определения типа хозяйственной деятельности и объектов питания населения. Такие расчеты активно осуществлялись В. И. Цалкиным и последующими поколениями археозоологов, однако правомерность применения этого показателя в настоящее время оспаривается (*Антипина*, 2000. С. 80–82). Здесь нет необходимости дискутировать по этому вопросу, так как это уведет нас в сторону от основной темы.

Для курганов количество погребенных лошадей – это ключевой признак, отражающий наряду с параметрами кургана социальный статус основного покойника/покойников (*Мозолевський*, 1979. С. 160). Но сведения по конкретным памятникам оказываются неполными в связи с почти повсеместным ограблением курганов, что приводит к нарушению общей картины похоронного обряда. В скифских курганах Северного Причерноморья с людьми погребали от 1 до 16 лошадей, наибольшее их количество (10 и более) сопровождало основные захоронения крупнейших курганов – Чертомлыка, Александропольского, Козла, Чмыревой могилы и т. д. (Там же. С. 152)[2]. В проанализированных опубликованных материалах по 9 курганам (см. список по табл. 1), рассчитанное нами общее количество захороненных лошадей распределяется следующим образом: всего в погребениях (рядом и вместе с людьми) – 94, во рвах курганов – 183 лошади.

[2] Как известно, еще большее количество коней – десятки и сотни – погребено в курганах скифо-меотской аристократии в Прикубанье – в Келермесских, Ульских, Елизаветинских, у станиц Костромской, Воронежской и т. д., но данная статья специально посвящена северопричерноморским материалам.

Состав остатков и место захоронения лошадей. Эти вопросы обычно анализируются археологами в контексте погребального обряда, поэтому мы не будем подробно на этом останавливаться, но отметим лишь то, что важно для обобщения результатов археозоологических исследований.

В культурных поселенческих памятников поселений в основном материал состоит из костей, происходящих от разных особей, подавляющее большинство остатков характеризуется сильной степенью искусственного разрушения, длинные трубчатые кости конечностей, как правило, разрублены. Все это существенно ограничивает возможность подробного комплексного анализа. Напротив, в этом отношении курганы, и в особенности ритуальные захоронения лошадей в них, дают несравнимо более богатый материал. По «комплектности» конские захоронения могут быть разделены на три группы: целые скелеты, полностью или частично лежащие в анатомическом порядке, черепа с конечностями («шкуры»), отдельные черепа. В этом ряду уровень информативности материала уменьшается от группы к группе. Также следует отметить, что степень сохранности частей скелета (и особенно краниальных) обычно невысока, а методы их извлечения при раскопках приводят к еще бóльшему (чаще полному) их разрушению. Значительная часть курганов была разграблена в историческое времявремя. На некоторых памятниках основные раскопки происходили в конце XIX – начале XX в., и обнаруженный тогда археозоологический материал не был подробно изучен и затем утрачен (доисследования в конце XX – начале XXI в. дали возможность собрать лишь остатки). (табл. 1). Все перечисленные причины существенно обедняют материал, который можно включить в сравнительный анализ.

В курганах остатки лошадей могут находиться во впускных входных ямах основных погребений, во входной яме, в дромосе, в самих погребениях (склепах), в отдельных ямах около человеческих погребений. Кости лошадей могут встречаться во рвах и насыпях курганов и являться ритуальными комплексами и/или следами поминальных трапез. Разделение этих остатков на группы по месту нахождения кажется нам важным условием в сравнительном анализе материала, поскольку весьма вероятно, что для разных целей в похоронном обряде могли использовать различных по происхождению и качеству животных – персональных элитных коней при захоронении вместе с человеком и обычных рабочих и/или табунных животных для совершения других ритуалов. Но в большинстве работ эти условия не принимались во внимание, и анализ проводили по всей совокупности материалов, происходящих из одного или нескольких курганов (см., например: *Бибикова*, 1973. С. 66; *Журавлёв*, 1991. С. 350–360; 2018. С. 678, 679), или в лучшем случае анализировали материал по принципу дихотомии: погребение–поселение (см., например: *Журавлёв*, 1991. С. 361; 2018. С. 678, 679).

Пол животных. Определение пола животных возможно по составу зубов (наличие или отсутствие клыков) и/или по особенностям строения тазовых костей (*Корневен, Лесбр*, 1932. С. 78; *Дюрст*, 1936. С. 237, 238; *Климов*, 1950. С. 206). Однако для этого необходима хорошая комплектность и сохранность материала. В силу перечисленных выше причин такие определения возможны не всегда. Так, для остатков лошадей из рвов и насыпей во всех рассматриваемых нами опубликованных данных пол не определен, а для остатков из самих курганов – определен только для 18 особей (19,1 %), из которых подавляющее

большинство (17 особей) оказались жеребцами и только один экземпляр считают кобылой. Эти определения сделаны для 5 памятников: Толстая Могила (*Бибикова*, 1973. С. 66), Водяна Могила и Огуз (*Секерская*, 1992. С. 187, 190; в частности, в Водяной Могиле была обнаружена кобыла), Большой Рыжановский курган (*Журавлёв*, 1997. С. 97), Близнец-2 (*Журавлёв*, 2009. С. 128, 129).

Таким образом, есть основания предположить, что непосредственно в погребальных ритуалах (не в поминальных) преимущественно использовали жеребцов. Возможно, и в загробном мире они должны были служить хозяевам в виде ездовых (верховых) животных, т. е. в том же качестве, в котором они использовались и при жизни, или же они представлялись наиболее эффективным средством для перемещения в иной мир.

Индивидуальный возраст животных. Определение индивидуального возраста лошадей возможно несколькими способами. Во-первых, это достижимо с учетом сращения швов костей черепа и эпифизов трубчатых костей конечностей (*Воккен и др.*, 1961. С. 98–110; *Silver*, 1963. С. 252, 253, 255), но, как известно, целые черепа и даже крупные их фрагменты оказываются большой редкостью в археологических материалах. Соответственно, если исследователи имеют дело только с костями конечностей, то в категорию «взрослые» относят всех животных с приросшими эпифизами трубчатых костей, т. е. старше 3–3,5 лет. В проанализированных опубликованных материалах по остаткам лошадей из рвов курганов возраст был определен для 55,2 % особей (101 из 183), из которых большинство оказались взрослыми (84 особи или 83,2 %), а остальные неполовозрелыми (в том числе 3 жеребенка). В отношении могильных ям курганов пол был определен для 72,3 % (68 из 94) особей, из которых также большинство составляли взрослые (49 особей или 72 %), остальные – неполовозрелые, в том числе 2 жеребенка (все рассчитано Н. Н. Спасской по анализированным источникам, их список см. в табл. 1).

Во-вторых, более четкое определение возраста возможно по последовательности прорезания зубов и степени стертости резцов (*Корневен, Лесбр*, 1932. С. 104–120; *Дюрст*, 1936. С. 221–236), а также по высоте коронки щечных зубов (*Levine*, 1982. С. 249, 250). В таких случаях к категории «взрослые» принято относить особей с полностью сформированными зубной системой и черепом в целом, т. е. 5-ти лет и старше. Зубы сохраняются значительно лучше остальных костей скелета, однако более подробное определение возраста было сделано только для трех памятников и только с использованием стертости резцов. В Толстой Могиле жеребята и молодые животные не найдены, и бóльшая часть животных имела возраст 4–15 лет (21 особь во рву и 4 в могилах кургана), тогда как старше 15 лет были 6 особей во рву и 2 в могилах (*Бибикова*, 1973. С. 66). В Огузе возраст 3-х особей (для которых такое определение было в принципе возможно) составлял около 8 лет, 10 лет и более 10 лет; в Водяной Могиле возраст был определен только для одной особи – 4–4,5 года (*Секерская*, 1992. С. 187, 190). В некоторых работах (см., например: *Журавлёв*, 1997. С. 97; 1999. С. 326; 2009. С. 127, 129; 2018. С. 678, 679) особи были разделены по возрастным категориям (половозрелые, неполовозрелые, молодые) без указания, на основании каких именно материалов это сделано. Можно предположить, что определение возраста происходило по костям конечностей, и это подтвердилось

личным сообщением О. П. Журавлёва, за которое мы выражаем ему искреннюю благодарность.

Итак, на основании опубликованных материалов можно утверждать, что в похоронных мероприятиях скифы использовали в основном взрослых лошадей, как в ритуальных обрядах (могилах), так и в поминальных мероприятиях (рвы курганов). Однако категория «взрослые» включает животных от 3 до 20–25 лет, и остается неясным, особей какой именно возрастной группы преимущественно использовали в погребальном действе: 5–10 лет, 10–15 лет или старше 15. Получив ответ на этот вопрос, а также определив вариант хозяйственного использования животного при жизни (см. ниже), можно было бы более полно описать традиции скифов.

Конституционные типы лошадей: рост и экстерьер животных. Для определения высоты в холке используют расчет по длинам черепа (*Nehring*, 1884. С. 146; *Черский*, 1891. С. 510). Но из-за того, что черепа лошадей редко находят в полной сохранности при археологических раскопках, обычно используют расчет по длинам пястных и плюсневых костей (*Kiesewalter*, 1889. С. 35–37) или корреляционную таблицу, составленную по длине трубчатых костей конечностей (*Витт*, 1952. С. 173).

Определение роста лошадей сделано для четырех скифских поселенческих памятников. На Трахтемировском городище (*Бєлан*, 1982. С. 55) выявлены 5 категорий животных: очень мелкие, мелкие, малорослые, среднерослые, рослые (по классификации О. В. Витта (*Витт*, 1952. С. 173)). На Севериновском городище, где обнаружены единичные экземпляры, представлено равное количество малорослых и среднерослых (*Кублій*, 2017. С. 86). Среднерослых оказалось больше, чем малорослых на поселении Первомаевка-2 (*Журавлёв*, 1995. С. 129). В культурном слое Неаполя Скифского (*Цалкин*, 1954. С. 256) были представлены лошади от малорослых до крупных, при этом большая часть остатков принадлежала малорослым (51 %) и рослым (32 %). Обобщив обширный материал поселений Северного Причерноморья раннего железного века, В. И. Цалкин получил несколько «сдвинутый» диапазон размеров (не было очень мелких, но присутствовали крупные лошади), а подавляющее большинство лошадей относилось к малорослым (47,5 %) и среднерослым (42,9 %) (*Цалкин*, 1960. С. 44).

Рост лошадей, происходящих из рвов курганов, определен только для Чертомлыка, где было больше среднерослых, чем малорослых (*Журавлёв*, 1991. С. 362). В могильных ямах вышеперечисленных курганов, по опубликованным данным, присутствовали все высотные категории, но преимущественно были распространены среднерослые (34,3 %), малорослые (33,6 %) и рослые (21,4 %) особи. Как и следовало ожидать, рослые особи происходят из погребальных камер центральных захоронений курганов: Толстой Могилы (*Бибикова*, 1973. С. 66), Огуза, Бабиной Могилы и Водяной Могилы (*Секерская*, 1992. С. 188–190). Для Александропольского кургана место находки крупных лошадей не указано (*Журавлёв*, 2018. С. 678, 679).

В связи с частой разрозненностью (некомплектностью) скелетов в археологических материалах экстерьер лошадей определяют по пропорциям отдельных костей конечностей, в первую очередь пястных и плюсневых костей, а также первых фаланг, которые из-за особенностей строения всегда имеют лучшую сохранность.

Предложенная И. Д. Черским градация «тонконогие–средненогие–толстоногие» (*Черский*, 1891. С. 510, 511) была расширена А. А. Браунером за счет промежуточных категорий (полутолстоногие, полутонконогие, крайнетонконогие) (*Браунер*, 1916. С. 106, 108). Для пястных и плюсневых костей оба исследователя использовали соотношение ширины кости в середине к длине кости (наружной у Черского и полной у Браунера). Для первых фаланг использовали соотношение ширины верхнего конца к ее длине (*Браунер*, 1916. С. 112), ширины верхнего и нижнего концов, а также ширины кости в середине к ее длине (*Громова*, 1949. С. 49). Соответственно, у А. А. Браунера было четыре градации фаланг – широковерхие, полушироковерхие, полуузковерхие, узковерхие, а у В. И. Громовой (Там же) три градации – тонконогие, средненогие, толстоногие. Для определения аллюрности лошадей используют также соотношение поперечника плюсневой кости к ее ширине в середине (*Андреева*, 1933. С. 106; *Боголюбский*, 1936. С. 334; *Рудько*, 1958. С. 156), а в случае полнокомплектных скелетов – соотношение длин отдельных костей (или частей) конечностей (*Kiesewalter*, 1889. С. 35–37; *Дюрст*, 1936. С. 79).

Определения характеристик экстерьера лошадей из скифских поселенческих памятников сделаны по относительно массовому материалу – для Неаполя Скифского (*Цалкин*, 1954. С. 254, 256) и Трахтемировского городища (*Бєлан*, 1982. С. 55), а по единичным костям – для поселения Первомаевки-2 и Каменского городища (*Журавлёв*, 1995. С. 129), а также для Севериновского городища (*Кублій*, 2017. С. 86). Использовали кости метаподий и первые фаланги. Результаты оказались разными: по первым фалангам большинство лошадей было полуузковерхими, по костям пясти – средненогими, по костям плюсны – тонконогими.

Лошади из погребений по первым фалангам и костям пясти в большинстве были полуузковерхими/полутонконогими, по костям плюсны преобладали полутонконогие и средненогие (суммировано нами по опубликованным источникам, см. список в табл. 1). Что касается рвов, то данные по ним единичны: определено наличие полутонконогих и средненогих особей в Бабиной и Водяной Могилах (*Секерская*, 1992. С. 190), и еще одна полутонконогая особь была найдена в Большом Рыжановском кургане (*Журавлёв*, 1999. С. 325). Для Чертомлыка (*Журавлёв*, 1991. С. 362), Толстой Могилы (*Бибикова*, 1973. С. 66), Огуза (*Секерская*, 1992. С. 190), Александропольского кургана и курганов Стеблевой группы (*Журавлёв*, 2018. С. 678, 679) определение экстерьера или отсутствует, или остатки лошадей не разделены по месту нахождения (рвы или могилы).

Лишь в одной работе предпринята попытка более комплексного анализа экстерьера скифских лошадей по пропорциям отделов конечностей. Так, было отмечено, что в Огузе, Бабиной и Водяной Могилах были захоронены лошади близкие к восточному типу верховых пород (*Секерская*, 1992. С. 189, 190).

Таким образом, имеющиеся данные демонстрируют значительную разнородность лошадей в рамках скифской археологической культуры Северного Причерноморья, что косвенно может свидетельствовать о наличии нескольких пород (или породных типов) для разных вариантов эксплуатации животных. В. И. Цалкин и В. И. Бибикова, основываясь на анализе археозоологического материала, а также изображений лошадей, высказали предположение о наличии

трех типов лошадей (*Цалкин*, 1954. С. 265–268; 1960. С. 44–48; *Бибикова*, 1973. С. 66, 67), а именно:

– верховых, специально выращенных, рослых, стройных и хорошо ухоженных (личных, «под седло»);

– низкорослых, ездовых, выносливых как под седлом, так и в различных хозяйственных работах;

– среднерослых табунных лошадей.

С этим мнением были согласны и последующие исследователи, в частности О. П. Журавлёв и Е. П. Секерская (*Журавлёв*, 1991. С. 363; *Секерская*, 1992. С. 191). Однако для обоснованных выводов необходим более подробный анализ, который, как показывает наш обзор опубликованных данных, пока не был сделан с учетом всего имеющегося материала. Кроме того, поскольку в большинстве публикаций не приведены первичные морфометрические данные, нет возможности в настоящее время верифицировать (пересчитать) те показатели, которые не были по каким-то причинам рассчитаны предыдущими исследователями.

Проблема показателей прижизненного хозяйственного использования лошадей. Активная эксплуатация лошадей человеком в процессе хозяйственной деятельности приводит к формированию у животных специфических морфологических особенностей – стертостей и гипоплазий эмали на зубах, различных аномалий на костях конечностей и позвоночнике (остеоартрозы, экзостозы и др.). Эти морфологические особенности могут дать представление о том, как использовалось и в каких условиях жило животное: было ли оно ездовым (верховым или упряжным) или табунным, насколько интенсивно эксплуатировалось, получало ли достаточное питание в течение жизни и др. И только в некоторых из проанализированных опубликованных работ эти аспекты рассматриваются и обсуждаются (см.: *Журавлёв*, 2009. С. 128, 131; *Кублій*, 2017. С. 86).

На основании обобщенных нами ранее опубликованных материалов с анализом остатков лошадей из курганов и поселенческих памятников скифской археологической культуры Северного Причерноморья можно сделать следующие выводы.

Во-первых, при сходной методике морфометрических работ, анализа экстерьера и размера животных, пока не существует однотипной формы представления результатов разными исследователями. Так, часто нет указания на использованную методику морфометрических исследований, нет первичных промеров, нет данных по местонахождению остатков лошадей и особенностей их захоронения (например, сохранились ли какие-либо элементы узды на черепе или рядом с ним). Все это в целом не дает возможности восстановить некоторые детали, важные для правильной интерпретации результатов, и делает практически невозможным использование современных методов и подходов.

Во-вторых, во многих случаях материал оказался недоисследованным, т. е. из него не был извлечен весь возможный объем данных. Именно это обстоятельство оказывается наиболее досадным, так как подавляющее большинство археозоологических материалов на сегодняшний день утрачено, а это означает полное отсутствие шансов вновь обратиться к ним для применения новых исследовательских методов или для проверки уже сделанных выводов.

Археозоологические коллекции вообще и в частности домашних животных, оказываются непрофильными для музеев – как исторических (ориентированных в первую очередь на предметы материальной культуры), так и зоологических (специализирующихся на рецентной дикой фауне), равно как и палеонтологических (не заинтересованных в субфоссильном материале). Помимо этого, музеи всегда ограничены площадями хранения. Не получив официального статуса, археозоологические коллекции после первичного определения и обработки выбрасываются. Редкие случаи хранения подобных коллекций – это примеры понимания отдельными музейщиками-энтузиастами непреходящей ценности биологических коллекций и важности их сохранения для последующих поколений.

Представленный анализ иппологических исследований демонстрирует относительно слабую изученность массового археологического материала в аспекте скифского коневодства, и многие вопросы по-прежнему остаются открытыми. Поэтому даже по прошествии 60 лет высказывание В. И. Цалкина, приведенное в эпиграфе к этой статье, остается актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Е. Г., 1933. О строении пястья лошади Пржевальского // Бюллетень Научно-исследовательского института зоологии Московского государственного университета им. М. Н. Покровского. С. 105–107.

Антипина Е. Е., 2000. Проблемы обработки и интерпретация археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред.: В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: Старый сад. С. 80–86.

Бєлан Н. Г., 1982. Фауна Трахтемирівського городища // Археологія. № 38. С. 50–63.

Бибикова В. И., 1973 К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // СА. № 4. С. 63–68.

Боголюбский С. Н., 1936. Проблемы эволюционной морфологии домашних животных // Известия АН СССР. Серия: Биология. № 2–3. С. 317–374.

Браунер А. А., 1916 Материалы к познанию домашних животных России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. // Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Т. 86. Кн. 1. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского общества печатного дела. С. 49–184.

Витт О. В., 1952. Лошади Пазырыкских курганов // СА. № XVI. С. 163–205.

Воккен Г. Г., Глаголев П. А., Боголюбский С. Н., 1961. Анатомия домашних животных. Т. 1. Анатомия органов движения. М.: Высшая школа. 391 с.

Громова В. И., 1949. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Ч. 2. Эволюция и классификация М.; Л.: 2-я тип. АН СССР. 162 с. (Труды Палеонтологического ин-та АН СССР; т. 17, вып. 2.)

Дюрст У., 1936. Экстерьер лошади. М.; Л.: Сельхозгиз. 344 с.

Журавлёв О., 1997. Остеологические материалы из Центральной могилы Большого Рыжановского кургана // Materialy i Sprawozdania Rzeszowskiego Osrodka Archeologicznego. T. XVIII. P. 97–99.

Журавлёв О., 1999. Кости животных из Большого Рыжановского кургана // Materialy i Sprawozdania Rzeszowskiego Osrodka Archeologicznego. T. XX. P. 321–327.

Журавлёв О. П., 1991. Костные остатки млекопитающих из курганной группы Чертомлыка // *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык (скифский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка. С. 347–364.

Журавлёв О. П., 1995. Фауна из скифских поселений Нижнего Поднепровья // Н. А. Гаврилюк. Скотоводство Степной Скифии: препринт. Киев: ИА НАНУ. С. 128–138.

Журавлёв О. П., 2009. Остеологические материалы из кургана Близнец-2 // Ромашко В. А., Скорий С. А. Близнюк-2: скіфський арістократичний курган у Дніпровському правобережному Надпоріжжі: монографія. Дніпропетровськ: Пороги. С. 127–145.

Журавлёв О. П., 2018. Остеологические материалы из скифских курганов Александрополь, Большой Рыжановский и Стеблев // *Полин С. В., Алексеев А. Ю.* Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Олег Філюк. С. 677–725. (Курганы Украины; т. 6.)

Ильинская В. А., 1973. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев. С. 42–64.

Климов А. Ф., 1950. Анатомия домашних животных. Т. 1 / Перераб. А. И. Акаевским. 3-е изд. М.: Сельхозгиз. 560 с.

Корневен Ш., Лесбр Ф.-К., 1932. Распознание возраста по зубам и производным эпителия. М.; Л.: Сельколхозгиз. 213 с.

Кублій М. В., 2017. Питання продуктового забезпечення скіфського городища Северинівка за результатами остеологічного аналізу матеріалу з розкопок 2015 року [Электронный ресурс] // Магістеріум. Археологічні студії. Вип. 67. С. 85–88. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Magisterium_2017_67_15

Либеров П. Д., 1960. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР. С. 110–164. (МИА; № 53.)

Мозолевський Б. М., 1979. Товста Могила. Київ: Наукова думка. 248 с.

Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука. 256 с.

Очир-Горяева М. А., 2012. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус. 486 с.

Рудько П. Д., 1958. Изменения морфологической структуры сельскохозяйственных животных под влиянием содержания и эксплуатации. Сталинабад: Таджикский сельскохозяйственный ин-т. 263 с.

Секерская Е.П., 1992. Анализ остатков лошадей из курганов скифской знати. // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. III / Ред. Г. Н. Тощев. Запорожье: Запорожский гос. ун-т. С. 187–191.

Синика В. С., 2011. К вопросу о семантике конских погребений на скифском могильнике III–II вв. до н. э. у с. Глиное // Археология і давняя історія України. Вип. 5. Археологія від джерел до реконструкцій. Київ: ІА НАНУ. С. 119–124.

Спасская Н. Н., Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2018. Что мы знаем о скифских лошадях Северного Причерноморья и Предкавказья? // Степи Северной Евразии: материалы VIII Международного симпозиума / Науч. ред. А. А. Чибилев. Оренбург: Институт степи Уральского отделения РАН. С. 938–941.

Цалкин В. И., 1954. Домашние и дикие животные из Неаполя Скифского // СА. № XX. С. 253–287.

Цалкин В. И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР. С. 7–109. (МИА; № 53.)

Черский И. Д., 1891. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885–1886 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 706 с.

Kiesewalter L., 1889. Skelettmessungen am Pferde. Inaugural Dissertion. Leipzig. 47 S.

Levine M. A., 1982. The use of crown height measurements and eruptiuo–wear sequences to age hors teeth // Ageing and sexing animal bones from archaeological sites / Eds.: B. Wilson, C. Grigson, S. Payne. Oxford, England: BAR. P. 223–250. (BAR British series; 109.)

Nehring A., 1884. Fossile Pferde aus deutschen Diluvial-Ablagerungen und ihre Beziehungen zu den lebenden Pferden // Landwirtschaftliche Jahrbücher. Berlin: Verlag von Paul Parey. S. 82–160.

Silver I. A., 1963. The ageing of domestic animals // Science in archaeology. A comprehensive survey of progress and research / Eds.: D. Brothwell, E. Higgs, G. Clark. New York: Basic Book. P. 250–268.

Сведения об авторах

Спасская Наталья Николаевна, Научно-исследовательский зоологический музей МГУ им. М. В. Ломоносова, ул. Большая Никитская, 2, Москва, 125009, Россия; e-mail: equusnns@mail.ru;

Канторович Анатолий Робертович, МГУ имени М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27/4, Москва, 119192, Россия; e-mail: kantorovich@mail.ru;

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru

N. N. Spasskaya, A. R. Kantorovich, V. E. Maslov

WHAT DO WE KNOW ABOUT SCYTHIAN HORSES OF THE NORTH PONTIC REGION: OVERVIEW OF PUBLISHED ARCHAEOZOOLOGICAL DATA

Abstract. The paper analyzes publications on the studies of remains of horses coming from the Scythian sites in the North Pontic region. It shows that, despite a large number of finds, only a small percentage of hippological remains has been processed and published. While there are similar methodologies of morphometric works, analysis of animal points, there is no one-type template for presenting results by various researchers and a number of important characteristics are disregarded. For this reason, the hippological aspect of the archaeozoological remains appears to be understudied. However, in most cases, this source cannot be re-used to apply new approaches and methods because of loss of materials. The published data provide only a general picture on horses from specific sites and, so far, there are no papers that would summarize results of analysis of frequently found archaeological materials and clarify a number of important issues of economic activities, economic links and funerary rites practiced by the Scythians in the context of horse-raising.

Keywords: Scythians, Scythian archaeological culture, North Pontic region, archaeozoology, horses, *Equus caballus*.

REFERENCES

Andreyeva E. G., 1933. O stroyenii pyast'ya loshadi Przheval'skogo [On structure of the Przewalski horse's pastern]. Byulleten' Nauchno-issledovatel'skogo instituta zoologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. N. Pokrovskogo [Bulletin of Scientific research institute for zoology, M. N. Pokrovskiy Moscow state university], pp. 105–107.

Antipina E. E., 2000. Problemy obrabotki i interpretatsiya arkheozoologicheskikh materialov iz pamyatnikov skifskogo vremeni na territorii Severnogo Prichernomor'ya [Issues of processing and interpretation of archaeozoological materials from sites of Scythian time in territory of North Pontic region]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya [Scythians and Sarmatians in VII–III cc. BC: palaeoecology, anthropology and archaeology]*. V. I. Gulyayev, V. S. Ol'khovskiy, eds. Moscow: Staryy sad, pp. 80–86.

Belan N. G., 1982. Fauna Trakhtemirivs'kogo gorodishcha [Fauna of Trakhtemirovo hillfort]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 38, pp. 50–63.

Bibikova V. I., 1973. K interpretatsii osteologicheskogo materiala iz skifskogo kurgana Tolstaya mogila [To interpretation of osteological material from Scythian kurgan Tolstaya mogila]. *SA*, 4, pp. 63–68.

Bogolyubskiy S. N., 1936. Problemy evolyutsionnoy morfologii domashnikh zhivotnykh [Issues of evolutionary morphology of domestic animals]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya: Biologiya [Bulletin of AS USSR. Series: Biology]*, 2–3, pp. 317–374.

Brauner A. A., 1916. Materialy k poznaniyu domashnikh zhivotnykh Rossii, 1. Loshad' kurgannykh pogrebeniy Tiraspol'skogo uyezda Khersonskoy gub. [Materials to knowledge Russia of domestic animals. 1. Horse from kurgan burials of Tiraspol district, Kherson province]. *Zapiski Imperatorskogo Obshchestva sel'skogo khozyaystva Yuzhnoy Rossii [Notes of Imperial Society for agriculture in South Russia]*, vol. 86, part 1. Odessa: Tipografiya Aktsionernogo Yuzhno-Russkogo obshchestva pechatnogo dela, pp. 49–184.

Cherskiy I. D., 1891. Opisaniye kollektsii posletretichnykh mlekopitayushchikh zhivotnykh, sobrannykh Novo-Sibirskoy ekspeditsiyey 1885–1886 g. [Description of collection of post-tertiary mammalian animals collected by New Siberian expedition, 1885–1886]. St.Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 706 p.

Dyurst U., 1936. Ekster'yer loshadi [Horse exterior]. Moscow; Leningrad: Sel'khozgiz. 344 p.

Gromova V. I., 1949. Istoriya loshadey (roda Equus) v Starom Svete. Chast' 2. Evolyutsiya i klassifikatsiya roda [History of horses (Equus gens) in Old World. Part 2. Gens evolution and classification]. Moscow; Leningrad: 2-ya tipografiya AN SSSR. 162 p. (Trudy Paleontologicheskogo instituta AN SSSR, vol. 17, iss. 2.)

Il'inskaya V. A., 1973. Skifskaya uzda IV v. do n. e. [Scythian bridle of IV c. BC]. *Skifskiye drevnosti [Scythian antiquities]*. E. V. Chernenko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 42–64.

Klimov A. F., 1950. Anatomiya domashnikh zhivotnykh [Anatomy of domestic animals], 1. 3rd edition. Moscow: Sel'khozgiz. 560 p.

Korneven Sh., Lesbr F.-K., 1932. Raspoznavaniye vozrasta po zubam i proizvodnym epiteliya loshadi, korovy, ovtsy, svin'i, verblyuda, sobaki, koshki i domashnikh ptits [Age recognition based on teeth and epithelial derivatives of horses, cows, sheep, pigs, camels, dogs, cats, and poultry]. Moscow; Leningrad: Sel'kolkhozgiz. 213 p.

Kubliy M. V., 2017. Pitannya produktovogo zabezpechennya skifs'kogo gorodishcha Severynivka za rezul'tatami osteologichnogo analizu materialu z rozkopok 2015 roku (Elektronnyy resurs) [Issue of product support in Scythian hillfort Severynivka based on results of osteological analysis of materials from 2015 excavations (Electronic resource)]. *Magisterium. Arkheologichni studiï [Magisterium. Archaeological studies]*, 67, pp. 85–88. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Magisterium_2017_67_15

Liberov P. D., 1960. K istorii skotovodstva i okhoty na territorii Severnogo Prichernomor'ya v epokhu rannego zheleza [To history of stockbreeding and hunting in North Pontic region in Early Iron Age]. *Istoriya skotovodstva v Severnom Prichernomor'ye [History of stockbreeding in North Pontic region]*. A. P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 110–164. (MIA, 53.)

Mozolevs'kyy B. M., 1979. Tovsta Mogyla [Tovsta Mogyla]. Kyïv: Naukova dumka. 248 p.

Ochir-Goryayeva M. A., 2012. Drevniye vsadniki stepey Evrazii [Ancient riders of Eurasia steppes]. Moscow: Taus. 486 p.

Ol'khovskiy V. S., 1991. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n. e.) [Funeral and memorial rites of steppe Scythia populationn (VII–III cc. BC)]. Moscow: Nauka. 256 p.

Rud'ko P. D., 1958. Izmeneniya morfologicheskoy struktury sel'skokhozyaystvennykh zhivotnykh pod vliyaniyem soderzhaniya i ekspluatatsii [Changes in morphological structure of farm animals under the influence of maintenance and exploitation]. Stalinabad: Tadzhikskiy sel'skokhozyaystvennyy institut. 263 p.

Sekerskaya E. P., 1992. Analiz ostatkov loshadey iz kurganov skifskoy znati [Analysis of horses remains from kurgans of Scythian nobility]. *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma [Antiquities of steppe Pontic region and Crimea]*, III. G. N. Toshchev, ed. Zaporozh'ye: Zaporozhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 187–191.

Sinika V. S., 2011. K voprosu o semantike konskikh pogrebeniy na skifskom mogil'nike III–II vv. do n. e. u s. Glinoye [The issue of semantics of horse burials in Scythian cemetery of III–II cc. BC near village Glinoye]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïny [Archaeology and early history of Ukraine], 5. Arkheologiya: vid dzherel do rekonstruktsiy [Archaeology: from sources to reconstructions]*. Kyïv: IA NANU, pp. 119–124.

Spasskaya N. N., Kantorovich A. R., Maslov V. E., 2018. Chto my znayem o skifskikh loshadyakh Severnogo Prichernomor'ya i Predkavkaz'ya? [What do we know about Scythian horses of North Pontic region and Fore Caucasus?]. *Stepi Severnoy Evrazii [Steppes of North Eurasia]*. A. A. Chibilev, ed. Orenburg: Institut stepi Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 938–941.

Tsalkin V. I., 1954. Domashniye i dikiye zhivotnyye iz Neapolya Skifskogo [Domestic and wild animals from Scythian Neapolis]. *SA*, XX, pp. 253–287.

Tsalkin V. I., 1960. Domashniye i dikiye zhivotnyye Severnogo Prichernomor'ya v epokhu rannego zheleza [Domestic and wild animals of North Pontic region in Early Iron Age]. *Istoriya skotovodstva v Severnom Prichernomor'ye [History of stockbreeding in North Pontic region]*. A. P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 7–109. (MIA, 53.)

Vitt O. V., 1952. Loshadi Pazyrykskikh kurganov [Horses from Pazyryk kurgans]. *SA*, XVI, pp. 163–205.

Vokken G. G., Glagolev P. A., Bogolyubskiy S. N., 1961. Anatomiya domashnikh zhivotnykh [Anatomy of domestic animals], 1. Anatomiya organov dvizheniya [Anatomy of organs of motion]. Moscow: Vysshaya shkola. 391 p.

Zhuravlev O., 1997. Osteologicheskiye materialy iz tsentral'noy mogily Bol'shogo Ryzhanov-skogo kurgana [Osteological materials from central grave of Bol'shoy Ryzhanovskiy kurgan]. *Materialy i Sprawozdania Rzeszowskiego Osrodka Archeologicznego*, XVIII, pp. 97–99.

Zhuravlev O., 1999. Kosti zhivotnykh iz Bol'shogo Ryzhanovskogo kurgana [Animal bones from Bol'shoy Ryzhanovskiy kurgan]. *Materialy i Sprawozdania Rzeszowskiego Osrodka Archeologicznego*, XX, pp. 321–327.

Zhuravlev O. P., 1991. Kostnyye ostatki mlekopitayushchikh iz kurgannoy gruppy Chertomlyka [Mammals' bone remains from kurgan group Chertomlyk]. *Alekseyev A. Yu., Murzin V. Yu., Rolle R. Chertomlyk (skifskiy kurgan IV v. do n. e.) [Chertomlyk (Scythian kurgan of IV c. BC)]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 347–364.

Zhuravlev O. P., 1995. Fauna iz skifskikh poseleniy Nizhnego Podneprov'ya [Fauna from Scythian settlements in Lower Dnieper region]. *Gavrilyuk N. A. Skotovodstvo Stepnoy Skifii: preprint [Stockbreeding in steppe Scythia: preprint]*. Kiev: IA NANU, pp. 128–138.

Zhuravlev O. P., 2009. Osteologicheskiye materialy iz kurgana Bliznets-2 [Osteological materials from kurgan Bliznets-2]. *Romashko V. A., Skoryy S. A. Bliznyuk-2: skifs'kyy aristokratichnyy kurgan u Dniprovs'komu pravoberezhnomu Nadporizhzhi [Bliznyuk-2: Scythian aristocratic kurgan in Dnieper right bank region of Nadporozhye]*. Dnipropetrovs'k: Porogy, pp. 127–145.

Zhuravlev O. P., 2018. Osteologicheskiye materialy iz skifskikh kurganov Aleksandropol', Bol'shoy Ryzhanovskiy i Steblev [Osteological materials from Scythian kurgans Aleksandropol', Bol'shoy Ryzhanovskiy and Steblev]. *Polin S. V., Alekseyev A. Yu. Skifskiy tsarskiy Aleksandropol'skiy kurgan IV v. do n. e. v Nizhnem Podneprov'ye [Scythia royal Aleksandropol kurgan of IV c. BC in Lower Dnieper region]*. Kiev; Berlin: Oleg Filyuk, pp. 677–725. (Kurgany Ukrainy, 6.)

About the authors

Spasskaya Natalia N., Research Zoological Museum of Lomonosov Moscow state University, ul. Bol'shaya Nikitskaya, 2, Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: equusnns@mail.ru;

Kantorovich Anatoliy R., Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky prosp. 27/4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: kantorovich@mail.ru;

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; email: maslovlad@mail.ru

Л. В. Яворская, Л. Ф. Недашковский

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА[1]

Резюме. Изучена коллекция костных остатков животных объемом в 12 936 фрагментов из раскопок Багаевского селища – крупного сельского поселения втор. пол. XIII – XIV в. в Нижнем Поволжье. Использовалась методическая схема, разработанная в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. Таксономический набор включает млекопитающих, птиц, рыб, моллюсков. Основное место в коллекции занимают остатки домашних копытных: крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи. Анализ мясного потребления на поселении и реконструкция относительной численности домашних копытных в его хозяйственной системе позволяют утверждать, что важным занятием жителей селища было масштабное разведение на мясо крупного рогатого скота для поставок в ближайший крупный город Укек.

Ключевые слова: археозоология, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, Багаевское селище, специализированное разведение крупного рогатого скота.

Для археологии Золотой Орды комплексные археологические и естественнонаучные исследования сельских памятников редки и поэтому крайне важны. Они позволяют выстраивать продуктивные гипотезы о функциях сельских округ городов и хозяйственных отношениях в системе город–село–кочевая степь. Цель данной статьи – представить археозоологические материалы, полученные при раскопках Багаевского селища, прояснить таксономический набор остатков и видовой состав млекопитающих, реконструировать белковую диету жителей, выдвинуть предположения о занятиях населения, связанных с разведением или добычей различных животных и на конкретном примере прояснить роль сельских поселений в экономической системе Золотой Орды.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004; при финансовой поддержке Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, проект № АААА-А18-118011790092-5 «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.393-402

Багаевское селище расположено в Саратовском районе Саратовской области на левом берегу р. Петровки, правого притока р. Волги. Памятник является остатками сельского поселения золотоордынского времени, входит в ближайшую округу крупного золотоордынского города Укека (Увекского городища). Поселение датируется втор. пол. XIII – XIV в. (найденные на Багаевском селище джучидские монеты отчеканены с конца 1270-х по начало 1360-х гг.), т. е. синхронно функционированию Увекского городища. По геодезической съемке размеры памятника – 225 × 490 м и площадь – 5,1 га. Поселение исследовалось раскопками Л. Ф. Недашковского в 2002–2003, 2006–2012 и 2014–2016 гг. При раскопках селища зафиксированы следы собственной ремесленной деятельности, в частности металлообработки, а также привозимая на поселение керамическая и иная продукция золотоордынских и других средневековых городских центров. Помимо остатков бытовых керамических сосудов без глазури, обнаружены обломки красноглиняной и кашинной поливной посуды, а также тарной – трапезундских и трилийских амфор, найдены редкие для сельских памятников привозные вещи: фрагменты ближневосточного расписного стеклянного сосуда, красноглиняных причерноморских поливных сосудов, иранской люстровой керамики (*Недашковский*, 2013; *Недашковский, Шигапов*, 2019а; 2019б).

Сельскохозяйственную направленность деятельности жителей Багаевского селища подчеркивают находки земледельческих орудий труда (серп, фрагмент косы) и результаты археоботанических исследований флотационных проб, собранных за годы раскопок на памятнике. Это и обилие зерна культурных злаков, и их видовое разнообразие (просо, пшеница, рожь, овес, ячмень), а также колосовые фрагменты – остатки от обмолота различных зерновых культур (*Лебедева, Сергеев*, 2017. С. 293–295, 297. Табл. 1; 2).

Костные остатки животных изучались специалистами с самого начала археологических исследований на Багаевском селище. Первые исследования костей животных из раскопок 2002–2007 гг. проводила научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Халикова (тогда Национального центра археологических исследований Института истории) Академии наук Республики Татарстан к. вет. н. Г. Ш. Асылгараева. Кости рыб определялись тогда заведующим кафедрой зоологии позвоночных Казанского (Приволжского) федерального университета, д. б. н. В. А. Кузнецовым, а кости птиц из раскопок 2001–2008 гг. были определены к. б. н. В. Н. Калякиным, сотрудником кафедры биогеографии географического факультета МГУ (определения опубликованы в: *Недашковский*, 2010. С. 162, 163, 165, 167. Табл. 1; 3; 4). В настоящее время костные остатки птиц и рыб, мелких млекопитающих определяют сотрудники Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан к. б. н. И. В. Аськеев и Д. Н. Шаймуратова (Галимова). С 2008 г. костные остатки млекопитающих из раскопок селища исследуются старшим научным сотрудником Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, к. и. н. Л. В. Яворской по методической схеме, разработанной в указанной Лаборатории специально для палеоэкономических реконструкций (*Антипина*, 2004). Именно эти коллекции, полученные из археологических работ 2008–2016 гг. из культурного слоя и 31 объекта, общим объемом 12 936 фрагментов (табл. 1) легли в основу нынешней публикации.

Таблица 1. Основные параметры и таксономический набор археозоологической коллекции Багаевского селища (раскоп I 2008–2012, 2014–2016 гг.)

Объекты	Млекопитающие (число костей)			Другие классы			ВСЕГО	Доля определимых (%)	ИР*
	определимых	неопределимых		птиц	рыб	моллюсков			
		крупных	средних						
Культурный слой	2209	1779	1876	81	131	11	6087	40	46,7
яма 4	14	6	23		14		57	49,1	43,8
яма 5	4	3	3		16		26	76,9	37,1
яма 6		1	3	1	13		18	77,8	36
яма 7	16	12	12		1	1	42	42,9	38,2
яма 8	26	7	5	7	13		58	79,3	48,3
яма 9	1772	859	787	34	66	2	3520	53,2	41,9
яма 11	3						3	100	30
яма 12	106	8	17	21	26	1	179	86	39,5
яма 13	28	8		1	24	1	62	87,1	38,8
яма 14	1	3	1				5	20	25
яма 15		4	5				9	0	50
яма 16	6		3		6		15	80	37,5
яма 17	9	2	3				14	64,3	40
яма 20	3	1	1				5	60	25
яма 21	2						2	100,0	20
яма 22	19	6	4	2	3		34	70,6	37,8
яма 28	5	2					7	71,4	35
яма 29	73	34	25	10	14		156	62,2	42,2
яма 30	18	5			15		38	86,8	29
яма 31	394	116	125	14	66		715	66,3	59,6
яма 32	53	64	15	4	4		140	43,6	58,3
яма 33	20	14	11		5		50	50	33,3
яма 34					1		1	100	20
яма 35	23	9	4	20	9		65	80	21,7
яма 36	132	45	73	29	8	3	290	59,3	33,8
яма 37	147	22	58	14	31		272	70,6	23,7
яма 38	35	6	10		1		52	69,2	52
яма 39	129	8	59	59	65		320	79,1	64
яма 40	76	11	7	10	16		120	85	42,9
яма 41	16			3	11		30	100	60
яма 42	271	81	115	42	35		544	64	28,6
ВСЕГО	5610	3116	3245	352	594	19	12 936	50,8	39
% по классам	92,5			2,7	4,6	0,1	100,0		

* ИР – индекс раздробленности, пояснения в тексте

Исследованные на раскопе I объекты представляют собой ямы различного размера и назначения. В большинстве из них заполнение костями животных невелико – от 3 до 300 фрагментов (табл. 1), но чаще всего выборка составляет около 50 фрагментов и не является информативной по ряду археозоологических параметров, таких, например, как индекс раздробленности и доля фрагментов неопределимых до вида. Наиболее насыщенными костями животных оказались выборки костных остатков из культурного слоя и трех крупных ям 9, 31, 42. Яма 9 является самым крупным объектом, исследованным на раскопе, и представляет собой естественное понижение, в котором были оборудованы полуземлянка, два очага и зерновые и хозяйственные ямы (*Недашковский, Шигапов,* 2019б. С. 470, 471). Полуземлянка (яма 9) функционировала с рубежа XIII–XIV вв. и, по-видимому, погибла в пожаре в 1360-е гг. (*Недашковский*, 2013. С.11, 12). В ее заполнении обнаружены обгоревшие плахи перекрытий и обшивки стен (Там же), а среди 3520 костных фрагментов свыше 30 % составили кости со следами воздействия высокой температуры. Ямы 31 и 42 являются остатками ям-хранилищ (погребов) (*Недашковский, Шигапов*, 2019б. С. 469, 470), выборки из них в количестве 715 и 544 фрагментов представляют собой «кухонные» остатки (табл. 1). Именно на этих выборках из культурного слоя и трех крупных объектов удалось получить основные характеристики археозоологической коллекции и выстроить продуктивные гипотезы о хозяйственной системе Багаевского селища.

Естественная сохранность костных фрагментов может быть оценена как «хорошая» и «удовлетворительная», т. е. составляет 4 и 3 балла по пятибалльной шкале, где самая высокая оценка в 5 баллов, когда на поверхности кости хорошо видны все следы искусственного воздействия. На фрагментах «удовлетворительной» сохранности не всегда легко оценить такие следы, поскольку разрушен или нарушен поверхностный слой костной компакты. Однако отметим, что на костях млекопитающих как определимых, так и не определимых, отчетливы следы «кухонной» разделки – порубы, следы дробления, разделки ножом, и основную массу остатков, свыше 90 %, следует отнести к категории «кухонных».

Индексы раздробленности, получаемые делением общего числа фрагментов в выборке на занимаемый ими объем (ИР – табл. 1), варьируют по объектам в пределах от 20 до 64 фрагментов в 1 куб. дм, однако все они укладываются в пределы обычной «кухонной» (*Антипина*, *Моралес*, 2006).

В основе таксономического набора Багаевского селища кости млекопитающих, их доля 92,5%. Кроме них на памятнике присутствуют остатки других классов животных: птиц, рыб, моллюсков (табл. 1).

Раковины моллюсков немногочисленны, их всего 19 фрагментов (0,2 % от всей коллекции). Все они являются представителями класса двустворчатых моллюсков (Bivalvia), семейства пресноводных перловиц (Unio). Они могли попасть на поселение несколькими способами – моллюски с раковинами могли быть принесены специально с речного берега для дополнения белкового рациона жителей, раковины могли оказаться случайно в речном песке, а также в сетях вместе с уловом рыбы. Как правило, если моллюски используются в качестве пищи, то их раковин на поселении оказывается значительно больше. Сети же чаще всего освобождают от улова на берегу, их не приносят на поселение вместе с рыбой и ракушками. Скорее следует предположить попадание данных раковин

на поселение вместе с речным песком, принесенным для ремесленной деятельности, например для металлургической, следы которой зафиксированы в археологических материалах памятника. Среди индивидуальных находок есть две уникальные для данной местности морские раковины: от брюхоногого морского моллюска семейства каури (Cypraeidae) и двустворчатого морского моллюска семейства устричных (Ostreidae) (определения опубликованы в: *Недашковский, Шигапов*, 2019б. С. 479, 481. Рис. 16). Первый из названных моллюсков обитает в теплых, преимущественно тропических морях главным образом бассейна Индийского океана. Устрицы также теплолюбивы, а ближайшие к поселению устричники находятся в Черном и Средиземном морях. Таким образом, оба моллюска были привезены на поселение издалека либо как экзотические раковины, либо как сырье для изготовления изделий – раковины каури издавна использовались как украшения (каури с Багаевского селища являлась частью ожерелья из стеклянных бус, она имеет отверстие и была найдена со стеклянной бусинкой внутри), а раковины устриц для получения перламутра для украшений. Эти находки увеличивают географию обширных торговых связей обитателей селища, характеризуют их возможности получения экзотических товаров и сырья.

В представляемой остеологической коллекции Багаевского селища остатки рыб составляют 4,6 % находок. В настоящий момент ведется подготовка публикации их видовых определений. Известен видовой набор костных остатков рыб из предыдущих исследований, опубликованных в работе одного из авторов данной статьи (*Недашковский*, 2013. С. 15). Основная часть из определимых ранее костей рыб (85,8 %) – остатки ценных промысловых рыб семейства осетровых (Acipenseridae): осетр, белуга, стерлядь. Оставшиеся 14,2 % составили находки костей сома, карповых, судака. Исходя из наличия костей крупных осетровых, вылов рыбы осуществлялся скорее на Волге, чем на крохотной Петровке, вдоль которой расположено Багаевское селище. Расстояние от поселения до старого русла Волги по прямой составляет 7 км. В культурных напластованиях памятника обнаружены рыболовные принадлежности, включая орудия для вылова крупных рыб (*Недашковский, Шигапов,* 2019б. С. 480). Из письменных источников известно о занятиях жителей Улуса Джучи (в том числе на Нижнем Дону, Волге и Каспии) этим промыслом и об огромных объемах экспорта соленой и вяленой рыбы, осетровых балыков и икры из Золотой Орды (Барбаро и Контарини…, 1971. С. 50–52, 57, 58, 157, 216, 218; Путешествия…, 1957. С. 88, 109; *Недашковский*, 2010. С. 168, 171, 172; *Шильтбергер*, 1984. С. 44, 45; Il libro…, 1956. P. 416, 676, 701; *Pegolotti*, 1936. P. 24, 102, 380). По-видимому, в рыболовном промысле принимало активное участие и сельское население Нижнего Поволжья.

Находки остатков птиц составляют 2,7 % от всей исследуемой коллекции памятника (табл. 1). По предшествующим определениям в видовом наборе решительно превалирует домашняя курица – 78 %, есть две кости домашнего гуся – 1,5 %, остальные находки представлены дикими птицами, среди которых 14 костей принадлежат тетереву (определения опубликованы в: *Недашковский*, 2013. С. 15). Данный видовой состав позволяет предположить, что жители селища занимались разведением домашней птицы и практиковали охоту, но в небольших объемах.

Таблица 2. Видовой состав млекопитающих Багаевского селища (раскоп I, 2008–2012, 2014–2016 гг.)

Объекты	домашние						дикие			ВСЕГО костей
	«мясные»				«помощники»		лисица	заяц	грызуны	
	КРС	лошадь	МРС	свинья	собака	кошка				
Культурный слой	1025	59	1075	27	10	3		8	2	2209
яма 4	7		6	1						14
яма 5	1		3							4
яма 7	11		4	1						16
яма 8	11		15							26
яма 9	982	124	574	61	15		1	4	11	1772
яма 11	1		2							3
яма 12	27		71	8						106
яма 13	6		22							28
яма 14			1							1
яма 16	3		3							6
яма 17	6	1	2							9
яма 20	2		1							3
яма 21	1		1							2
яма 22	10	1	8							19
яма 28	4		1							5
яма 29	52		20		1					73
яма 30	7		11							18
яма 31	158	10	187	3	29			5	2	394
яма 32	35	1	16		1					53
яма 33	12		7		1					20
яма 35	6		17							23
яма 36	38	4	66		7		12		5	132
яма 37	36	1	107	2				1		147
яма 38	15	1	19							35
яма 39	18	1	106	1	2			1		129
яма 40	14		61						1	76
яма 41	9		7							16
яма 42	118	8	138					6	1	271
Всего костей	2615	211	2551	104	66	3	13	25	22	5610
%	46,6	3,8	45,5	1,8	1,2	0,1	0,2	0,4	0,4	100,0
% по группам	97,7				1,3		0,6		0,4	100,0

Среди костей диких видов отметим немногочисленные остатки пушных животных, таких как лисица (0,2 %) и заяц (0,4 %) (табл. 2). Есть кости мышевидных грызунов (0,4 %) (табл. 2) – синантрóпов, живущих вместе с человеком. Их остатки не имеют прямого отношения к хозяйственной деятельности, но маркируют санитарное состояние на селище. Они обнаружены преимущественно

в хозяйственных сооружениях-хранилищах – в ямах 31, 36, 42 и в полуземлянке – яме 9 (табл. 2), внутри которой также были обустроены хранилища (*Недашковский, Шигапов*, 2019б. С. 470, 471).

Доля остатков собак и кошек – «помощников» человека – составляет на Багаевском селище 1,3 % (табл. 2). Кости этих животных встречаются либо целыми скелетами, либо значительными их частями, и на них нет следов «кухонной» разделки. Для жителей сельских поселений собаки и кошки были традиционно востребованы, последние как раз для борьбы с вышеупомянутыми грызунами.

Основное место в археозоологической коллекции Багаевского селища среди костей млекопитающих занимают «кухонные» остатки домашних копытных (97,7 %) (табл. 2). Наименьшие значения в остеологическом спектре у свиньи – 1,8 %, немного выше у лошади – 3,8 %. Доли остатков многочисленных видов – крупного и мелкого рогатого скота, оказались близки между собой – 46,6 % и 45,5 % соответственно (табл. 2).

Однако остеологический спектр не отражает роли «мясных» животных в белковой диете насельников конкретного поселения, потому что объемы мяса, получаемые от разных видов, существенно различаются – от крупных копытных получают больше мясных продуктов. Расчет потребления мяса конкретных видов копытных по кратности их весовых показателей проведен по методике, применяемой в ИА РАН (*Антипина*, 2005. С. 186). Доля костей конкретного вида в общем остеологическом спектре домашних «мясных» копытных умножается на соответствующий коэффициент кратности их весовых показателей, получаются относительные объемы потребления мяса этого вида, выраженные в условных единицах. Перевод этих показателей в процентное соотношение показывает долю каждого вида в мясной диете (Там же).

По промерам костей из раскопок Багаевского селища реконструированы размеры животных, которые полностью совпадают с данными, полученными для Укека и других памятников Поволжья. На основе этих размеров были приняты следующие коэффициенты кратности весовых параметров: овца – 1, свинья – 1, КРС – 6, лошадь – 5,5 (*Яворская*, 2012).

Исходя из результатов расчета (табл. 3), основным мясным продуктом на Багаевском селище является говядина – 80,4 %. На втором «месте» в иерархии, но с большим «отрывом» находится баранина – 13,1 %, далее – конина (6 %), а свинина, безусловно, присутствовала на столах жителей (0,5 %), но не занимала в рационе заметного места. Вычисленные спектры мясного потребления дают основание к реконструкции относительной численности сельскохозяйственных животных на поселении. При моделировании состава и численности рабочего и маточного стада должны учитываться биологические и зоотехнические данные о плодовитости и длительности периода воспроизводства каждого вида животных (*Антипина*, 2005. С. 188). Проведенные для хозяйственной системы Руси XIII–XVII вв. реконструкции показывают огромную численность крупного рогатого скота. Его поголовье должно было превышать численность ежегодно забиваемых на мясо животных не менее чем в 8–10 раз (Там же). Учитывая, что на Багаевском селище основным мясным продуктом была говядина, можно утверждать, что наиболее высокую численность в хозяйственной системе этого поселения имел крупный рогатый скот. Мелкий рогатый скот и лошадей жители могли как разводить

на самом селище, так и получать из кочевой степи, включая их мясо в свой пищевой рацион. Поэтому вопрос об их специализированном разведении на памятнике остается открытым. Он может быть решен впоследствии при помощи изотопных исследований. Свинью, скорее всего, разводили на самом поселении.

Таблица 3. Остеологические спектры домашних копытных и спектры мясного потребления Багаевского селища (раскоп I, 2008–2012, 2014–2016 гг.)

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	ВСЕГО
Остеоспектр по коллекции (%)	47,7	3,9	46,5	1,9	100,0
Мясные продукты	Говядина	Конина	Баранина	Свинина	
Кратность веса мясных туш	6	5,5	1	1	
Абстрактные мясные ед.	286,2	21,5	46,5	1,9	356,1
Мясные продукты (%)	80,4	6	13,1	0,5	100,0

Итак, наиболее яркой особенностью скотоводческой деятельности на Багаевском селище является специализированная мясная эксплуатация КРС. Это подтверждается структурой его забоя, в которой в наибольшем количестве представлена группа особей от 1,5 до 4 лет. Масштабное разведение этого вида, по-видимому, было ориентировано на внешний рынок, скорее всего, для обеспечения мясными продуктами ближайшего крупного золотоордынского города Укека. Природные условия степных ландшафтов региона с обширными участками балочного леса по речным берегам вполне пригодны для разведения и почти круглогодичного выпаса крупного рогатого скота (*Лебедева и др.*, 2016. С. 99).

В мясной диете горожан Укека в XIV в. ведущая роль (до 80 %) принадлежала говядине, и ее поставки осуществлялись, вероятнее всего, из сельских поселений, подобных исследуемому Багаевскому селищу.

Сельскохозяйственная продукция жителей Багаевского селища, в частности специализированного скотоводства, несомненно, была востребованной и позволяла приобретать в обмен на нее дорогую привозную посуду, другую ремесленную продукцию золотоордынских городов и даже экзотические импортные товары, о чем свидетельствуют археологические находки.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е. Е., 2004. Археозоологические материалы // Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Ред. и сост. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 182–248. (Каргалы; т. III.)

Антипина Е. Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / Ред.: Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры. С. 181–190.

Антипина Е. Е., Моралес А., 2006. Археозоологический подход к изучению устройства общества: кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // АЭАЕ. № 3 (27). С. 67–81.

Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. коммент. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.

Лебедева Е. Ю., Сергеев А. Ю., 2017. Археоботаническая коллекция из Багаевского селища золотоордынского времени // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. и сост.: В. И. Завьялов, С. В. Кузьминых. М.: ИА РАН. С. 291–331.

Лебедева Е. Ю., Яворская Л. В., *Антипина Е. Е.,* 2016. Природные факторы и системы жизнеобеспечения городов Золотой Орды // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Междунар. конф. Тюмень: Тюменский гос. ун-т. С. 98–101.

Недашковский Л. Ф., 2010. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Восточная литература. 351 с.

Недашковский Л. Ф., 2013. Исследования Багаевского селища // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 7–19.

Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2019а. Вооружение и конское снаряжение с Багаевского селища // SP. № 5. С. 167–177.

Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2019б. Особенности топографии и застройки Багаевского селища // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Ред.: С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Казань; Кишинев: Stratum Plus. С. 463–482.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. статья и примеч. Н. П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 270 с.

Шильтбергер И., 1984. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку: Элм. 86 с.

Яворская Л. В., 2012. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // ПА. № 1. С. 216–238.

Il libro dei conti di Giacomo Badoer (Costantinopoli 1436–1440) / Testo a cura di Umberto Dorini e Tommaso Bertelè. Venice: Istituto poligrafico dello Stato, 1956. 857 p.

Pegolotti F. B., 1936. La pratica della mercatura / Ed. A. Evans. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America. 443 p.

Сведения об авторах

Яворская Лилия Вячеславовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com;

Недашковский Леонард Федорович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия; e-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

L. V. Yavorskaya, L. F. Nedashkovskiy

ARCHAEOZOOLOGICAL REMAINS FROM THE BAGAEVKA SETTLEMENT

Abstract. The paper presents a study of animal bone remains, 12,936 fragments in total, from excavations of Bagaevka, which is a large rural settlement dating to the second half of the 13th–14th centuries in the Lower Volga region. The methodological scheme developed in the Laboratory of Scientific Methods in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, was used. The taxonomic set comprises mammals, birds, fish and mollusks. Remains of domesticated ungulates, i.e. large and small horned cattle, horses, and pigs account for the largest part of the collection. The analysis of meat consumption at the settlement and the reconstruction of the relative number of domesticated ungulates in its economic system suggest that large-scale raising of cattle for meat to be supplied to Ukek, a nearby large city, was an important occupation of the settlement's inhabitants.

Keywords: archaeozoology, Lower Volga region, Golden Horde, Bagaevka settlement, specialized cattle breeding.

REFERENCES

Antipina E. E., 2004. Arkheozoologicheskiye materialy [Archaeozoological materials]. *Selishche Gornyy: arkheologicheskiye materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arkheobiologicheskiye issledovaniya [Open settlement Gornyy: archaeological materials, technology of mining-metallurgical production, archaeobiological investigations]*. E. N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 182–248. (Kargaly, III.)

Antipina E. E., 2005. Myasnyye produkty v srednevekovom gorode – proizvodstvo ili potrebleniye? [Meat products in a medieval city – production or consumption?]. *Arkheologiya i estestvennonauchnyye metody [Archaeology and natural scientific methods]*. E. N. Chernykh, V. I. Zav'yalov, eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 181–190.

Antipina E. E., Morales A., 2006. Arkheozoologicheskiy podkhod k izucheniyu ustroystva obshchestva: kosti zhivotnykh iz dvukh poseleniy gornyakov i metallurgov vostochnoy i zapadnoy okrain Evropy [Archaeozoological approach to study of social structure: animal bones from two settlements of miners and metallurgists in Europe Eastern and Western fringes]. *AEAE*, 3 (27), pp. 67–81.

Barbaro i Kontarini o Rossii: K istorii italo-russkikh svyazey v XV v. [Barbaro and Contarini about Russia: To the history of Italian-Russian relations in XV c.]. E. Ch. Skrzhinskaya, ed. Leningrad: Nauka, 1971. 275 p.

Lebedeva E. Yu., Sergeyev A. Yu., 2017. Arkheobotanicheskaya kollektsiya iz Bagaevskogo selishcha zolotoordynskogo vremeni [Archaeobotanic collection from Bagaevka open settlement of Golden Horde time]. *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical studies of Laboratory of natural scientific methods]*, 4. V. I. Zav'yalov, S. V. Kuz'minykh, eds., comp. Moscow: IA RAN, pp. 291–331.

Lebedeva E. Yu., Yavorskaya L. V., Antipina E. E., 2016. Prirodnyye faktory i sistemy zhizneobespecheniya gorodov Zolotoy Ordy [Environmental factors in life support system of Golden Horde cities]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv [Ecology of ancient and traditional societies]*. Tyumen': Tyumenskiy gos. universitet, pp. 98–101.

Nedashkovskiy L. F., 2010. Zolotoordynskiye goroda Nizhnego Povolzh'ya i ikh okruga [Golden Horde cities of Lower Volga region and their neighbourhood]. Moscow: Vostochnaya literatura. 351 p.

Nedashkovskiy L. F., 2013. Issledovaniya Bagayevskogo selishcha [Investigations of Bagayevka open settlement]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki [Scientific notes of Kazan' university. Series Humanities]*, vol. 155, book 3, part 1, pp. 7–19.

Nedashkovskiy L. F., Shigapov M. B., 2019a. Vooruzheniye i konskoye snaryazheniye s Bagayevskogo selishcha [Weaponry and horse equipment from Bagayevka open settlement]. *SP*, 5, pp. 167–177.

Nedashkovskiy L. F., Shigapov M. B., 2019b. Osobennosti topografii i zastroyki Bagayevskogo selishcha [Topography and housing features of Bagayevka open settlement]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda [Genoese Gazaria and and Golden Horde]*, 2. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov, eds. Kazan'; Kishinev: SP, pp. 463–482.

Puteshestviya v vostochnyye strany Plano Karpini and Rubruka [Voyages to Oriental countries of Pian Carpine and Rubrouck]. N. P. Shastina, ed. Moscow: Geografgiz, 1957. 270 p.

Schiltberger I., 1984. Puteshestviye po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god [Voyage over Europe, Asia and Africa from 1394 till 1427]. Baku: Elm. 86 p.

Yavorskaya L. V., 2012. Kostnyye ostanki zhivotnykh iz raskopa CLXII goroda Bolgara: nekotoryye novyye metody obrabotki i otsenki arkheozoologicheskikh materialov [Animal bone remains from excavation trench CLXII in City of Bolgar: some new methods of processing and assessment of archaeozoological materials]. *PA*, 1, pp. 216–238.

About the authors

Yavorskaya Liliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com;

Nedashkovskiy Leonard F., Kazan (Volga region) Federal University, ul. Kremlevskaya, 18, Kazan', 420008, Russian Federation; e-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

П. С. Успенский, Е. Е. Антипина, З. Х. Албегова (Царикаева)

НАХОДКИ РОГОВ СЕРН В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КАТАКОМБАХ ДАРГАВСКОГО МОГИЛЬНИКА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ (РАСКОПКИ 2019 ГОДА)[1]

Резюме. Статья посвящена анализу редко встречаемых предметов, изготовленных из рога серны, выявленных при раскопках катакомб могильника аланской культуры у с. Даргавс РСО-Алании в 2019 г. Полученные результаты комплексного исследования позволяют расширить и дополнить наши представления об использовании останков животных в ритуальной практике населения Центрального Кавказа в VIII–IX вв.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, аланская культура, серна, катакомба

Даргавский могильник – один из ярких памятников аланской культуры раннего и развитого Средневековья. Он расположен в горной зоне Центрального Кавказа, у с. Даргавс в Пригородном районе Республики Северная Осетия – Алания. Раскопки на территории могильника ведутся Р. Г. Дзаттиаты с 1993 г. (*Дзаттиаты*, 2014). К настоящему времени на могильнике исследовано более 100 катакомб, каменных ящиков, гробниц и отдельных захоронений лошадей.

Одной из особенностей памятника является высокая степень сохранности предметов из органических материалов (кость, дерево, рог, кожа), благодаря этому здесь зафиксированы редко встречаемые предметы: седла, деревянные сосуды, гребни, кожаные детали поясов, фрагменты шкатулок и колчанов, кожаные футляры зеркал и амулетов.

В 2019 г. Терским отрядом Института археологии РАН были проведены комплексные исследования на территории могильника. В раскопе, заложенном в центральной части памятника, были изучены катакомбы № 97 и 98 (*Успенский*, 2020).

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-40105.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.403-412

Результаты экспедиционного сезона позволили сделать ряд новых интересных наблюдений, связанных с находками из органики, ранее не отмечавшимися на могильнике. Данная статья посвящена одной из категорий этих предметов – остаткам костей и рогов копытных.

В ходе зачистки катакомбы № 97 было выявлено одиночное погребение молодой женщины (определение Н. Г. Свиркиной). Среди сопровождающего ее инвентаря обнаружены фрагменты двух изделий, предварительно определенные как деревянные предметы с бронзовыми обоймами (находки № 4 и 10) (рис. 1). Оба предмета находились у пояса погребенной с правой стороны и лежали рядом с ножом в бронзовых ножнах и скоплением бус.

Катакомба № 98 была двухкамерной, в обеих камерах выявлены коллективные погребения. К камере 1 по результатам антропологического анализа было захоронено не менее 5 индивидов (4 взрослых и 1 ребенок). Скелеты плохой сохранности, в ходе последующих подхоронений они были частично сдвинуты и перемешаны, кроме того, последнее погребение частично перекрывало предыдущие, поэтому установить принадлежность большей части инвентаря определенному индивиду не представлялось возможным. Среди собранных в камере сохранившихся человеческих костей уже в ходе их камеральной обработки были найдены фрагменты стержня рога со следами обработки (объект 1, находка без номера) (рис. 2), железная скоба с нанизанным на один из концов фрагментом рога (находка № 27) (рис. 3), небольшой фрагмент костного стержня рога с отверстием (объект 2, находка без номера) (рис. 3) и часть трубчатой кости животного (объект 3, находка без номера).

Исследованные погребальные комплексы датируются второй половиной – концом VIII – IX в. и находят широкие аналогии основным чертам погребального обряда в других синхронных катакомбных могильниках Северного Кавказа (например, Тарский, Дагом, Чми и др.).

Перечисленные выше находки были направлены в лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН для идентификации сырьевого материала предметов и таксономического определения трубчатой кости. Результаты исследования оказались весьма необычными и любопытными, они позволяют расширить и дополнить наши представления о составе погребального инвентаря и об использовании останков животных в ритуальной практике населения аланской культуры.

Тафономическая сохранность представленных для изучения органических объектов оказалась различной. Она фиксировалась по пятибалльной шкале, применяемой в археозоологических исследованиях, проводимых в ИА РАН (*Антипина*, 2016). Лучше всего сохранился фрагмент костного стержня рога (объект 1, камера 1, катакомба № 98), его сохранность оценивается в 4 балла (рис. 2). Это означает, что поверхность костного стержня полностью сохранила свою естественную структуру, хотя сама костная ткань уже потеряла часть своей прочности, и края объекта несколько крошатся. Остальные фрагменты из камеры 1 катакомбы № 98 имеют плохую сохранность, их тафономическое состояние (кость крошится даже при легком надавливании) соответствует всего 2 баллам. Сохранность расслаивающихся чешуйками обоих «деревянных» изделий из катакомбы № 97 (находки № 4 и 10) оценивается в 1 балл, определение сырьевого материала для таких органических объектов не всегда достоверно. Однако в данном случае

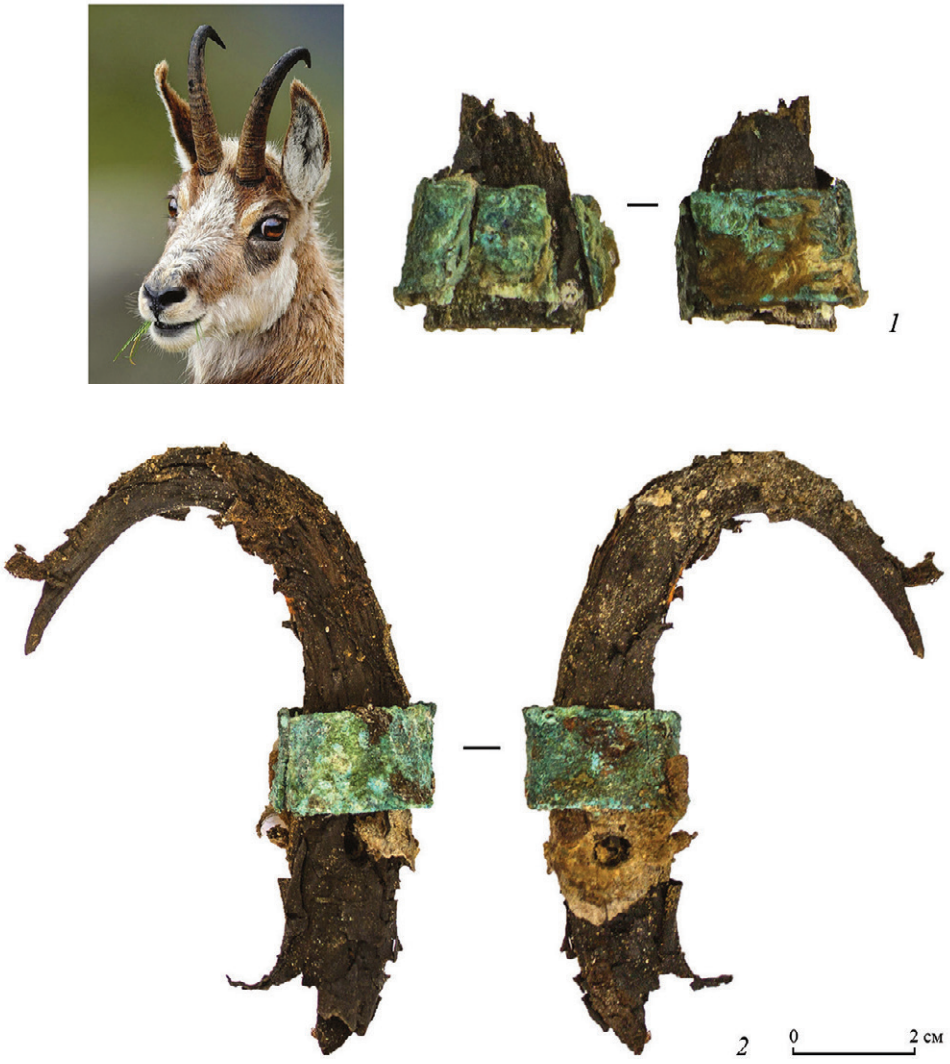


Рис. 1. Даргавский могильник. Катакомба № 97

1 – фрагмент рога серны с бронзовой обоймой (находка № 4); *2* – рог серны с бронзовой обоймой (находка № 10)

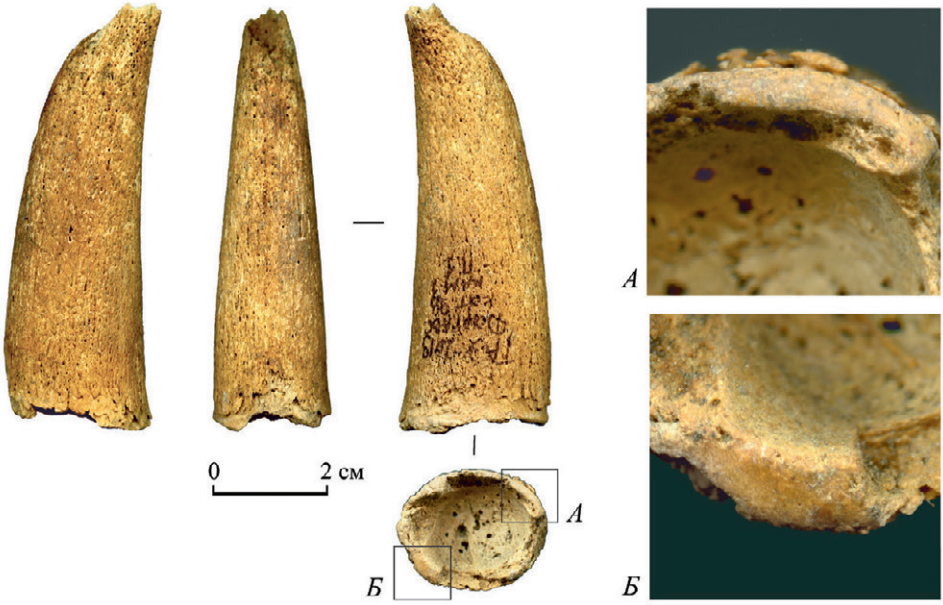


Рис. 2. Даргавский могильник. Катакомба № 98, камера 1.
Объект 1 – костный стержень рога серны (Rupicapra rupicapra)

А – участок сохранившегося лощения на внутренней стенке; *Б* – участок сохранившегося лощения на внешней стенке

у всех объектов все же сохранились очень специфические признаки структуры органических тканей, являющиеся видовыми маркерами, что и позволило провести их однозначную таксономическую идентификацию.

Опознание первого объекта из камеры 1 катакомбы № 98 не вызывало затруднений уже при обнаружении – он сразу был зафиксирован как костная основа рога полорогого копытного. У этой группы животных костные стержни рогов, являющиеся продолжением лобной кости черепа, покрыты кератиновым чехлом, который, как правило, не сохраняется в культурных напластованиях. Форма костного стержня и особенности его внутреннего строения, а также структура его поверхности различаются у разных видов полорогих, поэтому в совокупности они имеют основное значение при идентификации его таксономической принадлежности.

Изучаемый стержень рога условно может быть описан как заполненный мелко трабекулярной костной тканью, удлиненный почти прямой конус с едва заметным загибом его вершины назад (рис. 2). В основании этого конуса присутствует внутренняя небольшая пустая полость, а на его вершинной части – небольшая каплеобразная выемка. На внешней стороне стержня хорошо видны отверстия для кровеносных сосудов в неглубоких продольных бороздках, формирующихся при продольном нарастании (или так называемом в морфологии «возрастном скольжении») кератинового чехла. Такое сочетание морфологических

особенностей костного стержня рога встречается у взрослых особей лишь одного вида мелких полорогих – серны (Rupicapra rupicapra). Едва заметно проявляющаяся асимметрия сечения стержня по длине дает основание к заключению, что изучаемый костный стержень происходит от левого рога животного.

Поперечное сечение стержня характеризуется овальной формой практически по всей длине. На внешней поверхности хорошо сохранился участок перехода его стенок в лобную кость, что позволяет провести все необходимые измерения. Его наибольшая длина составляет около 70 мм, промеры максимального и минимального диаметров поперечного сечения у основания показывают соответственно 26 и 20 мм. Такие размеры свидетельствует о принадлежности обсуждаемых остатков рога совсем некрупной особи. Ярко выраженный рельеф поверхности стержня у его основания и на вершине наблюдается у взрослых особей с полностью сформировавшимися рогами, что соответствует возрастной группе 4–6 лет. Учитывая закономерности роста рогов у серны, а также сопоставляя небольшие размеры стержня и овальную форму его поперечного сечения, можно предполагать, что рог принадлежал взрослой самке. У самцов серны поперечное сечение имеет форму круга, которая сохраняется по всей длине стержня (*Lovari*, 1985; *Lovari, Bruno*, 2003).

На основании костного стержня присутствуют видимые признаки инструментальной обработки: сохранились следы шлифовки и лощения торцевого края стенок (рис. 2: *А, Б*). Сама форма основания стержня позволяет предполагать, что его отделили от черепа вместе с кератиновым чехлом.

Каким способом было произведено это отделение – отруб или спил – достоверно определить невозможно. В любом случае края стенок у основания этого рога были несколько подправлены шлифовкой и затем залощены тонким абразивом.

В той же камере 1 катакомбы № 98 были обнаружены еще два фрагмента от костных стержней рогов полорогих – находка № 27 и объект 2 (рис. 3). Несмотря на плохую сохранность, их принадлежность к остаткам рогов серны не вызывает сомнений. Таксономическая идентификация основывается на хорошо видимой специфической структуре внутренней костной ткани и внешней поверхности этих фрагментов, которые, как уже было отмечено выше, имеют значение видового маркера. Обломок на железной скобе (находка № 27) происходит от средней довольно близкой к черепу части рога; максимальная его ширина около 1,7 см. Объект 2 – это небольшой фрагмент вершины костного стержня рога. Выраженность рельефа на сохранившихся участках поверхности обоих костных стержней свидетельствует, что рога были получены от взрослых особей; однако пол животных по таким небольшим обломкам установить невозможно. На обоих объектах имеются сквозные отверстия. Диаметр отверстия на фрагменте, нанизанном на железную скобу, определяется лишь условно в 8–10 мм. Размеры овального отверстия на обломке вершины стержня рога – 6 на 7 мм. Способ получения отверстия можно предполагать только для концевого фрагмента рога: судя по его ровным стенкам, отверстие, скорее всего, сделали сверлением (рис. 3). Нельзя исключить вероятность, что оба эти фрагмента происходят от одного рога, составлявшего единый роговой элемент в комплексе с железной скобой.

Рис. 3. Даргавский могильник. Катакомба № 98, камера 1. Фрагмент металлического изделия с элементами из рога серны (справа – находка № 27, слева – объект 2)

Еще одна находка (обломок трубчатой кости животного, объект 3) в той же камере катакомбы № 98 представляет собой фрагмент дистальной части левой бедренной кости некрупного копытного. Строение медиального мыщелка типично для представителя мелких домашних парнокопытных – овец или коз. Полное прирастание дистального эпифиза указывает на принадлежность этой кости взрослой особи. И хотя пол животного по рассматриваемому элементу скелета у овец и коз не идентифицируется, подчеркнем, что мелкие размеры самой кости и небольшая толщина стенок диафиза более характерны для самок.

Фрагменты двух других изделий (находки № 4 и 10) из катакомбы № 97, предварительно определенные как деревянные предметы с бронзовыми обоймами, оказались также остатками рогов серны, но в полной структуре – кератиновые

чехлы темно-коричневого цвета на костном стержне (рис. 1). Несмотря на фрагментарность этих объектов, экспертная визуальная оценка их размеров и формы изгиба указывает на то, что рога принадлежат взрослым некрупным особям, возраст которых не менее 3–4 лет.

Неудовлетворительное тафономическое состояние этих фрагментов, к сожалению, не позволяет достоверно установить пол животных, от которых получены рога. Впрочем, сечение рога, если принять отсутствие тафономической деформации предмета, выглядит как овальное, что у серны типично для рогов самки.

Исследуемые находки костных остатков животных представляют в погребальном инвентаре Даргавского могильника две разные категории. Это вещевой компонент (изделия из рогов серны) и остатки ритуальной пищи (фрагмент бедренной кости овцы или козы).

Использование конкретных частей туши барана в качестве напутственной, а также поминальной пищи в погребальных обрядах аланской культуры фиксируется по костным останкам животных в камерах. Учитывая такие факторы, как плохая сохранность костей или невозможность привлечь специалистов для анализа костных материалов при раскопках, можно предположить, что далеко не все случаи наличия такой пищи были зафиксированы. При анализе погребального обряда и инвентаря катакомб аланской культуры, проведенном Д. С. Коробовым на основании 824 грунтовых катакомб II–X вв., было установлено, что кости козы/овцы найдены в 7,4 % камер и в 1,1 % входных ям (*Коробов*, 2003. С. 253). Эта традиция соотносится с предшествующей сармато-скифской эпохой, когда кости барана (чаще всего от задней конечности) были традиционны в погребальной практике кочевников позднесарматского времени в Волго-Донском регионе (*Яворская*, 2010. С. 254).

Представленные выше изделия из рогов серны в погребальных комплексах аланской культуры уникальны и крайне редки. Единственные аналогии происходят из могильника Мощевая Балка, известного уникальной сохранностью органических материалов (*Иерусалимская*, 2012. С. 69, 74. Рис. 37а; 43; 45). Именно там сохранился комплекс предметов, среди которых оказались и остатки рога серны (рис. 4). Причем в одном случае (погребение № 1, женщина 40–45 лет), как и в катакомбе № 97 Даргавса, рог был найден с ножом, сохранился даже шнур из сухожилия, крепивший рог к деревянным ножнам (рис. 4: *1*). В другом случае (погребение № 2, девочка 12–14 лет) два орнаментированных рога (рис. 4: *2*) были закреплены на платье, фланкируя нагрудные украшения (бусы и амулеты).

А. А. Иерусалимская интерпретировала рога серны как амулеты и отмечала, что находки их связаны не только с женскими, но и с мужскими погребениями (Там же. С. 330).

В этом отношении рога копытных, прежде всего диких – оленей, косуль, коз и серн, в древности имели магическое значение. Возможно, привеска к ножнам могла являться своеобразным амулетом-оберегом тотемистического характера.

В аланской культуре разнообразные амулеты получили широкое распространение и были связаны с языческими представлениями, которые не исчезли и после принятия христианства. Такие амулеты позволяют проследить отголоски

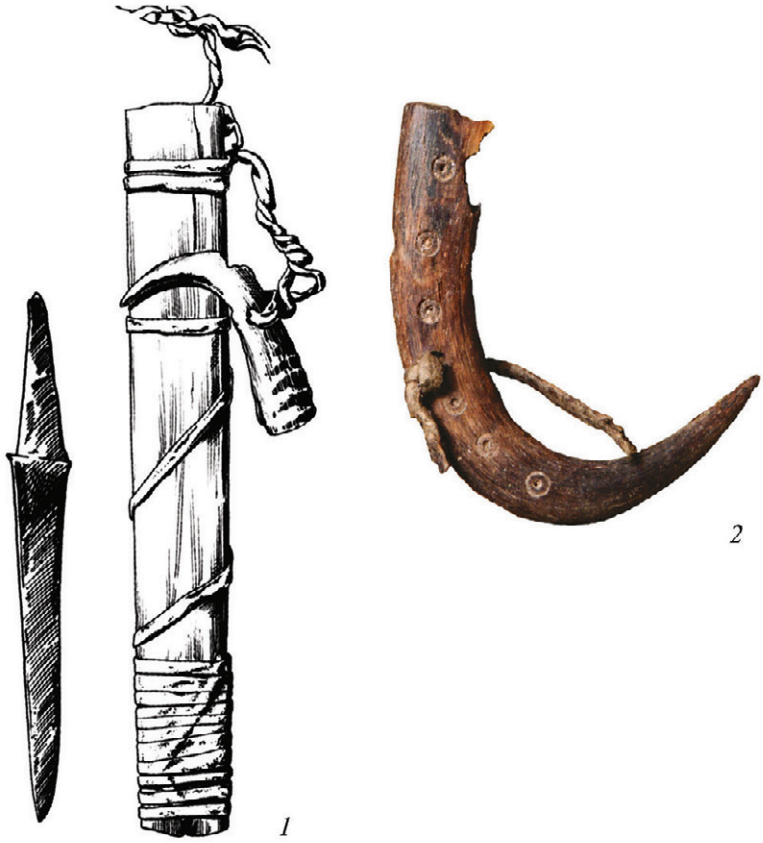


Рис. 4. Могильник Мощевая Балка

1 – погребение 1, нож и деревянные ножны с закрепленной подвеской из рога серны; *2* – погребение 2, орнаментированный рог серны (по: *Иерусалимская,* 2012)

анимизма, тотемизма и фетишизма в религиозных воззрениях алан (*Афанасьев*, 1976. С. 125, 126). Определенной параллелью находкам изделий-амулетов из рога серны являются находки фигурок оленей с разветвленными рогами, которые могли быть связаны с культом оленя как тотемного животного. Культ оленя сохранился в осетинском нартском эпосе, и фактически до наших дней дожил обычай приносить в жертву рога оленя (обнаружены в святилище Реком и при раскопках церкви в Нижнем Архызе) (Там же. С. 126).

Вместе с тем среди разнообразия аланских металлических амулетов VIII–IX вв. пока не встречено изображения серны, в отличие от оленей, козлов и баранов (*Албегова*, 2001). В зафиксированном и дожившем до сегодняшнего дня фольклоре и эпосе осетин серны практически не упоминаются, т. е. до наших дней этот культ и вкладываемый в него смысл не дошли. Но судя по находкам из Мощевой Балки и Даргавса, в VIII–IX вв. связанные с рогами серны суеверия были распространены достаточно широко на Северном Кавказе. Рога серны, наряду

с пяточными костями и метоподиями зайцев, зубами оленя, когтями медведя, раковинами каури, дисками из перламутра, возможно, ввиду их не очень больших размеров, составляли группу амулетов, изготовленных из частей животных.

Изучая этимологию слова «серна» («сычъи», или один из вариантов произношения – syk′e) в осетинском языке, В. И. Абаев отмечал, что это слово, как специфический термин горного ландшафта, было заимствовано аланами у кавказских народов (*Абаев*, 1996. С. 192, 193). Таким образом, в религиозных представлениях раннесредневековых жителей Даргавса, носителей аланской культуры, могли найти отражение воспринятые ими на Кавказе более древние верования, сформировавшиеся здесь задолго до появления алан.

Изделие из металла и рога серны (№ 27) из камеры 1 катакомбы № 98 свидетельствует также о древней традиции использования рога серны для изготовления бытовых предметов.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И., 1996. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Т. III: S–T’. М.: ВИКОМ. 359 с.

Албегова З. Х., 2001. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. № 2. С. 83–96.

Антипина Е. Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред.: Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–118.

Афанасьев Г. Е., 1976. Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокрая Балка) // СЭ. № 1. С. 125–130.

Дзаттиаты Р. Г., 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир. 240 с.

Иерусалимская А. А., 2012. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: ГЭ. 384 с.

Коробов Д. С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.: Алетейя. 380 с.

Успенский П. С., 2020. Научный отчет о проведении археологических раскопок Даргавского катакомбного могильника в Пригородном районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. // Архив ИА РАН. № 1011.

Яворская Л. В., 2010. Особенности использования животных в погребальных обрядах кочевников сарматского времени Волго-Донского региона (по археозоологическим материалам могильников бассейна реки Аксай Есауловский) // НАВ. Вып. 11. С. 233–256.

Lovari S., 1985. Behavioural repertoire of the Abruzzo chamois, Rupicapra pyrenaica ornata Neumann, 1899 (Artiodactyla: Bovidae) // Säugetierkundliche Mitteilungen. 32. P. 113–116.

Lovari S., Bruno E., 2003. Rupicapra pyrenaica // Fauna d’Italia: Mammalia III, Carnivora–Artiodactyla. Bologna: Calderini. P. 403–412.

Сведения об авторах

Успенский Павел Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: uspenskiy07@mail.ru;

Антипина Екатерина Евстафьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: bikanty@mail.ru;

Албегова (Царикаева) Зарина Хаджи-Муратовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: albegova_zarina@rambler.ru

P. S. Uspenskiy, E. E. Antipina, Z. Kh. Albegova (Tsarikaeva)

FINDS OF CHAMOIS HORNS IN THE EARLY MEDIEVAL CATACOMBS OF THE DARGAVS CEMETERY, NORTH OSSETIA (2019 EXCAVATIONS)

Abstract. The paper analyzes rarely found items made from chamois horns which were discovered during excavations of an Alan cemetery near the village of Dargavs, Republic of North Ossetia-Alania, in 2019. The comprehensive study of these finds provides an opportunity to enlarge and deepen our knowledge on the use of animal remains in the burial rites of the population which lived in the central Caucasus in the 8th – 9th centuries.

Keywords: Republic of North Ossetia–Alania, Alan culture, chamois, catacomb.

REFERENCES

Abaev V. I., 1996. Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language], III. Moscow: VIKOM. 359 p.

Afanas'ev G. E., 1976. Dokhristianskie religioznye vozzreniya alan (po materialam amuletov mogil'nika Mokraya Balka) [Pre-Christian religious views of the Alans (based on the amulets of from Mokraya Balka cemetery)]. *SE*, 1, pp. 125–130.

Albegova Z. Kh., 2001. Paleosotsiologiya alanskoy religii VII–IX vv. (po materialam amuletov iz katakombnykh pogrebeniy Severnogo Kavkaza i Srednego Dona) [Paleosociological research of Alanic religion of VII–IX cc. (on amulets from North Caucasus and Middle Don catacomb tombs)]. *RA*, 2, pp. 83–96.

Antipina E. E., 2016. Sovremennaya arkheozoologiya: zadachi i metody issledovaniya [Modern archaeozoology: tasks and research methods]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh uchenykh) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on lectures for graduate students and young scientists)]*. E. N. Chernykh, T. N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 96–118.

Dzattiaty R. G., 2014. Alanskie drevnosti Dargavsa [Alsnic antiquity of Dargavs]. Vladikavkaz: Ir. 240 p.

Ierusalimskaya A. A., 2012. Moshchevaya Balka: neobychnyy arkheologicheskiy pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti [Moshchevaya Balka: unusual archaeological site on North Caucasus silk road]. St. Petersburg: GE. 384 p.

Korobov D. S., 2003. Sotsial'naya organizatsiya alan Severnogo Kavkaza IV–IX vv. [Social organization of Alans of the North Caucasus, IV–IX cc.]. St. Petersburg: Aleteyya. 380 p.

Uspenskiy P. S. Nauchnyy otchet o provedenii arkheologicheskikh raskopok Dargavskogo katakombnogo mogil'nika v Prigorodnom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2019 g. [Scientific report on archaeological excavations of Dargavs catacomb cemetery in Prigorodnyy district, Republic of North Ossetia–Alania in 2019.]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Yavorskaya L. V., 2010. Osobennosti ispol'zovaniya zhivotnykh v pogrebal'nykh obryadakh kochevnikov sarmatskogo vremeni Volgo-Donskogo regiona (po arkheozoologicheskim materialam mogil'nikov basseĭna reki Aksay Esaulovskiiy) [Features of use of animals in funeral rites of nomads of Sarmatian period in Volga-Don region (based on archaeozoological materials from cemeteries of the Aksay Esaulovskiy river basin)]. *NAV*, 11, pp. 233–256.

About the authors

Uspenskiy Pavel S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: uspenskiy07@mail.ru;

Antipina Ekaterina E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: bikanty@mail.ru;

Albegova (Tsarikaeva) Zarina Kh., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: albegova_zarina@rambler.ru

А. А. Кудрявцев, С. А. Володин, У. Ю. Кочкаров, С. В. Селезнева

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА А. Л. МОНГАЙТА В НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОМ АРХИВЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

Резюме. В статье представлен обзор личного фонда выдающегося советского археолога А. Л. Монгайта (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-14). Материалы этого фонда могут быть разделены на несколько блоков, включающих обширную полевую документацию; рабочие документы, связанные с научной деятельностью ученого, подготовкой статей и монографий; бумаги, относящиеся к общественной и служебной деятельности; биографические данные и значительный массив входящей и исходящей корреспонденции. Данный фонд в настоящее время является не только основным источником для изучения научного пути А. Л. Монгайта, но и важным ресурсом для исследований в области древнерусской архитектуры, средневековых фортификаций, памятников археологии Рязанской земли.

Ключевые слова: А. Л. Монгайт, Старая Рязань, Новгород, древнерусская архитектура, теория археологии, история археологии, личный фонд, архив.

Александр Львович Монгайт (1915–1974 гг.) являлся крупнейшим советским археологом, деятельность которого охватывала многие области не только археологии, но и искусствоведения, истории и теории науки. Ученым было сделано много и на ниве популяризации науки, охраны культурного наследия.

В 1946 г. А. Л. Монгайт стал сотрудником Института истории материальной культуры (ИИМК) / Института археологии, где и проработал до конца жизни. Широкую известность получили его открытия, сделанные при исследованиях Новгорода и Старой Рязани. Вышедшие из-под пера исследователя книги и статьи во многом до сих пор не потеряли своей актуальности. А. Л. Монгайт был также одним из немногих советских археологов, кто специально занимался изучением развития европейской археологии. Итогом этой работы стал фундаментальный труд, обобщающий археологические данные Западной и Центральной Европы, аналогов которому в нашей стране так более и не появилось (*Монгайт*,

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.413-424

1973; 1974). Как знаток мировой археологической литературы, он также публиковал критические обзоры и предисловия к публикациям зарубежных коллег. Например, Л. С. Клейном подробно была разобрана его полемика с Г. Чайлдом (*Клейн*, 1993. С. 109–111, 116).

При этом научное наследие ученого пока не являлось предметом отдельного обширного исследования. А. А. Формозовым были подготовлены два некролога, в один из которых включен список трудов А. Л. Монгайта (*Формозов*, 1975; 1976). А. В. Чернецовым опубликована статья об ученом в сборнике, посвященном 100-летнему юбилею Института археологии (*Чернецов*, 2019). Л. С. Клейном была представлена краткая биография А. Л. Монгайта, рассмотрена его роль в идеологических дискуссиях в ИИМК начала 50-х гг., критически проанализированы некоторые его работы теоретического характера (*Клейн*, 2014). Также можно отметить ряд статей, посвященных ученому, в энциклопедиях и биографических справочниках (*Даркевич*, 2000; *Кузьминых*, 2012, *Филиппова*, 2009).

Основным источником по изучению биографии и исследовательского пути А. Л. Монгайта является его личный фонд в Научно-отраслевом архиве ИА РАН (Ф-14). Фонд поступил на хранение в 1976 г., через два года после кончины ученого. Хронологически он охватывает период с 1934 по 1973 г. и состоит из 107 единиц хранения. Все материалы фонда можно условно разделить на несколько больших блоков: материалы полевых экспедиций; рабочие бумаги, связанные с научной и служебной деятельностью; личные документы, биографические сведения.

В первый блок фонда можно отнести чертежи, полевые дневники, фотографии раскопов и находок, зарисовки вещей и черновики научных отчетов, сбор сведений о древнерусской архитектуре и фортификациях.

Наиболее ранние архивные материалы этой части фонда относятся к концу 1930-х гг. Как студент Московского государственного университета, А. Л. Монгайт провел свой первый археологический сезон 1938 г. на Ярославовом дворище в Новгороде под руководством А. В. Арциховского. В 1939 г., закончив 4-й курс, он приступил к первым самостоятельным исследованиям вятического курганного могильника у станции Салтыковская (рис. 1). Отдельная папка содержит план, полевые и рабочие фотографии раскопок, на ряде которых присутствует и сам А. Л. Монгайт (Д. 14). Результаты работ были опубликованы им уже после войны (*Монгайт*, 1947). В этом деле также присутствует и машинописный отчет о раскопках могильника Поречье под Звенигородом в 1951 г.

Наиболее значительную часть раздела полевой документации представляют материалы собственных раскопок А. Л. Монгайта, прежде всего Новгорода и Старой Рязани. Среди них дневники и планы раскопок А. Л. Монгайта в Софийском соборе (рис. 2), а также варианты отчетов по этим работам, чертежи саркофагов и погребений, рисунки находок, граффити за период 1945–1948 гг. (Д. 2). Сюда же включена документация, связанная с реставрационными работами в Софийском соборе, проведенными в 1962 г. По всей видимости, А. Л. Монгайт консультировал эти работы. О ходе строительства и археологического наблюдения сообщает в довольно пространном письме от 16 августа 1962 г. Г. М. Штендер (Д. 2. Л. 47–50). В послании к А. Л. Монгайту архитектор-реставратор сетует, что строительные и земляные работы ведутся без какого-

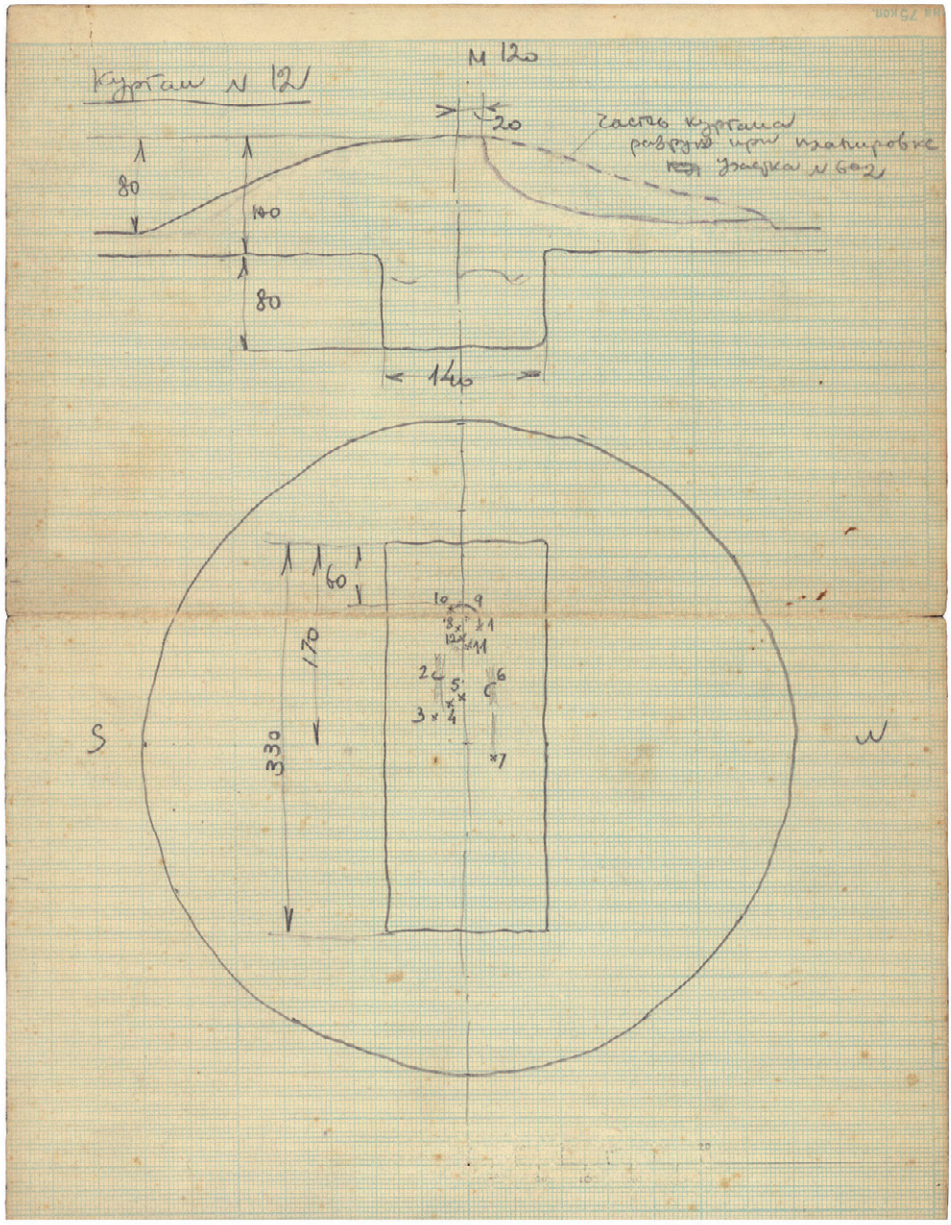


Рис. 1. Полевой чертеж кургана № 12 могильника у станции Салтыковская, выполненный А. Л. Монгайтом в 1939 г. (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-14. Д. 14)

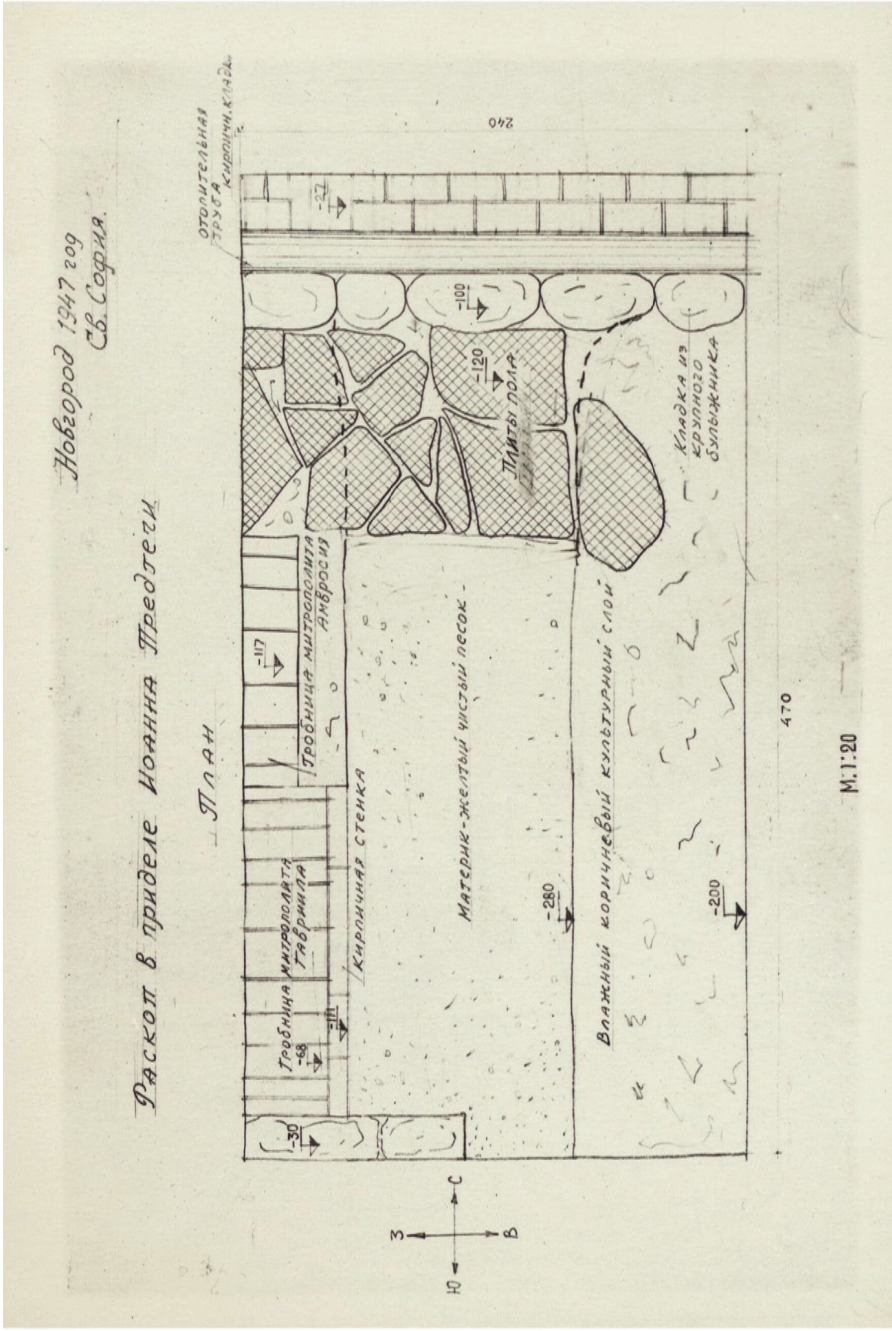


Рис. 2. План раскопа в приделе Иоанна Предтечи Софийского собора в Новгороде. 1947 г. (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-14. Д. 2)

либо проекта, при том что полноценные археологические раскопки провести нет возможности. Вероятно, что именно после содействия и консультации А. Л. Монгайта Г. М. Штендером была составлена записка «Соображения по направленности научно-исследовательских работ в Софийском соборе, связанных со строительными работами по устройству вентиляции и отопления, освещения» (Д. 2. Л. 37–44).

Работы А. Л. Монгайта в Новгороде не ограничивались изучением Софийского собора. В 1948 г. он проводил исследования вала Окольного города с целью изучения системы фортификаций города. Планы раскопок А. Л. Монгайта на валу Окольного города, фотографии находок, чертежи, схема расположения оборонительных башен представлены в отдельном деле (Д. 31).

Фактически основу фонда представляют материалы археологических исследований Старой Рязани и Рязанской земли. Среди них дневники и описи находок из раскопок Старо-Рязанского городища за 1945–1946 гг. (Д. 1). Результаты раскопок Старорязанского храма и разрезов вала городища в 1948 г. (*Монгайт*, 1955) отражены в дневниках, схемах, обмерах, фотографиях, чертежах погребений, коллекционных описях и определениях костей животных, выполненных В. И. Цалкиным (Д. 3). В архивном деле за 1949 г. представлен отчет о раскопках Старой Рязани, присутствуют также материалы исследований Шатрищенского городища (Д. 4). В следующем деле, помимо отчета, представлены полевые дневники А. Ф. Медведева и А. В. Никитина, чертежи на фотобумаге, полевые фотографии исследований вала, план Старо-Рязанского городища (Д. 5). В отдельную папку собрана документация (полевые дневники, журналы тахеометрической съемки, фотографии и чертежи) по обследованию ряда городищ Рязанской земли в 1953 г.: Ижеславльского, Лубянского и Жокинского (Д. 6). Подготовительные материалы для научных отчетов о работах Рязанского отряда Среднерусской археологической экспедиции в 1955–1957 гг. также тщательно собраны А. Л. Монгайтом в отдельные папки (Д. 7–9).

Особо выделим материалы раскопок Жокинского городища в 1959 г. (рис. 3). Отчет по работам не поступил на хранение в основной фонд полевых отчетов Научно-отраслевого архива. В материалах же личного фонда присутствует полная документация: как машинописная копия текста, так и чертежи на миллиметровке, полевой дневник и фотографии (Д. 10). В отдельной папке собраны рабочие материалы по исследованиям Рязанской экспедиции в 1966–1972 гг.: копия отчета В. П. Даркевича за 1972 г., фотографии клада 1970 г., полевые фотографии, чертежи на миллиметровке, планы Старой Рязани и Нового Ольгова городка (Д. 11).

Безусловно, полевая археологическая деятельность А. Л. Монгайта не сводилась к изучению лишь Новгорода и Рязанской земли, под его руководством проводились исследования и в других регионах. Однако этим работам отведена наименьшая по объему часть первого блока фонда. Среди подобных материалов присутствуют отчеты по обследованиям Софийского собора и Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке в 1946 г. (Д. 13) и разведкам Кубанского отряда Таманской экспедиции, обследовавшего средневековые курганные могильники и поселения в 1952 г. (Д. 12).

Во второй раздел личного фонда А. Л. Монгайта можно включить рукописи и черновики статей, книг и монографий, тезисы докладов, материалы для

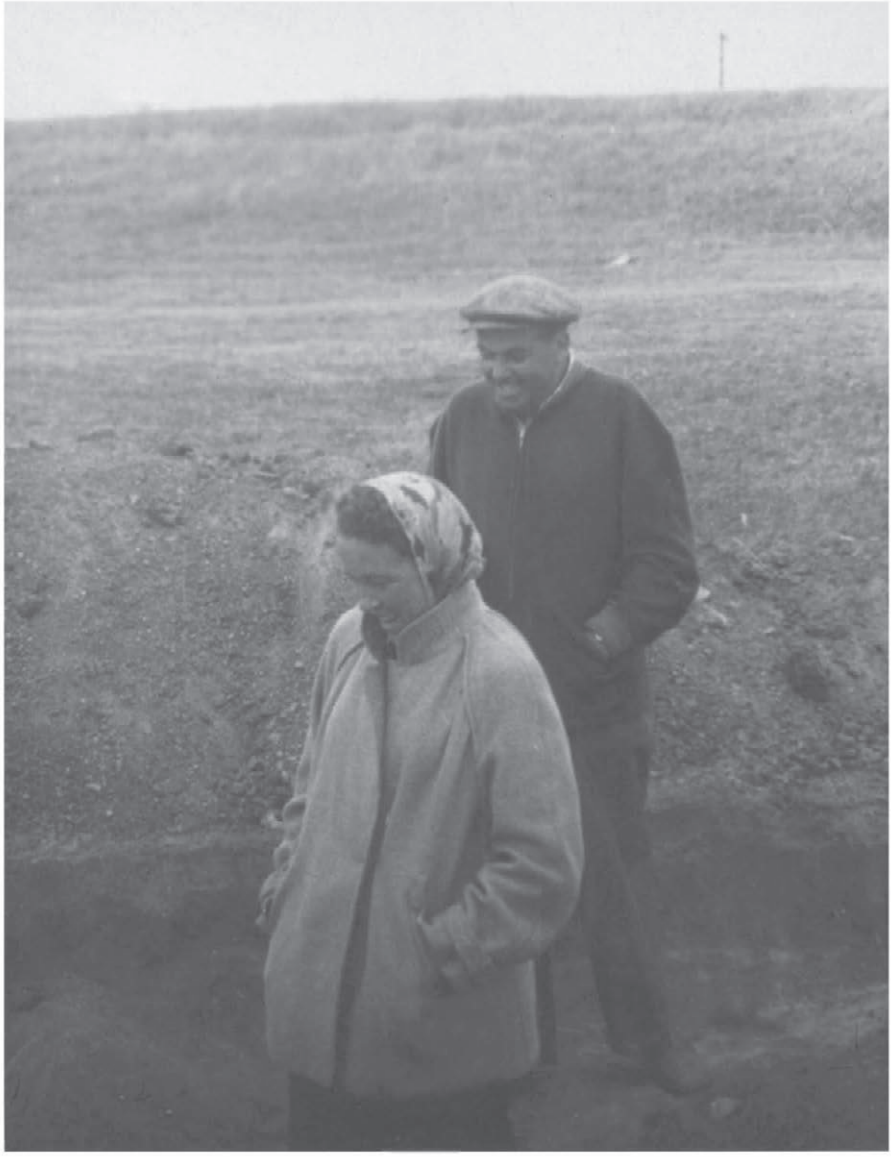


Рис. 3. А. Л. Монгайт на раскопках Жокинского городища в 1959 г. (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-14. Д. 92)

подготовки научных трудов, выписки из литературы. Благодаря трудолюбию и поразительной продуктивности ученого этот блок является, пожалуй, самым обширным в фонде.

Открывает этот раздел фонда папка с машинописной и рукописной копиями археологической карты Рязанской области, дополненными отдельным списком памятников (Д. 15). Значительный массив документов составляют рукописные тексты, выписки и карты по кандидатской и докторской диссертациям «Старая Рязань» и «Рязанская земля», защищенным в 1945 и 1961 гг. соответственно (Д. 16–18). Последующая их публикация также потребовала от А. Л. Монгайта длительной подготовки, что отражает серия архивных дел, содержащих рабочие материалы, иллюстрации и рукописи к одноименным монографиям, которые увидели свет в 1955 и 1961 гг. (Д. 19–27).

В отдельном деле сосредоточены рукописи, машинописи и оттиски статей А. Л. Монгайта по различным вопросам истории и археологии Рязанской земли (Д. 29). В фонде также хранится и рукопись книги «Художественные сокровища Старой Рязани», опубликованной в 1967 г. (Д. 28). В двух папках собраны оттиски статей по археологии и истории Новгорода, газетные вырезки, выписки из работ Д. С. Лихачева, В. Н. Вернадского, экземпляр монографии А. А. Строкова «Новгородский Софийский собор XI в.» (*Строков*, 1940). В них также присутствуют и многочисленные фотографии Новгородского кремля, изображения Новгорода на гравюрах (Д. 30, 31).

Широко известен большой интерес А. Л. Монгайта к истории древнерусской архитектуры и фортификации средневековых городов, раскопкам которых, как описывалось выше, он посвятил бóльшую часть своей жизни. Именно поэтому значительная часть бумаг, хранящихся в фонде, связана с этой тематикой. Ученым были сделаны выписки и собраны многочисленные рисунки различных древнерусских архитектурных памятников (Д. 33), составлен библиографический список по древнерусским крепостям, собраны изображения гравюр, фотографии и рисунки кремлей (Д. 33б). Отдельно собраны фотографии кремля и храмов Пскова (Д. 31а). Материалы по архитектуре Полоцка содержат выписки, оттиски статей Л. В. Алексеева и Г. В. Штыхова, фотографии и чертежи, рукопись А. Л. Монгайта, посвященную фрескам Спасо-Евфросиниевского монастыря (Д. 32). Отдельно собраны материалы по архитектуре Рязанской земли: фотографии кремля Переяславля-Рязанского, пояснительная записка к реконструкции плана Успенского собора Старой Рязани (Д. 33а).

Необычайную широту знаний, интересов и эрудиции А. Л. Монгайта подчеркивали многие исследователи. Именно поэтому в рабочих документах его личного фонда можно обнаружить рукописи и материалы для подготовки работ, весьма далеких от его основных научных интересов. Среди них хранятся выписки, рукопись и оттиск статьи о путешествиях Абу Хамида Аль-Гарнати (*Монгайт*, 1959) с записками от редактора (Д. 34), выписки и варианты работ о Тмутараканском княжестве и Тмутараканском камне (Д. 35–36), иллюстрации и рукопись монографии «Археология в СССР», опубликованной в 1955 г. (Д. 37–42), материалы к научно-популярным книгам «Что такое археология» и «В поисках исчезнувших цивилизаций», подготовленным совместно с А. С. Амальриком в 1955 и 1957 гг. (Д. 43–45). Отметим также ряд рукописей и текстов докладов А. Л. Монгайта

о применении естественно-научных методов в археологии, методике археологических исследований, датирования памятников и хронологии (Д. 46–48).

Следующий обширный массив материалов фонда ученого связан со служебной и общественной деятельностью: дневники зарубежных командировок, отчеты об этих поездках, открытые листы, бухгалтерские документы и рабочая переписка.

Отдельно в этом разделе фонда необходимо выделить документы, связанные с деятельностью А. Л. Монгайта по охране памятников археологии и архитектуры, материалы выступлений на радио и телевидении. Так, например, в отдельных делах собраны многочисленные рукописи статей и газетные вырезки, в которых А. Л. Монгайт обращал внимание общества на факты разрушения архитектурных памятников, фресок (Д. 57). Кроме того, ученый критикует сложившееся в прессе в начале 1960-х гг. мнение, что на охрану и реставрацию памятников культуры затрачивается слишком много средств (Д. 57. Л. 2–12). В этой же заметке А. Л. Монгайт указывает ряд мер, которые бы способствовали сохранению археологических и архитектурных памятников, в числе которых предлагает ввести уголовную ответственность за повреждение или разрушение объектов культурного наследия. Интересно, что среди материалов фонда оказалось письмо В. А. Городцова в Наркомпрос со сведениями о выдающихся памятниках, заслуживающих общегосударственной охраны, от 09.05.1922 (Д. 96). Выяснить, откуда в фонде оказался этот документ, к сожалению, нам не удалось.

Старая Рязань в 1960 г. была поставлена на охрану как памятник истории и культуры федерального значения, в 1966 г. ей был присвоен статус заповедника (*Чернецов*, 2005. С. 24). Очевидно, что А. Л. Монгайт, возобновивший исследования Старо-Рязанского городища в этом году, сыграл в этом определенную роль. Среди документов по его служебной деятельности отметим записку с рекомендациями по организации музея-заповедника в Старой Рязани, план постройки археологических павильонов на территории городища с пометками Б. А. Рыбакова, письмо Б. А. Рыбакова заместителю председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасову о создании археологического заповедника в Старой Рязани в 1965 г. (Д. 96).

Одним из ярких направлений в сфере сохранения и популяризации культурного наследия является работа А. Л. Монгайта по изучению опыта создания музеев деревянного зодчества под открытым небом. С этой целью в 1962–1964 гг. ученый посещал Норвегию и Данию. В отдельном деле сохранились проспекты подобных скандинавских музеев, публикации о них, переписка А. Л. Монгайта со Стефаном Мэтсем из Осло, в которой ученый просил поделиться опытом по организации подобных музейных комплексов (Д. 71). Полученные сведения ученый использовал для написания научно-популярной статьи (*Монгайт*, 1973). Кроме того, он выступил с докладом «Об опыте формирования архитектурно-археологических музеев в скандинавских странах» на конференции, организованной Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Рукопись этого выступления также сохранилась в материалах фонда (Д. 71). Отметим, что в 1964 г. под Новгородом был основан музей народного деревянного зодчества Витославлицы (*Красноречьев*, 2014. С. 9).

Зарубежные поездки А. Л. Монгайта отражены в ряде записей, отчетах о командировках, выписках, текстах докладов, сделанных в Европе (Д. 94, 95). О командировке в Норвегию мы упоминали выше, помимо этого, в 1965 г. ученый в составе советской делегации посетил Варшаву для участия в I Международном конгрессе славянской археологии.

Основные усилия А. Л. Монгайта в области популяризации археологии и истории выражены, безусловно, в двух замечательных книгах: «Что такое археология» и «В поисках исчезнувших цивилизаций», упоминавшихся выше. Однако при этом не стоит забывать о его многочисленных публикациях в научно-популярных журналах и газетах, выступлениях на радио и телевидении. В материалах личного фонда содержится его обширная переписка с редакциями, газетные вырезки, сценарии передач «Новые методы в археологии», «Страницы далекого прошлого», «Памятники археологии» (Д. 84, 86).

Среди остальных рабочих материалов А. Л. Монгайта отдельно собраны его конспекты и выписки времени обучения в Московском государственном университете, тезисы и тексты выступлений А. Л. Монгайта за 1948–1973 гг. Особенно хотелось бы отметить доклады «Археология в СССР» (сделан в Бергенском университете в Норвегии в 1962 г.), «Новгородскому музею-заповеднику 100 лет» (Д. 81, 93). Отдельно хранятся многочисленные записки, сделанные в ходе заседаний различных секторов Института археологии, Отделения исторических наук АН СССР (Д. 78, 83).

Раздел фонда, связанный со служебной деятельностью ученого, представлен многочисленными документами: командировочные удостоверения, бухгалтерские счета, оригиналы Открытых листов, выданных как на раскопки подмосковных курганов (1939 г.), так и на работы в Новгороде, Старой Рязани, Москве (Д. 96). Среди служебной корреспонденции отметим переписку А. Л. Монгайта с дирекцией Новгородского музея по поводу работ в Софийском соборе (Д. 96); письма ученого, датированные 1955 г.: директору ИИМК А. Д. Удальцову с просьбой разрешить отправку монографии «Археология в СССР» Г. Чайлду (Д. 92) и председателю Совета Министров РСФСР А. М. Пузанову с просьбой привлечения дополнительного финансирования раскопов в Пскове (Д. 96).

В фонде также имеется небольшое собрание фотографий, не вошедших в полевые отчеты и альбомы по древнерусским архитектурным памятникам. На них запечатлены бытовые и рабочие моменты из раскопок, в частности, Старой Рязани и Жокинского городища. Впрочем, самого А. Л. Монгайта на фотоснимках можно встретить достаточно редко (Д. 92).

В качестве последнего блока личного фонда ученого выступают скупые биографические материалы: автобиография, характеристика, необходимая для зарубежных поездок (Д. 92), а также обширная входящая и исходящая корреспонденция (Д. 98, 99). В ней присутствуют письма как от коллег-археологов, так и от историков, филологов, литераторов, зарубежных ученых. Кроме того, необходимо отметить множество писем граждан, заинтересовавшихся научно-популярными работами, заметками в газетах и журналах, передачами А. Л. Монгайта. Искренний и неподдельный интерес, открытость их писем могут свидетельствовать, что метод популяризации науки, выбранный ученым, находил живой отклик у аудитории и имел весьма ощутимый результат. Многие люди

искали возможности присоединиться к экспедиции в Старой Рязани; некоторые искали у московского ученого помощи и материальной поддержки в тяжелые годы, в чем он, очевидно, не отказывал (Д. 99. Л. 138–147).

Среди наиболее информативных писем от коллег отметим корреспонденцию А. С. Амальрика и его сына А. А. Амальрика (Д. 99. Л. 1–9); А. В. Арциховского (Д. 99. Л. 10); О. Н. Бадера (Д. 99. Л. 11–12 об.). С историком-арабистом О. Г. Большаковым А. Л. Монгайт обсуждал свою работу о путешественнике Аль-Гарнати, вопросы связей Руси и Востока в Средневековье (Д. 99. Л. 19–23 об.). Однако он был не единственным востоковедом, с которым поддерживал тесные отношения А. Л. Монгайт. Его постоянным адресатом также являлся и академик Н. И. Конрад (Д. 99. Л. 74–78 об.).

В переписке с А. П. Грековым обсуждались древнерусские фрески и реставрация церкви Спаса на Ковалеве под Новгородом (Д. 99. Л. 31–32). С В. П. Даркевичем А. Л. Монгайт совещался по вопросам организации работ в Старой Рязани (Д. 99. Л. 39–41 об.). М. К. Каргер сообщал коллеге о ходе раскопок в Изяславле, делился впечатлениями от находок (Д. 99. Л. 60–61). Длительная переписка с Л. С. Клейном касалась вопросов теории и методологии археологических исследований (Д. 99. Л. 64–73 об). Теплые отношения сложились у ученого с Г. Ф. Корзухиной, в письмах которой обсуждались как личные темы, так и подготовка различных публикаций, результаты раскопок, итоги командировок (Д. 99. Л. 79–86 об).

В фонде сохранилось также письмо академика Д. С. Лихачева (Д. 99. Л. 127). М. Е. Массон делился с московским коллегой последними сведениями об археологических открытиях в Туркмении для подготовки книги «Археология в СССР» (Д. 99. Л. 159–160 об.). Вопросы древнерусской архитектуры служили темой для переписки с П. А. Раппопортом (Д. 99. Л. 192–201). Конечно же, приведенные примеры являются лишь иллюстрацией обширной корреспонденции А. Л. Монгайта, большая часть которой, очевидно, не сохранилась.

Подводя итоги краткому обзору личного фонда А. Л. Монгайта, нельзя еще раз не отметить широту научного кругозора этого исследователя, основательность и тщательность в изучении каждого вопроса, которого он касался. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные материалы, хранящиеся в Научно-отраслевом архиве. Фонд 14 позволяет не только проследить исследовательский путь ученого и проанализировать многие аспекты его деятельности, но и является важным источником по истории изучения новгородского Софийского собора и вала Окольного города, Старой Рязани и Рязанской земли, древнерусской архитектуры и фортификации. Кроме того, в архивном наследии А. Л. Монгайта во многом отображается история самой советской археологической науки и, в частности, Института истории материальной культуры / Института археологии. Остается констатировать, что данный фонд еще ждет своего внимательного исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

Даркевич В. П., 2000. Монгайт Александр Львович // Институт археологии РАН. История и современность / Под ред. В. И. Гуляева. М.: ИА РАН. С. 169–171.
Клейн Л. С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
Клейн Л. С., 2014. Из марксистских ортодоксов в «шестидесятники». А. Л. Монгайт // *Клейн Л. С.* История российской археологии. Учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия. С. 503–510.
Красноречьев Л. Е., 2014. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Витославлицы. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник. 314 с.
Кузьминых С. В., 2012. Монгайт // Большая российская энциклопедия. Т. 20. М.: БРЭ. С. 732–733.
Монгайт А. Л., 1947. Салтыковские курганы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во АН СССР. С. 82–87. (МИА; № 7.)
Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР. 228 с.
Монгайт А. Л., 1959. Абу Хамид Ал-Гарнати и его путешествия в русские земли 1150–1153 гг. // История СССР. № 1. С. 169–181.
Монгайт А. Л., 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука. 355 с.
Монгайт А. Л., 1973. Страна в миниатюре // Наука и жизнь. № 5. С. 97–101.
Монгайт А. Л., 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука. 407 с.
Строков А. А., 1940. Новгородский Софийский собор XI века. Новгород: АН СССР, Новгор. секция Ин-та истории. 14 с.
Филиппова Л. А., 2009. Монгайт Александр Львович // Великий Новгород: энциклопедический словарь / Отв. ред. В. Л. Янин. СПб.: Нестор-История. С. 328.
Формозов А. А., 1975. Александр Львович Монгайт // СА. № 2. С. 318.
Формозов А. А., 1976. Памяти А. Л. Монгайта // КСИА. Вып. 146. С. 110–118.
Чернецов А. В., 2005. Историко-художественное изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 7–33.
Чернецов А. В., 2019. А. Л. Монгайт (1915–1974) // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 272–275.

Сведения об авторах

Кудрявцев Андрей Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292, e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru;

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292, e-mail: volodinsaimon@gmail.com;

Кочкаров Умар Юсуфович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: umar_k@mail.ru;

Селезнева Светлана Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: lazarevasv@yandex.ru

A. A. Kudryavtsev, S. A. Volodin, U. Yu. Kochkarov, S. V. Selezneva

OVERVIEW OF A.L. MONGAYT'S PAPERS IN THE SCIENTIFIC ARCHIVES OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Abstract. The paper provides an overview of personal papers of A. L. Mongayt, an outstanding Soviet archaeologist (preserved in Scientific Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, F-14). The materials can be divided into several

parts, including extensive field documentation; working documents related to scientific life of the scholar, preparation of papers and monographs; papers related to his public and official life; biographical data and a large set of incoming and outgoing letters. Today, these personal papers are not only the main source of exploring A. L. Mongayt's scientific career but also an important data source for research on Medieval Russia architecture, medieval fortifications and archaeological sites in the Ryazan land.

Keywords: A. L. Mongayt, Staraya Ryazan, Novgorod, Medieval Russia architecture, theory of archaeology, history of archaeology, personal papers, archives.

REFERENCES

Chernetsov A. V., 2005. Istoriko-khudozhestvennoye izucheniye Ryazanskoy zemli: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [Historical artistic study of Ryazan land: present state and perspectives]. *Velikoye knyazhestvo Ryazanskoye: istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya i materialy [Great principality of Ryazan: historical-archaeological investigations and materials]*. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 7–33.

Chernetsov A. V., 2019. A. L. Mongayt (1915–1974) [A. L. Mongayt (1915–1974)]. *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii [Institute of archaeology, RAS: 100 years of history]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 272–275.

Darkevich V. P., 2000. Mongayt Aleksandr L'vovich [Mongayt Aleksandr L'vovich]. *Institut arkheologii RAN. Istoriya i sovremennost' [Institute of archaeology, RAS. History and modernity]*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 169–171.

Filippova L. A., 2009. Mongayt Aleksandr L'vovich [Mongayt Aleksandr L'vovich]. *Velikiy Novgorod: entsiklopedicheskiy slovar' [Velikiy Novgorod: encyclopedic dictionary]*. V. L. Yanin, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, p. 328.

Formozov A. A., 1975. Aleksandr L'vovich Mongayt [Aleksandr L'vovich Mongayt]. *SA*, 2, p. 318.

Formozov A. A., 1976. Pamyati A. L. Mongayta [In memory of A.L. Mongayt]. *KSIA*, 146, pp. 110–118.

Klein L. S., 1993. Fenomen sovetskoy arkheologii [Phenomenon of Soviet archaeology]. St. Petersburg: Farn. 128 p.

Klein L. S., 2014. Iz marksistskikh ortodoksov v «shestidesyatniki». A. L. Mongayt [From Marxist orthodoxes to the «sixties». A. L. Mongayt]. *Klein L. S. Istoriya rossiyskoy arkheologii. Ucheniya, shkoly i lichnosti [History of Russian archaeology. Teachings, schools and personalities], 2. Arkheologi sovetskoy epokhi [Archaeologists of Soviet epoch]*. St. Petersburg: Evraziya, pp. 503–510.

Krasnorech'yev L. E., 2014. Narodnoye derevyannoye zodchestvo Novgorodchiny. Vitoslavlitsy [Popular wooden architecture of Novgorod land. Vitoslavitsy]. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"yedinennyy muzey-zapovednik. 314 p.

Kuz'minykh S. V., 2012. Mongayt [Mongayt]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian encyclopedia]*, 20. Moscow: BRE, pp. 732–733.

Mongayt A. L., 1947. Saltykovskiye kurgany [Saltykovka kurgans]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and investigations on archaeology of Moscow]*, I. A. V. Artsikhovskiy, ed. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 82–87. (MIA, 7.)

Mongayt A. L., 1955. Staraya Ryazan' [Staraya Ryazan']. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 228 p.

Mongayt A. L., 1959. Abu Khamid Al-Garnati i ego puteshestviya v russkiye zemli 1150–1153 gg. [Abu Hamid Al-Garnati and his voyage to Russian lands, 1150–1153]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, 1, pp. 169–181.

Mongayt A. L., 1973. Arkheologiya Zapadnoy Evropy. Kamennyy vek [Archaeology of Western Europe. Stone Age]. Moscow: Nauka. 355 p.

Mongayt A. L., 1973. Strana v miniatyure [Country in miniature]. *Nauka i zhizn' [Science and life]*, 5, pp. 97–101.

Mongayt A. L., 1974. Arkheologiya Zapadnoy Evropy. Bronzovyy i zheleznyy veka [Archaeology of Western Europe. Bronze and Iron Ages]. Moscow: Nauka. 407 p.

Strokov A. A., 1940. Novgorodskiy Sofiyskiy sobor XI veka [St. Sophia XI century cathedral of Novgorod]. Novgorod: AN SSSR, Novgorodskaya sektsiya Instituta istorii. 14 p.

About the authors

Kudryavtsev Andrej A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru;

Volodin Semyon A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com;

Kochkarov Umar Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: umar_k@mail.ru;

Selezneva Svetlana V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lazarevasv@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БРЭ – Большая российская энциклопедия
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
ПА – Поволжская археология. Казань
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад

AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
AVSZ – Arkheologiya Vladimiro-Suzdalskoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land].
BAR – British Archaeological Reports
BRE – Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]
GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
MAE RAN – Muzey antropologii i etnografii RAN im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstkammer); St. Petersburg
MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir
NAV – Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]. Volgograd
PA – Povolzhskaya Arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]. Kazan'
PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. Magnitogorsk
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SE – Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad

ОТ РЕДАКЦИИ

Журнал «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.
2. Рукопись подается в электронном формате (Microsoft Word).
3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из:
   а) основного текста,
   б) списка литературы (см. п. 10),
   в) списка подрисуночных подписей,
   г) резюме и ключевых слов (см. п. 11),
   д) списка сокращений,
   е) таблиц (см. п. 8),
   ж) иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7),
   з) сведений об авторе (авторах; см п. 12).

Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. Допускается увеличение количества иллюстраций, компенсированное уменьшением объема текста. В объем рукописи включается все составные части статьи, перечисленные в п. 3 (а-е). Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б…).
5. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).
6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте следует сопровождать необходимыми пояснениями.
7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике.

Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны иметь тематический заголовок и номер в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений.

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2…

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей

Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии – диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора книги, а после места издания – издательство. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита.

Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Седов В. В., 1979б. …

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Чернов С. З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4. Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // Antiquity. Vol. 53. P. 6–22.

Semav S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan Acheulian Transition: Is there a “Developed Oldowan” Artifact Tradition? // Sourcebook of Palaeolithic Transitions:

Methods, Theories, and Interpretations / Eds.: M. Camps, P. Chaukhan. Berlin: Springer Verlag. P. 173–193.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Седов*, 1979. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте (Hrd. IV, 119) и в список литературы не включаются.

11. К статье прилагается список ключевых слов (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Текст резюме должен быть структурирован следующим образом: постановка проблемы, цель и задача статьи, применяемые методы, результаты, выводы. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (Abstract) и ключевых слов (Keywords).

12. К статье прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса и полного названия учреждения — места работы, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 261

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки – петроглиф из Северо-Западной Монголии
(к статье Е. А. Миклашевича)

Редакторы: Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 04.12.2020. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 34,83. Тираж 250. Заказ №

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru